К 110-летию

А.А. ГРОМЫКО

«Война между государствами – великое зло»

Издательство «Весь Мир»

К 110-летию
со дня рождения
Андрея Андреевича
ГРОМЫКО

ФЕДЕРАЛЬНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

АССОЦИАЦИЯ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИМЕНИ А.А. ГРОМЫКО

«Война между государствами – великое зло»

К 110-летию
А.А. ГРОМЫКО

Москва
Издательство «Весь Мир»
2019

УДК 929
ББК 66.3(2Рос)8
В 65

Фото на обложке:

А.А. Громыко на трибуне 37-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 1982 г. В своем выступлении министр иностранных дел СССР заявил, что Советский Союз никогда не применит ядерное оружие первым

В 65 **«Война между государствами – великое зло».** К 110-летию А.А. Громыко / Институт Европы РАН, Ассоц. внешнеполит. исслед. им. А.А. Громыко; [Общая редакция Ал.А. Громыко]. М.: Издательство «Весь Мир»; ИЕ РАН, 2019. – 490 с., ил.

ISBN 978-5-7777-0792-5 («Весь Мир»)
ISBN 978-5-98163-139-9 (ИЕ РАН)

В книгу, посвященную 110-летию со дня рождения выдающегося советского дипломата и государственного деятеля Андрея Андреевича Громыко, вошли как новые, так и уже публиковавшиеся в разные годы материалы, воспоминания и научные статьи. В настоящее издание включены архивные документы, связанные с важнейшими событиями в дипломатической жизни А.А. Громыко, библиография его собственных работ. Издание содержит около ста фотографий, в том числе редких и ранее не публиковавшихся.

Книга предназначена для дипломатов, исследователей, преподавателей и студентов, изучающих историю внешней политики, а также для широкого круга читателей, интересующихся международными отношениями.

УДК 929
ББК 66.3(2Рос)8

Отпечатано в России

ISBN 978-5-7777-0792-5 («Весь Мир»)
ISBN 978-5-98163-139-9 (ИЕ РАН)

© Ал.А. Громыко – составление, 2019
© Оформление, издательство «Весь Мир», 2019

Содержание

Лавров С.В. Обращение к читателям 7
Громыко Ал.А. Вместо введения.
«Война между государствами – великое зло» 8

Последнее интервью Андрея Андреевича Громыко 13

Акопов П.С. Мои встречи и беседы с А.А. Громыко 37
Ахтамзян А.А. Выдающийся дипломат и ученый 43
Беннет Джил. Андрей Громыко как мастер ведения переговоров:
взгляд из Форин-офиса 53
Бессмертных А.А. Тень Мастера 58
Громогласова Е.С. Андрей Андреевич Громыко в зеркале
«Нью-Йорк Таймс» 73
Громыко Ал.А. Дипломатия позитивного действия 84
Громыко Ан.А. Венец дипломатии Андрея Громыко
(К истории советско-американских отношений) 103
Добрынин А.Ф. А.А. Громыко и советско-американские отношения 114
Дробинин А.Ю. Наследие А.А. Громыко и формирование
нового мирового порядка 123
Дубинин Ю.В. Громыко – фигура уникальная 126
Зайцев А.С. А.А. Громыко о Хо Ши Мине и провале американской
авантюры во Вьетнаме 140
Иванов И.С. Знаковый политик XX века 143
Казимиров В.Н. Страны Латинской Америки в поле зрения
А.А. Громыко 149
Капченко Н.И. А.А. Громыко – главный редактор журнала
«Международная жизнь» 160
Квицинский Ю.А. О политике, человеке и части нашей истории 171
Крылов С.Б. В секретариате А.А. Громыко 185

Кутовой Е.Г. «Легкой дороги история нам не дала» 197
Мезга Н.Н. Вступление Белорусской ССР в ООН и дипломатическая деятельность А.А. Громыко 205
Моисеев Л.П. Япония и Китай – приоритеты на Дальнем Востоке 217
Нелидов В.В. Визит А.А. Громыко в Японию в июле 1966 г.: содержание, итоги и значение 225
Носов В.Н. Об истории одного имянаречения 232
Павленко О.В. Перелом: А.А. Громыко в первый год перестройки 237
Павлов Н.В. Архитектор Московского договора 256
Палажченко П.Р. Громыко в памяти и в документах 268
Печатнов В.О. Посол А.А. Громыко о политической борьбе в США в конце Второй мировой войны (По новым документам из Архива внешней политики МИД РФ) 272
Попов В.И. А.А. Громыко – дипломат и ученый 289
Портной М.А. Размышления над книгой «Экспансия доллара» 299
Пядышев Б.Д. В дипломатии XX века равных ему не было 304
Синдеев А.А. «Дипломатические университеты» Андрея Андреевича Громыко 332
Снапковский В.Е. А.А. Громыко и внешнеполитическая деятельность союзных республик 375
Средин В.Д. Громыко не допускал политиканства и дилетантства в дипломатии 388
Суходрев В.М. Аплодисменты от друзей и от недругов 397
Тимербаев Р.М. Громыко и борьба за разоружение 404
Тихвинский С.Л. Дипломат и ученый 414
Хирдман Свен. Андрей Громыко и Швеция 421
Хлестов О.Н. А.А. Громыко и международное право 426
Шадурский В.Г. Беларусь в жизни и деятельности Андрея Андреевича Громыко 430
Шустов В.В. Дипломатическая школа Громыко 439

Громыко Андрей Андреевич. Библиографический указатель 454

Документы 469

Обращение к читателям

Дорогие друзья,

Вашему вниманию предлагается книга к 110-летию со дня рождения А.А. Громыко. Издание уникальное, поскольку в него включены воспоминания тех коллег и старших товарищей, кто непосредственно трудился с Андреем Андреевичем и мог воочию оценить весь масштаб личности этого выдающегося государственного деятеля, видного представителя мировой дипломатии XX века.

В многовековой летописи отечественной внешнеполитической службы немало славных имен. Особое место в этом ряду по праву занимает Андрей Андреевич Громыко. Достаточно отметить, что он принимал самое активное участие в формировании послевоенной архитектуры мироустройства, включая создание Организации Объединенных Наций, почти три десятилетия бессменно стоял у руля дипломатического ведомства страны.

Умело защищая интересы Родины, А.А. Громыко, несмотря на непростые условия холодной войны, многое делал для укрепления международной безопасности и стратегической стабильности, поддержания и развития советско-американского диалога, продвижения общеевропейского процесса. Высочайшее дипломатическое мастерство, профессионализм, принципиальность А.А. Громыко снискали уважение зарубежных коллег, включая тех, кто не во всем разделял его взгляды.

Убежден, что сборник станет достойным вкладом в сохранение памяти об Андрее Андреевиче и вызовет большой интерес как у историков-международников, так и у широкого круга читателей.

С. ЛАВРОВ

Громыко Ал.А.

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

«Война между государствами — великое зло»

Рассказывая об Андрее Андреевиче Громыко, министре иностранных дел СССР с 1957 по 1985 г., обычно обращаются к той части его биографии, которая началась в 1939 г., когда он поступил на работу в Народный комиссариат иностранных дел. Действительно, то была яркая и стремительная карьера молодого человека, который в 1934 г., в возрасте 25 лет, впервые в своей жизни оказался в Москве, куда с семьей переехал из Минска. Уже через пять лет он направляется в советское посольство в Вашингтоне в ранге советника. И спустя неполные четыре года, в 1943 г., становится послом СССР в США, заменив на этом посту М.М. Литвинова. По существу, он оказался в одном из главных нервных узлов мировой политики, где, наравне с Москвой и Лондоном, принимались судьбоносные решения, касавшиеся ведения войны, открытия Второго фронта, создания Организации Объединенных Наций, послевоенного мироустройства.

Приезд Громыко в американскую столицу произошел в ноябре 1939 г., т.е. уже после начала Второй мировой, но задолго до окончания «странной войны» в мае 1940 г. и за полтора года до того, как разразилась Великая Отечественная. Эти эпохальные события меняли судьбы сотен миллионов людей, заставляли их мобилизовать все свои внутренние ресурсы, чтобы выжить в нещадном водовороте событий. Работа А.А. Громыко в США в экстремально напряженных условиях, под надзором одного из самых могущественных людей того времени – И.В. Сталина и в теснейшем контакте с другим – Ф.Д. Рузвельтом, выявила его исключительные способности и качества. Он же, в свою очередь, получив уникальный опыт в выпавших на его долю обстоятельствах, обрел знания и закалку, предопределившие его дальнейшие достижения в дипломатии.

Хотелось бы отметить одну особенность первой половины жизни А.А. Громыко, которая до сих пор мало оценивалась. Действительно, он «отдал Отчизне полвека», как начертано на памятнике Андрея Андреевича на Новодевичьем кладбище, имея в виду период с 1939 г. до 1988 г., т.е. до выхода на пенсию

Громыко Алексей Анатольевич – член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН, председатель Ассоциации внешнеполитических исследований им. А.А. Громыко.

с поста председателя Президиума Верховного Совета СССР. С одной стороны, человек проработал эти 50 лет в сердцевине Советского государства, но одновременно долгое время не был системным его представителем.

Имеется в виду следующее. До 1939 г. Громыко не помышлял о государственной службе, был молодым талантливым ученым, работал в Институте экономики Академии наук СССР, в котором в 1936 г. защитил кандидатскую диссертацию по экономике. Поступив на работу в НКИД, он в тот же год уехал в Соединенные Штаты, где оставался, за исключением многочисленных, но краткосрочных командировок, до 1948 г. Затем в 1952–1953 гг. служил послом в Лондоне. Другими словами, Андрей Андреевич, став дипломатом, в общей сложности прожил в Москве до смерти Сталина считаные годы, а всё остальное время продвигал государственные интересы за рубежом. В результате атмосфера, царившая в столице в органах власти, драматические переплетения человеческих отношений и судеб затрагивали его в основном косвенно. Несмотря на молодость и пристальное отношение к себе сурового руководства страны, он уже тогда проявил завидные черты своего характера. Так, документы демонстрируют, что Громыко в ответ на критические послания в свой адрес А.Я. Вышинского или В.М. Молотова, когда он считал критику несправедливой, прямо и не боясь отстаивал свое мнение.

Став министром иностранных дел в 1957 г. и особенно после избрания первым секретарем ЦК КПСС Л.И. Брежнева в 1964 г., Громыко сделал многое, чтобы оградить советскую дипломатию от чрезмерного влияния идеологии, делал упор в работе с иностранными партнерами на реализм, прагматизм и выработку взаимоприемлемых компромиссов. С максимальной силой это проявилось с 1973 г., когда он стал членом Политбюро. По большому кругу вопросов, в первую очередь относящихся к капиталистическим странам, Громыко в меру сил минимизировал влияние на внешнюю политику аппарата ЦК.

И всё же, вступив на путь государственной службы только в 1939 г., он к тому времени уже был взрослым и сложившимся 30-летним человеком, много повидавшим. Ответственность он нес и за свою семью: в московскую аспирантуру из Минска он перебрался в 1934 г. вместе с Лидией Дмитриевной, моей бабушкой, и сыном Анатолием, моим отцом. Через четыре года родилась дочь Эмилия, моя тетя. Но как до этого формировался его внутренний мир, интересы и пристрастия? Какие ценности и представления впитал он с детства? Тем более что Громыко обладал удивительной памятью и яркие воспоминания о первых годах своей жизни, отрочестве и юности всегда сопровождали его.

Два слова о его памяти. Об этом много рассказано членами семьи и теми, кто работал с ним. Сам он свое отношение к этому феномену излагал с помощью следующего примера из истории Древней Греции. Философ Демокрит прожил более 100 лет. На закате дней он вдруг лишил себя зрения. – Зачем ты это сделал? – спросили его. Мудрец ответил: – Чтобы лучше видеть.

Один из эпизодов на эту тему из жизни самого Андрея Андреевича. В далеком детстве на него большое впечатление произвела книга «Живописная

астрономия» французского ученого Камила Фламмариона. В издании, которое он ребенком раздобыл, под первым рисунком стояла подпись: «Земля наша несется на крыльях времени, стремясь к неведомой цели...». С тех пор и до начала 1980-х гг. эта работа ему больше не встречалась. Через 65 лет, на его запрос, сотрудники Ленинской библиотеки поинтересовались, а какое именно издание этого произведения он ищет. Громыко по памяти воспроизвел приведенную фразу, и книгу нашли.

Чтение и любовь к нему сыграли в жизни Андрея Андреевича огромную роль. Чтобы достать интересующие его книги, для него было обычным делом преодолеть расстояние и в 30, и в 40 километров. За книгами он ходил в соседние деревни, села, в центр волости. По его словам, он «глотал книги». Это были, например, произведение немецкого ученого Вильгельма Бёльше «Любовь к природе», работы историка М.Н. Покровского, рассказы о путешествиях Джеймса Кука, произведения Пушкина, Гончарова, Тургенева, Гоголя. Громыко вспоминал, что мог цитировать отдельные страницы книг.

Особое впечатление произвели на него «Одиссея» в переводе Жуковского и «Илиада» в переводе Гнедича. Гомер помог ему полюбить живопись. Так, одной из любимых его картин стало полотно Жака Давида «Прощание Гектора и Андромахи», которое находится в Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина в Москве. Он считал эту картину воплощением силы любви и силы мужества. Многим позже настольной книгой в жизни Андрея Андреевича станет «Фауст» Гёте. Помню это хорошо сам. Как-то в первой половине 1980-х гг., когда я вместе с дедом отдыхал в Крыму, зашел к нему в пляжный домик. Там на столе лежал «Фауст». Я полюбопытствовал и раскрыл книгу: внутри она была полна пометками. Кстати, «Фауст» сподвиг самого Громыко на занятие стихосложением, пусть и не надолго. Этот секрет он впервые поведал читателю в своей книге воспоминаний «Памятное».

Но откуда такая тяга к чтению? Уверен, что дело было во влиянии староверческой среды, в которой прошло его детство, а в родной деревне Старые Громыки он прожил без малого первые 15 лет своей жизни. Ближайшим районным центром был городок Ветка. Он и стал после раскола русской православной церкви в середине XVII века одним из крупных поселений тех верующих, кто не принял реформы патриарха Никона. Гонения на Ветку происходили и при императрице Анне Иоанновне, и при Екатерине II. Именно в Ветке Емельян Пугачёв был наречен Петром III.

Чтение было своего рода культом у староверов помимо этики труда и равнодушия к алкоголю. Люди также бережно относились к своей устной речи. Андрей Андреевич вспоминал о своем деде Матвее: «Человек от природы сдержанный, он обладал глубоким внутренним тактом. Не могу вспомнить, чтобы когда-нибудь он по-настоящему выругался». Таким стал и сам Громыко. Нет ни одного воспоминания о нем, в котором кто-то вспомнил об услышанном от него крепком слове. То, что реально считалось выволочкой от Громыко, это такие ругательства, как «странный вы человек», «шляпа» или «тюфяк». Не удивительно, что Ветка была знаменита своими книгарями – так

называли в тех краях создателей книг. Хорошо читать и писать умели и отец деда Андрей Матвеевич, и Ольга Евгеньевна, его мать. В деревне ее так и называли: «тетя Оля-профессор».

Что касается нелегкого физического труда, то Андрей Андреевич приобщался к нему в возрасте 7–8 лет. Трудился в основном в поле вместе с отцом и матерью. В конце жизни он поблагодарит те сложные обстоятельства детства, которые формировали его характер. Староверами и их судьбой он будет интересоваться всю жизнь. Вспоминаю, как в середине 1980-х гг. дед с большим увлечением читал статьи в советской печати и делился с членами семьи своими впечатлениями о жизни староверов, поселения которых были тогда обнаружены в глухих таежных лесах.

Два слова о фамилии Громыко[1]. В среде, в которой жил Андрей Андреевич, она почти не употреблялась, ведь ее носили все жители деревни. И не только в Старых Громыках, но и в Новых, а также в селе Потёсы. Называли же семьи по прозвищам, чтобы различать друг друга. У семьи деда прозвище было Бурмаковы. А фамилия произошла от фамилии воеводы Громыко. Кто воевал под его командованием, тот и брал эту фамилию – распространённая практика старопамятных времён.

Так на обоих берегах реки Беседь и образовались две деревни – Старые и Новые Громыки. Дед родился и жил в первой. То были места, где русская и белорусская речь были перемешаны. Жители тех мест принадлежали к славянам-радимичам. В «Памятном» он вспоминает об известном белорусском танце с песней «Лявониха» и приводит ее начало именно на белорусском языке: «А Лявоніху Лявон палюбіу, Лявонісе чаравічкі купіу». Уже в другую эпоху под началом Богдана Хмельницкого служил полковник Михайло Громыко. Гетман направил Михайло в Корсунь для привлечения на свою сторону новых людей. Там в 1649 г. полковник и погиб. Его сын Василий Громыко позже ездил посланцем Богдана Хмельницкого в Москву.

С детства другой страстью Андрея Андреевича была история. Важно, что для него она всегда была историей живой, которую он постоянно примерял на себе и на своем времени. В «Памятное» он рассказывает о своем посещении знаменитой деревушки Лесная между Могилевым и Славгородом. Там в 1708 г. Меньшиков разбил резервную армию Карла XII. Дед описывает и огромный интерес, с которым он и его сверстники пытались разгадать тайну древних курганов на околицах Старых Громык.

Своей малой родиной Андрей Андреевич называл «поселения, леса, луга, поля, которые раскинулись между верховьями Днепра и Десны, в бассейне Сожа, у речки Беседь. Он писал: «Всё, что окружало Старые Громыки, я обожал...». Другая цитата: «Первое сильное чувство, пробудившееся во мне, – чувство любви к родным местам, к дому, в котором родился». А то был дом на окраине деревни из двух комнат, в каждой из которых жило по одной семье.

В воспоминаниях Громыко большая роль отводилась Гомелю, он называл его «городом моего детства» и считал на основе новых археологических от-

[1] В белорусском языке фамилия Громыко пишется через «а».

крытий, что он возник не в 1142 г. согласно летописи как Гомий, а намного раньше, в IX–X вв. Среди прочего Гомель запомнился ему спичечной фабрикой «Везувий», которая произвела на него в детстве большое впечатление. Много лет спустя, в 1939 г., образ этой фабрики вернется к Громыко, когда вместе с К.А. Уманским, в то время советским послом в США, он на итальянском корабле «Рекс» будет переплывать Атлантику из Генуи с заходом в порт Неаполя и посещением Помпеи.

С детства Андрей Андреевич возненавидел войну, что ярко отразилось на всей его государственной деятельности. Тяжелыми ранними воспоминаниями Громыко стали бесчинства немцев на Гомельщине в 1918 г. Его дед Матвей чудом не был убит, когда пытался помешать немцам угнать с их двора единственную корову. После этого дети в семье своего молока больше не пили. Позже Громыко вспоминал: «Уже тогда в моем сознании запала мысль, что война между государствами – великое зло...». Его отец, Андрей Матвеевич, воевал дважды – в Русско-японскую войну и в Первую мировую в одной из армий Юго-Западного фронта под командованием генерала Брусилова, где был ранен. Умер он в 1933 г. в возрасте 57 лет. Мать Ольга Евгеньевна в 1941 г. оказалась на оккупированной территории, позже была вывезена и скончалась в Москве в 1948 г. Мой дед смог вернуться в советскую столицу из США за две недели до ее смерти; мать и сын успели увидеть друг друга.

В Великую Отечественную войну погибли два младших брата Андрея Громыко – Фёдор и Алексей. В честь последнего был назван автор этой статьи. Были убиты двое братьев отца Андрея Андреевича. У его жены Лидии Дмитриевны, моей бабушки, погиб единственный брат Аркадий. Не могу в связи с этим не вспомнить о том, что в 1944 г. немцы при отступлении из Белоруссии расстреляли прабабушку моей жены Виктории, когда грабили село под Слуцком. Причем сделали это на глазах у ее детей.

Вся последующая деятельность А.А. Громыко на государственных постах зиждилась на двух постулатах: не допустить ничего, что предало бы память колоссального количества жертв советского народа, и сделать всё, чтобы предотвратить новую большую войну. Отсюда и его знаменитая максима: «Лучше десять лет переговоров, чем один день войны».

Впечатления и воспоминания о детстве и юности, пережитые тогда эмоции, как и интеллектуальное становление, пример старших членов семьи, традиции и нравы жителей тех мест стали фундаментом жизни Андрея Андреевича Громыко, сформировали его как личность, человека принципов, железной внутренней дисциплины, высоких идеалов и здравого смысла.

Последнее интервью Андрея Андреевича Громыко

30 июля 1989 г. в № 30 журнала «Огонек» было опубликовано последнее интервью Андрея Андреевича Громыко, которое он дал главному редактору журнала В.А. Коротичу. Интервью также снимали Гостелерадио СССР и британская компания «Сентрал ТВ» для использования в англо-американо-японском фильме «Ядерный век». Недавняя расшифровка интервью на основе его оригинальной видеозаписи из архива семьи А.А. Громыко показала, что большая часть ответов не вошла в текст интерваью, опубликованный журналом «Огонек». Здесь публикуется полный текст последнего интервью Андрея Андреевича Громыко.

Ал.А. Громыко

В.А. Коротич: Андрей Андреевич, понял ли Сталин в Потсдаме значение сказанного Трумэном о том, что Соединенные Штаты создали ядерное оружие, атомную бомбу?

А.А. Громыко: Я очень хорошо помню этот момент, случилось это на восьмой день Потсдамской конференции. Сразу же после окончания пленарного заседания Трумэн встал со своего места и подошел к Сталину. Он тоже встал со своего места, собираясь выходить из зала, рядом с ним был переводчик нашей делегации Павлов. Вблизи стоял и я с некоторыми другими участниками заседания. Трумэн обратился к Павлову: «Переведите, пожалуйста». Сталин остановился и повернулся к Трумэну. Я заметил, что в нескольких шагах от Трумэна приостановился Черчилль. «Я хотел бы сделать конфиденциальное сообщение, – сказал Трумэн. – Соединенные Штаты создали новое оружие большой разрушительной силы». Он понял, о каком оружии идет речь, и сказал: «Благодарю за информацию». Трумэн постоял, вероятно, ожидая еще какой-нибудь ответной реакции, но ее не последовало. Сталин спокойно вышел из зала, и на лице Трумэна было написано как бы недоумение. Он повернулся и тоже пошел, но в другую сторону от Сталина, в те двери, за которыми находились рабочие помещения американской делегации.

Запомнилось это событие чисто визуально. Но, как выяснилось впоследствии, и до него, и после происходило немало такого, что с ним связано непосредственно. Доказано, что Трумэн специально попросил перенести встречу в Потсдаме на более поздние сроки, для того чтобы испытания ядерного оружия уже прошли и чтобы Соединенные Штаты на совещании «Большой тройки» имели возможность говорить с позиции силы. Трумэн отплыл из Америки в Европу на борту крейсера «Августа», и пока корабль шел через Атлантику, президент регулярно получал шифровки из штата Нью-Мексико.

Именно там, в этом штате, в обстановке глубочайшей секретности готовилось испытание ядерной бомбы. Телеграмма, которую он ждал больше всего, пришла 18 июля, на следующий день после открытия Потсдамской конференции. В депеше сообщалось о результатах испытаний новой бомбы. Трумэн получил сообщение утром, а днем уже советовался с Черчиллем, как лучше всего поставить об этом в известность Сталина. Как видите, действовали оперативно. У Трумэна созревали планы – оказать давление с помощью новой бомбы на советского партнера по антигитлеровской коалиции. Его взгляды разделял Черчилль, потому и размышляли они, быстро найдя общий язык, как лучше воздействовать на Сталина, сообщив о новом оружии.

Обстановка в те дни была непростой, продолжалась война с Японией. Советский Союз еще на конференции в Ялте взял на себя обязательство вступить в войну с Японией не позднее чем через 3 месяца после окончания войны с Германией, тем самым выполнить свой союзнический долг и ускорить окончание Второй мировой войны. Тут я должен сказать, что ранее на Тегеранской конференции наши союзники всячески подталкивали Советский Союз на то, чтобы он поскорее начал военные действия против Японии. Сталин отвечал на это: «Да, Советский Союз готов будет начать военные действия против Японии, но прежде Германия должна быть повергнута».

Обсуждались разные варианты, как передать информацию об испытаниях советской стороне. Было решено сказать об этом оружии Сталину как бы между прочим, невзначай. Причем в разговоре со Сталиным не вдаваться ни в какие детали, но сделать это следует после того, как придет подробный отчет об испытаниях бомбы. На этом и договорились Трумэн с Черчиллем. Подробный отчет об испытаниях ядерного оружия пришел 21 июля, но президент США терпеливо выждал еще 3 дня, у него были свои внутренние расчеты. С 21 июля он стал более активно выступать, вступать в споры со Сталиным, чаще возражать ему по тем вопросам, которые до этого не вызывали особых сомнений, это бросалось в глаза.

Не зная в действительности, что произошло, что придало его заявлениям такой характер, некоторые из наших товарищей полушутя высказывались так, я к ним принадлежал тоже: он впервые встречается со Сталиным, сначала был более осторожен, а теперь показывает характер. Но правда выплыла наружу 24 июля, в разговоре Трумэна со Сталиным, с которого я начал рассказ. Впоследствии, когда Трумэн и Черчилль обсуждали этот эпизод, они пришли к выводу, что Сталин, скорее всего, не придал значения сообщению об испытаниях, так они решили.

На самом деле все получилось как раз наоборот, он решил переговорить с ученым Курчатовым, это был всемирно известный ученый, большого авторитета, об ускорении нашей работы. И переговорил с ним. Курчатов принял это как руководство к действию. Вскоре после этого было испытано и первое советское ядерное оружие, которое никогда не применялось против людей. Это хорошо известно, история это записала в своих мемуарах. Таким образом, Сталин прекрасно понял намек Трумэна в Потсдаме.

В.К.: Андрей Андреевич, американцы бомбу взорвали над людьми, над Хиросимой. В тот момент советское руководство ощутило это как угрозу себе или приветствовало такой взрыв?

А.Г.: Факт ядерных бомбардировок Японии вызвал осуждение и в советском руководстве, и в целом у советского народа. Это я должен вновь подчеркнуть решительно. После окончания Потсдамской конференции я вместе с советской делегацией возвратился в Москву, это было в начале августа 1945 г. Вот тогда-то и пришли сообщения о ядерных бомбардировках Хиросимы и Нагасаки. Если кто-то в настоящее время оценивает события тех дней иначе, то это просто искажение фактов. Советский Союз не только не приветствовал ядерные бомбардировки японских городов, но расценивал эти факты как преступление, я повторяю эти слова – как преступление.

С военной точки зрения не было никакой необходимости применять это новое оружие. Советская армия в то время уже практически разгромила Квантунскую армию, и тем самым СССР внес решающую победу над Японией. Милитаристская Япония уже была близка к тому, чтобы окончательно капитулировать, близка. Объективные люди в США тоже придерживаются такой точки зрения. Так что и в то время у Советского Союза по отношению к ядерному оружию совесть была чиста. Еще не обладая этим оружием, он понимал, что это оружие не должно применяться в войне. Всем известно, что Советский Союз руководствуется этим принципом и сегодня.

И закончить ответ на этот вопрос хотел бы ссылкой на слова М.С. Горбачева, который в своем выступлении в ООН 7 декабря 1988 г. точно охарактеризовал появление ядерного оружия, которое лишь трагическим образом подчеркнуло фундаментальный характер изменений, которые происходят в мире. Далее он сказал, мне очень нравятся эти сильные слова: «Как материальный символ, носитель абсолютной военной силы, оно одновременно обнажило и абсолютные пределы этой силы». Сказано точно и сильно, об этом никогда не надо забывать.

В.К.: Это верно. Сегодня многие историки на Западе, политологи возвращаются к целому ряду плановых предложений, сделанных тогда, в частности, вспоминается так называемый план Баруха. Возражения советского правительства, которые были против этого плана, каковы они, какие были возражения?

А.Г.: Это дела давно минувших дней. Барух – это американский мультимиллионер, который был видным экономистом и государственным деятелем. Когда президентом стал Трумэн, он назначил этого финансиста представителем Соединенных Штатов в комиссии ООН по атомной энергии, такая была создана комиссия. Барух вполне отвечал новому послевоенному курсу американской администрации. Вот там, в этой комиссии, мы с ним и встретились, я к тому времени уже был заместителем министра иностранных дел СССР,

постоянным представителем СССР при ООН. Меня назначили в этой комиссии представителем Советского Союза. Там мы с ним и защищали интересы своих стран, пытаясь найти сближение позиций. Правда, ему было 77, а мне 37, но это никакого значения не имело. Дипломат в любом возрасте должен уметь быть бойцом, выступать в пользу своего народа, а Барух, как дипломат, орешек был твердый. Тем более что и назначение в комиссию оказалось последним в его жизни официальным постом. В скором времени он вышел в отставку, умер он в возрасте 95 лет.

Так вот, 14 июня 1946 г. Барух внес в комиссию ООН по атомной энергии план, который сразу же получил его имя, как обычно говорили – план Баруха. Как выяснилось впоследствии, Барух, конечно, принимал участие в его разработке своими советами, но весь план сделала специальная комиссия Госдепартамента США под руководством Дина Ачесона, будущего государственного секретаря США. Кстати, эта же комиссия во главе с Ачесоном разрабатывала не только план Баруха, но и доктрину Трумэна, и план Маршалла, и материалы по созданию НАТО. Иными словами, весь пакет американских документов, инициативы, которые способствовали развязыванию и осуществлению холодной войны.

План Баруха, если говорить о нем коротко, был рассчитан на сохранение монополии США на ядерное оружие. Многие недопонимали в то время сути этого плана, но именно так обстояло дело. Это было на первоначальном этапе, когда ядерное оружие только появилось, когда Советский Союз еще не проводил своих ядерных испытаний, но уже наша страна стояла за то, чтобы оно никогда не применялось и никогда не бралось на вооружение. Мы выступали за то, чтобы оно было запрещено навечно путем строгих международных соглашений, мы были за заключение такого рода соглашений.

Администрация США сделала упор на то, что Соединенные Штаты, дескать, тоже имеют благородные намерения. Ядерное оружие не должно применяться, поэтому, они утверждали, необходимо создать специальный международный орган, который будет контролировать использование ядерной энергии. На запрос Советского Союза – как мыслится решение вопросов в этом органе? – ответ последовал такой: они будут решаться большинством голосов государств, входящих в состав этого органа, я повторяю, большинством голосов. Сразу же стало ясно, что вся концепция была рассчитана на то, чтобы решения принимались в угоду Вашингтону, поскольку США в тогда созданных международных организациях имели механическое большинство голосов, надо признать. А Советский Союз в этих условиях был бы лишен возможности защищать свои интересы.

В.К.: Андрей Андреевич, но чем существенно отличался план Советского Союза по этому же вопросу, у нас был свой план?

А.Г.: В отличие от США Советский Союз требовал у комиссии полного запрещения производства и применения ядерного оружия. В течение только

двух лет – 1946–1947 гг. – мы внесли предложения, направленные на заключение ряда международных соглашений. Я не буду их перечислять, много таких предложений было, цель состояла в том, чтобы запретить производство и применение ядерного оружия, уничтожить запасы готового, а также находящегося в производстве такого оружия. Мы хотели создать систему строгого контроля над всеми предприятиями по добыче ядерного сырья и производства ядерных материалов и ядерной энергии. Таким образом, уже тогда Советский Союз показал всю фальшь утверждений, будто бы он не хотел эффективного контроля над выполнением соглашений, обеспечивающих применение ядерной энергии только в мирных целях.

Однако наше государство считало, что решение в международном контрольном органе должно приниматься так, как это принято в Совете Безопасности ООН, при единогласии пяти его постоянных членов. Наши предложения были решительно отклонены. США шли своим курсом на утверждение своей монополии. Наши продолжительные встречи с Барухом, с другими американскими представителями, в ходе которых мы пытались доказать абсурдность подобного курса США, к положительным результатам не привели, к сожалению. Барух не уходил от разговора, но всегда ссылался, что это, мол, не его позиция, а позиция Вашингтона, и он не в силах повлиять на ее изменение. Позиция Вашингтона – как будто нам от этого легче было.

В декабре 1946 г. Соединенные Штаты, пустив в ход послушную им машину голосования, протащили основных положения плана Баруха через комиссию ООН по атомной энергии. И тем самым показали, что выступают против запрещения ядерного оружия, повторяю, против запрещения ядерного оружия. США пытались навязать план Баруха Совету Безопасности, Генеральной Ассамблее ООН. Однако в 1948 г. он был возвращен в комиссию ООН по атомной энергии для дальнейшего рассмотрения. Возвращен туда, где он первоначально рассматривался, но навязать его нам было нельзя, Советский Союз голосовал бы против. А в 1949 г. по настоянию США и эта комиссия ООН по атомной энергии прекратила свою деятельность. Так бесплодный план Баруха был похоронен.

В.К.: И все-таки, как Вы полагаете, Андрей Андреевич, была ли упущена в тот момент возможность остановить гонку вооружений до того еще, как она началась?

А.Г.: Да, я думаю, что именно тогда была упущена возможность остановить гонку ядерных вооружений. Да еще до того, как она развернулась, наверное, и не только ядерных, но и обычных [вооружений]. Из сказанного мною ясно, кто повинен в том, что такая возможность была упущена. Хотел бы обратить внимание на то, что Потсдамская конференция закончилась речью ее председателя, в тот день президента Трумэна, в которой он выразил надежду, что все ее участники вновь встретятся на предстоящей мирной конференции. Но это были только слова, к сожалению, Трумэн больше никогда не встречался

со Сталиным. Не собирался президент США участвовать и в мирной конференции, курс Соединенных Штатов изменился, ядерное оружие создавало иллюзию силы в расчете на то, что Советский Союз далеко отстал.

В сентябре 1945 г. в соответствии с решением Потсдамской конференции в Лондоне состоялась первая сессия Совета министров иностранных дел, на ней появился в качестве советника госсекретаря США Джон Фостер Даллес, фамилия хорошо известная. Уже тогда намечалось ужесточение, притом крутое, внешней политики администрации Трумэна. Заметьте, что эти действия относятся к сентябрю 1945 г. А 5 марта 1946 г. в Фултоне Черчилль произнес речь, в которой призвал создать англо-американский военный союз для борьбы с восточным коммунизмом. Эта речь явилась открытым провозглашением холодной войны, которая, как видите, вызревала и до этого.

В.К.: И все-таки примеры сотрудничества великих стран, великих народов были, существовало такое понятие, как «Большая тройка». Почему создавшаяся в годы войны «Большая тройка», по-Вашему, распалась?

А.Г.: Я не хотел бы злоупотреблять термином «распалась». Верно то, что ряд решений, принятых тремя державами, например, по территориальным вопросам, действует и сейчас. И их никто не в силах отменить. Однако верно и то, что решения «Большой тройки», принятые в Тегеране и в Потсдаме, были не полностью выполнены. Нарушали договоренности «Большой тройки» наши союзники и в годы войны, и после нее. Особое значение имело, конечно, нарушение соглашений по германскому вопросу, а также по вопросу сокращения вооружений, вооруженных сил и разоружения. Разумеется, во всем этом важнейшее место занимал вопрос о запрещении ядерного оружия, о чем я уже говорил.

По германскому вопросу курс наших западных союзников вначале был направлен на то, чтобы разорвать Германию, я бы сказал так – разорвать на куски. Все предложения Советского Союза о том, что Германия должна стать единым миролюбивым и демократическим государством, сначала отклонялись под всяческими предлогами, а потом были решительно отвергнуты. Тем демилитаризации германии также отметалась.

Хорошо известная политика правительства Аденауэра, оно пошло на установление дипломатических отношений с Советским Союзом, но не больше. Это правительство фактически исполнило реквием по единой Германии. Думаю, что история никогда не простит такой позиции ни правительству Аденауэра, ни тем западным державам, которые с ним солидаризовались, хотя до этого, в годы войны, воевали вместе с нами против общего врага – германского фашизма.

Крупным фактором в разногласиях у «Большой тройки» явилась политика наших бывших союзников, направленная на гонку вооружений, на сохранение многочисленных американских баз на чужих территориях. Всех баз, значительная часть которых была создана еще в годы войны. И по этому

вопросу Советский Союз вносил много предложений, чтобы разрядить напряженность в мире и ликвидировать эти базы. Наши инициативы отвергали с ходу, как правило, без особых обсуждений. Вот, если говорить коротко, показатели того, что произошло с «Большой тройкой» после войны.

В.К.: И в то время, когда Советский Союз, Вы это знаете лучше других, только еще планировал создать свое ядерное оружие, свою первую атомную бомбу, Соединенные Штаты уже создавали ядерный арсенал. Как мы в то время планировали ответить на возможный ядерный шантаж?

А.Г.: В тот период, когда США начали создавать ядерный арсенал, Советский Союз сделал все возможное, чтобы исключить появление в политике ядерного шантажа. С этой целью он выдвигал много различных предложений, самым эффективным средством, которое исключало бы такое появление, было запрещение ядерного оружия навечно и решение вопроса об использовании ядерной энергии только в мирных целях. Советский Союз внес это предложение и на принятии его постоянно настаивал, о чем я уже говорил. Однако эту позицию наши союзники отвергли. Советский Союз вынужден был умножить усилия по созданию собственного ядерного оружия, и оно стало фактом. Но не через 7 лет, как утверждали американские эксперты, а в 1949 г., всего через 4 года после появления первой ядерной бомбы в Соединенных Штатах.

В.К.: У нас появилась ядерная бомба, ядерное оружие. В значительной ли степени повлиял этот факт на наши отношения с Соединенными Штатами, с их союзниками в то время?

А.Г.: Советский Союз создавал свое ядерное оружие в ответ американскому вызову. После его создания наша страна продолжала борьбу за ядерное разоружение, за запрещение использования этого оружия в военных целях. Советский Союз и до создания своего оружия этого типа предупреждал США и их союзников, что монополия на ядерное оружие долго удержаться не может. Так оно и случилось. Конечно, в сложившейся обстановке испытательный взрыв первой советской ядерной бомбы не способствовал улучшению отношений между Советским Союзом и западными державами. Это ясно, но было бы намного хуже, если бы у Советского Союза не было своей ядерной бомбы, прежде всего было бы намного хуже Советскому Союзу.

В.К.: И тем не менее конфронтация происходила. Мы сейчас говорим о том, возможны ли были альтернативы ей? Например, была ли альтернатива конфронтации по вопросу о Берлине, которая бы позволила Советскому Союзу сохранить свои законные интересы безопасности в Европе в то время?

А.Г.: Да, Советский Союз выдвинул ряд альтернативных предложений по вопросу о Берлине. Их принятие позволило бы нашей стране оградить свои

законные интересы безопасности в Европе. К тому же оно отвечало бы интересам и самих немцев, как в ГДР, так и в ФРГ. В частности, я имею в виду придание Берлину статуса вольного города, сейчас это не часто упоминается, но такое предложение было сделано. Однако наши партнеры по переговорам категорически отвели советское предложение, а точнее, отвергли его.

После длительных и сложных дипломатических контактов, обмена мнениями, только в 1971 г. было подписано четырехстороннее соглашение по Западному Берлину. Его участники – СССР, США, Великобритания и Франция – выработали договоренность на основе соглашений и решений военного и послевоенного времени. Четыре стороны совместно заявили, что будут стремиться способствовать устранению напряженности и предотвращению осложнений в связи с Западным Берлином. В этом районе, подчеркнули они, не должно применяться силы и угрозы силой. Что касается правового статуса города, то был зафиксирован факт непринадлежности и неподвластности Западного Берлина Федеративной Республике Германии. И сразу подчеркиваю эти слова, непринадлежности и неподвластности.

Этим актом, я имею в виду четырехстороннее соглашение, Советский Союз оградил свои законные интересы безопасности в Европе и в районе Берлина. Мне довелось подписать это важное соглашение, действующее и в настоящее время.

В.К.: Андрей Андреевич, мы вспоминаем термины «план Баруха», «доктрина Трумэна», смысл которых сегодня памятен в деталях немногим. И возникает вопрос о директиве американского Национального совета безопасности № 68, которая ознаменовала собой огромный сдвиг в отношениях между Соединенными Штатами и Советским Союзом и его взглядах на войну с США. Какой была реакция Советского Союза на это?

А.Г.: Речь идет о директиве Национального совета безопасности США № 68, которая была издана как секретный документ и имела распространение среди очень узкого круга высших официальных лиц правительства и Пентагона. Из этого вытекает два вывода. Во-первых, сдвиг во взглядах на войну мог произойти только у тех, кто знакомился с этой директивой, а не вообще в США. Отношение к войне широких слоев американского общества известно – это активное неприятие, отрицательное отношение к войне, борьба за то, чтобы не допустить ее. Во-вторых, реакция Советского Союза могла иметь место только тогда, когда с [директивой] можно было ознакомиться. А рассекретили этот документ США только 25 лет спустя, иначе говоря, в 1975 г. Значит, и реакция нашей страны на документ могла быть только после 1975 г. Однако факт перемен во внешней политике США мы почувствовали в 1951 г., да и нельзя было не почувствовать.

Итак, что же это была за директива? В ней излагалась доктрина устрашения, [она] была как руководство к этой доктрине, новой военной мысли США в определенный исторический момент. Основная идея, как представляли авторы, состояла в том, чтобы оказывать всестороннее давление на Советский

Союз, всестороннее. Заставить его отступить по всему фронту борьбы – политической, идеологической, экономической, духовной, влиять и на внутренние процессы в стране, с тем чтобы они привели к крушению социалистического строя. Вот цель.

В директиве отмечалось, что от переговоров с русскими уходить не надо, иначе Запад американцев не поймет. Значит, переговоры продолжать надо, но только так, чтобы на них не приходить ни к каким результатам, не заключать никаких соглашений, не принимать никаких совместных решений по существу вопросов. Вот и стратегия, и тактика. Даже не зная о директиве, можно было догадаться, что в стратегической линии США по отношению к Советскому Союзу произошли перемены, и, конечно, наша страна это почувствовала. Нас втягивали в холодную войну, и мы вынуждены были принять ответные меры, я повторяю эти слова – вынуждены были принять ответные меры. После атомной бомбы последовала водородная, затем все новые и новые классы ракет. Ну, а когда директива № 68 спустя 25 лет была опубликована, это и время уже было иное.

В советско-американских отношениях имела место разрядка. В течение нескольких лет между СССР и США было заключено несколько важных соглашений. Особенно хотелось бы выделить договор по ограничению стратегических наступательных вооружений, так называемый ОСВ-1, и соглашение о противоракетной обороне, известное как договор по ПРО. В последнее время о нем много говорилось и говорится, писалось и пишется.

Директиву № 68 оценивали уже историки. Этому документу историки, политологи из ГДР посвятили специальную книгу, она являлась емкой характеристикой всей доктрины устрашения и самой директивы. Резко критическую оценку ей дали и советские ученые, и справедливую оценку.

В.К.: В то время, о котором Вы говорите, в конце 1940-х гг., произошла недалеко от советских границ война – конфликт на Корейском полуострове. Создала ли Корейская война определенный сдвиг во взглядах на войну в нашей стране, в Советском Союзе?

А.Г.: Главный вывод, который сделали в нашей стране после Корейской войны, состоит в следующем – не только большие войны, но и небольшие, даже малые, показывают, что надо делать все для того, чтобы в наше время любые разногласия решать путем переговоров, а не путем скрещивания оружия. Советский Союз и в то время считал, да и сейчас считает, что корейский народ хочет жить в едином, миролюбивом и демократическом государстве. Что же касается Южной Кореи, то ее превращение в базу ядерного оружия было навязано народу без всякого на то его согласия. Такое положение, конечно, противоречит нормам современного международного права, интересам мира, в том числе и на Дальнем Востоке. Мы считаем разумной политику КНДР. Вот наше мнение. Я думаю, все, что произошло позже, подтверждает справедливость такого мнения.

В.К.: Я с такой энергией начал задавать следующий вопрос, потому что очень любят на Западе распространять сведения о том, что якобы в это время и позже, в частности, Н.С. Хрущев очень активно преувеличивал ядерную мощь Советской страны. Как Вы считаете, было ли это так, если было, с какой целью Н.С. Хрущев преувеличивал советскую ядерную мощь?

А.Г.: Не очень понятно, о чем идет речь, какие имеются в виду слова Хрущева. Я присутствовал на заседании Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, когда Хрущев говорил, что сейчас ракетно-ядерное оружие уже достигло такого уровня по своей поражающей точности, что мы могли бы расстреливать с его помощью мух высоко над землей. Ясно, что это всего-навсего художественный образ, выражение мыслей, возможно, употребление такого сравнения показалось кое-кому фривольным. Я даже думаю, что так оно и было, сравнение было фривольным, не будем спорить, но смысл его тогда был ясен для всех, и ясен он и сейчас. Мне не известны какие-либо высказывания или заявления Хрущева, в которых бы преувеличивалась советская ядерная мощь, а если он допускал какие-то выражения, которые могли быть расценены в этом свете, то сказаны они были только в пылу полемики, чтобы парировать аргументы некоторых политиков Запада. Разговорная речь иногда отличается от строго опубликованного текста, это хорошо известно. Хрущев был человек эмоциональный, хорошо понимал, что в запале даже политический лидер иногда может сказать лишнее, поэтому и призывал к объективным и трезвым оценкам, особенно в тех случаях, когда речь шла о ядерном оружии.

В.К.: Сейчас Вы, Андрей Андреевич, сказали о том, что можно воспринять разговоры, что якобы Н.С. Хрущев говорил о нашей растущей ядерной мощи. Но в пятидесятые годы тем не менее произошло реальное и быстрое наращивание тактического ядерного оружия США в Европе. И как расценили это в Советском Союзе?

А.Г.: Хочу ответить на этот вопрос кратко. Как выяснилось впоследствии, США тем самым проводили в жизнь директиву № 68 Национального совета безопасности, о которой мы уже говорили, где излагалась доктрина устрашения, быстрое наращивание страной ракет с ядерными боеголовками, всего того, что называется тактическим ядерным оружием. В Советском Союзе [это] воспринималось резко отрицательно, как один из показателей гонки вооружений.

В.К.: Это так, и недавно прошло четверть века с тех пор, как случился так называемый ядерный, или Карибский, кризис. Называют это по-разному, и сейчас очень часто на Западе задают вопрос – почему Советский Союз тогда решил разместить свои ракеты на Кубе? То ли это было сделано с определенной целью, которую вы знаете? То ли была недооценена возможная реакция Соединенных Штатов на это?

А.Г.: Разъяснения Советским Союзом своей позиции давались неоднократно, могу их только повторить. Шел 1962 г., за год до этого кубинцы разгромили отряды американских наемников, высадившихся на Плайя-Хирон. США стремились помешать становлению социалистического строя на Кубе и подорвать советско-кубинское сотрудничество. То, что они к этому стремились, – это открытая книга истории, но разгром интервентов не остановил определенные круги США, и угроза Кубе нарастала. В этих условиях, ощущая опасность нападения на остров свободы, кубинское правительство летом 1962 г. обратилось к Советскому Союзу с просьбой оказать помощь. Вот тогда-то между двумя странами и была достигнута договоренность по ряду мероприятий, по укреплению обороноспособности Кубы, в том числе и о доставке на Кубу в сугубо оборонительных целях ракетного оружия. Какова была реакция США на это? Она хорошо известна. Она сопровождалась угрозами немедленно начать вторжение на Кубу американской армии.

В начале сентября 1962 г. Советский Союз призвал правительство США проявить благоразумие, не терять самообладание и трезво оценить, к чему могут привести его действии, если оно прибегнет к силе. Наша страна поступила по-государственному, с сознанием большой ответственности за состояние дел и за возможные последствия того или иного необдуманного шага. Однако американское руководство не прислушалось к этому призыву и продолжало нагнетать обстановку. Надо сказать, что такая реакция США для Советского Союза не являлась неожиданной. Основные факты, относящиеся к этой теме, хорошо известны, едва ли сегодня есть необходимость их перечислять.

В.К.: Андрей Андреевич, 18 октября 1962 г. вы встретились с тогдашним президентом Соединенных Штатов Кеннеди. Не могли бы Вы немного рассказать об этой встрече?

А.Г.: Я не удивляюсь, что такой вопрос передо мной поставлен. Да, в тот день, 18 октября, по поручению советского руководства я беседовал в Белом доме с президентом Кеннеди. Речь о Кубе, конечно, зашла. Кубинский вопрос в беседе я поднял по своей инициативе и изложил президенту позицию Советского Союза. «Хочу привлечь ваше внимание, – говорил я, – к опасному развитию событий в связи с политикой правительства США в отношении Кубы». Президент внимательно слушал. «В течение длительного периода времени, – продолжал я, – американская сторона ведет безудержную антикубинскую кампанию, предпринимает попытки блокировать торговлю Кубы с другими государствами, угрожает агрессией. Такой путь может привести к тяжелым последствиям, чего, как мы уверены, не желает ни один народ, в том числе и американский». Кеннеди в ответ сказал: «Нынешний режим на Кубе не подходит США. Если бы там существовало другое правительство, иное было бы и отношение Соединенных Штатов». Заявление было острым.

Я сразу уже обратил на это внимание. «А, собственного говоря, – сказал я, – на каком основании американское руководство считает, что кубинцы должны решать свои внутренние дела не по собственному усмотрению, а по усмотрению Вашингтона? Куба принадлежит кубинскому народу, ни США, никакая другая держава не имеет права вмешиваться в ее внутренние дела. Всякие заявления, которые мы слышим от президента и других официальных лиц в том смысле, что Куба будто бы представляет угрозу для безопасности США, необоснованны. Достаточно сравнить размеры и ресурсы этих двух стран, гиганта и малютки, как станет очевидной вся беспочвенность обвинения в адрес Кубы».

Затем мной было подчеркнуто: кубинское руководство и лично Фидель Кастро перед всем миром не раз заявляли, что Куба никому не намерена навязывать свои порядки, что она твердо стоит за невмешательство государств во внутренние дела друг друга, стремится путем переговоров урегулировать с правительством США все спорные вопросы. Эти заявления, как известно, подкрепляются делами. Все, кто выступают с призывом к агрессии против Кубы, ссылаются на то, что им заявления кубинского правительства недостаточно. Но ведь так можно оправдывать любую агрессию, любую агрессивную акцию против любой страны. Достаточно всего сказать: «А мы с этим не согласны».

В условиях, когда США предпринимают враждебные действия против Кубы, а заодно и против государств, которые поддерживают с ней добрые отношения, уважают ее независимость и оказывают ей, в трудный для нее час, помощь, Советский Союз не будет играть роль стороннего наблюдателя. Это было сказано, да. Кеннеди утверждал: «В администрации США нет плана нападения на Кубу, и Советский Союз может исходить из того, что никакой угрозы Кубе от США не существует». Он при этом сделал важное признание – действия в районе Плайя-Хирон были ошибкой. Он, как президент, заявлял, что сдерживает те круги, которые являются сторонниками вторжения, стремится не допустить действий, которые привели бы к войне.

Кубинские вопрос стал действительно серьезным. Вместе с тем Кеннеди интерпретировал далее дела так, как будто обострение обстановки произошло из-за действий Советского Союза, осуществляющего поставки наступательного оружия Кубе. Затем президент зачитал официальное заявление по Кубинскому вопросу, оправдывающее решение США об установлении блокады вокруг Кубы.

Мне пришлось вновь от имени советского руководства сказать: «Советский Союз призывает правительство США и лично президента не допускать каких-либо шагов, несовместимых с интересами мира, с принципами Устава ООН». На всем протяжении беседы Кеннеди, вопреки некоторым имеющим хождение на Западе утверждениям, ни разу не поднял вопрос о наличии на Кубе советского ракетного оружия, я повторяю, ни разу об этом не упомянул. Следовательно, мне и не надо было давать прямой ответ – есть ли такое оружие на Кубе или нет. Вместе с тем я разъяснил президенту – советская по-

мощь Кубе направлена исключительно на укрепление ее обороноспособности и развитие мирной экономики этой страны. Обучение советскими специалистами кубинцев обращению с оружием, предназначенным для обороны, никак не может расцениваться в качестве угрозы для кого бы то ни было.

СССР откликнулся на призыв Кубы о помощи, потому что этот призыв преследует цель устранить нависшую над ней опасность. В заключение беседы мной было сказано: «Господин президент, разрешите выразить надежду, что США имеют теперь ясное представление о советской политике по вопросу о Кубе и о нашей оценке действий США в отношении этой страны».

Беседа с Кеннеди по вопросу о Кубе изобиловала, как сказать точнее, резкими поворотами, изломами, если можно так выразиться. Он явно нервничал, хотя внешне старался этого не показывать. Он делал противоречивые высказывания: за угрозами по адресу Кубы тут же следовали заверения, что никаких замыслов вторжения на Кубу Вашингтон не имеет. Это последнее заявление, конечно, имеет принципиальный характер. Так это тогда и было расценено и мной, и советским руководством после моего доклада.

То, что у главы Белого дома взял верх здравый смысл, показывает, что за внешностью несколько вышедшего из равновесия человека стоял все же деятель незаурядного ума. Это я хочу откровенно высказать, незаурядного ума и характера. Беседа была продолжительной, я передаю только основной смысл сказано с обеих сторон по наиболее острому вопросу о Кубе, иначе было бы очень длинно. Она была, пожалуй, самой сложной из всех бесед, которые мне при разных обстоятельствах приходилось вести за 48 лет с президентами США, срок продолжительный.

В.К.: Вы глубоко знаете весь вопрос, Вы знали, что происходило в Вашингтоне, настроение там. Каковы были настроения в Москве по мере того, как развивался Карибский кризис?

А.Г.: Настроение – это не совсем подходящее слово, иногда оно подходит, иногда не очень подходит, чтобы выразить отношение и руководства страны, да и народов в целом, в сложившейся ситуации, в связи с вопросом о Кубе. Существовала, конечно, большая степень напряженности, это надо сказать. Люди с огромным вниманием присматривались и прислушивались к тому, что происходит. На невидимых весах взвешивались все сомнения, сообщения, связанные с Карибским кризисом. Конечно, руководство страны имело более полную информацию. Все хотели, чтобы наступила разрядка в этом вопросе. Было широко известно, что и в Вашингтоне, и в Москве серьезно обдумывается вопрос о том, как выйти из создавшегося положения. Обе столицы, конечно, понимали, что означало бы применение крайних мер в отношении Кубы. Хотя в США были горячие головы, это надо сказать, и у некоторых деятелей эмоции преобладали над здравым рассудком, но в целом общественность США отдавала отчет в том, что означало бы прибегнуть к крайним мерам, то есть ядерному оружию. Это следует сказать, говоря о народе в целом.

Когда президент Кеннеди заявил, что США не намерены вторгаться на Кубу, об этом я сказал уже, открывалась возможность договоренностей. Она стала еще более определенной, когда США дали понять, что они снимут блокаду Кубы и, кроме того, готовы убрать свое ракетное оружие с территории Турции. Иногда, говоря о Карибском море и о кубинском вопросе в те времена, упускают этот вопрос о Турции. А ведь в договоренность, которая была достигнута, входил этот вопрос. Соединенные Штаты взяли на себя обязательство вывести свои ракетные силы с территории Турции.

Много раз представители Советского Союза и в то время, и в последующие годы, политические деятели разных стран спрашивали – существовала ли тогда опасность ядерной войны? Сегодня я ответил бы так: ситуация включала в себя долю риска, но реальной опасности развязывания ядерной войны между Советским Союзом и США не существовало. Я имею основание для этого утверждения.

Президент Кеннеди и его администрация сдержали обещание не вторгаться на Кубу. Развитие новой Кубы пошло своим путем, путем независимого суверенного государства, народ которого сам определяет, какой режим должен существовать в этой стране. Это миролюбивое государство, дружбу с которым мы высоко ценим, и не только мы, многие государства мира.

В.К.: Андрей Андреевич, вот теперь, с высоты своего опыта, какие уроки следует нам извлечь из опыта Кубинского кризиса?

А.Г.: Урок следует извлечь один – никто, ни одно государство не должно навязывать ни одной стране, независимо от ее размеров и численности населения, режим, который неприемлем для ее народа. Иначе говоря, не должны вмешиваться в ее внутренние дела. Советский Союз в своей политике по отношению к другим государствам строго исходит из этого ленинского принципа. Обе стороны в те дни поступили правильно, проявив выдержку. Вся эта конфронтация по кубинскому вопросу между США и СССР, по моему убеждению, и сегодня демонстрирует крупным державам необходимость искать взаимоприемлемые мирные решения, казалось бы, даже в очень сложных и критических ситуациях.

С удовлетворением хочу подчеркнуть, что М.С. Горбачев неоднократно повторил эту мысль во время встречи с президентом США и руководителями других государств. В этом суть нового мышления в международных делах.

В.К.: Андрей Андреевич, как политик Вы встречались со многими руководителями внешней политики Соединенных Штатов. Один из них – Генри Киссинджер считал и считает, что контроль над вооружением должен быть связан с другими направлениями внешней политики. Какова точка зрения Советского Союза по этому поводу?

А.Г.: Верно то, что проблемы контроля над вооружением и проблемы разоружения связаны с другими направлениями внешней политики, отрицать этого нельзя. Однако как понимать эту связь? Можно понимать так, что проблему контроля над вооружениями и проблему разоружения необходимо решать непосредственно, не связывая их с переговорами по другим вопросам внешней политики. А можно понимать и так, что нельзя идти вперед к проблеме разоружения без одновременного решения других вопросов внешней политики. Эта последняя точка зрения – надуманная. Неоднократно в беседах с нами Генри Киссинджер доказывал, что трудно и даже невозможно поступательно двигаться в каком-то направлении внешней политики, если нет договоренности по другим важным направлениям. И как на хороший образец ведения внешних дел он ссылался на политику Меттерниха, вот куда шагнул. Министр иностранных дел, а потом и канцлер Австрийской империи.

Однако Киссинджер, хотя он человек больших способностей, я уже имел возможность об этом говорить, упустил из виду существенный факт. Меттерних своей политикой способствовал скорее развалу разбухшей Австрийской империи, чем ее консолидации. По нашему мнению, этот факт никто не может оспаривать, это объективная вещь истории, это нельзя вычеркнуть.

В.К.: Вы знаете, было много переговоров, много аспектов этих переговоров. Сейчас об одном, в частности. Почему Советский Союз в свое время возражал против запрещения ракет с разделяющимися боеголовками, как – это пишут сейчас активно на Западе – предлагалось на переговорах по ОСВ-1?

А.Г.: Советский Союз возражал тогда по простой причине. У США эти ракеты были, у нас еще нет. США стремились закрепить свое монопольное положение выступили с предложением запретить производство таких ракет, оставив у себя те, что уже были созданы. Ситуация по этой проблеме оказалась аналогичной той, которая сложилась в свое время, когда США пытались фактически закрепить монопольное положение с ядерным оружием, я уже говорил об этом.

В.К.: И еще один вопрос из популярных на Западе. Насколько повлиял визит президента Никсона в Китай на то, чтобы Советский Союз заключил договор по ОСВ?

А.Г. Насколько мне известно, визит Никсона в Китай не имел какого-либо непосредственного влияния на то, чтобы заключить советско-американский договор по ограничению стратегических вооружений. Ничего другого по этому поводу я сказать не могу.

В.К.: Но эти вопросы, которые муссируются, обсуждаются, популярные на Западе, и среди них есть еще один такой – насколько серьезно бомбардировка Ханоя и минирование порта Хайфон повлияли на договор или угрожали договору об ОСВ?

А.Г.: Конечно, бомбардировка Ханоя и минирование порта Хайфон, которые провели вооруженные силы США, в какой-то степени создавали трудности на пути к заключению договора по ограничению стратегических вооружений. Эти американские акции осложняли ситуацию в связи с подготовкой договора по ОСВ, но тем не менее в ходе советско-американских встреч на высшем уровне в мае 1972 г. договор ОСВ-1 был подписан.

В.К.: На Западе публикуется огромное количество воспоминаний, статей о подробностях международных переговоров. В частности, много говорится о том, что в Москве за день до подписания договора по ОСВ вы все еще до полуночи продолжали переговоры с Генри Киссинджером. Что это были за проблемы, которые оказалось так трудно решить?

А.Г.: Нехорошо вести ночью переговоры, ночью надо отдыхать. В самом вопросе содержится намек на то, что, дескать, существовали какие-то несогласованные проблемы по самому договору. А их приходилось решать в самый последний день, даже в самые последние часы. Нет, это не так. Договор был согласован и представлен к подписанию. Мы же, я и заместитель председателя Совета Министров СССР Леонид Васильевич Смирнов, вели переговоры с Киссинджером и его советниками относительно толкования отдельных положений договора. Я подчеркиваю, относительно толкования отдельных положений договора. Повторяю, уже не существовало тогда по существу расхождений, мы достигли общего понимания по толкованию статей договора, и ситуация была расчищена.

В.К.: Тут многое стартует от того, что на Западе есть воспоминания государственных деятелей, определенные толкования известных ситуаций. Генри Киссинджер, в частности, утверждает, что вы оба разрабатывали идентичные директивы для делегации в Хельсинки. Не могли бы Вы рассказать об этом тоже?

А.Г.: Речь идет, судя по всему, о директивах делегации в связи с завершением общеевропейского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в Хельсинки и подписанием его основного документа – заявления. Мы тогда разрабатывали свои директивы, а США, Киссинджер – свои. Принципиальные направления у обеих стран были схожи на той ступени. Надо было прилагать усилия к тому, чтобы совещание в Хельсинки закончить и документы подписать. Но это не значит, что наши позиции совпадали по всем решительно вопросам. По некоторым проблемам разногласия оставались, в частности, это относилось к правам человека. Однако в принципиальном плане директивы совпадали.

Хельсинкский заключительный акт имел или не имел большого значения? Без преувеличения можно сказать, что этот документ – одна из важных страниц послевоенной истории Европы. Он был направлен на закрепление

итогов Второй мировой войны, прежде всего территориального порядка. Эту мысль я хотел бы особо подчеркнуть.

В.К.: Так или иначе, на Западе сложилось мнение, что многие уступки, сделанные одной из сторон, были связаны с уступками с другой стороны. Поэтому там сейчас многие задают вопрос о том, не был ли удивлен Советский Союз тем, что администрация Картера не использовала прекращение производства бомбардировщика, известного как Б-1, как вопрос для торгов в ходе переговоров о сокращении вооружений в ту пору?

А.Г.: Нет, Советский Союз ничуть не был удивлен этим обстоятельством. Хотя мы знали о факте прекращения производства в Соединенных Штатах бомбардировщика Б-1. А почему, собственно, администрация Картера должна была использовать это свое одностороннее мероприятие для торга на международных переговорах?

В.К.: То есть мы чужую порядочность иногда признаем, и правильно делаем, но здесь идет речь о том, что наши реакции зачастую оценивают, НЕ СПРАШИВАЯ У НАС. Мы здесь говорили о Н.С. Хрущеве, о ядерных вооружениях. Вот сейчас на Западе очень часто говорят, что Л.И. Брежнев не был так привержен Владивостокским договоренностям. Так ли это?

А.Г.: Речь, как я понимаю, идет о Владивостокских договоренностях, которые стали результатом встречи на верхах 23 и 24 ноября 1974 г. Путь к ним оказался непростым. Переговоры до встречи во Владивостоке продолжались в течение нескольких лет, на разных уровнях, в разных столицах, на разных континентах. Я и сам принимал участие в переговорах, десятки раз. Обсуждались многие вопросы, но я хотел бы подчеркнуть значение одного – договоренность, которая, собственно говоря, привела к согласию и по многим другим вопросам.

Главное, что являлось, препятствием в ходе встречи – это требование США, чтобы мы устранили свои тяжелые межконтинентальные ракеты, либо резко, резко сократили их число. Советская сторона заявила твердо, что она не может пойти на это ввиду наличия у США так называемых средств передового базирования. То есть их баз с ядерным оружием, разбросанных по всему миру, в том числе в Европе, и в первую очередь вдоль границ Советского Союза. Это было хорошо известно и в Москве, и в Вашингтоне, и в других столицах мира. После бурных обсуждений нашли наконец компромиссный вариант, по содержанию примирительный, что касается возможности заключения договора, применительно к договору. Такой вариант, чтобы обе стороны отказались в данном случае от своих требований, о которых я упомянул. Владивостокская договоренность сводилась в основном к тому, что было достигнуто согласие завершить выработку нового соглашения об ограничении стратегических наступательных вооружений. В результате бесед,

их было несколько, [ввели] общие потолки на суммарное число носителей стратегического оружия каждой стороны и определенные качественные ограничения в виде лимитов на численность стратегических наступательных систем, оснащенных разделяющимися головными частями индивидуального наведения.

Так что, как видите, продвижение соглашения во Владивостоке выглядело внушительно. Естественно, что Брежнев, который возглавлял советское руководство и при котором достигались эти договоренности, стремился закрепить их в официальном советско-американском документе. Однако, это стоит сказать, доводить дело до их закрепления в договоре еще пришлось на протяжении пяти лет, когда пришел в Белый дом президент Картер. Он заявил, что одобряет концепцию разрядки и выразил желание углублять советско-американские договоренности. В частности, он хотел в сжатые сроки завершить разработку договора ОСВ-2, который обсуждался во Владивостоке. Только 18 июня 1979 г. удалось подписать договор ОСВ-2, произошло это в столице Австрии Вене, под ним поставили подписи от СССР – Брежнев, от США – Картер. Так что Брежнев не напрасно волновался, уж очень долго затягивалось подписание этого договора. И путь к нему в основном открыли Владивостокские договоренности, это надо сказать, снятие двух позиций – базы передового базирования и тяжелые межконтинентальные ракеты. Временно эти вопросы были отложены, я подчеркиваю, временно.

В.К.: Дело в том, что новая администрация приходит с новым президентом, а вам довелось поработать со многими. Случается, что новый президент чуть-чуть по-другому, иногда очень по-другому, видит политику своей страны, в отличие от своего предшественника. Как было с президентом Картером, подход Картера к контролю над вооружениями намного ли отличался от подхода его предшественников? Какие трудности для советской страны возникали в связи со сменой американских администрации?

А.**Г.:** Я бы не стал утверждать, что подход Картера в этом вопросе в чем-то существенно отличался от подходов его предшественников. В том-то и дело, что особых отличий не было. Каждая из администраций, начиная со времен Трумэна, исходила из того, что Соединенным Штатам необходимо обладать военным превосходством, это подчеркиваю, необходимо обладать военным превосходством над Советским Союзом. Так что в этом плане американские администрации не отличались одна от другой, как будто они сговорились.

Само собой разумеется, что Советский Союз не мог принять эту позицию. При любой администрации СССР старался добиваться снижения уровня ядерных вооружений, устранения превосходства одной стороны над другой. Вместе с тем хочу подчеркнуть, что мы всегда следовали за США, это очень важно, момент принципиального характера, мы всегда следовали за США в области вооружений и никогда не были впереди них, никогда не были.

В.К.: Это чрезвычайно важно, то, что Вы сказали. Вот это именно, что мы шли за Соединенными Штатами. Между тем и сейчас, и в общем, это стало общим местом американской пропаганды, обсуждается вопрос постоянно, что, например, Советский Союз продолжал создавать огромные стратегические ракеты и после того, когда был достигнут военно-стратегический паритет с Соединенными Штатами. Так ли это, и если так, то почему?

А.Г.: Строго говоря, военно-стратегического паритета не было. Говоря о нем, мы всегда добавляли выражение – по существу, получалось – по существу достигнут. Это добавление не лексического свойства, политики это хорошо знают. В нем был заложен смысл. А что же, скажите, пожалуйста, оставалось делать Советскому Союзу? Когда США на всех порах вооружались, сложить оружие? Обстановка была такой, что интересы нашего государства этого не позволяли. Мы добивались этого с обеих сторон, но к нам не прислушивались. Но и тогда, когда создавались ракеты, мы настаивали на сокращении ядерных вооружений всех видов. Имею в виду, что конкретные параметры и типы ядерного оружия будут в конце концов согласованы. Советский Союз не мог и не желал быть позади в вопросах ядерных вооружений, это диктовалось вопросами его безопасности, интересами этой безопасности. Конечно, в настоящее время мы находимся на большей высоте, чтобы увидеть все то, что прошли, и дать более объективную оценку того положительного в целом положения, в котором [мы] были тогда.

Примерно в конце пребывания во главе [страны] руководства Хрущева и в начальный период после прихода руководства Брежнева ядерные вооружения достигли такого уровня, это очень важно, что страна, у которой их меньше, тоже могла бы нанести сокрушительный удар. Если говорить другими словами, которые затем стали употребляться и политиками, и военными, можно было бы нанести неприемлемый ущерб противнику. Спрашивается – зачем же тогда стране, у которой даже меньше ядерного оружия, накапливать его еще больше. Ведь человек не может умереть дважды. Отсюда напрашивался вывод – можно было бы остановиться, остановиться даже той стране, которая отстала от накопления ядерных арсеналов. Иными словами, уменьшить свои расходы на создание ядерного оружия. Так рассуждаю не только я. И такой вывод для политиков был бы обоснован. Но этого не было сделано.

Я бы добавил, что в той обстановке никто не мог даже заикнуться о необходимости сократить расходы на ядерное вооружение. Обстановка, которая сложилась, советско-американские отношения, не способствовала тому, чтобы дать более трезвую оценку положения. Никто из деятелей ни политических, ни военных, никто из ученых, людей, занятых разработкой ядерного оружия, не смел выступить за то, чтобы сократить свое производство ядерного оружия. Хотя такое решение для того времени было бы оправданным, и если бы тогда был сделан такой выбор, то можно было бы по крайней мере несколько миллиардов рублей направить на удовлетворение мирных потребностей страны.

Сегодня мы имеем право быть умнее и смелее. Вот мы, Советский Союз, и подаем сейчас пример в области разоружения. Любой наш односторонний акт в этом направлении оказывает влияние на общественное мнение, народы. Если одна сторона прибегает к этому, то это должно быть принято во внимание и другими, если эти другие проводят серьезную ответственную политику. Мы исходим при этом из принципа разумной достаточности. Во время выступления на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 7 декабря 1988 г. М.С. Горбачев объявил, что в Советском Союзе принято решение существенно сократить объем наших обычных вооружений. Это важное, я бы сказал, этапное решение, это сокращение означает прежде всего, что Советский Союз не только постоянно предлагает и на деле проводит в жизнь политику разоружения. Во всем этом, при всем этом, безопасность страны обеспечивается. Наша страна ставит цель – эффективно способствовать тому, чтобы ядерное оружие было устранено с облика планеты, а ядерная энергия должна использоваться только в мирных целях.

В.К.: Разрядка была огромной радостью для всех. Разрядка была огромной победой и не только для нас, хоть в Советском Союзе мы воспринимали ее каждый как личное счастье. И тем не менее к концу деятельности администрации Картера – так, в общем-то, считается на Западе, и, наверное, есть для этого основания – разрядка оказалась мертва. Не думаете ли вы, что мы этому способствовали? Каковы причины этого, по-Вашему?

А.Г.: Нет, все же я так не думаю, что мы способствовали. Не мог Советский Союз способствовать крушению в вопросе политики по разрядке просто потому, что все время требовал сокращения и ликвидации ядерного оружия, сокращения обычных вооружений, добивался всеобщего и полного разоружения. Мы всегда исходили при этом из известной формулы Ленина: разоружение – идеал социализма. Нет, повторяю, не Советский Союз, не его политика были причиной крушения разрядки в начале восьмидесятых годов. За время разрядки было сделано немало положительного, то доброе, что было сделано, оно свой след оставило. Никто не может стереть этого следа. Собственно говоря, понятие разрядки нельзя рассматривать как некую абстракцию. И сейчас разве мы не являемся свидетелями начавшейся разрядки, разве она не имеет места?

Согласитесь, что нет такого точного инструмента со шкалой и цифрами, которым можно было бы измерить степень разрядки. В то же время, особенно после вступления [в силу] советско-американского договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, можно смело сказать, что разрядка международной напряженности является фактом и роль советской внешней политики, проводимой в настоящее время, в этом хорошо известна. Весь процесс, происходящий в нынешних международных отношениях, редко кто называет разрядкой, чаще всего именуют процессом углубления взаимопонимания и доверия, основанным на современной философии мира, которая во главу угла ставит общечеловеческие ценности, отдавая им приоритет.

Это глубокая мысль, это как бы эталон для оценки политики во внешних делах любого государства. Задача каждого правительства, каждого руководителя состоит в том, чтобы способствовать углублению этого процесса, как бы он ни назывался, разрядкой или иначе, смысл его должен быть один – движение к стабильному миру на нашей Земле.

В.К.: Вы ответили сейчас на один из важнейших, на принципиальный стратегический вопрос. И сейчас вопрос несколько более частный. Вы, конечно, помните решение о размещении ракет, которые на Западе называли СС-20. Понимал ли в то время советский руководитель Л.И. Брежнев, какую реакцию со стороны правительств Западной Европы может вызвать такое решение? Как Вы считаете?

А.Г.: Я не берусь точно ответить на этот вопрос, понимал ли он или нет такую реакцию. Решение о размещении советских ракет, думаю, не совсем понимал. С основанием это говорю.

В.К.: Понимаете, с этим вопросом связано еще несколько. В частности, такой – было ли решение НАТО разместить крылатые ракеты «Першинг» в Западной Европе угрозой Советскому Союзу? Как Вы считаете?

А.Г.: Да, конечно, было угрозой.

В.К.: И вот в 1983 г., считал ли Советский Союз, что размещение ракет в Западной Европе можно было бы приостановить:

А.Г.: Вероятно, можно было бы приостановить, если бы была договоренность между СССР и США об условии этой приостановки.

В.К.: В конечном счете ситуация с ракетами, именуемыми СС-20, прояснилась. Почему Советский Союз в итоге согласился избавиться от этих самых СС-20?

А.Г.: Он согласился избавиться от ракет СС-20 при определенных условиях, которые отражены в договоре, это явилось следствием разумного взвешивания всех соображений за и прости. И советское руководство единодушно пришло к выводу о необходимости достижения договоренностей на определенных условиях. Значение заключенного договора огромно, это было хорошо разъяснено М.С. Горбачевым и советскому народу, и всему миру. Едва ли есть необходимость распространяться на этот счет.

В.К.: На Западе очень много любят говорить о том, кто выигрывает в процессе разоружения, и критики процесса ограничения стратегических вооружений в Соединенных Штатах считают, что он не равноценен, протекает

в пользу Советского Союза. Что бы Вы могли противопоставить таким утверждениям?

А.Г.: Эти критики необъективны, их выводы несерьезны. Весь этот процесс равноценен, в процессе ограничения стратегического вооружения выигрывают одинаково и Советский Союз, и США. Как может быть этот процесс не равноценен? Ведь в ходе него каждая из сторон имеет возможность доказывать обоснованность своей позиции, взвешивать все за и против по каждому предложению партнера, по каждой статье того или иного договора, и уже договора, вступившего в силу и действующего. По каждому шагу имеет возможность отстаивать свои законные интересы, если нужно согласовывать с точки зрения практического выполнения осуществления договора. Разве можно в таких условиях говорить о неравноценности процесса? Конечно, нельзя. Итог определенного периода переговоров по ограничению стратегических вооружений подводится, когда подписывается очередной договор. Разве не об этом говорит хотя бы тот же самый договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Он подробно обсуждался обеими сторонами до подписания, в процессе ратификации сенаторами, конгрессменами США и депутатами Верховного Совета СССР. Не вижу в этом вопросе никакой односторонней пользы.

В.К.: Вы один из авторитетнейших, из опытных политиков мира. Какие моменты на основании Вашего огромного опыта и по Вашему мнению, являются решающими сейчас, в эпоху, которую называют эпохой ядерной дипломатии?

А.Г.: Все ядерные державы, а также все другие государства, все народы, все государственные деятели, каждый человек на Земле – должны осознавать, что ядерное оружие должно быть уничтожено. Не может быть гарантирована безопасность, гарантирована в мире, если оно будет существовать. За его уничтожение ведет борьбу Советский Союз, другие социалистические государства, наши друзья и союзники. Мы не прекратим эту борьбу и вместе с тем будем стараться убеждать все другие страны в том, что ядерная энергия должна быть использована только для блага человечества. Мы убеждаем, сейчас практически все политические деятели это великолепно понимают, что если ядерное оружие выйдет из-под контроля в случае политических просчетов, нарочитых или не нарочитых, и будет применено, [это] станет катаклизмом для всего мира.

Тут я хотел бы вспомнить слова, сказанные мне лично при встрече в США с великим ученым, перед памятью которого каждый разумный человек снимает шляпу и сегодня. Звали его Альберт Эйнштейн, он сказал: «Президенту Рузвельту я сообщил, что людей в связи с атомной бомбой, возможно, ожидает несчастье, мое мнение сейчас уже хорошо известно». Он его довел [обращение] до сведения народа, содержание его обращения президенту было

опубликовано американской печатью. Здешние парни, он так выразился, здешние парни не очень ясно представляют себе, какая судьба ожидает тот круглый корабль, на котором мы все, в том числе и американцы, сейчас находимся. Под «парнями» великий ученый подразумевал политиков США, того времени, разумеется, которые должны вынести свое суждение в отношении окончательной судьбы ядерного оружия. А под «круглым кораблем», конечно же, – нашу Землю. Он тут же заметил – если бы все зависело от людей науки, то, по-моему, американские ученые в подавляющем большинстве высказались бы за запрещение этого страшного оружия. И сейчас у меня в ушах звучат эти его слова. Хотя в беседе он произнес их в обычной манере – тихо, спокойно.

Попутно хочу сказать о другом ученом, тоже очень крупном, хорошо известном не только в США, но и в целом мире – Оппенгеймере. Это в известном смысле человек такой драматической судьбы. Хорошо известно, что он был главным научным консультантом в процессе производства США первой атомной бомбы. При нем, с его участием, она появилась. Он, когда это было сделано, являлся советником, старшим советником Баруха, американского представителя в атомной комиссии. И я должен сказать, что позиция его была уже не та, которую он раньше занимал, он перешел на иную позицию, он делал определенный честный вывод из положения, вывод о том, что надо находить пути к устранению атомного оружия, иначе может быть катастрофа для мира. Таким образом, с одной стороны, он является главным ученым, советником политика, американского представителя в атомной комиссии, и должен быть его опорой. С другой стороны, он занимает позицию, что атомное оружие – мы сейчас говорим «ядерное оружие» – должно быть уничтожено. Самой правильной, честной позиции стал придерживаться. И он не изменил своим взглядам, он остался тем Оппенгеймером, каким он стал потом, позже, на втором этапе, когда уже атомная бомба появилась. Нелегко ему было, он был окружен атмосферой, если можно так выразиться, остракизма в политическом смысле, и к этому приложила руку американская администрация.

Видел я его после этого один раз при несколько странных обстоятельствах. Я вместе с моими коллегами прибыл из Женевы, с коллегами от трех держав – Англии, Франции, США, из Женевы, где мы были на совещании, чтобы принять участие в похоронах Даллеса. Когда мы из собора ехали на Арлингтонское кладбище, в Вашингтоне рядом со мной поравнялась машина, и [кто-то] активно машет рукой. Вижу, сидит Оппенгеймер, он меня узнал, и я его, мы обменялись дружескими жестами, помахали друг другу. После этого я его уже не видел. Думаю, что на кладбище он все-таки не поехал, поехал по своим делам, иначе я бы его там увидел. Честь ему делают, американскому ученому Оппенгеймеру, его взгляды последнего времени.

Я не могу не сказать и еще про одного ученого – Жолио Кюри, француз, это яркая личность в научном мире, он был советником по научным вопросам французского политического представителя в атомной комиссии. Он тоже занимал позицию обоснованную, направленную на то, чтобы вести дело

к полному запрещению атомного оружия, для того чтобы атомная и ядерная энергия использовались только для блага человечества. Так что просто хочется снять шляпу перед тремя яркими представителями ученого мира, которые оставили глубокий след в истории.

В.К.: Очень интересно. Вы встречались с [выдающимися] учеными, политиками. И сегодня что Вы думаете о путях дальнейшего сокращения вооружения, какие препятствия предстоит преодолеть советского руководству, М.С. Горбачеву на пути к достижению цели, избавлению от всех видов ядерного оружия?

А.Г.: Я уже сказал, что требуется для сокращения вооружений. Как первая и главная цель – ликвидация ядерного оружия, ликвидация. Для этого надо упорно вести переговоры, проявлять со всей решительностью волю с обеих сторон, я бы сказал точнее, со всех сторон, но реально, если смотреть, только две стороны присутствуют. Только так можно добиться полного уничтожения ядерного оружия и прийти к безъядерному миру. Конечно, для этого М.С. Горбачеву и всему советскому руководству, да и всему народу придется еще преодолеть огромные препятствия, а параллельно необходимо вести процесс сокращения обычных вооружений. Программу действий, которую Советский Союз предлагает человечеству, чтобы прийти к безъядерному миру, блестяще изложил М.С. Горбачев. В частности, на Генеральной Ассамблее ООН он говорил от имени всего советского народа.

В.К.: И, пожалуй, вопрос, ответ на который Вы знаете точнее многих. Все-таки, вот после всего, что пережито, после всего, что Вы знаете. Как Вы считаете, возможно ли вообще создание мира, свободного от ядерного оружия?

А.Г.: Мой ответ – да, возможно. Это зависит от людей, от политических деятелей, от понимания ими той ответственности, которая на них лежит в связи с этим. Земля без ядерного оружия, вода без ядерного оружия.

Акопов П.С.

Мои встречи и беседы с А.А. Громыко*

Как лично мной, так и мировой общественностью А.А. Громыко воспринимается одним из видных государственных и политических деятелей, оставивших заметный след в истории международных отношений нашей страны. Особенно ярко проявились его талант и способности во внешней политике и дипломатии. Ходили легенды о его феноменальной памяти, знаниях и трудоспособности, выдержке и невозмутимости, умении логично и последовательно проводить свою мысль и идею с собеседниками на всех уровнях, о его высказываниях, которые превращались в афоризмы, и о том, что на его лице никогда нельзя было прочитать реакцию на высказывания собеседника, что он сухой, черствый и жесткий человек, и т.д.

Мне посчастливилось многие годы работать под его руководством, общаться с ним не только в рабочей, но и в неформальной обстановке, наблюдать за этим вполне «человечным» человеком. Мои наблюдения, основывающиеся на беседах и общении с этой неординарной, я бы сказал, выдающейся личностью, подтверждают одни из этих черт, характеризующих А.А. Громыко, и опровергают другие. Своими воспоминаниями и впечатлениями я хотел бы коротко поделиться с читателем, который проявляет интерес к нашему знаменитому соотечественнику.

Первая моя «встреча» с А.А. Громыко состоялась в конце 50-х годов прошлого века, когда я учился в Высшей дипломатической школе МИД СССР (ВДШ – ныне Дипакадемия). Правда, эта встреча была заочной, апосредованной. В те годы набор слушателей в ВДШ проводился из числа как работников системы МИДа, уже имевших опыт дипломатической работы и направлявшихся на учебу для повышения квалификации, так и руководящих партийно-хозяйственных работников. Этот набор ЦК КПСС регулировал через Отдел загранкадров. В один из июньских дней 1957 г. меня пригласили в партком Госплана

Акопов Погос Семенович – Председатель Совета Ассоциации российских дипломатов, Чрезвычайный и Полномочный Посол.

* Впервые опубликовано в: «Лучше десять лет переговоров, чем один день войны». Воспоминания об Андрее Андреевиче Громыко / Сост. Ал.А. Громыко. М.: Издательство «Весь Мир», 2009. С. 11–16.

СССР (тогда я работал начальником сектора Отдела территориального планирования и размещения предприятий) и объявили, что по решению ЦК я рекомендован на учебу в ВДШ. На мое замечание о том, что «я же экономист, какой из меня дипломат, да и иностранных языков не знаю», мне разъяснили, что на данном этапе, когда Советский Союз начинает развивать широкое экономическое сотрудничество со странами, недавно завоевавшими политическую независимость, необходимы кадры, в том числе в посольствах, которые бы хорошо знали экономику нашей страны, ее возможности и потребности, с тем чтобы грамотно выстраивать отношения с этими странами.

Пройдя все комиссии (партком, Свердловский райком, МК и МГК, ЦК), сдав вступительные экзамены, а их было семь, начав учиться в ВДШ, я все же сомневался, что смогу стать дипломатом, будучи по образованию и опыту работы экономистом. Продолжалось это до тех пор, пока я не ознакомился с книгой «Экспорт американского капитала» и не узнал, что ее автором под псевдонимом Г. Андреев является Андрей Андреевич Громыко.

Произошло это так. Николай Николаевич Любимов – профессор, экономист с мировым именем, читал нам курс лекций по международным экономическим отношениям. И вот однажды, когда он освещал раздел «Вывоз капитала», мы выразили недовольство тем, что этот предмет подается неконкретно и что теорию мы уже проходили в вузах. Зачинщиком этой критики выступал я. Тогда Николай Николаевич посоветовал мне прочитать недавно вышедшую из печати книгу Г. Андреева «Экспорт американского капитала. Из истории экспорта капитала США как орудия экономической и политической экспансии».

Через некоторое время, как мне помнится, уже на экзамене, Н.Н. Любимов спросил меня, прочитал ли я рекомендованную им книгу и каково мое мнение о ней. Дав в целом положительную оценку, я отметил, что книга полезная, именно то, что нужно нам, поскольку содержит анализ обширного экономического материала, на основе чего, и это весьма важно, сделаны выводы политического характера. Сказал, что подробно рассмотренные в ней формы и методы экспорта капитала, его цели и задачи раскрывают экспансионистскую сущность монополистического капитала, вооружают нас конкретными знаниями и будут необходимы нам для работы на новом дипломатическом поприще.

Вместе с тем я высказал какие-то критические замечания по поводу того, что книга касается только американцев, вывоза американского капитала и еще что-то в этом роде.

Выслушав меня, Любимов спросил: «А вы знаете, кто автор этой книги? – и тут же ответил сам: – Ее автор – А.А. Громыко». Тогда-то я и узнал, кому принадлежит псевдоним «Г. Андреев». Когда в 1961 г. в Издательстве социально-экономической литературы в Москве вышла книга Г. Андреева «Экспансия доллара», я уже знал, кто ее автор.

Впоследствии я много раз обращался к этим книгам, штудировал их и все больше и больше утверждался во мнении, что и экономист может стать дипло-

матом, разумеется, если он будет пополнять свои знания, прежде всего в овладении иностранными языками. Пройденный мною путь в дипломатии от третьего секретаря до посла является ответом на вопрос, волновавший меня когда-то. И в этом известную роль сыграл сам А.А. Громыко и его работа.

Более того, мои экономические знания, опыт работы в высших плановых органах СССР, книги А.А. Громыко, его методы анализа оказали мне неоценимую услугу при анализе социально-экономических и политических процессов в Египте, где я проработал около 16 лет.

В этой связи я хотел бы привести пример, свидетельствующий о том, какое огромное значение придавал А.А. Громыко анализу экономических процессов при оценке политического курса, в данном случае, египетского руководства в 70-х годах прошлого века.

Это было в далеком 1974 г. В марте А.А. Громыко приезжал во главе советской правительственной делегации в Египет. Я в то время работал временным поверенным в делах СССР в этой арабской республике (посол В.М. Виноградов после октябрьской войны был назначен заместителем главы советской делегации на Женевской мирной конференции по Ближнему Востоку, а главой являлся А.А. Громыко).

Министр отказался от предложенного египтянами дворца и изъявил желание остановиться в резиденции советского посла в Каире, находившейся на территории посольства (посол отсутствовал).

После встречи в аэропорту, размещения и обеда, который мы устроили для всей делегации, Андрей Андреевич попросил меня вечером зайти к нему. В ходе беседы, которая длилась три часа, я рассказал ему о положении в стране, о новых моментах в политике египетского руководства, уделив особое внимание политике «открытых дверей», которая, как я оценил, направлена на отход Египта от Советского Союза и сближение с США. Сказал, что на опасность этого пути мы обращаем внимание египтян, в частности, в беседах с Абдель Азиз Хигази – тогдашним премьер-министром. При этом я невзначай отметил, что мы опираемся на положения и выводы книг Андрея Андреевича «Экспорт американского капитала» и «Экспансия доллара», где, в частности, написано, что иностранный капитал идет в слаборазвитые станы в погоне за высокими прибылями, которые извлекаются за счет либо ограбления сырьевых ресурсов, либо низкой цены на землю, либо дешевой рабочей силы. У Египта нет ни сырьевых ресурсов, ни земли, есть только дешевая рабочая сила. Следовательно, подчеркивали мы, иностранный капитал, если и придет в Египет, то только чтобы эксплуатировать египетский народ, а также из политических соображений, навязывая условия, подрывающие устои египетской экономики и советско-египетские отношения, заложенные Насером.

При моем упоминании о его книгах и ссылках на положения и выводы в них лицо Андрея Андреевича как-то просветлело, глаза заблестели и стали добрыми. Я почувствовал, что ему было приятно, что его книги читают, используют их в работе и знают, что автором является он.

На следующий день на приеме, устроенном египтянами в честь советской делегации, А.А. Громыко в окружении премьер-министра, министра обороны, министра иностранных дел Египта и др. стал рассказывать, что он в американской печати читал о том, что египтяне начали проводить политику «открытых дверей», допускают в страну иностранный капитал и что перед американским капиталом открываются широкие возможности. Далее он предостерегал от пагубных последствий этого шага, если, разумеется, подчеркивал он, не поставить под жесткий государственный контроль деятельность американского капитала в стране. Я хорошо помню фразу: «Нужно крепко держать руль в руках, чтобы страну не бросало из стороны в сторону». Египтяне стали все отрицать и заверять А.А. Громыко, что не допустят к себе иностранный капитал. Однако последующие события показали, что египетское руководство избрало именно этот путь и широко открыло «двери» Египта для иностранного капитала.

Приведенный мной эпизод свидетельствует о том, как умело использовал А.А. Громыко простой прием, чтобы дать понять собеседникам, что советское руководство знает новые тенденции в политике Египта и обеспокоено ими. В то же время, этот пример показал, что А.А. Громыко умел прислушиваться к своим сотрудникам, работавшим за рубежом, и доверял им.

Вот еще один момент, характеризующий А.А. Громыко как тонкого дипломата, для которого не существовало мелочей. В ходе моего доклада, после того как я рассказал ему об экономике, внутреннем положении и внешней политике Египта, Громыко стал подробно интересоваться моими связями и контактами в канцелярии и секретариате Анвара Садата; он расспрашивал о его помощниках пофамильно. Мне было невдомек: зачем ему это? После того, как я ушел от него к себе, раздался звонок А.А. Громыко. Он попросил меня вновь назвать помощников Садата, я стал перечислять и, когда назвал имя начальника канцелярии президента, Андрей Андреевич прервал меня и сказал: «Вот этот. Свяжитесь с ним и скажите, что Громыко хочет встретиться с Садатом и провести беседу один на один, и сделайте это сегодня».

Дело в том, что программа визита предусматривала беседу А.А. Громыко с Садатом с участием министра иностранных дел Египта Исмаилом Фахми. Очевидно, Андрей Андреевич решил предпринять такой ход, чтобы не ставить этот вопрос через МИД и «не обидеть» Фахми. Естественно, в этот вечер я не смог связаться с начальником канцелярии президента. Было 10 часов вечера, он уже ушел домой. Однако А.А. Громыко настойчиво требовал, чтобы его просьба была доведена до президента и ответ получен не позже 9 часов утра следующего дня, т.е. до начала переговоров с Фахми, которые должны начаться в 10 часов. Такой ход давал возможность не ставить этот вопрос перед Фахми и избежать нежелательного объяснения с ним.

Мне удалось ночью дозвониться домой до начальника канцелярии президента и передать просьбу А.А. Громыко. Утром в 9 часов 30 минут делегация уехала на переговоры, а я остался в посольстве ждать ответа от президента. В 10 часов мне позвонил начальник канцелярии президента и сказал, что Са-

дат готов принять А.А. Громыко в своей резиденции в Гизе недалеко от пирамид и провести с ним беседу один на один.

Я помчался в особняк МИДа, где проходили советско-египетские переговоры (с советской стороны тогда в переговорах участвовали Г.М. Корниенко, М.К. Сытенко, Ю.Н. Черняков и др.). Незаметно передал Андрею Андреевичу записку о согласии Садата. Через полчаса к И. Фахми подошел помощник и что-то шепнул на ухо. Фахми резко встал и ушел к себе в кабинет (зал переговоров сообщался с его кабинетом). Проходят 5–10 минут, Фахми не появляется. Очевидно, ему сообщили, что президент принимает А.А. Громыко без него, и это его задело… Чтобы разрядить неловкость положения, Андрей Андреевич встает из-за стола переговоров и сам идет в кабинет к Фахми. Переговоры прерываются. Через 10 минут министры выходят из кабинета, Фахми – темнее тучи, но провожает Громыко до машины, отказывается давать интервью журналистам и быстро возвращается к себе. Громыко успевает сказать мне, чтобы я ехал за ним, и кортеж устремляется к пирамидам.

Подъехали к дому-резиденции Садата. Гостя встречает сам хозяин. В приемной журналисты фотографируют, пытаются взять интервью, но их быстро выдворяют. Громыко мне говорит, чтобы я остался и подождал. Президент с министром удаляются для беседы один на один (без переводчика). Она длилась почти пять часов. Вот они вышли к журналистам, их сфотографировали на фоне пирамид. Садат выглядел утомленным, лицо красное, мне показалось, что он несколько возбужден. Громыко же, наоборот, – само спокойствие.

Вернувшись в посольство, Андрей Андреевич попросил подготовить кабинет посла, выделить двух машинисток-стенографисток и к 7 часам прийти за ним в резиденцию.

За свою жизнь мне приходилось наблюдать, как работают такие деятели, как Сабуров, Первухин, Косыгин, Каганович и др., трудоспособностью которых я восхищался, но то, что я увидел в этот вечер, превзошло все мною ранее виденное. С 7 часов вечера две машинистки-стенографистки без отдыха, в течение пяти часов непрерывно поочередно стенографировали, расшифровывали, печатали и носили тексты Громыко, а он их правил и возвращал. И так трижды. Наконец, в 2 часа ночи он приглашает меня и дает прочитать солидный «том» шифротелеграммы. Спрашивает, считаю ли я нужным еще кого-либо ознакомить. Называю советника В.А. Кирпиченко. Андрей Андреевич расписывается, говорит заведующему референтурой: «Ознакомьте, отправьте в Москву и уничтожьте».

Это был для меня урок ответственного отношения к делу. Я воочию убедился в высочайшей трудоспособности А.А. Громыко, его блестящих способностях писать четкие и отточенные телеграммы.

Я никогда не забуду удовлетворенность на его лице, когда он поставил точку и подписал телеграмму. И это после напряженнейшего дня переговоров и бесед. По дороге в резиденцию он мне сказал: «Всегда добивайтесь выполнения поручений на возможно высоком уровне и в максимально короткий срок, никогда не откладывайте ответ».

В последующем в своей работе в качестве посла я стремился придерживаться его методов и принципов.

Последняя моя встреча с А.А. Громыко состоялась в конце августа 1986 г. Он уже не был министром иностранных дел. В июле 1985 г. его избрали Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Встреча состоялась по моей инициативе. Я позвонил Василию Георгиевичу Макарову (долгие годы он являлся старшим помощником А.А. Громыко и вместе с ним переехал со Смоленской площади в Кремль) и попросил организовать мне встречу с Андреем Андреевичем как вновь назначенному послу в Ливии. Андрей Андреевич принял меня на следующий день в кремлевском кабинете Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Прошло 22 года, но я до сих пор ощущаю теплоту этой встречи. Он внимательно выслушал мой восторженный рассказ о Кувейте, откуда я переводился в Ливию, и, почувствовав нотки огорчения в связи с этим, поспешил успокоить меня. Мне запали в память его напутственные слова: «Плохих, неинтересных стран нет. Вам надо прежде всего хорошо изучить Ливию, ее историю, культуру и, главное, экономику, проблемы. Ознакомьтесь с теоретическими выкладками Каддафи, постарайтесь установить доверительные отношения с ним. Вашим предшественникам это не удавалось, может быть, вам удастся, будьте с ним предельно искренни». Стал рассказывать о своих впечатлениях от встреч и бесед с Каддафи во время визитов последнего в Москву, давать конкретные советы. В частности, он указал на то, чтобы я уделил особое внимание вопросам военно-технического сотрудничества с Ливией. Таких советов я придерживался в своей деятельности в этой стране, и они мне очень помогли.

Беседа длилась почти два часа, она была непринужденной, чувствовалась ностальгия Андрея Андреевича по его любимой работе, которой он отдал полвека. Это был великий труженик, выдающийся дипломат и государственный деятель, крупнейший ученый экономист-международник. Однако А.А. Громыко являлся еще и большим дипломатом в общении с руководством страны, начиная с И.В. Сталина до М.С. Горбачева. Но это уже другая тема.

Ахтамзян А.А.

Выдающийся дипломат и ученый*

А.А. Громыко принадлежал к героическому поколению наших соотечественников, к когорте дипломатов, которые были призваны создавать благоприятные внешнеполитические условия для страны в условиях величайшего кризиса в истории человечества, во время Второй мировой войны, в период смертельной схватки Советского Союза с нацистской Германией, а затем воплощать в дипломатических документах гениальный замысел надежного послевоенного устройства мира. Во время Второй мировой войны на дипломатов была возложена историческая миссия создания системы международной безопасности. Создание Организации Объединенных Наций на завершающем этапе войны действительно явилось историческим деянием трех государств антинацистской коалиции – СССР, США и Великобритании, которые еще до изобретения ядерного оружия признали роль великих держав в обеспечении мира и международной безопасности. Они пригласили Китай и Францию в качестве постоянных членов Совета Безопасности ООН, они же как инициаторы создания универсальной организации безопасности обязались действовать по принципу единогласия держав, взявших на себя ответственность за сохранение и поддержание всеобщего мира. Этот исторический факт особенно важно отметить сегодня, когда в результате изменившегося соотношения экономических потенциалов и стратегической ситуации, а главное, из-за безответственного разрушения ялтинско-потсдамской системы международных отношений при участии отдельных бывших советских руководителей система ООН оказалась на грани кризиса.

В плеяде дипломатов – учредителей ООН почетное место принадлежит Андрею Андреевичу Громыко. В качестве посла СССР в США он принял непосредственное участие в ответственной работе по воплощению обще-

---

Ахтамзян Абдулхан Абдурахманович (1930–2018) – доктор исторических наук, профессор МГИМО (У) МИД РФ, почетный член Академии наук Татарстана.

* Впервые опубликовано в: А.А. Громыко – дипломат, политик, ученый. Материалы Научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А.А. Громыко. М.: МГИМО-Университет, РОССПЭН, 2000. С. 157–166.

го замысла, причем в максимально возможной степени были соблюдены национальные, государственные интересы державы и ее союзников. На конференции в Думбартон-Оксе (21 августа – 7 октября 1944 г.) Советский Союз представляла делегация во главе с послом А.А. Громыко. Ему же затем были даны полномочия от имени СССР поставить подпись под Уставом ООН 26 июня 1945 г. на конференции в Сан-Франциско. Серьезным достижением советской дипломатии той поры явилось включение в число первоначальных участников ООН Украины и Белоруссии. Участие в создании ООН – первое крупное дело А.А. Громыко, ставшего послом СССР в США в 1943 г.

Молодой Андрей Громыко не готовился к дипломатической карьере. Он считал, что дипломатом ему пришлось стать в силу стечения обстоятельств. Как и многие советские граждане 30-х годов прошлого века, он рано начал свою трудовую жизнь, сначала в родной деревне Старые Громыки недалеко от г. Гомеля в Белоруссии. В книге воспоминаний «Памятное» А.А. Громыко с уважением пишет о своем отце как о добросовестном труженике, оказавшем большое влияние на сына. У родившегося в деревне парня рано проявилась тяга к знаниям, которые он получал сначала из художественной литературы, особенно произведений русской классики, а впоследствии, сначала в техникуме, потом в институте в Минске, – из учебной и научной литературы. Особенно большой интерес студент проявил к экономическим наукам. Самостоятельную работу Андрей Громыко начал в деревенской школе в качестве учителя, еще будучи студентом второго курса, а затем стал директором школы.

Жизненные пути многих советских граждан того времени определялись решениями партии, ее руководителей, которые во второй половине 30-х годов проводили основательное обновление кадров и в народном хозяйстве, и в науке, и в государственном управлении. Молодого учителя однажды вызвали в Минск и предложили продолжить образование в аспирантуре Института экономики АН СССР в Москве, где ему вскоре поручили обязанности ученого секретаря. В аспирантуре А.А. Громыко всерьез занялся марксистской теорией и выполнил исследовательскую работу по экономике сельского хозяйства, а в 1936 г. защитил диссертацию. До 1939 г. молодой экономист занимался научной работой. В первом номере журнала «Вопросы экономики» за 1938 г. была напечатана его статья, посвященная 90-летию «Манифеста Коммунистической партии», а в следующем году в том же журнале – статья о книге В.И. Ленина «Развитие капитализма в России». Ретроспективно оценивая первые научные работы Громыко, можно отметить его взвешенный подход к предмету.

В статьях читатель не обнаружит личных амбиций автора. Возможно, именно это повлияло на выбор среди сотрудников Академии наук кандидатов на дипломатическую службу. В начале 1939 г. партийная комиссия во главе с В.М. Молотовым, занимавшаяся отбором новых сотрудников в Народный Комиссариат иностранных дел (НКИД), пригласила в числе других кандидатов и А.А. Громыко. После краткой беседы, в ходе которой был задан вопрос, чем вызван интерес к английской литературе и как дается изучение

английского языка, и получен сдержанный, скромный ответ, последовало приглашение на работу в НКИД. Так Громыко в свои неполные 30 лет стал заведующим американским отделом дипломатического ведомства. Через несколько месяцев, в мае 1939 г., в условиях углубления международного кризиса произошла смена наркома иностранных дел: М.М. Литвинова сменил В.М. Молотов. Вскоре И.В. Сталин лично назначает Громыко советником посольства СССР в США, где полпредом в это время работал К.А. Уманский.

Дипломатическим мастерством А.А. Громыко пришлось овладевать на практическом поприще, в условиях начавшейся мировой войны, в цитадели державы, которая готовилась к выходу на мировую арену в качестве актера, а затем и арбитра. Общий подход к дипломатии как способу поддержания официальных отношений Громыко выразил на склоне лет довольно просто:

«Общаясь с людьми недостаточно сведущими, чувствуешь, что они часто видят в дипломатии эдакое стремление или умение обхитрить партнеров по переговорам, может, в чем-то и «провести» их, сказать к месту удачное словцо, блеснуть неожиданным афоризмом, ловко привести неизвестную собеседникам цитату. Это, конечно, весьма далекое от истины представление»[1].

На деле поддержание отношений между государствами – это, прежде всего, постоянный труд, требующий большого запаса знаний с учетом интересов своей страны, реального положения и политики страны пребывания. Ознакомление с государственным устройством и дипломатическим аппаратом США началось для нового советского представителя в Вашингтоне тотчас по прибытии. Позже, вспоминая о своих первых шагах на дипломатическом паркете, Громыко говорил о роли и месте дипломатической службы страны пребывания. Внимательное отношение к правилам дипломатического общения – важное условие успешной работы дипломата.

Хорошей школой дипломатии стало для А.А. Громыко не только общение с чинами госдепартамента, но и лично с президентом США Ф.Д. Рузвельтом, который по своей инициативе довольно скоро начал вести с ним доверительные беседы как с представителем не только Москвы, но и лично И.В. Сталина. Из окружения президента особенно ценным было общение со специальным помощником Ф.Д. Рузвельта Г. Гопкинсом и госсекретарем К. Хэллом. Соратник президента Ф.Д. Рузвельта, государственный секретарь США с 1933 по 1944 г., Кордэлл Хэлл назван в воспоминаниях А.А. Громыко патриархом дипломатической службы: «Не могу припомнить ни одного случая, когда по той или иной причине беседа с Хэллом приняла бы крутой оборот. Он обладал тактом и умел держать себя в руках. Если при рассмотрении вопроса возникали трудности, расхождения, то Хэлл предпочитал скорее отложить его на время в сторону, оставить нерешенным, чем рассориться. Когда же он занимал по какому-нибудь вопросу отрицательную позицию, то стремился преподнести это с гибкостью, и в таких случаях в его голосе звучали бархатные нотки. Кстати, они совпадали и с естественным тембром голоса Хэлла»[2].

---

[1] *Громыко А.А.* Памятное. Кн. 1. М., 1988. С. 6.

[2] Там же. С. 113.

Наряду с тактом дипломат рано научился ценить и умение выслушать собеседника. Даже из общения с такими жесткими деятелями, как военный министр Генри Стимсон и военно-морской министр Джордж Форрестол, внимательный дипломат умел извлечь уроки. Общаясь с американскими руководителями, советский представитель делал выводы о разных типах дипломатов. Заслуживает внимания вывод в отношении госсекретаря США в 1947–1949 гг. Дж. Маршалла: «Дипломатический фрак и военный мундир оказались как бы слиты воедино у Джорджа Маршалла»[1].

Таким образом, науку и искусство дипломатии А.А. Громыко осваивал в США, где ему довелось быть советником, поверенным в делах, затем советником посольства в период, когда послом работал М.М. Литвинов (с 1941 по 1943 г.). В конце лета 1943 г., когда А.А. Громыко только что исполнилось 34 года, его назначили послом. Представления А.А. Громыко о профессии дипломата отражены в воспоминаниях, выступлениях и статьях, в кратких характеристиках известных дипломатов, с которыми ему довелось соприкасаться. Если говорить об оценках его предшественников в дипломатическом ведомстве, то очевидны симпатии к дипломату ленинской школы Г.В. Чичерину, но не к М.М. Литвинову или В.М. Молотову.

Первыми по-настоящему историческими событиями для А.А. Громыко стали конференции в Ялте и Потсдаме, где «Большая тройка» решала проблемы послевоенного устройства. Известно, что в Ялте И.В. Сталин, Ф.Д. Рузвельт и У. Черчилль обсуждали такие принципиально важные вопросы, как учреждение ООН и приняли окончательные решения по неурегулированным в Думбартон-Оксе проблемам: о первоначальных участниках – учредителях ООН, по принципу единогласия постоянных членов Совета Безопасности, наметили и контуры территориального устройства не только в Европе, но и в Азии. Даже по фотографиям видно, что за круглым столом и в Ливадийском дворце в Ялте, и в зале дворца Цецилиенхоф в Потсдаме посол А.А. Громыко сидит рядом с историческими фигурами. Между тем его самостоятельная дипломатическая деятельность еще только начиналась. Создатели ялтинско-потсдамской системы договоров очень скоро отошли от дел (У. Черчилль) или ушли в мир иной (Ф.Д. Рузвельт).

Сохранение и поддержание мира не только в духе, но и по букве Ялты и Потсдама на протяжении последующих десятилетий вплоть до начала так называемой перестройки потребовали от дипломатов не только мастерства, но и искусства. В первые послевоенные годы (в 1946–1948 гг.) А.А. Громыко являлся советским представителем в ООН, одновременно будучи заместителем министра иностранных дел СССР. В 1949 г., когда министром иностранных дел стал А.Я. Вышинский, Громыко был назначен первым заместителем министра. Именно в этом качестве ему пришлось принять участие в конференции в Сан-Франциско (1951), где США настояли на своем варианте мирного урегулирования с Японией, а Советский Союз отказался от подписания мирного договора с ней. В июне 1952 г. Громыко назначили послом в Вели-

[1] *Громыко А.А.* Памятное. Кн. 1. М., 1988. С. 119.

кобритании, где, однако, он пробыл недолго: в апреле 1953 г., вскоре после смерти И.В. Сталина, его отозвали в Москву и снова назначили первым заместителем министра, каковым вновь стал В.М. Молотов.

На протяжении нескольких лет после конференции в Сан-Франциско А.А. Громыко пришлось заниматься проблемами урегулирования и в Европе (с Германией), и в Азии (с Японией). Он знал проблему урегулирования с Японией во всех деталях, особенно территориальные вопросы. Изустно известна реплика Громыко на встрече с японским представителем уже в 70-х годах. В ответ на замечание японца об островах Курильской гряды А.А. Громыко выразительно сказал: «Да, острова маленькие, но вопрос большой». Громыко считал послевоенное урегулирование жизненно важным для страны делом, особенно закрепление территориальных изменений. На прямой вопрос сына, какие дела ему кажутся главными в его дипломатической деятельности, Громыко-старший ответил: «Самым большим личным успехом я считаю закрепление в договорном порядке послевоенных границ в Европе»[1]. Закрепление границ в договорах, включая договоры 70-х годов с ФРГ, министр считал основным результатом своей работы. Как полагал Громыко, территориальные реальности, в том числе статус Калининградской области в составе РСФСР, были окончательно закреплены только в 1975 г. в Хельсинки.

Особую гордость и удовлетворение вызывало у А.А Громыко достижение соглашений по ограничению стратегических, ядерных вооружений: заключение Договора о прекращении испытаний ядерного оружия в трех средах (1963), Договора о нераспространении ядерного оружия 1968 г., наконец, Договоров об ограничении стратегических вооружений и о противоракетной обороне (т.е. ОСВ и ПРО) в 1972–1973 гг. Относительно договора 1968 г. Громыко с гордостью говорил: «После подписания в Сан-Франциско Устава ООН это была моя вторая по значению подпись под историческим документом»[2].

Дипломатический стиль А.А. Громыко отличался серьезностью и основательностью. Он решительно отвергал не только шутовство в дипломатии, но и любые экстравагантные выходки высокопоставленных деятелей, которые ради им одним понятного эффекта допускали непродуманные действия. Поведение Н.С. Хрущева на сессии Генеральной Ассамблеи, где он пытался выразить протест, стуча ботинком по столу, конечно, было чуждо профессиональному дипломату. «Серьезная дипломатия не допускает шутовства. А ведь Хрущев вел себя как самый настоящий шут»[3]. «Лучше быть забытым, чем прослыть дураком», – заключил Громыко.

В реестр успехов советской дипломатии под руководством А.А. Громыко следует внести по крайней мере еще два события послевоенной истории. Это преодоление Берлинского кризиса 1958–1961 гг., а также достижение компро-

---

[1] *Громыко Анатолий.* Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. Воспоминания и размышления сына. М., 1997. С. 47.

[2] Там же. С. 49.

[3] Там же. С. 31.

мисса в Карибском кризисе 1962 г., когда СССР и США оказались на грани ракетно-ядерной войны. В поисках компромисса в 1962 г. принимали активное участие не только дипломаты, но и политические руководители. Среди дипломатов наряду с Громыко следует отметить В.В. Кузнецова, А.Ф. Добрынина, А.А. Смирнова, В.А. Зорина и др.

Одна из причин долголетней успешной деятельности А.А. Громыко заключалась в приверженности определенным принципам и реалистическом, научном подходе к внешней политике государства. Как уже отмечалось выше, именно с избранного научного поприща пришел Громыко в дипломатию, а самое главное – все время наряду с практической деятельностью он продолжал заниматься наукой, исследовательской, литературной и даже издательской работой. Под издательской деятельностью следует понимать громадную по масштабам и результатам работу по выявлению и публикации документов внешней политики России и Советского Союза. Особо отметим фундаментальную (более чем 20-томную) публикацию «Документы внешней политики СССР», выполненную комиссией под руководством Громыко, начиная с 1957 по 1977 г. Историческую и научную ценность имеют публикации документов периода Второй мировой войны, прежде всего переписка И.В. Сталина с Ф.Д. Рузвельтом и У. Черчиллем, а также шеститомное издание «Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Москва, Тегеран, Думбартон-Окс, Ялта, Сан-Франциско, Потсдам».

За годы, когда А.А. Громыко возглавлял Министерство иностранных дел СССР, большие коллективы ученых и практиков в дипломатическом ведомстве выполнили следующие фундаментальные исследования: «История дипломатии», издана в четырех томах (1961–1979), «История внешней политики СССР», издана в двух томах (1917–1985, 5-е изд., 1986), наконец «Дипломатический словарь» издан в трех томах (4-е изд., 1985). В списке изданий МИД СССР в 50–80-х годах – сотни томов документов об отношениях нашей страны с другими странами.

В ряде специальных работ по дипломатическому искусству, методам деятельности в области дипломатии А.А. Громыко выступал как соавтор или автор вступительных статей, в которых высказаны суждения о дипломатии, основанные на богатом опыте. В статье «Дипломатия в современном мире» в 1980 г. он писал: «Идеология и политика, в том числе международная, а следовательно, и дипломатия взаимно связаны. Каждая из этих областей общественной жизни, разумеется, имеет свою качественную особенность»[1]. Одна из особенностей дипломатической деятельности заключается в том, что она часто окружена тайной и стремится не раскрывать свои подлинные цели, которые, как правило, сводятся к расширению своего влияния и господства, овладению источниками жизненно важных ресурсов и созданию стратегических позиций.

[1] Дипломатия стран социализма. М., 1980; Современная дипломатия буржуазных государств. М., 1981.

Если современные дипломаты полагают, что можно простым отрицанием опыта предыдущего поколения добиться успеха в таком тонком деле, как дипломатия, то они обречены оставаться в наивно-младенческом блаженном состоянии, пока не окажутся в зубах «серого волка». Изучать опыт поколений отечественных дипломатов, знать и применять его на научной основе, а не конъюнктурно-приспособленческим методом, представляется весьма актуальной задачей для молодых дипломатов. Чего стоил нашей стране отказ от идеологии, т.е. от идей и принципов во внешней политике, мы можем видеть, как говорят, невооруженным глазом. Профессора не только Дипломатической академии, но и МГИМО могут с удовлетворением отметить, что министр А.А. Громыко находил время и возможности для участия в отдельных коллективных изданиях, подготовленных в свое время в учебных и воспитательных целях.

Многие годы А.А. Громыко вел индивидуальную исследовательскую работу и публиковал свои труды под псевдонимом Г. Андреев. Как исследователь он изучал мировую экономику, особенно экономику и политику США. Еще в 1956 г. Громыко защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора экономических наук, а затем выпустил монографию «Экспорт американского капитала. Из истории экспорта капитала США как орудия экономической и политической экспансии».

В 1961 г. вышла в свет его монография «Экспансия доллара», а 20 лет спустя, в 1982 г. – книга «Внешняя экспансия капитала: история и современность». Таким образом, министр не прерывал своей научной деятельности, постоянно изучая экономическое развитие ведущих стран мира. Список научных трудов и публикаций А.А. Громыко включает десятки книг и статей, не считая публичных выступлений, которые вошли в сборники статей и выступлений[1].

Творческую литературную деятельность А.А. Громыко увенчивает книга воспоминаний «Памятное», вышедшая в двух томах в 1988 г., а затем с некоторыми дополнениями переизданная в 1990 г. В этой книге обобщен не только профессиональный, но и жизненный опыт видного дипломата XX в. Полагаю, что изучение работ А.А. Громыко – необходимая составная часть подготовки нового поколения специалистов-международников.

Никакие примитивно понимаемые конъюнктурные соображения не могут воспрепятствовать неизбежному обращению и теоретиков, и практиков к опыту отечественной дипломатии XX столетия, в том числе к трудам А.А. Громыко. В западной историографии и публицистике имеет хождение стереотип, представляющий Громыко как «Мистера Нет», с тем чтобы рассматривать достигнутые в 60–80-х годах соглашения, договоры как исключительную заслугу Запада. Если дипломат находил в себе силы сказать «нет», когда затрагивались интересы страны, то это не должно означать ничего дурного. Важно, чтобы Отечество сказало «да» поступкам и деяниям своего видного представителя.

В период, когда А.А. Громыко был министром иностранных дел (т.е. с 1957 по 1985 г.), дипломатическое ведомство страны активно использовало трибу-

[1] *Громыко А.А.* Ленинским курсом мира. Избранные речи и статьи. М., 1984.

ну ООН – ежегодные сессии Генеральной Ассамблеи ООН и Совет Безопасности для обсуждения и решения актуальных проблем мировой политики. Это относится прежде всего к предотвращению мировой ракетно-ядерной войны и локальных конфликтов, гонки вооружений, ограничению и сокращению стратегических вооружений; к постановке и регулированию глобальных проблем современности: экологических, продовольственных, гуманитарных, рационального использования ресурсов Мирового океана. Особо следует отметить постановку и обсуждение (с последующим принятием действенных решений) проблем ликвидации колониальной системы, ограничения и прекращения ядерных испытаний, нераспространения ядерного оружия, использования околоземного пространства исключительно в мирных целях и других проблем мирового значения.

Видимо, говорить «А.А. Громыко и его эпоха» можно условно. Исторически вернее было бы судить о деятельности выдающегося дипломата и государственного деятеля на ответственных этапах ракетно-ядерной эпохи. Именно в 1957 г., когда Громыко стал министром иностранных дел, наша страна первой вывела искусственный спутник на околоземную орбиту, и русское слово «спутник» (синоним слова «товарищ») было воспринято во всем мире. В 1961 г. с того же космодрома «Байконур» был выведен на околоземную орбиту корабль с космонавтом Юрием Гагариным на борту. Одновременно решались задачи разработки ядерного оружия и его доставки в любую точку Земли. Ведущая индустриальная держава США должна была под влиянием этих событий пересматривать не только свои стратегические доктрины, но и систему образования. В стратегическом плане создание межконтинентальных баллистических ракет, начиная с вывода снаряда в космос, означало утрату Америкой полной неуязвимости для ответного удара в случае первого ядерного удара по территории СССР. Пентагону пришлось пересмотреть такие стратегические установки, как «массированное ядерное возмездие», «отбрасывание коммунизма» и т.п. Вместе с тем стороны в холодной войне глубже осознали необходимость компромиссов, чтобы избежать реального военного столкновения. Обострение отношений в связи с ситуацией вокруг Берлина в 1958–1961 гг., а затем в период Карибского кризиса, когда мир оказался на грани конфликта с применением ядерного оружия, показало необходимость сосуществования. Кстати, разработка принципов мирного сосуществования применительно к данной эпохе была делом не только партийных идеологов, но и дипломатов, что получило отражение в выступлениях Громыко. Принципы мирного сосуществования заложены не только в Уставе ООН, но и в Хельсинкском Заключительном акте 1975 г.

Дипломатия играла важную роль в предотвращении не только мировой войны, но и локальных конфликтов. Именно после достижения компромисса в Карибском конфликте вскоре удалось достичь определенных результатов в дипломатическом марафоне на переговорах по прекращению ядерных испытаний, ущерб от которых стали испытывать на себе все страны мира. В августе 1963 г. был заключен Договор о запрещении испытаний ядерно-

го оружия в трех средах. Первоначальными участниками и депозитариями Договора выступили три ядерные державы: СССР, США и Великобритания. Договор был открыт для подписания в трех столицах – Москве, Вашингтоне и Лондоне. С точки зрения развития методов дипломатии, этот акт был новаторским. Он создал предпосылки не только для участия всех без исключения государств в этом Договоре, но и для продолжения переговоров и выработки в краткие сроки новых договоров и соглашений по ограничению стратегических вооружений. Особое место в ряду таких соглашений занимает Договор о нераспространении ядерного оружия, подписанный теми же тремя державами 1 июля 1968 г. в трех столицах и открытый для подписания другими ядерными и неядерными государствами. В конечном итоге Договор подписали, а затем продлили на новый срок почти все государства: в 2008 г. – 189.

Ракетно-ядерная эпоха характеризуется и как эпоха распада колониальной системы. Объективно неизбежный процесс деколонизации и обретения государственной самостоятельности народами Азии и Африки получил поддержку со стороны Советского Союза. Люди старшего поколения, особенно дипломаты, помнят инициативу СССР в ООН по выработке совместно с другими государствами резолюции по деколонизации, благодаря которой был ускорен процесс создания новых государств, особенно в Африке и Южной Америке, а затем и в Океании. В историю международных отношений 1960 г. вошел как год Африки. Обрели независимость десятки стран, число государств – членов ООН существенно увеличилось, превысив 100, а позже – 190. В подготовке и реализации этой инициативы нашей державы значительна личная заслуга А.А. Громыко. Советский Союз, как правило, заявлял о дипломатическом признании нового государства в день провозглашения его независимости. К 70-м годам СССР установил дипломатические отношения более чем со 140 государствами. Когда в редакции журнала «Международная жизнь» возникла мысль опубликовать подготовленную в МГИМО сводную таблицу государств с датами установления дипломатических отношений СССР с этими странами, Громыко оживленно прокомментировал и одобрил эту хронологию.

В отношениях между странами третьего мира периодически возникали трения и даже конфликты на почве размежевания. Особенно острым и затяжным оказался конфликт из-за Кашмира между Индией и Пакистаном. Не только историки, но и практики-дипломаты, очевидно, помнят, что, когда в 1966 г. произошло обострение конфликта между этими государствами, Советский Союз взял на себя и успешно выполнил миссию доброй воли. Это был первый и, пожалуй, единственный акт такого масштаба в истории советской дипломатии. Ташкентская встреча представителей Индии и Пакистана при содействии СССР предотвратила расширение конфликта. Здесь нам представляется уместным упомянуть имя одного из заместителей министра иностранных дел Н.П. Фирюбина, который принял активное участие в проведении Ташкентской встречи и затем обстоятельно рассказал об этом преподавателям и студентам МГИМО. Выступления не только заместителей мини-

стра, но и членов Коллегии, заведующих отделами, были довольно частыми прежде и были бы полезны и ныне.

Более четверти века Громыко был министром иностранных дел Советского Союза, достойно представляя великую державу на мировой арене. Его дипломатическая деятельность строилась на глубоком знании глобальных экономических и социальных процессов, изменений в соотношении сил между ведущими державами мира. Он основательно изучил суть долларовой и атомной дипломатии США. На протяжении десятилетий дипломатия СССР противостояла экспансионистской политике этой страны, обеспечивала сохранение послевоенного территориального и политического статус-кво в Европе, содействовала освободительным движениям народов Азии, Африки, Латинской Америки. Не узколобый прагматизм, а принципиальность и предсказуемость характерны для внешней политики великой державы. Главный итог дипломатической деятельности страны во второй половине XX в. заключается в том, что совместно с другими миролюбивыми государствами, используя возможности ООН и других международных организаций, удалось предотвратить возникновение мировой войны, эскалацию локальных конфликтов и превращение их во всеобщий конфликт. Исторический факт состоит в том, что даже в период самых острых конфликтов в те годы ни одна бомба не была сброшена на города Европы. К сожалению, это все же произошло на рубеже веков в Югославии.

Все крупные дипломатические акции имели не субъективные мотивации, а серьезное обоснование государственными интересами.

Важным фактором успеха дипломатических акций служила апелляция к общественному мнению Советского Союза и зарубежных стран. Люди старшего поколения хорошо помнят выступления А.А. Громыко перед широкой аудиторией и более частые выступления перед специалистами. Речь идет не о торжественных юбилейных собраниях, а о деловых совещаниях. На некоторые совещания в МИД приглашали и ученых, и представителей общественности, которые участвовали в разъяснении внешней политики у нас в стране и за рубежом. Мне запомнилось выступление Громыко летом 1961 г. после встречи Н.С. Хрущева с президентом США Дж. Кеннеди в Вене. Для нас, германистов, выступление министра, когда он в течение полутора часов свободно, без какого-либо конспекта рассказывал о сложных проблемах европейской политики, являлось хорошей школой дипломатического искусства. Были, конечно, и другие встречи и эпизоды, их в памяти современников бесчисленное множество. У каждого свои воспоминания.

Лично мне довелось беседовать с А.А. Громыко только один раз, в 1973 г., когда министр проявил интерес к ситуации в МГИМО и пригласил меня, секретаря парткома института, прийти на беседу в здание на Смоленской-Сенной. Обстоятельная беседа длилась примерно час. Речь шла и о дисциплине, и о моральной атмосфере, и об учебном процессе. Результатами этой беседы стали введение в институте по решению ведомства специального учебного курса по дипломатической службе, а позже создание кафедры дипломатии на факультете международных отношений.

Беннет Джил

Андрей Громыко как мастер ведения переговоров: взгляд из Форин-офиса*

Министры и должностные лица Форин-офис вели переговоры с Громыко в течение почта 50 лет, с момента назначения его в 1939 г. на первую дипломатическую должность в качестве советника полпредства СССР в Вашингтоне вплоть до истечения длительного срока его пребывания на посту советского министра иностранных дел в 1985 г. На протяжении всего этого периода к нему относились то с уважением, восхищением и даже с любовью, то с раздражением, обидой и разочарованием, но всегда как к мастеру своего дела. Внушая эти чувства, на первый взгляд противоречивые, на самом деле взаимодополняющие, он продолжал в политике жесткий курс, выработанный еще его предшественниками – Литвиновым и Молотовым. Они тоже были твердыми, настойчивыми, решительными и упорными в отстаивании и защите интересов Советского Союза: «Вступая в переговоры, русские знали, что хотят, и подходили к столу, четко представляя себе свою конечную цель, с готовностью принять для ее достижения все необходимые меры, в том числе, если потребуется, путем срыва переговоров»[1].

Громыко, однако, превзошел своих предшественников не только по длительности своей полувековой службы, за время которой произошли значительные изменения почти во всех сферах международной жизни, но и по своей способности настойчиво пропагандировать политику правительства, вежливо, гибко, а порой, хотя и дружелюбно, абсолютно бескомпромиссно. Всегда лаконичный, хорошо подготовленный к любой встрече, он обладал энциклопедической памятью и глубоким знанием правил процедуры и прецедентов, которые мог мастерски использовать. Хотя все это, возможно, делало его нелегким собеседником для министров Великобритании, многие из них получали удовольствие от встреч с ним, ощущая его твердую, как скала, непоколебимость. Как писал в своих мемуарах бывший министр иностранных

Беннет Джил – в 1995-2005 гг. Главный историк (Chief historian) министерства иностранных дел и по делам Содружества Великобритании.

* Впервые опубликовано в: А.А. Громыко – дипломат, политик, ученый. Материалы Научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А.А. Громыко. С. 125–129.

[1] *Bennett Gill*. Negotiating with the Russians // Spies, Secrets and Diplomacy. FCO Historians Occasional Paper. 1999. Jan. No. 15.

дел и премьер-министр лорд Каллагэн: «Он был мастером ведения переговоров, не уступал ни на йоту до последнего момента. Имея опыт общения с деятелями профсоюзов, я получал от подобных встреч истинное удовольствие»[1].

Эту технику терпеливой и, как представляется, бесконечной пропаганды описал на основе своего личного опыта г-н К.А. (Тони) Бишоп, который более тридцати лет являлся главным переводчиком британского МИД и переводил во время бесчисленных переговоров Великобритании с Громыко. Он описывает эту технику как «дипломатический эквивалент того, что известно в русской военной доктрине как артподготовка или артобстрел, нередко продолжительный, предназначенный для того, чтобы ослабить или смягчить позиции оппонента, и затем, прежде чем взять на себя риск "ближнего боя", возможно, приступить к их более детальной "хирургической" обработке, при этом главная цель состояла в том, чтобы установить, насколько сильны эти позиции и кто за ними стоит. Нередко лишь после продолжительного использования такой техники смягчения и "видимых переговоров" Громыко был готов переключиться на "настоящие переговоры", причем только тогда, когда убеждался, что оппонент остается непоколебим и что почетная ничья отнюдь не явится неприемлемым вариантом. Громыко был мастером выжидания, он поднял его до высот искусства и здесь не знал себе равных. Зачастую это приносило свои результаты, поскольку многие партнеры по переговорам, пытаясь хоть как-то расшевелить его, заигрывали с ним до крайности, иногда даже выходя за рамки своих полномочий: они были готовы на все, лишь бы сдвинуть переговоры с мертвой точки»[2].

Манера Громыко вести переговоры требовала большой стойкости, что вызывало восхищение у его собеседников. Рассказывая о своих встречах с Громыко, лорд Хьюм с одобрением отмечал, что, хотя переговоры с Громыко могли подразумевать «долгие часы совершенно безрезультатной, бесплодной беседы», «польза от них была в том, что мы оба знали, на какой основе может идти работа. Когда он говорил что-то необычное, я мог сразу понять, на что он намекает»[3]. Порой, правда, Хьюму приходилось прилагать определенные усилия, для того чтобы «работа действительно шла». В мае 1974 года на переговорах в министерстве иностранных дел в Лондоне британский министр иностранных дел, в то время сэр Алек Дуглас-Хьюм, тщетно пытался остановить Громыко, который пространно излагал позицию Советского Союза: «Подняв руку, как уличный регулировщик», он напомнил Громыко, что прекрасно знает содержание последних передовиц «Правды» и что их пересказ ни к чему не приведет. Но Громыко продолжал говорить, не переставая, до тех пор, пока Дуглас-Хьюм не предложил объявить перерыв и не пригласил Громыко (без его делегации) продолжить их встречу в «Карлтон-клаб». Громыко в знак согласия улыбнулся, и два министра в присутствии лишь переводчиков и стенографистов гораздо более плодотворно беседовали еще

[1] Lord Callaghan. Time and Change. L., 1987. P. 370.
[2] Private information flam Mr. K.A. Bishop, Foreign & Commonwealth Office.
[3] Lord Home. The Way the Wind Blows. L., 1976. P. 158.

часа полтора, за время которых больше не прозвучало ни одного пропагандистского клише[1].

В своих мемуарах Громыко пишет: «О Дугласе-Хьюме у меня сохранились живые воспоминания. Человек он по натуре не жесткий. Говорить нечто резкое в беседе с иностранцем ему не свойственно. И хотя нельзя сказать, что по основным направлениям политики имели место существенные продвижения, тем не менее все же оставался какой-то след, облегчавший последующие встречи»[2]. Возможно, сам Дуглас-Хьюм не сказал бы подобных слов. Однако, по словам Тони Бишопа, однажды в частной беседе он так отозвался о Громыко: «В конце концов, его нахальством нельзя не восхищаться. Вообще-то, он мне нравится».

Из документов, хранящихся в архивах британского МИД, видно, насколько искусно Громыко отстаивал политику Советского Союза и добивался достижения его целей. Он демонстрировал неистовое упорство как в вопросе сохранения государственного суверенитета, шла ли речь о послевоенной Греции или Испании, так и в вопросе контроля над ядерным оружием. Громыко был прагматиком и в своих выступлениях редко рассуждал на отвлеченные темы, но все события международной жизни он оценивал с точки зрения советских принципов и идеологии, которые брал за основу при ведении переговоров со своими зарубежными коллегами по вопросу об урегулировании конфликтов или борьбе с кризисами. Едва ли британских дипломатов воодушевляла неизменно жесткая позиция Громыко: в 1950 г. сэр Дэвид Келли назвал его подход «беспроигрышной техникой»[3], а сэр Томас (позже – лорд) Браймлоу спустя почти двадцать лет предупреждал своих коллег-дипломатов, что «одна из задач Громыко – представить политику Советского Союза более компромиссной, чем она есть на самом деле»[4].

Однако было бы ошибкой полагать, что Громыко занимал в переговорах пассивную позицию, препятствуя их развитию. По мнению участников переговоров с британской стороны, если ему предоставлялась возможность отстоять интересы СССР, он мог быть энергичным и держать ситуацию под контролем. В своем отчете о деятельности Совета Безопасности ООН в первые шесть месяцев его существования сэр Александр Кадоган в сентябре 1946 года пишет, что Громыко «полностью владел ситуацией. Он приковывал к себе внимание фотографов, вызывал у журналистов интерес, а у большинства своих коллег по Совету Безопасности – раздражение»[5]. Кадоган, однако, отмечает, что если страны советского блока вынесли на рассмотрение Совета Безопасности пять пунктов, то «демократические страны – ни одного» и в результате были вынуждены уступить инициативу России.

---

[1] Private information from Tony Bishop.

[2] *Громыко А.А.* Памятное. М., 1990. С. 411–412.

[3] Documents on British Policy Overseas (DBPO). Series II. Volume IV. Korea 1950–1951 (HMSO, 1991). No. 13.

[4] DBPO. Series III. Volume I. Britain and the Soviet Union 1968–1972. (The Stationery Office, 1998.) P. 170.

[5] DBPO. Series I. Volume VII. The United Nations: Iran, Cold War and World Organisation 1946–1947 (HMSO, 1995.) No. 82.

Другие примеры энергичного, смелого, пусть даже огульно отрицающего поведения Громыко отмечены также на переговорах в ходе подготовок и проведения Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Г-н Буллард (позднее – сэр Джулиан) о выступлении Громыко в Хельсинки 3 июля 1973 г. отозвался так: «Весьма резкими идеологически окрашенными словами» он выразил решимость Советского Союза отстаивать принципы невмешательства и национального суверенитета, а также препятствовать любым переменам, которые могут оказаться опасными для советского строя или правительств восточноевропейских стран. В другой раз Громыко приписывают слова о том, что «у Третьей корзины (касающейся таких вопросов, как свобода передвижения и культурные отношения) следует отсечь днище, чтобы из нее высыпалось все то прекрасное, на принятии чего так настаивает Запад»[1].

Несмотря на то, что перед участниками переговоров с британской стороны Громыко мог предстать с каменным и непроницаемым лицом, ему было не чуждо и чувство юмора, хотя шутил он редко и всякий раз неожиданно. Хороший пример этого можно встретить в записи беседы Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. Подгорного с премьер-министром Великобритании Гарольдом Вильсоном, состоявшейся 24 января 1968 г. в ходе визита последнего в Москву. Затронув в разговоре дело Джеральда Брука, который в 1965 г. был заключен в исправительно-трудовой лагерь за ввоз в страну антисоветской литературы, Вильсон заявил, что британский народ не может понять, почему так обошлись с Бруком, и что пресса не дает ему, премьер-министру, покоя, обвиняя его в том, что он мог бы более энергично защищать интересы Брука. «Ему трудно было представить, что, по мнению прессы, ему следовало сделать. Разве что она рассчитывала, что он отправит морских пехотинцев на штурм тюрьмы? На это г-н Громыко вскользь заметил, что при таких обстоятельствах им вряд ли бы выдали визу»[2]. А Тони Бишоп приводит такие слова Громыко, приветствовавшего Майкла Стюарта (в то время бывшего министра иностранных дел) на приеме в Ланкастер-Хаус: «О, Майкл, дружище! Хо-хо! Давай-ка поговорим. Мы ведь вместе немало каши съели».

Сущность советской дипломатии заключалась в том, что ее представители должны были оставаться независимыми и беспристрастными в отношениях со своими иностранными коллегами, и Громыко не был в этом смысле исключением. Британские министры и чиновники, на протяжении многих лет общавшиеся с Громыко, высоко ценили его личные качества, хотя и имели о них лишь поверхностное представление. Никто из них не мог утверждать, что хорошо знал Громыко. Для тех из нас, чья работа заключается в изучении документальных записей и в описании поступков и высказываний видных деятелей мировой политики, архивы дают полную, но не исчерпывающую кар-

[1] See DBPO. Series III. Volume II (The Conference on Security and Cooperation in Europe 1972–1975 (The Stationery Office, 1998.) P. 157 and 320. Cf. also P. 161–162, 165, 220, 320, 378 and 448; Sir Crispin Tickell // Spies, Secrets and Diplomacy. Op. cit P. 29, and the contribution from H.E. Yuri Fokine // Ibid. P. 34.

[2] DBPO. Series III. Volume I. P. 17.

тину. Поэтому на семинаре, состоявшемся в Форин-офис в январе 1998 года и посвященном изданию двух новых томов «Документов внешней политики Великобритании», его участникам, многие из которых имели многолетний опыт общения с Громыко, было особенно интересно услышать выступление Его Превосходительства посла Российской Федерации Юрия Фокина, поделившегося своим личным мнением о Громыко. Как справедливо заметил посол: «Документы – это еще не все: в них нельзя описать хмурый или пристальный взгляд Громыко, его кривую улыбку, которые порой отражали истинную реакцию бывшего министра иностранных дел Советского Союза»[1]. Хотя в архивах Великобритании имеется много документов о встречах с этим человеком, где он описывается как «естественный и дружелюбный», Громыко все же остается трудно постижимой фигурой.

Вместе с тем, документы дают ясное представление о Громыко как о стойком защитнике советских принципов и идеологии на протяжении долгих лет. И все же, как считает Тони Бишоп, наиболее емкое представление о Громыко содержится во мнении британского Форин-офис о нем, которое кратко можно было бы изложить так: «Определенно, у советской машины нигде и никогда не было слуги более профессионального, добросовестного, последовательного, преданного, лояльного, хладнокровного, осторожного, самоотверженного и многострадального, чем Андрей Андреевич Громыко».

[1] Spies, Secrets and Diplomacy. Op. cit. P. 34.

Бессмертных А.А.

Тень Мастера*

Большинство дипломатов моего поколения, да и значительная часть нынешних послов, сотрудников высшего и среднего звена министерства иностранных дел в том или ином качестве работали в эпоху Андрея Андреевича Громыко, постигали секреты сложнейшего искусства ведения внешней политики, к тому же в жестких условиях Великой холодной войны, находясь в благотворной тени этого Мастера дипломатии XX в.

Мне повезло – меня не обошел шанс учиться у многих всему тому, что помогало осваиваться в трудной (если к ней относиться серьезно) профессии дипломата, заключающей в себе необходимость постижения множества наук, навыков, своеобразных технологий нашего во многом уникального ремесла, которое требует, как от музыканта, владения тонкими инструментами, в нашем случае прежде всего эрудицией, логикой и словом.

Вхождение в работу не предварялось наставлениями. Нашими учителями были особые люди, невидимо излучающие глубинную мудрость, насыщенный опыт и обширные знания. Нужно было только настроиться на восприятие этих излучений, открыться их воздействию и закрепить в памяти постигнутый смысл. Без стремления внимать полезному в мыслях и деятельности высоких Мастеров было невозможно обогатиться их опытом, который помогал нашему общему развитию, а также движению в работе и карьере.

Андрей Андреевич Громыко, казавшийся издалека недосягаемой холодной вершиной Гималаев, при более близком видении был другим – внимательным, спокойным, обладавшим хорошим, но старательно скрываемым чувством юмора. Он не был человеком с мрачным расположением духа или угрюмым по натуре – он был чаще всего сосредоточенным, погруженным в свои мысли. При всем при том это, конечно, была глубокая, сложная в своей многоцветности натура. Случай проявил ко мне благосклонность, подарив

Бессмертных Александр Александрович – президент Международной внешнеполитической ассоциации, председатель Всемирного совета бывших министров иностранных дел, министр иностранных дел СССР (1991).

* Впервые опубликовано в: «Лучше десять лет переговоров, чем один день войны». Воспоминания об Андрее Андреевиче Громыко. С. 37–51.

возможность работать с ним на весьма близком расстоянии, разумеется, в подчиненном положении, которое, тем не менее, предоставляло достаточно обширный простор для сопричастности к его делам. На первом этапе, когда я был сотрудником его секретариата; на втором – когда возглавлял, будучи членом коллегии МИДа, отдел США и Канады.

Мне не трудно признать, что если бы не упомянутый Случай, приведший меня в аппарат помощников А.А. Громыко на «разгонной фазе» дипломатической работы, то профессиональная жизнь моя, скорее всего, сложилась бы по-иному, может быть и вполне удачно, но едва ли она была бы столь насыщенной событиями исторической важности. И в то же время случай качнулся в мою сторону не без помощи самого Андрея Андреевича. Произошло это неожиданно и странно – так мне казалось.

Проработав почти год в отделе переводов Секретариата ООН, а затем четыре с половиной года помощником заместителя Генерального секретаря ООН (при мне этот пост занимали видные дипломаты Е.Д. Киселев, В.П. Суслов и А.Е. Нестеренко), который одновременно возглавлял Департамент по делам политическим и Совета Безопасности, я в 1966 г. вернулся в Москву, предвкушая потрудиться на предложенной мне должности первого секретаря в отделе международных организаций МИД СССР. Распланировав свой предстоящий 48-дневный отпуск, я заглянул к референту из управления кадров, чтобы завершить оформление необходимых документов. Тот встретил меня встревоженным взглядом и, не дав произнести ни слова, хрипловатым полушепотом приказал, чтобы я срочно мчался в секретариат министра на седьмой этаж. «А что случилось?» – пробормотал я. «Иди, иди! Там узнаешь!» – сказал он.

Старший помощник министра Борис Дмитриевич Макашов испытующе оглядел меня и буднично, будто мы только вчера расстались, спросил: «Ты что на работу-то не выходишь?» Заподозрив, что произошла какая-то путаница, я стал рассказывать, что только на днях вернулся из загранкомандировки и ухожу в двухмесячный отпуск. Макашов весело рассмеялся. Это был высокий, красивый человек. Тонкий прямой пробор, тщательно уложенные волосы, хороший подбородок, аристократическая раскованность делали его похожим на бытующий образ британского лорда. «Завтра к девяти часам приступай к работе. Будешь сидеть вон за тем столом. Приказ о назначении подписан. Никаких отпусков, тем более двухмесячных».

Поначалу мне никто не раскрыл, почему я оказался в аппарате министра. (Лишь через несколько лет Владимир Павлович Суслов, к которому Андрей Андреевич питал доверие и уважение, сообщил, как это произошло.) А тогда мистика, связанная с назначением, только густела. Через две недели работы Макашов предупредил, что поскольку я уже вошел в курс дела, он планирует представить меня лично министру. Вскоре этот волнующий момент наступил. Макашов шагнул за высокую полированного ореха дверь с бронзовой ручкой. Я остался за порогом и взволнованно глядел на эту ручку, пока она не шевельнулась, и из открывшейся щели не вышел старший помощник.

Я было шагнул вперед, но он остановил меня, прикрыл дверь и спросил: «Вы уже встречались с Андреем Андреевичем?» «Нет, – ответил я, – министра я видел только издалека». «Странно, – пробормотал Макашов, – когда я попросил разрешения представить нового сотрудника, он мне сказал, что уже знает Бессмертных… Ладно, через пару недель повторим операцию. Возможно, Андрей Андреевич…» Макашов не завершил фразу – то, о чем он подумал, просто не могло случиться: Громыко никогда ничего не путал.

Позднее «операцию» повторили. Макашов доложил министру: «Уже месяц работает новый сотрудник. Хотел бы вам его представить». «Макашов, – ответил министр, – я две недели назад сказал вам, что знаю Бессмертных. Не будьте так забывчивы».

После этого старпом решительно отказался от попыток показывать меня министру. Все пошло своим ходом. Вскоре я уже докладывал, когда наступало мое дежурство, документы и срочные телеграммы Андрею Андреевичу, выполнял поручения, ездил к нему на дачу и на квартиру – забирать просмотренные им материалы, записывать его комментарии и указания, адресованные заместителям министра, заведующим отделами, послам.

Наиболее трудно, особенно поначалу, было помнить перипетии событий, по поводу которых он либо делал запросы послам, либо обращался с посланиями к своим коллегам – иностранным министрам, либо писал записки в Политбюро. Вопросы, которые он задавал нам, были лаконичны: «Англичане еще не ответили?», «Каир все еще молчит?» или «Американцы как-то среагировали на наше заявление?» В голове у Громыко одновременно умещались десятки, если не сотни, самых разных по значимости и по масштабу вопросов и задач. Он помнил все, и это на первых порах ужасало. Было ощущение, что переступая порог его кабинета, ты идешь на минное поле – разве можно удержать в памяти такое количество дел?

Андрей Андреевич, конечно, понимал, что новичку это просто не под силу, но, не снижая требований и не сокращая числа задаваемых вопросов, он, тем не менее, молчаливо терпел, когда я отвечал «мне требуется это проверить» (эвфемизм ответа «я не знаю»). При этом он добавлял: «И срочно доложите». Громыко терпеть не мог уклончивых ответов, типа: «на мой взгляд», «по-моему», «кажется». И сурово прерывал тех, кто таким способом хотел скрыть свою неосведомленность, словами: «В данном случае мне неинтересно, что вам "кажется" – мне нужно знать, что имеет место на самом деле!».

Понятно, это не значило, что Андрей Андреевич не интересовался мнением других. Наоборот, раздумывая над сложными проблемами, он, как правило, искал толковых, нестандартных суждений у лиц, ответственных за то или иное направление политики. Порой вступал в раздумчивую дискуссию. Мог вслух перебирать варианты ходов, ожидая от собеседников честной и прямой реакции. С чем-то соглашался, с чем-то нет. Вполне спокойно воспринимал несогласие с каким-то его соображением. Георгий Маркович Корниенко, его первый заместитель, в таких случаях, по-южному окая, говорил: «Стоило бы еще рассмотреть и такой вариант…» и высказывал его. Я был свидетелем это-

го, когда в качестве заведующего отделом США и Канады вместе с Г.М. Корниенко и В.Г. Комплектовым был вовлечен в активные обсуждения у министра вопросов ограничения ядерных вооружений, переговоров с США по региональным и двусторонним отношениям, кризисных ситуаций, в которых «чувствовалось» присутствие «руки Вашингтона». Специалисты по другим направлениям наверняка тоже были участниками и свидетелями подобных интеллектуально-поисковых сессий, на которых мощный ум Громыко искал не столько поддержки, сколько сильных антитезисов, мыслительных коллизий, которые неизбежно порождали импульсы нарождающимся верным решениям.

70-е и 80-е годы явились уникальным периодом беспрецедентно интенсивных переговоров с США, нацеленных на достижение более глубоких и строгих ограничений наступательных ядерных вооружений, толчок которым дало подписание в июне 1979 г. Договора по ОСВ-2. Проблема серьезно осложнялась появлением вполне реальной опасности переноса гонки вооружений в космос, перспективой (хотя и отдаленной) появления космических вооружений с непредсказуемыми последствиями для национальной безопасности нашего государства. Советской дипломатической службе пришлось глубоко заняться всеми, в том числе и сугубо техническими, аспектами состояния ядерного баланса, сложившегося между СССР и США, учетом соотношения не только количественных, но и качественных характеристик арсенала своих и американских стратегических вооружений: межконтинентальных, баллистических ракет наземного и морского базирования, тяжелых бомбардировщиков, крылатых ракет, подводных ракетоносцев, ядерных боеголовок и т.д. Особую сложность представляли разрабатывавшиеся системы контроля, проблемы соотношения наступательных и оборонительных вооружений и десятки других вопросов, рассчитанных на понимание инженеров и физиков. Однако пришлось в них погружаться и дипломатам.

Конкретные обсуждения велись через посольство СССР в США и на уровне разоруженческих делегаций. Но основополагающие, поистине стратегические переговоры были уделом министров иностранных дел. На ранних этапах мне довелось быть свидетелем, а позднее участником переговоров и специальных контактов по этим вопросам. И, помню, я поначалу с каким-то почти оцепенением следил за обсуждением Андреем Андреевичем этих суперсложных вопросов с американскими президентами и госсекретарями, его умением улавливать в замысловатой ритмике смысловых сплетений оппонентов тончайшие нюансы, а порой и весьма изящные подвохи и давать на них ответы. Помимо неоспоримых качеств его емкого ума, Громыко всегда полагался и на отработанные приемы подготовки к переговорам. Он тщательнейшим образом изучал все оттенки позиций сторон, привлекая для этого не только мидовских специалистов, но и, в случае необходимости, начальника Генерального штаба, руководителей военно-промышленного комплекса, представителей разведки. Поэтому за столом переговоров американцам противостоял министр-эксперт.

Генеральные секретари (до прихода Горбачева), принимая в Москве высоких иностранных гостей или отправляясь в заграничные вояжи, обычно ограничивались зачитыванием подготовленных для них текстов по тем или иным вопросам (особенно это касалось разоруженческой тематики), затем с немалым любопытством следили за словесной «теннисной игрой», когда с обеих сторон переговорного стола летали варианты решения проблем, предложения и аргументы. «Ракетками» работали с американской стороны президенты, с советской – Громыко.

Подобную картину мне приходилось наблюдать, в частности, во время визитов Л.И. Брежнева в Вашингтон. Особенно ярко это проявилось на советско-американских переговорах в Вене в 1979 г., где был подписан договор об ОСВ-2. Посла в Вашингтоне А.Ф. Добрынина, сыгравшего большую роль в разработке этого договора, и меня, тогда советника-посланника, помогавшего ему в этом, А.А. Громыко пригласил в австрийскую столицу для участия во встречах с американцами. Президент США Джимми Картер, чувствовалось, хорошо подготовился к переговорам с Л.И. Брежневым. Отложив бумажки в сторону, он на память излагал подход США к дальнейшей перспективе переговоров по стратегическим вооружениям, возможностям для двух сверхдержав искать взаимоприемлемое урегулирование острых региональных конфликтов. Сыпал цифрами и ссылками на прецеденты. При этом пытался, глядя в лицо Брежневу, уловить, как советский лидер реагирует на его изысканную речь.

Однако советский лидер никак не реагировал (ради справедливости следует отметить, что в Вене здоровье Брежнева серьезно ухудшилось). Он повернулся к сидевшему рядом Громыко, и в глазах его читалась тоскливая просьба помочь. Андрей Андреевич вступил с Картером в содержательный диалог, тонко давая понять, что высказывает мысли Л.И. Брежнева, который при этом облегченно вздыхал.

Картеру вообще нравилось беседовать с Громыко, когда тот наведывался в Белый дом. Президент сам был дотошным знатоком даже мельчайших деталей переговорных позиций и в лице Громыко встретил достойного соперника в дипломатических поединках. Разница между ними была в том, что президент в ворохе деталей порой утрачивал стратегическое видение вещей, а Громыко выстраивал детали, подчиняя их стратегическому замыслу.

Наш министр, надо сказать, воспринимался многими политическими деятелями за рубежом как некий живой монумент трагической и одновременно великой эпохи победы над германским нацизмом, итальянским фашизмом и японским милитаризмом. Их потрясала одна мысль о том, что он был в одном кругу с Рузвельтом, Сталиным, Трумэном, Черчиллем, де Голлем, общался с ними, вел переговоры. Участвовал в Ялтинской, Потсдамской конференциях лидеров великих держав. Подписывал Устав ООН. Голосовал за создание Израиля.

От его фигуры веяло историей и даже какой-то мистикой. Поэтому многие дипломаты и политики испытывали некую робость перед встречей с Громыко. Я был свидетелем ряда подобных ситуаций.

Первым госсекретарем, назначенным президентом Рейганом, являлся Александр Хейг, четырехзвездный генерал (их в США тогда было не более семи), ранее командовавший войсками НАТО, человек решительный, заявивший вскоре после того, как занял пост главного американского дипломата, что «есть вещи поважнее, чем мир». Отношения Москвы с новой вашингтонской администрацией с самого начала не ладились. Вашингтон брал курс на ликвидацию провозглашенного им «отставания» США от СССР в стратегических силах, словом, на беспрецедентную по масштабам гонку вооружений. В этих условиях ожидалось, что встреча Хейга с Громыко, которая должна была состояться в ходе работы Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке в сентябре 1981 г., будет жесткой стычкой, искры от которой опалят и без того напряженную ситуацию в мире.

Москва провела перед встречей мощную дипломатическую «артподготовку». В августе был опубликован проект договора о запрещении размещения в космическом пространстве оружия любого рода. Одновременно А.А. Громыко направил генсеку ООН Вальдхайму письмо «Не допустить милитаризации космоса».

Встреча проходила 24 сентября в представительстве СССР на 67-й улице. А.Ф. Добрынин и я присутствовали на ней. Буквально через несколько дней после назначений Хейга госсекретарем я познакомился с ним и его женой на приеме, устроенном моим другом, известным вашингтонским юристом Силваном Маршаллом в его роскошном доме – одном из популярных мест, где встречалась столичная элита. Тогда он был напорист и молодцеват. Теперь мне было любопытно, как сложится его разговор с нашим министром.

Громыко, ожидая гостя, прохаживался по комнате, расспрашивал Добрынина о расстановке сил в администрации Рейгана, при этом, совсем не касаясь тематики предстоящего разговора с госсекретарем. Такова была его привычка. Продуманный план беседы он держал в голове и, не испытывая сомнений в его правильности, не считал целесообразным в последний момент ставить его на обсуждение.

Хейг вошел генеральским шагом. Андрей Андреевич любезно поприветствовал его. После того, как все уселись в креслах, Громыко как бы задумался на минуту – в комнате воцарилась мертвая тишина. Хейг не погрузился в кресло, а сел на краешек, положив руки на подлокотники. Было видно, что он волнуется и ничего не может с этим поделать. Кроме того, что он еще не успел привыкнуть к дипломатическим переговорам, махина советского министра подавляла его. Громыко провел беседу в спокойной манере, претензии к позиции США по ядерным вооружениям высказывал с неким чувством сожаления, подчеркивая желание СССР восстановить переговорный процесс, столь нужный для всего мира, перейти к сотрудничеству во взаимовыгодных областях. Предлагал искать общую почву для нахождения совместных решений в сфере ограничения ядерных вооружений, для чего необходимо возобновить переговорный процесс. Говорил о необходимости

широкого взгляда на проблему стратегической безопасности, включающей и демилитаризацию космоса.

Хейг явно не ожидал предложенного стиля спокойного разговора. Он приготовился к жесткой схватке, к спору, поэтому выражал согласие с некоторыми соображениями советского министра скорее в военной манере: «Yes, sir», «O'key, sir». Заготовленные позиции США госсекретарь излагал тоже в умеренном тоне. Появились некие совпадения подходов – стороны условились попытаться выработать совместный «документ о намерениях» в отношении ядерных вооружений. Созданная рабочая группа всю ночь «сколачивала» текст, который после доработки его самими министрами обрел форму «Совместного советско-американского заявления» по результатам встречи в Нью-Йорке А.А. Громыко с государственным секретарем США А. Хейгом о необходимости проведения переговоров по вопросам ограничения вооружений, включая те ядерные вооружения, которые уже обсуждались ранее между представителями СССР и США в Женеве.

Переговорная тактика Громыко и способность нового американского госсекретаря Хейга выйти на одинаковую волну понимания по важным вопросам двусторонних отношений позволили сделать важные шаги на долгом и трудном пути к окончанию холодной войны, который занял десятилетия.

Громыкинский переговорный стиль – сужу по собственным наблюдениям – состоял, в частности, в том, что, приступая к переговорам, министр точно представлял себе их конечную цель и достаточно хорошо оценивал существующий потенциал для взаимного компромисса. В его арсенале было много «технических» приемов продвижения к приемлемому итогу. Выбор их зависел от поведения партнера, характера переговоров, обстановки, в которой они проходили. Тактика могла меняться на ходу. Располагая несколькими вариантами выгодного нам решения той или иной проблемы, министр не спешил сходить с первой позиции на запасную, пока не убеждался, что другая сторона никак не сможет подвинуться к нашему варианту. Чтобы увериться в этом, он (и наши делегации, действовавшие под его контролем и руководством) выжимали из партнера все доказательства невозможности выйти на договоренность на базе наших предложений. По другую сторону кое-кто полагал, что речь идет о тактике затягивания переговоров. Но не припомню конкретного случая, когда нам было бы выгодно искусственное торможение хода важных переговоров.

На мой взгляд, из иностранцев мало кто смог достаточно близко приблизиться к пониманию некоторых черт громыкинского дипломатического искусства, разве что Генри Киссинджер. Его наблюдения – результат многочисленных, как правило, трудных бесед с советским министром по главным проблемам мировой политики. «В Громыко, – писал в своих мемуарах Киссинджер, – мы видели мастера, который формировал политику для Политбюро». В переговорах, по заключению Киссинджера, «неизбежно наступал момент, когда его компетенция доминировала в дискуссиях». Громыко знал «каждый оттенок предмета, и было самоубийственно вести с ним перегово-

ры, не освоив историю проблем и сути вопросов». Киссинджер верно заприметил, что Громыко предпочитал производить нарастающий нажим, нежели предпринимать резкий ход, что он «терпеливо набирал небольшие выигрыши, пока они не превращались в важный результат». И, наконец, он признал, что «в отношении неопытных переговорщиков – а в сравнении с Громыко большинство переговорщиков были неопытными – эта его техника была чрезвычайно эффективной».

Отметив позитивные стороны дипломатического стиля Громыко, сняв шляпу и расшаркавшись перед ним, Киссинджер затем как истинный американец шагнул в сторону от этих своих нетипично американских оценок любого российского феномена и пустился в ритуальные рассуждения о неуступчивой дипломатии Москвы, о ее боязни «мягкотелости» и обвинений в идеологическом отступничестве.

Здесь мне хотелось бы обратить внимание на то, что в нынешних дипломатических кругах и нашей страны бытует некритическое заимствование традиционного американского взгляда на дипломатию СССР как «идеологическую» и потому неприемлемую для преемствования «прагматической» внешней политикой новой России.

Слов нет, во внешней политике Советского Союза присутствовал сильный идеологический компонент во взаимоотношениях с «некапиталистическим миром» и социалистическими странами Запада и Востока. Были и среди дипломатов люди, искренне верящие в историческое «торжество коммунизма». Сам А.А. Громыко в своих мемуарах заявляет: «С начала сознательной жизни я – убежденный коммунист, преклоняющийся перед могучей силой учения Маркса–Энгельса–Ленина». Такова была его вера.

Но означает ли это, что Громыко и вся дипломатия СССР отстаивали «идеологические», а не национальные интересы в мировой политике? Конечно, нет. Любая вера, будь-то в Бога или в Маркса – часть духовной сущности человека. А не наставление для проведения конкретной политики. Не знаю ни одного договора, соглашения, взаимопонимания или, наоборот, кризиса, отчуждения в наших взаимоотношениях с ведущими державами Запада, которые диктовались бы чьей-то верой в марксизм-ленинизм. Весь огромный международно-правовой массив, накопленный Россией со времен Посольского приказа, обогащенный дипломатией XX в., – это строго прагматическая, реалистическая, построенная на принципе развития национального интереса серьезная основа для использования в деятельности и современной российской дипломатии. Что, собственно, она зачастую и делает, проявляя пока некую застенчивость в признании важности этой живительной преемственности.

После неизбежного заклинания в адрес «советской системы» Киссинджер подытожил свою оценку советского министра такими словами: «Безусловно, Громыко был одним из способнейших дипломатов, с которыми я имел дело… Он защищал свою страну во времена бурных перемен и неразберихи, и он продвигал ее интересы. Он достигал важных целей и редко совершал ошиб-

ки, которые можно было избежать. Мало министров иностранных дел, которым можно воздать такую хвалу». Высоко ценили талант Громыко многие его друзья и противники в глобальных процессах, определявших судьбы человечества на протяжении полстолетия ушедшего века.

Каким был А.А. Громыко на Смоленской площади?

У любого министра иностранных дел наряду с повседневно возникающими международными проблемами имеется большой объем управленческих дел, связанных с планированием деятельности министерства, его хозяйственными нуждами, расстановкой кадров в центральном аппарате, в посольствах, взаимоотношением с другими ведомствами. Громыко был еще и членом Политбюро, что отнимало у него тоже немало времени. Как человек, не принимающий решений «с кондачка», без предварительного их изучения, Андрей Андреевич работал по 15–16 часов в сутки. Приезжал на Смоленскую площадь к 9 часам утра, покидал ее в 21–22 часа, забрав с собой сафьяновую папку, набитую бумагами, над которыми он продолжал трудиться до полуночи или часу ночи. Примерно около этого времени в секретариате раздавался звонок – министр просил забрать отработанные документы.

Специфика и «беда» работы министра иностранных дел в том, что он не властитель своего времени. Из всех членов правительства он единственный, распорядок которого зависит от событий не только внутри страны, но и за рубежом. Поэтому нужно, помимо прочего, обладать не только интеллектуальным, но и сильным физическим здоровьем, чтобы справляться с работой. Громыко унаследовал от родителей мощную физическую натуру. Не помню случая (хотя, возможно, они и были) чтобы он брал бюллетень или жаловался на недомогание. Полной отдачи он ожидал и от своих коллег – заместителей министра, заведующих отделами и, конечно, от своих помощников. В момент серьезных кризисов он вообще не покидал кабинет, работая сутками, отрывая два-три часа на короткий сон – он устраивался на диване в расположенной за кабинетом «комнате отдыха».

А.А. Громыко тщательно отбирал руководящий состав министерства, пользуясь военным языком, – свой генеральный штаб. Его назначенцы потом по многу лет оставались на своих постах, даже если кто-то из них оказывался в профессиональном смысле слабее, чем ожидалось. Министр привыкал к своему окружению и с большой неохотой отпускал его работать «в поле», т.е. за границу. Ряд его заместителей десятилетиями оставались на своих постах в «Центре». К ним относились, в частности, первые заместители Г.М. Корниенко, А.Г. Ковалев.

Громыко был строгим руководителем, не терпел верхоглядства, ошибок, совершенных по нерасторопности, нерасчетливости, малодушию или банально из-за поспешности, лишающей дипломата тщательного анализа его переговорного маневра. В таких случаях он четко и фактологически обри-

совывал суть просчета и требовал не допускать этого впредь. При этом, однако, он не употреблял резких слов и не унижал провинившегося. Правда, у него было, на моей памяти, три негативных характеристики, которые он давал (очень редко) близким ему сотрудникам. Как правило, он высказывал их с полуулыбкой. Самой слабой из этих характеристик по степени серьезности проступка была: «странный вы человек». Мне досталось это буквально в первый вечер моего дежурства в секретариате, когда недопонял еще не привычного мне лаконизма данного по телефону указания. «Странный вы человек», – незлобливо сказал он мне. Я был обескуражен, но с тех пор стал внимательнее «вживаться» в слова министра.

Следующая ступень недовольства Андрея Андреевича выражалась словами: «Так поступают только шляпы». И, наконец, высшая «мера наказания»: «Ну какой же вы тюфяк!».

Хочу при этом отметить, что подобные реплики допускались только в разговоре с глазу на глаз, никогда на людях. Узнавали мы об этом потому, что вышедший из кабинета министра провинившийся обычно заходил к старшему помощнику и, смущенно улыбаясь, произносил: «Заслужил сегодня шляпу». «Вот-вот, – отвечал ему старпом, – учти, а не то тюфяком станешь».

Все это было нестрашно. Громыко был отходчив и никогда не держал зла на своих сотрудников – он их ценил и, сам, пройдя долгую трудовую школу, понимал, что не ошибаются действительно только те, кто не работает.

На особом счету у Андрея Андреевича были люди, хорошо владеющие пером, способные быстро и толково составить документ, проект заявления, ноты, сформулировать предложения. Речь идет о хорошо пишущем дипломате, эксперте, владеющем глубоким знанием предмета. Самый блестящий журналист или даже божьей искрой отмеченный поэт не справится с той задачей, которую решает дипломат, составляющий дипломатический текст. Это особый жанр и особое искусство.

Сам Громыко обладал тонким чувством слова, способностью найти именно тот лексический вариант, который ближе всего отражает замысел документа. Я бы сказал, он боготворил слово. Тому много есть подтверждений. У меня была возможность наблюдать за этой его работой и соучаствовать в ней.

Во время интенсивных и трудных переговоров с американцами по вопросам ракет средней и меньшей дальности в Европе, стратегическим и космическим вооружениям, противоракетной обороне, химическому и бактериологическому оружию МИД использовал – в качестве дополнительного варианта разъяснения нашего подхода, немаловажного инструмента воздействия на переговорный процесс – «подбрасывание» другой стороне желательных нам вариантов развязок, предлагать которые на официальном уровне считалось преждевременным. Речь идет о публикации в нашей центральной печати «статей без подписи». Эти материалы «пахли» официозом и внимательно изучались не только общественностью и учеными, но и ведущими ведомствами за рубежом. Кроме того, наши переговорщики, получая эти тексты, понима-

ли, что в них содержится ценный для них материал – своего рода ориентировка для ведения неформальных, зондирующих бесед. В конце каждого года эти статьи издавались в виде отдельных сборников по вопросам разоружения.

Работа над ними велась узким кругом лиц: Г.М. Корниенко, В.Г. Комплектовым и мной как заведующим отделом США и Канады, который до создания специального Управления по разоружению отвечал за проблемы ядерных вооружений. Привлекались и эксперты: Виктор Карпов, Алексей Обухов, Георгий Мамедов. Подготовив «болванку» статьи, мы втроем являлись к министру, и начинался мастер-класс Громыко – скрупулезная работа над текстом. Андрей Андреевич, взвешивая каждую фразу, тонко выстраивал задуманную концепцию. Искал сам и выжимал из нас именно те емкие слова, которые ярче и точнее высвечивали поставленную задачу. Рождался документ необычного жанра – газетная статья, в строках которой таился серьезный переговорный смысл.

Во время подобных сессий иногда раздавался особого, требовательного звучания телефонный звонок – звонил Брежнев. Мы порывисто вскакивали, чтобы не мешать диалогу богов, но остановленные жестом Громыко, вжимались в кресла, слушая как он обращается к громовержцу: «Леонид… Хорошо Леонид, понятно». Однажды во время такого разговора, Громыко, видно, отвечая на вопрос, чем он сейчас занят, сказал: «У меня тут три моих мушкетера…» и пояснил, над чем мы работаем. Эта шуточная характеристика сохранилась в моей памяти как самая приятная награда, полученная от Андрея Андреевича.

Когда я был еще сотрудником его личного аппарата, мне приходилось видеть министра в домашних условиях – на квартире или на даче. Обычно я заставал его за письменным столом, погруженным в чтение бумаг, на которых время от времени он ставил синим карандашом свои знаменитые «АГ», означавшие, что материал им просмотрен или, когда это был, скажем, проект официального документа (записка в ЦК, нота, указание послу и т.п.) – что он с ним согласен. Эти синие «АГ» зачастую определяли направление политики и судьбы людей.

Бывали случаи, когда, завершив работу и вернув кожаную папку с отработанными материалами, Андрей Андреевич выходил за рамки формальных дел и, устало откинувшись на спинку кресла, мог затронуть какие-то «обычные темы». Однажды, заметив мой взгляд на его стол, заваленный штабелями книг, оставлявшими ему лишь небольшое квадратное пространство для работы, он сказал: «У меня привычка – не убирать книги со стола, пока я не прочитаю или не просмотрю их. Вон сколько набралось! Времени пока не хватает…». В тех стопах была не только политическая, но и научная, художественная литература, а также альбомы по искусству. Интересы Громыко были весьма обширны. Но мне представляется, что в то время, о котором пишу, он особенно увлекался историей, как древней, так и нового времени.

Об этом свидетельствует, в частности, такой факт. Судя по всему, старший помощник министра Василий Георгиевич Макаров по какому-то случаю рас-

сказал Андрею Андреевичу о моих библиофильских увлечениях, и однажды, когда я в очередной раз приехал с документами на дачу, он спросил меня о московских букинистических магазинах, что они сейчас из себя представляют, можно ли в них найти то, что ищешь, большой ли нынче спрос на эти магазины. Я кратко рассказал о московской букинистической жизни. При желании в книжных лавках можно было найти почти все, включая одиннадцатитомное издание сочинений Пушкина 1837 г., о котором мечтал один из героев Достоевского. Громыко мимоходом упомянул, что давно интересуется трудами некоторых русских историков XIX века, которых, к сожалению, не переиздают, например, Костомарова. Историка не бесспорного, другой, не карамзинской ветви, но самобытного, со своим мнением… А разве не интересен даже сегодня взлет и падение древнего Рима? Кто довел его до краха – цезари или деградировавшая аристократия?

На следующей неделе мне удалось достать через знакомых букинистов, совсем недорого, несколько томов Костомарова в хорошем состоянии и через В.Г. Макарова передать их министру. Через пару дней я получил через него же благодарность от Андрея Андреевича и деньги, потраченные на книги. В дальнейшем мне представлялась возможность еще несколько раз «раздобыть» книги на интересовавшие министра темы.

Прошло много лет. Судьба разместила меня в министерском кабинете на седьмом этаже. Как-то вечером я остановился у большого книжного шкафа, встроенного в стену справа от письменного стола. С одной из них на меня смотрели знакомые кожаные переплеты когда-то купленных книг Костомарова, томиков по римской истории. В этом был весь Андрей Андреевич! С его врожденной щепетильностью и деликатностью. Прочитав книги, он оставил их в министерской библиотеке, счел, что они не принадлежат ему.

А.А. Громыко был дипломатом позитивного действия. Он искал даже в безнадежных ситуациях выход на договоренность, на совмещение хотя бы отдельных элементов расходящихся позиций. Он понимал, что непродуктивно загонять противника в угол – это может обернуться непредсказуемостью и резким осложнением ситуации. Когда в безысходное положение противник загонял себя сам, Громыко считал возможным помочь ему выйти из него ради спасения отношений и нормализации международной обстановки. Так, к примеру, было на завершающем этапе вьетнамской войны. Москва помогла Вашингтону в установлении контактов с Ханоем, когда стало ясно, что ставка США на военное решение, а затем и на «вьетнамизацию» (переложение ответственности за ведение военных действий на Сайгон при максимальной поддержке его потоком американских вооружений) грозит опасным для мира затягиванием войны. Этот подход проявлял себя и в улаживании ряда конфликтных ситуаций в Африке и Латинской Америке.

Громыко был убежден, что человечество не будет жить в безопасности, если не начать радикальный разворот в сторону ограничения гонки воору-

жений. Разрядка 70-х годов XX столетия с первыми существенными договорами в этой области едва ли случилась бы, если бы Громыко не был ее активным архитектором и адвокатом. Он не только говорил «да» этим качественным переменам в мировой политике, но и «нет» противникам разоружения и пацификации международной обстановки.

Он был активным поборником стратегии на развитие всесторонних связей с США, понимая их способность быть равно позитивной и негативной силой. Его мысль – говорю это на основании многочисленных высказываний «в своем кругу» самого Андрея Андреевича – сводилась к тому, чтобы всегда стараться повернуть США к отношениям с Россией позитивной стороной. При соблюдении главного условия: отношения должны быть равноправными, отвечающими интересам обеих сторон, недопускающими вмешательства во внутренние дела друг друга.

Черчилль как-то сказал, что он не лев, но ему выпало рычать по-львиному. И Громыко выпадало жестко реагировать на действия другой стороны, когда он считал, что они затрагивают честь и достоинство представляемого им государства. Поэтому несправедлива застрявшая в писаниях западных журналистов и некритично воспринятая некоторыми отечественными «политологами» его характеристика как «господина "нет"». Исторические хроники свидетельствуют, что ему больше, чем кому-либо, приходилось слышать от американских и европейских политиков "нет" на выдвигавшиеся Москвой предложения миролюбивого характера.

Кончина Андрея Андреевича в июле 1989 г. не укладывалась в сознании: он был, казалось, нерушимой скалой.

Утром 4 июля меня позвал к себе Э.А. Шеварднадзе, первым заместителем которого я тогда был. «В связи с кончиной Громыко, – сказал он, – создается Правительственная комиссия по похоронам. Михаил Сергеевич считает, что должен быть государственный уровень похорон. Таково и мое мнение. Андрей Андреевич это заслужил… В состав комиссии от Министерства иностранных дел, считаю, должны войти вы. Возглавит комиссию член Политбюро В.И. Воротников».

На состоявшемся заседании комиссии были обсуждены и согласованы детали похорон. Мне показалось, что комиссия испытывает определенную неуверенность в том, в каком масштабе воздать должное государственному деятелю, не действующему, а ушедшему на пенсию. Советские ритуалы такого случая не знали. Поэтому председатель комиссии склонялся к тому, чтобы ограничиться в своем выступлении изложением биографии Громыко, «которая сама за себя говорит». Мной было заявлено, что я собираюсь рассказать об Андрее Андреевиче прежде всего как о выдающемся дипломате нашей страны, о его роли в мировой политике и как о чрезвычайно интересной личности. Возражений не было.

Церемония прощания проходила в принадлежавшем министерству обороны здании рядом с театром Советской армии и длилась несколько часов.

В почетном карауле стояли по очереди руководящие сотрудники МИДа, члены Политбюро (сам Горбачев посетил вдову Лидию Дмитриевну на даче, высказав ей свои соболезнования). Панихида состоялась на Новодевичьем кладбище. Семья решила, что Андрей Андреевич найдет свой вечный покой рядом с похороненными там матерью и братом. Согласно утвержденному распорядку, первым выступил Воротников. Подошла моя очередь. Я поднялся последним на возвышение перед гробом, в котором лежал человек, имя которого еще со времен студенчества вызывало у меня чувство острого любопытства и глубокого уважения. Судьба дала мне возможность работать с ним, учиться у него искусству быть дипломатом и человеком.

Пошел мелкий дождь, который, собираясь на волосах в крупные капли, скатывался по щекам, как слезы. Казалось, плакало и восковое лицо Андрея Андреевича.

Мне всегда трудно говорить на панихидах – сжимается горло. Моя речь была о прекрасном человеке и выдающемся дипломате, который, будучи таковым, всегда тонко чувствовал подлинные толчки истории и выстраивал политику, глядя вперед, в будущее. Он был блистательным мастером уникального искусства дипломатии, умным и успешным переговорщиком и сильным и проницательным стратегом.

Не совсем точно помню все, что мной говорилось – передаю общий смысл. Когда церемония прощания закончилась, гроб закрыли и опустили в могилу, над которой быстро вырос радужный холм из живых цветов и венков, когда я распрощался с несчастной семьей – Лидией Дмитриевной, Милей, Анатолием, их детьми и внуками, я в одиночестве пошел по мокрому асфальту к выходу.

Было грустно – ушла эпоха, какая бы она ни была, эпоха глобальных дипломатических войн, борьбы земных миров, которые на протяжении почти полного столетия лязгали громадными механизмами смерти, ставя жизнь на порог страшной и невозвратной гибели. Им противостояла дипломатия. Нашу возглавлял двадцать с лишним лет Громыко. Благодаря и ему молохи двух идеологически непримиримых цивилизаций не схлестнулись в гибельной агонии.

На кладбищах всегда охватывает тоска, но она постепенно облегчается не мыслью – в таких случаях человеком движут эмоции, – а ощущением, что жизнь все-таки идет, как этот мелкий дождь, от которого не хочется прятаться.

В душе осталась благодарность Андрею Андреевичу за то, что он, некогда заметив меня, дал шанс чего-то добиться в жизни. К тому времени мне уже стало известно, что в том моем далеком, казавшемся мне загадочным назначении в аппарат министра, проявилось еще одно важное качество Громыко. Он всегда внимательно присматривался к людям, размещал их в своей бездонной памяти и, когда возникала потребность, привлекал к работе там, где считал наиболее целесообразным. Меня, а точнее мою фамилию он запомнил в первый раз, когда, будучи атташе, я написал большую речь для Н.С. Хрущева к его визиту во Францию, которая Генеральному секретарю особенно

понравилась, и он сказал об этом. Второй раз – когда работая в ООН, я подготовил несколько аналитических материалов на основе имевшихся конфиденциальных данных, которые мой тогдашний шеф В.П. Суслов лично докладывал министру во время сессий Генеральной Ассамблеи ООН. Поэтому, когда старший помощник министра Б.Д. Макашов хотел меня представить ему, Андрей Андреевич, отвечал: «Я его знаю».

В чем-то прав был Геродот, сказавший «человек – лишь игралище случая». Однако порой случай берет на себя роль механизма для реализации необходимого. Так, на мой взгляд, случилось и в судьбе А.А. Громыко. Когда в 1943 г. по настоянию президента Рузвельта, которому не нравилась активная публичная борьба нашего посла в Вашингтоне М.М. Литвинова за открытие второго фронта, Москва отозвала посла, на его место был назначен советник посольства Андрей Громыко. По этому поводу Аверелл Гарриман написал в воспоминаниях: «Литвинова сменил в Вашингтоне дипломатический вундеркинд Андрей Громыко».

Необходимость прорвала блокаду.

Громогласова Е.С.

Андрей Андреевич Громыко в зеркале газеты «Нью-Йорк Таймс»*

Всего публикаций, в которых говорится о нем, в газете «Нью-Йорк Таймс» за период с мая 1941 по январь 2019 г. вышло 8857.

Первая заметка в «Нью-Йорк Таймс», в которой говорится об Андрее Андреевиче, появляется за пять недель до начала Великой Отечественной войны – 15 мая 1941 г. В тот момент работой советской дипломатии в Соединенных Штатах руководил Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в США Константин Александрович Уманский[1], а 32-летний Андрей Андреевич занимал должность советника посольства. В заметке сообщается о продлившейся один час встрече между госсекретарем США К. Халлом[2] и К.А. Уманским. На ней обсуждались советско-американскиее торговые отношения. Андрей Андреевич принял участие в этой встрече как высококвалифицированный эксперт, за плечами которого было несколько лет научной работы по проблемам американской и мировой экономики[3]. Заметка являлась кратким сообщением длиной в 43 строчки, еще очень далеким от тех развернутых очерков и комментариев конца 1950-х годов и последующих десятилетий, в которых дается полномасштабный дипломатический портрет Андрея Андреевича и характеристика его переговорного стиля.

Следующая заметка, где вновь упоминается А.А. Громыко, датируется уже 27 октября 1941 г. Это был 128-й день Великой Отечественной войны. Немецкий 5-й корпус в этот день занял Волоколамск, 2-я танковая немецкая армия продвигалась к Туле, наши войска вели тяжелые бои с немцами на можай-

---

Громогласова Елизавета Сергеевна – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН.

* Материал основан на статье, опубликованной в журнале «Современная Европа», 2019, № 6.

[1] *Уманский Константин Александрович* – советский дипломат, трагически погибший вместе со своей женой в авиакатастрофе в 1945 г. В момент смерти К.А. Уманский являлся Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Мексике и по совместительству в Коста-Рике.

[2] *Халл Корделл* (Cordell Hull) – американский политик и дипломат, занимавший пост госсекретаря США с 1933 по 1944 г. К. Халл стал лауреатом Нобелевской премии мира в 1946 г. за свой вклад в создание ООН.

[3] В 1936 г. А.А. Громыко защитил кандидатскую диссертацию по проблемам сельского хозяйства США и до поступления на дипслужбу в 1939 г. три года проработал научным сотрудником, а затем ученым секретарем Института экономики Академии наук СССР.

ском, малоярославецком, харьковском и таганрогском направлениях. Андрей Андреевич, занимавший в тот момент пост поверенного в делах советского посольства в США, принял самое деятельное участие в организации сбора средств для оказания помощи своей Родине. 27 октября А.А. Громыко выступает от имени советского посольства на благотворительном вечере в Мэдисон-сквер-гардене в Нью-Йорке. На этом вечере было объявлено о начале общенациональной американской кампании по сбору средств на отправку медицинской и другой необходимой помощи в СССР. В мероприятии также приняли участие: Д.Э. Дэвис, бывший посол США в Бельгии и СССР и председатель президентского комитета по координации деятельности агентств оказания помощи во время войны; Э. Вуд, 1-й граф Галифакс и посол Великобритании в США в 1940–1946 гг.; У. Дюранти, британский журналист, руководивший в 1922–1936 гг. московским бюро «Нью-Йорк Таймс», а также другие представители американской общественности (бизнесмены, журналисты, университетские профессора).

В следующей заметке под заголовком «Громыко получает главный пост в необъяснимой перетряске»[1], опубликованной 22 августа 1943 г., «Нью-Йорк Таймс» реагирует на назначение А.А. Громыко Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в США взамен неожиданно (по мнению редакции газеты) отозванного в Москву М.М. Литвинова[2]. На момент назначения Андрею Андреевичу было 34 года. Большая часть заметки посвящена анализу возможных причин такой «необъяснимой» кадровой перетряски. Указывается, что отставка М.М. Литвинова последовала вслед за призывами «русской» (т.е. советской) прессы, обращенными к союзникам, открыть второй фронт в Западной Европе и оттянуть на себя часть германских сил. В публикации отмечено, что вопрос второго фронта являлся деликатным политическим моментом в отношениях между Советской Россией и ее западными союзниками; и отставка М.М. Литвинова объясняется в заметке недовольством советского руководства их медлительностью. Газета впервые сопровождает новость о назначении нового советского посла фотографией А.А. Громыко, но не дает характеристики личности Андрея Андреевича, уделяя основное внимание обзору дипломатической карьеры М.М. Литвинова — «импозантной», по мнению газеты, фигуры «в русской внешней политике».

В последующих публикациях тема назначения А.А. Громыко новым послом СССР в США получает свое продолжение. Так, в заметке от 4 сентября 1943 г., сообщающей о встрече Андрея Андреевича с госсекретарем К. Халлом, впервые дается характеристика манеры общения А.А. Громыко с прессой. Так, Андрей Андреевич умел быть сдержанным в словах: новый советский посол не разгласил журналистам «Нью-Йорк Таймс» тему своего визита к К. Халлу. Громыко был «уклончив» («non-committal») и когда его спросили о перспективах созыва конференции глав внешнеполитических ведомств

[1] Gromyko Gets Capital Post In Unexplained Shake-Up. NYT. August 22, 1943.

[2] *Литвинов Максим Максимович* – революционер, а затем советский дипломат и государственный деятель, народный комиссар по иностранным делам СССР в 1930–1939 гг.

Британии, СССР и США. Когда же речь зашла о высадке союзников в Италии, Андрей Андреевич проявил открытость, улыбнулся и отметил, что «это хорошая новость».

Андрей Андреевич входил в состав советских делегаций на всех крупных международных конференциях, определивших институционально-правовые основы послевоенного миропорядка. В октябре 1943 г. А.А. Громыко был участником Московского совещания, на котором была принята Декларация СССР, США, Великобритании и Китая по вопросу о всеобщей безопасности. В соответствии с Московской декларацией в августе-октябре 1944 г. проходила конференция в Думбартон-Оксе, на которой советская делегация, возглавляемая А.А. Громыко, обсуждала идею создания международной организации по безопасности. «Нью-Йорк Таймс», освещавшая работу конференции, отмечала, что своими коллегами в США «м-р Громыко воспринимается как усердно трудящийся молодой дипломат, который поддерживает самый тесный контакт с Москвой по всем проблемам, входящим в его сферу ответственности в США»[1].

Две последующие крупные конференции (Тегеранскую[2] и Ялтинскую[3]) «Нью-Йорк Таймс» освещала в серии информационных заметок и статей, воздерживаясь от характеристики переговорного стиля дипломатов, готовивших их. Зато Сан-Францисскую конференцию газета освещала подробно. 28 мая 1945 г. на страницах «Нью-Йорк Таймс» появляется заметка под заголовком «Громыко предостерегает союзников от разобщенности»[4]. Это предостережение Андрей Андреевич сделал, выступая в качестве члена советской делегации в американо-русском институте в Сан-Франциско. В частности, он заявил, что «дефицит понимания и гармонии может подвергнуть серьезной опасности мир и безопасность народов в будущие годы». При этом он отметил, что «проблема сотрудничества между нациями» может быть решена, если между ними есть взаимное доверие.

В составе советской делегации на Сан-Францисской конференции А.А. Громыко боролся за то, чтобы право вето пяти постоянных членов Совета безопасности ООН распространялось на классификацию рассматриваемых Совбезом вопросов. Согласно ялтинским договоренностям, механизм голосования строился на различении «основных» и «процедурных» вопросов. Право вето не применялось к последним. Предложение А.А. Громыко, сделанное им в ходе Сан-Францисской конференции, было новым и расходилось с англо-американской позицией[5].

---

[1] Foreign Office Hand Seen. NYT. August 12, 1944.

[2] Тегеранская конференция «большой тройки» (И.В. Сталин, Ф.Д. Рузвельт, У. Черчилль) проходила 28 ноября – 1 декабря 1943 г. в Тегеране. Позднее под редакцией А.А. Громыко были изданы документы Тегеранской конференции.

[3] Ялтинская конференция проходила с 4 по 11 февраля 1945 г. Андрей Андреевич оставил свои воспоминания и о ней, в которых рассказал о подготовке и ходе конференции, раскрыл лидирующую роль И.В. Сталина в «большой тройке».

[4] Gromyko cautions allies on disunity. NYT. May 28, 1945.

[5] New point raised by Russia on veto snarls big 4 talks. NYT. May 28, 1945.

Между тем главным героем этой конференции стал для американской прессы все же не А.А. Громыко, звездный час которого был еще впереди, а В.М. Молотов[1], возглавлявший советскую делегацию с 25 апреля по 8 мая 1945 г., до своего отъезда в Москву[2]. Дипломатической манере В.М. Молотова журналисты уделили большое внимание в свете разногласий, возникших между западными союзниками и СССР по польскому вопросу, касавшемуся признания западными союзниками польского правительства национального единства и западных границ Польши. Так, в одной из статей говорилось о том, что «опытные дипломаты» предупреждали журналистов о необходимости «мягкой манеры» общения с Молотовым, так как он никогда (по сведениям своих западных коллег) не давал ни одной пресс-конференции. Однако опасения западных дипломатов оказались напрасными. Как указывал корреспондент «Нью-Йорк Таймс», «Молотов всех одурачил: он чувствовал себя как рыба в воде на пресс-конференциях, отвечая на удобные вопросы и парируя неудобные». Когда речь зашла о Польше, В.М. Молотов сказал, что поляки должны выбрать свое собственное правительство и выразил уверенность, что «польский вопрос» будет урегулирован. В то же время в заметке отмечается, что на дипломатов Вячеслав Михайлович произвел впечатление «жесткого переговорщика», не предоставив им возможности заметить его «шарм». Именно у Молотова А.А. Громыко перенимал переговорные навыки и стиль общения.

«Мне больше нечего сказать»

Способность выдерживать давление и умение отстаивать советскую позицию чуть менее чем через год сделали Андрея Андреевича героем американской прессы. Иранский кризис продемонстрировал западной общественности, что новое поколение советских дипломатов, олицетворением которого был Громыко, может быть не менее жестким в отстаивании интересов СССР, чем предыдущее. В дипломатическую историю вошел эпизод из карьеры Андрея Андреевича, когда он покинул заседание Совета Безопасности ООН 28 марта 1946 г. Позднее в новых исторических условиях этот дипломатический шаг повторит Евгений Максимович Примаков и развернет свой самолет над Атлантикой. Но тогда, в далеком 1946 г., в Совбезе ООН обсуждался не косовский кризис, а «иранский вопрос». Андрей Андреевич просил отложить его рассмотрение на две недели, но другие делегаты его не поддержали, и тогда он покинул заседание. «Нью-Йорк Таймс» отреагировала на поступок Громыко целой серией публикаций, в которых его демарш описывался в мельчайших подробностях.

---

[1] *James E.L.* San Francisco learns about Soviet diplomacy; Molotoff claimed much attention for his country, but end results were not altogether happy, diplomats found him tough. NYT. May 13, 1945.

[2] Затем СССР представлял А.А. Громыко, поставивший свою подпись под Уставом ООН.

Газета отмечает, что «было что-то драматически недраматичное в том, как осторожный (deliberate) м-р Громыко решил организовать свой уход»[1]. Так, «демонстрируя мало эмоций и мало заинтересованности в происходящем, Громыко начал медленно собирать различные бумаги и меморандумы, включая копии газетных сообщений, которые он использовал для представления своих аргументов. Все это он собрал в аккуратную кучу, которую распределил по карманам своего темного костюма. Этот процесс длился 15 минут. Затем м-р Громыко обратился к председателю на русском со следующими словами: "Я как представитель СССР не могу продолжать участвовать в обсуждениях Совбеза, так как мое предложение не было принято Совбезом, равным образом я не могу присутствовать на заседании, и поэтому я покидаю его". Пока Громыко говорил, Ч.Ю. Болен[2] шептал в ухо, фразу за фразой, перевод тогдашнему госсекретарю США Д.Ф. Бирнсу». Газета отмечает, что «закончив, м-р Громыко поднялся со своего стула, снял свои очки в роговой оправе и положил их в футляр. Когда он повернулся направо, чтобы обойти полукруглый стол, три его помощника последовали за ним. Советский делегат не проронил ни слова никому из его зарубежных коллег, когда он проходил мимо них, с каменным выражением лица направляясь к выходу». «Нью-Йорк Таймс» фиксирует время, когда Громыко покинул зал: было 5:19 пополудни. Статья сопровождалась фотографией, изображавшей уходящего Андрея Андреевича на глазах у озадаченных и изумленных участников заседания.

Есть ряд интересных эпитетов, которыми «Нью-Йорк Таймс» наградила Андрея Андреевича и описала его поступок. Выражение его лица описывается не только через определение «каменное» (stony-faced), но и через понятие 'poker-faced', вызывающее ассоциации с умением контролировать свою мимику, присущим опытным карточным игрокам. Его шаг называют «зловещим» или «судьбоносным» (fateful). Вызывает интерес и описание советников А.А. Громыко, вместе с ним покинувших зал заседаний. Особенно поразил американских репортеров генерал-лейтенант А.Ф. Васильев[3], который следовал за Громыко с «по-офицерски прямой спиной (straight-backed)». Его журналисты «Нью-Йорк Таймс» назвали символом «армии, которая сражалась так благородно за дело мира»[4].

Газета посвящает несколько статей значению этого демарша СССР для международных отношений. «Нью-Йорк Таймс» дает взвешенные и оптимистичные оценки. В одном из опубликованных комментариев отмечается, что данный шаг не был разрывом СССР с ООН. Он не означал, по мнению газе-

---

[1] Gromyko is stern and silent as he leaves UNO chamber. NYT. March 28, 1946.

[2] *Чарльз Юстис Болен* был американским дипломатом с 1929 по 1969 г. и экспертом по Советскому Союзу. Он служил в Москве до, во время и после Второй мировой войны, сменив Джорджа Кеннана на посту посла США в Советском Союзе.

[3] *Васильев Александр Филиппович* – советский военный разведчик и военный дипломат, кадровый сотрудник Главного разведывательного управления Генерального штаба РККА, личный секретарь-референт Сталина по вопросам военно-дипломатического сотрудничества с союзниками СССР во Второй мировой войне, представитель СССР в Военно-штабном комитете ООН, затем – начальник Отдела внешних сношений Генерального штаба РККА.

[4] Gromyko is stern and silent as he leaves UNO chamber. NYT. March 28, 1946.

ты, распада коалиции, которая одержала победу во Второй мировой войне. «Нью-Йорк Таймс» называет его парламентским маневром. Одновременно, по мнению редакции, это было выражением протеста против Совбеза и «психологическим ударом по новой организации», продемонстрировавшим миру, что СССР будет сотрудничать с ней «только на собственных условиях»[1].

Андрей Андреевич благодаря этому поступку стал любимцем американской прессы. Его называли иллюстрацией русского характера. Один из авторов «Нью-Йорк Таймс» даже писал о том, что на основе своего 16-месячного опыта жизни в СССР и «изучения русского менталитета», он мог с уверенностью утверждать, что «не в русском характере делать пустые угрозы» и отступать публично от своих слов[2].

Андрей Андреевич Громыко был первым постоянным советским представителем при Организации Объединенных Наций. Он был назначен на эту должность в 1946 г., одновременно став заместителем министра иностранных дел СССР. За время работы в ООН в 1946–1948 гг. он использовал право вето 25 раз, за что заслужил у зарубежной прессы прозвище «мистер Нет». Андрей Андреевич относился к ООН как к своему детищу и за годы своей дипломатической карьеры не пропустил почти ни одной сессии Генассамблеи, кроме 1983 г. по болезни.

В 1949 г. А.А. Громыко стал первым заместителем А.Я. Вышинского, министра иностранных дел СССР. Он часто исполнял его обязанности во время болезней и отпусков Вышинского. В конце 1940-х и в 1950-е годы холодная война набирала обороты. И тон комментариев «Нью-Йорк Таймс», сопровождавших деятельность Андрея Андреевича, сменился с восторженного на язвительный. В начале Корейской войны (1950–1953), в июле 1950 г. «Нью-Йорк Таймс» публикует статью «Русские аргументы»[3]. В ней приводится смысл заявления, сделанного Андреем Андреевичем сразу после начала Корейской войны. Он отметил, что Корея была разделена американскими империалистами, установившими «кукольное правительство» и тем самым препятствовавшими обретению единства и независимости народом Кореи. «Нью-Йорк Таймс» назвала это заявление «дьявольски умной мешаниной из недостоверности и бессмыслицы, состряпанной А.А. Громыко и его кремлевскими начальниками с целью, которая не имеет ничего общего с исторической правдой». В этом же духе выдержаны и другие публикации «Нью-Йорк Таймс» 1950-х годов, выходившие за грань простой информационной хроники. В то же время газета не отошла от признания дипломатического авторитета Андрея Андреевича. В 1950-е годы «Нью-Йорк Таймс» называла его «ветераном дипломатии по линии Восток–Запад»[4].

В марте 1957 г., когда Андрей Андреевич был уже советским министром иностранных дел, «Нью-Йорк Таймс» публикует статью «Советская атомная

---

[1] Gromyko is stern and silent as he leaves UNO chamber. NYT. March 28, 1946.
[2] Ibid.
[3] Russian Case. NYT. July 5, 1950.
[4] Gromyko is key figure. NYT. March 2, 1951.

дипломатия»[1]; в ней проанализирована советская нота Норвегии, предостерегающая ее от размещения на своей территории атомных баз НАТО. Нота, по мнению газеты, знаменовала собой отход от «женевской дипломатии улыбок»[2]. «Нью-Йорк Таймс» расценила назначение *stony-faced* «м-ра Громыко» на должность министра иностранных дел как тревожный сигнал для «свободного мира» и призывала последний «найти ответ, который оградил бы его наиболее слабых членов от виктимизации».

Тем не менее Громыко не был главным объектом нападок западной прессы и, в частности, «Нью-Йорк Таймс» в 1950–1960-е годы, так как внимание прессы оттягивала на себя яркая личность Никиты Сергеевича Хрущева. Позднее автор очерка в «Нью-Йорк Таймс», посвященного Андрею Андреевичу, отмечал, что «когда советский лидер снял свою обувь и ударил ею по столу в ООН в 1960 г., г-н Громыко не последовал его примеру. Но левый нижний угол его рта опустился еще ниже, чем обычно, и он просто нахмурился»[3]. Находясь, с политической точки зрения, в тени Хрущева, Андрей Андреевич в какой-то момент, сам того не желая, стал частью светской жизни американского общества. В его мемуарах содержится рассказ о его мимолетном разговоре с М. Монро на одном из светских раутов. А «Нью-Йорк Таймс» в своем очерке, посвященном острой на язык Джеки Кеннеди[4], приводит ее слова, обращенные к Громыко после их пятиминутного первого разговора: «Боже, а Вы далеко не столь ужасны, как мне доводилось о Вас слышать».

Роль Андрея Андреевича в урегулировании Карибского кризиса 1962 года «Нью-Йорк Таймс» поначалу освещала сдержанно, практически не выходя за жанровые рамки информационной хроники. Так, подытоживая «неделю драмы»[5], газета отмечала, что встреча между президентом США Д. Кеннеди и А.А. Громыко продлилась 2 часа и 15 минут, при этом никаких комментариев по итогам встречи дано не было. А затем Д. Кеннеди заявил, что «м-р Громыко дал ему «недостоверные» (*false*) заверения об оборонительном характере ракет, которые СССР готовился разместить на Кубе». Сам А.А. Громыко в своих воспоминаниях написал, что «Кеннеди ни разу в разговоре не поднял вопрос о наличии советских ракет на Кубе; следовательно, мне не нужно было говорить, были ли они там или нет»[6].

Через месяц после карибского урегулирования «Нью-Йорк Таймс» помещает на своих страницах большой очерк Ф.Ч. Икли[7] под названием «Портрет

---

[1] Soviet Atomic Diplomacy. NYT. March 28, 1957.

[2] Имелась в виду Женевская конференция 1954 г., в которой участвовали министры иностранных дел СССР, США, Великобритании, Франции и КНР. На конференции рассматривались корейские и индокитайские вопросы. Обсуждение проблемы воссоединения Кореи завершилось безрезультатно. Вторая половина конференции была посвящена судьбе Индокитая. 21 июля 1954 г. были заключены Женевские соглашения, завершившие войну Франции в Индокитае.

[3] *Whitney C.R.* Andrei A. Gromyko: Flinty Face of Postwar Soviet Diplomacy. NYT. July 4, 1989.

[4] *Sheehan S.* The happy Jackie, the sad Jackie, the bad Jackie, the good Jackie. NYT. May 31, 1970.

[5] Week of Drama. NYT. October 28, 1962.

[6] Цит. по: *Whitney C.R.* Andrei A. Gromyko: Flinty Face of Postwar Soviet Diplomacy.

[7] *Икли Фрэд Чарльз* (1924–2011) – социолог и эксперт по обороне и внешней политике, работавший в экспертных центрах и на различных должностях в Госдепартаменте США. В момент

русского как дипломата; три советских переговорщика в трех настроениях»[1]. Очерк открывается фотографическим триптихом, на котором изображены Семен Константинович Царапкин, Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в США, А.А. Громыко и В.А. Зорин, представитель СССР в ООН. А.А. Громыко, занимающий центральную часть триптиха, изображен со взглядом, отведенным от зрителя, что придает его лицу надменное выражение, его левая рука приподнята в жесте, означающем победу (victory). Фотография подписана словом «жесткость» (rigidity).

Ф.Ч. Икли отмечал, что «коммунистические дипломаты» изображаются западной прессой как «гроссмейстеры дипломатических шахмат, играющие с западными любителями». Советские дипломаты выглядят более жесткими и цепкими по сравнению с западными. Так, А.А. Громыко «всегда требовал, чтобы именно советское предложение было положено в основу переговоров»[2]. Сам Ф.Ч. Икли считал, что западные дипломаты действуют со стратегической точки зрения более правильно, представляя предложение «в предварительном виде и подчеркивая, насколько гибким оно является, подразумевая тем самым, что обе стороны должны сделать уступки». Однако переговорный стиль А.А. Громыко позволил добиться весьма значимых результатов для советской внешней политики.

А.А. Громыко умел быть жестким. Многие ставят ему в упрек поддержку военного вмешательства во внутренние дела Чехословакии в мае 1968 г. Тогда он заявил, что «советские люди не обязаны просить разрешения вмешиваться, когда речь идет о проблемах мира, свободы и независимости народов». Позже он отметил, что «это наше право как мировой державы»[3]. Между тем необходимо понимать, что советская дипломатия определялась общим характером советской государственности, ее идеологией и не могла позволить себе той степени свободы, которая была необходима для принятия «Пражской весны». Проблема идеологической косности советской модели, невозможности ее поступательного реформирования без рисков для самой советской государственности носила общий характер и накладывала свой отпечаток на советскую дипломатическую модель.

Гроссмейстер дипломатических шахмат

Между тем эпоха Л.И. Брежнева, в которую дипломатическая деятельность Громыко достигла своего апогея, вошла в историю не как период обострения холодной войны, а, напротив, как время «разрядки». Советскому министру были поручены детали, переговоры, тексты договоров и технических согла-

публикации статьи Икли занимался исследованием переговорных техник в Гарвардском центре международных отношений. Это был его «саббатикл», в который его отправил экспертный центр «Рэнд корпорейшн», где Икли проработал на тот момент уже много лет.

[1] *Ikle F.C.* Portrait of a Russian as a Diplomat. NYT. December 9, 1962.

[2] Ibid.

[3] Цит. по: *Whitney C.R.* Andrei A. Gromyko: Flinty Face of Postwar Soviet Diplomacy.

шений, давшие разрядке институциональные и правовые формы. Именно Андрей Андреевич вел переговоры по советско-западногерманскому договору 1970 года, по которому Бонн признал послевоенное разделение Европы, существование Восточной Германии и потерю бывших германских территорий.

«Нью-Йорк Таймс» в одной из своих статей справедливо отмечает, что разрядка в отношениях с Западом была вызвана возросшим охлаждением в отношениях Москвы и Пекина в начале 1970-х годов[1]. В этот период газета активно следит за дипломатией Г. Киссинджера, готовившего визит Р. Никсона в Китай, и за ответной дипломатией А.А. Громыко, стремившегося нормализовать советско-японские отношения. В январе 1972 г. выходит заметка «Громыко в Токио»[2], автор которой, касаясь «курильского вопроса», довольно язвительно замечает, что «было бы удивительно, если бы г-н Громыко иногда не сожалел о том, что Сталин – самый успешный империалист в мировой истории, воспользовавшийся по максимуму победой во Второй мировой войне». Ведь спор по «курильскому вопросу» препятствовал полной нормализации двусторонних отношений. Сам же визит Андрея Андреевича в Токио назван «рыбалкой в неспокойных водах»[3].

Громыко никогда не давал прессе подробностей переговоров, которые он вел. Так, например, после встречи с президентом Франции Ж. Помпиду в Париже в первых числах июня 1970 г. он назвал переговоры очень полезными, но, что было в его манере, не раскрыл никаких подробностей[4].

«Нью-Йорк Таймс» очень подробно освещала подготовку договора об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-1), который был подписан во время визита Р. Никсона в Москву в 1972 г. Газета уделяла внимание деталям, а также специфическому юмору, который свойственен дипломатической среде. Так, отдельной темой для этой американской газеты стал страх американской делегации перед советской шпионской техникой, которой, как полагали американцы, были набиты номера в отелях и даже Большой Кремлевский дворец. Газета уделяет внимание нескольким зарисовкам диалогов Г. Киссинджера и А.А. Громыко на тему «шпионской техники». Когда переговоры были завершены и потребовалось снять копии с итогового документа, Киссинджер поднес экземпляр к люстре и, обращаясь к мнимому объективу, заявил: «Могу я получить полдюжины копий с этого оригинала?» На что Громыко, покачав головой, ответил, что скрытые камеры в этом Кремлевском дворце были установлены еще во времена Ивана Грозного и недостаточно чувствительны для копирования документов»[5]. В другой раз, когда Киссинджер пытался выяснить в каком месте спрятан скрытый микрофон, Громыко указал на горельеф, украшавший потолок дворца

[1] Ibid.
[2] Gromyko in Tokyo. NYT. January 27, 1972.
[3] Semantics of War. NYT. February 26, 1972.
[4] Gromyko in Paris. NYT. June 3, 1970.
[5] *Safire W.* The Moscow Summit. NYT. July 2, 1972.

и изображавший полногрудую даму, и сказал: «Я думаю, Вам лучше поискать его там»[1].

В дальнейших публикациях «Нью-Йорк Таймс» неустанно следила за деятельностью советского министра, реагировала на его карьерный рост, особенно, когда в 1973 г. он стал членом Политбюро ЦК КПСС. «Нью-Йорк Таймс» регулярно публиковала выдержки из его выступлений в ООН. В них Андрей Андреевич выдвигал значимые для всего мира разоруженческие инициативы. Помимо ОСВ-1 при участии А.А. Громыко в 1970-е годы были подписаны Договор о принципах взаимоотношений между СССР и США (1972), Соглашение о предотвращении ядерной войны (1973), Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975), ОСВ-2 (1979).

В 1979 г. ввод советских войск в Афганистан ознаменовал собой завершение периода разрядки, и американо-советские отношения вновь оказались в глубокой заморозке. Руководство СССР в те годы становилось все более и более непреклонным, и олицетворением новой линии вновь был А.А. Громыко вплоть до прихода к власти М.С. Горбачева, которого Андрей Андреевич в марте 1985 г. выдвинул на должность генерального секретаря ЦК КПСС.

Всего за десятилетие 1980-х годов в «Нью-Йорк Таймс» было опубликовано более полутора тысяч материалов, в которых упоминался Андрей Андреевич Громыко. Но многое осталось «за кадром» газетной хроники. Так, в этот период Андрей Андреевич активно выступает в ООН на темы, сохраняющие злободневность вплоть до сегодняшнего дня. В одной из своих речей начала 1980-х годов он говорит о том, что «в последнее время США объявили чуть ли не "крестовый поход" против "международного терроризма"...»[2] Но это его замечание вполне применимо и к описанию процесса, начавшегося двумя десятилетиями позднее, когда Дж. Буш-младший объявил войну с террором в 2001 г. Очень актуальным в свете гуманитарных кризисов сегодняшнего дня выглядит призыв А.А. Громыко, обращенный к ООН в связи с гражданской войной в Сальвадоре[3]. 1980-е годы – это время, когда Андрей Андреевич выдвинул ряд идей, значимость и актуальность которых сохраняется до сегодняшнего дня. В августе 1983 г. он направил Генсеку ООН Пересу де Куэльяру письмо о необходимости предотвращения милитаризации космоса. Андрей Андреевич предлагал включить в повестку дня очередной сессии Генассамблеи ООН вопрос «О заключении Договора о запрещении применения силы в космическом пространстве и из космоса в отношении Земли»[4]. В том же письме Громыко говорил о недопустимости ядерной войны в любом ее варианте. Он осудил все агрессивные концепции, «проповедующие допустимость ядерной войны в том или ином ее варианте – всеобщей или «ограниченной», написав следующие строки: «люди и сегодня знают о гибели Помпеи, испе-

[1] *Safire W.* The Moscow Summit. NYT. July 2, 1972.
[2] *Громыко А.А.* Ленинским курсом мира. Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1984. С. 294.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 558.

пеленной вулканом две тысячи лет назад. А сколько везувиев таит в себе одна термоядерная бомба?»[1]

Что касается портрета Андрея Андреевича, который рисовала западная пресса, в том числе и «Нью-Йорк Таймс», то он сам находил его предвзятым. В одном из разговоров с сыном он сказал: «сто раз снимут, на 99 фотографиях я буду улыбаться, а поместят ту, сотую, где не буду. Какой смысл встречаться с репортерами, если у них одна задача – изобразить тебя в превратном свете»[2]. Анатолий Андреевич в своих воспоминаниях об отце пишет, что «практически исключается, чтобы западные средства массовой информации признали за советскими, а сегодня за российскими политиками пальму первенства в каком-либо крупном деле»[3]. И действительно, если судить по публикациям «Нью-Йорк Таймс», журналисты газеты, отдавая должное Андрею Андреевичу, все же с большой неохотой, вынужденно признавали его победы.

И все же отказать им в объективности нельзя. Именно читая их комментарии, можно увидеть, что А.А. Громыко, помимо многих качеств, которые справедливо ставят ему в заслугу, обдал и огромной международно-политической интуицией, трезвостью оценок. Например, в одной из бесед с канцлером ФРГ В. Брандтом он назвал европейский общий рынок «ручным животным – динозавром, рожденным в неволе»[4]. В свете сегодняшних трудностей, переживаемых ЕС, такая оценка европейской интеграционной модели в одной из ее начальных форм не может не поражать своей прозорливостью.

В некрологе, опубликованном «Нью-Йорк Таймс» через несколько дней после кончины Громыко, журналист перечисляет его личные и профессиональные качества, позволившие ему стать «дипломатом номер один». И нельзя не согласиться с приведенной оценкой. Во-первых, выделяется «преданность делу, которому он служил так долго». Это высшая профессиональная похвала. Журналист отмечает, что «Сталин, Хрущев, Брежнев – все нашли Андрея Андреевича незаменимым». Другое качество, которое выделяет автор «Нью-Йорк Таймс», – это «забота о деталях». Так, главной задачей «г-на Громыко на протяжении всей его жизни было заботиться о деталях». Наконец, столь важное для дипломата умение говорить «нет»[5].

Сам Андрей Андреевич в беседе с сыном сказал: «Мое влияние – в опыте, знаниях и профессионализме»; и «я никогда никому не позволял собой манипулировать. Кто стремился к этому, хотел манипулировать Советским Союзом. Мы великая держава и никому этого делать не позволим. Наше влияние в ООН и ее Устав на долгие годы закрепляют за нами роль великой державы»[6].

---

[1] *Громыко А.А.* Указ. соч. С. 709.

[2] *Громыко Ан.А.* Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля: Воспоминания и размышления сына). М.: Автор. 1997. С. 14.

[3] Там же. С. 15.

[4] *Whitney C.R.* Andrei A. Gromyko: Flinty Face of Postwar Soviet Diplomacy.

[5] Ibid.

[6] *Громыко Ан.А.* Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля... С. 12.

Громыко Ал.А.

Дипломатия позитивного действия*

Будущее мировой архитектуры безопасности и системы контроля над вооружениями находится в самом неопределенном положении за последние 30 лет, со времени окончания холодной войны[1]. Эпоха холодной войны относится к той категории проблем, которые считаются хорошо изученными и представляются для многих исчерпанными с позиций научного интереса. На деле же ее история полна белых пятен, не хватает ей и должного концептуального осмысления. Объяснить это можно и тем, что многие документы того времени еще недоступны и тем, что в 1990-х годах, когда казалось, что холодная война окончательно ушла в прошлое, интерес к ней резко снизился. Более того, в общественном мнении постперестроечной России, охваченной ожиданиями светлого будущего, холодная война вместе со всем советским периодом зачастую воспринималась как некая историческая аномалия, а, следовательно, с точки зрения исторических закономерностей не представляла большого интереса. Многие крупные работы, основанные на новых архивных документах, появились значительно позже [8; 18; 19].

В последние годы, напротив, интерес к истории противостояния СССР и США резко вырос, что сопровождается весьма вольным использованием исторических аналогий и термина «новая холодная война». С позиций историзма последний оказался вреден, потому что выхолащивает природу классической холодной войны, превратно объясняет современные процессы в международных отношениях. Это нисколько не умаляет значения изучения эпохи «холодной войны» и для чисто исторической науки, и для учета опыта прошлого при решении текущих мировых проблем.

Сегодня приходится констатировать, что наследие опыта взаимодействия двух сверхдержав и достижения стратегической стабильности в 1960–1980-е годы почти полностью исчерпано. Ушли в прошлое Договор о противоракетной

---

* Материал основан на статьях Ал.А. Громыко, опубликованных в журнале «Новая и Новейшая история», 2019, № 5 и в журнале «Мировая экономика и международные отношения», 2019, № 10.

[1] Термин «холодная война» впервые употребил Джордж Оруэлл в октябре 1945 г. в статье «Ты и атомная бомба» (*Orwell G.* You and the Atomic Bomb // The Tribune. 19.IX.1945). Затем его стали использовать Б. Барух, У. Липпман, Дж. Ф. Даллес и др.

обороне 1972 г. и Договор об обычных вооруженных силах в Европе 1990 г.[1], свои последние недели доживает договор о ликвидации ракет малой и средней дальности 1987 г. Под угрозой находится Договор о стратегических наступательных вооружениях 2010 г. (СНВ-3), действие которого истекает в 2021 г. Очередной жертвой глубокого кризиса культуры и практики стратегической стабильности и учета ведущими государствами интересов друг друга может стать еще одна гарантия против ничем не ограниченной гонки вооружений в области оружия массового уничтожения – Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г.

Факторов, объясняющих такое плачевное состояние дел, много. Большое значение имеет состояние умов в администрации Д. Трампа, как и мышление самого американского президента, для которых выход или угроза выхода из двусторонних и международных соглашений по контролю над вооружениями и не только – не переговорная позиция, а стратегическая и давняя цель, уходящая корнями в идеологию американского неоконсерватизма. В свете этого ссылки, например, на нарушения Россией ДРСМД предстают очевидным предлогом для выхода из этого соглашения, а не его причиной.

Огромную роль играют масштабные и объективные процессы, в первую очередь становление полицентризма и новое перераспределение сил в мире. В нем нарастают конкуренция и противостояние, что требует, с точки зрения сторонников ставки на жесткую силу, полной свободы рук в военной области. В эпоху «холодной войны» вся архитектура стратегической стабильности основывалась прежде всего на учете интересов двух сверхдержав. Теперь же число игроков в этом вопросе значительно увеличилось; в первую очередь речь идет о Китае. Важный фактор – появление и внедрение новых систем и видов вооружений, как ядерных, так и обычных, а также кибертехнологий, которые стали «новыми вводными» для традиционной системы контроля над вооружениями, требующими её адаптации. На прогрессирующий развал архитектуры мировой стабильности влияет и внутриполитическая ситуация в ряде стран, в первую очередь в США, где международные вопросы во многом оказались в зависимости от фронтального противостояния части американского политического истеблишмента с президентом Трампом.

Важным фактором в условиях углубляющегося полицентризма является рост числа трансрегиональных игроков, претендующих на часть ответственности за состояние дел в мире до тех пор, хотя это пока и не ведёт к стабилизации системы глобального управления. Китай идет по пути превращения в сфере вооружений в третью сверхдержаву. По понятным историческим причинам он не имеет отношения к договоренностям об ограничении противоракетных систем, стратегических наступательных вооружений, ракет малой и средней дальности. Политика Европейского союза, будучи мощным экономическим игроком, в вопросах деградации системы стратегической стабильности пассивна и невнятна. ЕС, заявляя о курсе на «стратегическую авто-

[1] Переговоры о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе начались в октябре 1973 г.

номию», не занял вразумительной позиции в ответ на решение США выйти из договора по ПРО, а теперь и из ДРСМД. Более того, он предпочел в целом повторять американские доводы, оправдывающие решения Вашингтона. В целом Брюссель находится под влиянием антироссийских и антикитайских настроений, охвативших Америку. На фоне этого возникла опасность повторения в том или ином виде событий первой половины 1980-х гг., связанных с размещением в Европе ракет малой и средней дальности в ядерном оснащении. При этом ничего напоминающего антивоенное движение того времени теперь не просматривается.

В последние годы, в связи с кризисом в отношениях между Россией и западными странами, широко обсуждается тема «новой холодной войны»[1]. В свете этого актуально обращение к истории классической холодной войны. Точки зрения разнятся по вопросам хронологией ее начала и завершения, так и внутренней периодизации [2; 3; 4]. В большинстве случаев специалисты, расходясь незначительно в вопросах хронологии, относят начало холодной войны ко второй половине 1940-х гг., а ее окончание к концу 1980-х – началу 1990-х гг. Категория «холодная война» многие десятилетия служила несущим аналитическим каркасом исследований послевоенной истории, была общепринятой сутью отношений между двумя сверхдержавами и возглавляемыми ими организациями на всем протяжении послевоенной истории вплоть до крушения Советского Союза.

О начале холодной войны

В дискурсе о начале холодной войны, как хорошо известно, существуют разные мнения, которые в основном ориентируются на небольшой временной разброс. Чаще всего точкой отсчета служит 1945 год, точнее – испытание в США атомной бомбы в июле и окончание Второй мировой войны в сентябре. Эта позиция исходит из имманентной природы холодной войны: как только общий враг был повержен и заинтересованность в жизненно-важном сотрудничестве пропала, холодная война стала неизбежной, а изобретение нового вида оружия лишь ускорило ход событий в этом направлении. Из такой интерпретации причинно-следственных связей, привязанной к появлению и состязанию двух сверхдержав, следует, что холодная война началась в 1945 г. [5: 36–52] и закончилась в 1991 г. с развалом СССР [5: 19–43].

Другой подход опирается на тезис о том, что с окончанием Второй мировой войны холодная война между США и Советским Союзом / Россией не началась, а возобновилась, уходя своими корнями в 1880-е гг. [6: 2–3]. Другими словами – дело было не в непримиримом соперничестве двух сверхдержав, а в извечной геополитической борьбе. Более умеренный вариант таких рассуждений представляет характеристика Русской революции 1917 года,

[1] О позиции автора о несостоятельности концепции «новой холодной войны» и о современной историографии этого вопроса см.: [1: 6–12].

положившей начало разделу мира на два противоположных лагеря как исток противостояния между миром капитализма и миром социализма [7: 175]. Таким образом, хронологическая граница начала холодной войны отодвигается с 1945 до 1917 г.

Другие историки в качестве отсчета начала холодной войны берут события послевоенных лет, непосредственно следующих за годом Победы. При возложении ответственности за начало холодной войны на США – это «длинная телеграмма» Дж. Кеннана в феврале 1946 г., речь У. Черчилля в Фултоне в марте того же года, доктрина Трумэна [8: 140], объявленная в марте 1947 г., создание НАТО в 1949 г. и т.д. Конечно, как правило, говорится о том, что холодная война была запущена в результате ряда событий, произошедших в течение определенного промежутка времени [7: 174–209]. Действительно, было бы неисторично абсолютизировать значение лишь одного явления в раскачивании моховика холодной войны. Например, речь Черчилля в Фултоне на деле не привела к разрыву между недавними союзниками. СССР жёстко отреагировал на нее, но, тем не менее, Сталин продолжил личную переписку с Трумэном, направив ему письмо с возражениями. Американский президент не проигнорировал его, более того, предложил Сталину прибыть в США и выступить со своей речью [6: 55]. После этого переписка между Сталиным и Трумэном или общение через третьи лица об организации встречи на высшем уровне продолжалась вплоть до февраля 1949 г. [7: 177–180].

В те же годы партнерские по отношению к Советскому Союзу заявления ещё продолжали звучать от разных высокопоставленных американских политиков, например, Дуайта Эйзенхауэра [9: 363]. Но даже много позже 1949 г. были моменты, которые теоретически могли помочь отыграть назад или затормозить негативное развитие событий. Например, к ним относится предложение советской делегации на совещании глав правительств СССР, США, Англии и Франции в Женеве в 1955 г. о готовности Советского Союза вступить в НАТО. А.А. Громыко, в то время первый заместитель министра иностранных дел СССР, вспоминал о том, насколько ошеломляющее впечатление оно произвело на западных участников, а также отмечал, что и тогда, и позже они его чурались и всячески замалчивали [9: 365–366]. Здесь напрашивается ряд более поздних аналогий, в том числе замалчивание предложений России об обсуждении проекта Договора о европейской безопасности, выдвинутого в 2008 г.

Несомненны достоинства социологического подхода, при котором возникновение феномена холодной войны ставится в зависимость от его широкого проникновения в массовое сознание. Анализ опросов общественного мнения тех лет показывает лавинообразный характер распространения антисоветских настроений в западных странах с весны 1946 г. [8: 156]. Подтверждают эти выводы и свидетельства очевидцев изменения образа СССР в США в то время [7: 183]. Иной вопрос – были ли эти представления результатом манипуляции массовым сознанием или отражали объективные процессы в международных отношениях.

При возложении ответственности на СССР чаще всего указывают на военные амбиции Москвы в отношении Ирана, её территориальные претензии к Турции, Берлинский кризис 1948 года, советизацию стран Восточной Европы или личные качества непосредственно Сталина [10]. Очевидец и участник многих ключевых событий в международных отношениях тех лет А.А. Громыко считал, что речь Черчилля явилась открытым провозглашением холодной войны, которая, однако, вызревала до этого, в том числе в связи с монополией США на атомное оружие [11: 11]. Одновременно Громыко не абсолютизировал значение выступления Черчилля. В главе его книги воспоминаний, посвящённой холодной войне, он вовсе не упоминает английского политика, делая упор прежде всего на активность американских деятелей. Среди персоналий, внесший наибольший вклад в раскручивание холодной войны как в информационном, так и в политическом плане, он в первую очередь отмечает Уолтера Липпмана, Дина Ачесона, Джона Фостера Даллеса и др., а среди ключевых дат ее отсчета – апрель 1949 г., когда появился Североатлантический альянс [9: 358–361, 381–388]. Многие знатоки того периода истории признают ответственность обеих сторон за развязывание холодной войны, хотя это не отменяет вопрос – кто сделал первый шаг [12: 31–66]?

Закончилась ли холодная война?

Что касается дискурса об окончании холодной войны, то и в этом случае разброс мнений достаточно широк, но хронологические рамки также невелики. Наиболее общеприняты тезисы о нескольких моментах в истории, положивших конец холодной войне: ряд событий периода 1988–1990 гг. [13][1]; совещание СБСЕ и принятие Парижской хартии в ноябре 1990 г. [14] и, как было отмечено выше, распад СССР (декабрь 1991 г.). Патриарх американской дипломатии Г. Киссинджер отдает должное ловкости Буша-старшего, политика которого «привела к завершению холодной войны». Киссинджер оценивает конец 1980-х гг. как время, когда холодная война «близилась к концу», но из его рассуждений следует, что окончательная точка в её истории все же была поставлена крушением Советского Союза [15: 402–409].

Иной популярный, особенно на фоне международных событий последних лет, подход состоит в том, что холодная война никогда не прекращалась и исподволь или напрямую продолжалась против России и ее союзников и после крушения СССР. Объяснения этого феномена не однородны: они включают идею извечного противостояния Запада и России во всех ее ипостасях, тезис об ослеплении США своим могуществом, иллюзии однополярного мира и «милосердной/добродетельной империи». Что касается прене-

[1] Мэтлок считает, что идеологически холодная война закончилась в 1988 г., ссылаясь на декабрьское выступление М.С. Горбачева в ООН, а на практике и к выигрышу обеих сторон – в 1989–1990 гг., имея в виду саммит на Мальте в декабре 1989 г. и позицию СССР в отношении Ирака в 1990 г.

брежения интересами России и в целом международным правом, то хорошо известны и эти аргументы: расширение Североатлантического альянса, его агрессия против Югославии, содействие западных спецслужб боевикам на Северном Кавказе в 1990-е гг., предоставление убежища на Западе беглым олигархам и тем же боевикам, вторжение в Ирак, цветные революции, выход США из договора по ПРО и т.д.

Более умеренная точка зрения исходит из того, что холодная война все же завершилась, но ее результаты и вытекающие из них обстоятельства не были зафиксированы какими-либо международными соглашениями, не была создана общеевропейская система безопасности. Вместо них на рубеже 1980–1990-х гг. имели место несколько разрозненных международных событий, которые можно интерпретировать как окончание холодной войны. Ситуация в чём-то схожая с понятием «английская неписаная конституция», которая издавна существует, но отсутствует как единый документ. В результате после развала СССР был открыт путь к произвольной трактовке событий тех лет. Так, в США почти монопольным стало утверждение и убеждённость в том, что холодная война закончилась победой Америки, символом которой и стал распад Советского Союза. Немногочисленные голоса в США, включая посла Дж. Мэтлока, оспаривающие этот штамп, в расчет практически не принимались. НАТО продолжила свою деятельность, как и поиск своего *raison d'etre*, который с завидным постоянством вновь и вновь сводился к сдерживанию России.

Из всех перечисленных тезис о том, что холодная война вступила в стадию завершения в первую очередь в результате заключения ряда соглашений между СССР и США, представляется наиболее убедительным. Сделать это удалось с опорой на всю сумму позитива, накопленного в советско-американских отношениях после 1962 г. Что касается характеристики периода после 1991 года, то к нему наиболее применимо название «холодный мир». Другой вопрос – на каких условиях закончилась холодная война, по поводу чего существуют разные точки зрения, как и по вопросу о том, почему и по чьей вине мир без холодной войны не стал миром плодотворной конкуренции и сотрудничества. Окончанием холодной войны не удалось воспользоваться, чтобы в дальнейшем предотвратить сползание ситуации к новому витку конфронтации между рядом ведущих центров силы.

Важно подчеркнуть, что крушение Советского Союза не было вызвано самой холодной войной или её окончанием, более того – противоречило логике отказа от неё, проистекало из ряда совсем иных, внутренних проблем развития страны. Одновременно развал СССР ещё больше подчеркнул принадлежность холодной войны прошлому. Такой взгляд на историю позволяет сделать и следующий вывод – сосуществование СССР и США, мира капитализма и социализма было возможно вне формата холодной войны. Подтверждением этого в определённой степени служит пример современных отношений между США и Китаем, к которым термин «холодная война» не применяется. Кроме того, в истории разрядки был ещё один период, когда

холодная война могла остаться в прошлом, что, однако, в отличие от рубежа 1980–1990-х гг., к сожалению, не произошло. Об этом речь пойдет ниже.

Наконец, на Западе в начале 2010-х гг. закрепился еще один стереотип, затем подхваченный многими в России, о «новой холодной войне». Если принять его за чистую монету, то уже не столь важно, оканчивалась ли когда-либо холодная война или до поры до времени протекала в латентных формах и после распада СССР. Критики России указывают на «дело Литвиненко», мюнхенскую речь В.В. Путина в 2007 г., ввод российских войск в Грузию в 2008 г., события на Украине в 2014 г. и т.д. В ответ российская сторона применяет ко всем тем же событиям совсем иную интерпретацию, как и предъявляет Западу претензии в отношении интервенции против Югославии, разрушения государственности Ливии, Сирии, потворства националистическому перевороту на Украине, выхода из Договора об ограничении систем противоракетной обороне 1972 г. и Договора о ликвидации ракет малой и средней дальности 1987 г. Нельзя не отметить, что обоюдные обвинения в развязывании «новой холодной войны» во многом сродни спорам о том, на ком лежит вина за развязывание классической холодной войны. Разница состоит в том, что последняя была реальным историческим феноменом, тогда как «новая холодная войны» – термин, вводящий в заблуждение и искажающий реальное положение дел с опорой на псевдоаналогии с прошлым.

«Каким мы хотим видеть Европу в будущем?»

Не меньше спорных моментов, помимо начала и окончания (или не окончания) классической холодной войны, связаны с её внутренней периодизацией и трактовками событий в ходе неё. Однако практически нет исследований, ставящих под вопрос общепринятую в большинстве случаев аксиому, – холодная война началась во второй половине 1940-х гг. и продолжалась по крайней мере до конца 1980-х гг. как функция биполярного мира. Но имелись ли в ходе холодной войны моменты, развилки, неиспользованные возможности положить ей конец намного раньше и по-прежнему в условиях биполярного мира? Речь не идёт о надеждах, иллюзиях или оторванных от жизни умопостроениях, но о существовании реального шанса закончить холодную войну в 1970-е гг.

В истории классической холодной войны, при всей её сложности и многоликости, были, на мой взгляд, два ключевых момента – Кубинский кризис 1962 года и Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе с подписанием хельсинкского Заключительного акта в 1975 г. Представляется, что причинно-следственные связи между этими событиями достаточно очевидны. Последствия опасного кризиса 1962 года, включая изменения в мышлении политических и военных деятелей, дипломатов, в Хельсинки и непосредственно после окончания Совещания раскрылись полностью, переведя холодную войну, как минимум, в существенно новую плоскость.

Однако договорённости 1975 года, ознаменовав собой пик разрядки, свой потенциал раскрыли лишь частично. Детант в истории так и остался одним из периодов холодной войны, своего рода передышкой, её внутренним элементом, улучшившим ситуацию, но ненадолго. Детант не смог перерасти в нечто качественно новое, не смог вывести международные отношения за пределы холодной войны.

Хорошо известна аргументация тех, кто сдвигает её начало с 1945 г. на 1917 г. или даже на более ранние периоды. Не меньшее обоснование получили, особенно на Западе, доводы в пользу датировки сроков окончания холодной войны не перестроечными годами, а 1991 г., т.е. моментом распада СССР, как и, особенно в России, в пользу того, что она так и не прекратилась. Но есть ли основания полагать, что верхний рубеж холодной войны, если обозначать им стык 1980-х – 1990-х гг., с высокой вероятностью мог отодвинуться на более ранний период, конкретнее – на вторую половину 1970-х гг.?

Почему появилась возможность достичь разрядки, и как трактовать этот феномен?

Советский внешнеполитический курс во многом разрабатывался и определялся в министерстве иностранных дел, особенно с 1964 г., когда началась эпоха Л.И. Брежнева, которому были не свойственны импульсивность и волюнтаризм Н.С. Хрущева. Автономия МИД как игрока на поле советской внешней политики еще больше укрепилась после вхождения А.А. Громыко в состав Политбюро ЦК КПСС в 1973 г. Если бы в те времена использовали термины «ближнее» и «дальнее зарубежье», то первый применяли бы к странам социалистического содружества (членам Совета экономического взаимопомощи и Организации Варшавского договора) и социалистической ориентации, а второй – к буржуазным и тяготевшим к ним государствам. Наибольшую идеологическую окраску взаимодействие с зарубежными странами имело в советском «ближнем зарубежье», которое, помимо МИД, было «подопечной» территорией Международного отдела ЦК. Не раз именно идеология диктовала те или иные действия Москвы в этой сфере влияния, что нередко ставило Смоленскую площадь в сложное положение, придавало ей компенсаторную функцию, вменяло роль механизма минимизации репутационных и иных рисков для страны.

Однако отношения с тогдашним «дальним зарубежьем» при А.А. Громыко стали в основном прерогативой МИД. Это находило отражение и в том, что послами в эти страны министр стремился проводить только кадровых дипломатов, на чьи профессионализм и служебную дисциплину он мог положиться. Что касается выдвиженцев из среды крупных партийных работников, например, первых секретарей обкомов КПСС, Громыко особо ценил, когда такие деятели отклоняли лестные предложения руководства государства, что значительно облегчало ему задачу по назначению в ключевые столицы мира мидовцев.

Так, именно этим Е.К. Лигачев объяснял хорошее отношение к себе министра, который оценил его отказ в «самом начале» 1980-х годов от предло-

жения поехать в качестве посла в одну из «престижных европейских стран» с поста первого секретаря Томского обкома. Соответствующее предложение на Политбюро внесли М.А. Суслов и К.В. Русаков и оно было утверждено. Е.К. Лигачев пишет по поводу того эпизода в своей жизни: «В МИДе я ни у кого побывать не успел… Но Громыко, видимо, хорошо помнил всю историю и мой отказ воспринял по-своему. Андрей Андреевич предпочитал направлять послами профессиональных дипломатов… Но аппарат ЦК порой навязывал ему иные кандидатуры. Мой категорический отказ работать за границей… был, видимо, единственным в своём роде. И он крепко запал в память Громыко» [20: 18–19].

Законодательно ведущая роль МИД во внешней политике государства была закреплена, например, в законе о порядке заключения, исполнения и денонсации международных договоров СССР от 6 июля 1978 г. Громыко так разъяснял его суть: «Предложения о заключении международных договоров Союза представляются как Министерством иностранных дел СССР, так и другими министерствами, государственными комитетами и ведомствами, но совместно с МИД СССР или по согласованию с ним, а исключение сделано лишь для министерства внешней торговли и двух государственных комитетов Совета Министров СССР – по внешним экономическим связям и по науке и технике» [17: 557].

Несколько десятилетий одним из важнейших источников, разъяснявших стратегические подходы советской внешней политики, были выступления министра иностранных дел на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке. За редким исключением в период 1957–1985 гг. именно он на открытиях Генеральной Ассамблеи ООН выступал от имени Москвы, что подчеркивало роль МИД в проведении внешней политики государства. За пределами Советского Союза эта трибуна была самой важной для Смоленской площади. После своего создания в 1945 г. ООН стала для СССР важнейшим институтом мировой политики, местом решения центральных вопросов международной безопасности.

Конечно, такие выступления всегда готовились с оглядкой на партийное руководство, на решения и постановления съездов и пленумов КПСС. Но по существу в значительно большей степени они были ориентированы на иностранную аудиторию, решали как прикладные, так и концептуальные задачи внешней политики страны, были постоянным рупором ее фундаментальных положений и одновременно инструментом внешнеполитических новаций и лоббирования новых инициатив. Практически в каждом выступлении содержалась изрядная аналитическая составляющая, своего рода ревизия расстановки сил на мировой арене. К написанию текстов под руководством министра привлекались многочисленные специалисты, каждый раз велась скрупулезная и тщательная работа, длившаяся многие недели, причем непременно сохранялся хорошо выраженный авторский стиль А.А. Громыко.

Анализ его выступлений на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН позволяет составить ясную картину того, каких методов в проведении внешней по-

литики он придерживался и какие принципы продвигал. Неизменной была установка на сдержанность в ведении мировых дел, на хладнокровие и прагматизм, на поиск развязок и компромиссов. А.А. Громыко был таким же человеком принципа, как и прагматизма. Кстати, установка на «принципиальный прагматизм» намного позже в истории станет одной из основ деятельности такой организации, как Европейский союз[1]. Такое сочетание подходов, во многом сформировавших «фирменный» стиль дипломатии Громыко, может объяснить не только чертами характера и профессиональными навыками, приобретенными им уже во взрослый период жизни, но и обстоятельствами детства, которое он провел в среде ветковских староверов [9: 12–13].

Одной из составляющих основ успеха в дипломатии А.А. Громыко считал взаимность. Известный метод советского министра так и назывался – «политика взаимного примера», когда «государства не заключают формальных соглашений, а принимают соответствующие меры параллельно, на основе взаимопонимания, как бы глядя друг на друга» [17: 19]. Большим подспорьем для достижения целей советской внешней политики стало положение, закрепленное с 1956 г. в партийных документах, об отсутствии фатальной неизбежности мировой войны [21: 7, 10–13, 15], что соответствовало мировоззрению исторического оптимизма самого Громыко, его нацеленности на дипломатию позитивного действия. Он считал, что неразрешимых международных проблем не существует, но их решение должно выстраиваться исключительно на основе все той же взаимности.

Другим мотивом его выступлений был тезис о том, что идеологические расхождения между государствами не должны служить источником войн и конфликтов. Именно этот тезис красной нитью проходил через все дипломатическое творчество А.А. Громыко. Вообще идеологическая составляющая в отношениях между странами, даже социалистическими, понималась им достаточно прагматично. Так, под «дружбой братских народов» он подразумевал не только социалистический патриотизм и пролетарский интернационализм, но и более «осязаемые» вещи – наличие у стран СЭВ высокоразвитой индустрии, мощного промышленного и научно-технического потенциала, комплексной программы экономической интеграции [17: 400]. То есть речь, по сути, шла о такой идеологии, которая являлась не самоцелью, а идеологическим атрибутом передовой модели политического и социально-экономического развития.

В дипломатической работе, особенно когда речь шла о крупных вопросах, отвергались методы наскока, кавалерийской атаки, импровизации, решения проблем одним махом. А.А. Громыко призывал «не провозглашать тезис “всё или ничего”, а отбирать одну за другой те проблемы, по которым согласие достижимо уже на данном этапе и решать их» [17: 288]. Одним из немногих догматов, которыми он руководствовался на этом пути, был железобетонный принцип равной безопасности.

[1] «Принципиальный прагматизм» стал одной из доктринальных основ Глобальной стратегии ЕС, опубликованной в июне 2016 г.

А.А. Громыко отличал аналитический склад ума, он считал чрезвычайно важным выстраивать внешнюю политику на научной основе в самом широком смысле этого слова. До того, как в 1939 г. он неожиданно для себя оказался на дипломатической работе, Андрей Андреевич прошел достаточно большой путь в науке: с 1934 г., после переезда из Минска в Москву, работал в Институте экономики АН СССР, в 1936 г. защитил кандидатскую диссертацию по экономике. Впоследствии, незадолго до назначения министром иностранных дел в феврале 1957 г., ему присвоили степень доктора экономических наук. Многолетние занятия наукой, бесспорно, наложили свой отпечаток на всю последующую деятельность министра. Судя по всему, именно эта сторона его наклонностей и образования определили неприятие торопливости и прямолинейности в решении тех или иных внешнеполитических задач. Он был глубоко убежден, что дипломатия – это наука и искусство, что международные отношения – сложная материя, не терпящая поверхностного отношения, что они непрерывно усложняются. «Общее состояние дел в мире, – говорил Громыко в ООН в сентябре 1974 г., – складывается под воздействием огромного числа факторов – от политических и военных до национальных и даже психологических. Они с трудом поддаются однозначной оценке... В определенном смысле проблемы, с которыми приходится сталкиваться сегодня, не проще а... сложнее, чем вчера» [17: 356-357].

Постоянно в выступлениях А.А. Громыко звучал тезис о разумном балансе интересов сторон, он был привержен политике здравого смысла, дипломатии как искусству возможного, инструменту достижения равновесного состояния международных отношений с опорой на систему сдержек и противовесов. Да, в исторической перспективе социализм должен был победить, но не силой или угрозы силой, а своим примером и большей привлекательностью модели развития. Итоги Хельсинкского совещания в 1975 г. он характеризовал на XXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН, как тщательно взвешенный баланс, обоснованный компромисс. В области разоружения он отмечал необходимость «реалистического подхода», призывал к поиску таких решений, которые становятся «практически достижимой задачей» [17: 440, 448]. Такие формулировки близки категории *Realpolitik,* но не совпадают с ней. Она, как правило, ассоциируется с циничным прагматизмом, свободным от идеалов, тяготением к установке «цель оправдывает средства». Для Громыко идеалы в жизни играли огромную роль, но при проведении внешней политики они не превращались в догмы, а находились в рамки здравого смысла.

Он прекрасно понимал, что достижимость целей дипломатии во многом определяется внутренними ресурсами государства, «трудом всех наших людей, всем могуществом нашего социалистического народного хозяйства», что министр раз публично подчеркивал, выступая как в СССР, так и за рубежом. Реализм Громыко в соотнесении внешнеполитических возможностей страны и подкрепляющих их ресурсов проявлялся и применительно в отношении развивающихся стран; он хорошо понимал пределы возможностей страны в деле поддержки союзников и государств социалистической ориентации.

«Оказывая им значительную и эффективную материальную помощь, – писал он о развивающихся странах в 1976 г., – Советский Союз, социалистическое содружество в целом не могут, естественно, нести ответственность за продолжающееся и поныне оставаться чрезвычайно трудным экономическое положение, в котором молодые государства оказались» [17: 436, 476–477].

Нацеленность на практический результат, на прагматизм в международных отношениях соседствовали в советской внешней политике эпохи А.А. Громыко с постановкой масштабных задач, во многом опережающих свое время. Но делалось это опять же исходя из вполне конкретных соображений – большие цели достигаются в ходе длительной и тщательно выстроенной работы, на которую может уйти не один год, а может быть, и не одна пятилетка. Такими были идеи общеевропейского совещания по безопасности, крупные соглашения по контролю над вооружениями, налаживание отношений между СЭВ и Европейским экономическим сообществом.

Соглашение между СССР и ЕЭС о торговом и коммерческом и экономическом сотрудничестве было заключено в декабре 1989 г., а саму идею советское руководство с подачи МИД выдвинуло в середине 1970-х годов. В 1976 г. Громыко писал: «В целях дальнейшего развертывания плодотворного международного экономического сотрудничества... СССР вместе с другими странами – членами СЭВ предложили заключить соглашение об основах взаимоотношений между СЭВ и Европейским экономическим сообществом» [17: 476]. Более того, в той же статье советский министр перечислил и такие общеевропейские инициативы, как сотрудничество в вопросах охраны окружающей среды, создание трансъевропейских водных и сухопутных магистралей, создание общеевропейских энергетических систем и многое другое. Тогда соглашения между двумя интеграционным группировками достигнуто не было; в новой форме аналогичный вопрос ставится уже в наши дни, имея в виду сотрудничество между ЕС и Евразийским экономическим союзом. Другие советские внешнеполитические инициативы середины 1970-х гг. во многом были предтечей современной концепции Европы от Лиссабона до Владивостока.

Основополагающим принципом советской дипломатии тех времен был отказ от применения силы или угрозы таковой, решение проблем за столом переговоров, мирными средствами. А.А. Громыко многократно призывал возвести его в закон международной жизни. На это была направлена инициатива по заключению Всемирного договора о неприменении силы в международных отношениях. Конечно, речь шла не о пацифизме, не о запрете на использование силы для отражения агрессии или ее последствий. Так, легитимным в глазах Советского Союза было право на борьбу колониальных народов [17: 487].

Курс на новое качество международных отношений

В первой половине 1970-х годов сам контекст международных отношений способствовал выходу на «большое соглашение». Эта стратегическая идея советской дипломатии родилась еще во второй половине 1950-х годов, но ее реализация потребовала многих лет работы и возникновения всей суммы необходимых для этого обстоятельств. Большая дестабилизация, выражаясь современным языком, – война во Вьетнаме, новое столкновение между Израилем и арабскими государствами («война Судного дня»), первый мировой энергетический кризис – потребовали новых подходов в мировой политике. Не менее важно, что западноевропейские государства стремились обеспечить благоприятные внешние условия для своей внутренней модернизации. Ведущие державы пришли к пониманию того, что в интересах всех в рамках послевоенного международного права договориться об общих принципах взаимоотношений и создать панъевропейскую переговорную площадку в виде Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ).

Одной из ключевых предпосылок для успеха хельсинкского проекта было решение германского вопроса. Московский договор 1970 г. между СССР и ФРГ открыл этому путь. Сутью замысла советской стороны стало закрепление послевоенных границ в Европе; это была программа минимум с точки зрения стратегических интересов Советского Союза. Она была успешно реализована. Не удалось претворить в жизнь, или точнее сказать – предотвратить быстрое свертывание нового уровня взаимодействия, программу максимум – переход к новому качеству отношений с капиталистическими странами. Но и успех в главном пункте, интересовавшем советскую сторону, А.А. Громыко считал одним из наиважнейших достижений советской дипломатии. Не случайно он называл этот вопрос «душой» Московского договора [9: 468].

Немногие из специалистов знают, когда началось практическое осуществление инициативы СССР по созыву общеевропейского совещания, первый этап которого открылся в 1973 г. Произошло это задолго до триумфа коллективного разума в Хельсинки. В апреле 1966 г. советский министр совершил визит в Рим, в ходе которого состоялись переговоры с премьер-министром Италии А. Моро и министром иностранных А. Фанфани. Именно тогда А.А. Громыко впервые осуществил зондаж идеи СБСЕ, получив предварительную поддержку. Правильность его расчета подтвердилась – Италия неизменно играла конструктивную роль во всем последующем процессе [16: 13–14]. Верно были оценены в целом подходы Италии к развитию отношений с Советским Союзом, так и персональные качества такой незаурядной фигуры, как Альдо Моро, к которому Громыко питал большое уважение.

Еще раньше, в сентябре 1965 г., на XX сессии Генеральной ассамблеи ООН, А.А. Громыко, поднимая вопрос о послевоенных границах в Европе, впервые озвучил следующий тезис: «Советский Союз последовательно выступает за согласование и объединение усилий европейских государств в интересах их безопасности, за развитие сотрудничества между ними на общеевропей-

ской основе» [17: 26]. Именно в тот период советская дипломатия приступала к закрытым консультациям о проведении общеевропейского совещания.

Всесторонне отношение СССР к СБСЕ было раскрыто в выступлении А.А. Громыко 3 июля 1973 г. на открытии совещания в Хельсинки. Он отметил, что впервые в послевоенной истории континента за одним столом собрались европейские государства, США и Канада. Как известно, совещание проходило в три стадии. Советский министр заранее называл третий этап, на котором руководители государств должны были подписать итоговое соглашение, не иначе как «кульминационным» [17: 269–270].

Необходимо отметить целый ряд моментов в международных отношениях, благоприятных для запуска хельсинкского процесса. Это были и прекращение войны во Вьетнаме, и достижения на пути сдерживания гонки вооружений: Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г., конвенция о запрещении разработки, производства и накопления бактериологического и токсинного оружия и об их уничтожении 1971 г., подписание ОСВ-1 в 1972 г. и тогда же начало консультаций по ОСВ-2. Советский Союз считал, что все эти и ряд других достижений могут привести к кумулятивному эффекту и позволить развить успех в деле нормализации международных отношений. 30 октября 1973 г. начались переговоры о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе. СССР активно призывал выполнить решение ООН, которое в свое время он же с успехом и продвигал, о созыве Всемирной конференции по разоружению. Как никогда были благополучны отношения Москвы с Вашингтоном, Парижем, Бонном, Римом. В октябре 1971 г. Л.И. Брежнев и президент Франции Жорж Помпиду заключили соглашение о принципах сотрудничества между СССР и Францией, а в мае 1972 г. советский руководитель и президент США Ричард Никсон подписали соглашение об основах взаимоотношений между СССР и США.

Хотелось бы заострить внимание на следующем моменте. Принципиально важно, что Москва рассматривала всю сумму тогдашних обстоятельств в мировых делах как возможность не только сделать «холодную войну» менее опасной, но закончить ее, достичь нового качества международных отношений. Приведем следующий тезис из выступления А.А. Громыко 3 июля 1973 г.: «Если вдуматься в значение перемен, происходящих в международных делах, осмыслить их направленность, то нельзя не прийти к выводу, что в настоящее время закладываются основы для новых мирных отношений между государствами на исторически обозримый период» [17: 272].

В этой же речи была использована редкая для тех времен категория (как, впрочем, и для нынешних) – «доверие». На им самим поставленный вопрос «какой мы хотим видеть Европу в будущем?» советский министр ответил: «Прежде всего Европой мира, континентом, из жизни народов которого агрессия была бы исключена навсегда. Мы стремимся к тому, чтобы доверие и взаимопонимание позволили постепенно преодолеть разделение континента на военно-политические группировки. Отношения между всеми европейскими государствами должны стать отношениями мирного и взаимовы-

годного сотрудничества». Причем Громыко считал, что не договоренности следуют за доверием, а доверие возникает и крепнет в процессе переговоров и достижения соглашений. В 1975 г. он пишет о значении хельсинкского Заключительного акта: «В результате совещания была достигнута новая степень доверия между государствами вследствие некоторых договоренностей, дополняющих разрядку политическую разрядкой военной» [17: 273, 418].

Большие ожидания Москвы не были риторическими или сиюминутными. В течение нескольких лет руководство СССР было уверено в высоких шансах достичь нового качества международных отношений, вплоть до того, чтобы покончить с «холодной войной». В выступлениях Громыко эта идея под тем или иным ракурсом звучала тогда многократно. Так, в его докладе в ноябре 1974 г. на торжественном заседании, посвященном 57-й годовщине Октябрьской революции, говорится: «Есть все основания сказать, что в наши дни выходит на более широкий простор процесс перестройки межгосударственных отношений». И далее: «По понятным причинам особое значение имеет улучшение отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки» [17: 381].

Последняя фраза для того времени имела принципиальное значение. Принято считать, что во внешней политике СССР весь послевоенный период делал упор на отношениях с США. Такое впечатление проистекало из того, что мир после 1945 г. стал биполярным, да и сам А.А. Громыко восемь лет провел в Вашингтоне, а затем в Нью-Йорке – с 1939 г. по 1948 г., и в первую очередь был знатоком именно этой страны. На деле приоритет американского направления в советской внешней политике формировался длительное время, особенно после Карибского кризиса. Как инструмент урегулирования и закрепления международных отношений нового типа, такой подход стал проявляться только в начале 1970-х гг. До тех пор советская внешняя политика в центре своего внимания держала Европейский континент.

После 1973 г. А.А. Громыко не раз высказывался о «холодной войне» как о странице прошлого. В упомянутом выступлении в ноябре 1974 г. он говорил: «Мы не должны закрывать глаза на то, что имеются еще влиятельные силы, которым хотелось бы вернуть мир к временам "холодной войны"». Очевидно, что к ней министр относился как к прошедшему этапу или, по крайней мере, он считал необходимым постоянно озвучивать этот тезис. Еще одна цитата, подтверждающая это положение, из его доклада в мае 1975 г. на торжественном собрании по случаю 20-летия Варшавского Договора: «Вспомним, как складывалось положение в Европе и за ее пределами, когда заключался Варшавский Договор. То был период "холодной войны", навязанный наиболее агрессивными силами империализма» [17: 385, 389].

Из выступления А.А. Громыко на XXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 1975 г.: «Заключительный акт совещания… – один из самых выдающихся документов нашего времени. Народы Европы связывали в большей мере с совещанием надежду на то, что Европейский континент сможет наконец вырваться из порочного круга своей истории… Итоги совещания

являются тщательно взвешенным балансом интересов всех участников и выражают общеприемлемые договоренности и обоснованные компромиссы. Есть все основания заявить, что опыт совещания должен найти самое широкое применение для урегулирования вообще назревших проблем современности». И далее: «Шаг за шагом избавляются страны Азии, Африки и Латинской Америки от последствий "холодной войны" с ее уродствами в политике». Для советского руководства весь хельсинкский процесс был как бы переутверждением на новом историческом этапе вестфальских принципов. В подтверждение этого приведем следующие слова А.А. Громыко: «Договоренности, достигнутые в итоге совещания, основаны на признании всеми его участниками той непреложной истины, что уважение суверенного равенства государств, неприменение силы, нерушимость границ, территориальная целостность, невмешательство извне во внутренние дела... – закон, который не дано преступить никому» [17: 439–440, 442].

Эти настроения и ожидания Москвы, основанные на уверенности в том, что принципиальное изменение международных отношений возможно в условиях мирного сосуществования, продержались достаточно долго. Через два года после подписания Заключительного акта А.А. Громыко выступает в сентябре 1977 г. на XXXII сессии Генеральной Ассамблеи ООН и приводит слова из речи Брежнева в январе в Туле, которые он и вложил в нее: «Разрядка – это прежде всего преодоление «холодной войны», переход к нормальным, ровным отношениям между государствами… Разрядка – это определенное доверие и умение считаться с законными интересами друг друга». Более того, в ситуации нового качества международных отношениях в Москве были готовы идти даже дальше до тех пор непререкаемого принципа мирного сосуществования. На пресс-конференции в Москве в марте 1977 г. А.А. Громыко так рассуждал о желательном характере отношений СССР и США: «Мы... хотели бы видеть стабильность в наших отношениях... основанных на принципах мирного сосуществования. А еще лучше – дружественными» [17: 501, 498]. Взаимное признание характера советско-американских отношений как дружественного подтолкнуло бы обе стороны к пересмотру и соответствующих идеологических установок, в СССР – принципа мирного сосуществования, в США – взгляда на сотрудничество с советами как неизбежное зло. Позже, в 1990-е гг. и в самом начале XXI в. ситуация тех лет по-своему повторится; вновь появится возможность перейти к новому качеству отношений между Россией, США и Западом в целом в условиях отказа от устаревших идеологических постулатов и снятия кардинальных различий общественно-политических систем. Она вновь не будет использована.

Возможности и практика преодоления холодной войны имели место, по крайней мере, до 1978–1979 гг. Важным шагом в закреплении накопленного позитива было подписание Договора об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2). Однако он не был ратифицирован Соединенными Штатами. Почему был сорван этот процесс? К тому времени разногласия по размещению в Европе новых ракет меньшей и средней дальности

еще окончательно не обрели той остроты, которая стала присуща им позже; ввод советских войск в Афганистан произошел в самом конце 1979 г. и его последствия требуют отдельного анализа. Но бесспорно то, что американцы с весны 1978 г., после Апрельской революции, вели активную работу с афганской оппозицией на территории Пакистана. В мае 1978 г. НАТО приняла решение об увеличении военных бюджетов стран-членов в течение пятнадцати лет. В декабре следующего года, еще до направления советских войск, Дж. Картер одобрил «пятилетку» наращивания военного потенциала США до беспрецедентного уровня [9: 310]. Эти шаги в военной области воспринимались в Москве крайне болезненно. Что касается семейства ракетного комплекса «Пионер», то достоверно известно, что решения о размещении ракет РСД-10 и их последующих модификаций принималось без согласования с МИД СССР, а дипломаты, которые вели переговоры по разоружению, долго не имели об этом адекватных данных.

Таким образом, достаточно очевидно, что в рассматриваемый период советское руководство, во-первых, воспринимало разрядку не как более благополучный этап холодной войны, а как ее преодоление. Во-вторых, разрядка, не предполагая снятия мировоззренческих противоречий между системами, вела, по мнению Кремля, к установлению тесного сотрудничества в рамках нового модус вивенди, нового равновесия сил, основанного на компромиссах и учете интересов друг друга и даже на доверии. Категория мирного сосуществования не рассматривалась Москвой как препятствие для перехода международных отношений к новому качеству. Решить вопрос о первенстве в конкуренции между двумя социальными системами должны были не сила и принуждение, а бóльшая эффективность и привлекательность той или иной политической и социально-экономической модели развития – тема вполне актуальная и для первой трети XXI в.

Конечно, рассуждения о том, как те или иные возможности были упущены в разные исторические периоды, традиционно уязвимы для критики, если исходить из принципа «у истории нет сослагательного наклонения». Однако представляется, что в 1970-е гг. страны социалистического содружества и Запад во главе с США на деле приступили, пусть и на короткое время, к преодолению «холодной войны». В дипломатической, политической, экономической практике такое преодоление обретало реальные черты. Поэтому сослагательность относится не столько к тезису о том, что холодная война прекратилась (временно, как оказалось позже, т.е. по факту она приостановилась), а к тому, как развивались бы события, не случись ее рецидив. Этот термин, заимствованный из медицины, наталкивает и на другой – патоген, т.е. фактор, вызывающий заболевание или его возобновление.

Возобновление «холодной войны» в начале 1980-х годов, было вызвано множеством причин. Но главный патоген, от которого не удалось до конца избавить отношения между соперниками по «холодной войне, крылся не в дипломатической, экономической и даже не в политической сферах. Он паразитировал на идеологической инерции, на медленности психологической

перестройки лидеров биполярного мира и не в последнюю очередь на интересах военно-промышленных комплексов. Не менее важным и пагубным оказалось то, что на «излечение» просто не хватило времени; обе стороны совершили ошибки, перечеркнувшие завоевания разрядки.

Список литературы / References

1. *Громыко Ал.А.* Структуры соперничества и опыт истории // Современная Европа. 2016. № 4. С. 6–20.
2. *Thomson K.W.* Cold War Theories. Volume 1. World Polarization, 1943–1953. 1981. Baton Rouge and London: Louisiana State University Press, 1981. 221 p.
3. *Crockatt R.* The Fifty Years War: the United States and the Soviet Union in World Politics, 1941–1991. London: Routledge, 1995. 448 p.
4. *Westad O.A.* (ed.) Reviewing the Cold War. Approaches, Interpretations, Theory. 2000, London and New York: Routledge, 2000. 382 p.
5. *Согрин В.В.* Динамика соперничества СССР и США в период «холодной войны». 1945–1991 годы // Новая и новейшая история. 2015. № 6. С. 36–52.
6. *Weisberger Bernard A.* Cold War, Cold Peace. The United States and Russia since 1945. New York: American Heritage, 1984. 341 p.
7. *Громыко Ан.А.* Уроки мировой политики: порядок или правопорядок? М., СПб.: Нестор-История, 2016. 236 с.
8. *Рукавишников В.О.* Холодная война, холодный мир. Общественное мнение в США и Европе о СССР/России, внешняя политика и безопасность Запада. М.: Академический Проект, 2005. 864 с.
9. *Громыко А.А.* Памятное. Книга первая. М.: Издательство политической литературы, 1988. 479 с.
10. *Gaddis J.L.* We Now Know; Rethinking Cold War History. Oxford: Clarendon Press, 1997. 434 p.
11. Последнее интервью Андрея Андреевича Громыко. Громыко Ал.А., отв. ред. Москва, Ассоциация внешнеполитических исследований им. А.А. Громыко, Институт Европы РАН. Весь Мир, 2019. 40.
12. *Корниенко Г.М.* «Холодная война». Свидетельство ее участника. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 31–66.
13. *Matlock Jack F., Jr.* How Myths and False Ideologies Led America Astray – and How to Return to Reality. Yale University Press, 2011. 344 p.
14. *Дубинин Ю.А., Мартынов Б.Ф., Юрьева Т.В.* История международных отношений. (1975–1991). М.: 2006. 336 с.
15. *Киссинджер Г.* Мировой порядок. М.: Издательство АСТ, 2016. С. 402–409.
16. *Громыко А.А.* Памятное. Книга вторая. М.: Издательство политической литературы, 1988. 414 с.
17. *Громыко А.А.* Во имя торжества ленинской внешней политики. Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1978. 599 с.
18. *Сергеев Р.А.* В МИД СССР. На Кузнецком Мосту и Смоленской площади. М., 2007.

19. *Фурсенко А., Нафтали Т.* «Холодная война» Хрущева. Тайная история противника Америки. М., 2018.
20. *Лигачев Е.К.* Загадка Горбачева. Новосибирск, 1992.
21. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 9. М., 1986.

Громыко Ан.А.

Венец дипломатии Андрея Громыко (к истории советско-американских отношений)*

Сегодня укоренилось мнение – холодная война закончилась во второй половине 80-х годов, после разрушения Советского Союза. Сооружен своего рода «памятник» – стереотип: СССР и США до 1985 г. постоянно вели холодную войну. Такой подход к советско-американским отношениям лишает объективности их оценку, делает картину международных отношений плоской, однобокой. Эта картина была не черно-белой, а многоцветной, в мире развивались и нередко переплетались напряженность и разрядка, или, как ее еще называли на Западе, – «детант».

О «личной дипломатии»

Андрей Громыко был министром иностранных дел 28 лет, с 1957 по 1985 г. Согласно теории холодной войны, по сути дела провозглашенной Уинстоном Черчиллем под аплодисменты Гарри Трумэна, получается, что Громыко был министром «от холодной войны», его пытались демонизировать с помощью пропагандистской этикетки «Господин Нет».

«Господин Нет» возник не в результате «постоянных отказов» министра согласиться с западными предложениями. Такого просто не было. Этот имидж – продукт особой кухни по выработке образов, которые примеряли к нему.

Сначала в ООН отца называли «Господин Голос», его низкий баритон было приятно слушать. Затем стали придумывать клички поострее: «Андрей-волк», «Робот-мизантроп», «Человек без лица», «Человек без памяти», «Современный неандерталец», даже «Человек-йог», пришедший на смену комиссарам. Но были, конечно, и другие оценки. Американский журнал «Тайм» уже в 1947 году признал: «Громыко – это успех».

Отец к прозвищу «Господин Нет» относился добродушно, как к неизбежной приправе к статьям и речам тех, кто был недоволен его твердостью в от-

---

Громыко Анатолий Андреевич (1932–2017) – член-корреспондент Российской академии наук.

* Впервые опубликовано в: А.А. Громыко – дипломат, политик, ученый. Материалы Научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А.А. Громыко. С. 41–52.

стаивании интересов Советского Союза. Как-то он мне сказал: «Мои "нет" они слышали гораздо реже, чем я их "ноу", ведь мы выдвигали гораздо больше предложений».

Позволю себе привести лишь одно из многочисленных положительных высказываний об Андрее Громыко – госсекретаря США Сайруса Вэнса. Вместе с отцом он работал над соглашением об ограничении стратегических вооружений (ОСВ). В 1976 г. Вэнс сказал: «В современном мире мало кто может с ним сравниться. В дипломатии он скрупулезный профессиональный практик, это человек величайших способностей и высокого интеллекта, обладающий и всеми другими чертами государственного деятеля».

Может быть, кому-то покажется парадоксальным то, что я сейчас скажу, но это правда, и она помогает лучше понимать один из корней успехов дипломатии Громыко. Он в значительной степени выучился профессионализму в дипломатии у американской политической элиты. Отец проработал в США целых девять лет, с 1939 по 1948 г., и было бы странно, если бы они не оказали на него влияние; в том числе он усвоил твердый стиль работы американских госсекретарей.

Американцы, как правило, не допускают ведение дипломатии на основе личных отношений, хотя на словах нередко их превозносят. При этом словесной шелухи типа «друг такой-то» может быть навалом, но за этой игрой, в том числе на тщеславии партнера по переговорам, скрываются расчет, политические цели, о которых помалкивают.

Только профессиональная дипломатия помогает найти точки соприкосновения, совпадения интересов и компромиссы. Податливые политики, как правило, добиваются эрзац-соглашения. Они позволяют навязать своей стране чужую волю, чужие правила игры, чужие порядки. Комплекс неполноценности, помноженный на дилетантизм, ведет к «дипломатическому Мюнхену».

«Личная дипломатия» порождает водопад слащавых улыбок. Когда дело доходит до официального соглашения, «розовый сироп» оборачивается крупным проигрышем, а то и национальной катастрофой.

Когда из-под любителей всем нравиться уходят официальные кресла, даже президентское, за кордоном их как «друзей» вспоминают все реже, а затем и забывают. Хорошие личные отношения в дипломатии – это как сильное лекарство, оно может лечить только в разумных дозах.

Напомню о следующем факте. Когда в феврале 1989 г. Буш готовился к встрече с Горбачевым, руководитель ЦРУ Роберт Гейтс предупреждал американских дипломатов: «Не будьте настолько ослеплены сверхзвездой Горбачева, чтобы забыть, что мы ведем дела со страной, а не с отдельным человеком. Помните, что парень, управляющий сейчас Советским Союзом, через десять лет может не управлять».

Американцы, как правило, следуют одному из «золотых правил» дипломатии: если до конца не уверен, что делать, лучше не делай ничего. Во времена Буша–Горбачева это выразилось в следующем подходе – зачем платить за советские уступки, если их делают бесплатно.

Громыко бесплатных ярмарок по раздаче интересов страны не устраивал, за званием «лучшего немца» и «нобелевского лауреата» не гонялся. И правильно делал. На высоких постах человек принадлежит не себе, а стране, он – деятель государственный.

Аксиома Громыко: «Стержнем политики Запада являются США»

Чтобы оценить советско-американские отношения в 1981–1985 гг., необходимо, особенно молодым дипломатам и ученым, в том числе студентам, знать исторические факты.

Последние годы

Наступили последние годы Андрея Громыко у штурвала советской дипломатии. О них сегодня, двадцать лет спустя, мало что пишут, как и вообще о советском периоде истории. Высвечиваются лишь ее трагические страницы и темные углы. Они таят неприглядные стороны нашей жизни. Но было в ней и другое. Во второй половине противоречивого XX в. советская внешняя политика, особенно дипломатия, были динамичными и, главное, эффективными. До сих пор международная стабильность, насколько это возможно, сохраняется с помощью договоров и соглашений советского периода.

Андрей Громыко считал, что стержнем политики Запада являются США, остальные капиталистические государства равняются на Вашингтон, проявляя самостоятельность лишь в отдельных вопросах. Он оценивал политику США реально, не умозрительно; на основе анализа, прежде всего, действий, а затем уже слов. У дипломатов, считал он, эмоции, особенно «дружеские», не должны брать верх над разумом.

«Не надо питать иллюзий»

Отношения между Москвой и Вашингтоном в 1981–1983 гг. испортились. Это было связано, в частности, с приходом в Белый дом Рональда Рейгана. Американский президент-республиканец и его администрация поставили перед собой задачу остановить рост советского влияния в мире.

Весной 1981 г., когда развернулась деятельность нового правительства республиканцев, госсекретарь США Александр Хейг заявил, что Кремль проводит глобальную политику «изменений на основе силы», особенно в зонах «особых интересов Запада». Он также утверждал: «Москва сегодня являет-

ся основной причиной международной напряженности»[1]. В марте 1982 г. Рональд Рейган ошеломил американцев заявлением о том, что по военной мощи США уступают СССР: «Правда состоит в том, – сказал он, – что баланс сил дает Советскому Союзу явное превосходство… в результате появляется риск, который я бы назвал "окном уязвимости"»[2].

В июне 1983 г. пришедший на смену Хейгу Джордж Шульц в сенатском комитете по иностранным делам чеканит заявление: «Мы должны ясно сказать, что будем сопротивляться посягательствам на наши, наших союзников и друзей жизненные интересы»[3]. Таких, даже более резких, заявлений на высоком уровне в адрес Москвы делалось в 1981–1983 гг. сотни.

Наиболее выпукло стратегия холодной войны против СССР проявилась в 1983 г. в выступлении заместителя госсекретаря США Кеннета Дама. 31 октября на встрече, посвященной 50-летию установления дипломатических отношений Вашингтона с Москвой, он пространно говорил о «советском экспансионизме» и росте советской военной мощи. Будущее международных отношений, по Даму, было неприглядным, он пессимистически оценил перспективы ограничения вооружений и призвал к разоружению, но только Советский Союз. Дам отрицал саму возможность потепления советско-американских отношений и «скорой встречи в верхах». «Ближайшее будущее советско-американских отношений, – заявил он, – неопределенно. Не надо питать иллюзий о возможности быстрого и драматического прорыва»[4].

Все такого рода внешнеполитические установки американской политической элиты опирались на сознательно выбранную стратегию, крупномасштабные действия, направленные против СССР.

Установки для строгого следования

С какими основными внешнеполитическими установками столкнулся отец, вся советская дипломатия этого периода? Таких установок, на мой взгляд, было, по крайней мере, пять.

Первая установка – «линкэдж». Или «увязка», жесткие решения проблемы на условиях Вашингтона.

«Линкэдж» не развязывал, а туго завязывал узлы международных проблем. Улучшение советско-американских отношений увязывалось с «изменением советского поведения» («a change in Soviet behavior»), особенно в региональных конфликтах.

---

[1] *Haig A.* A New Direction in the US Foreign Policy. Department of State Bulletin, 81:2051. 1981. April 24; *idem.* A Strategic Approach to American Foreign Policy. Department of State Bulletin, 81:2054. 1981. Aug. 11.

[2] *Reagan R.* News Conference, Weekly Compilation of Presidential Documents 18. 1982. March 31.

[3] *Shultz G.* US – Soviet Relations in the Context of the US Foreign Policy. American Foreign Policy: Current Documents 1983. June 15.

[4] *Kenneth W.* Dam speech. Challenges of US – Soviet Relations at the 50-Year Mark. Department of State Bulletin. 1983. Oct. 31.

Вторая установка – форсирование гонки вооружений.

В марте 1981 г. правительство Рейгана затребовало на 1983 г. военные расходы в размере 222,8 млрд долл., что на 33,8 млрд долл. превышало уровень расходов начала 80-х годов. В течение четырех лет, с 1982 по 1985 г. Белый дом намеревался истратить на военные цели более 1 трлн долл.

Третья установка – перенос гонки вооружений в космос.

В марте 1983 г. Рейган объявил о Стратегической оборонной инициативе (СОИ). Она была упакована как «исследовательская программа».

Предлог для нее был выбран простой – защита Америки от «советской ракетной атаки». «Космический щит» рекламируется как средство нейтрализации «советского военного превосходства» над США.

Четвертая установка – размещение ракетного ядерного оружия в Европе.

В 1979 г. страны НАТО принимают решение о размещении американских ракет с ядерным оружием в Европе. Как это делалось при обосновании подобного рода акций, ее виновником была названа Москва, ее ракеты среднего радиуса «СС-20», дислоцированные, между прочим, на советской территории.

«Двойное решение» НАТО предусматривало как ведение с Москвой переговоров по ограничению вооружений, так и размещение в 1983 г. в Западной Европе ядерных ракет «Першинг-II» и крылатых ракет.

Планы распространения ядерного оружия в космосе получили название «космические войны». Они были задуманы не только как средство запугать Советский Союз, но и как дополнительный «допинг» для его «истощения». Эти цели, однако, все же не были главными. Основная стратегическая установка состояла в изменении военного баланса в пользу США, причем изменении решающем. «Щит» в сочетании с «мечом», масштабная противоракетная оборона как часть всего военного комплекса по защите наступательных ракет, сам становится составной частью военной системы. Освобождаясь от неприемлемого ответного удара, система многократно усиливает свои наступательные возможности. Для США она была направлена на достижение «абсолютной безопасности», а для других означала подрыв их безопасности и превращение на мировой арене в пешек.

Пятая установка – отход в сторону от усилий по ограничению вооружений.

Эта установка диктовалась предыдущими. Судите сами. В первый же год президентства Рейгана госсекретарь Хейг откровенно заявляет: «Контроль над вооружениями не является более сердцевиной советско-американских отношений, на первый план выходит все, что усиливает безопасность американского народа, международный мир и стабильность»[1].

Рейган подвергает острой критике не ратифицированное сенатом конгресса США соглашение по ПРО-2. Он заявляет, что оно усиливает военный дисбаланс, «позволяет Советскому Союзу удвоить свой ядерный потенциал»[2]. Из-за острой критики такой позиции в самих США Рейган позднее был

[1] *Haig A.* Appearance on ABC's «Issues and Answers». Department of State Bulletin. 1981. May 19.
[2] *Reagan R.* News Conference, Department of State Bulletin. 1981. Jan. 29.

вынужден изменить тактику и в ноябре 1981 г. предложил Москве провести переговоры по сокращению стратегических вооружений (Strategic Arms Reduction Talks, START).

Когда в нюне 1982 г. переговоры начались, то выяснилось, что США стремятся сократить только стратегические наземные ядерные ракеты, установить для СССР и США потолок в 2500 ракет. В то время в рамках баланса сил, основанного на принципах равной и одинаковой безопасности, СССР имел на стратегических ракетах 5500 ядерных боеголовок, а США – 2152. Ясно, что американцы ставили перед собой цель сократить советский ракетный стратегический ядерный потенциал в два раза. При этом Вашингтон сохранял возможность наращивать свои ядерные силы в областях, где американцы имели преимущество.

По ракетам средней дальности позиция Вашингтона была более гибкой. В ноябре 1981 г. в отношении ракет средней дальности в Европе Рейган предложил «нулевой вариант». Он предусматривал удаление из Европы, в том числе с европейской территории СССР, всех ракет средней дальности. Москва, как и предполагали американцы, с этим в то время не согласилась. Ведь США стремились нейтрализовать только советские ракеты средней дальности.

В контексте громогласно объявленных Рейганом планов по СОИ американское предложение выглядело весьма сомнительным. Вашингтон хотел получить от Москвы одностороннее разоружение на части советской территории всего лишь за намерения не осуществлять планы размещения американских ракет средней дальности в Западной Европе.

Приведу оценку «нулевого варианта», но не советскую, а западного исследователя советско-американских отношений канадки Беты Фишер: «Нулевой вариант был явно односторонним планом. Вашингтон почти не стремился принять во внимание обеспокоенность со стороны Советов или выдвинуть предложения, которые Москва могла бы посчитать хоть в чем-то приемлемыми. Такая позиция говорила о том, что администрация Рейгана в контроле над вооружениями заинтересована не была. В общем, с 1981 по 1983 год политика США по отношению к Советскому Союзу была крайне конфронтационной»[1].

Жесткие американские позиции, воплотившиеся в конкретной политике, оказали отрицательное влияние на настроения отца. В 1981–1983 гг. его выступления приобрели твердый характер. На официальных мероприятиях и в беседах министр говорит об «опасном милитаристском курсе наиболее агрессивных сил империализма», правительства США[2]. С другой стороны, из Москвы следует целый каскад мирных предложений в духе разрядки.

Философия внешнеполитического мышления отца очевидна. Министр стоит на почве убеждений, что «мир – это не та категория, которой можно манипулировать, приказывая, где бы ее разместить в реестре очередности по-

[1] Political Science Quarterly. Fall 1997. P. 485.

[2] Речь на завтраке в честь министра иностранных дел ЧССР Б. Хнёупека 17 марта 1981 г. // Громыко А.А. Ленинским курсом мира. Избранные речи и статьи. М., 1984. С. 248.

литических задач»[1]. Он критикует тех, кто «не в ладах с идеей переговоров, диалога между государствами», призывает не капризничать, проявить в отношении переговоров как средства решения мировых проблем хладнокровный, взвешенный, серьезный подход[2].

Андрей Громыко считал сверхзадачей советской дипломатии предотвращение ядерной войны, ограничение и сокращение стратегических ядерных вооружений. Он дорожил уже накопленными результатами в этой области.

Не менее упорно отец утверждает свое мнение об основе советской безопасности. Вот его кредо: «Не может быть и речи о том, говорит он, – чтобы поступиться принципом равенства и одинаковой безопасности сторон, с соблюдением которого только и возможен успех в переговорах, в том числе между СССР и США»[3]. Это была позиция уверенной в своих силах державы. Только этим объясняется то, с каким хладнокровием Москва боролась за разрядку.

Судите сами. Запад приглашается установить мораторий на размещение в Европе ракет средней дальности, заморозить уровень таких средств, пойти на их значительное сокращение, в том числе – средств передового базирования США. Предлагается расширить зоны применения мер доверия. Преодолевая накопленную за многие годы подозрительность, МИД СССР согласился распространить меры доверия на всю европейскую часть СССР, разумеется, на условиях взаимности.

Для урегулирования ближневосточного конфликта Громыко предлагает созвать международную конференцию. Советский Союз заявил о готовности пойти на совместные с Западом шаги по обеспечению безопасности в районе Персидского залива, увязав эту проблему с вопросами, относящимися к Афганистану. Все эти предложения уперлись в глухую стену отказов со стороны США и их основных союзников по НАТО.

В этой ситуации, когда в Вашингтоне вынашивали планы «звездных войн», в советском МИДе ломали голову над тем, как найти путь к Всемирной конференции по разоружению. Три года, с 1981 по 1983-й, – в советско-американских отношениях росли напряженность и взаимное недоверие. Москва выдерживала накат консервативной волны на международные отношения. В апреле 1982 г. в Белграде Андрей Громыко заявил, что правительство США «охватила ядерная лихорадка, в политике – это авантюризм, безумие».

Вместе с тем отец подтвердил готовность провести мадридскую встречу, выступил против попыток ее срыва. «Мы, – заявил министр, – за взвешенный подход к спорным вопросам, возникающим в отношениях между государствами, за решение таких вопросов за столом переговоров, за то, чтобы гасить существующие очаги международной напряженности и не допускать появления новых»[4].

---

[1] Там же. С. 251.
[2] Там же. С. 250.
[3] Там же. С. 248.
[4] *Громыко А.А.* Ленинским курсом мира. С. 388.

Начало 80-х годов – это все-таки годы возрождения холодной войны. Они привели к появлению в Вашингтоне особого приема связывать в один тугой узел несколько сложных международных проблем, утверждать при этом, что они могут быть решены только вместе, «в увязке». Позиция отца в связи с этим была иной. Он считал немыслимым, чтобы все основные международные проблемы решались разом. В своей теоретической статье, опубликованной в журнале «Коммунист», Андрей Громыко критиковал теорию «увязки» «едва ли не как прием в стиле одного из кумиров западной дипломатии – Меттерниха, австрийского государственного деятеля XIX века»[1]. Министр призвал абстрагироваться от вселенских масштабов, бросить трезвый взгляд на развитие международных событий на протяжении длительного этапа. Он сделал важный для дипломатии вывод – при политике «увязок» «невозможно решить ни одну международную проблему, до сих пор еще не было такого положения, когда все государства сходились бы во мнениях по всем вопросам международной жизни». Большой дипломатический опыт Громыко подсказывал: «Если бы государства руководствовались принципом "увязки", то не было бы единства союзников по антигитлеровской коалиции. Не существовало бы и послевоенных мирных переговоров, на заключение которых, кстати, Советский Союз шел в условиях, когда уже обнаружилась вполне определенная, враждебная по отношению к нему, направленность американской политики, когда США приступили к развертыванию вокруг СССР сети своих военных баз. Не было бы также той серии договоров и соглашений, которые были подписаны между СССР и США за последние 10–15 лет»[2].

Конечно, вызревавшее в горниле политических схваток, с обеих сторон ярко окрашенное острой фразеологией, новое советско-американское сближение только зарождалось. Внимательные наблюдатели, однако, понимали, что советский министр иностранных дел отрицал возможность мира «под тенью американских ракет», призывал не ломать «сложившееся соотношение сил», исходил из того, что «заключенные соглашения должны строго соблюдаться». Громыко видел в этом «азбуку международных отношений»[3]. Громыко постоянно подчеркивал: «СССР был и есть убежденный сторонник решения назревших международных проблем за столом переговоров»[4]. Он настойчиво предлагал «заморозить ядерные вооружения», существенно их ограничить и радикально сократить. Андрей Громыко выступал за сотрудничество вместо конфронтации, дипломатию вместо кулачного права[5]. Советская дипломатия не раз предлагала Вашингтону, чтобы государства, обладающие ядерным оружием, приняли на себя обязательство не применять его первыми. Более того, Советский Союз в одностороннем порядке такое обязательство на себя взял. Вашингтону был предложен комплекс мер по укреплению международной стабильности, в том числе Громыко выдвинул

[1] *Громыко А.А.* Ленинским курсом мира. С. 237.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 637.
[4] Там же. С. 638.
[5] Там же. С. 640.

предложение, чтобы страны Варшавского блока заключили с НАТО договор о взаимном неприменении военной силы и поддержании отношений мира[1].

Можно и нужно спорить, особенно на научных конференциях, какая дипломатия эффективнее – «зубастая» или покладистая. В последнем случае дипломаты стремятся понравиться партнерам по переговорам, нередко в ущерб интересам своей страны.

К осени 1984 г. наметился серьезный диалог между СССР и США. Как отметил Громыко еще 31 января 1984 г., «советское руководство убеждено, что есть возможности для серьезного обсуждения и решения международных проблем, какими бы острыми и сложными они ни были»[2]. «Нужен поворот в политике, – заявил он в Бухаресте, – мы ожидаем такого поворота от США и их союзников по НАТО». В СССР это «найдет соответствующий отклик»[3].

Еще более решительно в пользу отхода от холодной войны Громыко высказался в своем выступлении 27 февраля 1984 г. на встрече с избирателями в Минске. «Советский Союз неизменно выступает за ровные, нормальные отношения с Соединенными Штатами. Они должны основываться на соблюдении принципов равенства и одинаковой безопасности, взаимного учета законных интересов и невмешательства во внутренние дела друг друга». Громыко призывал «к выправлению отношений между двумя странами»[4].

Пожалуй, наиболее полно кредо Андрея Громыко в отношении США прозвучало в этом же выступлении на белорусской земле: «История советско-американских отношений убедительно показывает, что, когда наши государства – СССР и США – шли курсом на взаимопонимание и сотрудничество, выигрывали не только их народы, прочнее становился в целом мир». Отец призвал политическую верхушку администрации Рейгана «отбросить концепции, которые в основу отношений между государствами кладут разницу общественных систем, разницу идеологий. Должна быть прежде всего отброшена концепция "крестового похода" против социализма». Громыко назвал эту концепцию «малограмотной», так как в основе межгосударственных отношений, считал он, должны лежать не различия или сходства идеологий и общественных систем, а общие интересы государств, которые состоят в том, чтобы все споры и разногласия решать только мирным путем[5].

1981–1984 гг. стали, таким образом, периодом активных действий советской дипломатии на многих направлениях, особенно в Европе.

Оценка гонки вооружений, развернувшейся в США, со стороны советского министра, была весьма острой. Порой казалось, что министр излишне тверд в своих действиях по осаживанию Вашингтона. Здесь возможны разные взгляды. От, мягко говоря, «романтического», когда США представляют «добрым дядей Сэмом», до недовольного брюзжания: «с Америкой не договоришься». Андрей Громыко не разделял ни «розового сиропа» соглашатель-

[1] Там же. С. 642.
[2] Там же. С. 649.
[3] Там же. С. 650.
[4] Там же. С. 662–663.
[5] Там же. С. 662.

ства, ни постоянной идеологической «кувалды». Он ждал своего часа, и тот наступил.

Встреча в Белом доме

В сентябре 1984 г. по инициативе американцев в Вашингтоне прошла встреча Андрея Громыко с Рональдом Рейганом. Это были первые переговоры американского президента с представителем советского руководства. К ним вела дорога в несколько лет.

По сути дела, эта сентябрьская встреча стала венцом, заключительную аккордом в дипломатической деятельности советского министра. *Рейган признал за Советским Союзом статус сверхдержавы*.

Напомню слова, сказанные глашатаем мифа об «империи зла» после окончания встречи в Белом доме: «Соединенные Штаты, – заявил Рейган, – уважают статус Советского Союза как сверхдержавы ("superpower"), и у нас нет желания изменить его социальную систему»[1].

В феврале в радиообращении к стране Рейган говорит: «Я снова подчеркиваю стремление Америки к искреннему сотрудничеству между нашими двумя странами. Вместе мы сможем сделать этот мир лучшим, более мирным местом». Это была новая стратегическая установка, подтвержденная выступлением Рейгана в сентябре на Сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Оно было посвящено изложению программы советско-американского сотрудничества, как сказал Рейган, «тому, что Соединенные Штаты и Советский Союз могут вместе достичь в предстоящие годы»[2].

Последующие события подтвердили, что после встречи Громыко с Рейганом психологический климат в советско-американских отношениях не просто изменился к лучшему, что в прошлом уже бывало не раз и не два. Знаменательно было то, что стремление правительства США к плодотворному диалогу с Советским Союзом исходило от тех, кто ранее упорно настаивал на «линкэдже» – «увязке» как основном американском подходе к переговорам с Москвой.

Характерно, что в Вашингтоне никакой ставки на приход к власти Горбачева не делали. Там были готовы вести переговоры с генсеком КПСС К. Черненко. На своей пресс-конференции в июне 1984 г. Рейган заявил, что очень хочет встречи в верхах с Черненко:

«Мы готовы, хотим и можем, – сказал Рейган, – я готов к встрече и переговорам в любое время»[3].

Другим тоном заговорил и государственный секретарь Джордж Шульц: «Давайте начнем здесь и сейчас же новый, открытый и широкий диалог Восто-

---

[1] Time. 1984. Oct. 8. P. 16.

[2] *Reagan R.* Address to the United Nations, 224. 1984. Sept.

[3] *Reagan R.* News Conference, Weekly Compilation of Presidential Documents 20. 1984. June 14. P. 852, 853.

ка и Запада. Давайте вести себя на наших встречах так, чтобы в будущем историки отметили это время как поворотное в отношениях Востока и Запада»[1].

В сентябре 1984 г. правительство Рейгана предложило, чтобы СССР и США договорились об учреждении постоянно действующего механизма встреч министров обеих стран. «Такие встречи, – сказал президент, – могут способствовать быстрому развитию нового политического климата взаимопонимания, и это важно, если стремиться предотвратить кризисы и добиться с помощью переговоров контроля над вооружениями»[2].

После сентябрьской встречи Рейгана с Громыко ворота к плодотворному советско-американскому диалогу оказались открытыми. Появилась возможность перехода от холодной войны к сотрудничеству на основе биполярного мира. Это и был венец дипломатии Громыко. В Женеве осенью 1984 г. состоялась его встреча с госсекретарем США Шульцем, все шло к организации в 1985 г. встречи в верхах между Рейганом и генсеком КПСС.

После кончины Черненко к власти в СССР пришел М. Горбачев. Широкое советско-американское сотрудничество, совместное управление международными делами не состоялись. Это уже, однако, совсем другая история.

[1] Political Science Quarterly. Fall 1997. P. 492.

[2] *Reagan R.* Address to the United Nations. 1984. Sept.

Добрынин А.Ф.

А.А. Громыко и советско-американские отношения*

Судьбе было угодно, чтобы вся моя профессиональная дипломатическая жизнь, начиная с 1955 г., была в той или иной степени тесно связана с деятельностью А.А. Громыко, особенно в области отношений с США.

Могу сказать, что для меня, как и многих других наших дипломатов, это была хорошая школа по освоению искусства дипломатии и ведению переговоров.

Остановлюсь прежде всего на таком важном для дипломатов практическом вопросе, как ведение переговоров с иностранными представителями. Как А.А. Громыко вел переговоры? У него на этот счет фактически было несколько правил или принципов, которыми он руководствовался на практике. Он, по своему обыкновению, никогда их публично не декларировал, лишь в приватных неофициальных разговорах упоминал некоторые из них. Подчас они звучали как афоризмы. Вот некоторые примеры.

«Переговоры надо уметь вести, опираясь на силу политики, а не на политику с позиции силы».

«Дипломат – официальный представитель своего государства. Он не имеет права нести отсебятину или произвольно импровизировать. Если не уверен, что´ говорить – лучше промолчи. Компетенция – непременное качество дипломата».

«Не следует торопиться в переговорах, иначе проиграешь; абсолютно недопустимо сразу раскрывать все карты, хотеть решить проблему одним махом. Это иллюзия!»

«Не давать в переговорах волю эмоциям, но использовать эмоциональность другой стороны. К каждому партнеру по переговорам важен свой подход, с учетом его сильных и слабых качеств».

«Не увлекаться без особой нужды идеологическими спорами по ходу переговоров. Вы никогда не выиграете подобных споров; это будет лишь напрасная потеря времени, ведущая в тупик».

Добрынин Анатолий Федорович (1919–2010) – Чрезвычайный и Полномочный Посол.

* Впервые опубликовано в: А.А. Громыко – дипломат, политик, ученый. Материалы Научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А.А. Громыко. С. 27–36.

«Главное для дипломата – внутренняя убежденность в том, что он отстаивает правое дело во имя интересов своей страны».

Красноречивы высказывания бывшего госсекретаря США Г. Киссинджера, который неоднократно вел переговоры с нашим министром по разным вопросам. Он говорил, что вступать в переговоры с Громыко, не зная деталей или истории вопроса, было равносильно самоубийству: он разорвет оппонента на части. Громыко похож на тяжелый локомотив, который идет в заданном направлении и, подминая под себя оппонентов силой своей аргументации, упорно стремится достичь поставленной цели.

Участие в переговорах, проводимых А.А. Громыко, создало в МИДе неплохую школу квалифицированных дипломатов-«переговорщиков», которые самостоятельно вели сложные переговоры с иностранными представителями.

Теперь остановимся поподробнее на основной теме: А.А. Громыко и советско-американские отношения.

Мне вспоминается далекий мартовский день 1962 г. Я только что назначен послом в США, что было для меня, признаюсь, большим событием и большой неожиданностью. До этого я никогда не работал послом. А тут сразу назначен в главную капиталистическую страну. И вот за день до моего отъезда в Вашингтон Андрей Андреевич позвонил мне и сказал: «Слушайте, Анатолий Федорович, зайдите ко мне покалякать (его любимое выражение, когда он был в хорошем настроении. – *А.Д.)* о вашей будущей работе». Ну, я и пошел к нему «покалякать».

Фактически речь шла о дружественном напутствии и неформальных советах (порой достаточно откровенных) с его стороны. Должен сказать, что за десять лет работы в МИДе мне довелось часто общаться с Андреем Андреевичем (я побыл у него помощником, а в последние три года являлся заведующим отделом США и членом Коллегии). Относился он ко мне, насколько я могу судить, неплохо, порой даже дружественно.

Суть его напутствий сводилась примерно к следующему.

«Нет нужды подробно рассказывать вам о советско-американских отношениях, – начал он. – Мы занимались ими вместе с вами все это время и много на эту тему говорили. Ясно, что указанные отношения остаются для СССР центральными. Это и барометр для общего международного положения. В силу конфликтности наших отношений существует много споров и мнений по поводу причин напряженности в них и степени виновности в этом каждой из сторон. Прогнозы на будущее разные и у историков, и у дипломатов, но в основном они носят пессимистический характер.

Поэтому важна взвешенная и объективная оценка наших отношений, чтобы наметить правильный курс действий. Отношения между СССР и США носят по-своему уникальный характер. Обе стороны остаются в одно и то же время и противниками, и невольными (а постепенно и сознательными) партнерами в разделении особой ответственности за сохранение мира на Земле при важном взаимном – пусть и молчаливом – понимании недопустимости ядерной войны. Для этого путь один – переговоры. Процесс это медленный,

не обещающий быстрого успеха, но это единственный путь, по которому мы можем прийти в конечном счете к разрядке и развитию наших отношений».

Таким, если хотите, кредо сам А.А. Громыко постоянно руководствовался и в советско-американских отношениях, и в международной политике вообще.

В заключение беседы Андрей Андреевич дал мне «в личном плане» весьма необычный и неожиданный совет:

«Когда вы будете писать телеграммы из Вашингтона, – сказал он, – я прошу вас очень внимательно следить и учитывать то, что я вам сказал о непростом, но принципиальном характере наших взаимоотношений с США. Вы должны иметь про себя в виду, что у нас в Политбюро нет постоянного единства взглядов и мнений по советско-американским отношениям. К сожалению, большинство моих коллег не знают Америку, не бывали там, не понимают, как функционирует американская политическая система, не встречались напрямую с американской аудиторией. Соответственно, они склоняются – в силу самой атмосферы холодной войны – к конфронтационному мышлению и стремлению почти автоматически "дать отпор" американцам. Поэтому послу "проще" докладывать в Москву "сенсации" по поводу козней империалистов. Это легко усваивается, но одновременно подчас серьезно мешает планомерной работе МИДа. Чрезмерная эмоциональность и "сенсационность" донесений послов, особенно когда это не оправдано обстоятельствами, негативно действует, а порой и прямо вредит терпеливому поиску конструктивных направлений и решений во внешней политике.

На сложном американском направлении, – добавил он, – все это имеет особое значение. Вот почему смело и аргументированно поддерживайте все то, что могло бы вести нас к улучшению и развитию отношений. На конкретных примерах деятельности посольства надо исподволь поддерживать мысль о том, что не только противоборство, но и сотрудничество в поисках договоренностей возможно и целесообразно на американском направлении».

Таков был не совсем обычный, многоплановый «наказ» А.А. Громыко, данный мне, новому послу в Вашингтоне, в 1962 г.

Надо сказать, что в проведении внешней политики и особенно в области советско-американских отношений наш министр руководствовался определенной системой приоритетов, хотя в зависимости от обстоятельств и международной обстановки он мог действовать по разным «азимутам».

Абсолютным приоритетом нашей внешней политики было предотвращение прямых военных столкновений с США и, особенно, недопущение ядерной войны. Успех в этом деле стал фактом огромного исторического значения, своей ролью в котором наша дипломатия может гордиться.

Важно то, что, хотя нашим отношениям с США пришлось за годы холодной войны пройти через ряд серьезных кризисов и даже конфронтации, в ходе всех этих событий между Москвой и Вашингтоном исподволь формировалось определенное взаимопонимание по контролю над критически опасными международными ситуациями, которые могли бы привести к вооруженным конфликтам между США и СССР. Достаточно вспомнить в этой связи такие события, как

опасную напряженность вокруг Западного Берлина и Германии в целом, Кубинский кризис, военные конфликты на Ближнем Востоке и в Африке, войну во Вьетнаме, противостояние по другим важным вопросам. Роль дипломатии часто была ключевой. Опыт прошлого полезно использовать и сейчас.

Порой меня спрашивают, был ли во время моего пребывания послом в США момент, когда мы находились на грани войны с США. По-моему, был. Речь идет о Кубинском кризисе в 1962 г. Широкой публике до сих пор малоизвестно, что этот кризис был чреват ядерной катастрофой.

Дело в том, что Н.С. Хрущев тайно завез на Кубу ядерные боеголовки (о чем американцы не знали во время самого кризиса). Всего было более сорока таких боеголовок, уже находившихся на Кубе, по мощности равных бомбам, которые были сброшены на Хиросиму и Нагасаки. Среди них имелись даже две мегатонные боеголовки, которые могли быть нацелены на Нью-Йорк и другой крупный город, что грозило бы полным уничтожением этих больших городов. Вот до чего дошло в тот момент мышление холодной войны, если Хрущев додумался до таких вещей, хотя это и делалось во имя безопасности СССР и Кубы.

Позже я спрашивал Андрея Андреевича, неужели он не мог предупредить Хрущева, что на ввоз советских ракет на Кубу неизбежно будет весьма бурная реакция Америки. Он заметил, что говорил Хрущеву о возможности такой опасной реакции. Но Хрущев ему самоуверенно ответил, что будет обеспечен тайный завоз этих боеголовок и американцы ничего не узнают, пока не будут поставлены перед свершившимся фактом, а уж после этого им придется проглотить «горькую пилюлю». Как известно, эту «горькую пилюлю» пришлось глотать ему самому. Однако дело не в том, кто ее глотал, а в том, что мы были близки к ядерной войне. К счастью, в последний момент оба правительства проявили достаточную государственную мудрость, решив конфликт политическими средствами. Это классический пример, когда дипломатия нашла достойный выход из очень сложного и опасного положения.

Одним из главных приоритетов в своей внешнеполитической деятельности А.А. Громыко ставил закрепление результатов Второй мировой войны в рамках новой политической карты Европы, учитывавшей новые геополитические границы и государственные интересы СССР, его безопасность и понесенные им колоссальные жертвы в войне. Это прежде всего урегулирование вокруг Западного Берлина, оформление статус-кво с двумя германскими государствами, ФРГ и ГДР, а затем и общеевропейские дела.

Кульминационным пунктом настойчивых многолетних переговорных усилий нашей дипломатии на этом европейском направлении являлся созыв в Хельсинки в 1975 г. Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе с участием глав 35 государств, включая СССР и США. Это стал, можно сказать, звездный час для самого А.А. Громыко.

Вся эта деятельность вокруг европейских проблем была насыщена напряженной политической борьбой, а порой и прямым обострением отношений между СССР и США.

Был, например, в 1961–1962 гг. период, когда возникла угроза непосредственного столкновения на коммуникационных путях западных держав из Европы в Западный Берлин, которые проходили через территорию ГДР. Хрущев угрожал закрыть эти пути, если США (Запад) не согласятся признать за Западным Берлином статус «свободного города». В разгар этого кризиса президент Кеннеди демонстративно послал Клея, известного генерала времен Второй мировой войны, командовать американскими войсками в центре Германии. Со стороны Хрущева последовало не менее демонстративное назначение на аналогичный пост маршала Конева. Сложилась опасная и тревожная ситуация.

Наконец в какой-то момент в кремлевский кабинет Хрущева срочно позвонил из Берлина Конев и доложил ему о возникшем противостоянии на дороге в Западный Берлин двух больших танковых колонн с обеих сторон. Генерал Клей заявил, что у него есть приказ президента непременно пройти именно по этой «законной дороге». «А у меня, – сказал Конев, – есть приказ от вас не допускать этого. Что делать? Выполнять ваш приказ?».

Хрущев встревоженно спрашивает Андрея Андреевича: «Что ты думаешь? Американцы, возможно, блефуют?». Но тот озабоченно ответил, что так не думает и что дело может принять весьма серьезный оборот. «Надо отдать приказ Коневу, чтобы он поостыл и отошел».

Хрущев послушался совета своего министра, и опасный конфликт был предотвращен. Потом постепенно вся проблема была переведена на дипломатический путь.

В течение двух-трех лет Андрей Андреевич лично руководил затянувшимися переговорами по этому вопросу и участвовал в них. В конце концов Берлинский вопрос был решен, что было оформлено соглашениями 1971 и 1972 гг. Насколько упорными (точнее, «упрямыми») были переговоры, свидетельствует хотя бы такой факт: мне самому по поручению Громыко пришлось провести около 80 встреч с госсекретарем США Вэнсом. Что это были за встречи? Мы упорно повторяли одно и то же, как на старой пластинке, ибо все аргументы были давно исчерпаны. Вэнс с присущим ему чувством юмора как-то сказал мне: «Слушай, давай мы с тобой сделаем так. Все наши вопросы и ответы лично перенумеруем. Когда ты приходишь ко мне по берлинским делам, просто говори, что начинаешь нашу очередную встречу, скажем, с вопроса, известного нам обоим под номером пять. Я ссылаюсь на ответ за номером восемь. Затем мы меняемся ролями и так далее. После этого мы с тобой спокойно садимся и пьем виски. А потом ты идешь к себе в посольство, все вопросы и ответы у тебя есть, и ты пишешь на этой основе очередной доклад, а я в том же духе докладываю о встрече своему президенту. Все это здорово облегчило бы наши встречи».

Это, конечно, было шуткой, но за всем этим шла упорная борьба дипломатов. Ведь в конечном счете мы все-таки добились нужного нам решения. В этом контексте приведу еще один пример настойчивой целенаправленности действий А.А. Громыко.

В конце 1971 г. на заседании Политбюро стоял вопрос о приезде Никсона в Москву (это был бы первый визит Никсона в качестве президента). Вроде все были согласны с этим. Однако неожиданно А.А. Громыко оказался единственным, кто выступил против этого приезда. На удивленные вопросы, почему же он против, Громыко ответил, что мы сейчас находимся в самой деликатной и критической точке долгих переговоров с американцами по Западному Берлину. Никсону очень нужно быстрее приехать в Москву по внутренним соображениям, и нам надо использовать эту его заинтересованность, чтобы наконец «выжать из него» нужное, но затянувшееся решение по Берлинскому вопросу. После дискуссии Политбюро с ним согласилось. Приезд Никсона был фактически перенесен с 1971 на 1972 г. Хотя американский президент был недоволен этой отсрочкой, он все-таки подписал соглашение до приезда к нам. Этот пример наглядно показывает, как порой разумная настойчивость необходима при проведении переговоров.

Важным приоритетным направлением, которому А.А. Громыко уделял большое внимание, являлся процесс переговоров и договоренностей по контролю над гонкой вооружений, как обычных, так и ядерных. Это был, по выражению Андрея Андреевича, «вопрос вопросов». Как вы знаете, при нем было подготовлено и подписано немало соглашений и договоров по этим вопросам. Назову лишь некоторые из них, которые имеют актуальное значение и сейчас: ОСВ-1, ОСВ-2, ПРО, ограничение обычных вооружений, уничтожение ракет средней дальности и т.д.

Андрей Андреевич хорошо понимал, что вопрос о военной разрядке и мерах по разоружению фактически неотделим от проблемы политической разрядки, и стремился по возможности учитывать это в политической деятельности нашей дипломатии. Показательно, что в данный период в целом было заключено немало соглашений по разным аспектам советско-американских отношений. Далеко не все из этих полезных договоренностей получили необходимое признание или известность. Однако многоплановая работа нашей дипломатии принесла определенные результаты: была создана достаточно широкая ткань советско-американских (и международных) договоренностей, которая как своего рода страховочная сеть помогала не только сохранить мир, но и поднять его на более высокую ступень прагматизма и взаимопонимания. Это дает о себе знать до настоящего времени.

Вся деятельность советской дипломатии с повседневным участием А.А. Громыко закладывала новый важный политический процесс в отношениях между нашими странами – процесс разрядки, хотя он и давался непросто, с перерывами и остановками. Этот процесс наиболее четко проявился в 70-е годы. Достаточно назвать Договор 1972 г. о принципах взаимоотношений между СССР и США, Договор 1973 г. о недопущении ядерной войны, Договор по ОСВ, Хельсинкское соглашение 1975 г. по ОБСЕ и т.п.

Разрядка была важным достижением тех лет, полезный опыт которого актуален и в наши дни. Она практически показала возможности развития –

при взаимных усилиях – нормальных, даже партнерских отношений с США. О таком наследии нам, дипломатам, надо помнить, анализируя нынешние немалые трудности и непростые перспективы наших отношений с Америкой.

Несколько слов о встречах на высшем уровне. Громыко всегда придавал им большое значение. Такие встречи являлись, как правило, кульминационным завершением наших переговоров по конкретной важной группе вопросов. Порой эти переговоры длились несколько лет. Эта работа всегда требовала от МИДа большого напряжения, в том числе и в подготовке соответствующей документации. Сильная сторона Громыко состояла в том, что он не только сам вел переговоры, но и тщательно отрабатывал – до последней буквы – текст документов для подписания.

В ходе самих встреч он одновременно всегда был внутренне насторожен, опасаясь каких-либо внезапных импровизаций со стороны главы нашей делегации. Особенно трудно было со вспыльчивым Хрущевым, который порой в пылу полемики с американцами говорил и действовал слишком эмоционально и импульсивно во вред нашей же политике. Достаточно вспомнить не планировавшийся нами заранее, неожиданный уход Хрущева со встречи глав четырех держав в Париже в 1960 г. или опасное обострение им разговора с президентом Кеннеди в Вене в 1961 г. вокруг Берлинского кризиса.

Брежнев был «более контролируемым», но он довольно часто не помнил важных деталей тех или иных проблем и начинал импровизировать. Громыко приходилось на виду у американской делегации «уточнять» нашу позицию, а это далеко не всегда было просто или удобно.

В конечном счете дело постепенно свелось к тому, что на встречах на высшем уровне Брежнев зачитывал заранее подготовленные МИДом заявления о нашей позиции по тем или иным вопросам, а Громыко затем вел уже конкретную дискуссию по ним с американцами, время от времени обращаясь к Брежневу как бы за подтверждением правильности излагаемой им позиции. На таких переговорах А.А. Громыко нередко де-факто подменял собой главу нашей делегации, хотя и делал это со всей возможной деликатностью. Это стоило ему немалых нервов, но он умел по-прежнему сохранять свой невозмутимый вид и внешнее спокойствие, чем был хорошо известен в дипломатических и политических кругах всего мира.

Вспоминается еще один эпизод из истории встреч на высшем уровне (мне довелось побывать на всех таких встречах начиная с 1955 г.). В конце 1974 г. во Владивостоке состоялась встреча Брежнева с президентом Фордом. К этой встрече был подготовлен важный пакет документов по ограничению стратегических вооружений. Эти документы были предварительно согласованы между сторонами по дипломатическим каналам, поэтому не ожидалось больших затруднений на самой встрече глав государств. Однако Форд уже на самой встрече неожиданно предложил внести одно «уточнение» в текст документов.

Брежнев и Громыко вместе с приехавшими с ними из Москвы экспертами внимательно рассмотрели это предложение. Общий вывод был таков: допол-

нение Форда, конечно, в пользу американской стороны, но не настолько, чтобы из-за него отказываться от подписания всего соглашения, которое было выгодно и нам.

Об этом срочно сообщили в Москву для рассмотрения на Политбюро, где «на хозяйстве» был (т.е. замещал Генерального секретаря ЦК) Подгорный. Через пару часов он перезвонил Брежневу и сказал, что предложение американцев «для нас абсолютно неприемлемо». Он, правда, не привел каких-либо убедительных доводов в пользу такой позиции, а предлагал отложить встречу до следующего года, чтобы «поднажать на Вашингтон».

Брежнев стал советоваться с Громыко, как быть, ибо сам он находился в явной нерешительности: он не хотел срывать встречу с Фордом, но и не хотел идти против мнения членов Политбюро, находившихся в Москве. Громыко, надо отдать ему должное, твердо высказался против переноса встречи, поскольку это сильно ударило бы по советско-американским отношениям, да и затормозило дальнейшие переговоры по ограничению стратегических вооружений, а так как в США была сложная обстановка, то и весь вопрос о новой встрече в верхах мог затянуться надолго. Главное же, что поправка Форда, по мнению военных экспертов, находившихся с нами во Владивостоке, не носила такого уж принципиального характера.

В этом духе Брежнев и ответил Подгорному. Однако последний заупрямился, призвав к себе на помощь министра обороны Устинова (они оба не были сторонниками подобных договоренностей с американцами).

Возражения Подгорного буквально взорвали Брежнева. При поддержке Громыко Брежнев перезвонил Подгорному и возбужденно сказал: «Хорошо, раз ты с Устиновым настаиваешь, то я сейчас объявлю Форду о прекращении встречи с ним, а сам сразу вылечу обратно в Москву, где соберем Политбюро. Я там вместе с Громыко выступлю против вас с Устиновым, и пусть Политбюро нас рассудит».

Перспектива прямой ссоры с Генеральным секретарем ЦК явно не устраивала Подгорного, и он тут же стал заверять, что Брежневу, конечно, на месте виднее, как вести дела с американцами. Политбюро в любом случае поддержит его окончательное решение, заявил он.

Этот эпизод показателен с той точки зрения, что внутри Политбюро не было полного единодушия относительно того, как вести дела с Вашингтоном, и А.А. Громыко приходилось это всегда учитывать. Он немало лавировал, но по вопросам, которые считал ключевыми, достаточно твердо отстаивал свою позицию. Короче говоря, внешняя дипломатия для него причудливо переплеталась с внутренней.

В начале 80-х годов корабль разрядки попал в бурные воды международных осложнений, совпавших с афганской авантюрой и приходом к власти в США президента Рейгана (с его походами против «империи зла» и «звездными войнами»).

И все же запас прочности, наработанный при активном участии нашей дипломатии в предшествовавшие годы, помог сохранить необходимый ми-

нимум отношений, оставшихся от разрядки, а затем и придать новый импульс этому процессу.

С середины и конца 80-х годов в отношениях СССР и США (второе президентство Рейгана и начало президентства Буша) заметно активизируются дипломатическая деятельность и обсуждение коренных вопросов безопасности и сотрудничества. Напомним, что за несколько месяцев до своего ухода с поста министра, в январе 1985 г. А.А. Громыко достиг в Женеве важной договоренности с госсекретарем Шульцем о начале переговоров по стратегическим вооружениям, направленных на предотвращение гонки вооружений в космосе и ее прекращение на земле.

Ходом событий начала складываться уникальная ситуация, создававшая возможности для конструктивного завершения холодной войны путем переговоров, для совместного подведения под ней окончательной черты.

Важно при этом отметить, что к такому потенциально эпохальному моменту нашей дипломатии удалось в значительной степени продвинуть вперед свои приоритеты и завоевать форпосты, с которых можно было успешно добиваться указанной выше основной цели. У нас, если хотите, были хорошие карты для такого дипломатического и политического «торга».

Однако к концу 1991 г. наши тогдашние недальновидные правители, подталкиваемые и поощряемые Западом, с быстротой кинематографической ленты – лишь бы был американский «happy ending» – растратили весь позитив, накопленный советской дипломатией.

В итоге поистине исторический шанс был упущен – и нами, и Западом – и не только для нынешней России, но и для современных международных отношений в целом.

К сожалению, все эти драматические события в переломный момент дипломатической истории XX в. не были еще подвергнуты достаточно детальному, а главное – объективному изучению. Более того, идеологические споры, а также пробудившаяся любовь к переписыванию истории (с обеих сторон, особенно со стороны тех, кто считает себя победителями) мало способствовали поискам исторической правды. А события, связанные с последним периодом деятельности А.А. Громыко, как и всей советской дипломатии этого этапа, как-то не получили должного освещения в печати и не стали темой научных исследований, а отошли на задний план, как не имеющие особого значения для наших дней.

Андрей Андреевич Громыко, безусловно, занимает свое, особое место в дипломатической истории, и его наследие заслуживает дальнейшего изучения. Подобный взгляд в прошлое может быть полезен и в поиске подходов к современным проблемам в отношениях с США и Западом в целом.

Дробинин А.Ю.

Наследие А.А. Громыко и формирование нового мирового порядка*

Имя Андрея Андреевича Громыко – выдающегося государственного деятеля и блестящего дипломата, навсегда вписано в летопись крупнейших событий XX в.

Обращение к этой исторической фигуре сегодня очень символично. Происходящее в последние годы накопление противоречий в мировой политике вызывает растущую тревогу у всех думающих людей, заставляя оглянуться назад, проанализировать опыт прошлых успехов и неудач.

Часто приходиться сталкиваться с суждением, что нынешний кризис в международных делах – это некое переиздание конфронтации второй половины XX в. Некоторые даже находят идеологический срез: дескать, налицо противостояние так называемых либеральных демократий, с одной стороны, и авторитарных государств, с другой. На наш взгляд, это сильно упрощенное объяснение действительности. Она значительно сложнее, а проводимые иной раз параллели с холодной войной носят во многом надуманный характер и уводят от понимания масштабных изменений, которые переживает вся система международных отношений.

Напомню, что в свое время некоторые иностранные коллеги достаточно нервозно отреагировали на тезис С.В. Лаврова о формировании «постзападного» миропорядка. А ведь это просто констатация того факта, что с нарождением новых центров экономического роста и политического влияния устройство мира стало многополярным, а, следовательно, решение всех наиболее важных проблем современности должно осуществляться коллективными и согласованными усилиями ведущих государств.

Именно на таких принципах в свое время создавалась Организация Объединенных Наций, у истоков которой стоял А.А. Громыко. Тогда впервые в истории человечества появился универсальный многосторонний механизм, функционирующий на единых для всех правилах, зафиксированных

Дробинин Алексей Юрьевич – заместитель директора Департамента внешнеполитического планирования МИД России.

* В основу статьи легло выступление А.Ю. Дробинина на международной конференции «Социально-политические риски в условиях формирования нового мирового порядка» (к 110-летию А.А. Громыко), прошедшей 11 апреля 2019 г. в Государственной Думе.

в Уставе ООН. Среди них – ключевые для обеспечения устойчивого и предсказуемого развития международных отношений принципы суверенного равенства государств, невмешательства во внутренние дела и неиспользования силы или угрозы силой.

Считаем, что сегодня существуют все необходимые предпосылки для более полного раскрытия потенциала ООН как центра координации мировой политики, площадки для честных и открытых дебатов по ключевым вопросам современности, как это и задумывалось «отцами-основателями». А положения и принципы Устава ООН, несмотря на попытки отдельных стран подменить их некими «правилами» собственного изобретения, остаются незыблемыми. Убежденность в необходимости соблюдения всеми членами мирового сообщества универсально признанных норм международного права – это базовый принцип нашей внешнеполитической философии, который разделяет подавляющее большинство государств.

Заложенная в основание ООН идея коллективного управления мировыми делами сегодня как никогда актуальна. Вызовы и угрозы, с которыми сталкивается человечество, требуют сплочения усилий международного сообщества при ответственном лидерстве ведущих держав.

Одним из важнейших направлений такой работы должно стать исправление ситуации в области обеспечения международной безопасности и стратегической стабильности. Ставка целой вереницы американских администраций на продавливание своих узкокорыстных геополитических и экономических интересов при игнорировании законных озабоченностей России, Китая и ряда других стран значительно ограничивает сферу конструктивного взаимодействия и ведет к серьезному росту международной напряженности.

Очевидно, что нашим заокеанским коллегам не хватает стратегического видения. Американские, да и в целом трансатлантические элиты, к сожалению, демонстрируют все бóльшую шаблонность мышления и иррациональность при принятии внешнеполитических решений. Собственное благополучие и комфортное существование воспринимается как данность, мир перестал быть безусловной ценностью, а война, наоборот, воспринимается как приемлемое средство разрешения противоречий.

Но так было не всегда. Поэтому важно обращаться к опыту поколений, которые из ужасов Второй мировой войны вынесли твердую убежденность в необходимости избежать их повторения в будущем. В годы холодной войны мир не раз подходил к опасной черте, однако руководству обеих сверхдержав удавалось, оставив в стороне идеологические разногласия, находить выход из сложнейших ситуаций. Росло понимание необходимости обуздания гонки вооружений, как обычных, так и ядерных, и в целом – разрядки напряженности между Востоком и Западом. И в этом огромная заслуга Андрея Андреевича Громыко.

С его именем связаны важнейшие договоренности в области контроля над вооружениями и нераспространения, заложившие краеугольный камень в фундамент международного мира и безопасности. При его непосредствен-

ном участии были заключены Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах 1963 года, преобразованный в 1996 году в Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, и Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 года, ставший основой глобального режима ядерного нераспространения, а также советско-американские Договор об ограничении систем противоракетной обороны 1972 года и Соглашение о предотвращении ядерной войны 1973 года. Будет нелишним сказать, что после одностороннего выхода США из ДПРО, ДРСМД, возможного непродления срока действия ДСНВ после 2021 года, ДВЗЯИ и ДНЯО останутся последними универсальными многосторонними документами, регулирующими сферу контроля за ядерными вооружениями и нераспространения ядерного оружия.

А.А. Громыко был одним из основоположников общеевропейского процесса, одним из идейных вдохновителей хельсинкского Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Согласованные тогда принципы, и прежде всего принцип неделимости безопасности, остается для российской дипломатии стратегическим ориентиром в работе по формированию условий для создания общеконтинентальной системы безопасности и сотрудничества. В нынешних условиях, когда у западных границ России происходит наращивание военной инфраструктуры и активизация военных учений США и их союзников, особенно востребовано стратегическое видение, которым отличался Андрей Андреевич, его способность донести до собеседников неизбежность, а поэтому и необходимость выхода на подлинно добрососедское сосуществование нашей страны с государствами Европы, какие бы трудности на этом пути ни пришлось преодолеть.

А.А. Громыко, без сомнения, был и остается одной из знаковых фигур мировой политики XX в. и безусловной величиной в истории отечественной дипломатической службы. Частью прошлого стали жесткие идеологические постулаты, заблуждения и предрассудки, характерные для эпохи холодной войны, на которую пришлась большая часть его жизни и деятельности. Для нынешнего поколения отечественных дипломатов он олицетворяет, прежде всего, беззаветное служение Родине, последовательность в отстаивании интересов и укреплении ее авторитета на международной арене, прагматизм и осознание пагубности конфронтационного мышления, твердую убежденность в необходимости сохранения мира. Без этих качеств невозможно достойно представлять Россию в мире, реализовывать внешнеполитический курс, определенный Президентом Российской Федерации. Сегодня мы творчески переосмысливаем многое из того, что досталось от предыдущих поколений отечественных политиков и дипломатов. Но для всех, кто имеет отношение к этой профессии, Андрей Андреевич остается одним из немногих, кто достиг вершин дипломатического мастерства.

Дубинин Ю.В.

Громыко – фигура уникальная*

Фигура А.А. Громыко уникальна в истории международных отношений XX в. Начиная с 1943 г., когда он стал послом Советского Союза в США, и вплоть до 1986 г. он находился в эпицентре дипломатических событий, формировавших мировую политику. При этом в течение 28 лет он был министром иностранных дел одной из супердержав двуполярного мира. Выполнить такую миссию мог только человек выдающихся качеств. Коснемся некоторых из них. Прежде всего главного, которое определяло лицо А.А. Громыко как дипломата и государственного деятеля. Поставим в связи с этим вопрос: прав ли был Запад, окрестивший А.А. Громыко человеком «нет»? Обратимся к фактам.

Послом в США – государстве, которое являлось нашим главным союзником по антигитлеровской коалиции – А.А. Громыко был в решающие годы Второй мировой войны. Это высшая точка сотрудничества двух стран за более чем двухвековую историю их дипломатических отношений.

Это было время, когда при решающей роли Советского Союза и США закладывались основы послевоенного мироустройства. А.А. Громыко принимал участие в Ялтинской и Потсдамской конференциях руководителей СССР, США и Англии, сыгравших ключевую роль в этом процессе. Особо следует выделить вклад А.А. Громыко в создание Организации Объединенных Наций. Он был главой делегации СССР на переговорах по разработке Устава этой организации и поставил свою подпись под этим документом. Сегодня ООН – несущая конструкция всей системы международных отношений.

А.А. Громыко стал одним из творцов политики разрядки международной напряженности. Вершина этой политики – Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе и подписанный в его итоге Хельсинкский Заключительный акт. Разработка этого документа заняла без малого два года. Он наращивался по слову, по строчке. На стене кабинета Громыко в Москве висели

Дубинин Юрий Владимирович (1930–2013) – кандидат исторических наук, заместитель министра иностранных дел РФ в 1994–1999 гг., заслуженный работник дипломатической службы РФ, профессор МГИМО (У) МИД РФ.

* Впервые опубликовано в: «Лучше дясять лет переговоров, чем один день войны». Воспоминания об Андрее Андреевиче Громыко. С. 109–123.

бумажные ленты шириной в страницу. Отдельно для каждой из комиссий, которые в Женеве занимались разработкой текста. Эти ленты удлинялись по мере продвижения работы по составлению итогового документа. И каждая новая фраза рождалась как результат указаний или согласия Громыко. Хельсинкский Заключительный акт – его детище, а принятый в 1975 г., стал новаторским документом, намного опередившим время и создавшим предпосылки для преодоления холодной войны.

Как представляется, даже сказанного достаточно, чтобы дать ответ на вопрос: мог ли человек «нет», человек «отрицание» быть соучастником, а зачастую и мотором такого рода дипломатических достижений? Разумеется, им мог быть только человек совсем других качеств. Человек творческого склада, нацеленный на конструктивность и сотрудничество.

Может ли быть человек «да»? – спросит читатель. Увы! Это был бы неправильный вывод. Человек «да» в дипломатии – явление по меньшей мере рискованное, во всяком случае, если желание угодить партнеру берет у него верх над трезвым анализом последствий его уступчивости для интересов страны.

Приведу пример, косвенно связанный с деятельностью А.А. Громыко. Речь идет о следующем. При разработке позиции Советского Союза в отношении подготовки и проведения Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе одним из главных вопросов был вопрос о порядке принятия на этом форуме решений. Вопрос ключевой для любых переговоров и деятельности любой международной организации. Вполне естественно, что Громыко уделил много внимания поиску наиболее адекватного для интересов нашей страны ответа на этот вопрос. На нескольких совещаниях, в которых довелось участвовать и мне, прикидывались все мыслимые решения этого вопроса. Им могло быть правило принятия решений большинством государств-участников. Само это большинство могло быть простым или квалифицированным, сама квалификация большинства могла быть различной: две трети голосов или, скажем, три четверти и т.д. Но им могло бы быть и правило консенсуса. Согласно этому правилу, решение считается принятым только в том случае, если против него не высказывает возражений ни один из участников форума. Громыко тщательно взвешивал все «за» и «против» каждого из вариантов, все чаще повторяя, все еще колеблясь:

– Консенсус – трудное правило!

– Консенсус – хорошее правило!

В конце концов на этом правиле он и остановился, и оно стало беспрекословным законом для Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и всех его органов при решении всех вопросов – как существа, так и процедуры. Работать на основе этого правила действительно трудно. Вместе с тем оно заставляет всех участников форума добиваться такого глубокого учета взаимных интересов, который снимает возражения со стороны кого бы то ни было. Кроме того, это правило исключает возможность принятия форумом решения, ущемляющего интересы любого из его участников. По сути

дела, этот вариант принятия решений придает переговорному процессу наибольшую демократичность, а достигаемым договоренностям – наибольшую авторитетность. На основе этого правила был разработан Хельсинкский Заключительный акт, этим правилом руководствовались и в ходе мероприятий общеевропейского процесса после подписания Заключительного акта пока… Пока представителям западных стран не удалось пробить в таком правиле принятия решений брешь. Как бы в виде исключения. Применительно к работе отдельных создаваемых Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе институтов, прежде всего Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ), поощряя их к некоей «автономии», которая означает на практике подчинение этих институтов одной группе государств и приверженность ее идеологии, подрыв межгосударственного характера ОБСЕ. Последствия известны. Они – результат действия человека «да».

Сделаем вывод: антиподом человеку «нет», человеку «отрицание» в дипломатии должен быть человек, который умеет сказать «нет», для того чтобы отвести то, что несет ущерб его стране, но способный при этом, не создавая тупика или противостояния, предложить какое-то иное, конструктивное решение. Речь идет о сочетании твердости и гибкости, о творческом подходе. Таким и был Андрей Андреевич. Этому он учил и молодых дипломатов. Когда он напутствовал меня, назначенного в 1980 г. руководителем делегации СССР на подготовительной части Мадридской встречи государств – участников общеевропейского процесса, он был предельно краток: «Ваши партнеры, – сказал он, – могут выдвигать неприемлемые для нас предложения. Отводите их, но сразу же вносите свои предложения». В этом состояло в его понимании правило ведения переговоров, дипломатической деятельности вообще.

Сумма дипломатических свершений А.А. Громыко огромна. Уровень его дипломатического мастерства исключителен. Он много сделал прежде всего для укрепления международных позиций Советского Союза: это при нем наша страна стала признанной супердержавой. Но он много сделал и для всего международного сообщества. Чем дольше он оставался руководителем внешнеполитического ведомства нашей страны, тем большим уважением пользовался в мире и среди своих коллег. Один штрих к этому. Перед открытием ежегодной сессии Генеральной Ассамблеи ООН руководители делегаций государств-участников (это, как правило, министры иностранных дел), собираясь заблаговременно в зале заседаний, обычно подходят к своим коллегам, для того чтобы пожатием руки, кратким приветствием засвидетельствовать им свое почтение. У этой своеобразной церемонии нет ни правил, ни критериев. К одному министру могут подойти двое-трое коллег, к другому – несколько, а к кому-то – ни одного. Что касается Громыко, то его появление на местах советской делегации, особенно в последние годы пребывания на посту министра иностранных дел, вызывало повышенное движение в зале, и очередь тех коллег, кто считал непременным засвидетельствовать ему уважение, выстраивалась через весь огромный зал пленарных заседаний Генеральной Ассамблеи. Это ли не демонстрация высочайшего международного авторитета А.А. Громыко!

* * *

Ответственность за дипломатическую службу нашей страны сполна легла на плечи А.А. Громыко, когда он стал министром иностранных дел. Случилось это в 1957 г. Через четыре года после смерти Сталина, т.е. в начале новой эпохи в истории нашей страны, да и не только нашей страны. Внешняя политика Советского Союза приобретала новые измерения. Возрастал ее динамизм, множились контакты, выдвигались крупные инициативы, нацеленные на предотвращение войны, сброс напряженности, решение конфликтных ситуаций путем переговоров. Все это ставило перед Министерством иностранных дел новые масштабные задачи. Путь решения этих задач Громыко видел в наращивании профессионального мастерства наших и дипломатических кадров и максимальной мобилизации творческих возможностей всего коллектива дипломатической службы, как говорится, от мала до велика, вовлечении в ответственную дипломатическую деятельность молодежи. Мне запомнилось, с какой настойчивостью он проводил эту последнюю мысль на одном из активов министерства. Обращаясь к руководящим работникам, он призывал их стимулировать инициативу всех, в том числе начинающих дипломатов, внимательно относиться к выдвигаемым ими предложениям.

«Если даже такие предложения не могут быть пущены в работу в том виде, в каком они формулируются их авторами, пусть это будет и второй, и третий секретарь, – говорил Громыко, – они могут нести в себе зародыш мысли, что-то новое, способное генерировать полезные инициативы».

Специальное внимание А.А. Громыко обращал на выпускников Московского государственного института международных отношений. Он первым из руководителей страны разглядел возможности этого молодого племени, вливавшегося в дипломатическую службу нашей страны после получения системной подготовки к международной деятельности – подготовки, которой до создания этого института в нашей стране не было.

К 1957 г. состоялось уже девять выпусков, и в коридорах министерства мелькало все больше его питомцев. Старожилы окрестили их «молодыми», что отражало не справедливую на первых порах констатацию их возрастного положения, а скорее вопрос: посмотрим, посмотрим, что из вас получится? Подход Громыко был другим. Внимательно присматриваясь к «молодым», он стал все шире привлекать их к ответственной деятельности, вначале в центральном аппарате, а затем и за рубежом, активно продвигая по кадровой лестнице тех, кто этого заслуживал.

Одной из первых таких значительных мер стало назначение А. Ковалева и В. Фалина советниками министра. Они напрямую работали с Громыко, участвовали в составлении наиболее важных документов нашей дипломатии. Это был старт их большой карьеры.

Занялся А.А. Громыко и выдвижением профессионалов, т.е. кадровых работников министерства, на высшие дипломатические должности за границей. Это была непростая задача. Послами Советского Союза, как прави-

ло, назначались партийные и государственные деятели, зачастую высокого ранга. Это были достойные люди. Однако профессиональной подготовки им не хватало, и не всем из них удавалось преодолевать этот недостаток. Громыко, особенно на первых порах, пока он не стал членом Политбюро, приходилось прилагать немало усилий, чтобы назначать на такие должности своих кандидатов. Но он настойчиво проводил эту линию.

Что касается мгимовцев, то впервые руководителем дипломатического представительства выпускник института был назначен в 1965 г. Им стал Б.Я. Дорофеев. Он возглавил в качестве Чрезвычайного и Полномочного Посланника миссию СССР в Новой Зеландии. Таким образом, движение к высшим заграничным постам началось для «молодых» с самой отдаленной точки дипломатического мира. Но уже через несколько лет, в 1971 г., В.М. Фалин будет выдвинут на пост посла в такой важной стране, как Федеративная Республика Германии. Ю.М. Воронцов первым из мгимовцев станет в 1977 г. послом в Индии, а в 1986 г. автор этих строк будет первым представителем нашей страны при Организации Объединенных Наций и в Совете Безопасности, а затем в том же году станет первым из выпускников МГИМО послом СССР в США.

Начатая А.А. Громыко линия год от года получала все большее развитие. Ее результат на сегодняшний день впечатляет. По сведениям на начало 2008 г., послами нашей страны стали 537 мгимовцев. При этом 132 из них, т.е. большинство российского посольского корпуса, в настоящее время являются действующими руководителями загранпредставительств Российской Федерации. Активно выдвигал Громыко питомцев МГИМО и в руководители делегаций нашей страны на многих важнейших международных переговорах.

В центральном аппарате нашей дипломатической службы впервые на руководящую должность заместителя министра иностранных дел был назначен в 1971 г. выпускник института А.Г. Ковалев. К началу 2008 г. 44 мгимовца прошли через этот пост или занимают его в наши дни.

В 1991 г. выпускник МГИМО А.А. Бессмертных стал министром иностранных дел. Выпускником МГИМО является и нынешний руководитель внешнеполитического ведомства нашей страны – С.В. Лавров.

Вклад А.А. Громыко в становление подлинно профессиональной дипломатии в нашей стране очень велик.

* * *

Высокую принципиальность и настойчивость А.А. Громыко проявлял не только в переговорах и контактах с представителями государств, но и в отстаивании своих взглядов в руководстве нашей станы. Сложности у него возникали главным образом с подразделениями Центрального Комитета партии, занимавшимися международным коммунистическим движением. Обобщая, их можно было бы свести к вопросу о том, на какой основе следует строить внешнюю политику Советского Союза: на основе принципа пролетарского

интернационализма или руководствуясь своими национальными интересами. Не знаю, выходили ли расхождения между Громыко и руководством Международного отдела ЦК КПСС на обсуждение самого этого исходного положения. Разногласия, которые я наблюдал, касались практических мероприятий, чаще всего связанных с нашей политикой в отношении Франции и Италии.

Спор по Франции возник при подготовке визита туда тогдашнего руководителя нашей страны Н.С. Хрущева. Этого визита очень хотел президент Франции генерал де Голль. Он предложил Хрущеву грандиозную, больше, небывалую для французской протокольной практики поездку по Франции. При этом предполагалось, что Хрущев должен был останавливаться в провинции у префектов – представителей президента в департаментах, на которые разделена страна. Префекты же должны были устраивать приемы в честь советского гостя.

Международный отдел ЦК КПСС, придавая подчеркнутое значение пропагандистской отдаче от визита, счел, что де Голль, превращая руководителя коммунистической страны в заложника государственных чиновников, каковыми являлись префекты, стремится ограничить возможности его общения с французским народом вообще и с Коммунистической партией Франции, в частности. Он настаивал на том, чтобы мы отказались от размещения Хрущева в префектурах и поставили бы вопрос о том, чтобы все приемы в его честь устраивали только выборные органы власти.

А.А. Громыко возражал. Он опасался, что наш отказ от предложений де Голля может испортить атмосферу визита или даже приведет к его отмене, а это не будет отвечать нашим государственным интересам. Противостояние двух точек зрения было столь жестким, что решили обратиться за советом к руководителю Французской коммунистической партии Морису Торезу, авторитет которого в Москве был очень высок. Морис Торез посоветовал без всяких оговорок принять предложение президента Франции как выражение высшей формы уважения к иностранному руководителю. Он пояснил при этом, что, будучи сразу после освобождения Франции заместителем руководителя французского правительства, сам неоднократно останавливался в префектурах. Н.С. Хрущев ответил согласием на предложение де Голля. Визит прошел блестяще.

А.А. Громыко ценил, когда и его подчиненные проявляли настойчивость, отстаивая свою точку зрения. Даже в тех случаях, когда она расходилась с его собственной. Качество не так часто встречающееся, но очень важное для эффективности работы любой структуры, в том числе и дипломатической службы.

В этой связи мне запомнился случай, связанный с его визитом в Испанию в 1985 г. Вот как обстояло дело. За год до этого состоялся официальный визит в нашу страну короля Испании Хуана Карлоса I. Он ознаменовал поворот в истории отношений наших стран. Визит короля открыл путь к развитию советско-испанских отношений и, в частности, к обмену визитами высших политических руководителей Советского Союза и Испании. В целях обсужде-

ния таких перспектив и был приглашен Громыко в Мадрид. Испанцы проявляли к этому визиту подчеркнутый интерес. Я был в то время послом в Испании, и все переговоры по подготовке визита проходили через меня. Испанцы дали согласие на предложенные нами даты визита (28 февраля – 2 марта), хотя для этого им потребовалось внести коррективы в их дипломатический календарь. Оставалось обнародовать достигнутую договоренность. Мадрид просил нашего согласия сделать это как можно скорее.

В это время прозвучал удар грома. Советника нашего посольства пригласили в МИД Испании и сообщили, что один из младших работников посольства должен покинуть Испанию в связи с действиями, несовместимыми со статусом дипломата, как это принято говорить в подобных случаях. Правда, в отличие от стандартных сценариев для подобного рода операций испанцы выразили сожаление, что данную акцию приходилось осуществлять в такой момент, когда обе стороны идут по пути укрепления диалога и взаимопонимания. Было также заявлено о стремлении руководства министерства сделать все возможное, чтобы этот инцидент не отразился на добрых отношениях между Советским Союзом и Испанией.

Наш советник, конечно, протестовал и сверх того заявил, что подобные действия даже помимо воли сторон могут иметь негативные последствия для отношений.

Событие было неприятным. Это понимало и руководство испанского МИДа. Так бывает, когда в государственном аппарате сталкиваются противоречивые интересы и идет внутренняя борьба.

Не прошло и нескольких дней, как положение осложнилось: история с выдворением нашего дипломата заполнила испанские газеты. Мы заявили резкий протест как по существу случившегося, так и в связи с поднятой шумихой. Из Москвы был выслан кто-то из испанцев – это в рамках сложившейся практики. В испанском МИДе нас убеждали, что утечка информации произошла помимо воли министерства. Вновь, с еще большей настойчивостью наши коллеги говорили нам, что не хотели бы, чтобы этот вопрос печально отразился на советско-испанских отношениях.

В подтверждение заинтересованности Испании в развитии отношений с Советским Союзом председатель Сената Карвахаль сообщил мне в эти дни о решении кортесов пригласить в Испанию с официальным визитом делегацию Верховного Совета СССР – первую делегацию такого уровня.

Мы обо всем подробно информировали Москву. Москва молчала.

Вместе с тем все явственнее было видно, что тревога в испанском политическом руководстве за судьбу отношений с нами нарастает. Оснований для этого становилось все больше: Москва уже много дней не давала ответа на просьбу испанцев опубликовать сообщение о визите в Мадрид А.А. Громыко. Даже не получив такого ответа, испанцы сообщили мне 17 января, что председатель испанского правительства Фелипе Гонсалес предлагает встретиться с Громыко в первый же день его пребывания в испанской столице. Это была элегантная форма напоминания о том, что в Мадриде ждут ответа.

Москва по-прежнему молчала.

На приеме для дипломатического корпуса 21 января разговор со мной об инциденте завел сам король.

«То, что произошло (он имел в виду высылку нашего дипломата), – сказал он, – вызывает озабоченность. Кому только нужны такие операции! Они несут лишь ущерб. Пресса полна всяких спекуляций. Пишут кто во что горазд. Все это достойно сожаления».

Я в свою очередь говорил, что происшедшее входит в противоречие с общей атмосферой в отношениях между двумя странами, созданной визитом короля. Подчеркивал, что это не могло не вызвать тревогу и соответствующую реакцию в Москве. Дон Хуан Карлос отвечал:

«Я понимаю это». И дальше:

«Я жду встречи с А.А. Громыко, откровенного разговора с ним. Это важно, даже если мы не во всем согласны друг с другом и будем прямо говорить об этом».

Дон Хуан Карлос пояснил:

«В Испании дорожат хорошими отношениями с Советским Союзом и заинтересованы в их развитии».

Итак, на первый план, как и во многих других острых моментах наших отношений, вышел король. И снова с прямой, четкой и конструктивной постановкой вопроса, продиктованной национальными и международными интересами Испании.

Казалось, чего же больше? Однако Мадрид сделал еще один крупный шаг. В тот же день меня принял Фелипе Гонсалес. У меня было поручение проинформировать его об итогах встречи А.А. Громыко с Дж. Шульцем, состоявшейся в Женеве 7–8 января. Однако беседа обставляется атрибутами, призванными подчеркнуть ее особенно дружественный характер. На беседе присутствовал министр иностранных дел. Причем Ф. Моран встречал меня в приемной председателя правительства, и мы пили с ним чай в ожидании беседы с Ф. Гонсалесом.

Во время встречи Гонсалес выразил признательность за подробную информацию о столь важном для международной жизни контакте, как встреча руководителей внешнеполитических ведомств СССР и США.

«Мы понимаем, – говорил он, – значение, которое Советский Союз придает вопросу о недопущении милитаризации космического пространства – именно об этом шла речь в Женеве. У США, – добавил собеседник, – конечно, другие приоритеты».

Затем он выделил мысль о том, что Испания в меру своих возможностей будет вносить активный вклад в развитие этого процесса.

И наконец, председатель правительства подчеркивал главный с точки зрения злободневности элемент беседы.

«В этом плане (т.е. в плане обсуждения ключевой проблемы международной обстановки), – резюмировал он, – мы придаем особое значение предстоящему визиту А.А. Громыко».

Не ему, политическому руководителю страны, вновь спрашивать меня, когда Москва даст согласие на сообщение об этом визите, но значение, которое придавалось Мадридом тому, чтобы этот визит состоялся, он выразил предельно ясно.

«Мы вырабатываем, – продолжал Ф. Гонсалес, – особый статус Испании в НАТО, предусматривающий неучастие страны в интегрированной военной системе союза. Тем самым Испания будет свободна от автоматического следования блоковой политике и будет иметь возможность действовать самостоятельно».

«Это у нас твердая линия», – заострил мысль руководитель правительства и добавил, что Испания будет страной, свободной от ядерного оружия, в том числе и в таком измерении этой проблемы, как недопущение его транзита через свою территорию.

Далее председатель правительства сформулировал курс испанского правительства в отношении Советского Союза:

«Испания, – заявил он, – намерена продолжать линию на развитие отношений с Советским Союзом и чувствует себя в этой области в наилучшем положении по сравнению с другими западноевропейскими странами. Между Испанией и Советским Союзом нет каких-либо спорных проблем. Испанское правительство положительно оценивает то, что было сделано за последние два года. Особое значение имеют контакты на высоком уровне и в первую очередь визит в Советский Союз короля. Можно сказать, что для Испании этот визит оказался более важным, чем даже установление дипломатических отношений. Положительное влияние визита короля, – подчеркивает он, – будет еще многие годы сказываться на развитии отношений двух стран».

В конце беседы председатель правительства вновь возвратился к самому актуальному практическому вопросу – визиту Громыко.

«Мы ждем этого визита, – напрямую заявил он. – Мы хотим конкретно изложить соображения испанского руководства относительно того, как мы видим реальные внешнеполитические возможности Испании и тот вклад, который она может внести в дело улучшения международного климата, возвращения к политике разрядки».

Таким образом, визит нашего министра Гонсалес связывал с намерением провести небывалый до сих пор по откровенности обмен мнениями о широких горизонтах испанской политики, начать с Советским Союзом доверительный диалог по ключевым для международных дел проблемам. Правильным представляется и выбор собеседника для этих целей: А.А. Громыко. В силу многих обстоятельств, немаловажным среди которых являлось быстро ухудшавшееся здоровье Черненко, Громыко играл все более крупную роль в определении внешней политики Советского Союза.

Я был окрылен огромным дипломатическим багажом, полученным в течение всего одного дня – 21 января. В Москву были отправлены подробные отчеты, и я пребывал в добром расположении духа и уверенности, что теперь

ответ насчет обнародования дат визита Громыко в Испанию придет быстро и он, конечно же, не может быть никаким иным, кроме как положительным.

Но Москва продолжала молчать.

А спустя неделю, 29 января, я получил телеграмму совсем иного содержания. «Вам следует, – писали оттуда, – прибыть в Москву на один-два дня для того, чтобы посоветоваться по вопросу о визите в Испанию». Подпись: А. Громыко. Вот так новость!

«Что же тут необычного?» – спросит читатель. Да то, что не принято было в те времена вызывать послов для совета по подобным вопросам, и со мною никогда такого не бывало. Не принято было и подобные телеграммы подписывать самому министру: по установившейся практике он ставил подпись только под ключевыми установками, исходившими от руководства страны, или в каких-то специальных случаях.

Значит, решил я, дело как раз и идет о случае специальном, и, проложив быстрейший авиамаршрут в Москву, я был там уже на следующий день. Прошелся по кабинетам. Как это ни удивительно, никто, в том числе и на уровне заместителей министра, ничего не знал не только о том, какой у меня может быть разговор с Громыко, но даже о факте вызова. Старший помощник министра сказал лишь, что телеграмму мне писал сам министр. Впрочем, министром я был принят в рекордно короткий срок. Вместе с ним был его заместитель Н. Рыжов.

Первая фраза Громыко звучала мягко. Он благодарил за то, что я так быстро добрался до Москвы. Продолжал он тоже ровным спокойным голосом, и это делало особенно значимым содержание его слов.

«Принято решение, – заявил Громыко, – визит в Испанию отложить. Мы пригласили вас посоветоваться насчет того, как лучше объяснить это испанцам. По телеграфу всего не скажешь и как следует не обсудишь».

Министр умолк. Я был ошеломлен. «Принято решение» – повторилось, как эхо, в моем сознании. Так говорили о решениях Политбюро. То есть о самых высоких решениях. Эти решения не только не оспаривались, но и не подлежали обсуждению. Они выполнялись. Но начинать разговор о том, как объяснять наш отказ от визита, у меня не было никакого желания. Вместо этого я выразил непонимание такого решения.

«Как это вы не понимаете? – встрепенулся министр. – А выдворение советского дипломата – это вам не причина?»

Министр встал с кресла и бросил на меня жесткий взгляд.

«Что же они говорят нам одно, а делают другое!»

Я был не готов к такому повороту разговора и попытался выйти из положения за счет ссылок на то, что подобные казусы бывали, иногда и не без причины, и что наша реакция не должна переходить за рамки соразмерности. Но это вызвало у Громыко уже нескрываемое раздражение.

«Выходит, они выставляют нашего работника, не проходит и пары месяцев – и я в Мадриде! Как это выглядит с точки зрения достоинства государства?»

Я, однако, оправился от первой неожиданности и решил твердо настаивать на своем. Напомнив министру о последних беседах, я сказал, что фактически испанцы принесли нам извинения, и на самом высоком уровне, а это вещь беспрецедентная.

Вроде бы это произвело на Громыко большее впечатление, но никак не решающее. Видимо, инцидент был болезненно воспринят пострадавшей силовой структурой, а во главе ее тоже член Политбюро, как и Громыко, и на нашего министра крепко давили.

«Дипломатические разговоры, – бросил он мне, – ведутся за закрытыми дверями, а действия видят все».

Тогда я перешел к самому главному, на мой взгляд, – к логике развития отношений с Испанией. Вскользь упомянул, что курс этот определен решениями Политбюро. С нажимом сказал, что его визит становится непременным этапом движения вперед и если мы отложим его, то не просто остановим раскручивание спирали, но и поставим себя в положение, когда спустя какое-то время нам придется уже самим искать возможности для создания новой динамики движения вперед.

Министр сел, задумался. Я задел чувствительную область. Во-первых, такой подход понятен ему как дипломату. Во-вторых, что еще важнее, это та сфера, за которую он нес личную ответственность. В случае просчета – ему же и исправлять.

Чем больше длилось молчание, тем больше возрастала у меня надежда на успех.

Словно вспомнив о Рыжове, в течение всей дискуссии хранившем молчание, нагнув голову к столу, министр обратился к нему:

«Вот тут Дубинин уже полчаса читает нам лекцию. Что будем делать?»

Я насторожился, хотя чувство подсказывало мне – дело сделано. Громыко, конечно, передумал, но искал дополнительной опоры, чтобы прямо сказать об этом.

«Надо лететь, Андрей Андреевич», – ответил Рыжов. Правильно ответил.

«Хорошо, полетим, – заключил Громыко. – Дубинин, скажите испанцам: мы согласны объявить, что визит состоится в те даты, о которых договорились. До свидания».

Я выходил из кабинета, как после тяжелого экзамена. Но еще не было конца дипломатическим приключениям перед прилетом Громыко в Мадрид.

В испанской печати 15 февраля промелькнуло сообщение о том, что из Испании по обвинению в шпионаже были выдворены два американских гражданина. Один из них – второй секретарь посольства США в Мадриде, а второй – гражданский работник американской военно-воздушной базы в Торрехоне, также имевший дипломатический паспорт. Краткое сообщение сразу же приобрело характер сенсации. Писали, что случаи выдворения американцев бывали и раньше, но их никогда не предавали огласке. Теперь же случившееся приобрело характер дипломатического инцидента. Комментаторы связывали действия испанского правительства с растущим раздражени-

ем Мадрида систематическим нарушением американцами норм и традиций дипломатического общения.

О высылке американских граждан было объявлено 17 февраля уже официально. Это подтвердил и сам Фелипе Гонсалес. В явно официозных пояснениях в средствах массовой информации говорилось, что американцы были задержаны в момент, когда занимались недозволенной деятельностью в непосредственной близости от резиденции председателя испанского правительства – Монклоа. Стремясь смягчить последствия скандала, посольство США в специальной ноте постаралось убедить испанское правительство в том, что задержанные американцы действовали без разрешения и не имея на то инструкций своего правительства. Однако сбить волну негодования не удалось. Средства массовой информации изливали потоки возмущения. Раздавались даже голоса с требованием поставить вопрос об отзыве американского посла Т. Эндерса. Особую пикантность ситуации придавало то, что за несколько дней до инцидента было объявлено о намеченном на начало мая визите в Испанию президента США Р. Рейгана.

На следующий день, 18 февраля, я посетил Ф. Морана и дал ему согласие на опубликование сообщения о том, что визит А.А. Громыко состоится с 28 февраля по 2 марта; 21 февраля такое сообщение было обнародовано.

Визит А.А. Громыко прошел весьма успешно и открыл путь к посещению Советского Союза Ф. Гонсалесом, а затем и М.С. Горбачевым Испании.

* * *

В 1987 г. состоялся первый официальный визит М.С. Горбачева в Соединенные Штаты Америки. Без преувеличения это было событие глобального значения. Советский Союз еще прочно стоял на ногах. Москва выступала в роли инициатора глубоких перемен в международной политике. Визит в Вашингтон, его результаты отвечали ожиданиям мировой общественности. Там был подписан Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, намечены пути ускорения переговоров по сокращению стратегических наступательных вооружений.

Я занимал в то время пост посла Советского Союза в США и вместе со всем коллективом нашего вашингтонского посольства участвовал в длительной и многоплановой подготовке и проведении визита.

В Москве было много волнений насчет того, как все будет организовано, как пройдет. Мы в посольстве остро ощущали это.

Прошел визит блестяще. Весь состав нашего посольства, каждый дипломат, каждый сотрудник технических служб работали с огромным подъемом. Во всех нас жила большая надежда, вера в то, что мир идет к чему-то новому и страна наша – во главе этого движения. Работа спорилась, и все положенное нам было выполнено превосходно. На заседании коллегии МИДа, где разбирались итоги визита, было заявлено: «Теперь у нас появился эталон проведения такого рода больших визитов». Многочисленная группа работников,

имевших отношение к проведению визита и в Москве, и в посольстве, была награждена орденами. Наградили и меня.

Когда спустя несколько месяцев я оказался в Москве, мне был задан вопрос, смогу ли я через пару дней прийти в Президиум Верховного Совета СССР для получения награды. При этом было названо и точное время. Я ответил, что, разумеется, буду. Такое оповещение было обычной практикой. Несколько необычным стало то, что на следующий день звонок ко мне с тем же вопросом повторился. Я снова сказал, что буду, но не преминул заметить, что ведь все было условлено еще накануне. На это мне пояснили, что уточняют по прямому указанию А.А. Громыко, который в то время был Председателем Президиума Верховного Совета. «Причем тут ссылка на такое высокое лицо? – мелькнуло у меня в голове. – Обычно оргдела улаживают помощники».

Все прояснилось на следующий день. Оказавшись в приемной в Кремле, я нашел там полный состав ответственных работников аппарата Президиума Верховного Совета: его секретаря, заведующих отделами и т.д., но не увидел никого, кому собирались вручать ордена. Вместе с тем награжденных обычно собирали в группы по несколько человек. На мой недоуменный вопрос по этому поводу последовал ответ: сегодня орден будет вручаться только вам одному.

В назначенное время двери, ведущие в зал, открылись. Это был хорошо знакомый мне Зал вручения верительных грамот послами иностранных государств. С противоположного конца зала в него вошел А.А. Громыко, и мы с ним сошлись, двигаясь навстречу друг другу, в самом центре, как сходятся при церемонии вручения верительных грамот тот, кто выступал в Советском Союзе в роли главы государства, т.е. председатель Президиума Верховного Совета, и иностранный посол. Сошлись, поздоровались и стали друг против друга на том хорошо известном нам обоим расстоянии, которое должно оставаться при церемонии вручения верительных грамот.

Мне приходилось не раз до этого получать награды в Кремле, но всегда это было в другом месте, все было не так, как на этот раз, и я ориентировался по обстановке, не очень представляя, что будет дальше. Неожиданно А.А. Громыко начал произносить длинную речь. Он сказал добрые слова о том, что я много лет занимался Францией и другими международными делами. Затем выделил главное. А это главное состояло в том, что, по его оценке, особой страницей в моей профессиональной биографии была работа в Испании. На эту тему он говорил долго и подробно, подчеркивал, что в Мадрид я приехал в самом начале отношений с этой страной и их перспективы были не ясны, а уехал оттуда, когда советско-испанские отношения достигли высокой степени развития. Громыко сказал и о работе в Соединенных Штатах со всем уважением к моей миссии в Вашингтоне, но вновь возвратился к испанской странице. «Именно работа в Испании, – заявил он, – открыла вам путь к другим дипломатическим поручениям, в том числе и за океаном». В общем, Испания, Испания и Испания. Она была стержнем всего сказанного Громыко.

После вручения ордена Громыко пригласил меня на беседу, которая тоже была отмечена печатью личного внимания, подарил книгу своих воспоминаний.

Я немало лет проработал в достаточно близком контакте с А.А. Громыко, но этот контакт всегда оставался деловым: я никогда не входил в число приближенных к нему людей, да и не стремился к этому с учетом разницы и в возрасте, и в положении. В работе с ним у меня бывали всякие ситуации, в том числе и такие, когда приходилось с большой настойчивостью отстаивать свою точку зрения. Быть может, работая послом в Испании, такое случалось делать чаще, чем при других обстоятельствах, но все это были обычные будни. Я видел, что к моей работе А.А. Громыко вроде бы относился одобрительно. Но эта специально устроенная церемония не могла не произвести большого впечатления. Ее мог продумать и так организовать только он лично.

* * *

А.А. Громыко был человеком широких и разнообразных интересов. Они простирались от увлечения охотой до живописи. Он был ученым, хорошо знал нашу литературу и особенно историю.

Ему бросали упрек в том, что он мало улыбался. Действительно, ему было свойственно строгое выражение лица. Оно практически не менялось ни при каких обстоятельствах его публичной деятельности. Быть может, он полагал, что невозмутимый вид создавал наилучший фон для дипломата и государственного деятеля, поскольку требовал от окружающих судить о политике его государства не по тому, что могло читаться по его лицу, а по тому, что он говорит.

Однако за таким обликом, более предназначенным для внешнего потребления, был человек широкой гаммы чувств. Он был требовательным, но и внимательным к людям. Умел оценить и качество кулинарного искусства и достоинства хорошего вина. Он ценил шутку и был находчив в состязании в остроумии. Один из его помощников Ю.М. Соколов, побывавший в дальнейшем послом в Новой Зеландии, рассказал в своих воспоминаниях о задокументированном обмене остротами между А.А. Громыко и Г. Киссинджером. Последний, рассматривая красивые люстры в Кремле, спросил, правда ли, что их повесил еще Иван Грозный. А.А. Громыко ответил ему в тон, что Иван Грозный установил только кондиционеры[1].

Таким образом, и в этом виде состязания с крупнейшим западным дипломатом современности верх взял Андрей Андреевич.

Когда в 1986 г. А.А. Громыко покидал Министерство иностранных дел, внешняя политика нашей страны находилась на подъеме. Он оставил своему преемнику одну из самых лучших дипломатических служб мира, укомплектованную высокопрофессиональными кадрами.

[1] См.: Вспоминают выпускники 1956 г. М., 2006. С. 241.

Зайцев А.С.

А.А. Громыко о Хо Ши Мине и провале американской авантюры во Вьетнаме

В конце октября 1984 г. в Москву прилетел с супругой кандидат в члены Политбюро КПВ министр иностранных дел Нгуен Ко Тхать с поручением Госсовета СРВ вручить А.А. Громыко орден Хо Ши Мина, которым наш министр был награжден «за выдающийся вклад в развитие и укрепление великой дружбы, боевой солидарности и всестороннего сотрудничества между СССР и СРВ и в связи с 75-летием со дня рождения».

По окончании краткой церемонии, организованной 29 октября в особняке МИД и переговоров в Кремле (там в распоряжении А.А. Громыко как первого заместителя Председателя Совета Министров СССР был кабинет, который он использовал для приема высоких гостей) и после бесед с академиками Е.М. Примаковым и Г.А. Арбатовым, организованных по просьбе гостя, Нгуен Ко Тхать улетел в Ханой.

А.А. Громыко высоко отзывался о первом президенте ДРВ Хо Ши Мине, отмечая его выдающиеся качества национального лидера и необыкновенную скромность. Эту тему он часто затрагивал в беседах, на которых мне довелось присутствовать в качестве помощника министра и позднее заведующего Отделом Юго-Восточной Азии МИД СССР.

А.А. Громыко встречался с Хо Ши Мином дважды: в июле 1955 г. во время его первого визита в нашу страну в качестве президента ДРВ и в июле 1957 г., когда он останавливался в Москве по пути в ряд европейских стран.

«Моя первая встреча с Хо Ши Мином, – вспоминал в своих мемуарах А.А. Громыко, – состоялась в июле 1955 года, когда он в качестве Президента Демократической Республики Вьетнам посетил с визитом СССР. Вьетнамский народ тогда уже одержал победу над французскими колонизаторами и встал на путь социалистического строительства. Хо Ши Мин прибыл в Москву, чтобы обсудить насущные проблемы своей страны, вопросы советско-вьетнамского сотрудничества. Со времени первого официального визита в Советский Союз главы Вьетнамского государства прошло более трех десятилетий. Отношения между нашими странами достигли расцвета.

Зайцев Анатолий Сафронович – Чрезвычайный и Полномочный Посол, кандидат экономических наук, заместитель председателя Ассоциации российских дипломатов.

Но мы помним, что первый практический шаг в сотрудничестве двух стран сделал Хо Ши Мин в те памятные июльские дни 1955 года»[1].

Во время первого официального визита в Советский Союз президента ДРВ Хо Ши Мина в ходе его переговоров с советскими руководителями, вспоминал А.А. Громыко, им был дан исчерпывающий анализ положения во Вьетнаме и в других странах Индокитая. Говоря об энтузиазме вьетнамского народа после победы над французскими колонизаторами, он не скрывал, что перед страной стоят огромные трудности, что партии и трудящимся Вьетнама предстоит решать также грандиозные и сложные задачи, с которыми им никогда прежде не приходилось сталкиваться. Товарищ Хо Ши Мин прямо подчеркнул важное значение для Вьетнама помощи и поддержки со стороны Советского Союза, опоры на опыт социалистического строительства в нашей стране. И наша страна в этот трудный период пришла на помощь Вьетнаму, выделив необходимые средства для решения самых насущных проблем братской страны. Хо Ши Мин учил своих соратников, партию, народ, что помощь братских стран, как бы она ни была велика, – это только своего рода дополнительный капитал, который надо умело и рачительно использовать. Главное же – решать все задачи своими собственными усилиями, своим собственным трудом. Эту подлинно интернационалистическую позицию вьетнамские коммунисты сохраняют и поныне и постоянно укрепляют.

«Эта бескорыстная помощь, – подчеркнул Хо Ши Мин в своей речи перед отъездом из Москвы 18 июля 1955 года, – еще более укрепляет силы вьетнамского народа и его веру в победу, а также способствует выполнению огромных задач, стоящих перед нами в деле скорейшего становления экономики, с тем, чтобы улучшить жизнь нашего народа и умножить его силы. Мы уверены, что с сегодняшнего дня сотрудничество между советским и вьетнамским народами еще более расширится, а нерушимая дружба между двумя нашими народами будет становиться все крепче и крепче»[2].

В ходе беседы 15 июля 1957 г. в Москве были подведены итоги двухлетнего сотрудничества Советского Союза и Вьетнама, в том числе взаимодействия в достижении важнейшей национальной идеи вьетнамского народа – борьбы за воссоединение страны на мирной демократической основе. Были учтены и конкретизированы некоторые направления обоюдных усилий в решении как народнохозяйственных, так и внешнеполитических задач демократического Вьетнама.

«Можно сказать, что наша поездка увенчалась успехом, – отмечал Президент Хо Ши Мин, – она явилась вкладом в дальнейшее укрепление единства наших братских стран и способствовала повышению международного авторитета Вьетнама»[3].

---

[1] *Громыко А.А.* Памятное. Кн. первая. М: Издательство политической литературы, 1988. С. 407.

[2] *Хо Ши Мин.* Избранные статьи и речи. М: Государственное издательство политической литературы, 1959. С. 587.

[3] Там же. С. 126.

«“Вьетнамская сторона весьма удовлетворена итогами встречи”, – об этом Хо Ши Мин говорил с теплотой К.Е. Ворошилову во время беседы, в которой принял участие и я»[1].

Вспоминая о своих встречах с Хо Ши Мином, А.А. Громыко отмечал, что в Хо Ши Мине сочетались революционный энтузиазм, мудрость государственного деятеля, человеческая душевность и простота... В дружеских беседах он чем-то напоминал сказочного мудреца, глубоко понимающего жизнь и питающего неистребимое доброе чувство к людям. Видеть свою страну свободной и единой – такой была мечта Хо Ши Мина. Ее осуществлению он посвятил всю свою жизнь. Хо Ши Мин не дожил до светлого дня, когда весь вьетнамский народ собрался под единой кровлей. Но его верные ученики и последователи, воспитанные им партия, армия и народ довели начатое дело освобождения страны до конца. И не случайно, что заключительная операция по освобождению Южного Вьетнама носила его имя, а город Сайгон переименован в Хошимин[2].

Еще до того, как США открыто начали вооруженную интервенцию против Вьетнама, Лаоса и Кампучии, А.А. Громыко в беседах с госсекретарем Д. Раском и другими представителями американской администрации предостерегал об опасности вмешательства военной силой во внутренние дела индокитайских государств. «Много было встреч и у меня, и у других официальных лиц СССР с представителями администрации США, на которых обсуждался вьетнамский вопрос, – написал А.А. Громыко в своих мемуарах. – Перед нами стояла стена. Непробиваемая глухая стена. Она ощущалась и во время бесед с участием А.Н. Косыгина и Л. Джонсона. Только после бесславного провала американской авантюры во Вьетнаме по-настоящему раскрылась глубина политического и морального падения администрации Джонсона, подстроившей преступную провокацию в Тонкинском заливе. …Со стороны администрации Джонсона предпринимались попытки обратиться к Советскому Союзу, чтобы он «посодействовал» США найти выход из вьетнамского тупика. Из этого, однако, ничего не получилось, так как Вашингтон явно хотел добиться невозможного – уйти из Вьетнама и одновременно остаться там. Позиция была бесперспективной. Крах авантюры Вашингтона стал фактом. США вынуждены были пойти на прекращение войны и заключение Парижских соглашений по Вьетнаму»[3].

[1] *Громыко А.А.* Памятное. С. 408.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 405.

Иванов И.С.

Знаковый политик XX века

Минувший век стремительно отдаляется от современности. История неумолимо расставляет все по своим местам, объективно воздавая должное как важнейшим событиям недавнего прошлого, так и их ключевым фигурам. К числу последних, несомненно, относится Андрей Андреевич Громыко, видный государственный деятель, выдающийся советский дипломат, бессменно возглавлявший на протяжении 28 лет внешнеполитическое ведомство нашей страны.

Мне посчастливилось в течение ряда лет, отмеченных поистине историческими сдвигами в преддверии окончания холодной войны, работать под руководством Андрея Андреевича. Это была высоко профессиональная, очень требовательная школа, значение которой переоценить невозможно.

Об Андрее Андреевиче много сказано и написано. Причем суждения эти далеко не однозначны. Это вполне естественно – таков был XX век с его революциями и войнами, глобальными трансформациями и социальными потрясениями. Сам А.А. Громыко писал об этом так: «Люди живут во времени. Великие исторические события происходят тоже во времени. Отделить одних от других невозможно». Убежден, что время расставит все по своим местам, позволит объективно оценить главное в личности Андрея Андреевича.

Ясно одно: А.А. Громыко оставил яркий след в истории нашего государства и международных отношений. Это был профессионал высочайшего класса, восприимчивый к действительно новому и конструктивному, делавший максимум возможного в тех исторических условиях для продвижения разрядки международной напряженности и политики здравого смысла в мировых делах. И, конечно же, не был он «человеком в футляре», как пытались изобразить его некоторые западные политики и политологи. Напротив, за внешней суровостью скрывалась одаренная и творческая натура. Блестящая эрудиция и высокое положение не мешали ему с уважением относиться к мнению своих коллег как отечественных, так и зарубежных.

Весьма точную характеристику Андрею Андреевичу дал его многолетний оппонент и партнер Генри Киссинджер: «Немного министров иностранных

Иванов Игорь Сергеевич – министр иностранных дел Российской Федерации в 1998–2004 гг., член-корреспондент РАН, президент Российского совета по международным делам.

дел заслуживают столь высокой дани уважения. Андрей Громыко был достойным человеком, который держал свое слово и четко придерживался выработанных договоренностей. Несомненно, он был одним из наиболее способных дипломатов, с которыми мне приходилось иметь дело».

Дипломатическая судьба А.А. Громыко распорядилась так, что он всегда находился в центре мировой политики. На посту посла в Вашингтоне он оказался напрямую причастен к событиям, определившим дальнейший ход мировой истории. Как член советской делегации на конференциях в Ялте, Потсдаме, Думбартон-Оксе и Сан-Франциско он принимал непосредственное участие в создании того миропорядка, который сложился после Второй мировой войны.

Тогда, в 1945 г., пройдя через ужасы войны, унесшей десятки миллионов жизней, человечество оказалось перед сложнейшей альтернативой: либо непримиримая конфронтация вплоть до полного уничтожения цивилизации, либо поиск системы, которая не позволяла бы переступить роковую черту. Заслуга А.А. Громыко и других отцов-основателей Организации Объединенных Наций в том, что они создали такую систему и подвели под нее прочную международно-правовую базу – Устав ООН.

Можно долго спорить, сколь эффективно противостояла ООН тем угрозам и вызовам, с которыми столкнулось международное сообщество во второй половине XX в. В конце концов, любая международная организация зависит от воли ее государств-членов. Но принципиально важно другое: ООН изначально была развернута в будущее. Это – объективный факт. В условиях глобализации мировых процессов и развернувшейся острейшей борьбы вокруг формирования будущего мироустройства трудно найти в наши дни организацию, которая полнее отвечала бы требованиям времени. Это, кстати, вполне отчетливо осознают те, кто хотел бы навязать одномерную модель миропорядка. Отсюда стремление оттеснить ООН от решения кардинальных проблем современности.

Поэтому выбор нашей страны в пользу ООН – стратегический. Только ООН обладает должной правовой базой и общепризнанной легитимностью, позволяющими ей выступать на мировой арене выразителем интересов всех государств и народов. Россия добивалась и будет добиваться впредь укрепления этой всемирной организации и ее Совета Безопасности. Именно этот орган несет главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности.

Большая заслуга авторов Устава ООН, среди них и А.А. Громыко, и в том, что впервые в истории как непреложный был установлен принцип неприменения силы или угрозы силой в международных отношениях. Вне закона было объявлено разрешение международных споров «немирными» средствами. Фактически совершился перелом в развитии цивилизации: на первое место была поставлена сила права.

Борьба с угрозами международной безопасности должна опираться на прочный фундамент международных законов. Причем руководствоваться

при этом надо не эмоциями, а, как это было присуще А.А. Громыко, трезвым и всесторонним анализом.

Развитие событий в мире убеждает в том, что центральное значение ООН объективно востребовано. Другое дело, что эту уникальную международную организацию следует адаптировать к новым реалиям, реформировать ее механизмы в интересах повышения эффективности организации.

Заслуженно гордился А.А. Громыко тем, что при его непосредственном участии был разработан и принят целый ряд крупных договоров и соглашений в области ограничения вооружений. Два из них заслуживают особого внимания – Договор о нераспространении ядерного оружия и Договор по ПРО 1972 г. Что касается Договора по ПРО, то сама его суть была уникальна – обеспечение безопасности через взаимный отказ от создания системы защиты. Трудно себе представить большую меру доверия, основанную на здравом смысле.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что в разгар холодной войны СССР и США сумели прийти к пониманию этой истины, а вот после ее окончания Вашингтон в 2002 г. в одностороннем порядке вышел из Договора. Более того, США стали наращивать усилия по созданию собственной системы ПРО, причем с размещением ее элементов в непосредственной близости от наших границ. В 2019 г. Соединенные Штаты также в одностороннем порядке вышли из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД). Эти шаги конечно же имели и будут иметь самые негативные последствия для международной стабильности и безопасности.

Поэтому Москва последовательно предлагает Вашингтону сесть за стол переговоров и выработать новые российско-американские соглашения по стратегическим вооружениям. Это стало бы не только поворотным событием в двусторонних отношениях, но и содействовало бы усилиям в области укрепления нераспространения ядерного и других видов оружия массового уничтожения.

А.А. Громыко часто обвиняли в «американском уклоне»: дескать, слишком много внимания уделял он США. Но было тому и понятное объяснение. В своих воспоминаниях он писал об этом так: «Вся история советско-американских отношений убедительно показывает, что, когда СССР и США идут курсом взаимопонимания и сотрудничества, выигрывают их народы, интересы международной безопасности».

Эта констатация поныне не утратила своей актуальности. Российско-американские отношения остаются важным фактором стабильности и безопасности в мире. Трудно назвать какую-либо острую международную проблему, решение которой было бы возможно без участия Москвы и Вашингтона.

Окончание холодной войны, казалось, должно было открыть новые благоприятные возможности для наращивания российско-американского сотрудничества. Этого, к сожалению, не произошло. Формально Россия и США перестали быть противниками, о чем неоднократно заявлялось на самом высоком уровне. Однако партнерами наши страны так и не стали. Отсут-

ствие юридически оформленных принципов взаимоотношений, совместно выработанных обязательств друг перед другом, прежде всего в области безопасности, ведет к тому, что возникающие разногласия по отдельным международным проблемам грозят перерасти, а порой и перерастают в новую конфронтацию.

Тем не менее хотелось бы надеяться, что накопленный запас прочности в наших двусторонних отношениях позволит преодолеть эти конъюнктурные колебания.

Оглядываясь назад, видишь, сколь кардинально изменилась за послевоенные годы Европа. Пройден тернистый путь от жесткой конфронтации и гонки вооружений к сотрудничеству и интеграции. Андрей Андреевич являлся одним из инициаторов общеевропейского процесса. Трудно переоценить значение подписанного в августе 1975 г. в Хельсинки Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Через 30 лет после окончания Второй мировой войны государства, расколотые холодной войной на две блоковые системы, зафиксировали принципы нерушимости границ в Европе, уважения независимости и суверенитета, территориальной целостности государств, отказа от применения силы или угрозы ее применения, невмешательства во внутренние дела друг друга. Были намечены основные направления сотрудничества в экономической, научно-технической, культурной сферах, а также комплекс мер, способных укрепить доверие между народами, понизить уровень военного противостояния на континенте. Тем самым были созданы предпосылки для укрепления стабильности и безопасности в Европе, на всем евроатлантическом пространстве.

И в дальнейшем развитие отношений с европейскими государствами и их региональными структурами оставалось приоритетным направлением внешней политики нашей страны. Мы исходили и исходим из того, что только за счет встречного движения, через сложение потенциалов всех европейских государств, включая Россию, может быть достигнута цель построения единой Европы без разделительных линий.

Одно из ключевых мест в европейской политике России принадлежит развитию стратегического партнерства с Европейским союзом. Отношения между Россией и Евросоюзом складываются не во всем гладко. Тому есть свои причины, проистекающие из сложности решаемых проблем, а также связанные с борьбой за будущее мироустройство. Вместе с тем Россия и ЕС являются естественными партнерами в поисках совместных ответов на вызовы современности.

Россия также готова развивать равноправное сотрудничество с Североатлантическим альянсом.

Когда А.А. Громыко возглавлял дипломатию нашей страны, в Европе доминировали две военно-политические группировки – ОВД и НАТО. Это оказывало непосредственное влияние на общую ситуацию и атмосферу в Европе, загоняло страны континента в узкие рамки блоковой дисциплины. Организации Варшавского Договора уже давно нет. НАТО осталось. И не только

осталось, но и методично реализует планы расширения на Восток. Не может не вызывать озабоченности и нацеленность НАТО на глобализацию сферы своей деятельности, на присвоение центральной роли в урегулировании конфликтов за пределами зоны ответственности альянса.

Россия, демонстрируя добрую волю, добивалась, чтобы наши контакты с альянсом стали составным элементом процесса укрепления доверия, стабильности и безопасности в Европе. В мае 1997 г. с НАТО был подписан Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности.

Кризис на Балканах нанес тяжелый урон отношениям, которые начинали складываться между Россией и НАТО. Предпринятая альянсом военная операция против Югославии продемонстрировала, что он не готов ставить точку в холодной войне. Действия НАТО в Югославии грубо нарушали Устав ООН, противоречили духу и букве Основополагающего акта.

Еще одна попытка вывести сотрудничество между Россией и Североатлантическим союзом на качественно новый уровень, с тем чтобы оно стало важным элементом будущей архитектуры европейской безопасности, была предпринята в 2002 г. На саммите Россия–НАТО, состоявшемся 28 мая в Риме, был создан принципиально новый механизм взаимодействия «Совет Россия–НАТО», в рамках которого все государства выступают в национальном качестве. Это означало, что участники Совета должны были вместе разрабатывать, согласовывать и, что особенно важно, реализовывать решения по вопросам, представляющим взаимный интерес. Такое сотрудничество должно было выстраиваться на основе безусловного уважения норм международного права, Устава ООН, а также обязательств по Заключительному акту, Хартии европейской безопасности и других нормообразующих документов ОБСЕ.

К сожалению, вдохнуть реальную жизнь в этот механизм, сделать его проводником совместных усилий в интересах европейской и международной безопасности так и не удалось. В действиях НАТО продолжают доминировать не интересы партнерства, а унаследованная из эпохи холодной войны логика одностороннего доминирования.

Россия, в свою очередь, твердо исходит из того, что нашим общим интересам отвечает создание такой европейской архитектуры, которая обеспечивала бы равную безопасность для всех государств континента и была бы свободна от всякого рода разделительных линий.

В годы холодной войны жесткое противостояние проявлялось не только в Европе, но и во многих частях нашей планеты, где полыхали региональные конфликты. Мировое сообщество шло по пути раскручивания гонки вооружений и военно-политической конфронтации, периодически соскальзывавшей на грань балансирования между войной и миром.

Достаточно вспомнить Карибский кризис 1962 г. Именно в эти критические дни проявилось высокое дипломатическое искусство Андрея Андреевича, основанное на сочетании твердого отстаивания государственных интересов и готовности к поиску взаимоприемлемого баланса интересов и необходимых компромиссов.

Заметную роль играл А.А. Громыко и в ближневосточном мирном урегулировании. Несомненно, его личной заслугой явилась реализация первой попытки арабо-израильских переговоров о мире – созыв многосторонней конференции в Женеве под сопредседательством СССР и США. Выработанное им и Генри Киссинджером взаимопонимание советско-американской эгиды, переросшее со временем в форму коспонсорства, стало важным элементом в весьма непростом процессе ближневосточного урегулирования со всеми его достижениями и неудачами.

В актив дипломатии Громыко могут быть по праву отнесены также усилия по разрешению вьетнамского конфликта. Он был среди деятельных участников Международной конференции по Вьетнаму, итогом которой стало окончательное закрепление договоренности о прекращении войны и восстановлении мира, оформленной несколько ранее Парижским соглашением 1973 г.

Объективный историк, вглядывающийся в черты той эпохи, видимо, не пройдет мимо тех неоднозначных, порой трагических решений, которые принимались с участием А.А. Громыко. Среди них – Чехословакия и Афганистан, обострение в отношениях с Китаем и Японией. Все это было. Имели место и другие ошибки. Но кто из нас их не совершал? К тому же во всех этих случаях речь идет не о персональных просчетах одного- единственного лица.

Стодесятилетие со дня рождения А.А. Громыко – это повод для размышлений о перспективах современной российской внешней политики. Необходимо внимательно – критически, но уважительно – присмотреться к накопленному дипломатическому багажу, бережно сохранить то позитивное, что наработано предшествующими поколениями.

Внешняя политика любого государства не начинается с чистого листа с приходом очередного лидера. Она объективно отражает особенности исторического развития страны, ее экономики, культуры, геостратегического положения.

Распростившись с холодной войной, человечество еще только нащупывает иные, соответствующие современным реалиям способы устройства мировых дел. В этих условиях опыт должен быть тщательно и объективно проанализирован. Это необходимо, чтобы перед лицом новых вызовов и опасностей, стоящих перед международным сообществом, вырабатывать оптимальный образ действий. Деятельность А.А. Громыко в этом смысле во многом поучительна и, уверен, еще не раз сослужит добрую службу нынешним и грядущим поколениям российских дипломатов в отстаивании интересов нашей страны на международной арене.

Казимиров В.Н.

Страны Латинской Америки в поле зрения А.А. Громыко*

Двадцать восемь лет деятельности Андрея Андреевича Громыко на посту министра иностранных дел СССР (1957–1985) – это более половины срока дипломатической службы сотрудников министерства моего поколения, да и моей (1953–2000). Наше профессиональное становление по окончании МГИМО начиналось в МИД СССР по-разному, у кого как и где (мне лично повезло – под прямым влиянием посла в Венгрии Ю.В. Андропова), но в целом проходило в «общем котле» коллектива министерства под руководством А.А. Громыко. Наряду с прямым руководством основными акциями советской дипломатии на международной арене министр сам присматривался к кадрам, продвигал растущих сотрудников, особенно на должности послов и руководителей подразделений центрального аппарата МИДа.

Конечно, положение на служебной лестнице не могло дать мне частого общения с ним. Но состоявшиеся встречи памятны, особенно беседы наедине, в основном в мою бытность послом в Коста-Рике (1971–1975) и Венесуэле (1975–1980). А.А. Громыко уделял внимание наиболее значимым вопросам отношений и с этими странами, причем не только двусторонним (как и сейчас, Коста-Рика была в те годы среди непостоянных членов Совета Безопасности ООН). Диапазон интересов Андрея Андреевича был так широк, что из него не выпадали и далекий континент, и небольшие государства.

Мои коллеги, ближе знавшие А.А. Громыко, резонно ищут обобщения разных аспектов его деятельности во главе советской дипломатии. Полагаю, что мне уместнее ограничиться рядом эпизодов с участием министра, свидетелем, участником, а то и «виновником» которых довелось быть. Понимаю, что это не более чем штрихи, но, возможно, полезные при анализе его подхода к работе министерства, а главное – к сотрудникам, к людям.

* * *

Казимиров Виктор Николаевич – Чрезвычайный и Полномочный Посол.

* Впервые опубликовано в: «Лучше десять лет переговоров, чем один день войны». Воспоминания об Андрее Андреевиче Громыко. С. 140–150.

Крохотная Коста-Рика первой в Центральной Америке установила в 1944 г. дипломатические отношения с СССР, а в 1970 г. опять же первой нормализовала их и, несмотря на немалое давление извне и подстрекаемое из-за рубежа упорное сопротивление внутри страны, вскоре отважилась на открытие советского посольства, первого в этом субрегионе.

Венесуэла, закрепляя исторический акт 1975 г. – национализацию нефти, своего главного природного богатства, дерзнула в следующем, 1976 г., провести сразу два официальных визита в Советский Союз: сначала министра иностранных дел, а потом президента. Государства Латинской Америки тогда под строгим оком США редко могли позволить себе такое.

Все это имело значение для внешней политики нашей страны, но – будем откровенны – не настолько, чтобы А.А. Громыко при каждом приезде в Москву посла из Сан-Хосе или Каракаса принимал его для беседы, иногда дважды в год. Лишь раз министр из-за срочных дел не смог принять меня. Это было внимание вовсе не к моей персоне, а к судьбам развивающихся стран, к тягучему процессу пробуждения Латинской Америки.

Приглашаю сотрудников министерства припомнить, все ли преемники А.А. Громыко столь регулярно удостаивали приема в Москве наших послов даже из более важных точек, чем Сан-Хосе и Каракас. Не уверен в этом.

* * *

В июне 1967 г. из-за войны на Ближнем Востоке была созвана специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН. В Нью-Йорк вылетел Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин.

К тому времени руководство Кубы не раз приглашало Л.И. Брежнева, чтобы укрепить свои позиции перед лицом недоброго северного колосса. Но советское руководство не спешило с его визитом в Гавану.

За два года до этого в МИД СССР был создан своего рода «мозговой центр» – Управление по планированию внешнеполитических мероприятий. Латинской Америкой занимались в нем посол Н.Б. Алексеев и я (тогда еще первый секретарь, лишь потом советник и старший советник).

Узнав о выезде А.Н. Косыгина в Нью-Йорк, мы сочли, что заезд на Кубу главы советского правительства, оказавшегося совсем рядом, позволит частично снять озабоченность кубинских друзей, и внесли такое предложение. Оно быстро получило одобрение В.В. Кузнецова, затем министра А.А. Громыко и было принято Политбюро ЦК КПСС.

Однако, как говорят, «инициатива наказуема». Перед перелетом Косыгина в Гавану мне (вместе с О.Т. Дарусенковым, завсектором Кубы в Отделе ЦК КПСС) поручили доставить ему ряд секретных материалов к этому внеплановому визиту, обнадежив, что можем вернуться на его спецсамолете. На случай непредвиденных обстоятельств, как я ни противился, мне навязали пистолет (один на двоих). В Гавану мы летели на огромном ТУ-114 с промежуточной посадкой в Мурманске для дозаправки. На обратном пути в Москву это породило

деликатную ситуацию в самолете нашего премьер-министра, когда один из его охранников обнаружил оружие у мидовца, подсевшего к ним в Гаване.

Но главное – мы получили возможность быть на интереснейшей беседе А.Н. Косыгина с Фиделем Кастро. Она была поучительной не только для нас, но и для высокого собеседника нашего премьера. Холодной рассудочностью Алексей Николаевич обезоруживал своего темпераментного оппонента.

Все это лишь иллюстрация к тому, что А.А. Громыко давал ход и не совсем стандартным предложениям, касающимся высокого уровня, даже если они исходили от рядовых сотрудников аппарата министерства.

* * *

К середине 1971 г. мне не раз предлагали ответственные должности за рубежом: то посла в Боливии, то советника-посланника в Мексике, то в Венгрии, то в Чили. А негласно дали знать также, что взвешивалось и назначение послом в Коста-Рику, где тогда учреждалось наше посольство.

И все же мое первое назначение послом стало довольно случайным. Перебрав за несколько месяцев упомянутые варианты, Управление кадров остановилось на должности советника-посланника в Чили с присвоением мне дипломатического ранга Чрезвычайного и Полномочного Посланника 2-го класса. Новым послом в этой стране после прихода Сальвадора Альенде к власти назначили опытного партработника, и надо было придать ему мидовца.

В один из июньских дней 1971 г. А.А. Громыко уходил в отпуск. В конце дня он принял по кадровым делам своего заместителя А.А. Смирнова. Когда пошла речь о назначении первого посла в Коста-Рику, министр по разным причинам отвел всех трех предложенных ему кандидатов (иногда это не значило, что забраковал, а совсем наоборот: одного из них он выдвинул потом выше – в Мексику). Вопрос по Коста-Рике так и остался открытым.

Затем в связи с моим назначением в Чили А.А. Смирнов представил министру на подпись проект записки о присвоении мне дипранга (записки по присвоению высших дипломатических рангов А.А. Громыко должен был подписывать сам). Однако Андрей Андреевич решил иначе: направить меня послом в Коста-Рику, максимально подняв и ранг – до уровня посла.

Быстро напечатали записку про мою новую должность, А.А. Громыко подписал ее и уехал из министерства. Записку по рангу перепечатать начисто не успели. Остался лишь черновик, подписанный внизу инициалами «АГ». Секретариат министра оказался в нелепом положении: что делать?

Как выяснилось потом, там не придумали ничего иного, как аккуратно соскрести с верже поправки министра, сделанные «синевой» (так прозвали его любимый синий карандаш) и в таком виде отправить в Групком, как величали тогда Отдел ЦК по загранкадрам. Там, естественно, сразу обратили внимание и на светящиеся, прозрачные подчистки в тексте, и на чересчур высокий ранг при первом посольском назначении (тем более в небольшую страну, хотя и в новом, заведомо трудном для нас субрегионе).

Секретарю парткома МИДа И.М. Ежову поручили «расследование» происшедшего. Он сам и рассказал мне о нем в деталях, но уже потом, когда выяснилось, что я тут ни при чем. А вначале подозрение, конечно, пало на меня или моих друзей (по принципу «кому это выгодно?»). Министр в отпуске, никто и не пытался обращаться к нему в процессе разбирательства. Опросили Управление кадров. Заместитель начальника УК С.П. Дюкарев показал подготовленные обо мне проекты записок: о советнике-посланнике в Чили и о присвоении ранга. Версия о злоупотреблении крепчала.

Все прояснилось, лишь когда удалось переговорить со Смирновым. Тот рассказал, что Громыко после рассмотрения кандидатов на посла в Коста-Рике избрал этот вариант. А насчет ранга министр сказал: «Раз уж доверяем ему пост посла, давайте доверим и ранг». И зачеркнул «синевой» последние пять букв в слове «посланника», а также слова «второго класса», проставив внизу свои инициалы. Получилось – «ранг посла».

А.А. Смирнов реабилитировал меня и моих друзей. Впрочем, я и не знал, какой ранг предложен, да выше посланника 2-го класса и не ждал. В тот вечер мне сообщили лишь о должности. На ее фоне ранг и не был столь важен.

Сия история получила развитие в Групкоме. Пока А.А. Громыко не был членом Политбюро, там по-разному воспринимали его предложения, иногда и с резервом. Вполне резонно там сочли завышенным ранг посла при первом назначении на такую должность. К тому же незадолго до этого МИД внес предложение о присвоении новому послу в Колумбии всего лишь ранга посланника 2-го класса. В Групкоме нашли было выход: дать обоим ранг посланника 1-го класса. Но потом рассудили, что тут министр сам предложил высокий ранг, а там не предлагал. В итоге указом от 5 июля 1971 г. дали этот ранг только мне (правда, посол в Колумбии получил потом оба повышения в ранге – мне же ранг посла присвоили через четыре года при переводе в Венесуэлу).

Так рассматривались и иногда решались вопросы расстановки и роста кадров министерства, имевшие для каждого сотрудника и служебное, и личное значение, особенно моральное. Вполне доверяя кадрам, своему заму и двойному тезке Смирнову, Андрей Андреевич Громыко и сам не устранялся от кадровых дел, пристально присматривал за их прохождением.

Однако реально выехать в Коста-Рику мне удалось лишь через полгода – Вашингтон и местная реакция долго пытались сорвать учреждение первого посольства СССР в заповеднике США – Центральной Америке. Осенью 1971 г. в Сан-Хосе против нас была раскручена мощная кампания. Самими крупными уличными демонстрациями в истории этой страны на то время были: 4 ноября – против открытия нашего посольства и 11 ноября – за его создание. По указанию первого замминистра В.В. Кузнецова я выехал туда, только когда обстановка там более или менее улеглась – в январе 1972 г.

* * *

В начале 1975 г. мне дали знать о назначении послом в Венесуэлу, что было сродни повышению. А советником-посланником там, вторым по старшинству лицом в нашем посольстве был Борис Александрович Казанцев, на 12 лет старше меня. Когда по окончании ВДШ я проходил лишь азы работы в Латинской Америке, он уже являлся заместителем заведующего Отделом латиноамериканских стран МИДа. В этом смысле сотрудничать нам было бы неудобно – и ему, и мне. К счастью, как раз стал вакантным пост посла в Боливии, и прошло его назначение в Ла-Пас. Переговорив со своим однокурсником Всеволодом Леонидовичем Олеандровым, я предложил нашим кадровикам оформить его в Венесуэлу советником-посланником.

Однако после прощальной поездки в Коста-Рику узнаю, что вопрос о советнике-посланнике решен иначе. А.А. Громыко, с 1974 г. уже член Политбюро, будто бы лично дал согласие секретарю ЦК Б.Н. Пономареву назначить на эту должность одного из ответственных работников Международного отдела ЦК. Но тот тоже лет на 10 лет старше меня, а главное – проработал в ЦК КПСС более 16 лет и как таковой известен и в Латинской Америке, и спецслужбам США. Это могло породить дисбаланс в контактах посольства, излишний крен в сторону левых сил, да и ослабить единоначалие внутри нашего коллектива.

Советуюсь с друзьями, как бы это поправить, но те лишь втолковывают мне, что нечего «рыпаться», раз всё согласовано с министром. Обращение к начальнику Управления кадров безрезультатно: он уверен, что сработаемся, проблем не будет. Несмотря на все аргументы, тщетен и поход к Н.М. Пегову, новому заместителю министра по кадрам. Друзья твердят: «Что мы тебе говорили!?» Мое намерение поднять этот вопрос перед министром вызывает у них прямое осуждение.

В беседе с А.А. Громыко все же касаюсь и этого дела. Внимательно и терпеливо министр выслушивает мои доводы. Подчеркиваю, что в Венесуэле как раз произошел раскол среди левых сил, от компартии откололось и стало самостоятельной партией «Движение к социализму». В этих условиях назначение в посольство СССР известного сотрудника аппарата ЦК может быть истолковано как направление «комиссара в кожаной тужурке» для наведения порядка среди левых, как использование ресурсов дипломатической службы в сугубо партийных интересах.

Улавливаю понимание министром моих доводов, и он, не говоря мне ни слова, нажимает одну из кнопок на панели левее письменного стола – Н.М. Пегову. Лишь несколько коротких фраз: «У меня… (такой-то). Насчет кандидата на должность советника-посланника в Венесуэле еще надо подумать». «Хорошо», – отвечает тот. И больше об этом ни слова. Называю министру другую кандидатуру – В. Олеандров. Андрей Андреевич замечает, что «неплохо знает Олеандрова». И опять ни слова больше.

Простившись с А.А. Громыко, в коридоре лицом к лицу сталкиваюсь с начальником Управления кадров, идущим от Пегова. Оказывается, он как раз был у него при звонке министра и поэтому в курсе дела. Видимо, они с Пеговым лучше меня понимали его слова «надо подумать». Вместо приветствия

он довольно сердито буркнул: «Если вы отвели согласованную кандидатуру, не думайте, что мы дадим вам Олеандрова». И пошел дальше.

Так и было: полгода кадры тянули с оформлением Олеандрова, но осенью он все же приехал в Каракас. Эта история убедила моих друзей, пасовавших перед ссылками на волю министра. Она показала гибкость подходов А.А. Громыко: он был достаточно силен, чтобы не цепляться даже за принятое решение, если находил резон в иных суждениях и доводах.

* * *

Непросто складывалась к концу ноября 1976 г. подготовка к визиту в СССР президента Венесуэлы Карлоса Андреса Переса. В числе первых среди глав государств Латинской Америки он решился посетить нашу страну с официальным визитом. Нашу делегацию (как его партнер) возглавил Н.В. Подгорный, прошли переговоры с ним. Однако венесуэльцы добивались встреч с Л.И. Брежневым и А.Н. Косыгиным, а они как раз в день прилета К.А. Переса в Москву вылетели в Бухарест на заседание Политического консультативного комитета Варшавского договора. Более того, их вылет из Внукова-2 задержал на полчаса посадку самолета Переса, что было воспринято с обидой. Передовая группа венесуэльцев даже отказалась продолжать согласование совместного коммюнике, пока мы не гарантируем эти встречи. А все зависело от ноябрьской погоды. Окажись она нелетной, советские лидеры не успели бы вернуться в Москву до отлета Переса. А как дать гарантии за погоду?

К счастью, все обошлось. Наши руководители вернулись вовремя и в субботу приняли гостя в Кремле: в 10.00 – Косыгин, в 12.00 – Брежнев. Замминистра иностранных дел А.Г. Ковалев и я были на встрече у Косыгина (порадовался вновь его суховато-рациональной, но убедительной манере вести беседы, подмеченной еще на непростой встрече с Ф. Кастро в 1967 г.).

У Брежнева на таких встречах бывал от МИДа только Громыко да переводчик – послов не приглашали. Едва мы с Ковалевым вернулись на Смоленскую, старший помощник министра внезапно передает мне команду – немедленно в Кремль, надо быть на встрече у Брежнева! До 12 часов всего десять минут! Как успеть?! Выручил шофер, уже ждавший меня у центрального подъезда МИДа и фантастически ведший «Волгу», да ГАИ, уже перекрывшая проспект Калинина.

Увидев там огромный хвост машин, я понял, что не успеем. Но это, оказывается, позволило нашему шоферу лететь по пустой встречной полосе. Не ведая, что все это и учинено для нас, я ждал, что гаишники вот-вот нас задержат. Понял происходящее лишь при повороте у кинотеатра «Художественный», где милиционеры отдавали честь явным «нарушителям». За три минуты до встречи уже был в приемной Брежнева. Как выяснилось потом, меня вызвали «для баланса», так как по просьбе Переса допустили на беседу посла Венесуэлы в Москве Регуло Бурелли.

Встреча запомнилась и некоторыми курьезами. Все знают, что Леонид Ильич придерживался подготовленных текстов. Для удобства чтения их печатали необычайно крупными буквами, которые почему-то прозвали «дровами». Казалось бы, несложно оправдать прочтение материала гостям (в Москве, дескать, тщательно готовились к Вашему приезду, Политбюро поручило мне высказать Вам следующее…). И читай себе в открытую! Вместо этого Леонид Ильич оградил текст рукавами, а посредине вертел в пальцах толстый цветной карандаш, по школярски прикрывая «шпаргалку». Все же видно: каждую прочитанную страницу, даже не переворачивая, приходилось сдвигать влево. Скрыть эту уловку от тех, кто сидит через стол, хоть он и широк, практически невозможно. Гостям (их было четверо) оставалось лишь недоумевать… Кроме Брежнева и Переса, остальные по обе стороны стола безмолвствовали.

После ухода гостей задержались с Брежневым минут на десять А.А. Громыко, помощник генсека А.М. Александров-Агентов и я. Помощник вполголоса побуждал меня рассказать Брежневу о Венесуэле. Это было бы понятно до беседы с Пересом, а после – практически излишне, и я не решался. Между тем Громыко хорошо отозвался о после Венесуэлы в Москве и, стоя вполоборота ко мне, как бы предложил поддержать. Положение непростое: посол богат и плюсами, и минусами. Мобилизую весь позитив, отмечаю, в частности, что он переводил на испанский Пушкина, Блока, других наших писателей. Однако мой венесуэльский коллега прослыл также скупкой и негласным вывозом из СССР антиквариата и художественных ценностей.

Совсем негоже перечить министру, тем более при Брежневе. Но крамольно как умолчать, так и сказать об этом. Баланса и истины ради все же добавляю и негатив. «Что-то мне не докладывали об этом», – хмуро заметил Громыко. Амортизируя неловкость ситуации, говорю, будто только что узнал об этом от наших спецслужб (потом выяснилось, что активные контакты Р. Бурелли с диссидентами побудили КГБ аккуратно коллекционировать все его прегрешения, а они были).

К счастью, Брежнев, стоявший рядом, похоже, не очень вслушивался в наш разговор, который и велся вроде бы именно для него. Это было еще года за два до его прострации в связи с ухудшением здоровья.

Когда я поведал об этом деликатном эпизоде своему многоопытному другу послу В.П. Суслову, который много лет был старшим помощником А.А. Громыко, тот однозначно осудил меня: подвел ты министра! Даже пророчил мне неприятность при заходе к нему перед отлетом в Каракас: если не взбучку за что-нибудь, то холодный прием – он даст, мол, тебе почувствовать это.

Через два дня я был у Андрея Андреевича. Он не коснулся той «размолвки», будто ее и не было. А когда я поинтересовался возможными дополнительными указаниями по итогам визита президента Венесуэлы, он даже пошутил: «Какие вам указания? Вы теперь сами – “указание”! Были на всех беседах, все видели и слышали».

При всей требовательности и внешней сухости А.А. Громыко был достаточно снисходителен и терпим, а иногда и добродушен.

* * *

Полтора года спустя этот разговор с Громыко в присутствии Брежнева получил бурное продолжение. Он аукнулся «делом Бурелли», вызвавшим шум в дипкорпусе Москвы и, разумеется, в Венесуэле из-за его смещения и задержки нашей таможней его личного багажа на целых три года.

Летом 1978 г. вдруг получаю в Каракасе малоприятное указание доверительно сообщить министру иностранных дел Венесуэлы С. Консалви, что в Москве озабочены поведением посла Р. Бурелли (телеграмма пришла обычным каналом, но подписана не А.А. Громыко или его замами, а другим членом Политбюро). Запрашивать МИД не совсем корректно, но как быть? Возник и другой вопрос: почему это делают через меня, коллегу Бурелли? Могли бы через Нью-Йорк или иную точку… Но видимо, тогда не избежать огласки – депеша венесуэльского посла в Каракас была бы доступна многим.

Поразмыслив, внес в Москву контрпредложение: изложить все не министру, а самому президенту Пересу – ведь Консалви все равно будет докладывать ему о нашей беседе. И нам лучше избежать зависимости от того, как именно он доложит это довольно эмоциональному Пересу. Кроме того, Консалви – в добрых личных отношениях с Р. Бурелли, а Перес не считал его своим человеком, даже не всем был доволен при визите в Москву (Бурелли был назначен прежде администрацией партии КОПЕЙ, находившейся теперь в оппозиции, но рвавшейся к власти на выборах 1979 г.).

Потом я узнал, что мое предложение вызвало раздражение в Москве, но все же пришло согласие МИДа (на сей раз за подписью первого замминистра). Так удалось одним выстрелом убить двух зайцев.

Встреча с Пересом, которую пришлось организовать один на один и, конечно, минуя МИД Венесуэлы, прошла нормально. Выслушав четыре пункта моего «экспозе» о его после в Москве, президент бросил: «Любого из них достаточно для принятия мной решения». Обоюдно условились никак не допускать огласки нашей встречи и этой информации.

Москва выразила обеспокоенность в связи с поступками Р. Бурелли, но не ставила вопрос об его отзыве – примерно через неделю президент это сделал сам. Возможно, у него были и свои сведения на этот счет. (Как рассказал мне Перес позднее, он дал ему в ноябре 1976 г. согласие захватить на своем самолете из Москвы в Каракас приемного сына посла, не придав значения докладу охраны, что у того немало багажа. И конечно, не ведал, что это лишь ухищрение для обхода московской таможни.)

И все-таки вскоре Перес допустил утечку своим друзьям, а те – дальше. Через две недели в журнале «Резумен» появилась сенсационная статья о нашей с ним встрече и отзыве Бурелли из Москвы, причем журналистские версии стали обрастать небылицами.

КОПЕЙ в предвыборной кампании, в частности, ловко обыгрывала этот скандал и в начале 1979 г. победила на президентских выборах. В Каракасе развернулась кампания за мое удаление в виде ответной меры. Тем более что

для этого нет нужды уличать меня в каких-то грехах – это, мол, лишь компенсация за будто бы уязвленное национальное достоинство, сведение игры «вничью». Бывший министр иностранных дел Кавальканти, критикуя Переса за отзыв Бурелли, заявил по телевидению: «А русский посол еще топчет тротуары Каракаса».

Новым президентом Венесуэлы стал Луис Эррера Кампинс (прежде сенатор, не раз бывал у нас, иногда вопреки формальностям протокола ужинал наедине с советским послом). Придя к власти, он, несмотря на наши добрые личные отношения, ровно полгода, день в день, не принимал меня с нашими предложениями о развитии двусторонних отношений. На его инагурации В.В. Кузнецов специально согласовал с ним, что перешлет их ему через советского посла. Видимо, Л. Эррера выполнял решение КОПЕЙ игнорировать меня.

В пику Москве новое правительство назначает Бурелли послом в КНР. Новый министр иностранных дел Венесуэлы подтверждает журналисту, что рассматривается вопрос об объявлении советского посла «персоной нон грата». Изобретают мелкие придирки. Например, вызывают нашего советника в протокол, чтобы передать мне «реприман» за то, что на одной свадьбе я напомнил министру об ожидании аудиенции у нового президента. О прессе и не говорю. Возможно, рассчитывают побудить самого запросить замену.

При проезде через Каракас нашего посла в Перу Л.Ф. Кузьмина сказал ему: «Уже не понять, чего тут больше: политики или спорта? Весь вопрос, у кого крепче нервы». Досаднее всего, что и в нашем посольстве кое-кто ждал выдворения посла, а потом настраивал Москву заменить его. На «ответную меру» Каракас не решился, но примерно на полгода заморозил ситуацию и поддерживал напряженность.

А когда кампания выдохлась, выждав еще полгода, чтобы не дать приписать мой отъезд из Венесуэлы недругам, в 1980 г. дал знак, что теперь можно менять посла. Тем более моему стажу в этой стране уже набегало более пяти лет.

Казалось бы, все это не имело прямого отношения к деятельности А.А. Громыко, но лишь на первый взгляд. В той деликатной ситуации вокруг советского посла в Венесуэле все зависело от подхода «центра». О ней не могли не информировать министра.

При подобных обстоятельствах, естественно, может возникать вопрос, как лучше поступить? Может быть, с учетом обстановки сманеврировать и отозвать посла – он там уже четыре года? Заменить другим или оставить там на какой-то срок лишь временного поверенного в делах? Или принципиально никак не поддаваться нажиму? Вопросы такого рода могут появляться на разных уровнях, но не решаются без доклада руководству министерства и лично министру.

Благодарен руководству МИД СССР и, конечно, Андрею Андреевичу за проявленные тогда хладнокровие и выдержку. Они не пошли на размен наших интересов на мелкие уступки за счет одного из сотрудников министерства. В июле 1980 г. я смог окончательно вернуться из Венесуэлы в рамках

обычной ротации кадров, а не из-за неблагоприятной конъюнктуры в стране пребывания, искусственно созданной вокруг моей персоны. Не буду говорить громких фраз о важности человеческого достоинства, но на дипломатической службе никто не хочет терять и профессионального лица.

* * *

Признателен и за доверие возглавить по возвращении Первый Латиноамериканский отдел. Данное подразделение МИД СССР курировало Кубу, Мексику, страны Центральной Америки и Карибского бассейна (при хорошо известных разносторонних и весьма активных связях с некоторыми из них). Это ответственное для меня назначение как бы проецировалось и вспять – на годы только что завершенной работы в Венесуэле. Заведующим Первым Латиноамериканским отделом я проработал семь лет, до сентября 1987 г. (в том числе пять лет до ухода Андрея Андреевича Громыко со Смоленской площади в Кремль).

Как ни парадоксально, в этом статусе я не так часто, как в бытность послом, имел личное общение с министром наедине или в узком составе. Это вызвано неизбежными чиновными порядками внутри центрального аппарата министерства. Вполне естественно, министр намного плотнее работал со своими заместителями, чем с отделами и их заведующими. В какой-то мере это зависело и от стиля работы его замов, а также секретариата министра. К тому же с многолетним руководителем секретариата отношения не сложились, причем далеко не только у меня.

Зато весьма интенсивным было общение с А.А. Громыко «по бумагам» – достаточно сослаться на плотность тогдашних наших связей с Кубой, а потом с Никарагуа, на напряженность и конфликты вокруг Гренады и в Центральной Америке. Да и растущая роль Мексики требовала постоянного внимания.

В заключение хотел бы еще раз подчеркнуть внимание Андрея Андреевича к странам Латинской Америки. Господство США в Западном полушарии он считал длительным, но не вечным, понимал, что оно порождает не только сервильность многих правящих элит, но и немалый потенциал жажды высвобождения среди патриотичной латиноамериканской интеллигенции и народных масс.

Весьма характерно, что во время сессий Генеральной Ассамблеи ООН А.А. Громыко регулярно проводил встречи с министрами иностранных дел различных латиноамериканских государств. Как отмечали мои близкие друзья, работавшие в Нью-Йорке или сопровождавшие нашу делегацию на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, министр понимал, что немало его латиноамериканских коллег хотели использовать уникальную возможность встретиться там с министром иностранных дел СССР. Далеко не все могли позволить себе поехать в Москву, а тем более пригласить его посетить их страну. Поездки А.А. Громыко или его заместителей в Латинскую Америку

были тогда почти немыслимы и действительно оказались редкостью: больше приходилось вести работу через наши посольства и использовать другие каналы, например парламентские, завязывать деловые связи (правда, не всегда взаимовыгодные, порой без должного учета социально-экономических интересов советского народа).

Освободительный процесс в Латинской Америке, намеченный Симоном Боливаром, начатый кубинской революцией и продолженный в последнее десятилетие, как бы он ни был тягуч, подвержен подъемам и спадам. Это подтверждает дальновидность А.А. Громыко в отношении этого континента, возрастания его роли в мировых делах, причем со здравой опорой на право, против силовых атавизмов давних и новых колонизаторов.

Капченко Н.И.

А.А. Громыко – главный редактор журнала «Международная жизнь»*

Одна из сторон достаточно многообразной деятельности А.А. Громыко была и до сих пор остается вне поля внимания общественности. О ней знал в общем довольно узкий круг людей. Я имею в виду его работу в качестве главного редактора журнала «Международная жизнь». Думаю, что общая картина жизненного пути А.А. Громыко будет неполной, если не упомянуть о его работе в качестве главного редактора журнала. Я ничуть не склонен преувеличивать значимость и масштабы этой стороны его деятельности на общем фоне того, что он сделал в своей жизни. Но вместе с тем, мне кажется, что именно эта своеобразная журналистская стезя его деятельности поможет четче и полнее представить эту незаурядную личность. Внимание к этой стороне его деятельности продиктовано не только тем, что главным редактором журнала А.А. Громыко проработал в общей сложности почти 30 лет, то есть больше, чем на посту министра иностранных дел СССР. Конечно, нельзя ставить в один рад эти две сферы его деятельности. Но, тем не менее, сам факт того, что он столь длительное время совмещал эти должности и находил это целесообразным, говорит сам за себя.

Мне довелось соприкасаться с ним по работе именно как с главным редактором на протяжении более 20 лет, начиная с 1967 г. Мои заметки носят характер личных наблюдений и размышлений и ни в коей мере не претендуют на то, чтобы с полной достоверностью и основательностью характеризовать отношение А.А. Громыко к тем или иным событиям международного и внутреннего плана, которые попадали в поле его внимания в период работы в должности главного редактора журнала. Я попытался восстановить в памяти наиболее яркие эпизоды, которые так или иначе оставили свой след. По крайней мере, по прошествии уже довольно длительного времени они не изгладились из памяти. Некоторые из них, рассматриваемые через своеобразную ретроспективную призму, обретают, как мне порой кажется, даже символическое значение.

Капченко Николай Иванович – заместитель главного редактора журнала «Международная жизнь» в 1969–1988 гг.

* Впервые опубликовано в: А.А. Громыко – дипломат, политик, ученый. Научно-практическая конференция, посвященная 90-летию со дня рождения А.А. Громыко. С. 176–187.

В связи с этим, видимо, следует сделать одно замечание. Я воспроизвожу различные эпизоды и даю им определенное истолкование по прошествии многих лет. Значит ли это, что именно нынешняя обстановка и является той доминантой, которая предопределяет оценку событий и фактов минувших лет? В какой-то степени – да, ибо любые воспоминания несут на себе отпечаток не только тех времен, которых они касаются, но и того времени, когда они пишутся. Это неизбежно и вполне объяснимо. Важно только, чтобы постоянно присутствовала и соблюдалась органичная временна́я связь, при которой критерии сегодняшнего дня не нарушали бы ткань исторического полотна, не искажали подлинной картины и реального контекста минувших событий. Но именно дистанция во времени и дает возможность более объективно и более полно оценить события прошлого.

А.А. Громыко был назначен главным редактором журнала в 1958 г., вскоре после того как стал министром иностранных дел СССР. Мотивы этого назначения мне неизвестны. До него главным редактором был В.М. Хвостов, который одновременно являлся начальником Архивного управления МИД СССР. Затем он был переведен на работу в аппарат ЦК КПСС. Журнал «Международная жизнь» в известном смысле с самого начала рассматривался в качестве негласного органа Министерства иностранных дел. Очевидно, поэтому при создании журнала решением Президиума ЦК КПСС было предусмотрено его освобождение от контроля со стороны Главлига, то есть от предварительной цензуры и обязательной санкции на печать и выход в свет со стороны союзного цензурного комитета.

Несколько слов об организации и характере работы редакционной коллегии журнала. А.А. Громыко как главный редактор осуществлял руководство работой в основном посредством проведения заседаний редколлегии, чтения наиболее важных статей, по которым он высказывал свои замечания, и дачи указаний при составлении планов публикаций на ближайшие месяцы. Вполне естественно, что в силу своей занятости по основной работе он не мог уделять журналу слишком много времени. Однако к своим обязанностям редактора он относился в высшей степени серьезно и ответственно, причем не раз на заседаниях редколлегии вспоминал, что редакционной работой ему довелось заниматься еще в пору его научной деятельности в Институте экономики Академии наук. Так что можно сказать, что он неплохо знал содержание и особенности редакционной работы. Повседневной текущей работой занималась редакция журнала под руководством заместителя главного редактора Ш.П. Санакоева, который трудился в редакции с первых дней существования журнала.

Заседания редколлегии проходили обычно в зале заседаний Коллегии Министерства иностранных дел, иногда в кабинете министра, а впоследствии, когда А.А. Громыко стал Председателем Президиума Верховного Совета СССР – в зале заседаний Президиума в Кремле. Продолжительность заседаний варьировалась в зависимости от степени занятости Громыко, но обычно в пределах 40–60 минут, иногда немного больше. Случалось порой и так:

члены редколлегии собирались в зале и обменивались мнениями в ожидании главного редактора. Время шло, а он все не появлялся. Потом приходил сотрудник его секретариата и говорил: «Андрей Андреевич попросил начинать без него» или же: «Министр попросил провести заседание без него и сообщить о результатах по окончании заседания».

Члены редколлегия и редакция в целом, конечно, были заинтересованы в том, чтобы заседания проводил сам А.А. Громыко. От него в прямой или косвенной форме мы получали своеобразную ориентировку во внешнеполитической области, а порой и в сфере внутренних проблем. Рассматривая те или иные статьи и материалы, он высказывал свои соображения по весьма широкому кругу международных проблем, расставлял нужные политические акценты, не говоря уже о конкретных замечаниях по отдельным материалам. У меня всегда оставалось ощущение того, что мы присутствуем на каком-то доверительном брифинге, во время которого получаем своеобразный инструктаж. Свои пометки он делал синим карандашом и крупными буквами.

Манера поведения Громыко всегда была ровной и степенной. В его поведении никогда не ощущались спешка и торопливость. Как правило, он первым высказывал свои соображения и замечания и потом спрашивал. «А что думают товарищи?» Спокойно выслушивал мнения других, соглашался или не соглашался с ними, как правило, обосновывая свою позицию и мотивируя свои соображения. В целом рассмотрение материалов носило вполне демократический и деловой характер, хотя, справедливости ради, надо сказать, что почти никто и никогда не пытался высказывать точку зрения, которая бы расходилась с мнением Громыко. Были, конечно, и исключения, но они касались в основном чисто вкусовых нюансов или же различий в толковании отдельных исторических проблем.

На основе своих впечатлений от заседаний редколлегии под руководством А.А. Громыко у меня сформировалось достаточно твердое мнение, что ему доставляло определенное удовольствие так спокойно посидеть и в свободной манере порассуждать на темы, которые предопределялись содержанием обсуждаемых материалов. Казалось, что он в это время как бы расслабляется и живет реминисценциями о своей некогда свободной жизни, не обремененной постоянными проблемами текущего дня. Именно этим обстоятельством, на мой взгляд, и объясняется то, что он часто обращался в прошлое, вспоминал отдельные эпизоды из своей жизни, порой даже мало сопряженные с характером рассматриваемых проблем. При этом надо заметить, что память у него была отменная. Однажды при обсуждении небольшого материала, касающегося статуса островов Микронезии, он, откинувшись на спинку стула, начал говорить об обстоятельствах обсуждения данной проблемы на заседании Совета Безопасности ООН в 1946 г., когда он работал представителем СССР в ООН. Причем он ссылался на обстоятельства и детали, приводил такие факты, как будто он только что пришел с этого самого заседания. Меня тогда это поразило настолько, что я решил по имеющимся материалам пе-

репроверить точность того, что он говорил о позициях отдельных стран. Все оказалось в полном порядке.

Но коль уж речь зашла о тех реминисценциях, которым порой предавался А.А. Громыко, стоит сказать и вот о чем. Он неоднократно (даже, вернее сказать, многократно) вспоминал о том, как Сталин перед его отъездом на работу в США советовал ему посещать церковные богослужения, чтобы совершенствовать свои знания в английском языке. Впоследствии этот эпизод вошел и в книгу его воспоминаний «Памятное». Но мне хотелось бы обратить внимание на тон и саму манеру, в которой он говорил обо всем этом. Чувствовалось, что он испытывал своего рода пиетет в отношении Сталина, хотя прямо об этом он и не говорил. Запомнился и другой эпизод, тоже достаточно ясно свидетельствующий о его уважении к Сталину. Речь шла о проблемах границ в Европе. И Громыко вспомнил, как однажды на встрече «большой тройки» при обсуждении вопроса о послевоенных границах Советского Союза Черчилль, обращаясь к Сталину, воскликнул: «Но, господин Сталин, Львов никогда не входил в состав России!» После короткого раздумья Сталин спокойно ответил: «Да, господин Черчилль, Вы правы: Львов никогда не входил в состав России. Но Варшава-то входила!» По словам Громыко, Черчилль был настолько потрясен этим аргументом, что не смог ничего возразить и выглядел откровенно растерянным. То, как об этом эпизоде рассказывал Громыко, как он оттенил силу аргументации и мгновенную реакцию Сталина, свидетельствовало о его восхищении умением Сталина бескомпромиссно и решительно отстаивать интересы Советского Союза.

Вообще, можно сказать, что главной особенностью его подхода к рассмотрению и оценке любой крупной или мелкой международной проблемы был ее анализ под углом зрения государственных интересов Советского Союза. Именно это соображение доминировало во всем и всегда. Порой мне казалось, что подобный подход бывал односторонним или же узко прагматическим, не всегда учитывающим сложную и противоречивую совокупность всех фактов. Вспоминается в этой связи один эпизод, четко запечатлевшийся в памяти. Где-то в 70-х годах при обсуждении одного материала, касающегося Анголы, Громыко, как-то встрепенувшись, с несвойственным ему пафосом стал говорить о колоссальных природных ресурсах Анголы. В то время наша страна не имела с ней фактически никаких отношений. Открывались лишь довольно смутные перспективы возможной вовлеченности СССР в ангольские дела в связи с развертывавшейся там освободительной революцией. И у меня впоследствии, когда СССР уже был самым прямым и непосредственным образом втянут в круговорот событий, связанных с Анголой, часто невольно всплывали в памяти слова нашего главного редактора об уникальных природных ресурсах этой страны. Разумеется, я не хочу с уверенностью утверждать, что заинтересованность Советского Союза в минеральных богатствах Анголы явилась главной движущей причиной, приведшей к нашему участию в ангольских делах. Но, тем не менее, думается, что эти соображения сыграли свою роль в этой вовлеченности.

Другой, можно сказать, определяющей чертой глобального подхода А.А. Громыко ко всем международным проблемам, была твердая и, я бы сказал, абсолютная убежденность в мировой роли Советского Союза, в том, что наша страна с полным основанием считается сверхдержавой, без участия которой, а тем более вопреки интересам которой, ни одна значимая, серьезная международная проблема не может быть решена. Не думаю, что за этим скрывалось какое-то преувеличенное чувство патриотизма или гордости за Советский Союз. Просто такой подход отражал реальное положение дел в сфере международных отношений, и вполне естественно, что руководитель советской дипломатии был носителем и выразителем данной реальности. Внутреннее осознание этой истины и предопределяло соответствующее отношение его к возникавшим проблемам, не говоря уже о том, что накладывало зримый отпечаток достоинства и самостоятельности при оценках иностранных государственных деятелей исторического масштаба, будь то Черчилль или Рузвельт в прошлом, или же государственные деятели современности, с которыми ему приходилось общаться. Мощь и сила Советского Союза как бы служили той призмой, через которую он оценивал и события, и личности. В этом смысле его с полным правом можно назвать государственником, или в стиле современной лексики – державником.

Если в самом общем виде охарактеризовать иерархию внешнеполитических приоритетов, какой она виделась в свете тех указаний, замечаний и советов, которые А.А. Громыко высказывал на заседаниях редакционной коллегии на протяжении всего периода его работы в качестве главного редактора, то у меня сложилось примерно такое впечатление. Бесспорно, на первом месте всегда стояли вопросы войны и мира, разоружения и ограничения гонки ракетно-ядерного оружия. Это отражало и то место, какое занимали эти проблемы во всем объеме внешнеполитической деятельности Советского Союза. Затем следовал весь комплекс советско-американских отношений, в особенности в военно-политической сфере. Экономические аспекты этих отношений всплывали довольно редко и стояли как бы особняком. Неизменное внимание он уделял европейской проблематике, и здесь особо выделялись вопросы, связанные с созданием системы коллективной безопасности на континенте. В силу то ли этих причин, то ли каких-то других, но из системы двусторонних отношений со странами Запада А.А. Громыко пристальное внимание всегда уделял отношениям с ФРГ. Германская проблематика была одной из тех, на которых он постоянно останавливался в ходе рабочих заседаний редакционной коллегии.

Следует также отметить его особое пристрастие (я думаю, что данный термин точно отражает существо дела) к вопросам, связанным с деятельностью ООН. Проблемы ООН, механизм ее функционирования он знал досконально и часто поражал своей осведомленностью в таких нюансах, которые знакомы разве только экспертам по конкретным вопросам. Эго, видимо, следует отнести на счет его длительной работы в ООН и фундаментального понимания природы самой Организации и ее Устава, в разработке которого он прини-

мал личное участие. Вместе с тем, как мне казалось, в некоторых моментах он не совсем адекватно оценивал некоторые тенденции в работе этой Организации. Так, после советского вмешательства в Афганистане, когда в мире поднялась чуть ли не повсеместная волна протестов против наших действий, он неизменно акцентировал внимание на том, чтобы максимально широко подавались материалы, которые показывали бы одобрение советских шагов в афганском вопросе со стороны отдельных членов ООН и в особенности на сессиях Генеральной Ассамблеи. Степень этой поддержки, откровенно говоря, была относительной и по большей части вынужденной или сугубо формальной со стороны тех, кто ее выражал.

Тем не менее Громыко никогда не выражал ни тени сомнения в правильности советской линии в отношении Афганистана, хотя бесперспективность и даже фатальная обреченность военной акции Советского Союза в этой стране трезво мыслящим наблюдателям, если и не были абсолютно очевидны, то представлялись максимально вероятными. Конечно, он и не мог придерживаться иной линии, коль скоро она была принята. Но мне казалось, что такой умудренный политик, каким был Громыко, просто не мог не понимать реального развития событии. Вспоминается в этой связи и такой эпизод. В марте 1981 г. мне довелось по заданию редколлегии побывать в Кабуле. Тогдашний советский посол Ф.А. Табеев довольно скептически и откровенно мрачно отозвался о журналистах, посещавших Афганистан: мол, приезжаете, видите одно, а пишете совсем другое. А наш советник при МИД Афганистана Василий Степанович Сафрончук, мой старый знакомый, человек честный, принципиальный и компетентный, говорил мне: «Вот Вы встречаетесь на заседаниях с Громыко. Можете лично ему говорить то, что думаете. Скажите ему, что наша затея здесь бесперспективна. Нам здесь ничего не светит. Я об этом не раз писал соответствующие бумаги, но реакции не было никакой. Может быть, в такой постановке этот вопрос привлечет его внимание». Он не хуже меня, конечно, понимал, что причина заключается отнюдь не в отсутствии правдивой и достоверной информации, а совершенно в другом. Поэтому я и не воспользовался этим советом, ибо по здравому размышлению пришел к выводу – смешно после недельного пребывания в Афганистане брать на себя роль новоявленной Кассандры и доказывать Громыко бесперспективность или порочность нашей стратегии в этом регионе. В общем, не знаю, сознавал ли сам Громыко, хотя бы в глубине души, что мы там, как говорится, серьезно влипли. Когда речь заходила об афганской проблематике, внешне он не проявлял ни тени сомнения в правильности советской позиции по данному вопросу. Впрочем, сейчас, по прошествии ряда лет, когда стали достоянием общественности некоторые ранее секретные документы, известно, что он принадлежал к числу тех немногих лидеров нашей страны, которые непосредственно причастны к принятию роковых для Советского Союза решений. Думается, что заслуженное чествование его юбилея не дает основания замалчивать и те стороны его деятельности, которые достойны критической оценки. Афганская трагедия относится именно к таким сторонам.

Если судить по заседаниям редколлегии и по тем замечаниям, которые делал А.А. Громыко в представляемых ему материалах, то можно сказать, что проблематика социалистических стран не находилась, если так можно выразиться, в центре его внимания. Конечно, он проявлял к ней определенный интерес, но по всему чувствовалось, что в этой сфере он видит мало дипломатии, мало политики как таковой. Все было как бы заранее запрограммировано и, видимо, решалось не в МИДе, а в аппарате ЦК КПСС. Складывалось впечатление, что вопросы отношений с социалистическими странами занимали его главным образом в той части, когда они переплетались с проблемами мировой политики в целом. Разумеется, эта моя оценка – сугубо личная, базирующаяся на собственных впечатлениях, а они могут быть обманчивыми.

Конечно, особую сферу его внимания составляли проблемы, связанные с отношениями между Советским Союзом и Китаем. Именно в тот период, когда он занимал пост главного редактора журнала, развертывались все фазы советско-китайского противоборства – сначала в рамках идеологической полемики, а затем и открытого межгосударственного противостояния и даже противоборства. Характеризуя его подход к данной проблематике, следует подчеркнуть, что он видел в советско-китайском споре прежде всего и, может быть, исключительно государственные мотивы. Сугубо идеологические или теоретические моменты в советско-китайском противостоянии его интересовали мало. Чрезвычайно редко он делал какие-либо замечания по этим вопросам, в то время как различные внешнеполитические и международно-правовые моменты неизменно привлекали его внимание. Особенно это касалось территориальных проблем в советско-китайском споре. Другим чрезвычайно важным аспектом, постоянно находившимся в поле его зрения, была проблема взаимоотношений в рамках треугольника СССР, США, КНР. По многим признакам можно было заключить, что в советских верхах серьезную озабоченность вызывала перспектива эвентуального американо-китайского сближения на антисоветской базе. Особенно она усилилась после секретного визита Г. Киссинджера в Пекин. Вместе с тем лично у меня сложилось убеждение, что в Кремле не было достаточно ясной, определенной, рассчитанной на перспективу политической стратегии в отношении Китая. Отсюда проистекали постоянные колебания и всевозможные зигзаги и во внешнеполитической практике, не говоря уже о пропагандистской сфере, чем, собственно, мы и занимались.

Осложнение отношений с Китаем, особенно когда четко проявился курс на сближение между Пекином и Вашингтоном, определенным образом повлияло и на подход Громыко к американо-советским отношениям. Если прежде эти отношения, как мне не раз приходилось убеждаться на основе его оценок, прямых и косвенных, выступали в качестве безусловно доминирующей черты всей мировой структуры, то с появлением китайского фактора общая картина международной панорамы претерпела существенные изменения. Это выразилось, в частности, и в том, что больший удельный вес в советской внешней политике (если ее оценивать с точки зрения не обще-

известных заявлений и предпринимаемых шагов, а реальных усилий) стал приобретать комплекс европейских проблем. Не случайно, что именно после этого многолетние переговоры по проблематике европейской безопасности, наконец, увенчались реальными договоренностями.

В западной печати, да и в кругах специалистов в нашей стране, часто высказывалась мысль о том, что министр иностранных дел СССР А.А. Громыко явно страдал излишней ориентацией, а если сказать точнее – концентрацией своего внимания и усилий прежде всего на западном направлении советской внешней политики. При этом недооценивались другие направления этой политики. Если судить на основе тех впечатлений, которые сложились у меня, то такой упрек представляется в некоторой степени оправданным. Хотя, конечно, было бы упрощением представлять дело таким образом, будто во внешней политике вообще возможно использовать что-то вроде универсальных весов Фемиды, чтобы с точностью взвешивать значение каждого отдельного внешнеполитического направления в каждый данный исторический отрезок времени. Да и сама международная действительность того времени изначально как бы предопределяла безусловную концентрацию внимания и ориентацию на американскую и западноевропейскую проблематику, а также на проблемы обуздания гонки вооружений. Разумеется, ретроспективные оценки, как правило, всегда более взвешенны, но они страдают одним существенным недостатком – они всегда запоздалые. Именно так с позиций сегодняшнего дня можно интерпретировать относительную недооценку А.А. Громыко некоторых важных направлений международной деятельности Советского Союза, в частности, китайского фактора. Да и сам этот упрек справедлив лишь в ограниченном смысле и приложим лишь к определенному периоду.

Что у меня четко и совершенно достоверно отложилось в памяти, так это то, как всегда сдержанно и философски спокойно относился А.А. Громыко к резким всплескам в развитии советско-китайских отношений. Особенно это бросилось в глаза в период событий в районе острова Даманский и после них, когда взаимные обвинения и даже угрозы с обеих сторон достигли степени неконтролируемой полуистерии. Широкое хождение в то время приобрели разговоры о возможности применения Советским Союзом ядерного оружия в конфликте с Китаем. Если судить по высказываниям Громыко и по логике его мышления, то такая идея представлялась ему абсурдной, способной родиться лишь в голове безумца.

Не только на этом основании, но и на базе трезвой оценки общей ситуации в тот период складывается убеждение, что некоторые мемуаристы и публицисты серьезно перегибают палку, когда доказывают, что советское руководство всерьез взвешивало вопрос о некоем превентивном ядерном ударе по Китаю. Возможно, какие-то отдельные высказывания на этот счет и были (о чем только не было разговоров!), но о реальном рассмотрении самой возможности ядерного удара как ключевом элементе советской стратегии в отношении Китая, мне думается, говорить ни в коем случае нельзя. Даже поверхностный анализ эвентуальных последствий для Советского Союза по-

добного шага напрочь исключал подобного рода вариант развития событий. И всякого рода свидетельства в подтверждение данной версии выглядят, по меньшей мере, легковесными, однобокими и тенденциозными, какими бы «достоверными» доводами и аргументами они ни подкреплялись.

О персоналиях китайского руководства, прежде всего о Мао Цзэдуне, А.А. Громыко говорил скупо, лишь изредка предавался размышлениям по поводу безрассудности идеи Мао об атомном оружии как «бумажном тигре». Эти сюжеты нашли некоторое отражение и в книге его мемуаров. С определенной долей уважения он отзывался о Чжоу Эньлае, с которым ему не раз приходилось иметь дело. Было видно, что он оценивал его как реально мыслящего государственного деятеля, и то, что Чжоу оставался у руля непосредственного руководства китайской внешней политикой даже в самые напряженные периоды советско-китайского противостояния – во время «культурной революции», давало основания для некоторого оптимизма.

В годы, когда Громыко руководил работой журнала, идеологическая проблематика занимала едва ли не центральное место в нашей печати. Естественно, это касалось и «Международной жизни». Регулярно мы получали соответствующие указания и через Отдел пропаганды, и через Международный отдел ЦК КПСС. Готовили материалы, тщательно взвешивая все нюансы в полемике, которая открыто или скрыто велась в странах социализма и в международном коммунистическом движении. Представляли эти материалы для обсуждения на редколлегии. Как правило, главный редактор не высказывал по ним своих соображений, ограничиваясь стандартной репликой: «Ну, этот материал на нужную тему». Лично сам он неоднократно выступал в журнале в качестве автора под псевдонимом Г. Андреев и главным образом по проблематике фундаментального характера: о принципиальных основах советской внешней политики, о роли В.И. Ленина в выработке главных принципов внешнеполитической стратегии и т.д. При этом у меня сложилось твердое убеждение, что Громыко в качестве краеугольного камня рассматривал ленинскую теорию империализма и вообще экономические факторы ставил на первое место. Мне кажется, что идеологические аспекты международных отношений он причислял к разряду пропаганды и относился к ним соответствующим образом, можно сказать, снисходительно. По крайней мере, можно смело утверждать, что внешнюю политику он не рассматривал через призму борьбы идеологий, что в те времена было аксиоматичным требованием. Как политик-реалист он понимал всю ущербность такого подхода.

Хочется отметить еще одно. Достойное впечатление производила и манера его поведения. Оно на моих глазах не претерпевало никаких существенных перемен по мере того, как Громыко поднимался все выше и выше по ступенькам государственной и партийной иерархии. После его избрания в Политбюро в апреле 1973 г. нам казалось, что он откажется от поста главного редактора журнала, но этого не произошло. Все осталось, как и прежде, разве только рядом с ним появились личные охранники, сопровождавшие его повсюду.

В практической работе над материалами журнала ни разу не было случая, когда бы наш главный редактор специально акцентировал роль Брежнева во внешней политике, что тогда приобрело характер эпидемии. Да и внешне он не проявлял какого-то особого пиетета к генсеку. Мне запомнился один незначительный, но символический эпизод. Во время заседания редколлегии в зал чуть ли не вбежал дежурный сотрудник секретариата и сказал, обращаясь к своему шефу: «Леонид Ильич у аппарата». А.А. Громыко, подчеркнуто не спеша, подбирая слова, закончил свою мысль и неторопливо вышел из зала, чтобы поговорить с Брежневым по телефону. Про себя я отметил эти характерные нюансы и подумал: он не летит, сломя голову, на зов хозяина. Привлекала в манере его поведения и ровность его отношения ко всем. Обращался он обычно по фамилии, добавляя часто слово «товарищ». Владел собой, почти никогда не повышал голоса, держался ровно и спокойно. (Естественно, я говорю лишь о случаях, свидетелем которых мне довелось быть. Возможно, те, кто соприкасался с ним ближе, скажут другое, но это уже – их дело.)

Завершить свое несколько клочковатое повествование хочу еще одним глубоко запомнившимся мне случаем. Было это на одной из сессий Генеральной Ассамблеи ООН в начале 80-х годов. Во время выступлений в ходе общеполитической дискуссии представителей США и Советского Союза зал заседаний обычно бывает забит до отказа, чего не скажешь о других днях заседаний. На трибуну поднялся А.А. Громыко и стал зачитывать свою речь. Все шло как обычно, его слушали внимательно, и в зале стояла тишина. И вдруг уже где-то в конце своего выступления он замолк. Вначале казалось, что он перепутал страницы текста и пытается найти нужную. Молчание продолжается минуту, потом другую. В зале стоит уже не просто абсолютная тишина, а какое-то зловещее, кричащее тревогой молчание. Председатель Ассамблеи беспомощно переглядывается с Генеральным секретарем ООН и своим помощником, сидящими рядом с ним. Громыко медленно облокачивается и опускает голову на трибуну. Жуткое безмолвие продолжается. К нему подбегают телохранитель и кто-то из советских представителей, берут под руки и медленно прямо волочат за кулисы. В зале взрывается возбужденный многоголосый говор, все встревожены и чего-то ждут. Председатель сообщает, что «Его превосходительство министр иностранных дел СССР прервал свое выступление, и слово предоставляется следующему оратору». Гомон в зале усиливается, никто не слушает оратора. Время идет. В кулуарах строятся всевозможные догадки и предположения. Словом, заседание идет своим чередом. И вдруг по прошествии примерно двух десятков минут председатель объявляет, что для продолжения своего выступления слово имеет Громыко. Он выходит из-за кулис и совершенно твердым шагом идет к трибуне. В зале вспыхивает шквал аплодисментов, переходящий не в ритуальную, а подлинную, искреннюю овацию. Она длится долго. Хотя Громыко и пытается говорить, но аплодисменты заглушают его слова. Он спокойно смотрит в зал и ждет окончания этой овации. Думаю, что зал Генеральной Ассамблеи еще никогда в своей истории не слышал такой овации, здесь это просто не принято.

Закончил он свое выступление тем же энергичным голосом, каким и начал. Поблагодарил председательствующего и сел на свое место в зале. А в это время чуть ли не все каналы американского телевидения транслировали эпизоды из зала заседаний ООН. Тут же появились свежие выпуски газет с огромными заголовками и снимками Громыко, который держится за трибуну, чтобы не упасть. Высказываются самые разные предположения и строятся такие же прогнозы. Сам же виновник этого драматического эпизода вскоре покидает здание ООН и едет на одну из заранее запланированных встреч. Так, как будто ничего не случилось, ровным счетом ничего.

Я намеренно заканчиваю именно этим эпизодом, так как он может служить последним ярким штрихом к портрету этого видного государственного деятеля и выдающегося дипломата в истории Советского Союза. Он честно и преданно служил интересам своей Родины на всех постах, в том числе и на таком незаметном, как главный редактор журнала «Международная жизнь». И какими бы извилистыми ни были зигзаги истории, в том числе и нынешнего этапа, память о тех, кто всю свою жизнь, как говорят, положил на алтарь Отечества, останется в умах и сердцах соотечественников.

Квицинский Ю.А.

О политике, человеке и части нашей истории*

На дипломатическую работу я пришел в 1959 г. «Ушли» меня из МИДа в 1992 г., так что бóльшую часть своей дипломатической жизни я провел в «гнезде» А.А. Громыко на Смоленской площади. Там рос, оперялся и учился летать. Одним словом, он зримо или незримо все эти самые интересные и активные годы моей жизни был где-то рядом, определял и формировал мою судьбу, как, впрочем, и судьбы тысяч работников нашей внешнеполитической службы.

Для меня он всегда был строгим, требовательным, зачастую сложным и непредсказуемым руководителем. Как мне рассказывали А.Г. Ковалев и П.А. Абрасимов, ко мне он относился не всегда однозначно. Во всяком случае «фитилей» от него я наполучал за годы работы в МИДе немало. Но в то же время он, как любил говорить его бессменный помощник В.Г. Макаров, по сути своей был человеком добрым и отзывчивым, заботившимся о своих сотрудниках. В сложные моменты моей службы он не раз «прикрывал» меня, за что я по сей день сохраняю ему глубокую признательность и уважение.

В первые годы, когда я работал на скромных должностях в посольстве СССР в ГДР, мое знакомство с министром было заочным. Стоял он где-то бесконечно далеко и высоко, и знал я о нем в основном по разговорам и сплетням сослуживцев. Были это не самые простые годы в жизни А.А. Громыко. Его недолюбливал Н.С. Хрущев, видимо, собиравшийся выдвинуть на пост нового министра иностранных дел своего зятя Аджубея. Тогда ходило много слухов о «негибкости» Громыко и непригодности его к осуществлению «динамичной» хрущевской политики. Шептались о каких-то нелестных служебных характеристиках, которые якобы лежат в мидовских архивах и касаются его пребывания в вашингтонском посольстве еще в должности советника.

Показательно с этой точки зрения, что, когда наш посол в ГДР М.Г. Первухин в обстановке крайней секретности выполнял указание Хрущева о закры-

---

Квицинский Юлий Александрович (1936-2010) – Чрезвычайный и Полномочный Посол, заместитель министра иностранных дел СССР в 1990–1991 гг.

* Впервые опубликовано в: «Лучше десять лет переговоров, чем один день войны». Воспоминания об Андрее Андреевиче Громыко. С. 154–167.

тии границы в Берлине, между ним и представителем КГБ в ГДР всерьез обсуждался вопрос о том, надо ли вообще информировать министра: кто его знает, может быть, Хрущев не считает необходимым держать его в курсе дела. В конце концов решили направлять донесения Хрущеву (а шли они не шифром, а только фельдсвязью из-за опасения, что противник читает наши телеграммы), «для приличия» в копии также Громыко. В ЦК, мол, разберутся, надо ли пересылать эти копии в МИД.

Некоторое время это сложное для министра положение сохранялось и после отстранения Хрущева от власти. Во всяком случае, когда я в 1965 г. вернулся в Москву и начал работать в центральном аппарате министерства, он проявлял чрезвычайную осторожность всякий раз, когда «входил» с теми или иными записками в ЦК КПСС. Эти записки он предпочитал не подписывать в одиночку, старался «подкрепить» свою подпись подписями руководителей других ведомств, а увереннее всего чувствовал себя, когда соподписать записку соглашался руководитель какого-либо из отделов ЦК КПСС.

На моих глазах это положение менялось по мере укрепления его позиций в партийной иерархии. Он пользовался все большим доверием Л.И. Брежнева, вскоре перешел в разговорах с ним на «ты», установил тесный контакт с Минобороны и КГБ и создал в конце концов такое положение, когда практически все вопросы внешней политики СССР решались «троицей» в составе Громыко–Устинов–Андропов. Соответствующим образом менялась и линия поведения, которую он предписывал занимать аппарату МИДа в отношениях с ЦК и другими ведомствами. Ни о каких подписях отделов ЦК под предложениями МИДа речь больше уже не шла, наоборот, в последние годы пресекались любые поползновения Международного отдела ЦК КПСС, т.е. Б.Н. Пономарева, В.В. Загладина и др., выступать с какими-либо самостоятельными инициативами во внешнеполитических вопросах, особенно по проблематике разоружения. («Пусть они занимаются своим делом – отношениями с братскими компартиями. Это им поручено. А их записку поправить так, чтобы они ее в конце концов сами не узнали. А еще лучше – пусть отзовут».)

То же самое касалось и, казалось бы, всесильных помощников Генерального секретаря. В отношениях с ними строго запрещалось высказывать какие-либо инициативные предложения, которые они могли бы «подкинуть» Генеральному секретарю в обход министра, выполнять их просьбы о написании документов и разделов выступлений для высшего руководства. («Замыкайте их просьбы на меня! Их задача – работа с секретарями ЦК и выполнение поручений генсека. Вот пусть и работают!») В те времена была достигнута договоренность с заведующим Общим отделом ЦК К.У. Черненко, что тот больше не будет пропускать записки А.А. Громыко или «троицы» через аппарат ЦК и помощников генсека, а станет непосредственно докладывать их «главному».

Конечно, эти указания потихоньку нарушались заместителями министра и заведующими отделами МИДа. Никому не хотелось портить личные отно-

шения с аппаратом ЦК. Но это было связано с опасностью схлопотать серьезный «втык» от министра. А ругаться он умел и делал это хоть без бранных слов и личных оскорблений, но весьма чувствительно для провинившегося.

То был период наибольшего влияния А.А. Громыко на партийные и государственные дела Советского Союза. Он пользовался огромным авторитетом не только среди членов Политбюро, но и по всей стране. Каждое его выступление на сессии Генассамблеи ООН, речи при приеме гостей, пресс-конференции воспринимались как крупные политические события. И так это было на самом деле. А.А. Громыко был как бы общепризнанным воплощением советской внешней политики – солидной, основательной, последовательной. Твердой там, где было нельзя иначе, и гибкой – там, где надо было сманеврировать, пойти на небольшие уступки и получить выгодный нам компромисс. Он не носился попусту по городам и весям, как это вошло в практику наших министров иностранных дел за последние полтора десятка лет, не ездил на всякого рода пустопорожние конференции, семинары и междусобойчики. Он не давал по нескольку интервью в день, чтобы ублажить досужих журналистов, не стремился «светиться» каждый день на телевидении, одним словом, не танцевал на всех свадьбах, куда его ни позовут. Он прекрасно понимал, что такое поведение лишь девальвирует авторитет министра великой державы, которой являлся Советский Союз.

Каждая его поездка за границу была тщательным образом подготовлена и сориентирована на достижение конкретного результата. Эти поездки являлись событием для принимающей стороны. Пустых визитов А.А. Громыко не терпел. Почти не было и так называемых «дежурных выездов», т.е. визитов куда-либо лишь по причине того, что советский министр где-то еще не был или давно уже не был, и надо бы, мол, потешить самолюбие соответствующего государства. От таких визитов А.А. Громыко обычно уклонялся. Для подобных целей у него были заместители. Он их и посылал в малозначимые для решения крупных политических вопросов страны с рабочими поездками. Он знал себе цену, не разменивался на мелочи и пустяки, не занимался политическим туризмом. Он был полководцем, который умел воевать вверенным ему войском, направляя его действия и распределяя силы. Грош цена командиру, который вместо того, чтобы всецело посвящать себя этой задаче, встает в цепь стрелков и, не умея руководить солдатами, сам занимается стрельбой из трехлинейки по противнику.

Впервые лично познакомиться с А.А. Громыко мне довелось сразу после возвращения из командировки в ГДР. Произошло это знакомство при несколько странных обстоятельствах и во всяком случае не отвечало моим представлениям о министре как о неком «небожителе». В конце, кажется, 1965 г. на отдых в Советский Союз приехал тогдашний министр иностранных дел ГДР Отто Винцер. Меня вместе с бессменной сотрудницей Третьего Европейского отдела Надей Гавриловой послали доставить Винцера в Барвиху и проследить за его размещением. За решение этих вопросов тогда отвечало Четвертое Главное Управление Минздрава, известное своей осведомлен-

ностью в том, к кому и как относится высокое начальство и соответственно раздававшее санаторские блага и услуги. Громыко несколько недолюбливал Винцера. Не знаю по той или по какой другой причине, в Барвихе его поместили в однокомнатный номер, несмотря на все его недоумение и раздраженные реплики. Винцер попросил довести его недовольство до сведения своего коллеги, бросив фразу, что А.А. Громыко в случае его приездов в ГДР так не принимают.

Не знаю, сделал ли министр что-либо для исправления положения, но через пару дней он решил проявить внимание к Винцеру и с этой целью отправился в Барвиху, прихватив меня в качестве переводчика, хотя никакого переводчика ему не требовалось. Винцер прекрасно говорил по-русски.

Беседа оставила у меня недоуменное впечатление. Поначалу Винцер пытался затеять с нашим министром разговор на крупные политические темы, но поддержки не получил. Видимо, А.А. Громыко, привыкший общаться с высшим партийным руководством ГДР, не считал Винцера равным себе партнером. Тому было рекомендовано не утруждать себя на отдыхе служебными вопросами, и Винцер быстро оставил свои попытки. Разговор после этого пошел «за жизнь». Винцер стал вспоминать свои эмигрантские годы в Москве и с некоторой ехидцей заметил, что немцам тогда очень недоставало в СССР их любимого кофе. Потом, наконец, кофе появился, но только в зернах и, к сожалению, нежареный. Советские граждане не знали, что с ним делать, варить кашу или еще что. Коминтерновцы же быстро научились жарить этот кофе на противнях, чем очень удивляли своих советских коллег.

Лицо А.А. Громыко приняло обиженное выражение. Он стал интересоваться, что это за такой «нежареный кофе». Ни разу, мол, не видел и не слышал.

Принявший удивление министра всерьез, Винцер стал объяснять, что это кофе такого «зеленоватого» окраса. Его надо сначала поджарить, а потом размолоть и пить. «Не знаю я зеленого кофе, – проворчал министр. – У нас в стране, товарищ Винцер, в основном пьют чай».

Тогда Винцер решил, что пришло время пожаловаться на то, как его принимают в Барвихе. Он, мол, выходит каждый день на прогулку, и всякий раз на некотором отдалении его сопровождают двое парней в штатском. «Они боятся, что на нас нападет кто-то? Или в Барвихе волки водятся?» – опять съехидничал Винцер.

«Ну что вы! В Барвихе волки не водятся, – с каменным лицом ответствовал Громыко. – Кроме того, если волк один, то обычно на людей не нападает. Я это знаю как охотник».

По возвращении в Москву я отправился к своему тогдашнему начальнику генерал-лейтенанту И.И. Ильичеву, чтобы доложить, как и что было в Барвихе. Видимо, он почувствовал неловкость ситуации и помрачнел: «Маразм какой-то! Больше никому не рассказывай. Заноза этот Винцер. А наш такое не любит».

В последующие годы я все чаще имел возможность непосредственно наблюдать А.А. Громыко в деле, встречаться и разговаривать с ним. Это было время

после постановки Берлинской стены и ухода в 1963 г. в отставку Аденауэра, когда прежняя «железобетонная» восточная политика ФРГ начала шататься. Из сильного козыря в колоде Запада, который играл на вытеснение нас из Германии и Восточной Европы, Западный Берлин стал превращаться в его ахиллесову пяту. Сообразил это еще Хрущев, который разрешил Ульбрихту закрыть границу, чем резко ограничил возможности Запада проводить через этот город наступательные операции против наших позиций в Европе. Советский Союз начал тогда наступление в Берлинском вопросе. Оно было продолжено и после ухода Хрущева со сцены. Поначалу оно носило скорее характер импровизации, но потом, когда на Третий Европейский отдел министр «поставил» В.М. Фалина, одного из наиболее талантливых наших дипломатов того периода, Берлинским вопросом мы стали заниматься более систематично.

Мне было приказано подумать, как использовать факт продолжающейся оккупации Западного Берлина войсками США, Англии, Франции для активного нажима на наших противников и вбивания клиньев между ФРГ и тремя державами.

Решение было очевидно: поскольку три державы заявляли, что находятся в Западном Берлине в качестве победителей в войне против Германии, юридической основой их пребывания там могли быть только союзнические соглашения и решения Контрольного Совета о целях, условиях и порядке оккупации. Эти документы носили весьма жесткий для немцев характер и поэтому на практике давно игнорировались США, Англией и Францией, которые протежировали своему союзнику – ФРГ в ее попытках де-факто присоединить к себе Западный Берлин.

Требуя от трех держав полного соблюдения и выполнения союзнических соглашений, мы ставили их в сложное положение. Они, конечно, не хотели соглашаться с нами и ограничивать незаконную деятельность ФРГ в этом городе. Но в таком случае мы, наряжаясь в тогу блюстителей союзнических договоренностей, могли говорить, что вместе с ГДР позаботимся о том, чтобы они выполнялись. Для нажима на западную сторону можно было использовать большую зависимость Западного Берлина, да и самих войск трех держав от того, будет ли сохраняться беспрепятственное движение по наземным коммуникациям между Западным Берлином и ФРГ. А они проходили по территории ГДР. Конечно, союзнические соглашения предоставляли самим трем державам свободу передвижения по этим коммуникациям, но мы и не стремились их трогать. В отношении же немецкого гражданского транзита мы никаких обязательств ни перед кем не несли и могли дать свободу рук ГДР, да еще и прикрыть ее действия просьбами оказать нам помощь в строгом соблюдении постановлений о денацификации, демилитаризации и демократизации Германии.

Как впоследствии признавал Брандт, положение Западного Берлина в результате такой нашей тактики стало последовательно ухудшаться. Политико-юридических средств для сохранения прежнего статус-кво у Запада не оказалось. Воевать за Западный Берлин ни три державы, ни ФРГ, разумеется,

не хотели. Возникала необходимость начать поиски компромисса путем переговоров с нами не только по Западному Берлину, но и в более широком плане.

Постановка стены в Берлине, а затем наш нажим на три державы, ФРГ и Западный Берлин в конечном счете привели к заключению Московского договора с ФРГ и Четырехстороннего соглашения по Западному Берлину, а затем к широкому международному признанию ГДР и приему двух немецких государств в ООН. Это ознаменовало собой провал расчетов Запада на то, что Советский Союз удастся выкинуть из Восточной Европы и пересмотреть итоги Второй мировой войны в свою пользу. Наши противники были вынуждены подтвердить существующий территориально-политический порядок в Европе. Кульминацией этого процесса стало подписание Заключительного акта в Хельсинки.

Это так гладко пишется сейчас на бумаге, когда история уже свершилась. Но путь к этим свершениям был неимоверно сложным. И прошел его Советский Союз под водительством А.А. Громыко, который взял на себя руководство всем германским направлением нашей внешней политики и занимался им, без преувеличения, каждый день. В тот период мне и довелось много видеться с А.А. Громыко не только в служебной, но и в частной обстановке.

Он направил меня в ГДР на подмогу нашему послу П.А. Абрасимову, которому поручалось вести переговоры с послами трех держав по Западному Берлину. Я непрерывно курсировал в это время между Москвой и Берлином и стал, что называется, вхож в кабинет А.А. Громыко.

Но возвращаясь к тому, как мы начинали свое крупное и увенчавшееся успехом наступление в германских делах, должен сказать, что, когда мы втроем – В.С. Семенов, В.М. Фалин и я – пришли с планом действий по Западному Берлину к А.А. Громыко, он долго читал его, нерешительно крутил в руках, а потом рассердился. «Кто поймет, что вы тут понаписали? – раздраженно обратился он к нам. – Абракадабра, алгебра какая-то!» Признаюсь, в тот момент у меня екнуло сердце, и я решил, что пропало полгода напряженной работы. Расстроившись, я не очень уже прислушивался к вяловатым и, как мне показалось, произносимым Семеновым извиняющимся тоном пояснениям. Как самому молодому из присутствующих, мне все равно полагалось молчать. Да я бы и не решился возражать нашему грозному министру.

К моему удивлению, выйдя из кабинета министра, Семенов довольно заулыбался и сказал: «Поздравляю! Он по сути дела согласился, а ворчит потому, что сам с первого захода чего-то не понял. Однако сообразил в то же время, что если он с трудом понимает, то в Политбюро никто уж и подавно ничего не поймет. Так что все в порядке! Надо теперь только подумать, как все попроще преподнести». И действительно, второй наш заход к министру оказался вполне успешным. Записка за его подписью ушла в ЦК КПСС и была быстро одобрена.

За переговорами по Западному Берлину министр следил лично, сознавая, что от их удачного исхода зависит судьба знаменитого Московского догово-

ра с ФРГ. Брандт предупредил Л.И. Брежнева, что без удовлетворительного решения Берлинского вопроса бундестаг ратифицировать этот договор не будет. Отсюда следовало, что уступки по Западному Берлину, а возможны они были в основном за счет интересов ГДР, становились неизбежны. В конце концов в большой политике Западный Берлин для нас не был главным. Главными являлись Московский договор и слом аденауэровской политики на непризнание итогов Второй мировой войны. У нас тогда некоторые полагали, что можно ради этого и пожертвовать Западным Берлином, отдав его ФРГ за Московский договор. Соответственно они настраивали и Брежнева, которому как новому Генеральному секретарю ЦК КПСС позарез был нужен крупный внешнеполитический успех.

Но А.А. Громыко был не из тех, кто легко сдает противнику позиции даже по, казалось бы, второстепенному вопросу. Он знал, что в международных делах, если однажды что-либо выпустишь из рук, вернуть это бывает очень трудно, если вообще возможно. Поэтому он, как мог, бился против любых двусмысленностей при заключении Московского договора и, думается мне, не его вина, что в конце концов эти двусмысленности ему пришлось «пропустить». Давление на него из Кремля, несомненно, оказывалось весьма сильное. Сужу об этом по тому, что наши «творцы» Московского договора не раз с раздражением говорили в кулуарах: «Своим упрямством министр все может испортить».

То же самое происходило и в западноберлинских делах, где министр хотя и понимал неизбежность отступления, но воевал буквально до последнего, пытаясь под конец смягчить впечатление от сделанных уступок с помощью даже таких уловок, как благозвучный для уха кремлевского начальства перевод на русский язык отдельных мест в тексте Четырехстороннего соглашения. За то, что нам не удавалось заставить западников соглашаться на подобные мелкие хитрости, мне крепко от него доставалось. В один из таких моментов я даже собирался подать заявление об уходе с работы.

Когда вскоре после заключения Четырехстороннего соглашения начались переговоры о вступлении ГДР и ФРГ в ООН и А.А. Громыко строго наказал провести согласованную лично им с Генри Киссинджером формулу, что этот прием «не затрагивает вопроса о четырехсторонних правах и обязанностях» (а замысел его состоял в том, чтобы тем самым сказать, что нет в реальности уже ни самой Германии как единого государства, ни прав и обязанностей четырех держав в отношении ее), история, похожая на происходившую на переговорах по Западному Берлину, повторилась вновь. Союзники, разумеется, не захотели принимать эту формулировку, после чего мне была устроена выволочка и сказано, что зря меня послали на переговоры. Но принять ГДР и ФРГ в ООН было важно, гораздо важнее, чем спорить о том, существует ли ответственность четырех держав или только вопрос о такой ответственности, и А.А. Громыко дал согласие на слово «вопрос», а нам, и глазом не моргнув, сказал, что вставлял это слово «лишь по тактическим соображениям».

В знак «окончательного закрытия» германских дел после заключения Московского договора и Четырехстороннего соглашения по Западному Берлину

состоялась раздача наград. Меня представили к ордену «Дружба народов», но министр собственноручно своим любимым синим карандашом перенес мою фамилию на ступень выше. Так я получил первый орден в своей жизни – орден «Трудового Красного Знамени». После церемонии в Кремле все мы, награжденные германисты, были приглашены в кабинет к Андрею Андреевичу. Он нас тепло, по-отечески поздравил. Поглядев на меня, заметил:

«А как они пытались изменить формулировку, что Западный Берлин не часть ФРГ. До последнего царапались! А мы все же на своем настояли – не принадлежит он им и не будет управляться ФРГ и впредь!».

В таких же, не терпящих возражений, торжествующих тонах А.А. Громыко говорил и о Московском договоре, с формулировками которого он поначалу соглашался с большим трудом. Он любил повторять, что этот договор после Потсдама пропахал «глубокую борозду» по Европе, что германский реваншизм теперь «положен в гроб», а на этот гроб теперь для верности «навинчена крышка» и т.д. Верил ли он до конца в то, что говорил? Думаю, что как реалист до мозга костей, государственный деятель с огромным опытом практической политической работы – не совсем. Он не мог не понимать, что в то время как мы трезвонили о признании Западом незыблемости европейских границ, в действительности ФРГ пошла лишь на обещание не пытаться изменить их силой, но вовсе не отказалась от претензий осуществить аншлюс ГДР и по-прежнему считала Западный Берлин одной из своих земель.

Все это западные немцы не замедлили тут же объявить и прописать в своих документах, заставили нас принять так называемое «письмо о германском единстве» и быстренько протащили в связи с восточными договорами решение своего Конституционного суда, в соответствии с которым прежняя политика ФРГ по национальному вопросу не только подтверждалась, но и всем органам государственной власти предписывалось неукоснительно продолжать ее. Министр хоть и говорил, что нам наплевать на то, что там заявляют и пишут западные немцы и что нас связывают только обязательства, зафиксированные в тексте договора, но, безусловно, видел, что ФРГ отнюдь не отказалась от реализации своих долговременных политических установок, смысл которых состоял в том, чтобы вытеснить нас из ГДР, а еще лучше из всей Восточной Европы. Реализовать эти планы по-прежнему мешали не Московский договор, не Четырехстороннее соглашение и не подписанный впоследствии Хельсинкский Заключительный акт, а реальное соотношение сил между СССР и Западом. Пока это соотношение сохранялось, дипломатические бумаги были хороши. Изменись, однако, это соотношение, и с помощью бумаги ничего удержать стало бы невозможно. Так оно впоследствии и случилось.

Чувствуя, что опасность для наших интересов сохраняется, министр после поворота в наших отношениях с ФРГ с большой озабоченностью следил за тем, как складывались отношения между двумя германскими государствами. ГДР была главной опорой наших позиций в Европе. Но после заключения Московского договора и соглашения по Западному Берлину эта опора начала быстро расшатываться. На то было много причин. Прежде всего, наше

сближение с Западной Германией после Московского договора не могло не открывать путей для еще более быстрого и широкого сближения между двумя германскими государствами. На это собственно и делался расчет германскими социал-демократами, пришедшими к власти в ФРГ. Они ставили на развал ГДР изнутри. В свою очередь тогдашнее руководство ГДР, доселе послушно выполнявшее все наши не совсем приятные для него просьбы и требования ради облегчения ратификации Московского договора, после завершения всей этой серии переговоров, приема ГДР в ООН и в обстановке начавшейся широкой полосы международного признания, теперь решило, что настало время переходить к более самостоятельной политике. Возглавивший ГДР после отставки В. Ульбрихта Э. Хонеккер вскоре огорошил нас выработкой пакета договоренностей с ФРГ, смысл которых состоял в том, что ГДР все больше открывалась для проникновения западных немцев и получала за это многие миллионы западных марок. ГДР начинала торговать политикой в германских делах и делала это без всякого спроса у нас.

А.А. Громыко не замедлил всполошиться. В январе 1975 г. он в весьма откровенной форме высказал наши серьезные сомнения руководству ГДР, а затем делал это еще много раз. Толку, однако, не было. Хонеккер не желал слушаться. Более того, наши немецкие друзья стали сообщать в Москву, что Громыко в германских делах плохо разбирается, видит несуществующие опасности и лишь сбивает с толку руководство КПСС.

Тем временем внутреннее положение ГДР все больше осложнялось. О назревающем взрыве, механизмах его подготовки, основных действующих силах и исполнителях германисты МИДа и КГБ не раз предупреждали и даже готовили проекты записок в ЦК КПСС. Но, посоветовавшись с Андроповым и Устиновым, министр возвращал их без пометок. Однажды он сказал, что наши немецкие друзья все равно не реагируют на критику, а что в этих условиях поделаешь? К тому же в отделах ЦК КПСС к этому времени сложилась группа влиятельных сотрудников, которые, не зная германских дел, не только не понимали опасных последствий происходящего, но и были склонны даже поощрять «превращение ГДР в нормальное, суверенное социалистическое государство».

Вскоре после успешного завершения переговоров о приеме ФРГ и ГДР в ООН министр отправил меня на Венские переговоры по ограничению обычных вооружений в Европе. В чем причина моего нового амплуа? Доверительные отношения, которые сложились у меня с американцами в Берлине. Кстати, расчет Андрея Андреевича оправдался. Серьезно забуксовавшие сразу после открытия в 1973 г. Венские переговоры через несколько месяцев простоя удалось снять с мели именно с помощью доверительных контактов с американцами.

По настоянию заведующего Третьим Европейским отделом А.П. Бондаренко меня вскоре отозвали из Вены, чтобы вернуть к германским будням. Но мысль использовать меня и далее в переговорных делах с американцами, видимо, осталась в голове министра. После недолгого пребывания на посту

советника-посланника нашего посольства в ФРГ меня в 1981 г. вызвали в Москву, присвоили ранг посла и поручили возглавлять советскую делегацию на переговорах с США в Женеве по ограничению ядерных вооружений в Европе.

Вопрос этот в тот момент был чрезвычайно острым. В ответ на начавшуюся плановую модернизацию наших баллистических ракет средней дальности в Европе американцы с подачи ФРГ поставили вопрос о том, чтобы мы вообще отказались от ядерных ракет этого класса. В противном случае они грозились развернуть в Европе адекватное количество своих баллистических ракет средней дальности «Першинг-II» и крылатых ракет. Появление таких ракет в Европе с подлетным временем в 10–12 минут создавало бы острейшую угрозу нашей безопасности и серьезно нарушило бы стратегический баланс. В Европе разразился так называемый «ракетный кризис», который отравлял наши отношения с ФРГ и другими членами НАТО.

Мое назначение на столь ответственный пост в такой острый момент свидетельствовало о большом доверии министра. К тому времени мне еще не исполнилось и 45 лет – возраст, по тогдашним мидовским меркам, скорее, юношеский, чем зрелый. Для себя я решил, что надо сделать всё для достижения договоренности и оправдать доверие Громыко. Наверное, в этом была моя ошибка. Мудрый первый заместитель министра Г.М. Корниенко намекнул мне с самого начала, что надо «пободаться» некоторое время с американцами, которые все равно от планов размещения новых ракет в Европе не откажутся. Когда же они разместят их, тогда уже и надо договариваться о взаимоприемлемых «потолках» с обеих сторон. Мне этот план не понравился, поскольку в результате его реализации мы и новые американские ракеты себе под нос получили бы, и в глазах всей Европы еще были бы в том виноваты.

На первых этапах переговоров министр был доволен их ходом и моими действиями. Мы же разворачивали разные составленные в Генштабе и заведомо неприемлемые для американцев варианты решения вопроса. Смысл их состоял в том, что мы уничтожали свои выслужившие ресурс ракеты средней дальности и продолжали размещение наших новых ракет «Пионер» (по терминологии НАТО «СС-20»), а американцы отказались бы от планов развертывания в Европе своих новых «Першингов» и крылатых ракет. По сути дела это были не переговоры, а обмен аргументами, не направленный на поиск реального компромисса. Тем временем наши военные в ускоренном темпе осуществляли обширную программу производства и развертывания «Пионеров» (более 500 единиц), Пентагон же готовил доставку в Европу своих новых ракет, а европейская общественность громко протестовала против действий обеих сторон.

К лету 1982 г. на переговорах обозначился тупик. Напряженность нарастала с каждым днем. Каких-либо новых инструкций ни из Москвы, ни из Вашингтона не поступало. Рейган явно не хотел договариваться, а у нас шептались, что больной Брежнев уже ничем не управляет и ничего не решает. В этих условиях я решился на то, чтобы предложить своему партнеру по переговорам с американской стороны 75-летнему Полу Нитце выйти за рамки

инструкций и представить начальству вариант компромисса, который мы оба могли бы выработать «в личном качестве». Если начальство этот вариант одобрило бы, то он получал бы путевку в жизнь. Если нет, то он должен был считаться обеими сторонами несуществующим и, разумеется, не разглашаться. Подобным методом мы не раз действовали на переговорах с американцами во времена Никсона и Киссинджера, и это, как правило, приносило положительный результат. Правда, сейчас у американцев музыку заказывал не прагматик Никсон, а ковбой Рейган.

Об этом намерении я заранее проинформировал министра, на что после долгого молчания получил согласие идти на встречу с Нитце, но руководствоваться при этом существующими указаниями. Это означало, что министр не готов предлагать что-либо новое, но не против посмотреть, что получится в результате намечавшейся разведки боем. Встреча состоялась 16 июля. Результат ее свелся к американскому предложению иметь в Европе по 75 установок ракет средней дальности, причем мы имели бы 75 «Пионеров», а они – 75 крылатых ракет. От развертывания «Першингов» американцы в этом случае были готовы отказаться. Кроме того, должны были замораживаться и не оснащаться ядерными боеголовками все ракеты оперативно-тактической дальности (от 500 км и выше). Нашу «Оку», которую потом сдал Горбачев, из американского списка оперативно-тактических ракет мне, правда, удалось тогда вычеркнуть. Восточнее Урала мы могли сохранить примерно 90 уже развернутых там «Пионеров». В целом же получалось, что мы могли сохранить 165 «Пионеров» – группировку, вполне достаточную для дальнейшей модернизации этого класса вооружений.

Оговорившись, что предложения Нитце, скорее всего, подвергнутся серьезной правке, я передал их в Москву. Ответа, однако, не получил. Приехав в Москву, узнал, что А.А. Громыко находится в отпуске, телеграмму мою по Политбюро не разослал, а предложения американцев назвал «ерундой на постном масле». Начальник нашего Генштаба Н.В. Огарков и вовсе окрестил американские предложения «провокацией». В общем, создалась ситуация, когда предложенный компромисс просто не рассматривался. Оно и понятно. В противном случае, его надо было бы доложить Л.И. Брежневу и обсудить на Политбюро, после чего сказать «да» или «нет». Но видимо, такого обсуждения и не хотели. Как мне потом говорил помощник Генерального секретаря А.И. Блатов, в случае доклада Брежневу вариант почти наверняка был бы одобрен им, поскольку на большее в складывающихся условиях нам рассчитывать не приходилось.

Думаю, что это понимал и А.А. Громыко, который ни разу не попрекнул меня за эту «прогулку в лесу» с Нитце и даже пошутил однажды, что я по молодости не понимаю, какую международную известность стяжал себе этой «прогулкой». Но вариант Нитце явно не устраивал военных, а министр предпочитал не вступать в конфликт с ними, исходя из того, что ракетный вопрос был не столько мидовским, сколько военным. Военные же и наша Военно-промышленная Комиссия не хотели останавливать запущенную на полную ка-

тушку программу развертывания «Пионеров». Мало того, как рассказал мне однажды покойный маршал Ахромеев, вслед за завершением развертывания «Пионеров» они собирались расставить в Европе порядка 1 тыс. новых оперативно-тактических ракет повышенной дальности. То, что это было бы чревато для нас серьезными политическим последствиями, восстановило против СССР широкую общественность по всей Европе, во внимание принимать не хотели.

Объясняя такое наше поведение, А.А. Громыко с нажимом повторял, что мы никогда свои новые вооружения, созданные ценой огромных усилий и материальных жертв народа, не ломали и ломать не будем. Старую, выслужившую свой срок технику – это пожалуйста, но СС-20 – никогда. Вообще-то это противоречило позиции, официально излагавшейся Брежневым, который заявлял, что в случае отказа американцев от их планов мы были бы готовы пойти на существенные сокращения своих вооружений. Спорить с военными не решился, однако, и Ю.В. Андропов, которому я докладывал о результатах «лесной прогулки» с Нитце.

Как и следовало ожидать, переговоры с американцами в конце 1983 г. закончились провалом. А спустя еще несколько лет при Горбачеве мы приняли унизительный «нулевой вариант» американцев, были вынуждены уничтожить огромное количество нашей самой современной военной техники и остались вообще без ракет средней дальности. В связи с прекращением переговоров по средним ракетам остановились и переговоры по стратегическим вооружениям – к большому, кстати, недовольству всего нашего военно-дипломатического лобби, которое оказалось без работы. Американцы же удержали контроль над своими европейскими союзниками, несмотря на значительный разворот антиракетного движения, а затем нанесли нам следующий удар, выдвинув программу создания космических вооружений, так называемую Стратегическую оборонную инициативу (СОИ) Рейгана.

Пришлось искать способы срочно возобновить переговоры с ними. Отказ от договоренности с американцами по ядерным средствам средней дальности и его политические последствия, видимо, не всем понравились в Политбюро. А.А. Громыко был вынужден после своей «непробиваемой» жесткости в совсем недавнем прошлом теперь демонстрировать гибкость. Меня он освободил от продолжения переговоров по вооружениям средней дальности, мудро заметив, что дальше вести их мне было бы трудно: теперь там будут вырабатываться решения, которые было бы сложно совместить с нашей прежней позицией против рейгановского «нуля». Он, видимо, все еще надеялся сохранить какую-то часть наших «Пионеров», договорившись с американцами о приемлемых потолках. Однако этого не произошло.

Мне же министр предложил возглавить в советской делегации группу по космическим вооружениям, т.е. повоевать за спасение Договора по ПРО 1972 г., а заодно заняться развенчанием СОИ. На этом направлении переговоры не сдвигались ни на сантиметр. И не могли сдвинуться. Во-первых, никаких космических вооружений или развернутых средств ПРО у США,

в отличие от нас, не было. Так что сокращать и ограничивать им было нечего, а обзавестись ими очень хотелось. С точки зрения реальных сокращений вооружений выдвижение программы СОИ как предмета для переговоров с американской стороны было блефом. Но блефом удачным, поскольку эта программа вызвала у нас немалое беспокойство и, спекулируя на ней, США добивались от нас уступок в деле сокращения реально существующих стратегических вооружений и вооружений средней дальности.

На переговорах мы требовали запретить разработку, создание и развертывание космических вооружений и всякий раз выслушивали в ответ, что американцы не знают, что это за вооружения, но предлагают тем не менее пересмотреть Договор по ПРО, развернув соответствующие НИОКР чисто «оборонительного» свойства, чтобы уменьшить угрозу ядерной войны. Широкой публике это нравилось. Она не понимала, что Вашингтону нужен был противоракетный щит, чтобы иметь возможность из-под него нанести сокрушительный ядерный удар по противнику и при этом самим не пострадать или пострадать в минимальной степени.

Переговоры в космической группе вскоре превратились в толчение воды в ступе. Моя чрезмерная напористость привела к тому, что американцы пытались избавиться от меня как партнера по переговорам. К тому времени А.А. Громыко оставил пост министра иностранных дел и стал Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Его сменил Э.А. Шеварднадзе, а меня направили послом в ФРГ.

После этого мои встречи с А.А. Громыко случались редко. Он, конечно, отдавал себе отчет в том, что его выдвинули на более высокий, но вместе с тем скорее церемониальный пост, фактически отстранив от руководства советской внешней политикой. При всей своей высокой партийной дисциплинированности А.А. Громыко не мог восприниматься горбачевской командой как надежный партнер в деле осуществления ее планов перестроить всё и вся. Огромный его авторитет в стране и на международной арене, несомненно, стеснял Горбачева. Ему нужен был другой, более управляемый исполнитель.

Однако А.А. Громыко и на посту Председателя Президиума Верховного Совета продолжал с большим вниманием и интересом следить за тем, что происходило в нашей внешней политике с весны 1985 г. Его верный помощник В.Г. Макаров не упускал возможности позвать к шефу советских послов, которые по разным причинам приезжали в те годы в Москву. Приглашал он и меня. Помню, что А.А. Громыко обычно был не очень разговорчив. Просил каждый раз рассказать о делах, внимательно слушал, иногда задавал уточняющие вопросы – в общем, старался подпитаться информацией из первоисточников, не раскрывая себя и своих мнений. Похоже, однако, что мысли его становились все более тревожными по мере того, как перестройка заходила в тупик. Иногда это проскальзывало в его вопросах и репликах, но он тут же ловил себя на неосторожном слове и старался смазать только что сказанное им. Видно было, что он не хотел вести разговоров, которые позволяли бы

кому-либо усомниться в его полной лояльности к партийному руководству и той линии, которую оно проводило.

Помню, как рассказывал ему однажды о разнообразных проектах сотрудничества с западными немцами. Их было много, и один другого интереснее. Тогда ЦК КПСС увлеченно вел линию на создание совместных предприятий с участием фирм ФРГ в расчете на то, что это приведет к быстрой модернизации нашей отставшей от современного уровня промышленности, в первую очередь станкостроения. Немецкие банки были готовы предоставлять нам практически без ограничения кредиты, в том числе несвязанные. Велись переговоры с западногерманскими научно-исследовательскими центрами в надежде с их помощью обойти ограничения КОКОМ на трансферт современных технологий. Одним словом, от западных немцев с их предложениями и инициативами буквально отбоя не было.

«Чем вы это объясняете?» – спросил Андрей Андреевич. «Наша внешняя политика сейчас в ФРГ пользуется большим спросом и авторитетом, – ответствовал я. – Приходится удивляться, но витрины ювелирных магазинов на самых дорогих улицах Дюссельдорфа заполнены дамскими колье и сережками с красными рубиновыми звездами. Циферблаты часов модно украшать изображениями кремлевских башен. Горбачева готовы на руках носить. Ну, а кроме того, и это, видимо, главное, экономика ФРГ для своего роста остро нуждается в расширении внешних рынков и новых источниках сырья. А оно становится все более дефицитным. Все внешние рынки давно поделены, кроме нашего. Китайцы – не в счет. Свои возможности на этом направлении ФРГ в значительной степени исчерпала, когда мы пребывали в ссоре с Пекином, а они вовсю лезли в Поднебесную. Вот они сейчас и ухаживают за нами».

«Для чего, однако, ухаживают? – вырвалось у Андрея Андреевича. – Ведь они наши классовые противники. Не могут они так вести себя просто потому, что желают нам добра. Впрочем, – тут же потускнел он, – надо, разумеется, использовать все возможности для расширения равноправного и конструктивного сотрудничества с ними. Работайте и дальше в этом направлении. Желаю успехов».

После 1991 г. мне не раз вспоминалась эта беседа. Хорошо, что А.А. Громыко не пришлось увидеть своими глазами, как были потеряны наши позиции в Европе, отстаиванию которых он посвятил десятки лет своей жизни, упорной борьбы и труда. Он ушел еще до того, как открылась эта трагическая страница нашей истории. Не удается ее закрыть и по сей день.

Годы А.А. Громыко составляют целую эпоху в советской внешней политике. О них вспоминали и будут вспоминать с гордостью. Но не только с гордостью, а и с растущей ностальгией по прошлому величию нашей Советской державы.

Крылов С.Б.

В секретариате А.А. Громыко

В 1970-е годы молодые дипломаты Министерства о секретариате министра практически ничего не знали. Кое-кто видел в телефонном справочнике для руководящего состава страничку с названием этого подразделения и номерами телефонов его сотрудников и их должностями, но чем они там конкретно занимаются, понять было невозможно. Какое-то представление можно было себе составить из контактов с коллегами из секретариатов заместителей министра, но и такую возможность имели далеко не все. Как правило, общение с секретариатами шло на уровне заведующего отделом (так тогда назывались нынешние директора департаментов) или его заместителей. Во всяком случае, именно так было в 1970-е гг. во 2-м Африканском отделе, где я работал третьим секретарем, вернувшись из командировки в Заир. Мои контакты с руководством Министерства сводились тогда к переводам изредка случавшихся бесед Л.Ф. Ильичева – куратора африканского направления, заместителя А.А. Громыко, с послами стран, входящих в ведение нашего отдела.

Готовившиеся в нашем отделе документы за редким исключением к министру не попадали, а если такое и случалось, то дальнейшая работа над ними шла уже без участия младших чинов. Но даже малейший признак того, что нашу бумагу министр видел, вызывал у молодых сотрудников если не восторг, то большое удовлетворение. Занимавшийся Нигерией товарищ с гордостью показывал вернувшийся из секретариата министра материал к возможной встрече с министром иностранных дел этой страны в ходе Генеральной Ассамблеи ООН, на котором синим карандашом рукой министра были поставлены инициалы АГ.

Поэтому звонок помощника министра с предложением встретиться был для меня полной неожиданностью. Первый разговор был самым общим – кто, что, чем занимаетесь, какие планы на будущее, какая семья, чем увлекаетесь. Помощник министра внимательно расспрашивал, умею ли писать, в подготовке каких бумаг участвовал в посольстве и в отделе, есть ли публикации. Были и менее формальные вопросы, вроде сколько можете выпить и какие напитки предпочитаете. Через пару недель новая встреча, потом еще одна

Крылов Сергей Борисович – Чрезвычайный и Полномочный Посол.

и, наконец, предложение перейти на работу в секретариат. Было сказано, что одной из обязанностей будет участие в подготовке проектов выступлений министра на протокольных мероприятиях. О должности речь не шла, но пока проходили собеседования, я поднялся в отделе на следующую ступеньку – второго секретаря. А затем несколько недель мучительного ожидания, когда же мне выходить на новое место. Уже потом мне сказали, что на собеседования приглашался 21 молодой сотрудник Министерства; затянувшаяся пауза была связана с тем, что готовилась встреча Л.И. Брежнева с Дж. Картером в Вене и вводить в это время в секретариат нового сотрудника было не ко времени.

В секретариате я начал работать в конце июня 1979 г. Первое, что меня удивило, – полная открытость внутри и обособленность от внутриминистерского мира. Если в отделе все строго имели доступ только к документам по своему направлению, то здесь мне с самого начала было сказано, что никаких ограничений не то что нет, а более того, надо знать все имеющиеся в секретариате бумаги, вплоть до материалов Политбюро. Единственное правило – положи на то место, откуда взял, поскольку порядок складывался годами и любое его нарушение приведет к тому, что нужный документ, когда он понадобится, может сразу и не найтись. Никаких личных служебных портфелей для хранения находящихся в работе документов, которые полагалось, как это было в отделе, уходя с работы сдавать на хранение. Здесь все было открыто, и, приходя на работу, все начинали день со знакомства с теми документами, которые появились за время их отсутствия. Поскольку работа в секретариате велась круглосуточно (по вечерам и ночью, конечно, менее интенсивно), то и сотрудники работали посменно. Старший помощник присутствовал на работе каждый день, но только в то время, когда министр был на службе. Трое сотрудников (на внутреннем жаргоне «телеграфисты»), которые занимались главным образом телеграммами, работали посменно в суточном режиме. Остальные, а всего в секретариате было 10 дипломатов и пять канцелярских сотрудниц, работали через день, приезжая часам к восьми утра и оставаясь столько, сколько было нужно. Редко когда удавалось уехать раньше 10–11 вечера. В выходные и праздничные дни порядок не менялся.

Работа секретариата, естественно, была построена исходя из интересов, привычек и удобства министра. К его приезду – ровно без пяти девять он входил в кабинет – все документы уже на столе, встречающий его в кабинете сотрудник, обычно младший, готов коротко сказать о звонках или о тех, кто просит о встрече.

Документы на столе разложены в раз и навсегда заведенном порядке, исходя из срочности и важности. В центре стопкой несколько папок. Сверху – материалы Политбюро. Решения, принятые по предложениям МИДа, с предлагаемым списком тех заместителей министра и руководителей отделов, которых нужно с ними ознакомить. Затем так называемые «голосовки», т.е. документы, по которым А.А. Громыко как член Политбюро должен высказать свое мнение. Эти материалы предварительно обрабатывались в се-

кретариате – к каждому делалось краткое резюме, позволявшее экономить время, а на те, которые уже были одобрены Секретариатом ЦК, вешался уголок со стандартным текстом «Представлено Секретариатом ЦК», можно проголосовать «за». Формально только старший помощник министра был одновременно его помощником по делам, связанным с его членством в Политбюро (это оформлялось специальным решением Секретариата ЦК), но на деле этими документами занимались все.

По моим впечатлениям, много времени на работу с этими бумагами министр не тратил, поскольку большинство их касались внутренних дел, прежде всего экономических, и он полагался на мнение соответствующих ведомств. К тому же все они проходили предварительный анализ в отделах ЦК. Чуть внимательнее министр смотрел на предложения о награждениях и, если встречал знакомую фамилию, то поручал подготовить поздравление от его имени. Но только тем, кого он либо сам хорошо знал, либо считал нужным сделать это исходя из кастовых или иерархических соображений. Такое поручение он однажды дал мне, увидев среди бумаг, которые я привез ему на дачу, предложение о награждении орденом человека со знакомой ему фамилией. А когда я спросил, где он мог познакомиться с этим человеком – трактористом одного из колхозов, он ответил, что подумал об одном из членов Академии наук, а раз это не он, то и поздравлять не нужно.

За бумагами Политбюро шла папка с телеграммами из посольств или присланных «соседями» – политической или военной разведкой. В секретариат поступали абсолютно все телеграммы из посольств. В то время – более 250 тысяч в год. Естественно, министр не мог, да и не должен был читать их все. Отбор делали сотрудники секретариата, те самые «телеграфисты», а окончательную селекцию – старший помощник. Телеграммы тоже раскладывались в определенном порядке. Сначала так называемые черновики, т.е. телеграммы, вызывающие определенные затруднения, поскольку в них содержалась особо чувствительная информация и неясно, кому их направлять. В эту же категорию попадали и материалы, которые были подготовлены для рассылки членам и кандидатам в члены Политбюро, но пока не направлены, поскольку отмашку на это должен был дать сам министр. Затем в папку ложились депеши из Вашингтона, Нью-Йорка, европейских столиц – прежде всего, Парижа, Лондона и Бонна, ближневосточных и азиатских – Пекина, Дели и Токио. Обязательно присутствовали наиболее важные сообщения о положении в Афганистане и вокруг него, а также сообщения от наших делегаций в Мадриде, Вене и Стокгольме.

Материалы посольств в африканских и латиноамериканских странах доходили до министра не часто, если только они не касались чувствительных для нас вопросов, например, действий тех же американцев. Пусть и косвенно, но этот порядок отражал приоритеты нашей тогдашней политики.

За тем, как идут дела в восточноевропейских странах, официально числившихся в ближайших друзьях, министр пристально не следил, считая, что первую скрипку в этом МИД не играет. Это была как бы прерогатива ЦК.

Но вместе с тем он говорил, что МИДу приходится заниматься и вопросами международного коммунистического движения, что ЦК все время ставит вопрос о том, как послы поддерживают связь с братскими партиями. Подчеркивал, что фраза, сказанная послом, произносится от имени ЦК.

Исключением, пожалуй, была ГДР. Думаю, что вызвано это было не столько тем, что ГДР считалась самим верным союзником, где к тому же была размещена самая мощная группировка наших войск, сколько, видимо, давно сформировавшимся у министра чувством недоверия к немцам. Не случайно, как-то, говоря о послах, он сказал, что в Германию «абы кого не пошлешь, с немцами всяко может статься». За «немецкими» делами он тщательно присматривал. 3-й Европейский отдел, в чье ведение входили обе Германии и выделенный в отдельный реферат Западный Берлин, единственный в Министерстве напрямую подчинялся министру. Конечно, текущие дела замыкались на одном из заместителей, но общую политическую линию А.А. Громыко твердо определял сам.

Но, как только в какой-то из восточноевропейских стран назревало что-то необычное, появлялись признаки своеволия, внимание министра к этому направлению повышалось. Так, в начале 1980-х советское руководство с большой озабоченностью следило за положением в Польше. И министр уделял этому много внимания, в его кабинете регулярно стали появляться полонисты, как мидовские, так и из других ведомств; в какой-то момент он долго говорил со специально вызванным из Польши в Москву главнокомандующим Объединенными вооруженными силами государств – участников Варшавского Договора маршалом В.Г. Куликовым, чья ставка размещалась в Польше. Незадолго до прихода к власти в Польше В. Ярузельского и введения там военного положения министр летал в Варшаву для последнего, как потом выяснилось, неудачного разговора с тогдашним главой ПОРП С. Каней. Разместили нас в варшавском аналоге особняков на московских Воробьевых горах. Сразу после прилета и до позднего вечера проходили переговоры и встречи министра с различными деятелями, а утром второго дня в резиденцию к А.А. Громыко приехал Каня. Беседовали они, прогуливаясь по территории этих особняков. Мы шли следом, но на некотором расстоянии и самого разговора не слышали. Вдруг министр повернулся к нам, спросил у начальника своей охраны, готов ли самолет, и громко, так что все и прежде всего Каня и те, кто был с ним, услышали: «Летим домой, нам здесь больше говорить не о чем и не с кем». Те, кто успел схватить свои манатки и прыгнуть в машину, вернулся с министром в Москву, те же кто, зная, что возвращение запланировано на вторую половину дня и не будучи задействованы в переговорах, отъехали по своим делам, возвращались домой, как могли.

В правой части огромного письменного стола раскладывались – в зависимости от важности и срочности – мидовские документы. Вот над ними министр всегда работал очень тщательно, оттачивая формулировки, добиваясь полной четкости. Нередко вызывал к себе своего первого заместителя Г.М. Корниенко, прекрасно владевшего не только американским или разору-

женческим направлениями, за которые и отвечал в первую очередь, но и вообще всеми нюансами нашей внешней политики. Другим его, если можно так выразиться, спарринг-партнером по отработке документов был А.Г. Ковалев – либерал по взглядам и один из самых талантливых людей в МИДе того времени (недаром он в 48 лет, возраст по тем временам почти младенческий, стал заместителем министра), ведший европейское направление, но зачастую выступавший советником и по другим вопросам.

Здесь, наверное, самое время сказать о круге общения министра внутри Министерства. То ли в силу многолетней привычки, то ли исходя из иерархической структуры ведомства, но он был весьма узок. Регулярных совещаний с заместителями для обзора текущих дел не практиковалось. Многие замы неделями могли не видеть министра, если только какой-либо из их вопросов не «цеплял» его. Кроме уже упомянутых Корниенко и Ковалева, лишь несколько заведующих отделами вызывались к министру, да и то, как правило, вместе с кем-то из них. Были, конечно, исключения, но в целом почти никто, например, из послов, за все время командировки не имел возможности обсудить свои проблемы с министром. Причина, скорее всего, и в сформировавшейся еще в 1940-е годы привычке не выходить за очерченный, причем даже не всегда им самим, все более сужавшийся круг посвященных, и в постоянной погруженности в дела, и в постепенно накапливавшейся с годами усталости, и в граничившем с аскетизмом самоограничении во всем. По имени отчеству Андрей Андреевич обращался только к Г.М. Корниенко, ко всем остальным, даже к тем, с кем работал не один десяток лет, только по фамилии. Но это касается контактов и общения внутри Министерства, т.е. на Смоленской площади. Несколько другое дело дома. Нечасто, но некоторых послов (и не только) министр к себе приглашал. А при выездах на Генеральную Ассамблею ООН в Нью-Йорк для ближнего круга сопровождающих, вне зависимости от чинов, устраивались общие завтраки и ужины, на которые все, кто мог, собирались в определенное время и рассаживались за общим длинным прямоугольным столом где кому удобно, оставляя, естественно, места в центре для министра и его супруги, посла в США А.Ф. Добрынина, Г.М. Корниенко и постпреда О.А. Трояновского. И тут министр позволял себе немного отойти от привычки всегда быть на людях в костюме и при галстуке. Пиджак заменялся на легкую, спортивного покроя куртку.

Вообще же к новым лицам в своем окружении он привыкал долго, много времени, встречая их, как-то настороженно присматривался, как бы задавая сам себе вопрос: «А кто это, и почему он вдруг появился рядом?» Я почувствовал, что он начал меня распознавать месяцев через шесть после того, как я появился в его секретариате, хотя каждый свой рабочий день я появлялся в его кабинете и несколько раз приезжал с документами к нему на дачу в выходные дни. Случилось это, когда я, увидев у него дома в стопке лежавших на столике журналов свежий номер «Нового мира», сказал, что в нем есть интересная публикация о том, что В.И. Ленин не видел ничего страшного в том, что на Первом съезде Советов остался в меньшинстве. А дальше я не нашел

ничего лучшего, как спросить, что бы могло быть, если бы ему не удалось переломить ситуацию в свою пользу. Министр почему-то счел это с моей стороны крамолой и твердым тоном сказал: «Крылоу (у него всегда чувствовался белорусский акцент. – *Авт.*), запомните: судить всегда надо по результату, а не рассуждать, что могло бы быть». И, что было уже совершенно неожиданно, добавил: «Ваш дед, работая над Уставом ООН, всегда был четок в формулировках». Никак я не мог предположить, что он знал, что в его секретариате оказался внук человека, с которым он работал над созданием ООН.

Распорядок дня у министра был один и тот же. Ровно без пяти девять он входил в кабинет и почти всегда в шесть уезжал на дачу. Из Министерства выезжал на заседания Политбюро по четвергам (а они становились все короче), либо на переговоры, когда в Советский Союз приезжал кто-то из важных гостей. В то время визитов к нам было не много, не сравнить с годами перестройки, а тем более с теперешними временами. С иностранными послами практически не встречался, правда, кое-кому устраивал ланч в связи с отъездом. Был с ними любезен, для каждого находил добрые слова. Послу ФРГ, например, сказал, что он всегда будет желанным гостем в Советском Союзе, и пригласил в будущем проводить отпуск в нашей стране.

В рабочее время министр не терял ни минуты, постоянно занимаясь с бумагами или разговаривая с подчиненными. Но после короткого обеда минут на тридцать-сорок уходил в заднюю комнату и читал. Библиотека у него в кабинете была редкостная, подобранная им по своему вкусу. Много изданий еще довоенных, встречались и дореволюционные. Но не художественная литература, а историческая, мемуарная или документальная. Во время ночных дежурств нам удавалось заглядывать в эти книги. Помню очень интересный том многолетней переписки царского МИДа с посланниками и консулами. Причем не только по политическим делам, но и по бытовым. Об устройстве миссий, взаимоотношениях с представителями ведомств и служб и т.д. Многие оценки и выводы будто списаны из сегодняшней жизни наших посольств.

А вот «белый ТАСС», т.е. рассылавшиеся по особому списку руководству страны недоступные широкой публике и считавшиеся крамольными пронумерованные переводные издания иностранных авторов или наших так называемых диссидентов (Солженицына, Синявского, Григоренко, Гинзбурга и т.д.), министр не жаловал и вряд ли даже просматривал.

По мере того, как Советский Союз все больше увязал в Афганистане, а отношения с «западниками», прежде всего с американцами, становились напряженнее, нарастало и стало все чаще проявляться раздражение министра. Он стал меньше читать информации из Кабула, полагаясь, видимо, на ставшие регулярными обсуждения дел с Ю.В. Андроповым и Д.Ф. Устиновым или на мнение часто приезжавшего руководителя внешней разведки В.А. Крючкова. На каком-то этапе нам была передана его команда не класть в папку сводки военных о наших потерях. Что это было – защитная реакция, желание отсрочить хотя бы для самого себя неизбежное приближение времени,

когда придется признать ошибочность ранее принятых решений, или что-то иное? Правильный ответ теперь и не узнаешь. Но ведь не мог же А.А. Громыко, с его-то опытом и интуицией, с самого начала, когда еще только в самом узком кругу обсуждалось решение о вводе войск, не понимать, чем это все закончится. Изоляцией, санкциями, сокращением торговых отношений и притока валюты, перенапряжением экономики.

Его авторитет в том, что касается внешней политики, был непререкаем, а влияние на Л.И. Брежнева достаточно сильное. Тем более что делались квалифицированные прогнозы последствий, в том числе и в МИДе. Специально сформированная группа лучших мидовских аналитиков подготовила аналитическую записку на этот счет с целью не допустить грядущей катастрофы. Ходу ей министр не дал. Наверное, убедили его Д.Ф. Устинов, твердо стоявший на том, что, как он говорил, «надо американцам дать укорот», и поддерживавший его Ю.В. Андропов, который считал, что все обойдется, что речь идет прежде всего о безопасности страны. А.А. Громыко всегда считал и не уставал повторять, что ответственность за безопасность государства несут прежде всего военные, а отсюда и его согласие с тем, что оборонная политика имеет приоритет над внешней, а часто и над внутренней. Отсюда и убеждение, что только накопление все большего количества оружия сдерживает «западников», в первую очередь американцев. Министр был весьма подвержен мнению военных. А ведь и среди военных были твердые противники силового вмешательства в афганские дела. Последовательно отстаивавший свою точку зрения начальник Генерального штаба Н.В. Огарков впоследствии лишился за это должности.

Своеобразным подтверждением мысли о защитной реакции министра может быть и то, что он резко сократил встречи с группой своих советников. А они должны были располагать многими недоступными другим сведениями. При нем была такая группа как очень сильно уменьшившийся в размерах аналог когда-то существовавшего при МИДе Комитета информации. Основной задачей работавших там специалистов был сводный анализ информации, поступавшей от разных ведомств, прежде всего разведывательных. Работала эта группа совершенно обособленно от других подразделений Министерства и свои материалы докладывала только министру и тем, кому он скажет. Никаких письменных материалов от этой группы вовне не поступало.

Хотя А.А. Громыко почти три десятилетия был министром иностранных дел, что уже само означает быть на виду, по моим ощущениям, внутренне он не был публичным человеком. То ли по складу характера, то ли исходя из негласно действовавших правил держаться в тени первого лица, но внимание к себе сторонней публики ему, похоже, не нравилось. В день празднования его семидесятилетия, 18 июля 1979 года, когда в его кабинет потоком шли с поздравлениями министры, военачальники, академики и много другого народа, чувствовалось, что его коробит от громогласных здравиц и пожеланий. И вместе с тем было заметно, что порой он получал удовольствие от своих выступлений на расширенном партактиве или перед членами коллегии Ми-

нистерства. Говорил свободно, без бумажки, на память оперируя цифрами и безошибочно называя труднопроизносимые имена. Логично выстроенная речь легко воспринималась и потому, что каждая фраза была отточена, не допускала двоякого толкования, а в целом выступление должно было быть указанием к действию. Неспроста на коллегии, которая по идее должна была собираться для обсуждения наиболее важных проблем, т.е. где следовало высказывать различные мнения, дискуссий практически не возникало. Весьма показательно для того времени и то, как министр подвел итоги заседания, посвященного ФРГ. В заключительном слове он сказал, что этот вопрос поставлен не для принятия решений (они уже приняты), а для информации, для обогащения ваших знаний.

Министр сделал акцент на словах «решения уже приняты», т.е. он внушал, что собравшимся следует выполнять их, а не рассуждать. В этом тоже проявлялось его понимание того, где и кто принимает решения, а что должны делать дипломаты. Никакого своеволия. И наряду с этим, вот еще одно его наставление на коллегии, на это раз применительно к Франции. «С учетом целесообразности взвешенно предпринимать шаги по развитию двусторонних отношений. Всякие эмоции, оценки тех или иных деятелей, заявления не должны выпячиваться на первый план. Соблюдать хладнокровность, трезвость, взвешенность в оценках. Видеть разницу между заявлениями и действиями». Что это, если не призыв к самостоятельности, поощрение к действиям.

Внешне А.А. Громыко производил впечатление человека весьма сурового склада, но, по сути, он не был злым, есть много примеров того, что он снисходительно относился к человеческим слабостям и прощал людям их ошибки.

Природа и родители наделили А.А. Громыко недюжинным здоровьем и феноменальной памятью. Благодаря этому он терпеливо, часами вел переговоры, изматывая собеседников и добиваясь от них нужных уступок или согласия со сказанным им самим. Причем не используя никаких справок и домашних заготовок. В бумаги заглядывал, только если надо было точно привести технические характеристики на переговорах по разоруженческой тематике. И никаких импровизаций, лишь строгое следование той логике, которую он для себя определил.

Долгие годы он выдерживал огромные физические и эмоциональные нагрузки. Вел, можно сказать, аскетический образ жизни, никакого алкоголя и табака, умеренность в еде. Любил ходить и каждый вечер, в любую погоду, приехав на дачу, делал несколько кругов по восьмисотметровым проложенным по участку дорожкам. И все же к 1980-м годам стало чувствоваться, что сил поубавилось. Реже стали вечерние вызовы помощников, чтобы забрать отработанные документы (он всегда брал работу и домой) и привезти новую порцию. Уменьшилось и их число, которое он «пропускал» через себя. И хотя в дополнение к министерским обязанностям он на несколько лет стал первым заместителем главы советского правительства, на его нагрузке это практически не сказалось. Лишь раз в неделю он на пару часов заезжал в отведенный ему в Кремле кабинет.

Уменьшилось и число зарубежных поездок. И не только потому, что, после Афганистана страна оказалась в глухой изоляции, но и у него самого желания поубавилось. Упорно отбивался от предложений наседавших на него заместителей, убеждавших в необходимости того или иного визита. Но если соглашался, то продумывал все до мелочей. Тщательно сам следил за подбором подарков. Выбор, правда, был невелик – сервизы, картины, каслинское литье. А вот поездки в Нью-Йорк на Генеральную Ассамблею ООН по-прежнему доставляли ему удовольствие, там он чувствовал себя комфортно, несмотря на огромную нагрузку. Она была поистине нечеловеческой. Кроме выступления, а его текст достигал 25 машинописных страниц, несколько десятков встреч с коллегами-министрами и традиционный перелет в Вашингтон для беседы с американским президентом. Беседы, как правило, проводились в нашем представительстве. Готовились два помещения, и министр переходил из одного в другое, где его уже ждал очередной собеседник.

По возвращении в Москву министр с удовольствием отбирал для своего архива наиболее удачные из сделанных в ходе поездки фотографии. С этим связан один забавный эпизод. На одном из фото он был запечатлен в нашей миссии улыбающимся (такие редко встречались), пожимающим руку представительному джентльмену с большими черными усами. Никто из нас не мог вспомнить, кто же изображен рядом с министром, хотя всех его собеседников знали наперечет. Поскольку было понятно, что это кто-то из арабов, а среди них в тот год было несколько новых министров, показали фотографию заместителю заведующего Отделом Ближнего Востока, опытному арабисту, прекрасному знатоку региона. Вглядываясь в фотографию, тот комментировал изображение: «Нос вроде иракский, усы подстрижены как у сирийца, овал лица похож на йеменский. Не знаю, кто, надо показать ребятам в Отделе». В конце концов выяснилось, что это один из охранников министра, приехавшего на встречу с А.А. Громыко.

Известно, что А.А. Громыко многие годы был и главным редактором журнала «Международная жизнь». И к этим своим обязанностям относился, как и ко всем другим, более чем внимательно, тщательно просматривая и внося свои коррективы в подготовленные к очередному номеру материалы. Периодически проводил заседания редколлегии, а со своим заместителем по редакции обязательно встречался раз в месяц. Этот журнал в те годы был чуть ли не единственным изданием, ориентированным на освещение нашей практической внешней политики, и министр сам расставлял акценты, исходя из своего представления, о чем и как надо проинформировать читателей.

За пару лет до ухода из Министерства А.А. Громыко взялся за мемуары. Поначалу возвращался к ним лишь время от времени, но постепенно вошел во вкус и вызывал помощников на дачу, чтобы продиктовать очередной кусок. Каждый выходной день диктовал по памяти, цитируя различные документы, точные даты встреч, называя имена давно ушедших из политики людей и порой описывая интерьеры помещений, где с ними беседовал. В секретариате эти материалы расшифровывались, печатались, а затем министр

вносил нужные правки. Иногда приходилось перепроверять, в том числе и с помощью наших посольств, различные детали, о которых он упоминал. И лишь в редких случаях он не был точен, хотя говорил о событиях давно прошедших.

К сожалению, очень о многом министр не счел возможным сказать, и бывшие в его памяти бесценные подробности, которые могли бы передать атмосферу тех лет, мотивы и обстоятельства принятия тех или иных решений, его собственные характеристики людей, с кем ему приходилось иметь дело, так и остались неизвестными.

Много лет спустя, работая в Германии, я спросил бывшего министра иностранных дел этой страны Г-Д. Геншера о его впечатлениях об А.А. Громыко, с которым он многократно встречался. Ведь и он сам был министром иностранных дел (с 1982 по 1992 г.). Задумавшись, Геншер сказал, что А.А. Громыко был очень умным и в то же время хитрым человеком. Безоговорочно приверженным коммунистической идеологии, для достижения своих целей прибегавшим порой к угрозам и лести. Исполняя свои обязанности, он производил впечатление человека угрюмого, но на самом деле обладал великолепным чувством юмора. В силу своих знаний, опыта и авторитета он привык, что в Советском Союзе никто и никогда не говорил ему «нет», но ему импонировало, если кто-то в кои-то веки решался ему возразить. Наши встречи нередко сводились к тому, что каждый из нас упорно повторял свои позиции и никак не хотел согласиться с аргументами собеседника. Но при этом я чувствовал, что ваш министр внимательно прислушивался к тому, что я говорил и наверняка потом искал или чем подкрепить свои позиции, или в чем он может со мной согласиться. Но никогда сразу не шел мне навстречу, беря паузу до следующей нашей беседы. А закончил Геншер тем, что немцам повезло, что в переговорах об объединении Германии А.А. Громыко не участвовал, иначе они были бы намного более трудными и, скорее всего, завершились бы другим результатом.

Об Андрее Андреевиче как о человеке, его стиле работы, участии в разработке и реализации внешней политики страны, участии в важнейших международных встречах, решения которых определили роль и положение Советского Союза на годы вперед, написаны многие книги и статьи. Нет, наверное, ни одних мемуаров тех, кто работал под его началом, где ему не были бы посвящены целые страницы. У каждого из авторов осталось в памяти что-то свое, из чего и складывается школа Громыко.

Теперь другое время, у нас другая страна, мир кардинально изменился. Но многое из того, чем он сам руководствовался, что говорил в ходе обсуждений различных вопросов и совместной отработки документов подчиненным и чего он требовал от них, не потеряло актуальности и сегодня. Вот лишь несколько примеров того, что запомнил я сам либо услышал или узнал от старших коллег.

«Существует большой соблазн ругать Западную Германию. Здесь и история, и многое другое. Но даже при Аденауэре мы ориентировались на поиск

возможностей для оказания влияния, для сближения. Надо искать. Другой путь – не работать с ФРГ. Это будет не лучшее решение. Нам нужно иметь задел вариантов действий, вводить элементы планирования. Нужно больше выдумки, не действовать по трафарету, искать, нет ли чего-либо неиспользованного». Сказано более пятидесяти лет назад, но в отношении некоторых сегодняшних партнеров звучит как прямое руководство к действию.

О работе дипломата над собой: «Нет должного уважения к фактической стороне дела, иногда не видно внимания к конкретному материалу. Молодые сотрудники не менее способны, но менее опытны. У некоторых молодых сотрудников есть тяга к протоколу, к внешней стороне. У иного, глядишь, на галстуке все цвета радуги, а в голове тусклые мысли. Необходимо сочетать специализацию по стране с расширением диапазона (знаний. – *Авт.*) дипломатического работника по международным проблемам. Бывает так, что работник много лет специализируется по одной стране и его трудно продвигать. Надо переводить работника из одной группы стран на другую, здесь ничего плохого нет. Организационная работа всегда бросается в глаза, а вот работа по повышению квалификации в глаза не бросается, но именно она важна. Индивидуальная работа – главное для дипработника любого ранга».

«Знание иностранного языка – часть работы. Лучше один язык знать хорошо, чем два плохо».

«Нам нужны не середнячки, а хорошие работники. Сумма знаний, память – все это различно у каждого. Может быть разная степень знания деталей и проблем. Но должно быть знание сути. Главное – работать над собой, иначе нельзя угнаться за событиями».

«В дипломатической деятельности нет черновой работы. Ленин сам писал дипломатические документы – он не считал это черновой работой. А сейчас некоторые послы считают, что изучение черновых материалов – не его дело, его же дело – получить выжимку. Надо воспитывать уважение к фактическому материалу, к изучению источников, к тому, что помогает делать выводы. А некоторые видят свою задачу в том, чтобы произвести внешний эффект. Не следует использовать залихватские формулировки».

В секретариате Андрея Андреевича сотрудники работали по многу лет. Значительно дольше, чем те, кто между командировками работал в других подразделениях Министерства. Конечно, каждому время от времени поступали предложения сменить направление работы. Но требовалось и согласие министра. Был однажды такой случай и у меня. Выждав подходящий момент, я спросил его мнения, не пора ли мне поехать в посольство. Открывалась вакансия в Париже, и посол был согласен принять меня. Министр встал из-за стола, походил по кабинету и спросил: «Крылоу, а разве здесь вам плохо?» Вопрос отпал сам собой.

Но рано или поздно все заканчивается. В Министерстве сменился руководитель, и постепенно сменились и сотрудники секретариата. Но никто не затерялся в МИДе. Не случайно из прошедших школу «гнезда Громыкинского» двое впоследствии сами стали министрами, двое – заместителями министра,

многие вышли в послы в таких странах, как США, Англия, Германия, Норвегия, Индия и ряде других.

Принятое на Пленуме ЦК решение о том, что А.А. Громыко уходит с поста министра и становится Председателем Президиума Верховного Совета разнеслось по Москве еще до того, как об этом было официально объявлено. По завершении на следующий день работы Пленума министр приехал на Смоленскую площадь. Был день моего дежурства, и, как обычно, я встретил его в кабинете. Поздоровался, не знал, что еще можно сказать. Никогда раньше я не видел министра таким несколько растерянным, расстроенным, не знавшим, что делать. В кресло он не сел, оставшись стоять у угла стола, за которым провел столько лет… Помолчал, спросил, где Макаров (старший помощник), а затем сказал, что уезжает. Я сообщил, что на месте все его заместители и руководители отделов и все его ждут. Задумавшись, он спросил, как быстро члены коллегии могут собраться (о заведующих отделами, не входящих в коллегию, не упомянул). Я ответил, что минут за пятнадцать. (Еще утром мы условились с тогдашним генеральным секретарем Министерства Ю.Е. Фокиным о том, чтобы все были наготове.) Андрей Андреевич еще раз сказал, что уезжает и времени у него немного.

В зале коллегии быстро собрались те, кого мы обзвонили. Громыко стоя попрощался, сказал всем спасибо и, не заходя в кабинет, пошел к лифту. Впервые за все годы я спустился с ним до машины. Садясь в нее, он сказал: «Помогайте новому министру». Столь короткое прощание объяснялось, на мой взгляд, его внутренним состоянием.

…Из кабинета в МИДе А.А. Громыко ничего не забрал. Но там и не было никаких его личных вещей. Только пара небольших гантелей и старенькая удобная шерстяная кофта, которую он надевал, когда работал.

Кутовой Е.Г.

«Легкой дороги история нам не дала»

Наше обращение к светлой памяти Андрея Андреевича Громыко, обсуждение его феноменальных подходов к использованию дипломатии в интересах Советского государства, несомненная роль в подготовке дипломатических кадров нашей страны весьма закономерны. Они уходят в первую половину прошлого столетия, когда молодой человек начинает работать учителем в деревенской школе, становится директором школы, учится в техникуме в Борисове, а затем в Минском экономическом институте.

С конца 1934 г. он приезжает в Москву, где продолжает свое образование в Институте экономики АН СССР, успешно защищает кандидатскую диссертацию по проблемам экономики в сельском хозяйстве, становится кандидатом экономических наук. Громыко проявляет большой интерес к научной деятельности. В журналах страны появляются его первые научные статьи.

После масштабных кадровых чисток в конце 30-х годов в Народном Комиссариате иностранных дел (НКИД) Советского Союза начинает ощущаться острейший недостаток дипломатических сотрудников. В январе 1939 г. нарком М.М. Литвинов докладывал И.В. Сталину, что в НКИДе имелось 10 вакансий полпредов, 9 советников, 22 секретарей, 30 консулов и вице-консулов, 46 других политических работников полпредств. В Наркомате иностранных дел были проведены значительные серьезные структурные и кадровые изменения. Партийная Комиссия по отбору молодых кадров для советского дипломатического ведомства, которую возглавлял председатель Совнаркома СССР В.М. Молотов, назначенный в мае 1939 г. также наркомом по иностранным делам, утверждает кандидатуру А.А. Громыко и направляет его на работу в НКИД. В неполные 30 лет ему поручается заведовать одним из вновь созданных отделов НКИДа – Отделом США.

Через несколько месяцев Сталин лично, но, очевидно, по рекомендации В.М. Молотова, назначает А.А. Громыко советником советского посольства в США. При назначении на этот пост Андрей Андреевич признает, отвечая на соответствующий вопрос, что пока испытывает определенные трудности с английским языком, хотя начал изучать этот язык в институте. Сталин сове-

---

Кутовой Евгений Георгиевич – Чрезвычайный и Полномочный Посол.

тует ему – для дальнейшего совершенствования английского языка – ходить в американские церкви и слушать там проповеди священников, которые говорят на понятном народу языке, выражают его повседневные нужды и заботы, а значит, и «общие внутриполитические настроения в стране».

На мировом дипломатическом небосклоне XX столетия профессиональная звезда А.А. Громыко вспыхнула ярко именно в годы начавшейся Второй мировой войны. В течение первых четырех лет (1939–1943) в сложной международной обстановке Андрей Андреевич с успехом исполняет функции советника и советника-посланника посольства в Вашингтоне, многое сделав для обеспечения военно-стратегических интересов СССР и выполнения американской стороной своих союзнических обязательств.

В августе 1943 г. А.А. Громыко был назначен Чрезвычайным и Полномочным Послом Советского Союза в США (а по совместительству и посланником на Кубу). Он активно участвует в решении ответственнейших внешнеполитических задач, которые поручались ему руководством нашего государства. Этому содействует установление им доверительных отношений с ведущими представителями американской политической элиты: в первую очередь с президентом Ф.Д. Рузвельтом, личным представителем президента Гарри Гопкинсом, с государственным секретарем К. Хэллом, военным министром Г. Стимсоном, а также деловых контактов с руководящим составом Государственного департамента, ведущими членами сената и палаты представителей Конгресса США.

В переговорах и деловых встречах А.А. Громыко уверенно занимает позиции, отвечающие советским государственным интересам, сплочению антигитлеровской коалиции. Его отличают знание деталей и упорство в переговорах, которые он проводит на разных уровнях, и, по словам посла А.Ф. Добрынина, и его «природная осторожность и осмотрительность».

Надо сказать, президент Рузвельт вел с А.А. Громыко доверительные беседы не только как с представителем Советского государства, но и лично И.В. Сталина. Многие годы спустя сам Андрей Андреевич напишет в своих мемуарах о роли и действиях американского президента в годы войны: «То, что Рузвельт сумел в период войны немало сделать для укрепления доверия между Вашингтоном и Москвой, сознавал и ценил гигантский, по его определению, вклад СССР в битву с фашизмом, причем не боясь об этом сказать открыто, лишь подчеркивает его реализм как политического деятеля»[1].

Обширная часть многосторонней дипломатической работы Андрея Андреевича была самым тесным образом связана с созданием и последующей деятельностью международной организации – ООН. В августе-октябре 1944 г. советская делегация, возглавляемая послом А.А. Громыко, активно участвовала в разработке проекта Устава ООН. Она проводилась на конференции в предместье Вашингтона – Думбартон-Оксе, в которой участвовали также представители трех других держав: США, Англии, Китая. На конференции не удалось прийти к договоренностям о порядке голосования в Совете Безо-

[1] *Громыко А.А.* Памятное. Новые горизонты. Кн. 1. М., 2015. С. 87.

пасности и о составе первоначальных членов будущей международной организации. Договориться на этот счет удалось на Ялтинском совещании глав трех великих держав – СССР, США и Великобритании, прошедшем в феврале 1945 г.

На конференции представителей 50 государств в Сан-Франциско в апреле-июне 1945 г. по выработке Устава Организации Объединенных Наций советскую делегацию, состоявшую из наших видных дипломатов, ученых и военных (после непродолжительного руководства ею министром В.М. Молотовым), вновь возглавил посол А.А. Громыко. Он активно использовал свои деловые контакты и беседы с главами делегаций ведущих государств для последовательного отражения в основном документе политических интересов СССР и принципиально важных для нашей страны формулировок.

На конференции был окончательно согласован, утвержден и подписан главами делегаций государств текст Устава Всемирной Организации, призванной «избавить грядущие поколения от бедствий войны». От имени Советского Союза Устав ООН был подписан А.А. Громыко. В 1946–1948 гг. его назначают первым Постоянным представителем Советского Союза в ООН. Он последовательно отстаивает в Совете Безопасности ООН жизненно важные интересы нашей страны, используя, когда это требовалось, предусмотренное Уставом Организации право «вето». Впоследствии он был главой делегации нашего государства на 22 сессиях Генеральной Ассамблеи ООН.

Следующим этапом большого дипломатического пути Андрея Андреевича были ответственные посты в Москве – заместителя и первого заместителя министра иностранных дел СССР. Затем последовало его назначение послом в Великобританию (1952–1953). После смерти Сталина его возвращают в Москву на пост первого заместителя министра иностранных дел СССР.

В феврале 1957 г. А.А. Громыко назначают на высший пост в дипломатическом ведомстве нашей страны – министра иностранных дел СССР как специалиста, имевшего обширнейший опыт ответственной работы на дипломатической ниве, в том числе за рубежом – в ведущем государстве Запада – Соединенных Штатах, и как человека, обладавшего высокими духовными дарованиями. За 28 лет, когда он руководил Министерством, МИД и Громыко внесли на рассмотрение мирового сообщества большое число предложений для решения актуальных международных проблем и острых конфликтных ситуаций.

В июле 1985 г. А.А. Громыко избирается Председателем Президиума Верховного Совета СССР и остается на этом посту до осени 1988 г., когда, по его просьбе, он освобождается от государственных и партийных постов.

Вот такой долгий, но очень интересный дипломатический путь проделал молодой человек – Андрей Громыко из белорусской глубинки, деревни Старые Громыки Ветковского района, что на Гомельщине.

Без малого три десятилетия Андрей Андреевич последовательно осуществлял руководство активной внешней политикой и дипломатией Советского Союза. Это был непростой период, когда в стране происходила смена обшир-

ного круга высших руководителей страны: Н.С. Хрущева, Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, К.У. Черненко, М.С. Горбачева. Каждый из них имел определенные предпочтения во внешней политике и дипломатии нашего государства, стремился решать актуальные задачи, выходившие, на его взгляд, на мировой арене на первый план. Это были годы, когда и в СССР, и в международной обстановке происходили масштабные перемены, которые вели к существенному стиранию граней между внутренней и внешней политикой, к выдвижению новых задач перед советской дипломатией.

Несомненно, Андрей Андреевич Громыко был одной из самых ярких величин на мировом дипломатическом небосклоне прошлого столетия. С его именем неразрывно связано развитие международных отношений во второй половине прошлого века, причем в мировую историю этот этап вошел как эпоха относительной стабильности, в формирование которой Андрей Андреевич внес свой личный, весьма ощутимый вклад.

Дипломатический талант Громыко был достойно отмечен за рубежом, в государствах-союзниках СССР в годы Второй мировой войны, а также в послевоенный период. В августе 1947 г. американский журнал «Тайм» отмечал: «Как постоянный представитель Советского Союза в Совете Безопасности ООН Громыко делает свою работу на уровне умопомрачительной компетентности». А лондонская газета «Таймс» писала в 1981 г. об А.А. Громыко: «Человек с прекрасной памятью, проницательным умом и необычайной выносливостью…Возможно, он является самым информированным министром иностранных дел в мире».

Несомненно весомой была оценка дипломатической деятельности А.А. Громыко бывшим госсекретарем США Вэнсом: «В современном мире мало кто может с ним сравниться. В дипломатии он скрупулезный профессиональный практик, это человек величайших способностей и высокого интеллекта, обладающий и всеми другими чертами государственного деятеля». По словам другого американского госсекретаря Г. Киссинджера, Громыко «скорее делал ставку на большое мастерство, терпение и дисциплину и никогда не приступал к переговорам без того, чтобы не ознакомиться со всеми деталями вопроса».

В июле 1986 г. как сотруднику Постоянного Представительства СССР при ООН мне довелось участвовать в Нью-Йорке в похоронах 94-летнего Уильяма Аверелла Гарримана. В сентябре 1941 г. тот возглавлял делегацию США на Московском совещании представителей СССР, США и Британской империи; в 1941–1943 гг. был специальным представителем президента США в Великобритании и СССР, в 1943–1946 гг. – послом США в СССР. В последующем Гарриман был министром торговли США, координатором «плана Маршалла», зам. госсекретаря США и т.д.

В состоявшейся после официальной части похорон беседе в узком кругу с участием двух дочерей Гарримана и нескольких ветеранов Госдепартамента со стороны американцев прозвучали теплые слова в адрес Андрея Андреевича как прекрасного советского дипломата и посла, с которым они поддерживали контакты в Вашингтоне.

К своей мировой славе «дипломата номер один» А.А. Громыко шел по весьма сложной тропе профессионального дипломатического труда, в рамках которого формировалась его политическая философия, состоявшая в том, чтобы твердо и последовательно отстаивать национальные интересы Советского Союза в ходе самых сложных переговоров. «Дипломатия, – говорил он своему сыну Анатолию, – это средство достижения внешнеполитических целей».

В обстановке холодной войны, когда идеи мирного послевоенного сотрудничества СССР с западными державами начали тормозиться с их стороны, советской дипломатии приходилось неоднократно выступать против предложений этих держав, направленных на внедрение в систему международных отношений порядков, отвечавших интересам Вашингтона и его союзников. В такой обстановке с советской стороны твердо заявлялось «нет», что парировало выпады со стороны США и их союзников. В странах Запада у А.А. Громыко укоренилась характеристика как «мистера Нет». Но сам Андрей Андреевич прямо сказал: «Мои "нет" они слышали гораздо реже, чем я их "ноу"». «Ведь мы, – подчеркивал он, – выдвигали гораздо больше предложений».

А.А. Громыко считал, что одной из особенностей современной дипломатической деятельности, и при этом очень важной, является то, что она окружена тайной и стремится не раскрывать свои подлинные цели, которые сводятся к расширению влияния своего государства, формированию его стратегических позиций и т.д. Он был склонен к реальной оценке мировой обстановки и соотношения сил на мировой арене. «Дипломатия, – убеждал А.А. Громыко своего сына Анатолия, – очень трудная наука и одновременно это искусство». «Дипломат в любом возрасте, – говорил он, – должен уметь быть бойцом, выступать в пользу своего народа».

Сам А.А. Громыко участвовал в таких фундаментальных дипломатических форумах, как Ялтинская и Потсдамская конференции «большой тройки», в двусторонних переговорах первых лиц государств – победителей германского нацизма, итальянского фашизма и японского милитаризма. Он вращался в разные годы, но в одном большом кругу с Рузвельтом, Сталиным, Черчиллем, Трумэном, Эйзенхауэром, де Голлем. И это делало его уникальным министром иностранных дел, наделяло способностью вести самые ответственные дипломатические переговоры как важное средство достижения конкретных целей.

А.А. Громыко вел переговоры с министрами иностранных дел по широчайшему кругу актуальных внешнеполитических проблем, последовательно руководствуясь сформулированными им самим рекомендациями, которые называл «золотыми правилами» дипломатической работы:

- абсолютно недопустимо сразу раскрывать другой стороне все карты, хотеть решить проблему одним махом;
- нельзя позволять манипулировать собой ни с помощью грубых, ни изощренных средств. Американцы знали, что на него давить бесполезно;
- для успеха во внешней политике нужна реальная оценка обстановки и еще более важно, чтобы эта реальность никуда не исчезла;

— самое трудное – закрепление реального положения дипломатическими договоренностями, международно-правовое оформление компромисса;
— постоянная борьба за инициативу. В дипломатии инициатива – лучший способ защиты государственных интересов.

В беседах с советскими дипломатами он подчеркивал важность убеждать на переговорах партнера, необходимость слышать не только самого себя, но и собеседника, вникать в существо его аргументации, в используемые им методы, аргументы, технические средства. Вместе с тем А.А. Громыко считал, что советский дипломат должен уметь в необходимых случаях давать отпор западному партнеру по переговорам, иначе он не сможет выполнить свой долг.

Понимая всю глубину и сложность дипломатических переговоров и неизбежность возникающих противоречий и разногласий, Андрей Андреевич выступал за проявление на переговорах терпеливости, считая, что если каждый из участников пройдет свою половину пути, то постепенно они найдут понимание позиций друг друга и достигнут договоренности.

Обладая обширнейшим опытом общения с зарубежными дипломатами в международных переговорах, А.А. Громыко настраивал наших дипломатических работников избегать на переговорах ненужной конфронтации, направлял их на постоянный поиск позитивных нюансов, способствующих отходу мира от опасного балансирования на грани ядерной катастрофы.

Приступая к дипломатическим переговорам, А.А. Громыко загодя достаточно цепко оценивал будущий ход переговоров и, конечно же, перспективы достижения компромиссных договоренностей, используя в этих целях отработанные дипломатические и технические приемы, усилия участников. Знакомясь с методами ведения им переговоров, западные дипломатические деятели стали заявлять, будто советское Министерство иностранных дел берет их измором, вынуждая идти на односторонние уступки для достижения договоренности.

«Основная опасность, стоящая перед человечеством, – говорил А.А. Громыко, – как сохранить мир в условиях, когда великие научные открытия не только привели к увеличению возможностей для людей использовать свою силу на благо человечества, но, при определенных обстоятельствах, эти возможности могли бы быть использованы для беспрецедентного массового уничтожения людей». «Поэтому, – продолжал он, – лучше проводить дискуссии и спорить по проблемам, разделяющим государства, с целью поиска взаимоприемлемых решений, чем решать их с помощью силы». И главный его вывод: «Лучше обсуждать и спорить, стремясь к взаимопониманию, одновременно не позволяя себе вмешательства во внутренние дела друг друга… чем услышать грохот орудийных залпов, вой сирен, взрывы бомб, увидеть, как в пламени войны происходит массовое уничтожение людей и памятников их дел и духа».

Эти мысли Андрей Андреевич высказал в апреле 1956 г. Однако они сохраняют свою актуальность и сегодня, шесть десятилетий спустя, когда страны

НАТО проводят опасную политику балансирования на грани войны. В этой связи он считал, что вопрос о разоружении – это самый неконъюнктурный из всех вопросов, в нем преломляются наиболее важные классовые интересы.

В своем последнем опубликованном интервью Андрей Андреевич подчеркивал: «Все ядерные державы, а также все другие государства, все народы, все государственные деятели, каждый человек на Земле должны осознавать, что ядерное оружие должно быть уничтожено. Не может быть гарантирована безопасность…в мире, если оно будет существовать». «Если ядерное оружие выйдет из-под контроля в случае политических просчетов, нарочитых или не нарочитых, и будет применено (это. – *Авт.*), станет катаклизмом для всего мира».

В Комиссии ООН по атомной энергии в противовес американскому плану Баруха, рассчитанному на сохранение монополии США на ядерное оружие, советский представитель А.А. Громыко выступил за полное запрещение производства и применения ядерного оружия.

Как отмечалось Андреем Андреевичем в его последнем интервью, опубликованном в 2019 г. Ассоциацией внешнеполитических исследований имени А.А. Громыко по инициативе его внука Алексея Анатольевича Громыко, только в 1946–1947 гг. Советский Союз внес серию предложений, направленных на заключение ряда международных соглашений. Их цель состояла в том, чтобы «запретить производство и применение ядерного оружия, уничтожить запасы готового, а также находящегося в производстве такого оружия».

С самого начала А.А. Громыко ориентировал дипломатическую деятельность нашей страны на ведение переговоров с США по широкому кругу советско-американских отношений, отвечающих интересам обеих сторон. Особое значение он придавал переговорам с американцами, нацеленными на достижение ответственных договоренностей по ограничению наступательных ядерных вооружений, недопущению гонки вооружений в космическом пространстве. «Весь этот процесс равноценен, – подчеркивал Андрей Андреевич, – в процессе ограничения стратегического вооружения выигрывают одинаково и Советский Союз, и США». Поэтому он считал, что лучше проводить дискуссии и спорить по проблемам, разделяющим государства, с целью поиска взаимоприемлемых решений, чем решать их с помощью силы… Различные идеологические концепции не должны лишать людей перспективы находить совместные решения фундаментальных проблем сохранения мира и укрепления безопасности народов. «Легкой дороги история нам не дала. Если мы не будем сильны, нас сомнут, раздавят». «Свою цель, – говорил А.А. Громыко сыну, – я вижу в том, чтобы отвести от нашей страны войну».

Мне довелось работать в нашем посольстве в Вашингтоне в 1957–1960 гг. Запомнилось лето 1959 г., когда президентом США был Эйзенхауэр, а государственным секретарем – Джон Фостер Даллес, брат которого возглавлял ЦРУ. В те годы Джон Ф. Даллес в советских СМИ подавался как поджигатель войны номер один. Но вот он серьезно заболевает и умирает. Неожиданно в Вашингтон на похороны Даллеса с коллегами из Англии, Франции и США

из Женевы прилетает А.А. Громыко. Этот шаг был позитивно оценен американской стороной.

Выступая на встрече с дипломатическими сотрудниками советского посольства, наш министр подчеркнул важность налаживания отношений с США. Об этом он говорил 60 лет тому назад. Но решение этой задачи полностью сохраняет свою актуальность и в наши дни!

Мезга Н.Н.

Вступление Белорусской ССР в ООН и дипломатическая деятельность А.А. Громыко

Одним из важнейших событий в истории Белорусской ССР стало вступление республики в ООН в качестве одного из основателей этой организации. Для правительства СССР оказалось непростой задачей добиться согласия других государств антигитлеровской коалиции на членство советских республик, в частности, Белорусской, в международной организации безопасности. В деятельности советской дипломатии по созданию ООН, в том числе в решении вопроса о членстве в этой организации БССР, непосредственное и активное участие принимал А.А. Громыко как посол СССР в США и участник ряда международных конференций, на которых принимались решения, касающиеся будущей международной организации.

На Московской конференции министров иностранных дел в октябре 1943 г. вопрос о создании международной организации безопасности впервые обсуждался представителями трех ведущих государств антигитлеровской коалиции. Однако обсуждение носило самый общий характер, что и нашло отражение в пункте 7 Декларации по вопросу о всеобщей безопасности [1: 321–322]. На Тегеранской конференции по инициативе президента Ф. Рузвельта вновь обсуждался вопрос о создании международной организации по поддержанию мира. Но и в Тегеране по этому вопросу состоялся лишь общий обмен мнениями. Тем не менее вскоре после возвращения И.В. Сталина из Тегерана советское руководство поручило комиссии М.М. Литвинова заняться подготовкой конкретных предложений и рекомендаций, связанных с разработкой основных принципов деятельности намеченной союзниками международной организации безопасности. В ходе работы комиссии не обсуждался вопрос о членстве в ней союзных республик [2: 566]. Однако у советского правительства были весомые основания для постановки данного вопроса. В связи с созданием международной организации безопасности оно было обеспокоено тем, что СССР в ней мог оказаться в изоляции среди капиталистических стран. В качестве способа воспрепятствовать такому ходу событий Москва рассматривала членство в будущей организации советских

Мезга Николай Николаевич – доктор исторических наук, декан исторического факультета Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины.

союзных республик. Подготовка к постановке этого вопроса перед союзниками по антигитлеровской коалиции началась в 1943 г. 26 июля Москва попросила отдельное представительство для семи республик, в том числе и БССР, понесших наибольшие потери во время войны, в комиссии Объединенных Наций по военным преступлениям. Это было выяснение позиции союзников по антигитлеровской коалиции по вопросу признания советских республик субъектами международных отношений. Однако США и Великобритания отклонили советскую просьбу, мотивируя это тем, что у союзных республик нет конституционных полномочий на ведение внешнеполитической деятельности [3: 77]. Это побудило руководство СССР к тому, чтобы вернуть союзным республикам внешнеполитические полномочия, которые они передали союзному правительству при вступлении в СССР.

Юридической основой для возможного включения Советской Беларуси в состав международной организации по поддержанию мира стало принятие Верховным Советом СССР в феврале 1944 г. закона «О предоставлении союзным республикам полномочий в области внешних сношений и преобразовании в связи с этим Народного комиссариата иностранных дел из общесоюзного в союзно-республиканский Народный комиссариат». В выступлении перед депутатами Верховного Совета СССР 1 февраля 1944 г. нарком иностранных дел В.М. Молотов аргументировал необходимость преобразования Наркомата иностранных дел тем, что «имеется немало специфических хозяйственных и культурных нужд у союзных республик, которые не могут быть в полной мере охвачены общесоюзным представительством за границей» [4: 361]. Закон давал право союзным республикам вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами, заключать с ними соглашения и обмениваться дипломатическими и консульскими представительствами. Соответствующие изменения были внесены в союзную конституцию и конституции советских республик, в том числе и БССР. В марте 1944 г. сессия Верховного Совета БССР, проходившая в Гомеле, внесла в конституцию республики положение о праве БССР осуществлять внешнеполитическую деятельность. Там же было принято решение о создании Народного комиссариата иностранных дел БССР и Комиссии по иностранным делам в структуре Верховного Совета БССР [5: 174, 175].

В начале 1944 г. вопрос создания международной организации безопасности был актуализирован. 8 февраля посол СССР в США А.А. Громыко сообщил в Наркомат иностранных дел, что Госдепартамент инициирует начало работы по разработке планов создания международной организации по безопасности» [6: 32]. После этого начался предварительный обмен мнениями относительно структуры и функций будущей организации, в том числе и в Вашингтоне с участием советского посла. Из переписки того времени А.А. Громыко с НКИДом можно сделать вывод, что на этом этапе советское руководство не ставило вопрос перед своим американским союзником о членстве советских союзных республик в новой международной организации. Но в Москве велась подготовка к тому, чтобы озвучить это предложение уже на

самой конференции в Думбартон-Оксе. Как следует из «Директивы к переговорам о создании Международной организации безопасности», принятой СНК 9 августа и утвержденной Политбюро 10 августа, советская делегация должна была в соответствующий момент заявить о том, что в числе учредителей международной организации должны быть все союзные республики. Но при этом не следовало настаивать, чтобы данный вопрос был решен уже на конференции [3: 78]. В меморандуме советского правительства о международной организации безопасности от 12 августа было изложено положение, согласно которому членом организации могли стать государства, подписавшие Вашингтонскую Декларацию Объединенных Наций и присоединившиеся к ней [6: 97]. Это, в принципе, открывало путь для членства в Организации 16 союзным республикам СССР, хотя прямо об этих планах советского руководства в меморандуме не говорилось.

О намерении советского правительства сделать советские республики не просто членами ООН, а учредителями этой организации, США и Великобритания узнали уже на конференции в Думбартон-Оксе. 28 августа 1944 г. глава советской делегации А.А. Громыко в отчете в Москву об итогах прошедшего в тот же день заседания сообщил о внесенном им предложении, согласно которому в число первоначальных участников организации должны быть включены все советские республики. Это предложение было неожиданным для союзников, и главы американской и британской делегаций заявили, что они не готовы к обсуждению данного вопроса. Британский представитель А. Кадоган заметил, что в связи с советским предложением может возникнуть проблема международной легализации советских республик [6: 136].

В беседе А.А. Громыко с заместителем госсекретаря Э. Стеттиниусом 29 августа американский дипломат сам затронул вопрос о членстве советских республик в международной организации. Он сообщил мнение президента Ф. Рузвельта, который считал, что этот вопрос можно ставить только после того, как организация будет создана, и американский конгресс утвердит предложение правительства об участии в организации. После этого можно будет обсудить вопрос участия в организации советских республик [6: 141]. В ответ А.А. Громыко подчеркнул, что на данной стадии он ограничится лишь заявлением, что советская сторона считает само собой разумеющимся, «что в числе инициаторов создания организации должны быть все советские республики». Фактически это означало, что СССР пока не настаивает на детальном обсуждении данного вопроса. Однако, когда на следующий день на заседании конференции Э. Стеттиниус предложил включить указанное выше заявление А.А. Громыко в протокол, глава советской делегации это предложение отклонил [6: 141]. Советская сторона не хотела ограничивать свои возможности в плане постановки вопроса о членстве советских республик в международной организации. Таким образом, американцы и англичане на конференции в Думбартон-Оксе отказались поддержать идею о столь значительном расширении представительства СССР в будущей организации за счет включения в нее всех 16 советских республик

В послании, полученном И.В. Сталиным от американского президента 1 сентября 1944 г., говорилось о постановке советской делегацией на конференции в Думбартон-Оксе вопроса о членстве для каждой из 16 советских республик в новой международной организации. Президент США высказал обеспокоенность такой позицией советского правительства. Он подчеркнул, что она не может быть принята США и другими крупными странами. Тем самым, по мнению Ф. Рузвельта, создается опасность для реализации всего проекта по созданию международной организации. Он просил И.В. Сталина «успокоить меня на этот счет», предлагал отложить решение вопроса до созыва Ассамблеи новой организации [7: 157]. И.В. Сталин ответил на данное послание 7 сентября. Он подчеркнул, что придает «исключительно важное значение» вопросу о вхождении советских республик в состав Международной организации. При этом он ссылался на изменения в «Советской Конституции», в соответствии с которыми были расширены права союзных республик в области международных отношений. Глава советского правительства также указывал на то, что, «например, Украина и Белоруссия <…> по количеству населения и по политическому значению превосходят некоторые государства, в отношении которых все мы согласны, что они должны быть отнесены к числу инициаторов создания Международной организации» [7: 157–158]. 9 сентября 1944 г. в послании И.В. Сталину президент США сообщил о своей беседе с советским послом А.А. Громыко, во время которой обсуждался ход конференции в Думбартон-Оксе. В ходе ее центральным был вопрос о порядке голосования в Совете Безопасности, а проблема приглашения советских республик в качестве учредителей международной организации не затрагивалась [7: 158]. В письме от 14 сентября президенту Ф. Рузвельту глава советского правительства также концентрирует внимание на проблеме голосования в Совете Безопасности и не касается вопроса о членстве советских союзных республик в ООН [7: 159]. Фактически в первой половине сентября 1944 г. лидеры антигитлеровской коалиции временно сняли с повестки дня вопрос о членстве советских республик в международной организации. Сконцентрировались на других вопросах, связанных с созданием этой организации, более важных, по их мнению, таких, скажем, как порядок голосования в Совете Безопасности. В результате в предложениях, подготовленных на конференции Думбартон-Оксе, о членстве в организации говорится только в самой общей форме: «Членами организации могут быть все миролюбивые государства» [6: 215]. У. Черчилль писал, что на конференции в Думбартон-Оксе не было достигнуто никакого соглашения [8: 441]. С этим утверждением не согласен А.А. Громыко. В своих мемуарах глава советской делегации отмечал, что в Думбартон-Оксе было согласовано 90% всего того, что касалось создания ООН [9: 292].

С приближением Крымской конференции ведущие государства антигитлеровской коалиции снова стали более активно обсуждать вопрос о создании международной организации безопасности, в частности, приглашения в ее состав советских республик. Позиция западных государств оставалась не-

гативной. «Американцы и англичане возражают против нашего предложения о включении в число первоначальных членов наших советских республик, – писал накануне Крымской конференции М.М. Литвинов. – Они даже предлагали исключить из протоколов совещания в Думбартон-Оксе всякое упоминание о нашем предложении. Если снять наше предложение, то советские республики смогут лишь впоследствии, уже после выработки устава, подать заявления о вступлении в организацию. Поскольку новые члены будут приниматься Генеральной Ассамблеей большинством в две трети голосов и лишь по рекомендации Совета Безопасности, то можно заранее сказать, что за принятие их вряд ли выскажется установленное большинство в Совете Безопасности и Генеральной Ассамблее. Таким образом, советские республики (в лучшем случае за исключением некоторых из них) не только не будут первоначальными членами, но и вообще членами будущей организации» [2: 580]. Из этого заключения следует, что для Советского Союза было очень важно добиться, чтобы советские республики стали именно учредителями ООН вместе с другими государствами. Но для этого нужно было преодолеть сопротивление США и Великобритании.

5 декабря 1944 г. министерство иностранных дел Великобритании подготовило специальный меморандум, посвященный вопросу о членстве советских республик в будущей международной организации. В нем отмечалось, что с точки зрения британских интересов было бы лучше, если бы СССР имел в организации один голос. Но Великобритании трудно противоречить советским предложениям, так как она намерена добиваться места в организации для британских доминионов и Индии, а степень автономии советских республик во внешней политике выше, чем Индии. Высказывалось предложение оставить этот вопрос на рассмотрение СССР и США и принять тот вариант соглашения, который не исключал бы принятие Индии в организацию [10: 45–48].

В переписке между президентом США и главой советского правительства в декабре 1944 г. обсуждается тема создания международной организации, но не ставится вопрос о членстве в ней советских республик. Ф. Рузвельт в послании от 14 декабря, касаясь вопроса создания международной организации, пишет о порядке голосования в Совете Безопасности как наиболее важной проблеме [7:. 171–172]. И.В. Сталин в ответном послании от 26 декабря развивает ту же тему и не затрагивает вопрос о вступлении советских республик в ООН [7:. 176–177]. Только 10 января 1945 г. Ф. Рузвельт направил письмо И.В. Сталину, в котором сообщил, что на предстоящей конференции Объединенных Наций США поддержат принятие Украинской и Белорусской республик в состав этой организации. При этом американский президент высказывал опасения относительно возможной критики его внутри страны в связи с наличием у США лишь одного места. Поэтому он предлагал обсудить вопрос о предоставлении Соединенным Штатам дополнительных голосов в Ассамблее [7: 189].

К началу Крымской конференции советское руководство скорректировало свою позицию относительно вступления в ООН советских республик.

Москва отдавала себе отчет, что правительства США и Великобритании ни при каких обстоятельствах не могли допустить вступления в ООН всех 16 союзных республик. Поэтому к началу переговоров в Ялте СССР выдвинул новую более реалистичную инициативу, предусматривавшую признание трех или, по крайней мере, двух союзных республик в качестве членов-учредителей международной организации. К числу последних советское правительство предложило отнести Украину, Белоруссию и Литву как республики, понесшие колоссальные человеческие и материальные потери в борьбе против фашистских агрессоров и готовые в оперативном порядке подписать Декларацию Объединенных Наций [2: 580].

На Крымской конференции после того, как был урегулирован вопрос о голосовании в Совете Безопасности, ее участники перешли к вопросу об участии советских республик в ООН. На заседании 7 февраля В.М. Молотов поставил вопрос о членстве в ООН уже только трех, или, по крайней мере, двух советских республик. При этом он указал на изменения, которые были внесены в Конституцию СССР в феврале 1944 г. и открыли для союзных республик возможность заниматься внешнеполитической деятельностью. При этом советский нарком иностранных дел указал на то, что Украина, Беларусь и Литва понесли наибольшие жертвы в войне и были первыми территориями, на которые вторглись немцы. Взамен советская делегация выразила готовность пойти навстречу предложениям президента Ф. Рузвельта о порядке голосования в Совете Безопасности. Американский президент заявил, что вопрос о членстве в ООН советских республик связан с вопросом о том, будут ли великие державы иметь в международной организации больше одного голоса. У. Черчилль, заинтересованный в том, чтобы британские доминионы вошли в состав ООН, фактически поддержал советское предложение. Он отметил, что Россия, учитывая ее роль в войне, имеет право на то, чтобы иметь больше, чем один голос в ООН, и попросил Ф. Рузвельта поддержать вступление советских республик в организацию. Было принято решение передать вопрос на рассмотрение министров иностранных дел [11: 111–114].

На совещании министров иностранных дел было принято британское предложение, чтобы в повестке дня конференции в Сан-Франциско был поставлен вопрос о приглашении дополнительных членов, которые присутствовали бы затем на первом заседании международной организации [11: 123]. 8 февраля министры иностранных дел сообщили о результатах своей работы на пленарном заседании. Предлагалось включить две советские республики в число учредителей ООН, а рассмотрение деталей их приглашения на конференцию в Сан-Франциско поручить специальной комиссии [12: 156]. После этого возник вопрос, следует ли Беларуси и Украине подписывать Декларацию Объединенных Наций. Ф. Рузвельт высказался против подписания, но заверил И.В. Сталина, что данное обстоятельство не помешает приглашению советских республик в организацию. После этого глава советской делегации снял свое предложение [12: 160]. Таким образом, США и Великобритания одобрили допуск к первоначальному членству в ООН находив-

шихся в составе СССР Украины и Беларуси без подписания ими Декларации Объединенных Наций. При обсуждении заключительного коммюнике конференции И.В. Сталин предложил добавить в его текст абзац: «Было также решено рекомендовать конференции пригласить в качестве первоначальных членов международной организации безопасности Украину и Белоруссию» [12: 182]. В ответ Ф. Рузвельт заявил, что оглашение этого решения создало бы дополнительные внутриполитические затруднения в США и предложил ограничиться достигнутым соглашением, что американцы и англичане поддержат предложение о приглашении двух советских республик в качестве первоначальных членов ООН. У. Черчилль также предложил не включать в коммюнике пункт о приглашении советских республик на учредительную конференцию ООН, так как факт наличия у Советского Союза нескольких голосов в будущей международной организации может вызвать негативную реакцию британских доминионов. Столкнувшись с отрицательной позицией двух партнеров по переговорам, глава советского правительства снял свое предложение. В результате в коммюнике конференции не упоминалось о членстве Беларуси и Украины в ООН. Лишь в протоколах конференции, которые не обнародовались, содержалось положение, что на будущей учредительной конференции международной организации США и Великобритания «поддержат предложение о допуске к первоначальному членству двух Советских Социалистических Республик, а именно Украины и Белоруссии [12: 182, 188, 194]. Чтобы добиться благожелательного отношения США к приглашению советских республик в число учредителей ООН, И.В. Сталин согласился с предложением Ф. Рузвельта относительно порядка голосования в Совете Бе опасности и посчитал возможным поддержать просьбу американского президента довести количество голосов США в Ассамблее до трех [7: 190]. Руководство БССР некоторое время не знало о принятом в Ялте решении о том, что республика должна стать учредителем ООН.

Решения, принятые на Крымской встрече, не сняли противоречия между странами «большой тройки» по вопросу приглашения БССР и УССР на учредительную конференцию ООН в Сан-Франциско. 17 марта состоялась беседа посла СССР в США А.А. Громыко с помощником государственного секретаря Д. Данном. Американский дипломат заявил, что ничего не слышал о возможности приглашения советских республик Беларуси и Украины на конференцию в Сан-Франциско. По его мнению, поддержка американской и английской делегациями предложения о допущении Украинской и Белорусской республик в число стран – инициаторов создания ООН, зафиксированная в решениях Крымской конференции, означает, что это допущение может быть осуществлено не в форме приглашения этих республик на конференцию в Сан-Франциско, а в форме последующего их присоединения к Уставу Организации после конференции. В ответ А.А. Громыко заявил, что «единственный путь вступления Украины и Белоруссии в организацию» лежит через участие в конференции, на которой будет приниматься Устав ООН [13: 76].

20 марта 1945 г. состоялась беседа А.А. Громыко уже с государственным секретарем Э. Стеттиниусом, который для обсуждения вопроса о приглашении на конференцию Беларуси и Украины прервал свой отпуск и прибыл в Вашингтон. Он проинформировал советского посла, что ни он, ни президент Ф. Рузвельт не имели в виду приглашение Беларуси и Украины на учредительную конференцию международной организации. Они считают, что две республики могут быть допущены в число членов ООН после конференции. А на конференции в Сан-Франциско, согласно решениям Крымской конференции, американская и английская делегации поддержат советское предложение о допущении Украины и Беларуси в число членов Ассамблеи. А.А. Громыко придерживался другой интерпретации решений Крымской конференции, считая, что зафиксированная там формулировка, согласно которой Беларусь и Украина должны стать «инициаторами международной организации», предполагала приглашение этих республик на учредительную конференцию. Американцы категорически возражали против прибытия в Сан-Франциско делегаций Украины и Белоруссии, мотивируя свою точку зрения тем, что их участие в намеченном форуме «могло бы создать опасное положение, способное принести вообще непоправимый ущерб всему делу создания международной организации» [13: 77–78].

25 марта А.А. Громыко вручил ноту государственному секретарю США, в которой советская позиция была подвергнута некоторой корректировке. В ней говорилось, что согласно решению Крымской конференции вопрос о допущении Беларуси и Украины к «к первоначальному членству» в ООН должен быть поставлен на одном из первых заседаний конференции в Сан-Франциско, и после положительного решения конференции представителям двух республик должно быть обеспечено полноценное участие в работе конференции «в качестве первоначальных членов» ООН. Москва требовала приглашения Беларуси и Украины в Сан-Франциско, но после принятия соответствующего решения уже на начальном этапе работы конференции [13: 83–84].

29 марта последовала ответная американская нота. В ней утверждалось, что согласно ялтинским договоренностям правительство США «согласилось поддержать на конференции в Сан-Франциско предложение, чтобы эти две советские республики были допущены к первоначальному членству во всемирной организации, когда эта организация будет создана, но никакого обязательства не было принято в отношении присутствия представителей этих республик в Сан-Франциско». К тому же США оставляли «на усмотрение конференции решить, принять ли советское предложение, которое правительства Соединенных Штатов и Великобритании согласились поддержать в отношении допуска этих двух республик как первоначальных членов предполагаемой организации» [13: 87–88]. В контексте обсуждения вопроса о приглашении советских республик на конференцию США отказались от своего требования относительно предоставления им трех голосов в Ассамблее ООН. 3 апреля 1943 г. на пресс-конференции государственный секретарь заявил,

что президент снимает свое требование о предоставлении США трех голосов. Но при этом американцы не отказались от данного на Крымской конференции обещания поддержать советское требование о допущении в ООН Беларуси и Украины. Правда, Э. Стеттиниус отметил, что в Ялте не было заключено никакого соглашения об участии этих республик в учредительной конференции и решение будет приниматься на самой конференции большинством голосов. В качестве аргумента в пользу принятия Беларуси и Украины в ООН госсекретарь назвал уважение к той героической роли, которую население этих республик сыграло в войне [10: 70–71].

Не получив приглашения на конференцию в Сан-Франциско, руководство БССР и УССР заявило, что республики направят свои делегации на конференцию даже при отсутствии официального приглашения [14: 375]. 26 апреля правительство БССР сделало официальное заявление, в котором высказало свое желание принять участие в создании международной организации по поддержанию мира и безопасности в качестве первоначального члена-основателя, а также быть представленным на конференции в Сан-Франциско. В заявлении подчеркивалось, что в соответствии с изменениями, внесенными в конституцию республики, она правомочна устанавливать непосредственные отношения с иностранными государствами, принимать участие в любых международных конференциях. Отмечался большой вклад республики в борьбу с фашисткой Германией, понесенные ею тяжелые потери [13: 403].

Отказ США и Великобритании пригласить на конференцию в Сан-Франциско БССР и УССР вызвал недовольство советского правительства. Демонстрацией этого стало его заявление о том, что нарком иностранных дел В.М. Молотов не сможет принять участие в работе конференции, и советскую делегацию возглавит посол СССР в США А.А. Громыко. В письме Ф. Рузвельту от 27 марта 1945 г. И.В. Сталин дал высокую оценку советском послу как дипломату, отметив, что «А.А. Громыко вполне успешно выполнил свою задачу в Думбартон-Оксе, и мы уверены, что он с большим успехом будет возглавлять советскую делегацию в Сан-Франциско» [7: 190]. Однако в дальнейшем И.В. Сталин пошел на уступку в этом вопросе, и В.М. Молотов прибыл на конференцию, правда, принял участие только в начальном этапе ее работы. Он перед открытием конференции имел переговоры с президентом Г. Трумэном, в ходе которых американская сторона повторила свою позицию о нежелании приглашать УССР и БССР на конференцию до ее начала [2: 586].

23 апреля состоялось совещание министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. В ответ на вопрос В.М. Молотова о приглашении на конференцию в Сан-Франциско Беларуси и Украины Э. Стеттиниус заявил, что американское правительство готово голосовать за участие Украины и Беларуси в качестве первоначальных членов организации, когда она будет создана. После этого обмена мнениями обсуждение вопроса было прекращено [13: 94–96]. 24 апреля последовало заявление заместителя премьер-министра Великобритании К. Этли в поддержку приглашения на конференцию

Белорусской и Украинской республик [10: 74–75]. Делегация СССР добилась от США и Великобритании согласия на прибытие в Сан-Франциско официальных представителей БССР и УССР. Уже 27 апреля Исполнительный комитет конференции единогласно принял решение о включении Украинской и Белорусской ССР в число первоначальных членов ООН. В своем выступлении, аргументируя необходимость приглашения Украины и Беларуси, В.М. Молотов сослался на решение Крымской конференции. Он также указал на внесение в конституции союзных республик изменений, которые позволяли им принимать участие в международных отношениях, и роль двух республик в борьбе с Германией. США, Великобритания, Китай поддержали это предложение. В тот же день решение Исполнительного комитета было единогласно одобрено на пленарном заседании конференции [13: 325–326]. 30 апреля также единогласно было принято решение о приглашении делегаций БССР и УССР на учредительную конференцию Объединенных Наций [13: 336].

1 мая генеральный секретарь конференции А. Хисс направил телеграмму на имя наркома иностранных дел Советской Беларуси К. Киселева. В ней СНК БССР информировался о решении конференции Объединенных Наций пригласить Белорусскую ССР стать полноправным членом новой международной организации, и белорусские представители приглашались принять участие в работе учредительной конференции. 30 апреля Президиум Верховного Совета БССР назначил делегацию республики для участия в работе конференции под руководством К. Киселева. Она получила полномочия подписать текст Устава ООН при условии его последующей ратификации в порядке, установленном законодательством БССР. Уже 6 мая делегация БССР прибыла в Сан-Франциско и включилась в работу конференции [14: 376–377]. К. Киселев в выступлении перед журналистами в Сан-Франциско заявил, что БССР будет проводить внешнюю политику в соответствии с собственными потребностями, но по принципиальным позициям она будет совпадать со внешнеполитическим курсом СССР. Он подчеркнул желание БССР внести вклад в дело борьбы за прочный мир и всеобщую безопасность, наладить культурные связи с иностранными государствами и не исключал возможности установления с ними дипломатических отношений [5: 175]. 8 мая среди государств, чьи представители участвовали в работе Руководящего комитета конференции, уже значится Белорусская ССР [13: 202, 342]. Правда, как показывают записи заседаний Руководящего комитета конференции, представители БССР фактически не участвовали в дискуссии в ходе работы комитета. 25 июня на пленарном заседании было заслушано сообщение комитета конференции по проверке полномочий. Он рекомендовал, среди прочих государств, признать полномочия БССР, и ее представитель получил право подписать Устав ООН. 26 июня К. Киселев от имени БССР подписал Устав ООН [13: 267], который в августе того же года был ратифицирован Президиумом Верховного Совета БССР [5: 175].

Борьба советской дипломатии за включение в ООН советских республик, в частности БССР, была продиктована международно-политическими интересами Советского Союза, его стремлением упрочить свои позиции в новой международной организации по поддержанию мира. Успешное решение вопроса о принятии БССР в ООН в качестве одного из учредителей этой организации было обеспечено во многом искусством советской дипломатии, одним из ярких талантливых представителей которой являлся А.А. Громыко. Он возглавлял советскую делегацию на конференции в Думбартон-Оксе, осуществлял руководство советской делегацией почти на всем протяжении работы конференции в Сан-Франциско. Он участвовал в работе Ялтинской конференции, на которой были приняты важные решения относительно участия советских союзных республик в ООН. Советская дипломатия путем компромиссов, уступок, увязки различных вопросов, иногда с помощью ультимативных требований добилась согласия США, Великобритании и других стран на вступление в ООН, правда, не 16, а двух советских республик, которые были отнесены И.В. Сталиным к «основным советским республикам». В их числе была и БССР. Вопрос о членстве БССР в ООН был поставлен не руководством республики, а союзным правительством. Советская Беларусь выступала в данном случае лишь как инструмент в дипломатических комбинациях советского руководства. Но вступление в ООН означало признание международным сообществом БССР субъектом международных отношений, что отвечало национальным интересам белорусского народа и способствовало развитию белорусской государственности.

Список источников и литературы

1. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.): сборник документов. М.: Издательство политической литературы, 1984. 384 с.
2. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. М.: Кучково поле, 2014. Т. 8. 864 с.
3. Снапкоўскі, У. Шлях у ААН. Беларуская ССР – заснавальніца Арганізацыі Аб'яднаных Нацый / А. Снапкоўскі. Беларуская думка. 2015. № 5. С. 77–82.
3. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.). Зборнік дакументаў і матэрыялаў: у 4 т. Мінск: Юніпак, 2010. Т. 3. 444 с.
5. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.: у 2 кн. / рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.] Минск: Беларуская навука, 2012. Кн. 2. 654 с.
6. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. III. Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 августа – 28 сентября 1944 г.). М.: Издательство политической литературы, 1984. 277 с.
7. Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны: в 2 т.

М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. Т. 2. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном (август 1941 – декабрь 1945 г.). 296 с.
8. *Черчилль У.* Вторая мировая война: в 6 т. / У. Черчилль. М.: Военное издательство, 1991. Книга третья. Т. 5–6. 702 с.
9. *Громыко А.А.* Памятное: в 2 ч. 2-е изд., доп. / А.А. Громыко. М.: Политиздат, 1990. Ч. 1. 512 с.
10. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.). Зборнік дакументаў і матэрыялаў: у 4 т. Мінск: Юніпак, 2015. Т. 4. 449 с.
11. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). М.: Издательство политической литературы, 1984. 302 с.
12. Тегеран – Ялта – Потсдам: сборник документов / Сост.: Ш.П. Санакоев, Б.Л. Цыбулевский. 2-е изд. М.: Издательство «Международные отношения», 1970. 416 с.
13. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. V. Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля – 26 июня 1945 г.). М.: Издательство политической литературы, 1980. 713 с.
14. История международных отношений: в 4 т. Минск: БГУ, 2007. Т. 2. 391 с.

Моисеев Л.П.

Япония и Китай – приоритеты на Дальнем Востоке

Общеизвестна огромная работа, проделанная коллективом МИД СССР под руководством А.А. Громыко, по обеспечению интересов нашей страны на европейском и американском направлениях. В это же время советская дипломатия активно действовала и в других регионах. На Дальнем Востоке ключевое внимание уделялось нашим крупнейшим соседям – Японии и Китаю.

Андрей Андреевич пришел к руководству Министерством в те дни, когда в советско-японских отношениях начал все явственней обозначаться «момент истины». Эйфория от нормализации – подписания Декларации 1956 года – постепенно улетучивалась. Становилось очевидным, что правящие круги Японии отнюдь не горят желанием дружить с Советским Союзом. За это (как, впрочем, и сейчас) ратовали в основном японские рыбопромышленники, прежде всего северного острова Хоккайдо (кстати – и дорога к восстановлению дипломатических отношений была проложена через переговоры по рыболовству; в состав советской рыболовной делегации на первых порах входил видный дипломат С.Л. Тихвинский, ставший затем первым поверенным в делах СССР в Японии). Создать сколько-нибудь влиятельное просоветское лобби в стране не удалось (да и как это можно было сделать в условиях американской оккупации! Напомню, что где-то два десятилетия назад, когда несколько довольно высокопоставленных японских мидовцев только заикнулись о возможности новых подходов к отношениям с нашей страной, их по указанию из Вашингтона подвергли чуть ли не уголовному преследованию). Не удалось сделать более независимой японскую внешнюю политику даже такому незаурядному деятелю, как Я. Накасонэ, о котором высоко отзывался в своих воспоминаниях А.А. Громыко, встречавшийся с ним тогда, когда будущий японский премьер только начинал свою политическую карьеру.

Ставка на распропагандированных в советских лагерях японских военнопленных (с ними велась соответствующая воспитательная работа), массово

Моисеев Леонид Петрович – Чрезвычайный и Полномочный Посол.

вливавшихся в ряды Коммунистической партии Японии после своего возвращения на родину под красными флагами и с пением Интернационала, также не оправдалась – вместе с КПЯ они быстро перешли на маоистские позиции, а сама КПЯ очень жестко позиционировала себя в территориальном споре, потребовав от СССР возвращения не двух и не четырех, а сразу всех Курильских островов. Кстати, и наш союзник Китай еще до окончания действия Договора с СССР, имевшего явную антияпонскую направленность, начал публиковать географические карты, на которых Южно-Курильские острова были обозначены как «оккупированные Советским Союзом».

Андрей Андреевич трижды посещал Токио, неоднократно садился за стол переговоров с японскими политиками и каждый раз убеждался, что его визави не желают считаться с ситуацией, сложившейся в итоге Второй мировой войны, что для его собеседников в Декларации 1956 года, ставшей результатом личных усилий первого и последнего идеалиста на посту японского премьера И. Хатояма, единственным действительно важным содержанием является не выход на заключение мирного договора, а положение о согласии советской стороны рассмотреть возможность передачи Японии двух островов (при этом японцами подразумевалось, что за ними последуют еще два). Эта позиция была отлита японцами в гранитную формулу: «заключение мирного договора на основе возврата островов». То есть за договор Советский Союз должен заплатить Японии островами. Хорош подход для страны, проигравшей войну!

После подписания японо-американского договора безопасности и начавшегося на фоне ухудшения советско-китайских отношений осторожного сближения Японии с Китаем дальнейший разговор с Токио на тему подписания мирного договора – а именно это было главным для советской стороны – стал все больше казаться бессмысленным. Япония сочла, что она теперь надежно укрыта американским военным зонтиком, а Китай ей удастся перетянуть на свою сторону огромными финансовыми вливаниями. Без связки с Китаем Советский Союз уже не казался Токио столь же мощным, как в 1956 г. на пике советско-китайской дружбы. Не случайно одним из условий нормализации японо-китайских отношений (и начала предоставления правительственной помощи) стало требование Токио к Китаю не продлевать союзный договор с СССР, что было выполнено Пекином в 1979 г. С тех пор задача не допустить тесного сближения нашей страны и Китая остается одной из важнейших для внешней политики Токио. Помню, как в откровенном разговоре со мной в Токио в конце 90-х годов влиятельный японский политик, затронув тему обсуждавшихся тогда крупных российско-китайских энергетических проектов, как бы в шутку заявил: мы готовы платить вам огромные деньги просто за то, чтобы вы не строили нефте- и газопроводы в Китай.

Существуют исследования в области восточной психологии, согласно которым для китайца очень важно вести переговоры с позиции морального превосходства над партнером. Только тогда он ощущает себя уверенно и комфортно. Думаю, что это верное наблюдение. Мы могли в этом убедить-

ся, когда начали переговоры по нормализации отношений с Китаем в 1979 г., на которых на нас попытались взвалить главную вину за советско-китайский разлад. Мне кажется, что японцам это тоже присуще, может быть, даже сильнее, чем китайцам. Отсюда их отношение к Декларации Хатояма – Булганин 1956 г., которая явно оставляет моральное превосходство за Советским Союзом (согласно этому документу именно СССР будет готов проявить добрую волю и передать Японии острова). Японцы где-то в глубине души считают, что Хатояма поторопился и проявил непростительную слабость, согласившись на навязанные ему советской стороной формулировки. Отсюда упорное стремление говорить исключительно о «возврате» якобы незаконно отторгнутых у них островов, но никак не об их передаче, чтобы ощущать себя обиженной стороной, стоящей на комфортной позиции *moral high ground* в переговорах со своим обидчиком. Думаю, что А.А. Громыко с его тонким дипломатическим чутьем сумел довольно быстро заглянуть в загадочную японскую душу и, осознав бесполезность экскурсов в дебри истории и юридических тонкостей, предпочитал неубиваемый аргумент – вы, господа японцы, проиграли войну, по ее итогам вопрос об островах решен окончательно и бесповоротно.

Сложилось так, что с начала 80-х годов прошлого века мне довелось почти шесть лет проработать в советском посольстве в Токио. Это позволило с близкого расстояния наблюдать за начавшимся тогда демонтажом твердой, даже жесткой принципиальной позиции А.А. Громыко и заменой ее дипломатией «нового мышления» эпохи Горбачева – Шеварднадзе. Очевидно весьма поверхностно знакомый с действительной подоплекой советско-японских отношений и японским менталитетом новый генсек вознамерился решительно поменять тональность разговора с Токио в пользу мягкой увещевательной недосказанности, рисуя пока еще не очень ясные, но тем не менее заманчивые картины светлого будущего сотрудничества двух стран. Старательно обходились «неприятные» для японских собеседников темы поражения в войне и несамостоятельности японской внешней политики, говорилось о создании «в течение нескольких десятилетий» некой «новой среды», которая «позволила бы решать любые конкретные вопросы». Подобный разговор М.С. Горбачев впервые завел с Синтаро Абэ, который возглавил прибывшую в Москву делегацию правящей Либерально-демократической партии. В ее задачу входило прозондировать настроения нового советского лидера относительно путей решения территориальной проблемы (убедившись, что с М.С. Горбачевым, в отличие от прежнего советского руководства, можно иметь дело, Синтаро Абэ организует его визит в Японию, который, правда, не ознаменуется серьезными прорывами). Параллельно с советским генсеком его ближайший соратник А.Н. Яковлев убеждал японцев, что Москва и Токио уже перешли от «двух самостоятельных монологов» к полноценному политическому диалогу.

Каких-либо серьезных достижений своей мягкой дипломатией на японском направлении советский лидер добиться не сумел и, похоже, к концу политической карьеры, вплотную пообщавшись с японцами, подрастерял

былой энтузиазм. Тем не менее в Японии у М.С. Горбачева, на мой взгляд, остался очевидный почитатель в лице сына Синтаро Абэ – Синдзо Абэ, который спустя два десятилетия, утвердившись на посту премьера Японии и провозгласив намерение довести до конца предпринятые отцом попытки закрыть территориальную проблему и подписать (на японских условиях) мирный договор, нередко использует лексику, напоминающую о временах «нового мышления».

Приход команды Б.Н. Ельцина – А.В. Козырева едва не ознаменовался бесславной сдачей наших позиций в территориальном споре. Уже в первые месяцы существования новой России ближайшие советники президента и новое руководство МИДа начали хором ратовать за скорейшую передачу островов в обмен на некие «бонусы» со стороны Токио (разброс пожеланий на этот счет был просто поразительным – от «вечной благодарности со стороны народа и правительства Японии» до нескольких десятков или сотен миллиардов долларов). Отдавать острова планировалось во время визита Б.Н. Ельцина во второй половине 1992 г., причем даже без какой-либо увязки с мирным договором. Только чудом эту поездку удалось отменить в самый последний момент. Помню состоявшийся вскоре после этого разговор с курирующим японское направление заместителем министра нашего МИДа. Этот высокопоставленный чиновник, пришедший на руководящую дипломатическую работу прямо с поста заведующего сектором академического института, видел главную цель своего пребывания на государственной должности в реализации личных представлений о том, как должны выстраиваться отношения с Японией. Особенно резанула его заключительная фраза: я мечтаю о том, чтобы в Японии мне поставили памятник за возвращение Курил.

Сейчас, после шести с лишним десятилетий, прошедших со времени подписания Декларации, на мой взгляд, отношения двух стран вновь приблизились к «моменту истины»: утверждается понимание (которое было присуще А.А. Громыко) о том, что японская сторона никогда не согласится на формулу «сначала договор, а затем острова»; точно так же как российская сторона никогда не согласится на формулу «сначала острова, а затем договор». Думаю, что выход на такое понимание поможет отказаться от беспочвенных иллюзий и позволит работать над поиском новых возможностей для обоюдовыгодного сотрудничества в предельно реалистическом ключе.

Что касается Китая, то в отношения с этой страной А.А. Громыко был вовлечен и в период советско-китайской дружбы, и в период жесткой идеологической полемики, и в период военного противостояния. Присутствуя на мероприятиях по случаю приезда в Москву Мао Цзэдуна и подписания Советско-китайского союзного договора в 1950 г., он, напрямую не участвовавший тогда в китайских делах и не посвященный в сложные многослойные взаимоотношения советского и китайского лидеров, тем не менее отметил наличие явного холодка между Мао и Сталиным (в своих воспоминаниях он выразится крайне осторожно – «они еще не притерлись друг к другу»). Затем – уже в качестве министра – были поездки в Пекин, в том числе по просьбе

Мао – для брифинга по американской политике (лучшего специалиста трудно было себе представить!). Еще тогда Андрея Андреевича стало настораживать авантюристическое отношение будущего «великого кормчего» к вопросам войны и мира и нежелание советоваться со своим единственным союзником – Советским Союзом. Уверен, что он испытал настоящий шок, присутствуя на катастрофической по своим последствиям для советско-китайских отношений беседе Н.С. Хрущева со всем высшим китайским руководством 2 октября 1959 г. в Пекине, в ходе которой потерявший над собой контроль советский лидер стал грубо наезжать на китайских собеседников, не стесняясь прибегать к откровенной лжи, получив в ответ от китайского министра иностранных дел Чэнь И ярлык «приспособленца» (в глазах китайских вождей Хрущев действительно был конъюнктурщиком – опьяненный своими успехами в США и Индии, он на этой беседе выступил прямым адвокатом президента Эйзенхауэра и «прихвостня империализма» Неру). А.А. Громыко и М.А. Суслов тщетно пытались вернуть беседу в нормальное русло. Хрущева было не остановить. Отношения двух стран покатились по наклонной.

Мне довелось работать в МИД СССР в период конфронтации с Китаем, участвовать в сложном многолетнем процессе восстановления доверия и нормализации отношений с нашим великим соседом. Эта непростая работа разворачивалась под непосредственным руководством и с личным участием А.А. Громыко.

Отчетливо помню день, когда впервые воочию удалось наблюдать министра, как говорится, в действии. В наш МИД для беседы с Андреем Андреевичем был приглашен китайский поверенный в делах. Это было где-то в конце 70-годов, когда китайцы после окончания «культурной революции» по-прежнему демонстрировали откровенно враждебное отношение к нам, а мы, со своей стороны, настойчиво искали пути к разрядке атмосферы. Очередные советские предложения на этот счет, адресованные китайскому руководству, и должен был передать наш министр китайскому дипломату. Андрей Андреевич, отличавшийся крайней пунктуальностью и очень ответственным отношением к каждой дипломатической встрече, четко в назначенное время появился в переговорной комнате и обнаружил, что его китайский собеседник еще не прибыл. Опоздав где-то на 10–12 минут, не проявляя никаких признаков спешки и даже не извинившись за опоздание, китайский поверенный с каменным лицом сухо поздоровался и приготовился выслушать нашего министра. Тогда Андрей Андреевич решил преподать ему маленький урок. Сделав длинную паузу, он нарочито медленно поднес к глазам наручные часы, затем также медленно опустил руку и обратился к сидевшему рядом переводчику со следующими словами: «Спросите поверенного в делах, не забыли ли китайские дипломаты дорогу к советскому МИДу?» На несколько минут в комнате воцарилась полная тишина. Лицо китайского дипломата покраснело. Убедившись в том, что воспитательная мера подействовала, Андрей Андреевич спокойно зачитал текст передаваемого китайской стороне документа. В дальнейшем китайские дипломаты никогда не опаздывали на встречи.

А.А. Громыко прекрасно понимал роль Китая в мировой политике и в этой связи насущную необходимость для Советского Союза иметь в лице нашего соседа не врага, а партнера или даже союзника. В самое трудное для наших отношений время советская дипломатия под руководством министра внесла огромный вклад в восстановлении членства КНР в ООН в 1971 г. В своих воспоминаниях Андрей Андреевич справедливо отмечает: что бы ни происходило в отношениях между Советским Союзом и Китаем, оно имеет историческое значение.

Хотел бы остановиться на некоторых оставшихся в памяти моментах, дающих представление о занявшем целое десятилетие процессе продвижения к нормализации отношений с Китаем. Главным подразделением Министерства, ведающим делами с Китаем, был Первый Дальневосточный отдел, с 1970 г. бессменно возглавлявшийся М.С. Капицей. Его незаурядные способности синолога и дипломата высоко ценил А.А. Громыко, как правило, всецело полагавшийся на его оценки и суждения. Как известно, приняв в апреле 1979 г. решение не пролонгировать Советско-китайский договор 1950 года, китайская сторона одновременно предложила нам начать переговоры по вопросам двусторонних отношений, что породило надежды на скорейший выход из состояния враждебности и почти тотальной конфронтации. По указанию министра в отделе сразу же закипела работа по подготовке проекта нового межгосударственного документа, который мог бы стать фундаментом отношений с Китаем как бы с «чистого листа». Мы наивно полагали, что сумеем достаточно быстро выйти на подписание своего рода «дорожной карты» (программы действий по улучшению советско-китайских отношений), реализация которой обеспечила бы восстановление нормального политического диалога и сотрудничества в конкретных областях.

Однако наш пыл был почти сразу же охлажден: китайская сторона дала понять, что на быстрое улучшение отношений рассчитывать не стоит и что предварительно Советский Союз должен выполнить определенные условия (устранить так называемые «три препятствия», которых на самом деле в дальнейшем стало больше). К тому же настойчиво подчеркивалось, что Китай не намерен больше принимать с кем бы то ни было политических документов, носящих договорный характер (при этом за год до этого был подписан договор между Пекином и Токио, договор же с нашей страной был заключен спустя двадцать с лишним лет!). В результате начавшиеся осенью 1979 г. советско-китайские консультации на уровне заместителей министров иностранных дел сразу же превратились в абсолютно бессмысленное выяснение отношений, причем зачастую на повышенных тонах, на тему, кто виноват в советско-китайском расколе. Мне удалось зафиксировать некоторые яркие выражения, употреблявшиеся главой китайской делегации для характеристики выступлений советской делегации на пленарных заседаниях: «самая грубая клевета на Китай», «использование переговоров в качестве трибуны для антикитайской пропаганды», «фабрикация лживых измышлений», «злобные нападки на китайских руководителей» и т.д. Глава советской де-

легации Л.Ф. Ильичев тоже за словом в карман не лез, хотя и употреблял несколько более изящные выражения. Довольно быстро пришло осознание, что начавшийся разговор никуда не приведет. В приватных разговорах с членами своей делегации Л.Ф. Ильичев признавался, что он не верит в то, что отношения с Китаем нормализуются при его жизни, но что переговоры нужно продолжать во имя будущих поколений. Думаю, что примерно также думал тогда и министр. После того как китайская сторона после ввода советских войск в Афганистан отказалась продолжать переговоры, оптимистов в нашем лагере и вовсе не осталось.

Спустя два года, на протяжении которых советско-китайские отношения неуклонно скатывались вниз, некоторые иностранные наблюдатели (среди них японцы) стали отмечать признаки изменений в настроениях Пекина – разочарование от отсутствия ожидавшихся результатов от сближения с Западом, стремление проводить более сбалансированную политику, в том числе за счет частичного ослабления конфронтации с Советским Союзом. Наше посольство в Японии, например, докладывало в Москву следующие японские оценки: снижается эмоциональный накал советско-китайских противоречий, так как идеологические расхождения исчезают; на политической арене Китая вновь появляются лица, доброжелательно настроенные к Советскому Союзу; сохранение напряженности на границе разорительно и опасно для Пекина; советские технологии легче усваиваются китайцами по сравнению с западными. Эта информация бралась на заметку в нашем МИДе, где М.С. Капица с одобрения А.А. Громыко приступил к разработке программы «малых шагов», которая включала в себя такие не вызывающие отторжения у китайской стороны инициативы, как направление в Китай когда-то работавших там советских специалистов для встречи со старыми друзьями, обмен делегациями невысокого уровня в различных областях экономики, встречи ветеранов Обществ дружбы.

Однако главным центром, вырабатывавшим политику на китайском направлении, был в те годы не МИД, а Отдел ЦК КПСС, где предпочитали ориентироваться на приходившие из нашего посольства в США более пессимистические оценки. Американцы, опьяненные тем, что сумели перетащить Китай на свою сторону, были тогда уверены: у Пекина всегда будут параллельные интересы с Вашингтоном в сдерживании СССР, Китай становится потенциальным союзником Штатов в возможном конфликте с Советским Союзом. Сообщения из Вашингтона резонировали со взглядами заместителя заведующего Отделом О.Б. Рахманина – известного специалиста по Китаю, который, в отличие от М.С. Капицы, упорно не хотел замечать новых нюансов в китайской политике и даже после очевидного улучшения советско-китайских отношений вплоть до своего ухода в 1985 г. с поста главного куратора китайских дел продолжал утверждать, что в Пекине сохраняется маоистская установка на антисоветизм.

А.А. Громыко приходилось учитывать наличие подобных расхождений. При этом, на мой взгляд, он был больше склонен прислушиваться к мнению

своих мидовцев, которых старался не давать в обиду. По моему наблюдению, Андрей Андреевич был на том этапе одним из немногих, кто воздерживался в своих публичных выступлениях от каких-либо идеологизированных оценок китайской политики. В конце 1982 г. в журнале «Коммунист» он чуть ли не первым среди коллег по Политбюро отметил позитивный отклик со стороны КНР на советские инициативы по нормализации. В феврале 1984 г., когда в Советском Союзе проходила кампания по выборам в Верховный Совет, Андрей Андреевич на встрече с избирателями в Минске высказался за дальнейшее оздоровление отношений с КНР, подчеркнув, что от этого будут в выигрыше народы обеих стран и что это послужит улучшению политического климата в мире в целом. В Китае эти слова были высоко оценены и сразу же перепечатаны китайской печатью.

Нормализация с Китаем всегда вписывалась А.А. Громыко в широкий контекст поиска путей к укреплению международного мира и безопасности. На сессии Генассамблеи ООН 1 октября 1982 г. он выступил с предложением в практическом плане обсудить с Китаем и Японией вопрос о рассмотрении применительно к Дальнему Востоку оправдавший себя в Европе опыт осуществления мер доверия. Спустя несколько лет это предложение было реализовано нашей страной вместе с Китаем применительно к обширным районам вдоль общей границы.

В последний раз мне довелось переводить беседу Андрея Андреевича с китайскими представителями, когда он уже находился на посту Председателя Президиума Верховного Совета СССР. По-моему, это была делегация Общества китайско-советской дружбы во главе с ее председателем У Сюцюанем. И вновь разговор шел о необходимости тесных отношений двух стран, в том числе для сохранения мира на Земле. Именно на это – сохранение мира – всегда были нацелены главные усилия А.А. Громыко.

Нелидов В.В.

Визит А.А. Громыко в Японию в июле 1966 г.: содержание, итоги и значение

Значимость и контекст визита

С 24 по 30 июля 1966 г. министр иностранных дел СССР Андрей Андреевич Громыко посетил с визитом Японию, что стало первым в истории двусторонних отношений официальным визитом советского министра иностранных дел в эту страну. Впоследствии А.А. Громыко побывал в Японии еще дважды – в 1972 и 1976 гг.[1] Поездка состоялась в рамках учрежденного сторонами незадолго до этого консультативного механизма на уровне министров иностранных дел и в качестве ответа на визит в Москву в январе 1966 г. главы японского внешнеполитического ведомства Эцусабуро Сиина.

Наметившаяся ко второй половине 1960-х годов активизация связей между СССР и Японией была обусловлена целым рядом причин, связанных как с изменением международно-политической обстановки, так и с переменами в самой Японии. Прежде всего, свою роль сыграла новая расстановка сил на международной арене в целом. После первого этапа холодной войны, кульминацией которого стал Карибский кризис 1962 г., едва не приведший к третьей мировой войне, обе сверхдержавы, СССР и США, осознали недопустимость балансирования на грани конфликта и перешли к более осторожному внешнеполитическому курсу[2]. Это давало их младшим партнерам, в том числе Японии, определенную, пусть и ограниченную, «свободу рук» в вопросе налаживания связей со странами, относившимися к противоположному идеологическому блоку.

При этом, даже несмотря на сохранение доминирования двух сверхдержав, все более очевидным становилось оформление новых центров силы – Западной Европы, Китая, Японии. Важную роль в этом играли также процессы деколонизации и создание в 1961 г. Движения неприсоединения, претендовавшего на то, чтобы быть «третьей силой» на международной арене.

Нелидов Владимир Владимирович – преподаватель кафедры востоковедения МГИМО МИД РФ, научный сотрудник Центра японских исследований Института востоковедения РАН.

[1] *Громыко А.А.* Памятное. В 2 кн. Кн. 2 / А.А. Громыко. М., 1988. С. 141.

[2] Более подробно см.: Системная история международных отношений. 1918–2003. Т. 3 / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М., 2003. С. 280.

Менялась роль в мире самой Японии: еще в 1950-х годах, сразу после завершения оккупации, Токио предпринял ряд инициатив, нацеленных на нормализацию отношений со странами Азии, пострадавшими от японской агрессии в годы Второй мировой войны. Японией были подписаны мирный договор с гоминьдановским правительством Тайваня (1952), а также договоры с Бирмой (1954), Филиппинами (1956), Индонезией (1957) и Южным Вьетнамом (1958). Важнейшей вехой японской внешней политики в этот период стало подписание 19 октября 1956 г. Совместной советско-японской декларации, прекратившей состояние войны между СССР и Японией и обеспечившей установление дипломатических отношений между странами. Нормализация отношений с Советским Союзом – одним из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН – позволила Японии вступить в Организацию Объединенных Наций, о чем было принято решение Генеральной Ассамблеей 18 декабря 1956 г.

Однако после прорыва в советско-японских отношениях, связанного с подписанием Совместной декларации, на рубеже 1950–1960-х годов в отношениях двух стран наступило похолодание. Совместная декларация 1956 г. была подписана в период пребывания у власти премьер-министра Итиро Хатояма (1954–1956), пусть и принадлежавшего к консервативному лагерю, но считавшего необходимым бóльшую независимость Японии от США. Благодаря этому даже сам А.А. Громыко в мемуарах высоко оценивал дальновидность этого политического деятеля[1]. Но в 1957 г. правительство Японии возглавил Нобусукэ Киси, проамерикански настроенный политик, сделавший своей главной внешнеполитической целью закрепление союза с США путем подписания нового соглашения взамен Договора безопасности, подписанного еще 8 сентября 1951 г., в один день с Сан-Францисским мирным договором. Новый документ, получивший название Договора о взаимном сотрудничестве и безопасности, был подписан в Вашингтоне 19 января 1960 г. Но эта победа оказалась для Киси пирровой: из-за политического кризиса, вызванного беспрецедентным по масштабу движением общественного протеста против заключения нового договора, японский премьер был вынужден уйти в отставку. Более того, Советский Союз, осознавая, что именно он является главной мишенью японо-американского союза, заявил о невозможности выполнения содержащегося в Статье 9 Совместной декларации положения о передаче Японии островов Хабомаи и Шикотан после заключения мирного договора.

Занимавшие после этого пост премьер-министра Японии Хаято Икэда (1960–1964) и Эйсаку Сато (1964–1972) учли ошибки своего предшественника и сосредоточили свое внимание главным образом на вопросах внутреннего развития, тем самым следуя духу сформулированной еще послевоенным премьер-министром Сигэру Ёсида (занимал пост главы правительства в 1946–1947 и 1948–1954 гг.) так называемой «доктрины Ёсида», заключавшейся в отказе от активного перевооружения, опоре на гарантии безопасности со стороны США и сосредоточении на экономическом развитии.

[1] *Громыко А.А.* Указ. соч. С. 140.

Тем не менее и при них японская дипломатия продолжила налаживание связей с соседями: в 1962 г. с согласия и при поддержке премьера Икэда представителями Японии и КНР было подписано «соглашение Ляо-Такасаки», нацеленное на развитие торговли между странами. Этот документ, пусть и не являвшийся официальным межгосударственным договором (дипломатические отношения Японии с КНР были установлены позже, лишь в 1972 г.), все же стал важным шагом на пути развития японо-китайских экономических связей. А в 1965 г. после долгих переговоров был подписан Договор об основах взаимоотношений между Японией и Южной Кореей, благодаря которому были установлены дипломатические отношения между Токио и Сеулом. В свете подобной внешнеполитической активности вполне можно говорить, что ко второй половине 1960-х годов готовность Токио пойти на новое сближение с Москвой выглядела вполне логичной и назревшей.

В свою очередь и СССР был заинтересован в налаживании связей со своим дальневосточным соседом: хотя после подписания японо-американского договора 1960 г. и стало очевидно, что надежды на превращение Японии в нейтральное государство не оправдались, очевидной была важность установления добрососедских, взаимовыгодных связей с Японией, тем более что бурный экономический рост превращал ее в одно из самых промышленно и технологически развитых государств мира.

Таким образом, ко второй половине 1960-х годов ряд факторов как международно-политического, так и внутреннего характера создали объективные предпосылки для активизации контактов между Советским Союзом и Японией. И именно в этом контексте следует оценивать роль и значимость первого визита советского министра иностранных дел в эту страну.

Ожидания японской стороны

Накануне визита А.А. Громыко японская пресса подчеркивала разницу между ожиданиями японской и советской сторон относительно результатов грядущих переговоров: если первая была намерена сделать основной акцент на обсуждении конкретных вопросов двусторонних отношений, то вторая, наоборот, была заинтересована главным образом лишь в обмене мнениями по важным международным вопросам и в укреплении дружеской атмосферы в советско-японских связях[1].

СМИ в целом приветствовали визит советского министра иностранных дел и подчеркивали объективную необходимость налаживания добрососедских отношений с СССР. При этом, однако, высказывались мнения, что заинтересованность советской стороны в укреплении связей с Японией обусловлена, среди прочего, и такими факторами, как стремление Москвы оказать давление на КНР, а также повлиять на японо-американское сотрудничество

[1] Токио симбун. 22.07.1966; Асахи симбун. 24.07.1966; The Mainichi Daily News. 24.07.1966.

с целью привнести раскол в союз Токио и Вашингтона и в конечном итоге добиться превращения Японии в нейтральное государство[1].

Ход визита

24 июля А.А. Громыко в сопровождении супруги и семи сотрудников МИД СССР прибыл в токийский аэропорт Ханэда[2].

25 июля состоялась первая встреча с министром иностранных дел Э. Сиина[3].

26 июля состоялась вторая встреча с Э. Сиина[4], а также встреча с мэром Токио Рётаро Адзума[5].

27 июля прошла встреча с премьер-министром Японии Эйсаку Сато[6]. В тот же день советский министр с сопровождающими лицами направился в Киото.

28 июля в первой половине дня советская делегация во главе с А.А. Громыко осмотрела достопримечательности Киото, а во второй половине дня – судостроительный завод в пригороде Осаки, после чего посетила прием, организованный местными властями и представителями делового сообщества[7].

29 июля А.А. Громыко и сопровождающие лица вернулись в Токио, где получили аудиенцию у императорской четы Японии. В тот же день состоялась церемония подписания советско-японской консульской конвенции, окончательный текст которой был согласован незадолго до визита А.А. Громыко в Японию[8].

30 июля было обнародовано совместное советско-японское коммюнике по итогам визита, после чего советская делегация вылетела из Токио в Москву[9].

Содержание визита

Консульская конвенция

Главным конкретным результатом визита было подписание 29 июля советско-японской консульской конвенции. Как подчеркивала японская пресса, на тот момент аналогичные документы были подписаны Японией только с США и Великобританией. Генеральные консульства, учрежденные вскоре после визита А.А. Громыко в Японию, были открыты Советским Союзом в Осаке и Японией – в Находке[10].

---

[1] Майнити симбун. 22.07.1966; The Yomiuri. 24.07.1966.
[2] Ёмиури симбун. 25.07.1966.
[3] Майнити симбун. 25.07.1966 (веч.).
[4] Ёмиури симбун. 26.07.1966 (веч.); Асахи симбун. 27.07.1966.
[5] Asahi Evening News. 26.06.1966 (веч).
[6] Асахи симбун. 27.07.1966 (веч.).
[7] Санкэй симбун. 29.07.1966 (веч.).
[8] Майнити симбун. 30.07.1966.
[9] The Japan Times. 30.07.1966.
[10] Asahi Evening News. 29.07.1966; Санкэй симбун. 30.07.1966.

Территориальный вопрос

Территориальные претензии Японии, считающей острова Шикотан, Кунашир, Итуруп и группу островов Хабомаи собственными так называемыми «северными территориями», якобы незаконно оккупированными Советским Союзом, ожидаемо стали одной из главных тем обсуждений в ходе визита. Хотя даже японское руководство осознавало, что надеяться на уступки советской стороны не приходится, тем не менее и министр иностранных дел Сиина, и премьер-министр Сато на встречах с А.А. Громыко подчеркивали, что возвращение Японии так называемых «северных территорий» является желанием всего японского народа. Советский министр, в свою очередь, отверг претензии японской стороны и заявил, что СССР считает этот вопрос решенным[1]. Таким образом, подвижек по данному вопросу в ходе визита достигнуто не было.

Безопасность рыболовного промысла

Вторым ключевым вопросом, на решение которого в ходе визита А.А. Громыко надеялась японская сторона, была так называемая «безопасность рыболовного промысла»: Япония требовала от Советского Союза дать японским рыболовным судам возможность беспрепятственно осуществлять лов в северо-западной части Тихого океана вблизи от советских территориальных вод. Советская сторона, настаивая на принципе взаимности, еще до визита А.А. Громыко выдвинула контрпредложение: в обмен на гарантии свободы промысла японских рыболовных судов вблизи от советских берегов предлагалось разрешить советским рыболовным судам заходить в японские порты. Это предложение, в свою очередь, не было принято японской стороной, опасавшейся, что это поспособствует активизации деятельности советских рыболовных судов в акваториях вокруг Японии и нанесет ущерб японской рыболовной отрасли[2].

Конкретное решение по данному вопросу не было принято и в ходе визита А.А. Громыко, хотя стороны договорились продолжить обсуждение по дипломатическим каналам[3]. Единственным достижением японской стороны можно считать то, что одновременно с подписанием консульской конвенции стороны обменялись нотами, согласно которым советские власти обязались в течение 10 дней информировать японскую сторону о случаях задержания японских судов советскими пограничниками[4].

Контакты между правительствами

В ходе визита была достигнута договоренность о регулярных консультациях на уровне министров иностранных дел. Вместе с тем конкретных планов контактов на высшем уровне выработано не было. А.А. Громыко передал

[1] Майнити симбун. 26.07.1966; The Japan Times. 26.07.1966; Токио симбун. 27.07.1966.
[2] The Mainichi Daily News. 25.07.1966; Хоккайдо симбун. 27.07.1966.
[3] Нихон кэйдзай симбун. 26.07.1966; Asahi Evening News. 29.07.1966.
[4] Майнити симбун. 30.07.1966.

японскому премьеру послание от председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина, в котором тот приглашал своего японского визави посетить Советский Союз. Э. Сато поблагодарил советскую сторону, выразил желание посетить СССР, но не назвал конкретных сроков[1]. В итоге его визит в Советский Союз так и не состоялся.

Война во Вьетнаме

Среди обсуждавшихся международных проблем наиболее остро стоял вопрос мирного урегулирования во Вьетнаме. Хотя обе стороны выразили стремление к мирному решению этой проблемы, в конкретных подходах выявились значительные разногласия. Японская сторона подчеркивала свою готовность помочь мирному разрешению конфликта и призывала Советский Союз способствовать немедленному прекращению боевых действий и началу переговоров. А.А. Громыко, в свою очередь, заявлял, что война во Вьетнаме – следствие агрессии США, обвинял Японию в пособничестве Вашингтону, подчеркивал, что СССР, не являясь стороной конфликта, не будет проявлять инициативу по организации мирной конференции, но обещал, что Советский Союз будет и впредь оказывать помощь Северному Вьетнаму[2].

Проблемы ядерного оружия

Среди прочих вопросов А.А. Громыко и Э. Сиина обсуждали проблему нераспространения ядерных вооружений. Советский министр иностранных дел выразил надежду, что Япония окажет содействие в выработке соглашения о нераспространении ядерного оружия и запрета на подземные испытания ядерного оружия. Его японский коллега ответил, что Япония поддерживает идею ограничения нераспространения ядерного оружия «в принципе», но подчеркнул, что инициатива в этом должна исходить от стран, обладающих таким оружием[3].

Экономическое и техническое сотрудничество

Одним из вопросов, обсуждавшихся на встречах А.А. Громыко с Э. Сиина и представителями японского делового сообщества, была возможность участия японских компаний в развитии Восточной Сибири, и японская сторона выразила заинтересованность в этих планах[4].

Помимо этого, А.А. Громыко предложил японской стороне заключить с СССР соглашение о налаживании трансграничного телевещания с использованием советских спутников связи, подчеркнув, что это могло бы способствовать развитию культурных и технических обменов между странами. Хотя первоначально Э. Сиина пообещал рассмотреть это предложение, еще

[1] Asahi Evening News. 28.07.1966; The Mainichi Daily News. 28.07.1966.
[2] Ёмиури симбун. 26.07.1966 (веч.); The Mainichi Daily News. 30.07.1966.
[3] The Mainichi Daily News. 27.07.1966.
[4] Майнити симбун. 26.07.1966; The Mainichi Daily News. 26.07.1966.

до завершения визита А.А. Громыко стало известно, что японское правительство отклонило эту инициативу[1].

Общая оценка итогов визита

Главным конкретным результатом визита А.А. Громыко в Японию стало подписание советско-японской консульской конвенции. Кроме того, широкий круг обсуждавшихся вопросов как двусторонней, так и многосторонней повестки дня, а также готовность сторон продолжать регулярные консультации на высоком уровне свидетельствовали о позитивной динамике советско-японских отношений. С другой стороны, практически не было подвижек по наиболее значимым для Токио двусторонним вопросам: территориальной проблеме и проблеме гарантий безопасности рыболовного промысла вблизи от советских берегов. Сохранение же разногласий по ряду важных международных вопросов (в частности, по проблеме Вьетнама) было, как представляется, неизбежным в условиях, когда ключевым фактором международных отношений продолжало оставаться противостояние между СССР и США – главным внешнеполитическим партнером Японии.

Итоги первого визита министра иностранных дел СССР в Японию представляют интерес не только с чисто академической точки зрения: они служат и наглядной иллюстрацией того, что даже в условиях, когда стороны принадлежали к противоположным блокам, они были готовы и способны вести диалог и достигать взаимовыгодных решений. Но в то же самое время эти события демонстрируют и существенное, подчас непреодолимое влияние ограничений, существенно уменьшавших возможности достижения конкретных договоренностей между сторонами. Эти ограничения были связаны как с блоковой дисциплиной эпохи холодной войны, так и со спецификой японской внутренней политики, вынуждавшей представителей японской стороны продолжать настаивать на своих претензиях к СССР даже в условиях, когда перспективы получить желаемое были призрачными.

В конце второго десятилетия XXI в. Россия и Япония активно развивают свои контакты в политической, экономической и культурной сферах. Но, как и полвека назад, центральная проблема двусторонних отношений – проблема отсутствия мирного договора – остается нерешенной, а международная обстановка все сильнее напоминает мир эпохи холодной войны. В этом смысле изучение и осмысление страниц истории двусторонних отношений, к которым относится и визит А.А. Громыко в Японию в 1966 г., представляется особенно актуальным.

[1] Токио симбун. 28.07.1966; Санкэй симбун. 29.07.1966 (веч.).

Носов В.Н.

Об истории одного имянаречения

На протяжении 2012 г. в Сахалинской области широко отмечалось 65-летие островного региона, образованного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 января 1947 г. Принимая во внимание, что 60% географических объектов Сахалинской области не имело названий, в 2012 г. в регионе возникла инициатива, получившая впоследствии общероссийский размах, по предложению имен для 200 географических объектов (острова, скалы, мысы) на Сахалине и Курильских островах. В рамках действующего российского законодательства на региональном уровне вносились предложения по имянаречению и проходил их предварительный отбор. Данная работа проводилась Экспертным советом Сахалинской области по имянаречению островов, деятельность которого поддерживало правительство Сахалинской области.

3 сентября 2012 г. Представительство МИД России в г. Южно-Сахалинске направило письма на имя председателя Экспертного совета Сахалинской области А.И. Костанова с предложением имянаречения островов и в правительство Сахалинской области – с предложением о возможности имянаречения одного из объектов Курильской гряды в честь Андрея Андреевича Громыко. Предложение было обосновано тем, что А.А. Громыко входил в состав группы внешнеполитического ведомства СССР, непосредственно готовившей проведение Ялтинской (февраль 1945 г.) и Потсдамской (июль 1945 г.) конференций, в ходе которых были приняты условия вступления СССР в войну с Японией и решения о последующем возвращении СССР Южного Сахалина и Курильских островов. В апреле-июне 1945 г. А.А. Громыко возглавлял делегацию СССР на переговорах по образованию Организации Объединенных Наций и от имени советской стороны в Сан-Франциско (США) подписал Устав ООН. В письме Представительства МИД России в г. Южно-Сахалинске отмечалось:

«В рамках инициированного сахалинской общественностью конкурса “Имя на карте Сахалина и Курил” об имянаречении безымянных географических объектов Сахалинской области – островов, мысов и скал, Представительство МИД России в г. Южно-Сахалинске просит рассмотреть нижеследующее предложение.

Носов Владимир Николаевич – Представитель МИД России в г. Южно-Сахалинске.

Исходя из условий конкурса (наименование географического объекта, как вариант, должно увековечивать имена ушедших государственных, общественных деятелей истории и современности), предлагаем присвоить одному из крупных мысов Курильской гряды имя выдающегося дипломата и государственного деятеля СССР А.А. Громыко.

Несмотря на тот факт, что Андрей Андреевич Громыко никогда не посещал островов Сахалинской области и на первый взгляд не имел прямого отношения к островному региону, анализ ситуации показывает, что бывший министр иностранных дел СССР в силу своего служебного положения был одним из немногих советских людей, участвовавших в выработке предложений относительно послевоенной принадлежности южного Сахалина и Курильских островов.

Прежде всего, А.А. Громыко входил в группу лиц, непосредственно готовивших проведение Ялтинской (февраль 1945 г.) и Потсдамской (июль 1945 г.) конференций, в ходе которых были приняты условия вступления СССР в войну с Японией и приняты решения о последующей передаче СССР южного Сахалина и Курильских островов.

Важнейшая роль, которую сыграл советский дипломат в истории нашего Отечества, заключается в том, что по решению руководства СССР А.А. Громыко возглавил делегацию страны на переговорах по образованию Организации Объединенных Наций и от имени советской стороны подписал Устав ООН на конференции, прошедшей в г. Сан-Франциско (США) в апреле-июне 1945 г.

В этой связи полагаем, что имянаречение одного из крупных мысов (или скалы) Курильской гряды, выходящих на тихоокеанскую сторону, будет являться исторической нитью, связывающей Сахалин, Курильские острова Российской Федерации с городом Сан-Франциско – местом учреждения ООН.

Значимость Организации Объединенных Наций в современных условиях для всего человечества очевидна. Президент России В.В. Путин в своих внешнеполитических заявлениях неоднократно подчеркивал, что ООН является главным гарантом сохранения и поддержания всеобщего мира, безопасности и развития.

Наречение одного из мысов Курильской гряды именем великого советского дипломата Андрея Андреевича Громыко, внесшего достойный вклад в укрепление позиций нашей страны на международной арене, позволит отдать должное деятельности внешнеполитического ведомства России, а также его сотрудникам, служащим интересам Отечества.

В случае заинтересованности оргкомитета в изложенном предложении Представительства МИД России в г. Южно-Сахалинске представляется целесообразным запросить мнение руководства МИД России по данному вопросу, в частности, обратиться к министру иностранных дел России С.В. Лаврову.

В последующем на основании представленного ответа центрального аппарата МИД России с развернутой информацией о деятельности А.А. Громыко во внешнеполитической сфере страны, а также его участии в Ялтинской,

Сан-Францисской и Потсдамской конференциях, можно будет довести данную позицию до сахалинской общественности и заручиться ее поддержкой.

В предварительном плане представитель МИД России в г. Южно-Сахалинске В.Н. Носов готов выступить с основными тезисами по данной тематике на очередном заседании экспертной комиссии».

В первой декаде сентября 2012 г. Сахалинское отделение Русского географического общества организовало экспедицию на Курильские острова. Перед выходом экспедиции в море состоялось собрание членов Сахалинского отделения, в ходе которого ученые, опираясь на исторические факты и опрос общественного мнения, в частности, предложили назвать острову с координатами 43°49′09.5″С, 146°54′39.9″В дать название в честь Сергея Петровича Капицы, выдающегося советского и российского ученого; остров с координатами 43°48′27.7″С, 146°53′12.4″В назвать в честь Игоря Павловича Фархутдинова – губернатора Сахалинской области в 1996–2003 гг.; остров с координатами 43°48′29.3″С; 146°52′06.2″В – в честь Алексея Романовича Гнечко, советского военачальника.

В составе экспедиции по Курильским островам принял участие представитель МИД России в г. Южно-Сахалинске, согласовав с центральным аппаратом МИД России инициативу о присвоении одному из островов или мысов Курильской гряды имени А.А. Громыко. Выступая с данным предложением перед участниками экспедиции, В.Н. Носов подробно изложил роль, важность и значимость деятельности А.А. Громыко для Отечества. Данное предложение было поддержано и взято за основу для последующей проработки вопроса.

По итогам открытого голосования, проводимого в сети Интернет, предложение о наименовании одного из островов Курильской гряды именем Громыко было в первой десятке.

Председатель Экспертного совета Сахалинской области по имянаречению островов А.И. Костанов направил письмо в Сахалинское областное отделение Русского географического общества, с тем чтобы один из островов Курильской гряды был назван именем Громыко.

Вторая морская экспедиция в рамках Сахалинской областной программы «Имянаречения безымянных морских географических объектов» состоялась в срок с 10 по 23 ноября 2012 г. на гидрографическом судне Тихоокеанского флота России. Район морской экспедиции простирался от залива Буссоль на севере острова Уруп до Советского пролива на юге Курильских островов.

По результатам второй морской экспедиции председателем Сахалинского отделения В.Н. Храмушиным в Русское географическое общество были направлены предложения по имянаречению трех наиболее крупных остров из группы островов Таира, расположенных севернее острова Уруп. Предлагалось присвоить островам следующие имена: остров «Громыко Андрея Андреевича» (46°14′С, 150°36′В), остров «Щетининой Анны Ивановны» (46°14′С, 150°35′В), остров «Чавыча» (46°14′С, 150°35′В).

В целях знакомства жителей Сахалинской области с деятельностью А.А. Громыко и его вкладом в отстаивание на внешнеполитической арене государственных интересов СССР, Представительство МИД России в г. Южно-Сахалинске при поддержке Архива внешней политики МИД России с 8 по 22 февраля 2013 г. провело в Краеведческом музее Сахалинской области выставку с названием «А.А. Громыко: служение Отечеству». Выставка была приурочена к Дню дипломатического работника. На открытии выставки, посвященной великому дипломату, собрались представители дипкорпуса Сахалинской области, общественных организаций, национальных диаспор, ученые, историки.

Обращаясь к участникам выставки, представитель МИД России в г. Южно-Сахалинске сказал, что в настоящее время решается вопрос о наречении одного из безымянных Курильских островов именем А. Громыко. Потому наша задача как организаторов выставки – привлечь внимание к этой персоне, напомнить о том, кем был этот великий дипломат, политик для нашей страны. Андрей Громыко не был в Сахалинской области, но он внес огромный вклад в становление нашего края. Он участвовал в организации и проведении Ялтинской и Потсдамской конференций. Именно тогда были приняты условия вступления Советского Союза в войну с Японией, а после того и решение о том, что Южный Сахалин и Курилы должны быть возвращены СССР.

Особая роль в проведении работы по названию одного из островов Курильской гряды именем Громыко принадлежит председателю Сахалинского областного отделения РГО С.А. Пономареву, который был избран на этот пост в декабре 2015 г. В соответствии с частями 1 и 2 пункта 1 статьи 9 Федерального закона «О наименовании географических объектов» от 18 декабря 1997 года №152-ФЗ Сахалинское областное отделение РГО направило ходатайство о присвоении наименования «остров Громыко» одному из островов Курильской гряды в Сахалинскую областную думу. В ходе последующих общественных слушаний в Сахалинской областной думе С.А. Пономарев выступал по данному вопросу.

Итогом последующих рассмотрений вопроса в Росреестре и Минэкономразвития России стало Распоряжение Правительства РФ № 223-р от 8 февраля 2017 г., в соответствии с которым на основании предложения Сахалинской областной думы, а также для увековечивания памяти генерал-лейтенанта Деревянко К.Н., генерал-лейтенанта Гнечко А.Р., государственного деятеля, дипломата Громыко А.А., государственного деятеля, губернатора Фархутдинова И.П. и капитана дальнего плавания Щетининой А.И. присвоены следующие наименования географическим объектам, расположенным на территории Сахалинской области в пределах территориального моря Российской Федерации:

«остров Деревянко» – безымянному острову с координатами 43°22,8′ северной широты и 146°01,3′ восточной долготы;

«остров Гнечко» – безымянному острову с координатами 43°48,5′ северной широты и 146°52,1′ восточной долготы;

«остров Громыко» – безымянному острову с координатами 46°14,1′ северной широты и 150°36,1′ восточной долготы;

«остров Фархутдинова» – безымянному острову с координатами 43°48,5′ северной широты и 146°53,2′ восточной долготы;

«остров Щетининой» – безымянному острову с координатами 46°13,7′ северной широты и 150°34,6′ восточной долготы.

Павленко О.В.

Перелом: А.А. Громыко в первый год перестройки*

Нередко к первым годам перестройки применяют метафору «стены и мосты». В коммуникативных теориях она используется для объяснения процессов трансформации, когда прежняя модель взаимодействия разрушается, а новая еще не сформировалась. Эта метафора как нельзя лучше подходит для анализа внешней политики СССР, ее переходных качеств в 1985–1986 гг. Бастионы холодной войны, воздвигавшиеся десятилетиями, казались нерушимыми, бреши в них пробивались тяжело. Первые два года перестройки стали переломными. В Кремле вырабатывались новые подходы, а в Белом доме с большим трудом зарождалась стратегия «прагматичного доверия» к СССР. Конечно, о полноценном доверии между геополитическими соперниками не могло быть и речи. Но складывалась новая геополитическая комбинация, ставшая результатом усилий обеих сторон.

Эпоха перестройки вызывает острые дискуссии в современном российском обществе. Семь лет, которые изменили Россию и весь мир, по-разному оцениваются историками, политиками и журналистами. После растянувшегося почти на десятилетие «методологического шока» новая волна интереса поднялась в 2000-е годы. В центральных и особенно региональных университетах России были защищены десятки диссертаций, посвященных внешней политике в период перестройки[1]. Но внешнеполитический фактор рассматривался, как

Павленко Ольга Вячеславовна – кандидат исторических наук, профессор, проректор по научной работе, заведующая кафедрой зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Российского государственного гуманитарного университета.

* Материал представляет собой расширенную версию статьи, опубликованной в журнале «Современная Европа», 2019, № 5.

[1] Из сотни работ можно выделить: *Никитин К.М.* Эволюция внешнеполитической доктрины СССР. 1985–1991 гг.: автореф. … канд. ист. наук. М., 2008; *Ю Ен Чхел.* Сравнительный анализ внешнеполитических концепций «мирного сосуществования» Н.С. Хрущева и «нового мышления» М.С. Горбачева (на примере СССР в отношении ведущих стран АТР): автореф. … канд. ист. наук. М., 1995; *Бруз В.В.* Деятельность Организации Варшавского Договора по обеспечению европейской безопасности. Историографическое исследование: автореф. … докт. ист. наук. М., 2008; *Першина Е.В.* Внешний фактор трансформации тоталитарных режимов: на примере стран Восточной Европы: автореф. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2007; *Дроконова О.Н.* «Феномен М.С. Горбачева» и его эпоха в американо-британских источниках и исследованиях 1980-х – 1990-х гг.: автореф. … канд. ист. наук.

правило, отдельно от внутренних процессов. Российская историография была сосредоточена на таких темах, как демонтаж монополии КПСС; национальная политика и сепаратизм; трансформация массового сознания[1].

До сих пор вызывает дискуссии вопрос, как включались и действовали механизмы распада СССР? Академик А.Д. Сахаров назвал это «саморазрушением»[2]. Новые исследования российских авторов свидетельствуют, что элементы кризиса советской системы хоть и нарастали с 1970-х годов, но не имели взрывоопасного характера. Скоропалительные реформы Горбачева взорвали изнутри плановую экономику и регламентированную советскую систему[3]. Его идеи, ценности и стиль политического руководства имели решающее значение на процессы перестройки. Но общество готово было поверить в необходимость кардинальных перемен. Политическая и интеллектуальная элита была вовлечена в процесс саморазрушения страны, поскольку видела за призрачной линией горизонта новый мир без противостояний, открытый и демократичный. Осознание, что это была очередная в российской истории Великая Самоиллюзия, пришло гораздо позже.

Если во внешней политике Михаил Горбачев вошел в историю как человек, преобразовавший мир, то во внутренней политике трагические ошибки следовали одна за другой. Это привело к кровопролитию в национальных республиках и развалу всей финансово-экономической структуры страны. Пожалуй, в советской истории не было еще такой громадной пропасти между результатами внутренней и внешней политики. Чем больше укреплялось признание и доверие к СССР в международных процессах, тем глубже эрозия распада проникала в недра советской системы. Чем популярнее становился Горбачев в мире, тем критичнее относились к нему на родине, возрастало отторжение его инициатив. Как объяснить эту трагедию политика-реформатора мирового масштаба и выработать ее научное объяснение?

На одной чаше весов оказалась международная стабильность и нормализация отношений «Восток-Запад», а на другой – насилие в национальных

Нижневартовск, 2006; *Лебедкина А.К.* Российско-американские отношения во второй половине 80-х – 90-е годы XX века: автореф. … канд. ист. наук. М., 2004; *Поварницын Б.И.* Англо-американская историография национальной политики СССР и постсоветских государств, 1985–2000 гг.: автореф. … докт. ист. наук. М., 2003.

[1] *Барсенков А.С.* Реформы Горбачева и судьба союзного государства, 1985-1991 гг.: автореф. … докт. ист. наук. М., 2001; *Батурина И.М.* Политика перестройки в СССР, соотношение внутренних и внешних факторов (политологический анализ).: автореф. … канд. ист. наук. М., 2001; *Гуров В.А.* Вооруженные силы СССР и РФ во внутренних этнических и региональных конфликтах: первый исторический опыт, уроки: 1988–1998 гг.: автореф. ... канд. ист. наук. Тольятти, 2003; *Золотов В.А.* Политическая элита СССР: социальный состав, образовательный и культурный уровень: 1953–1991 гг.: автореф. ... докт. ист. наук. М., 2006; *Казначеев О.В.* Идейно-организационная дифференциация КПСС в процессе перестройки 1985–2000 гг.: автореф. … канд. ист. наук. Пятигорск, 2001.

[2] *Сахаров А.Д.* О причинах саморазрушения СССР / Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 2. Апогей и крах сталинизма. Под общей ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: РГГУ, 1997. С. 575–594.

[3] *Pavlenko O., Ruggenthaler P.* Recent Studies on the 1989 Revolutions in Eastern Europe and on the Demise of the Soviet Union // Contemporary European History: Cambridge University Press. Vol. 24:1. February 2015. P. 139–151.

конфликтах, резкое обнищание миллионов советских людей и бессилие политической власти. Значительная часть исследователей и современников перестройки в России, переживших «болевой шок», даже сейчас не готова перейти от эмоций к системному ретроспективному подходу, чтобы оценить феномен «Горбачева» в мировом масштабе[1]. Историк не может быть судьей общественных процессов и явлений, оставим это занятие политикам и журналистам. Бессмысленно вглядываться в прошлое сквозь призму «теории заговоров»[2]. Гораздо важнее *понять и принять* свершившееся как *исторический выбор поколения 1980-х* годов.

Личность А.А. Громыко в историографии и мемуарной литературы о перестройке

Историография накопила за последнюю четверть века крупные исследования, которые на широкой документальной базе смогли систематизировать и осмыслить внешнюю политику СССР, ставшую катализатором региональных и глобальных процессов, изменивших мировой порядок[3]. В ней можно

[1] *Грушин Б.А.* Четыре жизни России в зеркале общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. Кн. 3. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 624 с.; *Коровин А.Г.* Великая трагедия, или Причины крушения КПСС и СССР. Курган: Зауралье, 2003. 180 с.

[2] Подобная тенденция существует в исторической публицистике. См., к примеру: *Костин А.Л.* Заговор Горбачева и Ельцина. Кто стоял за хозяевами Кремля? М.: ЭКСМО, 2010. 608 с.; *Илюхин В.И.* Обвиняется президент. Прокурорское расследование: Как страну развалили, или Почему возникло в отношении М.С. Горбачева уголовное дело по статье 64 УК РСФСР «измена Родине». М.: Палея, 1992. 66 с.; *Крючков В.А.* Личное дело. М.: Эксмо, 2003. 480 с.; *Коробейников А.А.* Горбачев: другое лицо. М.: Республика, 1996. 207 с.; *Кара-Мурза С.Г.* Антисоветский проект. М.: Алгоритм, 2009. 352 с.; *Швейцер П.* Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и распаде социалистического лагеря. Минск: АВЕСТ, 1995.

[3] *Пивовар Е.И.* Перестройке 25 лет. Историческая память современной России / Материалы Международной научно-практической конференции, 14 мая 2010 г. М.: РГГУ, 2010.; *Безбородов А.Б.* Перестройка и крах СССР. 1985–1993. СПб: Норма, 2010. 216 с. Документы по внутренней и внешней политике СССР в последние годы его существования были опубликованы в хрестоматии: Современная Россия. Хрестоматия по истории: 1985–2010 / Отв. ред. Н.В. Елисеева. М.: ОГИ, 2014. 864 с. См. также*: Игрицкий Ю.И.* Россия в меняющемся мире: геополитические последствия системной трансформации. М.: ИНИОН, 2000. 78 с.; *Сидоров А.В.* Советский Союз накануне распада: опыт антикризисного управления. М.: МГУ, 2002. Особо стоит отметить значительные исследования профессора Гарвардского университета Марка Крамера: *Kramer M.* The Demise of the Soviet Block // Europe-Asia Studies. 2011. 63. No. 9. P. 1535–1590; Ideology and the Cold War // Review of International Studies. 1999. 25. No. P. 539–576; The Collapse of East European Communism and the Repercussions within the Soviet Union // Journal of the Cold War Studies. 2003. No. 5/4. P. 178–256; 2004. No. 6/4. P. 3-65; 2005. No. 7/1. P. 3–96. Документы по внешней политике из Горбачев-Фонда были опубликованы в издании: *Savranskaya S., Blanton Th., Zubok V.,* eds. Masterpieces of History: The Peaceful End of the Cold War in Europe, 1989. Budapest: CEU Press, 2010. См. также: *Garthoff R.* The great transition American-Soviet relations and the end of the Cold war. Washington, 1994. 848 p.; *English R.* Russia and the idea of the West. Gorbachev, intellectuals and the end of the Cold war. New York, 2000. 256 p.; Understanding the end of the Cold war, 1980–1987. An oral history conference. A compendium of declassified documents and chronology of the events. Brown University, May 7–10. 1998; An inside history of the Warsaw Pact, 1955–91. Documentary companion

выделить несколько общих тенденций. *Во-первых,* российские и зарубежные исследования, к сожалению, существуют параллельно, развиваясь отдельно в своей колее. Уровень цитирования западных ученых в российских работах невысок, так же как и в большинстве зарубежных трудов мы не находим ссылок на важные публикации источников и научных трудов, изданных в России. Исключение составляет лишь узкий круг знатоков эпохи перестройки, работы которых оказывают влияние на историографические подходы вне зависимости от национальных школ и предпочтений.

Во-вторых, количество опубликованных мемуаров советских и зарубежных политиков и дипломатов существенно превышает качество научных трудов[1]. Историк сегодня сталкивается с морем информации, проверить достоверность которой можно только при сопоставлении с другими источниками, учитывая неизбежные искажения, свойственные мемуарной литературе.

Политизация темы в последние годы только возросла, что привело к резкому размежеванию авторов в соответствии с их личным отношением к советской Атлантиде. На одном полюсе оказываются те, кто считает распад СССР роковой ошибкой, на другом – закономерным результатом историче-

to a cardboard castle. Ed. By V. Mastny. May, 2005; *Fisher B.B. (ed.)* At Cold war's end US intelligence on the Soviet Union and Eastern Europe, 1987–89. A compendium of newly declassified US intelligence documents. Washington DC, 1999. Документы размещены также в открытом доступе на сайте ЦРУ: www.cia.gov в разделе Center for the study of intelligence.

[1] Имеет смысл указать только те мемуары, которые были использованы при подготовке этого текста, в них реконструированы реалии внешней политики СССР: *Брутенц К.Н.* Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройки. М.: Международные отношения, 2005. 656 с.; *Грачев А.С.* Кремлевская хроника. М.: ЭКСМО, 1994. 416 с.; *Шахназаров Г.Х.* Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М.: Зевс, 1993. 626 с.; *Он же.* С вождями и без них. М.: ВАГРИУС, 2001. 590 р.; *Palazchenko P.* My years with Gorbachev and Shevardnadze. The Memories of a soviet interpreter. Pennsylvania, 1997. 384 р.; *Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М.* Глазами маршала и дипломата. Критический взгляд на внешнюю политику СССР до и после 1985 года. М.: Международные отношения, 1992. 320 с.; *Гриневский О.М.* Перелом. От Брежнева к Горбачеву. М. ОЛМА, 2004. 622 с.; *Громыко Анатолий.* Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. Воспоминания и размышления сына. М.: ИПО «Автор», 1997. 254 с.; *Добрынин А.Ф.* Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986). М.: ИПО «Автор», 1997; *Дубинин Ю.В.* Время перемен. Записки посла в США. М.: АВИАРУС-XXI, 2003. 456.; *Замятин Л.М.* Горби и Мэгги. Записки о двух известных политиках. Люберцы: ПИК ВИНИТИ, 1995; *Бешлосс М., Тэлбот С.* На самом высоком уровне. М., 1994. 400 с.; *Брейтвейт Р.* За Москвой-рекой. Перевернувшийся мир. М.: Московская школа политических исследований, 2004. 550 с.; *Модров Х.* Взлет и падение. М.: Международные отношения, 1993. 288 с.; *Он же.* Перестройка. Как я ее вижу. Личные воспоминания и анализ десятилетия, изменившего мир. М.: Международные отношения, 1999. 166 с.; *Мэтлок Дж.* Смерть империи. Взгляд американского посла на распад Советского Союза. М.: Рудомино, 2003. 579 с.; *Рейган Р.* Жизнь по-американски. М.: Новости, 1992. 740 с.; *Буш Дж., Скоукрофт Б.* Мир стал другим. М.: Международные отношения, 2004. 504 с.; *Бювалда П.* Дневник дипломата. Записки Чрезвычайного и полномочного посла Королевства Нидерландов в Москве, 1986–1990. М.: Наука, 2000. 220 с.; *Baker J.* The politics of diplomacy. Revolution, war and peace, 1989–1992. N.Y: Putnam, 1995; *Gates R.* Through the shadows. The ultimate insider's story of five presidents and how they won the Cold war. N.Y: Simon and Shuster, 1996; *Shultz G.* Turmoil and triumph. My years as secretary of state. N.Y: Charles Scribner's Sons, 1993; *Talbot S.* The master of the game. N.Y: Knopf, 1988 etc. Обширная документальная база размещена на сайтах Фонда Рейгана (http//www. reagan.texas.edu/ resource/speeches, Фонда Маргарет Тэтчер: http:// www.margaretthatcher.org/Speeches; Фонда Дж. Буша-ст.: http://www.bushlibrary tamu.edu/research/papers.

ского процесса[1]. Выход из этого идеологического тупика может быть только один – максимальное привлечение источников, рассекречивание архивов, объединение усилий международных научных коллективов, чтобы выработать разностороннее понимание того глобального разлома, из которого был создан современный мир.

В-третьих, на фоне острых дебатов значительно возрастает интерес к личному фактору – судьбам и характерам людей, которые сами раскрутили колесо перемен или попали под него. Но к какому бы лагерю не принадлежали ученые и публицисты – апологетам или критикам перестройки – большинство их сходится во мнении, что А.А. Громыко, 28 лет возглавлявший внешнюю политику СССР, достойно прошел через все искушения и испытания того времени, отстаивая государственные интересы и оставаясь верным своим принципам.

Клише в историографии и публицистике: А.А. Громыко – «господин Нет», не вполне соответствует его реальной дипломатической деятельности. Скорее, это метафора, рожденная западными партнерами по переговорному процессу. Посол СССР в США, проницательный дипломат А.Ф. Добрынин, которого министр высоко ценил за уникальное знание американского общества и политики, признавал: «В переговорах Громыко проявлял большое упорство и настойчивость. Если у него была запасная позиция по тому или иному вопросу, то он раскрывал ее лишь тогда, когда партнер по переговорам уже собирался встать из-за стола, чтобы закончить беседу. Впрочем, эта черта его порой переходила в крайность, то есть в недостаточную гибкость, что задерживало подчас своевременное достижение необходимых договоренностей»[2]. Но при этом министр иностранных дел СССР не был сторонником опасных конфронтаций. Он всегда искал пути, чтобы избежать угрозы новой войны и был сторонником ограничения ядерных вооружений. От имени СССР им было выдвинуто более 100 инициатив в области разоружения.

Но в отличие от Михаила Горбачева, он не верил в отвлеченные понятия, такие как «общечеловеческие ценности». А.А. Громыко «не воспринимал их в качестве серьезного фактора реальной политики, в том числе и с учетом не всегда безупречных действий самих США, и не верил в возможность быстрых кардинальных договоренностей с Западом»[3]. В книге «Памятное» А.А. Громыко неоднократно подчеркивал, что всегда стремился к нормализации отношений между СССР и США, но «как не раз бывало в истории советско-американских отношений, противники их нормального развития вновь извлекли на свет миф о “советской угрозе”, широко пустили в политический оборот тезис, будто напряженность, враждебность и противоборство

[1] *Karner St., Kramer M., Ruggenthaler P.*, ed. Der Kreml und die Wende 1989. Innsbruck, Wien, Bozen, 2014. 708 S.; *Полынов М.Ф.* Внешняя политика СССР в период перестройки 1985–1991 гг. СПб.: Алетейя, 2001. 502 с.; Внешняя политика СССР и России. 1985–1995 (к десятилетию перестройки) / Материалы научной конференции. М., 1995; Перестройка: двадцать лет спустя. М.: Горбачев-фонд, 2005; *Уткин А.И.* Большая Восьмерка. Цена вхождения. М.: Алгоритм, 2006. 460 с.

[2] *Добрынин А.Ф.* Указ. соч. С. 524.

[3] Там же.

являются чуть ли не единственным состоянием для отношений между СССР и США»[1].

«Тройка»: процедура принятия внешнеполитических решений в СССР

В исследованиях особое внимание уделяется изучению механизмов «коллективного руководства», которые формировались на основе консенсусов и компромиссов между крупными группами советских лоббистов[2]. Генеральный секретарь имел широкие полномочия, но не мог действовать единолично. Основные решения принимались коллегиально. Вокруг крупных вопросов, которые выносились на обсуждение Политбюро, закипали кабинетные интриги и дискуссии. Но если не было единогласия, вопрос откладывался[3]. Как правило, в этих случаях создавались отдельные комиссии ЦК КПСС, которые занимались мониторингом, анализом ситуации и поиском оптимального решения. Так, в первые годы прихода к власти Горбачева действовали 22 комиссии по Польше, Афганистану и другим вопросам.

В «эпоху Брежнева» постепенно сложилась коллегиальная процедура принятия государственных решений, при которой зоны ответственности были четко поделены между членами Политбюро. Внешняя политика и военные вопросы находились в компетенции «тройки», куда входили министр обороны (Д.Ф. Устинов), министр иностранных дел (А.А. Громыко), председатель КГБ (Ю.В. Андропов). Процесс согласования носил как формальный, так и неформальный характер. Сначала руководители договаривались между собой, после чего следовало поручение их ведомствам готовить совместный документ в ЦК.

Видный советский дипломат О.А. Гриневский, активный участник переговоров о разоружении, вспоминал, что на этом важнейшем стратегическом направлении общий тон и направление задавали Д.Ф. Устинов и А.А. Громыко. «Они находились в подчеркнуто дружеских отношениях, часто общались и предварительно все обговаривали между собой. Так что проблем у экспертов практически не возникало: равняясь на руководителей, они тесно и доверительно сотрудничали»[4].

Монополия на внешнеполитические решения сохранялась за Политбюро до 1988 г. При подготовке зарубежных визитов Генеральному секретарю, министру иностранных дел поступали от аппарата Политбюро директивы, в которых фиксировались основные и запасные позиции в переговорах, а также

---

[1] *Громыко А.А.* Памятное. Кн. 2. М.: Политиздат, 1990. С. 310.

[2] *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны. 1945–1985. М.: АСТ, Русь-Олимп, Астрель, 2007. 720 с.; *Лейн Д., Росс К.* Политбюро ЦК КПСС 1966–1991 гг. // Кентавр. 1994. № 4. С. 129–142; № 5. С. 98–104.

[3] *Горбачев М.С.* Жизнь и реформы. Кн. 1. М.: Новости, 1995. С. 14–15.

[4] *Гриневский О.А.* Как Горбачев приступал к внешней политике. (Записки дипломата) // США и Канада: Экономика, политика, культура. 2000. № 4. С. 83.

пределы допустимых компромиссов. После возвращения он и министр иностранных дел были обязаны информировать членов Политбюро о результатах.

Информация из-за рубежа поступала по каналам в Генеральный штаб Министерства обороны, МИД, КГБ, ГРУ (Главное разведывательное управление Министерства обороны) и Международный отдел ЦК КПСС. Между этими ведомствами происходил ежедневный, интенсивный обмен информацией, аналитическими документами, отчетами, дипломатической корреспонденцией. Только по линии КГБ в 1985–1988 гг. ежегодно направлялось свыше 7 тыс. информационных материалов, в том числе более 600 аналитических документов, треть из которых представляла особую важность[1]. «Выжимка» из общего информационного потока, а также материалы по текущим событиям, полученные из дипломатических, разведывательных и партийных источников, ложились на стол членам Политбюро и Генеральному секретарю.

Характеризуя ситуацию накануне перестройки, М. Горбачев отмечал, что в формировании внешней политики прослеживались две линии: «Одна шла к Черненко от Международного отдела через А.М. Александрова, другая – МИДовская. Первая содержала приглашение к переговорам, поискам соглашений, улучшению отношений. Вторая была более жесткой, можно сказать, железобетонной»[2]. Даже в своих воспоминаниях М.С. Горбачев не мог освободиться от неприятия дипломатической школы А.А. Громыко. Хотя тогдашний руководитель Международного отдела ЦК КПСС Б.Н. Пономарев, так же как и бывший доверенный помощник Л. Брежнева – А.М. Александров, совсем не отличались склонностью к компромиссам. Но именно в среде Международного отдела ЦК КПСС формировались политики, которые, несмотря на общую атмосферу партийного чинопочитания и идеологическую бдительность, имели свой взгляд на процессы в мире и реальное положение СССР. Не случайно, что они потянулись к Горбачеву, а некоторые из них попали в его ближний круг. Это заместители заведующего отделом А. Черняев, Г. Шахназаров, В. Загладин, К. Брутенц, руководитель консультантской группы Ю. Жилин, консультанты А. Вебер, А. Ермонский, референты В. Гусенков, Л. Попов и др.[3]

Среда «внутренних диссидентов», по выражению Евгения Примакова, расширялась в советской элите. Однако критическое отношение к советской системе не означало отторжения государственной идеи как таковой. Как признается К.С. Брутенц – заместитель руководителя Международного отдела ЦК КПСС: «Мы были крепко привязаны к идее мощной Родины, державы и т.д. И еще жаждали создания, как выразился один из наших сотрудников

---

[1] Отчет о работе Комитета государственной безопасности СССР за 1985 год // РГАНИ. Ф. 89. П. 51. Д. 7. Л. 2; Отчет о работе Комитета государственной безопасности СССР за 1986 год // Там же. Д. 9. Л. 2; Отчет о работе Комитета государственной безопасности СССР за 1988 год // Там же. Д. 15. Л. 3.

[2] *Горбачев М С.* Указ. соч. С. 266.

[3] См. подробнее: *Брутенц К.Н.* Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М.: Международные отношения, 2005. С. 17–26.

Ян Шмераль, (…) "партии порядочных людей"»[1]. Эта установка доминировала среди сторонников перестройки.

В советском процессе принятия решений были задействованы два уровня – партийно-дипломатический и информационно-разведывательный. На первом работали МИД и Международный отдел ЦК КПСС. Эти влиятельные ведомства негласно конкурировали между собой. На втором – подключались «мозговые центры», действовавшие в структурах КГБ, ГРУ и Генерального штаба. При Горбачеве к внешнеполитическому процессу был подключен еще один уровень – научно-аналитический. До середины 1980-х годов академическая аналитика не оказывала существенного влияния на советскую политику. В период перестройки по примеру американских *Think Tanks* (мозговых центров) стали привлекаться для работы на правительство научно-исследовательские институты в системе Академии наук: ИМЭМО (Институт мировой экономики и международных отношений), который возглавил Александр Яковлев, Институт США и Канады во главе с Георгием Арбатовым, Институт Дальнего Востока и созданный по инициативе Горбачева Институт Европы. Однако большая часть аналитических материалов, которые готовили для МИДа и Международного отдела ЦК КПСС академические институты, оседала в кипах кабинетных бумаг. Из архивных фондов можно сейчас узнать о серьезных альтернативах внешней политики СССР и ее упущенных возможностях.

В переходный период – после смерти Л. Брежнева и в короткие промежутки, когда у власти были Ю.В. Андропов и К.У. Черненко, влияние «тандема» А.А. Громыко – Д.Ф. Устинов еще более усилилось. После смерти министра обороны в декабре 1984 г. А.А. Громыко стал, по сути, наиболее влиятельным членом Политбюро. Неудивительно, что именно его мнение оказало решающее влияние в марте 1985 г. на закулисную партийную борьбу по выдвижению нового Генерального секретаря.

На внеочередном пленуме ЦК КПСС А.А. Громыко выступил с речью, в которой поддержал кандидатуру Михаила Горбачева. Ближайший сподвижник будущего руководителя страны – Анатолий Черняев зафиксировал в своих записях слова Громыко о Горбачеве: «У него огромный опыт партийной работы – на обкомовском уровне и здесь, в центре, проявил себя блестяще. У него глубокий и острый ум, умение отделить главное от второстепенного. Ум аналитический. Он умеет делать выводы. Его отличает принципиальность. Он человек принципов и убеждений. Он умеет отстаивать свое мнение, кому-то, может быть, и неприятное. И выражает это мнение прямо, без обиняков. Но всегда во имя линии партии и для партии. Это и есть партийный подход – все оценки с точки зрения партии»[2].

Столь высокая оценка из уст министра иностранных дел означала многое. А.Ф. Добрынин считает, что это был прагматичный расчет – «в течение многих лет он всегда в решающие моменты делал правильную ставку на победи-

[1] *Брутенц К.Н.* Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. С. 21. С. 21.
[2] *Черняев А.С.* Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. М.: РОССПЭН, 2008. С. 20.

теля. Этим во многом объяснялось его политическое долголетие»[1]. В литературе устоялось мнение, что выбор Громыко в пользу Горбачева объяснялся двумя причинами. Во-первых, он понимал, что с «пятилеткой пышных похорон» пора заканчивать и требуется молодой перспективный лидер. Во-вторых, он готов был поддержать выдвиженца Юрия Андропова, потому что верил в необходимость обновления и реформирования советской системы[2].

Опытный и проницательный политик, А.А. Громыко не учел, что внешне открытый и благожелательный М.С. Горбачев обладал не только волевым характером, но и чрезвычайно высокими амбициями. Как отмечает в воспоминаниях А.Ф. Добрынин, он не простил А. Громыко критическую реакцию на свою первую поездку в Англию. Министр сделал внушение послам в западных странах, сообщившим о благоприятных отзывах на самого молодого члена Политбюро. По мнению министра, нельзя было «слишком рекламировать себя» за рубежом[3]. Это стало известно М.С. Горбачеву, который надолго запомнил этот эпизод.

Роль А.А. Громыко в подготовке Женевской встречи на высшем уровне в 1985 г.

В марте 1985 г. на первом заседании Политбюро после избрания Генеральным секретарем М.С. Горбачев был еще осторожен. В адрес А.А. Громыко он сделал лестное заявление, что «внешнюю политику менять не надо, она завоевала авторитет, требуется лишь активация»[4]. Внешне ничего не предвещало глобальных перемен. В это время А.А. Громыко был полностью занят подготовкой личной встречи Горбачева и Рейгана. Это требовало больших усилий и сложных многоступенчатых переговоров от определения места встречи до ее повестки.

Правда, уже через месяц, в апреле, когда закипела работа с американцами по согласованию позиций на предстоящей встрече в верхах, Горбачев уже не скрывал от А.Ф. Дубинина, что «недоволен консервативным и догматичным подходом Громыко к кардинальным вопросам внешней политики СССР, в частности, на американском направлении. Чувствовалось, что про себя он уже решил вопрос о его замене»[5].

Инициатива встречи на высшем уровне исходила от американской стороны и была поддержана в Кремле. Советский посол в Вашингтоне А.Ф. Дубинин оценивал эту возможность с умеренным оптимизмом. Оба – министр иностранных дел и посол – считали, что после выборов Рейган во время

---

[1] *Добрынин А.Ф.* Указ. соч. С. 516.

[2] *Базылев В.Н.* О своей стране, своей судьбе, настоящем и пережитом: Андрей Андреевич Громыко (к вопросу о реальности «политического нарратива) // Политическая лингвистика. 5 (71) 2018. С. 21–22.

[3] *Добрынин А.Ф.* Указ. соч. С. 521.

[4] Цит. по *Воротников В.И.* А было это так. М., 1995. С. 60.

[5] *Добрынин А.Ф.* Указ. соч. С. 521.

второго президентства может пойти «на какие-то договоренности»[1]. Визит А.А. Громыко в Вашингтон в сентябре 1984 г., его встречи с госсекретарем Шульцем и самим Рейганом дали импульс к новым переговорам по вопросам «ядерных и космических вооружений». Разумеется, каждая из сторон имела свои причины, стимулы и ограничения.

Посол США в СССР Хартман сообщил А.Ф. Дубинину, что Рейган доволен, что прошел испытание Андреем Громыко. «Это даже как-то подняло его в собственных глазах». Он сам признавался, что вести переговоры с Громыко тяжелее, чем с Мондейлом[2]. Политбюро после длительных дискуссий также приняло решение начать новые переговоры. Но если советская сторона проявляла особый интерес к программе США в области ядерных космических вооружений (СОИ), то американцы планировали сосредоточить внимание исключительно на стратегических наступательных вооружениях.

По свидетельству А.Ф. Дубинина, Рейган еще до прихода Горбачева к власти хотел подписать с СССР серьезное соглашение о сокращении ядерных вооружений в ближайшие 2–3 года[3]. Другими словами, американский президент планировал совершить важный прорыв в области глобальной безопасности, ознаменовав тем самым свое второе президентство. Но внутри новой американской администрации не было согласия по вопросам взаимоотношений с СССР. Если сам госсекретарь Шульц, заведующий советским отделом Саймонс, зав. отделом по делам Европы Госдепартамента Палмер поддерживали эту инициативу, как и советник президента по национальной безопасности Макфарлейн, то другие – глава ЦРУ Кейси, министр обороны Уайнбергер, генералы из Пентагона были категорически против. Неудивительно, что позиция Вашингтона накануне и в начале перестройки напоминала маятник – от резкого осуждения и охлаждения отношений с СССР до проявлений заинтересованности в их нормализации.

Этот факт позволяет откорректировать устоявшееся мнение не только в западной, но и отечественной историографии, что только с приходом Горбачева и назначением министром иностранных дел Э. Шеварднадзе начался новый переговорный процесс о разоружении между Москвой и Вашингтоном. На излете своей дипломатической службы А.А. Громыко стоял у истоков переговоров о СНВ, в которых были заинтересованы обе стороны. Именно при его участии были определены дата и место встречи лидеров двух государств – Женева (19–20 ноября 1985 г.), намечены общие вопросы для обсуждения.

После резкого охлаждения отношений и конфронтации, размещения ядерного оружия в Европе в начале 1980-х годов запланированная встреча в Женеве имела не столько прагматичный, сколько символический характер – начало диалога между Москвой и Вашингтоном, что свидетельствовало о понимании взаимной ответственности двух сверхдержав в сохранении мира и укреплении основ глобальной безопасности.

---

[1] *Добрынин А.Ф.* Указ. соч. С. 506.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 509.

Еще будучи министром иностранных дел, А.А. Громыко имел инструкции от Политбюро по ведению переговоров с американцами: «добиваться максимально четкой формулировки цели переговоров по космосу, чтобы не допустить создания космических вооружений, и при этом взаимно увязать ход рассмотрения на будущих переговорах как космических, так и ядерных вооружений»[1]. Уже в начале 1985 г. стало очевидным, что новый советско-американский переговорный процесс будет развиваться по дуалистическому сценарию. Если Рейган упрямо держался за космическую программу СОИ и уходил от любых ее обсуждений с зарубежными партнерами, то Горбачев усвоил и принял позицию Политбюро, считал необходимым сорвать СОИ любой ценой, видя в ней главную угрозу для СССР. Первый период кардинальных трансформаций советской внешней политики – 1985–1987 гг. – прошел под знаком острых споров вокруг СОИ. Как впоследствии выяснилось, оба лидера, Горбачев и Рейган, значительно преувеличивали ее эффект и реальные возможности.

Кадровые и стратегические перемены в МИД СССР

2 июля 1985 г. на сессии Верховного Совета официально было объявлено о почетном повышении А.А. Громыко и его отставке с поста министра иностранных дел. В мемуарах советских дипломатов можно прочитать, что это решение Горбачева оказалось неожиданным, как «гром среди ясного неба»[2]. Однако в дипломатических кулуарах и раньше обсуждался вопрос о возможной замене 76-летнего министра. Но все были убеждены, что если новый министр и будет назначен, то из ближнего круга А.А. Громыко, который составляли наиболее опытные советские дипломаты. Многие прочили на эту должность заместителя министра Г.Н. Корниенко либо Ю.М. Воронцова, кандидатуру которого лоббировал сам А.А. Громыко. Опытный дипломат, которого министр знал еще по работе в советском посольстве в Вашингтоне, в то время был послом в Индии и имел большие заслуги в развитии советско-индийского сотрудничества. Однако Горбачев понимал, что отдать МИД «чуть ли не родственнику Громыко значило бы оставить все как есть». Это стало сигналом для кремлевской элиты, как писал Анатолий Черняев, что наступил «конец громыкинской монополии и власти мидовского аппарата над внешней политикой»[3].

Предложенная должность Председателя Президиума Верховного Совета СССР как высший государственный пост имела большие льготы и привилегии в советской номенклатуре, но была лишена серьезного политического влияния. Отстранение А.А. Громыко от оперативного управления внешней

---

[1] *Дубинин А.Ф.* Указ. соч. С. 513.

[2] *Гриневский О.А.* Как Горбачев приступал к внешней политике. // США и Канада: экономика, политика, культура. 2000. № 4. С. 74.

[3] *Черняев А.* Указ. соч. 1 июля 1985 г. С. 638.

политикой СССР объяснялось несколькими причинами. Знавший настрой Генерального секретаря А.Ф. Дубинин считал, что Горбачев избавлялся «в преддверии серьезного диалога с США от тяготившего его министра, которого он недолюбливал и который своим присутствием и авторитетом мешал проведению зарождавшегося курса "нового мышления" во внешней политике СССР»[1]. Действительно, в мае 1985 г. Громыко и Шульц встретились в Женеве, но не смогли договориться. Горбачев, который всегда торопился в реализации своих задумок, был крайне раздражен пробуксовкой. В конце июня он позвонил Шеварднадзе в Грузию и сделал предложение стать министром иностранных дел.

С первых месяцев пребывания во власти Михаил Горбачев начал постепенно менять процедуру принятия политических решений, десятилетиями сложившуюся в СССР. Причем изменения касались не правовых или институциональных аспектов, а самого главного – «человеческого фактора». Горбачев был искушенным политиком, чутко улавливал оттенки личных взаимоотношений между членами Политбюро, поэтому сразу стал вводить людей, лично обязанных ему своим выдвижением[2]. Он не рискнул вывести А.А. Громыко из Политбюро из-за его значительного авторитета среди не только «старой гвардии», но и молодых выдвиженцев.

Тогда же Горбачев убрал из Политбюро своего давнего конкурента Г.В. Романова. На его место был введен Э.А. Шеварднадзе, который уже через два дня был назначен министром иностранных дел[3]. Столь стремительное восхождение Шеварднадзе из горной республики на вершину власти было личным решением Генерального секретаря. Шеварднадзе всю жизнь проработал в Грузии, сначала возглавлял республиканский КГБ, затем Коммунистическую партию. Он пытался отказаться, сославшись на отсутствие дипломатического опыта, но, по его словам, Горбачев убедил его, что в новых условиях важны «исключительно политические взгляды и умение регулировать текущий процесс». Этот критерий – личная лояльность и готовность проводить курс перестройки – ценился Горбачевым выше профессионального опыта[4].

Еще в начале 1980-х годов они вместе вели откровенные разговоры на отдыхе в Абхазии о том, что «все прогнило» и «страна больна». «Сказать такое

---

[1] *Дубинин А.Ф.* Указ. соч. С. 524.

[2] На Апрельском (1985) пленуме ЦК КПСС Михаил Горбачев ввел в Политбюро новых членов, на которых мог опереться, – Е.К. Лигачева, Н.И. Чебрикова (председателя КГБ), Н.И. Рыжкова. Это стало началом кадровой революции в советской элите, без которой он не смог бы осуществить проект перестройки.

[3] Министр иностранных дел А.А. Громыко, руководивший советской внешней политикой почти полстолетия, был назначен на пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Существует версия, что А.А. Громыко сам хотел получить этот пост и договаривался об этом с М. Горбачевым накануне заседания Политбюро в марте 1985 г., когда обсуждались кандидатуры нового Генерального секретаря. Его выступление в поддержку М. Горбачева сыграло тогда решающую роль. Сам М. Горбачев намекал, что А.А. Громыко «считал, что недооценен», поэтому и появилось это предложение – «почетно и хорошо» (*Горбачев М.* Указ. соч. С. 13).

[4] *Горбачев М.* Указ. соч. С. 13.

друг другу в то время, признать такое – значит, полностью раскрыться друг перед другом в самом главном»[1]. Горбачеву было необходимо сконцентрировать в своих руках всю внешнюю политику. Шеварднадзе как нельзя лучше подходил для этой роли.

Уже летом 1985 г. новый курс в Политбюро поддерживали Э.А. Шеварднадзе и Н.И. Чебриков – председатель КГБ. Проблемы возникали с министром обороны маршалом С.Л. Соколовым (1984–1987), за которым стояли советский генералитет и влиятельные лоббисты военно-промышленного комплекса СССР. В 1980–1985 гг. он был руководителем Оперативной группы, которая координировала боевые действия в Афганистане. Но С.Л. Соколов оставался кандидатом в члены Политбюро, так и не получив полноправный статус, как прежний министр обороны Д.Ф. Устинов. Маршал С.Л. Соколов, как и большинство высшей военной элиты, был не согласен с темпами и масштабом сокращения ядерных вооружений в СССР.

Военная оппозиция серьезно беспокоила Михаила Горбачева. Тем более что по внешнеполитическим вопросам, особенно в области разоружения, сохранялся тандем А.А. Громыко и С.Л. Соколова, позицию которых поддерживали члены Политбюро Соломенцев, Долгих и Демичев, пользовавшиеся серьезным влиянием в аппаратной среде. Умеренная и прагматичная оппозиция внутри верхушки партии чрезвычайно нервировала эмоционального Шеварднадзе и самого М.С. Горбачева. Постепенно по вопросам внешней политики и разоружения создалась биполярная ситуация. На одной стороне оказались военные и «старая партийная гвардия», на другой – А.Н. Яковлев, Э.А. Шеварднадзе, Н.И. Чебриков. Генеральный секретарь не мог и не хотел оставаться над закулисными баталиями в Политбюро. Двойственная ситуация сохранялась до мая 1987 г., когда после скандала, вызванного полетом над Москвой и Кремлем немецкого любителя М. Руста, в результате серии быстрых и решительных действий Горбачеву удалось совершить кадровую революцию в высших эшелонах власти и получить свободу рук во внешней и внутренней политике.

После назначения министром иностранных дел Э. Шеварднадзе пригласил на должность своего помощника журналиста из Грузии - Теймураза Степанова-Мамаладзе. «Темо» (так звали друзья Степанова-Мамаладзе) и «Шеви» (Э. Шеварднадзе) сближало обостренное чувство сопричастности к общей родине – Грузии и резкое отторжение «загнившего» в советской системе. 3 сентября 1985 г. Теймураз высадился, по его словам, «на планету МИД», где вначале все казались «инопланетянами», изливавшими потоки информации – «острая, пряная, иногда дурно пахнущая пища для ума. Разум смятен»[2].

При первой встрече Шеварднадзе поделился с ним, что работает с 8 утра до полуночи, оставляя днем только один час для сна. Первые дни новый министр чувствовал себя «крайне неуютно» в МИДе. «Дискомфорт и пережива-

[1] Отвечая на вызовы времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. М.: Весь Мир, 2010. С. 13.

[2] *Степанов-Мамаладзе Т.* И мир менялся на наших глазах. Кн. 1. Тбилиси: Favorit print, 2013. С. 10.

ния» испытывал в начале и сам Степанов-Мамаладзе[1]. Но адаптация прошла быстро. По роду своих обязанностей он был посвящен в «кухню» внешней политики, доступной только избранному кругу.

Ритм работы Э. Шеварднадзе был чрезвычайно напряженным. Его помощники могли за одну только поездку, объединявшую несколько стран, налетать до 40 часов. Менялись часовые пояса, климат, страны, формат, цели и задачи визитов. С каждым годом изменялись приоритеты советской внешней политики, политический стиль в общении между Востоком и Западом, понимание миссии СССР в мире. Перестройка меняла мир, и ее творцы изменялись вместе с ней.

Концепция «нового политического мышления» Михаила Горбачева зарождалась под влиянием его личных контактов с зарубежными политическими элитами и обществами. Если в первый год перед командой Горбачева стояла задача показать миру, что он – советский лидер нового типа, то уже на следующий год началась работа над новым внешнеполитическим курсом. Министр Шеварднадзе давал установку своим помощникам – «мы должны всячески содействовать яркости "звезды" Горбачева, чтобы закрепить и развить сложившееся впечатление»[2].

Первое интервью М. Горбачева журналу «Тайм», первое выступление Э. Шеварднадзе на Генеральной Ассамблее в ООН, встречи с Дж. Шульцем, речь М. Горбачева в Елисейском дворце о безъядерном мире… Все должно было показать – новые люди в Кремле готовы к новым отношениям между Востоком и Западом. Впервые понятие «новое политическое мышление» прозвучало в Заявлении М. Горбачева от 15 января 1986 г.[3] Раздел по внешней политике его доклада на XXVII съезде КПСС в феврале 1986 г. переделывался четыре раза. Вводилось новое понятие – «демократизация международных отношений», но нужно было понять, как СССР должен выстраивать «демократические отношения» с Западом. За общими словами в тексте доклада не было конкретных разъяснений.

Дальнейшее оформление внешнеполитического курса произошло на конференции в МИДе в мае 1986 г. Перед советской дипломатией были поставлены задачи, направленные на сближение Востока и Запада и отказ от политики конфронтации. Этот прорыв в советской внешней политике хронологически совпал с началом реформ в стране. В дневнике Анатолия Черняева есть любопытная запись о заседании партийного пленума: «Хитрый, умный, талантливый Шеварднадзе все-таки изловчился: сказал, что давно не было такой реакции во всем мире на события в СССР, как на избрание Горбачева (…) Процитировал "Вашингтон Пост" с похвалами в адрес "нового советского

[1] *Степанов-Мамаладзе Т.* Указ. соч. С. 12.

[2] Там же. С. 14–17.

[3] Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева, 15 января 1986 г. М., 1986. С. 8. Хотя генезис его доктрины внешней политики начался еще при подготовке материалов апрельского пленума 1985 года: см.: Материалы апрельского (1985) пленума ЦК КПСС. М., 1985; За новое политическое мышление в международных отношениях: Документы и материалы. М., 1987. С. 123–190.

лидера" (…) тут же оговорился: знаю, мол, что Михаил Сергеевич не любит, когда о нем говорят, но ведь это же не я, а американцы говорят! Хохот в зале»[1].

Знал Шеварднадзе, чем взять Горбачева, как добиться его личного расположения. Он вообще в совершенстве владел искусством личного общения, внутренним чутьем угадывая, что хотел бы услышать собеседник, как его расположить к себе. Это внутренняя потребность нравиться на Западе нередко приводила к излишней торопливости и суетливости в принятии решений. В отличие от А.А. Громыко, который долго и тщательно взвешивал каждое слово в переговорах и стремился максимально «дожать» своих партнеров, Э.А. Шеварднадзе всех очаровывал своим обаянием и манерой во всем подыгрывать собеседникам. Он все время «работал» на контрасте с прежним политическим стилем А.А. Громыко.

Его преданный помощник Теймураз Степанов-Мамаладзе с восторгом писал о «гении Грузии», который за короткий срок изменил характер советского МИДа: «Старожилы этого неухоженного дома на Смоленской говорят, что никогда еще в нем не звучали такие речи. Требования быстродействия интеллекта, большей подвижности, динамизма, лучшей профессиональной оснащенности были подкреплены крепко забытыми моральными заповедями: не возлюби жены ближнего своего, не лги, не воруй, не разлагайся. Ссылки на Ленина, Чичерина, Горбачева, под занавес – на Маркеса – и все это с использованием отработанных приемов воздействия на "психологию массы", включая такое сильнодействующее средство, как собственное волнение»[2]. Речь шла о выступлении нового министра перед сотрудниками МИДа 1 декабря 1985 г. Шеварднадзе с упоением демонстрировал новый стиль управления внешней политикой СССР и новое понимание ее целей. Но за высокоморальной риторикой не прослеживалось реальное внешнеполитическое планирование.

Шеварднадзе был искренне убежден в том, что Женева – это результат его вдохновенного труда, великий шанс для «усталого человечества», который освятил «его вступление в мир большой внешней политики». Именно Женева, как министр считал, дала ему мандат на критические высказывания в адрес Министерства иностранных дел СССР. Как замечал Степанов-Мамаладзе, «аплодисменты прозвучали лишь раз и, к удивлению оратора, в самом неподходящем месте – там, где он коснулся соцкультбыта»[3]. В этих словах человека, которому Э.А. Шеварднадзе доверял свои мысли и чувства, открывается многое в понимании политического поведения нового министра. Он так и не принял ни советскую школу дипломатии, нормы и правила дипломатической среды. Э.А. Шеварднадзе слишком жаждал скоропалительного успеха и признания, подсознательно видя в западных партнерах модель для референтного подражания.

---

[1] *Черняев А.* Указ. соч. 23 апреля 1985 г. С. 623.

[2] *Степанов-Мамаладзе Т.* Указ. соч. 1 декабря 1975 г. С. 24.

[3] Там же.

Но поводов гордиться большими успехами в 1985 г. не было. Встреча в Женеве прошла по тому сценарию, который предсказывал А.А. Громыко. Позиция советской стороны соответствовала основным установкам, которым следовал прежний министр иностранных дел. Безусловно, стиль общения стал более открытым и привлекательным, изменилась риторика. Но сохранялась жесткая позиция увязывать переговоры о сокращении наступательных вооружений с программой СОИ, что и вызвало сильное раздражение Р. Рейгана.

Надежды М. Горбачева и Э. Шеварднадзе на сближение с Францией также не оправдались. А. Черняев раздраженно записал в дневнике: «Еще одна на протяжении веков попытка России обняться по-братски с Европой. И опять – ирония, холодность, вежливая надменность в ответ (…) Высокомерное и гнусное лицо Миттерана во время совместной с Горбачевым конференции было лицом Европы в ответ на наше радушие»[1].

Нередко М. Горбачева представляют даже в исследовательской литературе наивным романтиком от политики. Но записи его выступлений в Политбюро, хранящиеся в Фонде Горбачева, свидетельствуют, что он совсем не идеализировал реальное состояние дел. На заседании 24 марта 1986 г. Горбачев сетовал, что Запад «разоружаться не собирается». В апреле размышлял, как можно влиять на Вашингтон: «Мы имеем мало возможностей проникать в саму Америку, но у нас есть возможности действовать через Европу, чтобы добиваться изоляции их милитаристской верхушки»[2]. В начале своего политического лидерства, казалось, он отдавал отчет в том, с каким сложным и сильным партнером придется иметь дело.

Установка Белого дома оставалась неизменной – истинные интересы СССР фундаментально расходятся с национальными интересами США. Тем не менее Горбачев не уставал продвигать в сферу мировой политики моральные категории, которые могли бы стать фундаментом нового миропорядка, свободного от глобального противостояния. В 1987 г. он выпустил книгу «Перестройка и новое политическое мышление для нашей страны и для всего мира», в которой обосновал новые принципы внешней политики СССР и отказ от глобального противостояния с Западом.

Чтобы снизить потенциал конфронтации в советско-американских отношениях, Горбачев в 1985–1986 гг. приблизил к себе Георгия Арбатова – директора Института США и Канады. Он считался глубоким знатоком американской политики, водил личное знакомство с Генри Киссинджером и передавал советскому руководству его советы по улучшению взаимоотношений. Г. Арбатов рекомендовал не частить с публичными заявлениями и инициативами, энергичнее делать шаги по замирению с китайцами. И главное – настаивал, что пора заканчивать с Афганистаном и перестать общаться с восточноевропейскими странами как с сателлитами[3].

---

[1] *Черняев А.* Указ. соч. 7 октября 1985 г. С. 648.

[2] Запись на Политбюро 24.03.1986 // Архив Горбачев-Фонда. Ф. 2. Оп. 1; Запись на Политбюро 3.04.1986 // Там же.

[3] *Черняев А.* Указ. соч. 11 апреля 1985. С. 619.

Но для осуществления прорывных решений необходима была кадровая чистка МИДа, выдвижение дипломатов, способных перешагнуть через принципы «школы А.А. Громыко» и проводить новый курс. Дебют Шеварднадзе на большой сцене советской политики ознаменовался громкими заявлениями о необходимости «чистки» всего партийного аппарата. С не меньшим рвением он приступил к «очищению» дипломатических кадров МИДа, убедив М. Горбачева в ее необходимости. В августе 1985 г. на заседании Политбюро был дан старт этой кампании. Горбачев заявил: «Надо учиться дискутировать, спорить, отстаивать наши идеи и убеждения. Разучились мы это делать. Кадры надо для этого готовить. МГИМО готовит касту, а не кадры. Туда рвутся люди, чтобы обарахляться за границей, а не воевать за наши идеи»[1].

Кадровая перестройка внешнеполитической сферы коснулась не только МИДа, но и Международного отдела ЦК КПСС. В дневнике А. Черняева от 9 октября 1985 г. есть любопытная запись. Он был дружен с Г. Арбатовым, который любил подчеркнуть свои особые отношения с генсеком: «Между прочим, Арбатов уже подсчитывает свои стратегические завоевания: заронил подозрение у Генерального к военным, охладил доверие к мидовцам – Громыко совсем отодвинут, с ним уже никто не считается, хотя на протокольной авансцене то и дело фигурирует троица: Горбачев, Громыко, Рыжков». Нелестно пишет А. Черняев и о ключевых фигурах советской политики в Восточной Европе - главном идеологе М.В. Зимянине и координаторе отношений с социалистическими странами – М.В. Русакове: «У Русакова вообще маразм, не может освоить элементарных вещей, трижды пришлось крутить только вокруг повестки дня. М.В. (Русаков. – *Авт.*) мандражит, все время что-то будто перебирает руками, всех перебивает, говорит то одно, то прямо противоположное. Оба они с Русаковым доживают последние месяцы на своих постах и, конечно, нервничают»[2].

Недаром, уже с высоты нынешнего времени, А. Черняев назвал 1985-й «годом стиля»[3]. В советской политике начинали происходить прежде невозможные явления. Возникал институт «спичрайтеров», куда приглашались интеллектуалы, вносившие в тексты руководителей государства свои идеи, казавшиеся им прорывными на общем фоне стагнации советской системы. Влияние таких спичрайтеров уже в первый год перестройки настолько усилилось, что они могли напрямую влиять на процесс принятия внешнеполитических решений. Волна горбачевского новаторства подняла на самую верхушку власти Александра Яковлева. Он, в свою очередь, потянул за собой Черняева, Шахназарова, Арбатова, Медведева. Интеллектуалы-аппаратчики формировали не только внешнеполитический стиль Горбачева, его «образ на экспорт», но и принимали самое прямое участие в разработке стратегических инициатив СССР в мировой политике. Рано или поздно эта группа, сплоченная вокруг Горбачева, должна была столкнуться с Э. Шеварднадзе, который

[1] Там же. 27 августа 1985 г. С. 643.
[2] Там же. 9 ноября 1985. С. 653.
[3] Там же. С. 664.

все больше входил во вкус большой политики и начинал ощущать себя вершителем глобальных перемен. Тем более что от помощников Горбачева требовалось общаться на равных с МИДом и КГБ, другими внешнеполитическими ведомствами, отстаивать позицию аппарата Генерального секретаря, т.е. «вести перманентную серьезную полемику с ними»[1].

Весь этот период внешняя политика СССР развивалась под воздействием двух противоречивых тенденций. С одной стороны, еще сохранялась сильная инерция советской эпохи, которая заставляла М. Горбачева и его министра иностранных дел играть по правилам, заложенным дипломатией А.А. Громыко. Еще не утратили силу советские многосторонние форматы – Варшавский договор, Совет Экономической Взаимопомощи, Движение неприсоединения, международное коммунистическое движение и двусторонние доверительные отношения с «братскими странами» Восточной Европы, режимом Ким Ир Сена в Северной Корее, Фиделя Кастро на Кубе и т.д.

Переходность первых двух лет перестройки отразилась и в ежегодных Отчетах КГБ под грифом «Особой важности». Отчет за 1985 г. был выдержан в советской традиции. Противниками СССР назывались «правящие круги США, других стран НАТО, Японии и КНР», которые стремятся «к достижению военного превосходства над СССР». Ставилась задача – своевременно обнаружить «признаки подготовки к возможному развязыванию ракетно-ядерной войны», искать информацию «о военно-стратегических планах противника»[2]. На Всесоюзном совещании руководящего состава органов и войск КГБ СССР в июне 1986 г. особо отмечалось усиление «подрывной деятельности спецслужб империализма против СССР и других социалистических стран». Руководитель Первого главного управления КГБ В.А. Крючков, занимавшегося разведывательной деятельностью, призывал сотрудников «не просмотреть непосредственной подготовки США и их союзников к внезапному ракетно-ядерному нападению на СССР»[3]. Таким образом, несмотря на перестройку внешнеполитического курса, органы национальной безопасности в первые два года продолжали строить свою работу, исходя из традиционных внешних угроз и международных рисков. В этой самой влиятельной и закрытой структуре страны США и их союзники продолжали восприниматься как потенциальные противники. Причем не исключался и самый опасный сценарий ядерной войны. Вторая по степени значимости угроза исходила от «активизации националистических и антисоветских группировок, действовавших на территории Украины, Казахстана, Латвии, Белоруссии, в Москве и Ленинграде»[4].

---

[1] *Черняев А.* Указ. соч. 18 января 1986 г. С. 670.

[2] Отчет о работе Комитета государственной безопасности СССР за 1985 год // РГАНИ. Ф. 89. П. 51. Д. 7. Л. 1–2.

[3] О Всесоюзном совещании руководящего состава органов и войск КГБ СССР // РГАНИ. Ф. 89. П. 51. Д. 8. Л. 4.

[4] Об итогах работы органов КГБ по розыску авторов антисоветских анонимных материалов в 1986 году // РГАНИ. Ф. 89. П. 51. Д. 10. Л. 1 (отмечается возрастание анонимных антисоветских материалов по сравнению с 1985 г. на 2683 экземпляра).

С другой стороны, СССР одновременно стал открываться Западу. Формировался новый стиль переговорного процесса – инициативный и наступательный. За два года сложились траектории двусторонних отношений с США, Великобританией, Францией, Западной Германией, Италией. Обновленное западное направление получило приоритетное развитие, оттянуло на себя значительное внимание и ресурсы.

Подводя итог первым годам нового внешнеполитического курса, стоит отметить следующее. Прежде всего, его отличала высокая динамика, значительное количество мирных инициатив и шагов к сближению с США и Западной Европой. Если 1985-й был «годом стиля» – наступательного и оптимистичного, то с 1986 г. началась разработка нового внешнеполитического курса. Но этот процесс имел ситуационный характер, теоретики «нового политического мышления» динамично меняли надстройку текущих интересов, но так и не смогли полностью осознать, что соответствует реальным национальным интересам СССР, определить его новую миссию в мире. До конца 1987 г. советская политика напоминала двуликого Януса, одним ликом обращенного на Запад, другим – в советский мир. Отсюда двойственность политической риторики, переходность целей и задач во внешней политике, острое желание нравиться западным лидерам и сохранять авторитет среди своих союзников.

Павлов Н.В.

Архитектор Московского договора*

У детей двое родителей. Это аксиома справедлива и для двусторонних межгосударственных соглашений. Формально их родителями принято считать глав государств и правительств. В действительности же главными авторами являются дипломаты, которые в процессе подготовки договоров должны не только кропотливо выверять каждую букву и запятую в документе в соответствии с нормами международного права и руководствуясь национально-государственными интересами, но и прекрасно ориентироваться в хитросплетениях внешней и внутренней политики. Именно такие качества проявил старейшина дипломатического корпуса в Европе, министр иностранных дел СССР А.А. Громыко при выработке Московского договора. Именно он вместе с Эгоном Баром с западногерманской стороны и является архитектором Московского договора и в известной степени новой политики Советского Союза по отношению к Западной Европе.

Никто не может отрицать того, что началом «новой восточной политики» правительства социал-либеральной коалиции во главе с канцлером Вилли Брандтом стал Московский договор 1970 года. Понятие «восточная политика» и прежде использовалось в германской истории для обозначения отношений со странами Восточной Европы. И только на рубеже 60-х – 70-х годов XX столетия оно обрело иное измерение, стало пониматься как составная часть реальной политики разрядки в Европе и в мире в целом.

Вместе с тем мало кто знает, что, не будь «новой западной политики» СССР, не было бы ни «восточных договоров» ФРГ, ни нормализации отношений между ФРГ и ГДР, ни многосторонней фазы разрядки. Мало кто знает и о борьбе между «ястребами» и «голубями» в советском руководстве. А ведь к последним, что незаслуженно забыто, принадлежал тогдашний министр иностранных СССР Андрей Андреевич Громыко. Но начнем всё по порядку.

Павлов Николай Валентинович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России.

* Материал представляет собой расширенную версию статьи, опубликованной в журнале «Современная Европа», 2019, № 5.

Плод должен созреть

Не прошло и года с Карибского кризиса, когда 15 июля 1963 г., будучи руководителем ведомства печати и информации Западного Берлина, Эгон Бар – ближайший сподвижник правящего бургомистра Вилли Брандта – выступил в Евангелической академии Тутцинга с докладом, посвященным «германской политике». Доклад, который содержал новое видение проблемы и новые инициативы по ее решению, был прологом к новой «восточной» и «германской политике» СДПГ, приступившей к ее реализации лишь через несколько лет. В частности, Э. Бар указал на то, что предпосылкой решения германского вопроса является исключительно урегулирование отношений с Советским Союзом. При этом, указывал он, учитывая неэффективность политики «всё или ничего», следует стремиться не к ликвидации коммунизма, а к его трансформации. «Воссоединение», по его словам, – это «процесс со многими шагами и со многими остановками». Германскую политику, подчеркнул Бар, следовало бы облечь в формулу «изменения через сближение»[1]. Реформистские силы в СДПГ намного опережали свое время. И объективно «плод» еще не созрел. Тогда в канцлерской резиденции в Бонне восседал престарелый Конрад Аденауэр, никто и не помышлял о «большой коалиции» (ХДС/ХС-СДПГ), а холодная война была в самом разгаре. В Кремле же безраздельно царствовал, совмещая должности Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР, трижды Герой Социалистического Труда и будущий Герой Советского Союза Никита Сергеевич Хрущев, пообещавший своим соотечественникам, что они еще при жизни будут жить при коммунизме.

После отставки Аденауэра и избрания Людвига Эрхарда канцлером в советско-западногерманских отношениях вот-вот должны были появиться признаки «оттепели». В январе 1964 г. Н.С. Хрущев был готов встретиться в Восточном Берлине с правящим бургомистром Западного Берлина Вилли Брандтом. Однако бургомистр города от ХДС Амреем сорвал это мероприятие. В сентябре 1964 г. Москва объявила о намерении Хрущева посетить с официальным визитом Бонн. При этом было указано на намерение «проводить в отношении Федеративной Республики принципиально иную, новую политику». Но в октябре 1964 г. Хрущев был снят со всех постов. Пришлось на время отказаться от надежды на улучшение отношений между СССР и ФРГ. Вслед за этим «восточная политика» правительства Эрхарда натолкнулась на противодействие со стороны Москвы. Политическое руководство Советского Союза во главе с Леонидом Ильичем Брежневым и Алексеем Николаевичем Косыгиным начало кампанию по разоблачению «милитаристских приготовлений» ФРГ. Поводом к этому стали выступления Эрхарда за создание многосторонних ядерных сил (МЯС) с участием Западной Германии, его поддержка американских действий в ходе Вьетнамской войны и бескомпромиссная

[1] Die Bundesrepublik Deutschland 1955–1966. Informationen zur politischen Bildung. Bonn, 1992. S. 13.

позиция Бонна в отношении ГДР. Все это подвергалось с советской стороны резкой критике. Долгосрочный договор о взаимном товарообмене, срок которого истек в 1963 г., не был возобновлен. Не удалось заключить и культурное соглашение, над которым стороны работали длительное время. В целом предыстория «новой восточной политики» правительства ФРГ не давала повода для оптимизма. После установления в 1955 г. дипломатических отношений с СССР за десять лет в Москве побывало всего семь депутатов бундестага. Только в 1965 г. Советский Союз впервые посетил государственный чиновник ФРГ в ранге статс-секретаря (заместителя министра), а на следующий год – федеральный министр.

С образованием в декабре 1966 г. «большой коалиции» и избранием Курта-Георга Кизингера канцлером (напомню, что вице-канцлером и министром иностранных дел был назначен председатель СДПГ Вилли Брандт) не сразу, но обозначились сдвиги в двусторонних отношениях, прежде всего в сфере экономики. Под занавес «большой коалиции», в апреле 1969 г., между ФРГ и СССР был заключен договор о строительстве двух заводов по производству труб большого диаметра. На ярмарке в Ганновере в том же году министр внешней торговли СССР Н.С. Патоличев и министр экономики ФРГ Ф. Шиллер обсудили возможность заключения сделки «газ – трубы», соглашение, которое будет подписано в феврале 1970 г.

Осенью 1968 г. во внешней политике «большой коалиции» стало проявляться растущее сопротивление блока ХДС/ХСС разрядочным тенденциям. Христианские демократы использовали советское вторжение в ЧССР в августе 1968 г. как повод для перевода «восточной» и «германской политики» на старые конфронтационные рельсы.

В советском руководстве, прежде всего в близком окружении Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева, да и у него самого, окрепло понимание того, что необходимо предпринять решительные и серьезные коррективы внешнеполитического курса, дабы разрядить международную обстановку и не дать угаснуть разоруженческому диалогу между СССР и США, которому требовалась подпитка со стороны мирового сообщества. Требовалась «новая западная политика», под которой подразумевалась политика в отношении Западной Европы. Великобритания – ядерная держава, не будучи европейским континентальным государством, представляла собой американский островок в евроатлантическом регионе. Франция, также входившая в ядерный клуб, еще в 1966 г. с выходом из военной организации НАТО уже встала на путь разрядки. Поэтому главным адресатом советской «западной политики» могла и должна была стать Федеративная Республика Германия как ведущая в Европе страна НАТО, один из лидеров западноевропейской интеграции и, безусловно, перспективный экономический партнер. Реализация задумок на этом направлении осложнялась отсутствием мирного договора с Германией.

Осенью 1968 г. в Нью-Йорке «на полях» очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН (ФРГ тогда еще не была членом Организации) состоялась беседа министра иностранных дел В. Брандта и его советского коллеги

А.А. Громыко. С руководителем советского внешнеполитического ведомства был его заместитель, эксперт по германским делам В.С. Семенов. Брандт сопровождал Э. Бара, которому через некоторое время предстояло провести много дней в Москве, согласовывая с Громыко важнейшие составные части Московского договора. Оба министра согласились с тем, что тема отказа от применения силы, особенно в свете последних событий, не потеряла своей актуальности и заслуживает того, чтобы перейти от общих заявлений к конкретным договоренностям. Брандт пишет, что нашел Громыко «более приятным собеседником, чем представлял его себе по рассказам об этаком язвительном "мистере Нет". Он производил впечатление корректного и невозмутимого человека, сдержанного на приятный англосаксонский манер. Он умел в ненавязчивой форме дать понять, каким огромным опытом он обладает»[1].

Был ли этот обмен мнениями дуновением свежего ветерка в диалоге между Востоком и Западом, между СССР и ФРГ? В правительстве «большой коалиции» не существовало единства в отношении перспектив «восточной политики». В то время как Брандт и многие высокопоставленные социал-демократы подчеркивали – правда, не всегда последовательно – необходимость урегулировать отношения с Советским Союзом, ГДР и другими восточноевропейскими странами, канцлер Кизингер настаивал на ревизии западногерманской «восточной политики» в духе противостояния и конфронтации. Бывший в то время заведующим 3-м Европейским отделом МИД, впоследствии посол СССР в ФРГ В.М. Фалин пишет в своих мемуарах: казалось, что все это «предвещало наступление долгой зимы с сильными морозами».

Руководитель советского внешнеполитического ведомства поручил Фалину подготовить анализ внутриполитической ситуации в ФРГ, принимая во внимание последнее сообщение от посла в Бонне С.К. Царапкина с информацией о встрече с Брандтом и подтверждением его позиции, высказанной в Нью-Йорке по поводу желательности заключения двустороннего соглашения о неприменении силы[2]. Аналитический материал предполагался для доклада на заседании Политбюро. Важно отметить вывод 3-го Европейского отдела о том, что по итогам выборов в бундестаг, намеченных на осень 1969 г., «большая коалиция» должна развалиться и что существует реальная возможность прихода к власти сил, готовых внести значительные коррективы в политический курс Федеративной Республики по отношению к Советскому Союзу, ГДР, а также ко всем восточноевропейским государствам.

Международный отдел ЦК КПСС во главе с секретарем ЦК Б.Н. Пономаревым выступил категорически против будущего диалога с немецкими социал-демократами, памятуя жесткий курс Коминтерна на размежевание с СДПГ и апеллируя к мнению руководства «братской» СЕПГ и западногерманских коммунистов. Вообще, нужно отметить напряженный характер отношений между министром иностранных дел и секретарем ЦК. До тех пор, пока А.А. Громыко не стал членом Политбюро (это произошло весной

[1] *Брандт В.* Воспоминания / Пер. с нем. М.: Изд-во «Новости», 1991. С. 177.
[2] *Falin V.* Politische Erinnerungen. München: Droemer Knaur, 1993. S. 52.

1973 г.), оба не переставали выяснять отношения по поводу того, кто главней в вопросах внешней политики, что никак не шло на пользу дела. Что же касается будущей «германской политики», пишет В. Фалин, то «Громыко не боялся ярлыков, которые могли ему навесить. Его нелегко было заставить действовать или навязать какое-либо новое направление. Но если это удавалось, он мог показать незаурядный характер»[1].

В вопросе необходимости переосмысления советского курса в отношении Запада мнения в Политбюро разделились. Большинство заняло позицию молчаливо-безразличного выжидания. Меньшинство во главе с членом Политбюро первым секретарем ЦК КП Украины П.Е. Шелестом, поддержанное шеф-идеологом КПСС, секретарем ЦК и членом Политбюро М.А. Сусловым и Б.Н. Пономаревым, не осмеливалось открыто высказывать свое несогласие. Но в кулуарах оценивало сближение СССР с Западной Германией как очевидный сговор с «классовым врагом». Однако решающей оказалась позиция Л.И. Брежнева, которую организатор прямого конфиденциального канала связи между высшим руководством СССР и ФРГ, высокопоставленный сотрудник советской контрразведки В. Кеворков назвал «несомненно новаторской и удивительно прогрессивной для людей его поколения и склада мышления»[2]. К этой же когорте он причислил и министра иностранных дел А.А. Громыко, и председателя КГБ Ю.В. Андропова.

Ранней весной 1969 г. Андропов вызвал к себе Кеворкова и, по словам последнего, заявил, что «нужно быстро, скажем, в течение полугода-года добиться установления совершенно новых отношений с Западной Германией. Отношения эти должны быть исключительно честными, доверительными и непременно динамичными. Для этого нужно найти кратчайший путь на самый политический "верх". А, как известно, самый кратчайший путь – это прямая. Нам надо установить прямой канал между нашим руководством и руководством ФРГ, в обход всех внешнеполитических ведомств. Они в данной ситуации будут лишь тормозить дело». Дескать, по линии Громыко в этом направлении уже кое-что делается, но это затянется надолго. «Нам же необходим результат сегодня, самое позднее – завтра, но никак не через пять или десять лет»[3].

В конце апреля в разговоре с Брежневым Андропов, который уже определился с исполнителями и деталями реализации своей задумки, доложил Генеральному секретарю о предстоявших в ФРГ выборах в бундестаг и предложил подождать с установлением контакта на высшем уровне до их исхода. Брежнев с ним согласился и добавил: «Кстати, я тут прочел доклад Громыко на заседании Верховного Совета. По-моему, все акценты и в отношении западных немцев очень точно расставлены. И по Берлину, и по вопросу границ… Одним словом, все точки над "i"». Это должно быть хорошим ориентиром в нашей внешней политике и для руководства ФРГ»[4].

---

[1] *Falin V.* Politische Erinnerungen. München: Droemer Knaur, 1993. S. 53.
[2] *Кеворков В.* Тайный канал. М.: Изд-во «Гея», 1997. С. 74.
[3] Там же. С. 24.
[4] Там же. С. 41.

Имелась в виду речь министра иностранных дел, с которой ему предстояло выступить 10 июля 1969 г. на сессии Верховного Совета СССР. В ней он объявил о принципиальной готовности Советского Союза продолжить обмен мнениями с Федеративной Республикой об отказе от применения силы вплоть до заключения соответствующего договора, а также о готовности обмениваться с «союзниками по войне» мнениями о предотвращении в будущем «осложнений вокруг Западного Берлина». Это означало серьезный реверанс в сторону руководства СДПГ, на которую предполагалось сделать ставку как будущего возможного партнера по советско-западногерманскому диалогу.

Спустя две недели, встречаясь с высокопоставленной западногерманской делегацией, в которую входили Г. Шмидт, А. Мёллер и Э. Франке, советский министр иностранных дел пошел еще дальше. Он призвал западных немцев предпринять совместные усилия для «обновления» отношений между обеими странами.

22 сентября 1969 г. в Нью-Йорке министр иностранных дел ФРГ Вилли Брандт провел интенсивные консультации по практическим вопросам двусторонних отношений со своим советским коллегой. Вспоминая эту встречу, Брандт пишет: «Считалось, что у него [А.А. Громыко] феноменальная память. Это впечатление еще более усилилось, когда мы вновь встретились осенью 1969 года. Я прилетел в Нью-Йорк исключительно ради этой встречи, хотя (а может быть, потому что?) вскоре предстояли выборы в бундестаг. На этот раз Громыко появился в сопровождении Валентина Фалина, который в Министерстве иностранных дел занимался вопросами, связанными с нашим будущим договором…

Содержание обеих бесед в значительной мере предвосхищало то, чем нам предстояло заниматься в связи с Московским договором. Громыко весьма резко заявил, что вопрос сложившихся после Второй мировой войны границ – “это вопрос войны и мира”. С другой стороны, по его словам, в немецком народе никто не видит “вечного врага”…»[1]. Была также подчеркнута желательность подвести под новый этап советско-западногерманских отношений юридическую базу. Все это настраивало на оптимистический лад.

Завершив переговоры с советской стороной, Брандт вылетел на родину, где через пять дней должны были состояться выборы в бундестаг; А.А. Громыко, руководствуясь своим графиком, вынужден был остаться в США. Там он и узнал предварительные результаты избирательного марафона в ФРГ, свидетельствовавшие в пользу СДПГ. Прогноз 3-го Европейского отдела в отличие от американского Госдепа оправдался, и советское руководство вздохнуло с облегчением.

[1] *Брандт В.* Указ. соч. С. 178.

Громыко versus Бар

Когда Вилли Брандт, представитель активного сопротивления гитлеровской диктатуре, встал во главе федерального правительства, международный политический климат был исключительно благоприятным для реализации внешнеполитических заготовок СДПГ и руководства КПСС. Можно сказать, что «западная политика» СССР синхронизировалась с «восточной политикой» ФРГ.

Москва и Вашингтон вели переговоры об ограничении стратегических вооружений (ОСВ), НАТО предлагала вести переговоры о двустороннем сбалансированном сокращении вооруженных сил и вооружений. 28 ноября 1969 г. Федеративная Республика Германия присоединилась к Договору о нераспространении ядерного оружия. После внутриполитических коллизий (по поводу войны во Вьетнаме, законов о чрезвычайном положении, судебных процессов, связанных с Освенцимом, внепарламентской оппозиции, студенческих бунтов), имевших место во времена «большой коалиции» в составе ХДС/ХСС и СДПГ, новому правительству необходимо было добиться успеха при переходе к политике взаимопонимания с Востоком.

Перемены в советской внешней политике, американские инициативы в области разрядки при президенте Никсоне и широкий внутриполитический консенсус относительно необходимости покончить с эпохой холодной войны стали основной предпосылкой для выработки западногерманской «новой восточной политики». Внешнеполитическая совместимость, внутриполитический консенсус и высокая гомогенность правящей коалиции представляли собой идеальную отправную точку для проведения активной политики разрядки.

7 декабря 1969 г. советский посол в Бонне С. Царапкин сообщил статс-секретарю МИД ФРГ Г.Ф. Дуквицу, что Советский Союз готов начать уже на следующий день в Москве переговоры об отказе от применения силы. Из этого следовало, что обе стороны желали по-новому строить свои взаимоотношения.

Первая фаза переговоров, которые по настоянию советской стороны получили название «предварительный обмен мнениями», проходила в Москве между А.А. Громыко и послом ФРГ в СССР Гельмутом Аллардтом. Всего между ними состоялись три встречи. Официальные беседы, однако, не исключали возможности и необходимости конфиденциальных контактов. Напротив, они нуждались в дополнении и обогащении друг друга. Именно поэтому председатель КГБ Ю.В. Андропов решил в это же время задействовать свой тайный канал.

23 декабря 1969 г. в Бонне состоялась первая встреча контактера с советской стороны журналиста В. Леднева, отрекомендовавшегося посланником Л.И. Брежнева, со статс-секретарем ведомства федерального канцлера, ближайшим сподвижником В. Брандта Эгоном Баром. Это был уже конкретный ответ на послание В. Брандта председателю правительства СССР А.Н. Косыгину от 19 ноября (замечу, что В. Брандт тогда еще плохо ориентировался

в советской табели о рангах, обращаясь к своему формальному коллеге и не понимая, кто в действительности стоит на вершине власти в СССР). В письме, о котором в Бонне было известно всего четырем лицам, включая главу кабинета, свежеиспеченный канцлер писал: «Сама суть дела предполагает, что обмен мнений должен быть исключительно доверительным, только в этом случае он будет иметь смысл и поможет по возможности устранять или препятствовать возникновению недопонимания. Эта задача, мне кажется, заслуживает внимания правительств обоих государств, и она не может быть решена вдруг, сегодня или завтра, но лишь в ходе продолжительного процесса, к которому я призываю»[1].

На следующий день «Бар передал Ледневу, что канцлер приветствует создание конфиденциального канала между ним и Брежневым и удовлетворен тем, что отныне сможет напрямую, без проволочек и бюрократии, быстро решать вопросы государственной важности, в которых заинтересованы обе стороны. Он вполне согласен с Генеральным секретарем в том, что для успеха дела одним из основных факторов является фактор времени, которого ни в коем случае нельзя терять. Главную ценность такого контакта Брандт видит в возможности откровенного, прямого обмена мнениями без ограничения тем»[2].

События принимали стремительный оборот. Уже на следующий день в Москве стало известно, что Брандт направил руководителем на переговорах с западногерманской стороны вместо посла Аллардта статс-секретаря ведомства канцлера Эгона Бара. Послу была отведена роль второй скрипки. Это сразу же повысило статус переговорного процесса. Получив многократную визу, Бар уже через несколько дней прибыл в столицу СССР и был представлен как «временный руководитель делегации Федеративной Республики». Из 12 месяцев 1970 года шесть он проведет в Москве.

Первый раунд «обмена мнениями», который включал в себя пять встреч в различных форматах, охватил период с 30 января по 17 февраля 1970 г. Второй состоялся 3–23 марта, третий – 12–22 мая. По всей видимости, именно после первой встречи Громыко с Баром в здании МИДа на Смоленской-Сенной, об итогах которой и о своем видении проблемы министр шесть часов докладывал Генеральному секретарю на его даче в Барвихе, Брежнев пришел к выводу о необходимости координации действий Комитета государственной безопасности (тайный канал связи с Брандтом, который осуществляли Леднев, Кеворков и Бар) с МИДом, открыто выступавшим против тайной дипломатии. Л.И. Брежневу удалось убедить обоих руководителей этих влиятельных ведомств достичь согласия и перейти к сотрудничеству в германских делах. Откровенный разговор между Громыко и Андроповым, инициированный Генеральным секретарем, привел к «прорыву» в отношениях между министром иностранных дел и председателем КГБ. «В короткое время они из конфронтирующих сторон превратились в союзников, каковыми и остались до конца жизни»[3].

---

[1] *Кеворков В.* Указ. соч. С. 44.
[2] Там же. С. 50.
[3] Там же. С. 64.

Днями в центральном здании или в особняке МИДа на ул. Алексея Толстого (теперь ул. Спиридоновка) велись изнурительные переговоры, шла борьба за каждую статью договора, оттачивалась каждая формулировка. Вечерами же Бар встречался со своими контактерами по тайному каналу и в неформальной откровенной обстановке обсуждал хитросплетения советской внутренней и внешней политики, механизмы принятия решений и много других вещей, которые были либо непонятны, либо недоступны даже информированному западному политику. Аппаратная борьба, противостояние различных министерств и ведомств, противоречия внутри партийной и советской верхушки, позиционирование армии – все это и многое другое, по его словам, к началу 1970 г. было «книгой за семью печатями не только для Бонна, но и для Вашингтона. Здесь немецкая сторона получала фору большой политической ценности в плане информации, понимания ситуации, оценочных возможностей…»[1].

Таким образом, шла постоянная работа как на неофициальном, так и официальном уровне, отделить которые друг от друга было невозможно, и которые навсегда запечатлелись в памяти у всех архитекторов советско-западногерманского узнавания и сближения. «Громыко, – пишет В. Брандт, – которого я посетил незадолго до его отставки с поста президента (он занял его в начале эры Горбачева), даже восемнадцать лет спустя мог точно вспомнить каждый из тех 55 часов, которые у него в феврале, марте и мае 1970 года заняли беседы с Баром»[2].

Реализация задач, поставленных перед А.А. Громыко, требовала поистине нечеловеческих усилий. Помимо скрупулезной работы над взаимоприемлемыми формулировками будущего договора требовалось согласовывать советскую позицию с руководством ГДР и Польши, причем не по телефону и не по шифропереписке, а в ходе личных встреч с главами государств в Восточном Берлине и Варшаве. При этом министра никто не освобождал от каждодневной рутинной работы на других направлениях внешней политики СССР. Приходилось обрабатывать колоссальные потоки информации со всего мира. Валентин Фалин пишет: «С восхода солнца до часу или двух ночи он проводил беседы, писал, читал, правил тексты. После того как у него убирали горы бумаг, он одним глотком выпивал стакан очень крепкого чая и засыпал мертвым сном, чтобы утром начать все сначала»[3].

Результатом обмена мнениями между Баром и Громыко стало появление так называемого «документа Бара», в котором ФРГ взяла на себя обязательство «в настоящем и будущем уважать нерушимость» границ всех европейских государств, включая границу по Одеру и Нейсе и границу между ФРГ и ГДР. Кроме того, ФРГ обязалась не выдвигать никаких территориальных претензий. Эта формулировка согласовывалась с юридическими оговорками, касавшимися эвентуального решения германского вопроса. Теоретически договор,

---

[1] *Bahr E.* Zu meiner Zeit. München: Karl Blessing Verlag, 1996. S. 293.
[2] *Брандт В.* Указ. соч. С. 202.
[3] *Falin V.* Op. cit. S. 121.

заключенный Федеративной Республикой, не мог быть обязательным для будущей объединенной Германии. Со своей стороны, Советский Союз отказывался от своих прав на военное вторжение, вытекавших из положения Устава ООН о «вражеском государстве». Намеренное предание гласности западногерманскими средствами массовой информации (в выдержках газетой «Бильд» 12 июня и полностью еженедельником «Квик» 1 июля 1970 г.) этого документа показало, что канцлер ФРГ Брандт пошел на серьезные уступки СССР.

Признание Федеративной Республикой факта существования двух германских государств, подписание Договора о нераспространении ядерного оружия, заключение трех соглашений о поставках советского природного газа сроком на 20 лет в обмен на трубы большого диаметра от 1 февраля 1970 г. и начавшиеся в том же месяце в Москве консультации по вопросам более тесного технологического сотрудничества ускорили советско-западногерманский диалог. Жесткие переговоры между министрами иностранных дел обоих государств А.А. Громыко и В. Шеелем в Москве с 17 июля по 7 августа 1970 г. (всего между ними состоялось 13 встреч общей продолжительностью 29 часов) окончились положительным результатом.

Заслуживает внимания еще один очень важный момент, касающийся роли Андрея Андреевича Громыко в процессе выработки советско-западногерманского договора. На это указывает, в частности, Валентин Фалин. Московские переговоры ставили своей целью выработать документ, который содержал бы действенную формулу отказа от применения силы. Первоначальный план обменяться соответствующими заявлениями привел в конечном итоге к соглашению, трансформировавшемуся в договор. Но в качестве названия постоянно фигурировал термин «отказ от применения силы». Незадолго до окончания переговоров с Вальтером Шеелем, 5 или 6 августа, А.А. Громыко спросил своего западногерманского коллегу, не стоит ли убрать из названия договора отсылку к неприменению силы. Дескать, комплект наработанных документов значительно превышает исходные задумки. Это, мол, следует учесть. Для всех участников переговоров предложение министра стало полной неожиданностью. Посоветовавшись с членами своей делегации, Вальтер Шеель согласился с идеей своего советского коллеги. «Объективно ее мотивация отвечала всей структуре договора, весу и значению советско-западногерманских отношений в европейской и мировой политике, потребности в качественном прорыве в лучшее будущее»[1]. Так появился Московский договор.

Московский договор: все еще только начинается

12 августа 1970 г. в Москве председатель правительства СССР А.Н. Косыгин, глава кабинета ФРГ канцлер В. Брандт, а также министры иностранных дел обеих стран А.А. Громыко и В. Шеель подписали исторический договор между Советским Союзом и Федеративной Республикой Германией. В соот-

[1] Ibid. S. 109.

ветствии с принципами Устава ООН он предусматривал решение спорных вопросов исключительно мирными средствами. СССР и ФРГ обязались воздерживаться от угрозы силой или от ее применения; они заявили, что не имеют каких-либо территориальных претензий к кому бы то ни было и не будут выдвигать такие претензии в будущем; признали нерушимыми сейчас и в будущем границы всех государств в Европе, как они проходили на день подписания договора, в том числе линию Одер-Нейсе, которая является границей Польской Народной Республики, и границу между ФРГ и ГДР.

Дальнейшие шаги по развитию политики разрядки нашли свое отражение в отдельном документе, также подписанном в Москве, – «Договоренности о намерениях сторон». Правительство ФРГ заявило о готовности нормализовать свои отношения с ГДР на договорной базе и строить свои с ней отношения на основе полного равноправия, отсутствия дискриминации, уважения независимости и самостоятельности каждого из обоих государств в делах, касающихся их внутренней компетенции, в их соответствующих границах. Было заявлено о намерении принять меры, которые должны были содействовать вступлению обоих германских государств в ООН, а также о желании ФРГ урегулировать с ЧССР вопросы, которые были связаны с признанием недействительности Мюнхенского соглашения 1938 года. В «Договоренности» было зафиксировано взаимопонимание относительно того, что Московский договор и соответствующие договоры ФРГ с ГДР, ПНР и ЧССР представляют единое целое. СССР и ФРГ выразили также готовность предпринять шаги в деле разрядки напряженности в Европе, делать всё от них зависящее для подготовки и успешного проведения Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Подписание московских документов делегация ФРГ сопроводила так называемым «Письмом о германском единстве», считая его неотъемлемой составной частью московских соглашений.

В этой связи нельзя не сказать несколько слов о том, какой смысл вкладывала каждая из сторон-подписантов в «восточные договоры». Если в Москве, Варшаве и Праге договоры трактовались преимущественно как гарантии нерушимости существующих границ и фиксация послевоенного статус-кво в Европе, то западногерманская сторона делала упор на тех статьях, где говорилось об отказе от применения силы или угрозы ее применения. Характерно заявление Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева после обмена ратификационными грамотами и вступления в силу договоров ФРГ с СССР и ПНР: «Эти политические документы целиком основываются на признании политических и территориальных реальностей, сложившихся после Второй мировой войны, и закрепляют нерушимость существующих европейских границ, в том числе границы между ГДР и ФРГ и западной границы Польской Народной Республики». Более того, в «Программе мира», принятой на XXIV съезде КПСС, в директивном порядке все советские внешнеполитические и пропагандистские ведомства обязывались «исходить из окончательного признания территориальных изменений, происшедших в Европе в результате Второй мировой войны».

Позиция правительства ФРГ существенно отличалась от точки зрения советского руководства. Выступая 14 августа 1970 г. в Бонне на пресс-конференции с заявлением по итогам визита в Москву, канцлер В. Брандт особо подчеркнул: «При подписании Договора (с СССР. – *Авт.*) мы исходили из того, что границы государств в Европе, как они существуют на сегодняшний день, – независимо от того, нравятся они нам или нет, и на какой правовой основе они установлены, – не могут быть изменены силой. Их никто не может нарушить, разве только пускаясь на авантюру применения силы. Мы этого не хотим». Это ясная и твердая позиция, отметил В. Брандт, не противоречит цели бороться мирными средствами за единство германской нации. Она не противоречит также цели политического объединения Европы путем ликвидации границ мирными средствами.

На следующий день после подписания Московского договора, 13 августа, А.Н. Косыгин пригласил в Кремль для беседы В.М. Фалина и после подведения итогов советско-западногерманского саммита заявил следующее: «Я благодарю Вас за организацию работы над Московским договором. Текущая информация была исчерпывающая и всегда поступала своевременно. Одновременно Министерство иностранных дел действовало без спешки и не обращалось по мелочам в Политбюро. Так должно быть и впредь». На это Фалин ответил, что считает своим долгом заявить: «Андрей Андреевич Громыко от начала до конца руководил ходом переговоров. Вашу похвалу организации заслужил прежде всего он»[1]. Так закончилась история Московского договора, но не закончилась история «новой западной политики» СССР и «новой восточной политики» ФРГ. Московский договор открывал новые горизонты перед политикой разрядки.

[1] *Falin V.* Op. cit. S. 73.

Палажченко П.Р.

Громыко в памяти и в документах

Я начал работать в Министерстве иностранных дел СССР в 1980 г. К этому времени Андрей Андреевич Громыко руководил Министерством без малого четверть века, и его авторитет не только в МИДе, но и среди людей, причем самых разных, был очень высок. В отделе переводов, где я начинал свою трудовую деятельность, работа с ним считалась «знаком качества», который присваивался далеко не каждому переводчику. Примером для нас и в какой-то мере наставником (в основном заочным, так как он был загружен работой во Втором европейском отделе) был Виктор Михайлович Суходрев. Мы, молодые переводчики, старались дотянуться до его уровня – и переводческого, и дипломатического. Министр доверял ему, и чаще всего беседы, особенно наиболее ответственные, переводил он.

Тем не менее с Андреем Андреевичем довелось поработать и переводчикам более молодых поколений. Мы переводили некоторые беседы, пресс-конференции, которые с начала 80-х годов стали более частыми, а также – и это задание считалось чрезвычайно ответственным – его ежегодные выступления на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Английский текст выступления распространяло представительство СССР при ООН, и именно он, а не отредактированный позже стенографический отчет, который выпускал секретариат ООН, расхватывался журналистами и дипломатами, цитировался в газетах и на телевидении.

Все причастные к этой работе считали ее большой честью для себя, ответственно относились к каждому слову. Хочу сказать о том, что мне запомнилось: независимо от сегодняшнего отношения к отдельным внешнеполитическим решениям и позициям, которые отстаивал в своих речах в ООН А.А. Громыко, они всегда излагались с большим достоинством, без полемических перехлестов, с полным пониманием значения ООН – универсального форума мирового сообщества. И это не удивительно – Андрей Андреевич имел непосредственное отношение к его созданию.

В рамках сессии проходили встречи министра с представителями многих стран. На некоторых сессиях – до двадцати-тридцати встреч. Мы поражались

Палажченко Павел Русланович – советский и российский переводчик.

работоспособности министра. Надо ведь учесть, что работал он в условиях восьмичасовой разницы во времени между Москвой и Нью-Йорком, и было ему за семьдесят. Записи бесед, которые делались переводчиками, сразу же отправлялись шифротелеграммой в Москву.

К переводу на английский Громыко прислушивался, особенно, если переводчик был ему не очень знаком. В некоторых случаях поправлял переводчиков. Поправлял, как правило, «по делу», т.е. обоснованно. Меня часто спрашивают, что такое обоснованная поправка. Конечно, в устном переводе что-то может несколько сглаживаться, происходит генерализация значений отдельных слов. Главное – передать направленность, цель высказывания. Но есть такие слова, которые несут особую нагрузку, за ними иногда весь замысел беседы. Здесь никакие смысловые «смещения» недопустимы.

Коллеги рассказывали такой случай. Беседу с министром иностранных дел одной из Скандинавских стран Громыко начал с таких слов: «Ну что же мы с вами – соседи, а друг на друга косимся». Молодой (и, кстати, хороший) переводчик перевел это так: «We are neighbors but are suspicious of each other». Министр поправил переводчика: «Я не сказал, что относимся друг к другу с подозрением». Надо отметить, что неудачный вариант не стоил переводчику карьеры, но после этого он министру не переводил.

Помимо сессий Генассамблеи ООН я в те годы большую часть года работал на переговорах по разоружению – в Женеве по ракетам средней и меньшей дальности и в Стокгольме по мерам доверия. С министром доводилось работать нечасто. Но, конечно, беседы, которые я переводил, запомнились. Правда, фотографий сохранилось немного. Но некоторые сохранились и помогают восстановить в памяти переговоры.

Осенью 1981 г. в Москву приезжал министр иностранных дел Эфиопии Ф. Гедле-Гиоргис. А.А. Громыко уделил ему серьезное внимание, даже – что необычно – ездил встречать его в аэропорт. На одной из имеющихся у меня фотографий он разговаривает в ожидании прилета с послом Эфиопии, рядом «свои», в том числе заместитель министра А.Г. Ковалев. Переговоры предстояли непростые – тогдашний режим в Эфиопии был сложным партнером. В состав советской делегации входили: А.Г. Ковалев, заведующий одним из африканских отделов МИДа А.А. Шведов, зав. отделом печати Ю.Н. Черняков, посол СССР в Эфиопии Б. Кирнасовский. Все они, как и другие дипломаты «школы Громыко», с которыми мне приходилось встречаться, были, как принято сейчас говорить, высокими профессионалами.

Об этом хотелось бы сказать отдельно. А.А. Громыко выдвигал из мидовской среды очень сильных дипломатов, и профессионализм основной массы руководителей, послов, работников среднего звена, о котором часто говорят и сегодня, прежде всего его заслуга. Конечно, были среди людей, которых направляли работать в МИД, и политические назначенцы (а иногда скорее «погорельцы», слетевшие с высоких партийных постов); это есть почти во всех странах, и министрам приходится с этим соглашаться. Но кадровые дипломаты, которым доверял Громыко, этого доверия, безусловно, заслу-

живали. Назову только некоторых из тех, с кем мне приходилось работать непосредственно. Это О.А. Трояновский, Ю.А. Воронцов, А.А. Бессмертных, Ю.А. Квицинский, В.П. Карпов, Л.И. Менделевич. Это были именно дипломаты, и нынешнему поколению есть чему у них поучиться – и по содержанию, и по форме.

Став Председателем Президиума Верховного Совета СССР, А.А. Громыко оставался в русле международных дел, активно участвовал в обсуждении внешнеполитических проблем на заседаниях Политбюро. Вспоминаю его беседу с бывшим госсекретарем США Сайрусом Вэнсом. Они хорошо знали друг друга, беседовали доверительно. Беседа касалась в том числе проблемы ракет средней дальности. Тогда советское руководство пошло на выделение этой проблемы из комплекса других проблем разоружения (СНВ и ПРО). Объясняя эту позицию, Громыко формулировал ее нюансы с большим знанием дела и, как видно по записям, которые делались на заседаниях Политбюро и которые опубликованы в изданной Горбачев-Фондом книге «Отвечая на вызов времени», эта позиция была для него, что называется, выстраданной.

Развертывание в конце 1970-х годов советских ракет «СС-20», разумеется, не было инициативой МИДа. К сожалению, в те годы руководство вооруженных сил и конструкторские бюро военной промышленности нередко проталкивали решения, имевшие потом тяжелые политические последствия. Но, отстаивая позицию СССР на международной арене и в переговорах с западными партнерами, Громыко, я уверен, видел и широкий внешнеполитический контекст, как с точки зрения безопасности, так и прежде всего европейский аспект, а он складывался не в нашу пользу.

На заседании Политбюро 8 сентября 1986 г., где обсуждались директивы для переговоров в Рейкьявике, Громыко подчеркивает: «Установка СС-20 была грубой ошибкой в нашей европейской политике».

Очень интересно выступление А.А. Громыко на заседании Политбюро 20 июня 1988 г., где обсуждался проект доклада на XIX партконференции КПСС. Приведу запись практически полностью. Она не является стенографической, но я уверен, что высказывания Андрея Андреевича переданы верно:

«Внешняя политика. Нет замечаний к докладу. Считаю – все правильно. Но историю внешней политики мы должны разделить на два этапа – довоенный и послевоенный. Масса сейчас всего пишется.

Я убежден: по окончании войны наши союзники очень рассчитывали на то, что мы распустим армию совсем и что мы не встанем на путь создания ядерного оружия. Но мог ли СССР пойти на то, чтобы переключить все ресурсы на мирные цели? Ведь сотни миллиардов шли на цели военные. Тут большое "но". Нас ведь хотели согнуть в бараний рог. В Совете Безопасности ООН мы предлагали Соединенным Штатам остановиться в гонке ядерных вооружений. Они отвергали. Поэтому мы не могли отказаться от производства ядерного оружия и не захотели сокращать свои военные базы. А у них их тысячи были. И нам нельзя было иначе во имя независимости страны.

При Хрущеве у нас было создано 600 бомб (ядерных. – *Авт.*). Он тогда сказал: докуда же будем? И при Брежневе можно было бы занять более разумную позицию. Но мы по-прежнему оставались при принципе: они гонят, и мы гоним, как в спорте.

Наука и умные люди уже сделали вывод о бессмысленности этой гонки. Но мы и они продолжали ее. Мы примитивно подходили к этому делу. А высший наш командный состав исходил из того, что мы победим, если разразится война. И гнали, и гнали ядерное оружие. Это ошибочная была наша позиция, совершенно ошибочная. И политическое руководство виновато в этом полностью.

Десятки миллиардов гнали на производство этих игрушек, ума не хватало. Но вы же все знаете, как решались тогда вопросы».

Эта последняя ремарка важна. Она имеет отношение и к некоторым другим решениям. У меня нет сомнения, что Громыко не был инициатором ввода советских войска в Афганистан. Вот его реплика на заседании Политбюро 26 июня 1986 г.: «Это не наша война». Он последовательно выступал за вывод войск: «Ситуация хуже, чем полгода назад. Нельзя больше откладывать. Время – не в нашу пользу. Цель наша – чтобы Афганистан был не враждебной страной, а нейтральным государством. Из того, что в социальном плане можно сохранить, нужно сохранить. Главное – прекратить войну и вывести войска».

Андрей Андреевич был человеком своего времени. Но это время он анализировал и осмыслял. На одном из последних заседаний Политбюро с его участием обсуждался вопрос о публикации советско-германских протоколов 1939 г. Высказывались разные мнения. Позиция Громыко была вполне определенной:

«Непризнание протоколов неприемлемо. Вопрос этот будет обостряться. Был по этому вопросу разговор с Молотовым и Хрущевым. Молотов не отрицал и ничего не признавал. Хрущев повторил Молотова – ни да, ни нет, но и он не отрицал. По этой причине было приостановлено многотомное издание документов МИДа. На Нюрнбергском процессе, как известно, копии протоколов признаны фальшивкой. С точки зрения длительных интересов необходимо сказать правду. Возможно, что где-то, может быть, на Западе, придерживают оригиналы. Будет меньше риска, если мы скажем правду».

Внешнюю политику нашего государства на всех ее этапах предстоит внимательно изучить во всех ее аспектах, и делать это надо ответственно и объективно. Не сомневаюсь, что историками будет высоко оценена роль А.А. Громыко в разработке и отстаивании первых соглашений об ограничении ядерных вооружений (Договор о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, космосе и под водой, Договор о нераспространении ядерного оружия, Соглашение ОСВ-1, ОСВ-2, Договор по ПРО) и Хельсинкского Заключительного акта. Я уверен, что те, кто будет разрабатывать и проводить в жизнь внешнюю политику России, искать пути налаживания конструктивного взаимодействия со всеми странами, будут считать Андрея Андреевича своим союзником.

Печатнов В.О.

Посол А. А. Громыко о политической борьбе в США в конце Второй мировой войны*

(По новым документам из Архива внешней политики МИД РФ)

Многогранная дипломатическая деятельность А.А. Громыко, охватывающая почти полвека существования советского государства, еще не стала предметом пристального научного изучения. Огромные пласты связанных с нею документов (особенно по периоду 1960–1980-х гг.) еще недоступны исследователям. Но серьезные лакуны имеются и в отношении более раннего и уже документированного периода его дипломатической работы. Это касается и деятельности Андрея Андреевича в качестве советника, затем советника-посланника и посла СССР в США (1939–1946). Вообще американистика была главным профессиональным коньком Андрея Андреевича на протяжении всей его жизни – как в силу центрального значения советско-американских отношений для нашей дипломатии, так и по причине личного интереса, заложенного в годы его работы в США. Именно тогда происходило становление молодого ученого-экономиста в качестве профессионального дипломата, оказавшегося в центре мировой политики критических военных лет. Его экономическая подготовка помогла в анализе американской экономики и торгово-экономических аспектов советско-американских отношений. Эта роль Громыко как экономического аналитика-американиста еще ждет своих исследователей, но даже в немногих уже опубликованных документах этого ряда ощущаются профессиональная глубина и объективность анализа[1]. Однако данная статья посвящена другой малоизученной стороне работы А.А. Громыко как американиста – его анализу хитросплетений политической обстановки в США, содержащемуся в недавно открытых донесениях посла 1944 г. из Архива внешней политики МИД России.

Это был особый год в истории Второй мировой войны и советско-американских отношений. Коренной поворот в ходе войны и долгожданное

Печатнов Владимир Олегович – доктор исторических наук, профессор кафедры МГИМО (У) МИД РФ.

* Материал представляет собой расширенную версию статьи, опубликованной в журнале «Современная Европа», 2019, № 4.

[1] См., например, политическое письмо А.А. Громыко об экономическом положении и внешней торговле США в 1940 г. // Советско-американские отношения. 1939–1945 / Под ред. Г.Н. Севостьянова; сост. Б.И. Жиляев, В.И. Савченко. М.: МФД, 2004. С. 113–123.

открытие второго фронта западными союзниками предрешили конечный итог глобальной войны, но нужно было еще добить гитлеровскую Германию и разгромить милитаристскую Японию, а также заложить основы послевоенного мира. Это требовало согласованных действий союзников по антигитлеровской коалиции и продолжения уже налаженного личного взаимодействия лидеров «большой тройки». Особая роль в ней принадлежала Ф. Рузвельту и И.В. Сталину, возглавлявшим главный тандем «Великого альянса»: за первым стоял самый мощный в мире военно-экономический потенциал, за вторым – победоносная Красная армия. Между тем политическое будущее Рузвельта было неясным, поскольку в ноябре 1944 г. в США предстояли очередные президентские выборы. Сохранение Рузвельта в Белом доме было критически важным, ибо он был «скрепой» «большой тройки»[1] не только в силу экономического превосходства США, но и потому, что сумел наладить личные отношения со Сталиным и Черчиллем, часто конфликтовавшими друг с другом. Таким образом, ставки на предстоящих выборах были очень велики.

Между тем переизбрание Рузвельта отнюдь не представлялось гарантированным. После крайне неудачных для правящих демократов промежуточных выборов 1942 г. оппозиционная Республиканская партия постепенно укрепляла свои позиции и была полна решимости дать демократам серьезный бой. В ней были сильны противники реформ «нового курса» и правые изоляционисты, выступавшие против курса Рузвельта на сотрудничество с СССР и создание новой системы международной безопасности при активном участии США. От исхода выборов зависело многое как внутри страны, так и во внешнем мире. Переизбрание Рузвельта, писал А.А. Громыко в обстоятельном политическом письме «К вопросу о советско-американских отношениях» (датированном 14 июля 1944 г.), «представляло бы факт большого положительного политического значения не только с точки зрения будущего вообще внешней политики США и той степени, до которой США пойдут на сотрудничество с другими странами, но и для будущего советско-американских отношений. Соответственно избрание президентом представителя Республиканской партии представляло бы собой значительный удар по советско-американским отношениям». Посол отмечал, что избрание нью-йоркского губернатора Т. Дьюи – главного претендента на выдвижение от республиканцев, приведет к усилению влияния изоляционистских и антисоветских сил, появлению в составе кабинета таких одиозных фигур, как бывший президент Г. Гувер и воинственный, с авторитарными замашками генерал Д. Макартур (которого сам Рузвельт в своем кругу называл «самым опасным человеком в стране»)[2]. Уязвимым местом Рузвельта было его плачевное физическое состояние: после двенадцати лет правления под постоянным прессом кризиса и войны 62-летний президент быстро сдавал и выгля-

[1] *Costigliola F.* Roosevelt's Lost Alliances. How Personal Politics Helped Start The Cold War. Princeton, 2012. P. 57.

[2] Советско-американские отношения. 1939–1945. С. 547.

дел изможденным. Политические противники распускали слухи о том, что Рузвельт смертельно болен и дни его сочтены.

Сам президент не торопился объявлять свои предвыборные намерения и не мешал другим претендентам-демократам пробовать свои шансы. Однако опросы общественного мнения показывали, что из всех возможных кандидатов от Демократической партии только у Рузвельта есть реальные шансы победить Дьюи. У молодого советского посла были свои первоклассные источники информации на сей счет. Зная, как в Москве интересуются этим вопросом, 17 февраля Громыко сообщил в Москву следующую информацию, полученную от левого конгрессмена В. Маркантонио (представлявшего в Конгрессе Американскую рабочую партию штата Нью-Йорк), который накануне встречался с Рузвельтом и поинтересовался его планами на четвертый срок. «Рузвельт, – сообщалось в депеше посла, – в ответ стал говорить о том, что он уже не молод, очень устал и хотел бы заняться своими личными делами, но обстановка такова, что она может нарушить его планы. Высказанное Рузвельтом «но» Маркантонио расценил как недвусмысленный намек на то, что вопрос о выдвижении им своей кандидатуры на четвертый срок является для президента уже предрешенным»[1]. Действительно, для себя Рузвельт рано решил этот вопрос, но в своей обычной манере решил дождаться, пока его об этом как следует попросят.

Между тем вице-президент Г. Уоллес на приеме в советском посольстве доверительно поделился с Громыко впечатлениями о своей недавней поездке по западным штатам. «Он сообщил, что сильно удручен теми настроениями, которые там нашел, – телеграфировал в Москву посол. – Большинство населения этих штатов на стороне республиканцев. Влияние рузвельтовцев-демократов в этих штатах пало. Уоллес выразил мнение, что если бы выборы происходили в настоящее время, то демократы потерпели бы поражение и президентом был бы избран республиканец». Тем не менее вице-президент высказал надежду на то, что по мере активизации предвыборной кампании демократов и успехов на фронтах военных действий политическая обстановка будет меняться в пользу демократов[2].

Еще через несколько дней Уоллес пригласил Громыко, с которым у него сложились теплые личные отношения, провести выходной в загородной резиденции Белого дома, где дал более подробную оценку состояния предвыборной кампании. Уоллес предсказал выдвижение республиканцами Дьюи, пользующегося поддержкой большей части партийной верхушки и финансово-промышленных кругов, хотя его основной конкурент У. Уилки более популярен в широкой массе рядовых республиканцев. Но Дьюи, по мнению Уоллеса, официально вступит в борьбу, только если шансы Рузвельта на победу будут сомнительными. В «разрезе штатов» за демократами пойдут южные и восточные штаты, а штаты Новой Англии и запада страны (за ис-

[1] Из Вашингтона Молотову, 17.02.1944 г. // Архив внешней политики МИД России (далее – АВП). Ф. 059. Оп. 12. П. 33. Д. 206. Л. 98.

[2] Из Вашингтона Молотову, 24.02.1944 г. // АВП. Ф. 059. Оп. 12. П. 33. Д. 206. Л. 151–152.

ключением Калифорнии и Вашингтона), скорее всего, останутся за республиканцами. Прогноз Уоллеса оказался точен, и Громыко подробно доложил о нем в Москву[1], где внимательно следили за ходом избирательной кампании (характерно, что все депеши Громыко на эту тему неизменно расписывались высшему советскому руководству, начиная со Сталина).

Основного соперника Дьюи Уильяма Уилки хорошо знали в Москве. Единственный сторонник внешней политики Рузвельта среди лидеров республиканцев, он был тепло принят в СССР осенью 1942 г. как эмиссар президента, имел беседу со Сталиным, которому явно понравился этот деловой и искренний союзник[2]. Из всех кандидатов-республиканцев Уилки, безусловно, был наиболее приемлемой кандидатурой для Кремля. И все же Сталин был твердо настроен на сохранение у власти Рузвельта. В январе 1944 г. в «Правде» была опубликована хлесткая статья известного фельетониста Д. Заславского под названием «Уилки мутит воду». Ее автор набросился на статью Уилки в «Нью-Йорк таймс мэгэзин», в которой тот призывал американцев не нагнетать антисоветизм, но одновременно затронул вопрос о судьбе малых стран на западных границах СССР. Заславский обвинил Уилки в «двурушничестве» и даже связал его с ненавистным в Москве Ватиканом. Эмоциональный Уилки был глубоко возмущен такой реакцией, понимая, что так просто подобные статьи в советской печати не появляются. Он позвонил Громыко и в отделение ТАСС, заявив, что «считает себя хорошим другом Советского Союза и не понимает, как могла в "Правде" появиться такая статья», сообщал посол в Москву[3]. Связался Уилки и с британским послом в Москве А. Кларк-Керром и, зная его доступ к Сталину, попросил его передать свою озабоченность хозяину Кремля. Англичанин исправно исполнил эту просьбу, на что Сталин признал, что «Правда», возможно, несколько переборщила, и даже предложил принести Уилки личное извинение. В нем, шутливо добавил Сталин, можно было бы сказать: «Вы мне по душе, но я не хочу, чтобы Вы стали президентом»[4]. Советская печать активно поддерживала Рузвельта и бичевала республиканцев, что, впрочем, вряд ли повлияло на исход выборов. Сталин внимательно следил за ходом предвыборной кампании в США, настроившись на победу своего испытанного партнера.

Тем временем избирательная кампания в США вступала в решающую фазу и становилась все более ожесточенной. Собравшийся в конце июня съезд республиканцев выдвинул официальным кандидатом в президенты Дьюи, который повел фронтальную атаку на демократов и их лидера. Рузвельт же объявил о своем согласии баллотироваться на четвертый срок лишь 11 июля – за неделю до начала работы съезда демократов в Чикаго. Его выдвижение съездом было гарантировано, но вокруг кандидата в вице-президенты развернулась острая закулисная борьба, закончившаяся выдвижением

[1] Из Вашингтона Молотову, 28.02.1944 г. // Там же. Л. 181–184.

[2] См.: *Печатнов В.О.* Визит У. Уилки в СССР в 1942 г. (из истории советско-американских отношений) // США и Канада: Экономика, политика, культура. 1999. № 7.

[3] Из Вашингтона Молотову, 5.01.1944 г. // АВП. Ф. 059. Оп. 12. П. 33. Д. 206. Л. 18.

[4] *Neal S.* Dark Horse. A Biography of Wendell Willkie. N.Y., 1984. P. 298.

сенатора Г. Трумэна вместо Г. Уоллеса. Ее сложные перипетии не укрылись от внимательного взгляда Громыко, давшего подробный анализ происшедшего в очередной депеше в «Центр». Он точно объяснил причины отстранения популярного среди прогрессивных демократов Уоллеса, который восстановил против себя партийную верхушку, консерваторов-демократов Юга и крупный бизнес. В глазах этих кругов Уоллес с его весьма радикальными взглядами «представляет собой вольнодумца, одержимого опасными мыслями». Сохранение Уоллеса в качестве вице-президента являлось особенно рискованным ввиду болезненного состояния Рузвельта. Всего за несколько дней до обнародования его согласия баллотироваться осмотревший президента консилиум независимых врачей вынес ему практически смертный приговор: больное сердце президента изношено до предела и не выдержит нового президентского срока. Они сообщили о своем заключении врачу Белого дома вице-адмиралу Р. Макинтайеру, но тот, судя по всему, скрыл от президента и членов его семьи этот документ, пролежавший в сейфе бостонской клиники почти семьдесят лет[1]. Однако тяжелое состояние Рузвельта не было секретом ни для него самого, ни для посторонних наблюдателей.

В этой обстановке, как проницательно отмечал Громыко, Рузвельт ради сохранения единства партии предпочел принести Уоллеса в жертву, заменив его более консервативным и приемлемым для основных партийных группировок Трумэном. «Выдвижение Трумэна в вице-президенты, – уверенно прогнозировал молодой посол, – по-видимому, предотвратит серьезный разброд внутри Демократической партии накануне выборов. Такая перспектива обеспечит Рузвельту поддержку со стороны южных штатов»[2]. Этот прогноз вскоре полностью подтвердится.

Рузвельт даже не присутствовал на партийном съезде, инспектируя военные объекты по стране. Он практически не вел кампанию, а его неудачное публичное выступление 12 августа в военно-морской базе Бремертон, во время которого он чувствовал себя и выглядел крайне плохо, сразу же подняло рейтинг Дьюи. Приободрившийся губернатор Нью-Йорка усилил нападки на Рузвельта, обвиняя «усталых и старых» обитателей Белого дома в экономической некомпетентности, семейственности и затягивании демобилизации. Взбешенный этим заушательством, Рузвельт по возвращении со второй Квебекской конференции с Черчиллем словно обрел второе дыхание. 23 сентября он выступил с боевой речью перед профсоюзом водителей грузовиков, в которой дал волю своему сарказму, остроумно высмеяв республиканских оппонентов. Апофеозом выступления стала защита любимой собаки президента, которую, как утверждали республиканцы, он якобы забыл на Алеутских островах и затем послал за ней миноносец за счет налогоплательщиков. «Лидерам республиканцев мало нападок на меня, мою жену и сыновей, – с добродушной иронией говорил Рузвельт. – Теперь они взялись за мою маленькую собачку Фалу… Я привык к злобным вымыслам

[1] *Woolner D.* The Last One Hundred Days. FDR at War and Peace. N.Y., 2017. P. 5–6.
[2] Советско-американские отношения. 1939–1945. С. 559–560.

в свой адрес, но думаю, что имею право возмутиться клеветой в отношении своей собаки»[1]. Многотысячная аудитория взорвалась оглушительным смехом. «Все собравшиеся были охвачены одной мыслью, – вспоминал спичрайтер президента С. Розенман. – Старый маэстро снова в строю…Наш чемпион в той же боевой форме и его не победить!»[2]. Возвращение Рузвельта на арену сопровождалось новыми военными успехами союзников: англо-американские войска вошли на территорию Германии, а на Тихом океане войска генерала Макартура вели последние бои на подступах к Филиппинам. В ходе предвыборной борьбы наметился перелом.

«Шансы Рузвельта на переизбрание за последние два-три месяца не только не уменьшились, но скорее увеличились, – докладывал в Москву Громыко 27 сентября. – Объясняется это, главным образом, благоприятной для союзников обстановкой на фронтах и, в частности, успехами, достигнутыми англо-американскими войсками на Западном фронте». Посол тонко уловил контрпродуктивный характер последних выступлений Дьюи, который пустился в откровенную демагогию в отчаянной попытке переломить ход кампании. Доводы республиканского кандидата, говорилось в телеграмме, «сводятся к требованиям о необходимости ликвидировать проведенные Рузвельтом ограничительные мероприятия в отношении деятельности частных предприятий (налоги, максимальные цены, нормирование и прочее). Отмена таких мероприятий Рузвельта изображается как единственное средство, способное предотвратить повторение кризиса и безработицы. В этой связи даются многочисленные обещания. Избиратель, конечно, знает цену этим обещаниям и относится к ним скептически». В заключение давалось проницательное наблюдение о взаимосвязи настроений избирателей с обстановкой на Западном фронте: «Месяц тому назад многие демократы опасались (об этом мне говорили Уоллес, Коннэли, Стеттиниус), что окончание войны в Европе до президентских выборов могло бы снизить шансы Рузвельта. Теперь полагают, что окончание войны в октябре не могло бы отрицательно сказаться на положении Рузвельта, так как энтузиазм масс, который имел бы место в первые дни и недели, еще не успел бы упасть к выборам. Господствующим является мнение, что наиболее благоприятной для Рузвельта будет обстановка в том случае, если война к 7 ноября не закончится. И это, несомненно, так. Американский обыватель считает, что заменять президента в ходе войны, да еще таким неопытным в политическом отношении человеком, как Дьюи, опасно... Рузвельт достаточно опытный политик и постарается использовать в максимальной степени для обеспечения своего успеха военную обстановку. Крупные успехи против японцев, высадка, например, на Филиппинских островах, или что-либо в этом роде, оказали бы, безусловно, благоприятное для него влияние на психологию масс и увеличили бы его шансы на переизбрание»[3]. Так оно в итоге и получилось.

---

[1] *Brands H.* Traitor to His Class. The Privileged Life and Radical Presidency of Franklin Delano Roosevelt. N.Y., 2008. P. 783.

[2] *Friedman L.* Election of 1944 // History of American Presidential Elections. Ed. by A. Schlesinger, Jr. N.Y., 1971. Vol. 4. P. 3032.

[3] Из Вашингтона Молотову, 27.IX.1944 г. // АВП. Ф. 059. Оп. 12. П. 34. Д. 213. Л. 124–126.

Важной опорой президента на выборах был Конгресс производственных профсоюзов и его Комитет политических действий во главе с боевым лидером профсоюза текстильщиков Сиднеем Хиллмэном. Профсоюзники проводили огромную кампанию по регистрации избирателей, вели активную пропаганду в пользу Рузвельта, собирали значительные финансовые средства в фонд демократов. Республиканцы не преминули воспользоваться этим для обвинений конкурентов в том, что старая добрая Демократическая партия «захвачена Браудером (главой компартии США. – *Авт.*) и Хиллмэном». «Дьюи в последнее время почти в каждом своем выступлении основное внимание уделяет борьбе против деятельности так называемого комитета политических действий во главе с Хилманом и борьбе против других прогрессивных групп в стране, – сообщал Громыко в очередной депеше. – Основным тезисом Дьюи является тезис о том, что Демократическая партия…все более и более подпадает под влияние вышеуказанного комитета политических действий и американских коммунистов. Дьюи повторяет эту мысль изо дня в день»[1].

За американскими коммунистами и даже самим Хиллмэном (выходцем из Российской империи) подразумевалась «рука Москвы», поэтому предвыборный штаб Рузвельта внимательно следил за тем, чтобы не давать республиканцам лишних поводов для подобных обвинений. В сентябре, когда ожидался приезд в США делегации советского Всеславянского комитета на съезд Конгресса американских славян, Хиллмэн через надежных посредников передал генеральному консулу СССР в Нью-Йорке, что «вместо атаки против Рузвельта все реакционные силы стремятся превратить эту борьбу в атаку против "московского влияния" в выборах Рузвельта» (как видно, нынешняя тема «российского вмешательства» в американские выборы отнюдь не нова. – *Авт.*). В этих условиях, продолжали эмиссары Хиллмэна, такой визит «в момент ожесточенной избирательной борьбы принесет больше вреда, чем пользы, и даст в руки врагов Рузвельта и реакционерам новые материалы для оголтелых атак». Сообщая об этом в Москву, генеральный консул Киселев настоятельно рекомендовал отменить приезд делегации «если она даже вылетела из Москвы». Реакция Сталина была моментальной: тут же на полях этого донесения он расписал Молотову: «Нужно отказаться от посылки делегации»[2]. С похожим предостережением обратился к Громыко и бывший посол США в СССР, верный сторонник Рузвельта Дж. Дэвис. 20 октября посол передал в Москву его письмо в адрес Молотова для Сталина, в котором Дэвис выражал пожелание, чтобы советская пресса в последние недели перед выборами воздержалась от критических комментариев по поводу публичных заявлений Дьюи, поскольку «они будут перепечатаны здесь и подхвачены враждебными силами и их будут рассматривать как вмешательство иностранных правительств в частные политические дела нашей страны»[3]. Судя по резолюции А. Вышинского, в Москве прислушались к этому совету.

---

[1] Из Вашингтона Молотову, 24.X.1944 г. //АВП. Ф. 059. Оп. 12. П. 34. Д. 214. Л. 88–87.
[2] Из Нью-Йорка, 15.IX.1944 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 386. Л. 11.
[3] Из Вашингтона Молотову, 20.X.1944 г. // АВП. Ф. 059. Оп. 12. П. 34. Д. 214. Л. 58–59.

За неделю до этого Громыко имел подробную беседу с Г. Гопкинсом на обеде тет-а-тет в советском посольстве. Здесь Гопкинс впервые упомянул «советское Черноморское побережье» в качестве возможного места проведения следующей встречи «большой тройки». Советская сторона сразу же уцепилась за это предложение, и все последующие попытки Рузвельта перенести встречу в более удобное для себя место не имели успеха. Большой интерес в Москве, судя по двойному подчеркиванию в тексте телеграммы, вызвало и следующее высказывание Гопкинса: «Он считает, что президент очень легко может договориться с товарищем Сталиным по этому (территориальному. – *Авт.)* вопросу, какой бы страны это не касалось вдоль всей границы от Финляндии и до Черного моря». Это было важное подтверждение уступчивости Рузвельта в ключевом вопросе о западных границах СССР. Беседа коснулась и предстоящих выборов. Гопкинс сказал, что основная борьба сейчас идет за голоса независимых избирателей, и прогнозировал победу Рузвельта с перевесом в 60 против 40 процентов голосов выборщиков. Возможная потеря Нью-Йорка и Огайо, по его словам, может быть компенсирована победами в Пенсильвании, Иллинойсе, Массачусеттсе и Калифорнии (Рузвельт действительно победил во всех этих штатах за исключением Огайо). Гопкинс добавил, что «в оставшиеся дни республиканцы будут указывать часто на состояние здоровья Рузвельта, будут распространять слухи о том, будто бы Рузвельт в силу состояния здоровья не сможет выполнять обязанности президента в случае избрания»[1]. Действительно, эта тема беспощадно муссировалась в выступлениях Дьюи и других республиканцев, позабывших все приличия; «это самая грязная кампания в моей жизни», говорил Рузвельт тому же Гопкинсу.

На основании доверительной информации из авторитетных источников и собственного анализа предвыборной ситуации Громыко в нескольких подробных депешах последней недели октября дал свою развернутую оценку заключительного этапа и вероятного исхода избирательной кампании. К этому времени предвыборная ситуация снова несколько изменилась. Энергия Рузвельта ослабла, тогда как кампания Дьюи достигла своего апогея. Опросы показывали укрепление позиций республиканцев среди ключевой категории независимых избирателей. Громыко точно уловил эту тенденцию. «Исключительные усилия, прилагаемые республиканцами, в том числе и самим Дьюи, с целью добиться победы на президентских выборах, привели в течение последних двух недель к некоторому ухудшению обстановки для Рузвельта, – докладывал он 23 октября. – Отчасти виноваты в этом сами же демократы. В их рядах до последнего времени заметна была некоторая самоуспокоенность». Посол отмечал, что в самое последнее время Рузвельт предпринимает большие усилия для спурта на финишной прямой избирательной кампании. 21 октября президент выступал в колеблющемся Нью-Йорке, проехав несколько часов перед толпами приветствующих его горожан в открытой машине под проливным дождем; он «планирует до выборов выступить в Фи-

[1] Из Вашингтона Молотову, 14.X.1944 г. // Там же. Л. 282–283.

ладельфии, Бостоне, Кливленде и, возможно, в Чикаго и Детройте». Особенно беспокоят демократов, отмечал Громыко, проблемные штаты Иллинойс, Мичиган и Огайо с большой прослойкой польских американцев, податливых на антисоветскую риторику Дьюи. Кандидат республиканцев, отмечал посол, «показал себя как первоклассный демагог. Он, например, всю вину за неподготовленность США к войне сваливает на Рузвельта, хотя каждому американцу известно, что именно республиканцы срывали или пытались срывать военные мероприятия Рузвельта. Вообще, Дьюи следует правилам: чем больше лжи и демагогии, тем больше шансов на то, что они могут произвести желательный эффект»[1].

Эта депеша была встречена в Москве с тревогой. Там уже твердо уверовали в победу Рузвельта. Накануне Сталин в беседе с послом США А. Гарриманом заявил, что не сомневается в исходе выборов: «Дьюи не идет ни в какое сравнение с Рузвельтом, это совсем мелкая фигура»[2]. Пессимистическая нота посольской депеши явно диссонировала с этим настроем. Хорошо зная настроение в Кремле, первый заместитель Молотова А. Вышинский весьма резко отреагировал на донесение Громыко:

«В Вашей телеграмме содержится противоречивая оценка предвыборной ситуации в США. В начале телеграммы Вы говорите, что в течение последних двух недель наблюдается некоторое ухудшение обстановки для Рузвельта… Однако далее в телеграмме Вы отмечаете, что заявления Дьюи по вопросу об Италии и особенно по польскому вопросу произвели в стране плохое впечатление и что эти заявления, по общему мнению, могут снизить число его сторонников… Затем Вы сообщаете об отходе от Дьюи в последние дни некоторых республиканских деятелей, в том числе и сенаторов и переходе на сторону Рузвельта таких виднейших публицистов США, как Вальтер Липпман и Дороти Томпсон... Разберитесь повнимательней в предвыборной обстановке и дайте нам более точную картину»[3].

В сталинско-молотовской системе советским дипломатам (а тем более – молодым) в ответ на подобные выговоры было положено полностью признать ошибку и срочно исправить свои оценки в угоду начальству. Но не таков был Громыко. Через два дня после получения указаний Вышинского (которого посол с полным основанием считал «мерзким человеком») он вместо покаяния послал новую телеграмму на десяти страницах, которая упрямо продолжала начатую тему: «Как я сообщал в телеграмме от 23 октября, за период примерно с начала октября по 20-е числа октября заметно было некоторое ухудшение предвыборной обстановки для Рузвельта». Далее посол иллюстрировал это на конкретных примерах и делал вывод о причинах возросшей популярности Дьюи на материале затронутых им «острейших вопросов внутреннего характера» – о налогах, безработице, перспективах демобилизации армии,

[1] Из Вашингтона Молотову, 24.X.1944 г. // АВП. Ф. 059. Оп. 12. П. 34. Д. 314. Л. 86–89.

[2] *Печатнов В.О., Магадеев И.Э.* Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование (далее – *Печатнов В.О., Магадеев И.Э.* Переписка). Т. 2. М., 2015. С. 269.

[3] Вашингтон совпослу, 30.X.1944 г. // АВП. Ф. 059. Оп. 12. П. 6. Д. 36. Л. 118.

частной инициативе, «четвертом сроке» и др. «Его высказывания по этим вопросам и его обещания оказали заметное влияние на часть служащих и деловые круги. Фермеры прислушиваются к обещаниям Дьюи ликвидировать введенные Рузвельтом меры по регулированию сельского хозяйства. Деловые круги прислушиваются к обещаниям Дьюи снизить налоги на частные корпорации и кампании, ликвидировать налоговое законодательство Рузвельта и ряд других проведенных Рузвельтом в отношении частных предприятий мер, которые характеризуются здесь как ущемление частной инициативы. Часть рабочих и служащих прислушивается к обещаниям Дьюи не допустить повторения безработицы. Женщины прислушиваются к обещаниям Дьюи демобилизовать сразу же после окончания войны армию и возвратить по домам солдат».

Ситуация, продолжал посол, стала меняться в пользу Рузвельта лишь в последней декаде октября под влиянием неудачных выступлений Дьюи по внешней политике и новых усилий самого президента, который «начиная с 21 октября сделал три важных выступления в Нью-Йорке, Филадельфии и Чикаго, то есть в центрах наиболее важных, считающихся сомнительными штатов». В самом деле, именно в эти дни Рузвельт собрал все свои силы для последнего рывка, выступая перед многотысячными толпами горожан. Особенно яркой была его речь в Чикаго 28 октября, произнесенная на огромном «Солдатском поле», вместившем почти сто тысяч человек. Президент убедительно говорил об «экономическом билле о правах», послевоенной экономике с полной занятостью и шестьюдесятью миллионами рабочих мест. Обыгрывая клише республиканцев, он задался вопросом о том, «как «правительство «старых и усталых людей» смогло создать самую большую в истории военную машину и армию, которые выигрывают одну победу за другой в Европе и Азии»[1].

Далее Громыко дал подробный и реалистический расклад соотношения сил на выборах в географическом и социально-классовом разрезе. Демократы поведут за собой южные и западные штаты; Средний Запад и северо-восточные штаты останутся за республиканцами (за вероятным исключением Иллинойса и Мичигана, а также Массачусетса). Ключевые восточные штаты Нью-Йорк и Пенсильвания, скорее всего, возьмут демократы. На стороне Рузвельта – «подавляющее большинство рабочего класса», большинство членов профсоюзов, военных и государственных служащих. «Дьюи поддерживают высокооплачиваемые служащие и инженерно-технические работники частных корпораций и кампаний», большинство фермерского населения, а также финансово-промышленные круги страны. Посол не упустил и значение расширения электората, достигнутый в основном усилиями профсоюзов КПП: «Тот факт, что число избирателей достигает 47 миллионов, что по американским стандартам представляет большое достижение, также благоприятствует Рузвельту… Рост числа избирателей сверх обычной средней цифры происходит за счет групп населения с низкими доходами. А эти слои населения голосуют на Рузвельта в своем подавляющем большинстве. Не исключе-

[1] *Friedman L.* Election of 1944. P. 3036.

на, однако, возможность, что большинство, которое получит Рузвельт, может оказаться не настолько преобладающим, насколько это ожидалось ранее»[1].

Прогноз Громыко оказался на редкость точным во всех отношениях, включая сравнительно небольшой разрыв в голосах – 25,6 млн за Рузвельта и 22 млн за Дьюи[2]. «Рузвельтовская коалиция» (Юг, промышленные центры, профсоюзы и малоимущие) вновь принесла президенту победу, хотя и с меньшим перевесом, чем раньше. «Рузвельт переизбран, – со спокойным сердцем телеграфировал Громыко в Москву на следующий день после выборов. – …Еще вчера вечером в 11 часов 20 минут позвонил Гопкинс и восторженным голосом сказал: "Рузвельт победил". К тому времени сделан был подсчет лишь 9 млн голосов. Однако соотношение подсчитанных голосов было явно в пользу Рузвельта. Позже лишь штат Нью-Йорк «прыгал» от Рузвельта к Дьюи и обратно. Остановился всё же в ряду рузвельтовских штатов. Сегодня утром позвонил вице-президент Уоллес и с радостью сообщил то же, что и Гопкинс»[3]. Обращает на себя внимание прямой контакт Громыко с первыми лицами рузвельтовской администрации, что говорит об их особом отношении к молодому советскому дипломату. По предложению посла Сталин в тот же день послал Рузвельту поздравление с переизбранием[4].

На «фалдах» Рузвельта демократы укрепили свое положение и в Конгрессе США, о чем Громыко подробно сообщил 19 ноября. Он особенно выделил поражение самых реакционных республиканцев – изоляционистов и антисоветчиков типа сенаторов Дж. Ная и Р. Рейнольдса, а также конгрессменов Г. Фиша и М. Дайса – главы одиозного комитета Палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности. «Провал Дайса и некоторых его сообщников представляет исключительно отрадное явление, – подчеркивал посол. – Из конгресса оказались удаленными несколько наиболее отъявленных наших врагов». Итоги выборов, заключил посол, подрывают позиции изоляционистов в стране и прокладывают дорогу к участию США в послевоенной системе международной безопасности: «Для изоляционистов, в том числе и оставшихся в конгрессе, результат прошедших выборов является как бы предупреждением против оговорок в связи с решением вопроса об участии США в послевоенной организации. Для всех стало очевидным, что поражение изоляционистов не является случайным явлением, что оно отражает настроение подавляющего большинства населения страны, поддерживающего внешнюю политику Рузвельта»[5]. И действительно, уже в начале 1945 г. Сенат принимает известную резолюцию Ванденберга, санкционирующую участие США в ООН.

Победный 1945 год принес советскому послу в Вашингтоне новые испытания. Советская дипломатия готовилась к учредительной конференции ООН в Сан-Франциско. 13 марта Политбюро утвердило состав советской де-

---

[1] *Из* Вашингтона Молотову, 2.XI.1944 г. // АВП. Ф. 059. Оп. 12. П. 34. Д. 214. Л. 192–202.

[2] *Brands H.* Traitor to His Class. P. 786.

[3] *Из* Вашингтона Молотову, 8.XI.1944 г. // АВП. Ф. 059. Оп. 12. П. 34. Д. 214. Л. 250.

[4] *Печатнов В.О., Магадеев И.Э.* Переписка, Т. 2. С. 305.

[5] *Из* Вашингтона Молотову, 19.XI.1944 г. // АВП. Ф. 059. Оп. 12. П. 35. Д. 215. Л. 20–24.

легации, в которую помимо Молотова входили А. Жданов и другие видные деятели, что должно было подчеркнуть особую роль СССР в создании ООН и повышенное внимание Москвы к этой конференции. Молотов успел сообщить о своем участии руководству Госдепартамента и Форин-офиса. Однако именно в эти дни разыгрался «бернский кризис», связанный с секретными контактами американской разведки в Швейцарии с представителями германского командования в Италии. Отказ союзников допустить к ним советских представителей вызвал резкое обострение межсоюзных отношений. 22 марта Молотов направил Гарриману самый жесткий протест, обвинив союзников в ведении сепаратных переговоров с немцами «за спиной Советского Союза». В тот же день Политбюро снизило уровень советского участия в Сан-Франциско с парадно-представительского до рабочего; делегацию СССР теперь должен был возглавить Громыко. Это стало шоком не только для союзников, но и для самого посла. 23 марта – в тот день, когда он довел до сведения американцев новый состав делегации, Громыко телеграфировал Молотову: «Назначение меня председателем делегации на конференцию в Сан-Франциско является для меня совершенно неожиданным. Я должен откровенно сказать, что несколько беспокоюсь, учитывая важность конференции и ответственность, которая падает на делегацию и прежде всего на ее председателя. Разумеется, после оглашения состава делегации здесь начнутся кривотолки и спекуляция относительно мотивов, в силу которых делегацию на конференцию не возглавили Вы лично. Все это будет еще больше осложнять обстановку и для меня как председателя советской делегации». Понимая окончательность принятого решения, Громыко просил лишь об усилении делегации за счет представительства военных[1].

На 35-летнего дипломата свалилась действительно огромная ответственность: в Сан-Франциско предстояли сложные переговоры по процедурным и содержательным вопросам Устава ООН, запуск небывалой международной организации на глазах у всего мира. Любая оплошность была бы замечена в Москве и могла стоить как минимум карьеры. Назначение Громыко на этот пост действительно вызвало спекуляции в Вашингтоне и Лондоне, где опытные дипломаты улавливали скрытый смысл этой перестановки в недовольстве советской стороны действиями союзников. «За исключением посла это делегация невысокого уровня, – докладывал президенту Рузвельту исполняющий обязанности Государственного секретаря Дж. Грю. – В ней нет ни одного заместителя наркома иностранных дел и никаких других представителей в ранге членов кабинета»[2]. Рузвельт в специальном послании Сталину пытался отговорить его от такого решения. «Мы весьма высокого мнения о личных качествах и способностях посла Громыко и уверены, что он весьма успешно представлял бы Советский Союз», – писал президент, выражая вместе с тем «глубокое

[1] Из Вашингтона Молотову, 23.III.1945 г. // АВП. Ф. 059. Оп. 15. П. 10. Д. 53. Л. 103–104.

[2] Memorandum by the Acting Secretary of State to President Roosevelt, March 23, 1945 // Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers (далее – FRUS) 1945. General: The United Nations. Vol. 1. Washington, 1945. P. 151–152.

разочарование» в связи с отменой приезда Молотова[1]. Но все было тщетно, и Громыко начал серьезно готовиться к предстоящей конференции, благо он был хорошо знаком с этой проблематикой, будучи главой советской делегации на конференции в Думбартон-Оксе осенью 1944 г. 1 апреля он направил в Москву длинную депешу с подробным перечислением вопросов, которые могут возникнуть в Сан-Франциско. Посол просил конкретных директив по всем этим пунктам: «Наличие более или менее развернутых директив, подготовленных заранее с учетом предложений и соображений, уже высказанных странами-участниками конференции, облегчит работу советской делегации и поможет ей ориентироваться. Необходимость таких директив диктуется еще и тем, что на конференции, как известно, все или почти все страны будут представлены министрами иностранных дел, а некоторые из них – премьерами. Следовательно, многие делегации будут в состоянии определять свое отношение ко всем вопросам, относящимся к выработке устава организации, сразу же, немедленно. Темпы работы конференции могут затруднить возможность получать своевременно указания из Москвы по тем или иным вопросам»[2]. Только смерть Рузвельта и потребность установить контакт с его преемником заставили Сталина пересмотреть свое решение и отправить в США Молотова. Тем не менее в Сан-Франциско Громыко будет правой рукой наркома, а после его отъезда возглавит-таки советскую делегацию на конференции и отлично справится со своими обязанностями. Под принятым на конференции Уставом ООН навсегда осталась подпись А.А. Громыко.

В начале апреля посол вел непростые переговоры с госсекретарем Э. Стеттиниусом о процедурных вопросах на предстоявшем дипломатическом форуме. Один из них касался председательства на конференции: советская сторона выступала за поочередное председательство четырех из пяти великих держав-основателей ООН (Франция пока в этом не участвовала) на равных правах, тогда как американцы предложили иметь одного председателя (подразумевая, что им будет представитель США) и трех его заместителей. Из отчета посла Молотову показалось, что Громыко недостаточно энергично отстаивал советскую позицию, хотя даже американская запись беседы Громыко со Стеттиниусом и британским временным поверенным Мэйкинсом от 3 апреля свидетельствовала об обратном. Молотову, видимо, не понравилось, что Громыко не смог преодолеть сопротивление партнеров: Стеттиниус высказался в пользу единоначалия по практическим соображениям, а Мэйкинс прямо заявил о том, что, по его мнению, «председателем на конференции должен быть американец»[3]. Последовал строгий разнос наркома: «Ваше поведение при обсуждении в Руководящем комитете предложения Американского правительства о председателе и трех вице-председателях показывает, что Вы ведете себя, как школьник и просто как приложение к Стеттиниусу. Вы,

[1] *Печатнов В.О., Магадеев И.Э.* Переписка. Т. 2. С. 457.

[2] Из Вашингтона Молотову, 1.IV.1944 г. // АВП. Ф. 059. Оп. 15. П. 10. Д. 53. Л. 253–261.

[3] Minute of the First Meeting of the Informal Organizing Group. April 3, 1945 // FRUS. 1945. Vol. 1. P. 190.

очевидно, до сих пор не усвоили той простой истины, что у нас своя линия и что Вы как представитель великого государства должны вести себя с достоинством и самостоятельно, а не по-ученически, как Вы повели себя в действительности в этом вопросе… Держитесь твердо, ведите себя самостоятельно, отстаивая наши позиции, и не уступайте»[1]. Такой тон был вообще характерен для кремлевских инструкций того времени, когда под воздействием укрепления мировых позиций СССР Сталин и Молотов стремились привить своим дипломатам новый великодержавный дух, настраивая их на максимально жесткое отстаивание советских предложений.

Получив эту разносную телеграмму, Громыко не растерялся и в тот же день послал Молотову новую депешу с более подробным изложением беседы со Стеттиниусом. Он еще раз пересказал свои доводы в защиту советской позиции и заключил телеграмму полными скрытой обидой словами: «Можете судить сами, вел ли я себя, приводя эти аргументы, как "школьник" и "приложение к Стеттиниусу", или как представитель великого государства»[2]. Нужно было обладать немалой смелостью и чувством собственного достоинства, чтобы так ответить всемогущему наркому, а значит – и Сталину, который читал всю эту переписку. Громыко и далее продолжил борьбу по этому вопросу. 8 апреля он вновь обсуждал этот вопрос с государственным секретарем и занял (как отмечалось во внутренней переписке Госдепартамента) «весьма непреклонную позицию». Американцы в ответ заручились твердой поддержкой англичан и начали обрабатывать еще одного члена Руководящего комитета – посла Китая. Не мудрено, что на следующем заседании этого органа Громыко столкнулся с общим фронтом союзников против советского предложения. Напрасно посол СССР доказывал, что Москва не ищет для себя никаких преимуществ, ратуя только за равенство всех членов четверки, а четверо сопредседателей справятся с ведением конференции не хуже, чем один председатель. Члены комитета только согласились запросить мнение своих правительств на сей счет. 12 апреля на совещании американской делегации на конференции в Сан-Франциско Стеттиниус привел еще один откровенный довод против принятия советского предложения – это «может создать нежелательный прецедент для будущих международных конференций и даже для самой ООН». Он сослался и на полученное мнение Рузвельта о том, что «мы должны твердо держаться нашей позиции»[3].

В тот же день Громыко сообщил в Москву о звонке Стеттиниуса, который после телефонного разговора с Рузвельтом 11 апреля передал послу твердое мнение президента о том, что в Сан-Франциско должен быть один председатель. «Стеттиниус подчеркнул, что, говоря это, Рузвельт не имел в виду какую-либо определенную страну, которая заняла бы председательское место. Ясно, что эта оговорка была приведена для "красного словца", – докладывал

[1] Вашингтон, совпосол, 6.IV.1945 г. // АВП. Ф. 059. Оп. 15. П. 10. Д. 53. Л. 172–173.

[2] Из Вашингтона Молотову, 6.IV.1944 г. // Там же. П. 46. Д. 269. Л. 53–54.

[3] Minutes of the Ninth Meeting of the United States Delegation, April 12, 1945 // FRUS. 1945. Vol. 1. P. 278–279.

Громыко. – В самом же деле Рузвельт хочет, чтобы председателем был Стеттиниус, не говоря уже о желании самого Стеттиниуса. Таким образом, американцы упорно не хотят отступать от занятой ими с самого начала позиции»[1]. Это была точная оценка американской позиции.

Вскоре и сам Молотов получит возможность попробовать свои силы в преодолении настроя союзников, когда по прибытии в Вашингтон попытается преодолеть их сопротивление в вопросе о председательстве на конференции. Все будет тщетно. Союзники согласятся лишь поставить этот вопрос на рассмотрение всей конференции, будучи уверены в поддержке со стороны большинства ее участников[2].

Передавая в Москву сообщение о звонке Стеттиниуса, Громыко еще не знал, что это было одно из последних распоряжений президента – в тот же день Рузвельт умер. Посол информировал Москву о первой реакции в США на это неожиданное известие: «Как среди народа США, так и среди политических официальных кругов заметна сильная тревога и даже растерянность, в связи со смертью Рузвельта. Положение усугубляется еще и тем, что Трумэна здесь рассматривают как недостаточно опытного и недостаточно испытанного политического лидера. Особенное беспокойство имеет место в левых кругах Демократической партии»[3].

Накануне приезда Молотова в Вашингтон Громыко направил в «Центр» длинную депешу с подробным анализом политической обстановки в стране после смерти Рузвельта. Этот неизвестный до сих пор документ представляет особый интерес своей глубиной и проницательностью. Это, прежде всего, касается анализа первых шагов администрации Трумэна и прогноза ее дальнейшей политики. Сам Трумэн характеризовался как представитель центра Демократической партии, приемлемый для ее основных группировок. В личном плане, по имеющейся информации, новый президент «является человеком-практиком. Может быть довольно твердым, если убежден в правильности своей позиции и если имеет соответствующую поддержку… Он не теоретик и не человек оригинальных идей. В этом отношении его с Рузвельтом нельзя и сравнить. Он будет прислушиваться к мнению других больше, чем это делал Рузвельт». Интересно, что эта заочная оценка Трумэна, с которым у Громыко до того не было личных контактов, совпадала с мнением такого искушенного в вашингтонской политической «кухне» наблюдателя, как британский посол лорд Галифакс, хорошо знавший Трумэна. В своем докладе для Форин-офиса Галифакс отмечал «большую практическую сметку» нового хозяина Белого дома, отсутствие у него «конкретной политической идеологии» и «научных знаний»: «…Он глубоко чужд прекраснодушным идеям абстрактных "добрых дел"… Новый президент, возможно, и не отличается качествами предводителя, но он твердо стоит на земле»[4].

---

[1] Из Вашингтона, 12.IV.1944 г. // АВП. Ф. 059. Оп. 15. П. 46. Д. 269. Л. 153.

[2] Minutes of the First Four-Power Preliminary Meeting, April 23, 1945 // FRUS. 1945. Vol. 1. P. 365–367.

[3] Из Вашингтона, 15.IV.1944 г. // АВП. Ф. 059. Оп. 15. П. 46. Д. 269. Л. 201.

[4] Halifax to Foreign Office, April 13, 1945 // The National Archives (Richmond, U.K.). Foreign Office Records. 371/51715.

Сохраняя осторожность в оценках, Громыко вместе с тем давал довольно уверенный прогноз общего вектора внешней и внутренней политики Трумэна. Во внешней политике «Трумэн будет, по крайней мере в течение ближайшего будущего, продолжать линию Рузвельта на сотрудничество с Советским Союзом и Великобританией. Есть основания также считать, что Трумэн будет проводить линию на участие США в Международной организации безопасности.

Слишком большой путь проделали Соединенные Штаты Америки в направлении разрыва с изоляционизмом, чтобы можно было сдвинуться сразу вспять в области внешней политики и, во всяком случае, чтобы сделать сразу более или менее серьезный поворот назад.

Сказанное выше не означает, что Трумэн, который как политическая фигура несравненно слабее Рузвельта и который находится в большей степени под влиянием консервативных политических кругов США, чем Рузвельт, не может не предпринять каких-либо шагов в области внешней политики, могущих нанести ущерб союзному сотрудничеству, как и в целом сотрудничеству в международном масштабе». «Что касается внутренней политики Трумэна, то по общему распространенному в политических кругах Вашингтона мнению, он сделает поворот вправо. Он, если и не решится на то, чтобы ликвидировать последствия проведенных Рузвельтом реформ и мероприятий, то во всяком случае откажется от проведения каких-либо важных мероприятий в духе социальных "экспериментов" Рузвельта, которые не соответствовали бы интересам правящего класса». В том же негативном направлении могут действовать и хорошие отношения Трумэна с Конгрессом: «…при наличии сильного влияния консервативных групп и при отсутствии соответствующей твердости со стороны Трумэна они могут привести к уступкам реакционным и правым группам и по принципиальным вопросам… Рузвельт в случае необходимости мог идти против течения, против конгресса, и добиваться поставленных им целей вопреки наиболее реакционным и изоляционистски настроенным кругам конгресса. Трумэну может не хватать решительности и настойчивости следовать примеру Рузвельта. Именно поэтому либеральны и прогрессивные круги выражают беспокойство по поводу политического курса нового президента».

И в самом деле, Трумэн, как известно, первое время сохранял преемственность с внешнеполитическим курсом своего предшественника, но постепенно отошел от него под воздействием своих новых советников и менявшейся обстановки в стране. Равным образом и во внутренней политике Трумэн не пошел на свертывание реформ «нового курса», но и отказался от дальнейших социальных экспериментов. Оправдались и конкретные прогнозы посла о возможных дальнейших шагах новой администрации, прежде всего – в ключевом кадровом вопросе: «Похоже на то, что Трумэн в течение некоторого времени воздержится от производства изменений в составе кабинета, – писал Громыко. – По крайней мере, воздержится от замены министров, занимающих наиболее важные посты. Трумэну нужны в течение некоторого

времени члены кабинета, имеющие опыт, приобретенный при Рузвельте. С течением времени Трумэн, несомненно, произведет изменения в составе кабинета и поставит на министерские посты своих людей». В этой связи Громыко точно предсказывал скорую (после Сан-Францисской конференции) замену Стеттиниуса близким Трумэну Дж. Бирнсом и изменение роли Гопкинса: «Возможно, в течение некоторого периода времени, он будет занимать официальное место в Белом доме и, так сказать, передавать свой опыт и свои знания, относящиеся к деятельности Рузвельта, новому президенту. Однако, если бы даже Гопкинс и продолжал в течение некоторого времени оставаться помощником и советником президента, влияние его, конечно, уже не имело бы того значения, которое он имел при Рузвельте»[1]. Действительно, какое-то время Гопкинс оставался советником Трумэна и даже совершил по его заданию свою последнюю миссию в Москву, которая помогла развязать некоторые узлы советско-американских отношений.

Но эра Рузвельта заканчивалась и вместе с ней – особый период в дипломатической работе самого А.А. Громыко, ставший для него бесценной профессиональной школой. «Конечно, наиболее сильные впечатления, связанные с дипломатической работой за рубежом у меня остались от США, – напишет Андрей Андреевич много лет спустя в своих мемуарах. – Это объясняется, прежде всего, тем, что находился я там в самое напряженное время – военное и первый послевоенный период»[2].

[1] Из Вашингтона, 21.IV.1945 г. // АВП. Ф. 059. Оп. 15. П. 46. Д. 270. Л. 13–23.
[2] *Громыко А.А.* Памятное. Кн. 1. 2-е изд., доп. М., 1990. С. 212.

Попов В.И.

А.А. Громыко – дипломат и ученый*

Мне довелось знать А.А. Громыко, много беседовать с ним после его назначения на пост министра иностранных дел, а затем и Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Эго дает мне основание поделиться своими впечатлениями о нем как о дипломате, ученом, интересном собеседнике и человеке.

В предисловии к книге, написанной профессорами Дипакадемии и сотрудниками МИДа «Современная дипломатия зарубежных государств», характеризуя дипломатию западных государств, Громыко дал оценку и внешней политике, и дипломатии нашей страны. Он отмечал «взвешенный учет ею реальных возможностей», «гибкость в выборе тактических приемов», «творческий, конструктивный характер нашей внешней политики и дипломатии). Все эти качества характеризуют и его долгую дипломатическую деятельность. И еще одна, пожалуй, наиболее важная сторона дипломатии А.А. Громыко. Он был послом в США и Англии, заместителем министра и министром иностранных дел. Для характеристики его деятельности сошлюсь на высказывание Г. Пальмерстона, «великого Пама» (как называли его в Англии), бывшего на протяжении своей карьеры дважды премьер-министром Великобритании и дважды ее министром иностранных дел. Он сказал: «Единственная задача министра иностранных дел – защита интересов своей страны». Именно такими словами мог сказать о себе Громыко как о дипломате. Для него не было более важной цели, чем отстаивание интересов страны, и делал он это в высшей степени профессионально. Мне приходилось участвовать в переговорах, которые он вел в качестве министра.

Приведу один пример, который показывает, как он мастерски находил выход из самых трудных, неожиданных и неординарных ситуаций. 1984 год. Министр иностранных дел Англии Джефри Хау посетил с официальным визитом Москву. Следует сказать, что к тому времени между Англией и США, ее главным союзником, несмотря на политику Тэтчер развивать «особые

Попов Виктор Иванович (1918–2007) – Чрезвычайный и Полномочный Посол, заслуженный деятель науки России, доктор исторических наук, профессор Дипломатической академии МИД России.

* Впервые опубликовано в: А.А. Громыко – дипломат, политик, ученый. Материалы Научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А.А. Громыко. С. 130–139.

отношения» с США, между двумя странами наметились некоторые расхождения. Ядерное сотрудничество между ними дошло до полной зависимости Англии от США, в особенности после начала Америкой реализации программы Стратегической оборонной инициативы (СОИ). Англия опасалась, что перенесение гонки ядерных вооружений в космос нанесет ущерб британским ядерным средствам и безопасности Британии, так же как и американская позиция по ПРО. Англия начала выступать (правда, с оговорками) против позиции США по этим двум проблемам, осложнились и экономические отношения между двумя странами. Во время осуществления Советским Союзом строительства газопровода «Ужгород – Уренгой» английская фирма «Джон Браун» стала поставлять нам турбины и компрессоры для него. Фирма была связана соглашениями с американскими компаниями, и США наложили на сделку санкции. В дело вмешалась Тэтчер, заявив, что, несмотря на американскую позицию, фирма «Джон Браун» полностью выполнит соглашение. В этих условиях Джефри Хау, видимо, решил «поправить» отношения с Соединенными Штатами за счет СССР и сделал это в совершенно необычной манере. Касаясь отношений Восток – Запад, он посвятил свое выступление защите внешней политики США и неожиданно заявил, что Соединенные Штаты согласны с советскими предложениями по предотвращению милитаризации космоса и готовы ввести мораторий на развертывание космических вооружений. Громыко сразу понял, что здесь что-то не то. Он высказал удивление и сказал, что США, напротив, отказываются принять наши предложения, обставляя свою позицию различными уловками. Он сослался при этом на то, что ни наш посол в Вашингтоне, ни американский посол в Москве не сообщают об изменении американской позиции. Дальше дискуссия развивалась так:

Хау: «Но я связался из английского посольства в Москве с Вашингтоном и получил разъяснения, что ответ США на советские предложения нужно рассматривать как положительный (следовательно, старый ответ, который мы знали, теперь объявлялся «положительным». – *Авт.)*.

Громыко: «С кем Вы разговаривали в Вашингтоне?»

Хау: «Ну, я говорил с официальными лицами». (Ясно, что Хау уклонился от прямого ответа.)

Громыко: «А если мы сейчас свяжемся с Вашингтоном и заявим, что английский министр дал от имени США согласие на демилитаризацию космоса и, больше того, опубликуем это в печати. Вы согласны?»

Хау: «Ну, ведь это доверительный разговор». (И согласие на публикацию его заявления не дает.)

Громыко: «А почему вообще американцы говорят с нами через Вас, а скажем, не через нашего посла в США, который дает нам прямо противоположную информацию, или через американского посла здесь, в Москве?!»

Хау уклоняется от ответа. Стало ясно, что английский министр захотел выступить в роли маклера, оказать «услугу» Соединенным Штатам, но сделал это неуклюже. Английская газета «Дейли телеграф», близкая к Форин-офис,

отметила, что США на самом деле не обращались ни с каким предложением к Советскому Союзу, а Хау просто решил нажить политический капитал на «посредничестве», но Громыко этот замысел понял и умело его сорвал; так же упорно Громыко отстаивал и позицию СССР в ходе дальнейших переговоров по Ближнему Востоку. Он предложил Хау говорить первым и по следующему вопросу («У нас сложилась традиция предоставлять первое слово гостю»), но английский министр не выдвинул никаких новых предложений.

Хау: «Надо только, чтобы все арабские страны, и в особенности Сирия, согласились на переговоры с Израилем».

Громыко: «Мы не против Израиля. Советский Союз голосовал за создание Израиля. Вот эта рука (он поднял свою правую руку. – *Авт.)* голосовала за создание Государства Израиль, но как мирного (он подчеркнул это. – *Авт.),* а не экспансионистского государства. Мы против экстремизма некоторых арабских деятелей, но мы за то, чтобы израильские войска были удалены со всех захваченных им арабских территорий и за невмешательство Израиля (и США) в дела арабских государств. Были испробованы многие методы достижения мира, но они не дали результата, и само положение в регионе привело к тому, что надо использовать метод международной конференции. СССР готов принять участие в этом форуме. Эго отвечало бы интересам и Великобритании».

Хау: «Мы все-таки думаем, что обстановка для международной конференции еще не созрела».

Громыко: «Мы полагаем, что идея конференции давно созрела. За нее выступают многие арабские страны. А вообще, где тот инструмент, которым вы определяете, созрела идея урегулирования или нет? Продолжается оккупация Израилем арабских территорий, идет война в Израиле, растет сопротивление палестинцев. Что еще нужно, чтобы убедить вас в необходимости урегулирования? Гибель людей и разрушения в новой войне в этом регионе?»

Не может быть двух мнений, что с профессиональной точки зрения Громыко отстаивал интересы своей страны более умело, чем его партнер.

Можно было бы привести и другие беседы, когда Громыко участвовал в переговорах советских руководителей с английскими деятелями, в том числе с Тэтчер, и в самую трудную и решающую часть переговоров именно к голосу министра иностранных дел прежде всего прислушивались собеседники.

Второй вопрос, на котором мне хотелось бы остановиться, тесно связан с первым – это огромное уважение к Громыко со стороны его партнеров по переговорам (несмотря на различие в идеологии и позициях стран). Чтобы не быть голословным, приведу отзывы о Громыко как дипломате государственного секретаря США, советника президента по национальной безопасности Г. Киссинджера, для которого советский министр был не только партнером, но и противником. Конечно, ожидать от него восторженного отзыва о советском дипломате было бы наивно. Но, будучи относительно объективным, он относил Громыко к когорте блестящих дипломатов России, подготовленных и способных. Правда, он отметил, что у всех российских и советских

министров (он упомянул и Горчакова) «не было полномочий планировать долгосрочную политику», они «зависели от непостоянного и легко выходящего из себя автократа». (Хотя это было некоторым преувеличением, но в основе своей было правильно – эти полномочия принадлежали Политбюро ЦК КПСС.) Он назвал Громыко «настоящим мастером игры, умеющим блестяще выматывать оппонентов». Он мог, по словам госсекретаря, во время переговоров «довести до совершенства и без того недюжинное умение воздвигать каменные стены, при помощи которых он терзал целое поколение министров иностранных дел демократических стран». Тактикой советских дипломатов был «упор на проблему, интересующую Москву в данный конкретный момент» и «настоящее упорство в достижении цели», «их отличают настойчивость и упорство». Заключает свой анализ Киссинджер так: «Квинтэссенцию подобного подхода к внешнеполитической деятельности олицетворял Громыко»[1]. Все это еще раз доказывает мысль, высказанную в самом начале, – главной целью для советского дипломата была защита интересов своей страны, и в этом проявились лучшие качества Громыко, выдающегося и талантливого дипломата.

Я мог бы привести и ряд других фактов из своей дипломатической практики. В Лондон с официальным визитом приехал президент Мексики. Состоялся прием в его честь. Через несколько минут после его начала ко мне подошел маршал дипломатического корпуса и сказал: «Вас хотел бы видеть президент». У нас состоялся довольно долгий (для такого приема) разговор. Сначала он расспрашивал меня о Горбачеве, а потом задал вопрос: «А Вы хорошо знаете Громыко?» На мой положительный ответ он сказал: «Наверное, сейчас это самый способный и знающий министр иностранных дел. Никто не знает современных международных отношений лучше, чем он. Ведь он находится в должности министра несколько десятков лет, другие министры менялись, а он оставался на своем посту». «Да, – сказал я. – Он стал министром около 30 лет тому назад». «Уже одно это значит, – закончил президент, – что Громыко – действительно выдающийся дипломат».

Мне довелось в течение нескольких лет быть членом политической комиссии Совета взаимодействия – добровольной организации бывших президентов и премьер-министров иностранных государств. В нем участвовали такие видные политики, как Жискар д'Эстен, Г. Шмидт, П. Трюдо, лорд Каллагэн и другие. В его состав не были приглашены представители СССР и США, чтобы две сверхдержавы «не связывали им руки». (Но в состав политкомиссии и американцы, и русские входили, это были, как правило, бывшие министры или послы.) Впоследствии, после перемен в СССР (во второй половине 1980-х годов), возникла, однако, мысль пригласить в состав Совета и представителей двух упомянутых государств. Ко мне обратился Г. Шмидт (он был фактическим руководителем Совета, и его штаб-квартира была в ФРГ) с вопросом: «Как Вы думаете, не смог ли бы в работе нашего Совета участвовать А.А. Громыко? Он нам очень помог бы». Я обещал довести его пожелание до Андрея

[1] *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1997. С. 153, 309, 524, 661.

Андреевича. Вернувшись в Москву, я встретился с Громыко и передал ему приглашение. Он подробно расспросил меня о деятельности Совета, а потом сказал: «Поблагодарите Шмидта от моего имени. Скажите, что мне будет очень интересно принять участие в работе Совета, – а потом добавил, – и сделайте это в самых вежливых и дружественных выражениях». На следующей сессии (в Вашингтоне) я передал о согласии Громыко, а потом повторил, что Андрей Андреевич не просто поблагодарил и согласился, но попросил меня передать это «в самых вежливых и дружественных выражениях». «Узнаю Громыко, он и в переговорах всегда был в высшей степени лоялен. Я очень уважаю его и рад, что лучший знаток современных международных отношений будет участвовать в нашей работе. Я часто и с удовольствием вспоминаю встречи с ним». И здесь как-то незаметно разговор перешел на мемуары нашего министра, незадолго до этого опубликованные. Я был несколько смущен. Мне казалось, что характеристика Шмидта в них была немного резкой, но неожиданно я услышал от него: «Мне понравилась характеристика, которую Громыко дал мне в своих мемуарах. Он правильно понял, что я был и остаюсь прусским офицером с консервативными взглядами (он, кажется, даже гордился этим определением. – *Авт.).* Мы будем рады встретиться с ним еще раз».

На следующей сессии Совета (она состоялась в Москве) от имени Громыко был дан прием, и он был рад встретиться с теми, с кем он не раз виделся и вел ответственные переговоры. К сожалению, в работе Совета ему не суждено было участвовать. Вскоре А.А. Громыко не стало.

Настоящая дипломатия требует научного подхода к оценке событий. Г. Никольсон считал ум и знания для дипломата качествами, которые сами собой разумеются, а Ж. Камбон добавлял даже о необходимости для дипломата «независимости ума». И тот и другой говорили о дипломатии как «науке и искусстве» и именно поэтому обращали особое внимание на «теорию дипломатии). И деятельность А.А. Громыко показывает, как тесно связаны эти два понятия – наука и дипломатия.

Громыко был не только дипломатом, но и выдающимся ученым. Его докторская диссертация «Внешняя экспансия капитала. История и современность» сохраняет свою актуальность до настоящего времени. Он интересовался дипломатией иностранных государств и написал о ней несколько статей, в том числе, как мы упоминали, был автором предисловия к книге «Современная дипломатия буржуазных государств» (М., 1981). Мне довелось быть свидетелем его огромной работы по редактированию «Истории дипломатии» и «Истории внешней политики СССР» (тт. I и II). Нечего греха таить, ведь титульные редакторы многих книг – выдающиеся политики и ученые – едва ли перелистывают редактируемые ими рукописи, но не таким был подход Громыко. Он не только внимательно их читал, высказывал критические замечания, но нередко излагал свое понимание той или другой проблемы. Так, рассматривая мои главы в «Истории дипломатии), о главе, посвященной дипломатическому признанию СССР (1924), он заметил: «Всё то, что Вы напи-

сали – правильно. У меня нет серьезных замечаний. Но я думаю, что оценку значимости этого акта признания следовало бы усилить. Оценка этого события, по Вашему мнению, тянет на четыре с плюсом. А ведь это был не просто успех нашей дипломатии. Это начало нового периода в наших отношениях с Западом, это признание нашего молодого государства всем миром, и отныне все были вынуждены считаться с нами, и даже Соединенные Штаты, которые присоединились к этому акту почти через десять лет, на самом деле фактически признали нас, развивая с нами экономические и торговые связи в таких масштабах, в которых не делали этого даже некоторые другие государства. Подумайте над этим».

Мне навсегда запомнятся беседы с Громыко в то время, когда я был послом в Англии. Вот моя первая беседа с ним перед моим отъездом в Лондон, которая в известной степени показывает, как он инструктировал наших послов.

«Я не буду говорить Вам об Англии. Вы ее хорошо знаете. Но на одну проблему я хотел бы обратить Ваше внимание. Несмотря на мое недолгое пребывание в Англии, я понял, что королева и ее семья играют значительно бóльшую роль в жизни страны, чем обычно принято считать. Да, она формально не управляет страной. Но ее влияние на политическую жизнь очень значительно. Ее регулярные встречи с премьер-министром, когда она не только выслушивает, но и дает советы, частые встречи с министрами, влияние семьи, в особенности на английскую военную элиту, бесспорно. Постарайтесь установить с ней и членами ее семьи добрые отношения. Это не просто, даже трудно. Но игра стоит свеч. Не забывайте, что и на Ваше сближение с другими кругами английской политической элиты будет оказано положительное влияние, если они будут знать, что "Вы вхожи в круг семьи"». Я оценил этот совет, постарался воплотить его в жизнь, установил контакты с некоторыми членами королевской семьи; королева дала в Виндзорском дворце обед в мою честь, передала мне копии очень интересных документов из архива двора о российско-английских отношениях, что позволило мне впоследствии написать книгу «Жизнь в Букингемском дворце. Елизавета II и королевская семья».

Вторую тему беседы перед моим отъездом в Лондон можно было бы назвать «Некоторые советы о подготовке к беседам и переговорам». Министр, поднимая эту проблему, был очень деликатен. Он построил ее не в «инструктивном духе», а как бы в стиле рассуждений о своем опыте. Основная мысль его была такова: «Когда я встречался с людьми, манеру которых вести беседы и переговоры, их политические взгляды и идеи я знал недостаточно хорошо, я тратил значительное время на изучение их биографий, их высказываний на тему нашей беседы, их приемов и методов вести переговоры. Ведь все люди разные, и подход должен быть разным». (Он и потом часто повторял эту фразу.) «В случае неполной удачи переговоров я всегда спрашивал себя, а не было ли с моей стороны каких-либо упущений, и очень часто признавался, что с моей стороны при подготовке к встрече не все было учтено. Для себя я сделал вывод, – продолжал он, – что нельзя экономить время на подготовке к встречам и переговорам. Сколько бы времени вы ей ни уделили, оно

не было лишним. Подготовка, и еще раз подготовка. И третье. «Как я понял, – сказал он, – Лондон – такой центр, из которого лучше, чем из других столиц видна картина развития международных событий. Англичане многое знают и о США, и о Европе. Обо всем интересном, а не только о самой Британии, сообщайте», – закончил он.

У него был обычай спрашивать у посла – каково его мнение о том или другом политическом деятеле или дипломате, о том, как для него характерно вести переговоры, и был доволен, если его впечатления совпадали с высказанным мнением. Он, так сказать, тем самым «сверял часы». Он не раз спрашивал меня о М. Тэтчер – что она на самом деле собой представляет. Зная его интерес к тому, что происходит в Англии и в чем суть тэтчеризма, его положительные и отрицательные стороны, мы к четырехлетию ее пребывания на посту решили дать телеграмму о тэтчеризме и первых итогах правления Тэтчер. Готовили телеграмму очень тщательно, с привлечением советников и посланников. Она получилась, на наш взгляд, интересной, но ее объем был совершенно неприемлемым. Она занимала 13 страниц (при норме в то время не больше четырех). Два дня работал над ней я, кое-что сократил, что-то добавил, изменил, но объем новой телеграммы остался по существу прежним – 12 страниц. Мнение посланников было единодушным – отправлять нельзя, мы получим суровый выговор. Но, понимая, что Москва ждет от нас серьезного анализа, а дать его на 3–4 страницах было невозможно, я решился ее отправить. Две ночи не спал, ожидая ответа. Через день мы его получили. «Ваш №... содержит серьезную и убедительную информацию. Громыко». Впоследствии мне его помощники сказали, что когда он ее прочитал, то попросил дать ему блокнот для телеграмм, сам написал ее и сказал помощникам: «Телеграмму посла дать по большой разметке». Его телеграмма нам очень помогла, все ее составители поняли, что мы можем работать так, как от нас этого требуют. Впоследствии при личной встрече я поблагодарил министра и сказал, как положительно восприняли посланники и советники, участвовавшие в ее подготовке, его оценку. Его реакция была немногословной: «Вот так и пишите».

А.А. Громыко уделял большое внимание подготовке дипломатических кадров. Его требование – дипломат должен быть образованным и эрудированным. Он критиковал тех дипломатов, которые склонны к выполнению чисто протокольных функций. Они «готовы непрестанно ходить на приемы, культурные мероприятия и т.д.», но им «не рискнешь дать серьезное поручение политического характера», – говорил он. Благодаря Громыко впервые в Дипломатической академии был издан учебник по дипломатической и консульской службе. Прежние учебные пособия готовились «кустарным способом». Он поставил задачу подготовить серьезную книгу в двух томах «не на один день, а на многие годы».

С особым вниманием он относился к профессорам и преподавателям учебных заведений, готовящим дипломатические кадры. Он много раз спрашивал меня: «Кто из Ваших преподавателей настоящие ученые, кто возглав-

ляет какую-либо школу? А как Вам удалось привлечь для работы в ВДШ академиков и, в частности, Е.М. Примакова?»

Однажды мне пришлось выслушать его беседу с одним из руководителей учебного заведения министерства. Он задал ему вопрос: «А каковы у Вас отношения с профессорами Вашего учебного заведения?» – «Нормальные», – ответил он. «Нормальные? Это Вы так считаете. А у Ваших профессоров другое мнение. Они жалуются мне, что Вы не цените их, не считаетесь с ними, их советами пренебрегаете и даже унижаете их. Как Вы дошли до такой жизни? Ведь успех Вашей работы зависит прежде всего от них». Попытку ректора возражать он прервал и резко сказал: «Если Вы не измените Вашего отношения к ученым, нам придется с Вами расстаться». Я никогда не слышал от министра таких резких слов.

Наверное, надо рассказать и о роли Громыко в создании Дипломатической академии. Сейчас слово «академия» в известной степени потеряло свой высокий смысл. Расплодилось большое количество «академий», иногда не имеющих никакого отношения к науке. Часто «академиками» становятся те, кто может уплатить внушительный взнос (для «солидности» новых «академий» взнос полагается делать в долларах). Другое дело – раньше. Академии можно было пересчитать по пальцам одной руки. В то время преобразование ВДШ в Академию, или, лучше сказать, создание на базе ВДШ Академии означало значительное улучшение подготовки дипломатов, в том числе среднего и высшего звена, повышение научного статуса ВДШ. Мне не раз приходилось ставить перед министром вопрос о создании Дипломатической академии. Он внимательно выслушивал меня, спрашивал, сколько у нас работает докторов, послов, чем будет отличаться Академия от обычного учебного заведения и, как правило, отмечал: «Да. Это интересно. Надо подумать». В 1973 году, будучи ректором ВДШ, я был включен в состав нашей делегации на сессию Генеральной Ассамблеи ООН. Обычно по субботам и воскресеньям Ассамблея не заседала, и министр, другие члены делегации проводили время на даче в Гленкове. Министр днем гулял, беседовал на прогулке с членами делегации. Как-то ко мне подошел помощник министра и сказал: «С Вами хотел бы поговорить Андрей Андреевич». Обычно члены делегации завтракали, ужинали вместе с министром, и из этого приглашения я сделал вывод, что, наверное, предстоит какой-то серьезный разговор. Действительно, после нескольких вступительных слов Громыко спросил меня: «Вы не оставили идеи о преобразовании ВДШ в Академию?» Я еще раз остановился на необходимости решить эту проблему, напомнил, что и исторически именно учебное заведение, готовящее кадры дипломатов, имеет право называться академией. Упомянул академию Платона, готовившую в том числе и дипломатов, академию во Флоренции (XV век), риторскую школу в Греции, рассказал и историю самого слова «академия». Меня поддержал присутствовавший на беседе П.А. Абрасимов, в то время заведующий отделом ЦК. Громыко немного подумал и сказал: «Ну, что же, готовьте документы. Поговорите по возвращении в СССР и с некоторыми членами Политбюро. Это будет нелишним». В 1974 году Дипломатиче-

ская академия была создана. Были разработаны новые учебные планы, укреплены штаты, впоследствии расширилась учебная и техническая база нового учебного заведения.

К сожалению, некоторых из тех, кто хорошо знал Андрея Андреевича, уже нет на свете, и многие сейчас мало знают о том, каким был этот выдающийся дипломат. Но обидно, когда о Громыко пишут те, кто о нем ничего не знает. С удивлением я прочитал статью о нем в «Независимой газете». Автор ее даже не удосужился ознакомиться хотя бы с краткой биографией дипломата, о котором пишет. В развязном тоне он утверждает: «Громыко не был "стопроцентным дипломатом", как и Троцкий, Молотов и Шеварднадзе, он пришел в МИД из партийного аппарата». В этой фразе все неверно. Он не пришел в МИД из партийного аппарата. До МИД он работал в Институте экономики Академии наук СССР старшим научным сотрудником. Его нельзя ставить в один ряд ни с Троцким (который, кстати, сам признавался, что он не любил внешнеполитическую деятельность, и через несколько месяцев покинул НКИД, практически не начав в нем работать), ни с Молотовым и другими. А то, что он «не стопроцентный дипломат», может утверждать только невежда. Стаж дипломатической работы Громыко составил почти полстолетия, причем на самых разных постах – от советника, посла в США и Англии, до министра. Он участвовал в важнейших международных конференциях и создании ООН. Если уж уподобиться этому автору и измерять значение и роль дипломатов в процентах, то по этой шкале плодотворное участие Громыко в дипломатии выходит далеко за рамки нескольких сот процентов.

На научно-практической конференции[1] много говорили о различных сторонах деятельности Громыко, и было много интересных выступлений. С докладом выступил и член-корреспондент РАН Чубарьян (с 2000 г. — академик РАН. — *Ред.*). С одним тезисом его подробного доклада я позволил бы себе не согласиться. В числе причин того, почему Громыко удалось столь долго оставаться на посту министра, он назвал такую причину. Министерство иностранных дел было менее всех других министерств идеологизировано. Но это не отвечает действительности. На самом деле МИД (НКИД) с первых дней после Октябрьской революции было одним из самых идеологизированных министерств. Вся внешняя политика (и инструкции дипломатам) определялась в Политбюро. Именно это затрудняло работу дипломата Громыко, как и Г.В. Чичерина, который в своем последнем письме перед отставкой писал, что главными врагами НКИД являются ГПУ и Коминтерн. Недаром в ходе «перестройки» руководство МИДа и партком Министерства по указанию ЦК развернули работу по «деидеологизации» внешней политики и дипломатии СССР. Таковы факты.

И последнее, не менее важное. Министру Громыко приходилось иметь дело с огромным объемом разнообразных фактов. У него была превосходная память, на которую он мог полностью полагаться. Но другим, которые жало-

[1] Конференция, посвященная 90-летию со дня рождения А.А.Громыко, состоялась в МГИМО МИД РФ 29 июня 1999 г.

вались на то, что память их подводит, он советовал «тренировать и развивать ее». Поражало меня в его памяти то, что он запоминал не только то, что ему говорили, что он слышал или читал, но и свои слова, причем, может быть, сказанные несколько лет тому назад. Когда я однажды сказал ему: «А вот в свое время Вы говорили мне то-то и то-то», он возразил: «Нет, я говорил не совсем так», и повторил слово в слово то, что он мне сказал тогда. Сначала я удивился, как он мог так точно запомнить сказанное им, а потом понял: Громыко так хорошо запомнил свои слова потому, что они были глубоко им продуманы и стали уже его убеждением.

Портной М.А.

Размышления над книгой «Экспансия доллара»*

В год 110-летия со дня рождения А.А. Громыко уместно вспомнить среди важных событий его жизни публикацию книги «Экспорт американского капитала», которая вышла из печати в 1957 г. под псевдонимом Г. Андреев**. В 1961 г. состоялось дополненное переиздание этой книги под названием «Экспансия доллара». По линии содержания в дальнейшем речь пойдет именно о ней.

Сегодня, с высоты прошедшего времени, следует отметить ряд важных особенностей этой книги.

Фактически это было первое достаточно объемное исследование роли США в международном движении капитала, изданное в СССР в самом начале оттепели большим тиражом 5000 экземпляров, что делало его доступным для работников науки, преподавателей, студентов и других читателей, интересующихся общественно-политической тематикой.

Конечно, книга несет на себе отпечаток времени, и вся проблематика экспорта капитала из США оценивается в свете марксистско-ленинского учения об империализме. Здесь следует сделать некоторое отступление и объяснить современным читателям, что ленинская теория империализма занимала в СССР в гуманитарных науках важное место и представляла собой логичную концепцию, в которой обосновывалось положение о вступлении капитализма в последнюю стадию своего существования вследствие обострения присущих ему противоречий. Одним из главных признаков империализма и свидетельством его загнивания, в соответствии с ленинской теорией, считался экспорт капитала. С позиций этой теории отношение к экспорту капитала как одному из главных противоречий капитализма выглядело убедительно. То обстоятельство, что в развитых странах, в частности в США, в послевоенный период сохранялось резко выраженное имущественное неравенство и немало острых социальных проблем, давало основание расцени-

---

Портной Михаил Анатольевич – профессор, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН.

* Материал впервые опубликован в журнале «Современная Европа», 2019, № 6.

** *Андреев Г.* Экспорт американского капитала. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. 452 с.; *Он же.* Экспансия доллара. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1961. 480 с.

вать вывоз капитала как пренебрежение монополий национальными интересами и их погоню за более высокой прибылью за пределами страны. Ясное дело, что в те времена совершенно немыслимо было представить себе, что международное движение капитала станет рассматриваться со временем как одна из главных движущих сил глобализации и продвижения к единому мировому хозяйству как целостному явлению.

Вместе с тем при сегодняшнем прочтении книги можно видеть, что автор не слишком нажимал на эту педаль. Утверждения о негативном характере заграничной экспансии американских монополий по линии вывоза капитала звучат в книге скорее как обязательное сопровождение объективных фактов, нежели как осуждение несправедливой действительности, и не перегружают текст, давая простор для подробного изложения конкретных сюжетов.

Следует также учитывать, что ко времени выхода книги из печати А.А. Громыко был назначен министром иностранных дел СССР. То обстоятельство, что книга была напечатана под псевдонимом, не позволяло оппонентам, в том числе в США, трактовать содержащиеся в книге оценки экспорта американского капитала как официальную позицию СССР. Вместе с тем этот прием позволил избежать превращения книги в дальнейшем в официальный эталон, которому необходимо следовать при изучении экономической политики США и ее оценке. Напротив, он как бы ставил автора в ряд таких исследователей, позволяя анализировать его позицию и вести с ним научный диалог.

Конечно, сказалось на содержании книги и стиле ее изложения то обстоятельство, что она вышла из печати после осудившего культ личности Сталина XX съезда КПСС, который состоялся в феврале 1956 г. Очевидно, что подготовка и издание столь обширной и содержательной по фактуре работы по американской тематике до этого события были невозможны. При этом автор к тому времени уже много лет мог лично наблюдать экономику США и поведение американского истеблишмента.

Но главное, важно помнить и принимать во внимание, что автор книги был непосредственным участником переговоров и подписания судьбоносных документов с союзниками СССР в ходе Второй мировой войны и относительно устройства послевоенного мира. Все это исключало возможность появления каких-либо ноток легковесности или неуважительности в его оценках.

Думается, что для понимания подхода автора к своей теме сыграла большую роль не только его приверженность марксистско-ленинской теории как советского деятеля, но и то обстоятельство, что США выступали для него все эти годы как другой мир. Стремление понять этот мир и сделать доступным это понимание для советского читателя определило содержательный характер книги и то обстоятельство, что она стала важным источником конкретных фактических знаний не только для людей того времени, но и для современных читателей.

Еще важно отметить, что автор книги выступил в качестве одного из немногих, если не фактическим первопроходцем среди советских исследова-

телей того времени, кто провел обстоятельный анализ большой проблемы американской экономической политики и сумел избежать опасности свести дело к набору публицистических и пропагандистских штампов.

Стоит вспомнить положение дел в отечественной экономической науке в те времена, чтобы оценить масштаб и значение проделанной А.А. Громыко аналитической работы. Нынешний Институт мировой экономики и международных отношений РАН, ставший флагманом исследований по тематике, заключенной в его названии, был только что воссоздан в 1956 г. и позиционировал себя продолжателем линии закрытого в 1949 г. Института мирового хозяйства. Отдельные ученые в Институте экономики не выступали в качестве организованного центра подобных исследований. Создание Института США и Канады РАН (1967) и Института Европы РАН (1987) было еще далеко впереди. Собеседниками автора и специалистами, способными оценить его труд, были только несколько ученых на экономическом факультете МГУ, где А.А. Громыко и присвоили степень доктора экономических наук за эту книгу в 1957 г.

Надо полагать, что в силу своего должностного положения автор имел возможность пользоваться наработками Министерства иностранных дел и другими служебными материалами. Работая в США, он также имел возможность воспользоваться многими источниками, которые были недоступны обычным исследователям. Тем больший интерес и значение представлял собой тот материал, который благодаря этой книге был введен в научный оборот и стал частью общественного знания в СССР. Как источник многих малоизвестных фактов и описания событий книга представляет интерес и для современного читателя.

По структуре книга построена как последовательное рассмотрение экспорта капитала из США по основным его направлениям. Десять глав книги посвящены рассмотрению экспорта капитала из США по содержательному и географическому принципу, в результате чего получилась достаточно полная картина этого явления. Книга начинается описанием международных финансовых институтов – МВФ, МБРР и других, которые характеризуются как учреждения, где доминирует влияние США. В свете этой характеристики далее подробно описаны принципы действия этих институтов, условия и размеры предоставленных ими займов нескольким десяткам стран, проблемы, которые возникают в ходе их деятельности. Представлена также картина создания и первый опыт работы Европейского платежного союза. Все эти сведения и подход к их оценке были предметом большого интереса для специалистов, научных работников, преподавателей. Важно также отметить в составе контингента читателей партийных работников, а также корпуса лекторов и пропагандистов, для которых получение подобных знаний было насущной необходимостью.

Масштаб мышления автора и понимание им долгосрочных тенденций мировых процессов отражает рассмотрение политики США по установлению контроля за мировыми источниками стратегического сырья. Отдельные главы посвящены рассмотрению политики США по установлению контро-

ля за источниками нефти и каучука, а также других видов стратегического сырья. Неслучайно выбраны те виды сырья, которые в дальнейшем будут играть важную роль в формировании экономической и военной мощи крупнейших стран, их мирового политического влияния.

По линии прямого заграничного инвестирования рассмотрены ситуации с главными странами – Великобританией, ФРГ, другими странами Западной Европы, Японией, странами Латинской Америки. Поданная в свете ленинского учения об империализме, эта часть книги представляет достаточно полную картину послевоенного прямого заграничного инвестирования при доминирующей позиции США.

Все эти проблемы были в то время весьма актуальны, поскольку это было время крушения колониализма и подъема национально-освободительного движения. В те времена прямые заграничные инвестиции рассматривались практически всем мировым просвещенным сообществом как замена колониализма новыми формами экономической зависимости и угнетения. Не избежал этой позиции и автор книги, тем более что она прямо вытекала из ленинской теории империализма. Пассажи о новых формах закабаления путем экспорта капитала получили в книге свое надлежащее место. Однако важно отметить, что исключительный опыт автора по линии участия в международной политике отразился и в его освещении этих проблем с акцентом на конкретные факты и события, что позволяло показать, насколько это сложные явления с далеко нераскрытым еще в полной мере потенциалом. Здесь, как и в других местах книги, познавательная часть перевешивает идеологические положения.

Примечательно, что в книге две главы посвящены рассмотрению помощи США своим партнерам по мировой экономике и развивающимся странам. Здесь читатель получил подробный разбор принципов организации этого дела, его законодательного обеспечения, размеров и условий полученного разными странами финансового содействия. Большое место уделено рассмотрению плана Маршалла и его применения, в основном на примере экономики Англии. Читатели, которых интересовало реальное положение дел, могли узнать много важных фактов о размере этой помощи, ее адресатах, значении этой помощи в послевоенном восстановлении и развитии экономики ряда стран, в частности Великобритании.

Повторное обращение к вопросам помощи США развивающимся странам потребовалось в связи с тем, что такая помощь в конце 1950-х годов приобрела большие масштабы и охватывала десятки стран. Как уже отмечалось, это было время крушения колониализма, и СССР стремился тогда подчеркнуть свою солидарность с народами, борющимися за свою независимость. Множество противоречий и негативных моментов, присущих американской помощи, в особенности привязки этой помощи к военно-политическим интересам США, давали богатый материал для критики. Большой фактический материал в этой главе подается в стиле критики помощи как инструмента международной политики США. Но, как и в случае с главой о помощи в начале книги,

большой фактический материал позволяет читателю составить достаточно полное представление об этой помощи. Тем не менее, как и следовало по условиям того времени, автору необходимо было завершить книгу осуждением США. Поэтому, как и требовали идеологические установки, книга завершается критикой американского империализма и экспансии капитала США.

В заключение следует отметить, что книга об экспорте американского капитала могла бы стать одним из многочисленных атрибутов сложного послевоенного периода в истории СССР, когда происходило развертывание холодной войны, и бывшие союзники в войне с фашизмом оказались по разные стороны идеологической линии, разделяющей мир. Стандартная критика империализма со ссылкой на недавние решения партийных и государственных инстанций обычно составляла содержание официальных изданий подобного рода.

Книгу «Экспансия доллара» ожидала другая судьба, в первую очередь, благодаря масштабу личности автора, который соответствовал масштабу событий и явлений, положенных в основу анализа. Поэтому, несмотря на обязательные идеологические штампы, выступающие данью времени, эта книга, благодаря богатому содержанию, заняла свое достойное место в российской научной американистике, став одним из первых крупных исследовательских трудов, заложенных в самом основании этой ветви науки.

Пядышев Б.Д.

В дипломатии XX века равных ему не было*

«СССР – великая держава, и он не будет просто зрителем, когда возникает угроза развязывания большой войны в связи ли с вопросом о Кубе или в связи с положением в каком-либо другом районе мира».

А.А. Громыко

Прочное место в мировой дипломатической и политической истории А.А. Громыко обрел уже потому, что его подпись стоит под самым крупным международным документом современности – Уставом ООН. Такого преимущества нет и быть уже не может ни у кого в отечественной политике. Вспомним, что самый выдающийся российский дипломат XIX в. князь А.М. Горчаков пробыл в должности главы внешнеполитического ведомства России четверть века. А.А. Громыко – дольше, без пары лет целых три десятилетия. Это был человек высокой эрудиции в дипломатических делах, максимальной сконцентрированности на работе. При всех послесталинских руководителях он являлся внешнеполитическим авторитетом номер один не только в Москве, но, в сущности, и в среде коллег – министров иностранных дел зарубежных государств.

Вклад Андрея Андреевича Громыко в советскую, а следовательно, и российскую внешнюю политику, неоценим. Однако нам отчетливо видны и его просчеты концептуального характера, ошибки тактического плана. Но выступать с оценочными суждениями по адресу А.А. Громыко как политика, дипломата и личности – с точки зрения сегодняшнего дня крайне несправедливо.

Конечно же он взращен своей эпохой, коммунистической системой, которая дала ему все, о чем мог мечтать паренек с Гомельщины. Бесполезно было ждать от него коренных перемен в менталитете, во взглядах на устройство общества, на то, как должно вести дела на международной арене. Свои двухтомные мемуары «Памятное», вышедшие в 1988 г., когда уже обозначились и материализовались крутые повороты в судьбах державы, Громыко завершает подчеркнутым повторением своего кредо, звучащего скорее как вызов практически уже состоявшимся переменам: «Я – коммунист до мозга костей. Преклоняюсь перед могуществом учения Маркса, Энгельса, Ленина. Прекло-

---

Пядышев Борис Дмитриевич (1932–2018) – доктор исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол, главный редактор журнала «Международная жизнь» (1988–2009).

* Впервые опубликовано в: «Лучше десять лет переговоров, чем один день войны». Воспоминания об Андрее Андреевиче Громыко. С. 206–233.

няюсь перед величием дел и духа нашего народа, строящего коммунистическое общество». Проживи он дольше, думаю, таким бы он и остался, хотя предприимчивый ум вряд ли оставил бы его в позиции упрямого старика, противящегося всем новшествам.

До начала горбачевской перестройки в СССР в 1985 г. и прихода к власти новых людей, в круг которых, как выяснилось довольно скоро, его не включили, Андрей Андреевич Громыко был одним из самых могущественных деятелей последнего десятилетия существования великой Советской державы. Собственно, в годы долгого и беспомощного затухания Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева судьбы политики того времени вершила тройка – председатель КГБ Ю.В. Андропов, министр обороны Д.Ф. Устинов, министр иностранных дел А.А. Громыко. Скорее всего Андрей Андреевич не был среди них не только первым, но даже равным, но власть и ответственность на него возлагались огромные, и не только в международных делах и во внешней политике.

В июле 1985 г. А.А. Громыко был избран Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Пост повыше, чем министр, – глава государства. Но времена были уже другие.

Родился Андрей Андреевич 18 июля 1909 г. в деревне Старые Громыки недалеко от Гомеля, в нынешней Беларуси. Тогда это был нищий край, где люди вели убогую жизнь. Там и людей-то не особенно различали, почти все они носили фамилию Громыко. И вот судьбе стало угодно, чтобы из этой глухомани вышел человек с талантами на зависть другим.

В шолоховской «Поднятой целине» один из персонажей уже при рождении был определен соседскими бабками в генералы: как твой сын, говорили они мамаше, в лета войдет, генералом будет, всеми статьями шибается на генерала, и голосок басовитый. Невозможно сказать, как выглядел при рождении наш герой, но, глядя на ранние фотографии, зная его многие годы, можно безошибочно угадать, что сызмальства он отличался от других серьезностью, расчетливостью, точным знанием, что истина лежит в указаниях и рекомендациях тех, кто таковые в данный момент имеет право давать.

После семилетней школы и техникума, не окончив толком институт, Громыко зачисляется «с учетом производственной и общественной работы» в аспирантуру экономического характера. Дальше последовали фантастические перемены. Аспиранта переводят в Москву, после защиты кандидатской диссертации направляют на работу в Институт экономики Академии наук. Весной 1939 г. Громыко назначается в Наркоминдел СССР на должность заведующего Американским отделом. Там энергично шли чистки, и дипломатии требовались новые кадры.

Дальше – больше. Сталин лично направляет его советником в наше посольство в Вашингтоне. Началась Вторая мировая война, и Андрей Андреевич сменил М.М. Литвинова на посту посла Советского Союза в США. С этого момента имя А.А. Громыко – в главном потоке советской внешней политики, да и всей мировой дипломатии.

В августе 1948 г. после восьми лет пребывания в Америке (двумя годами ранее последовало назначение в Нью-Йорк постоянным представителем при ООН и почти одновременно – заместителем министра иностранных дел) Громыко возвращается в Москву. Невероятно трудные годы для тех, кто работал в непосредственной близости к Сталину и Молотову. Выдерживали и выживали не все. Андрей Андреевич прошел все рифы того времени, как одолеет их и во все последующие годы. В апреле 1952 г. случился, правда, один конфуз: он подписал шифровку с указаниями послу, которые могли бы причинить государству большие экономические потери. Сталин был очень рассержен. Но гнев прошел, провинившегося направили на отсидку послом в Лондон. Менее чем через год Сталин скончался, наказание кончилось, Громыко вернули в Москву первым заместителем министра иностранных дел.

С этого момента началось его долгое руководство министерством, ставшее совсем уже полным, когда в феврале 1957 г. А.А. Громыко был назначен Н.С. Хрущевым министром иностранных дел. Сменил он в этой роли Д.Т. Шепилова, нерасчетливо «примкнувшего» к антихрущевской группировке Молотова–Маленкова–Кагановича.

А.А. Громыко, может быть, больше других деятелей советского периода уязвим для критики, нападок и иронии. Не жаловали его и сотоварищи по власти, пока не набрал он силу. Грубоватый Н. Хрущев позволял вольности вроде: «Скажи Громыке сесть голой задницей на лед, он сядет».

Но зафиксированы и случаи контрудара. Как-то на зимней охоте с участием Н.С. Хрущева охотники стали подводить итоги, разложив трофеи в ряд на снегу. Добыча оказалась богатой – лоси и кабаны. У Андрея Андреевича была лиса, он ее положил с краю.

«Куда же ты, Андрей, с такой мелочью», – сказал Хрущев.

«Трофеи считаются не по весу, а по головам», – ответил Громыко. Хрущев согласился. Впрочем, Хрущев высоко ценил достоинства своего министра.

Самой известной, особенно популярной за рубежом характеристикой Андрея Андреевича является «mister No» – «господин Нет». В годы «нового мышления» этой формулировке вовсю старались придать сугубо негативный смысл, показывая негибкость и замшелость политики предыдущего периода. Не обошло это стремление стороной и дипслужбу в пик негласной борьбы с громыкинским наследством на Смоленской площади.

По совету Э.А. Шеварднадзе, нового министра иностранных дел, сменившего в МИДе А.А. Громыко, в 1990 г. была организована дискуссия, вызвавшая массу откликов. Немалое число ее участников, исходя из «нового мышления», ставило в укор «господину Нет» излишнюю жесткость на переговорах с Западом. Но уже тогда большинство, если не соглашалось, то, во всяком случае, и не осуждало политику «господина Нет». В письме депутата Верховного Совета СССР Э. Гамса в журнал «Международная жизнь», например, отмечалось, что «господин Нет» уступает в советской дипломатии место своему антиподу – «этакому добренькому “господину Да”, готовому не только на обоюдные компромиссы, но и на нечто большее».

Сурово осудить тогда «господина Нет» не получилось. Минувшее с той поры время еще больше остудило горячность оценок. В разговорах о роли Громыко высказывается больше взвешенности, признается его умелая твердость в отстаивании коренных интересов. «У нас лишней земли нет» – эти слова, сказанные им по поводу японских требований возврата Курильских островов, сейчас весьма часто повторяются, ибо в них видят простую и ясную суть курса, которого надлежит придерживаться в условиях, когда на Россию нажимают со всех сторон. И дело не только в излишках земли, но и в жизненных интересах, под легковесным отношением к которым следует подвести твердую, всем видимую черту.

В правящей верхушке, в Политбюро, нужно было держаться не сказать чтобы по принципам «стаи», но солидарно. В этом смысле Громыко являлся искусным политиком. Когда Н.В. Подгорный, председатель Президиума Верховного Совета СССР, обнаружил интерес к большой внешней политике (особенно в 1971–1972 гг., в период визита президента США Р. Никсона в Москву), им была запущена целая система больших и малых ходов, чтобы отвадить его от «прогулок» по этому заповедному брежневскому полю. Министр иностранных дел играл здесь центральную роль. Сложнее было с премьером А.Н. Косыгиным, человеком независимым и на голову превосходящим середняцкое по талантам Политбюро. По опыту своей работы помощником премьера по международным делам знаю, как из секретариата Громыко (конечно, по гласным или негласным указаниям шефа) поддавливали, чтобы ограничить участие Алексея Николаевича во внешнеполитических делах. В конце концов в аппарате Председателя Совета Министров СССР ликвидировали должность помощника по вопросам внешней политики, а самого Председателя практически отодвинули от этой сферы.

Подпись под Уставом ООН

ООН стала на всю его жизнь главным пристрастием – и политическим, и человеческим.

В 1946 г. Громыко был назначен первым советским представителем при ООН. Он участвовал чуть ли не во всех сессиях Генеральной Ассамблеи, а став в 1958 г. министром, возглавлял делегацию СССР. Первое его соприкосновение с ооновской проблематикой произошло в небольшом американском городке Думбартон-Оксе, где в августе–октябре 1944 г. проходила конференция трех держав – Советского Союза, США и Англии – по подготовке проекта Устава новой всемирной организации. Советскую делегацию возглавил посол СССР в Вашингтоне А. Громыко. Этой тройкой в Думбартон-Оксе были заложены устои и обговорены контуры нового миропорядка.

Советский Союз представлял надежный переговорщик. Работа проходила на фоне неудержимо накатывавшегося на Запад вала советских армий, неотвратимого, окончательного банкротства фашистского рейха. За столом

переговоров вопросы согласовывались один за другим. Фантастическим успехом стала договоренность о том, что в новой всемирной организации наряду с Советским Союзом ее членами будут УССР и БССР – Украина и Белоруссия. Стержневым вопросом дискуссии в Думбартон-Оксе было обсуждение принципа единогласия постоянных членов Совета Безопасности – трех держав-победительниц (СССР, США и Англии), а также Франции и Китая. Западники ни за что не хотели, чтобы Советский Союз получил право вето. Президент Рузвельт пригласил Громыко в Белый дом, чтобы обсудить главные проблемы. Андрей Андреевич достойно представил советскую позицию.

«Для отступления от этой позиции, – говорил он президенту, – у нас пространства нет, так же как не было его у наших войск, сражавшихся в Сталинграде. Так говорили наши воины, знавшие, что отступать на восток от Волги дальше нельзя».

Аргументация советского дипломата произвела нужное впечатление на президента США. Окончательно вопрос о праве вето решила Крымская конференция руководителей СССР, США и Англии. Рузвельт внес там предложения, которые по своей формулировке в основном отвечали тому, на чем Советский Союз настаивал с самого начала.

В Сан-Франциско 25 апреля 1945 г. открылась Конференция Объединенных Наций, задачей которой было учреждение ООН – международной организации, призванной объединить усилия в странах во имя сохранения всеобщего мира. Делегацию Советского Союза после отъезда В.М. Молотова возглавил Громыко – посол СССР в Вашингтоне.

Работа, продолжавшаяся в Сан-Франциско, шла трудно, в острой полемике, но в конечном счете результативно. Один за другим согласовывались вопросы и договоренности, затем формулировались в виде статей Устава ООН. Немало споров было вокруг вопроса о том, где разместить штаб-квартиру новой международной организации. Многие страны, в том числе Англия и Франция, отдавали предпочтение Европе. После дебатов было принято предложение американцев о размещении штаб-квартиры ООН в США. Но и после голосования еще много месяцев решался вопрос о ее конкретном местопребывании – на восточном или западном побережье. Окончательно этот вопрос был решен только на первой сессии Генеральной Ассамблеи, которая открылась в Лондоне в начале 1946 г. с участием делегаций 51 государства. В Лондоне и было решено, что штаб-квартира ООН разместится в Нью-Йорке. Конференция в Сан-Франциско завершилась подписанием Устава ООН 26 июня 1945 г. По поручению советского руководства А.А. Громыко от имени СССР поставил подпись под этим историческим документом. Был создан уникальный международный документ на все времена года, на самые неожиданные повороты международной ситуации. Если бы СССР, США, Англия вместе с другими союзниками и государствами не пришли к согласию о создании ООН сразу после Победы, то скорее всего ее вообще бы не было.

Громыко неизменно участвовал в работе ООН, начиная с основания Организации и до 1984 г. Из всех сессий Генеральной Ассамблеи самой громкой и удачливой для советской внешней политики и дипломатии была 15-я, осенью 1960 г. Обнаруживались шансы извлечь вполне реальный профит из складывавшейся мировой ситуации и прежде всего из тогдашнего своеобразия советско-американских отношений. Н.С. Хрущев годом раньше триумфально проехал с визитом Соединенные Штаты от побережья до побережья. Президент Д. Эйзенхауэр называл его «my friend» – «мой друг». Советский лидер к американцу обращался так же. Тогда же, в 1959 г., Хрущев удачно выступил перед Генеральной Ассамблеей ООН с программой всеобщего и полного разоружения. Настроение у большинства мировых лидеров было таково, что позволяло взяться, хотя бы для успокоения публики, за обсуждение этой, в сущности, призрачной идеи.

Н.С. Хрущев объявил о намерении лично участвовать в работе 15-й сессии и отправился в Нью-Йорк через Атлантику на корабле «Балтика». За ним в Нью-Йорк потянулись лидеры многих других государств.

На корабле Хрущева сопровождал министр иностранных дел Громыко, плыли также главы делегаций Украины и Белоруссии – Н.В. Подгорный и К.Т. Мазуров. Лидеры Болгарии, Венгрии и Чехословакии также решились пуститься в путешествие на «Балтике». Очевидцы свидетельствуют, что ближе к концу плавания Никита Сергеевич собрал у себя в каюте узкое совещание, на котором сказал, что в Нью-Йорке предстоит нечто большее, чем ординарное участие в сессии ООН. По существу, сказал он, там будет изложена программа внешнеполитической активности Советского Союза на ближайшее время. Ее нужно внимательно проанализировать и действовать в соответствии с основными положениями. Хрущев стал говорить, что обстановка в Нью- Йорке будет сложная. Это не то, что было в прошлом году, улыбок не будет. В Белом доме нервничают. Есть информация, что президент Эйзенхауэр колеблется, выступать ли в ООН; вместо себя он хочет выпустить на трибуну госсекретаря. Газетам, телекомпаниям, говорил Хрущев, даны рекомендации: поменьше передач, информации о советской делегации. Мы будем действовать так, что блокаду прорвем. Не сумеют они замолчать нашу правду, заключил Никита Сергеевич.

Всему этому предшествовала огромная работа Министерства иностранных дел СССР и самого Громыко. В течение многих месяцев на Смоленской площади трудились над текстом основного доклада, проектами резолюции по советским предложениям, оттачивали формулировки, согласовывали документы с Инстанцией, учитывали замечания сверху. Работа шла без особой огласки, в министерстве не многие знали о ее сути. Все бразды подготовки сессии в своих руках держал министр. Каторжный труд ожидал переводчиков и технических работников. В ночь перед выступлением в Нью-Йорке в доклад понадобилось внести поправки. В подвальных помещениях и коридорах снова пришлось раскладывать тысячи страниц с исправлениями, чтобы потом из них сформировать несколько сотен окончательных экземпляров

доклада на русском и английском языках. Под утро вниз спустился Громыко, чтобы удостовериться, что всё в порядке. На его глазах скрепили последний экземпляр. Всё в порядке, можно было ехать на Ист-Ривер.

Н.С. Хрущев выступил на сессии 23 сентября. Он находился на трибуне 2 часа 20 минут. Его речь, подсчитано, состояла из 19 тысяч слов.

Хрущев начал с главного козыря: «Советское правительство считает, что наступило время поставить вопрос о полной и окончательной ликвидации колониального режима, покончить с этим позором, варварством и дикостью».

Призыв находил благодатных слушателей. Советскому лидеру внимали представители новых стран, в том числе 13 новых независимых государств и острова Кипр, которые только за день до этого стали членами Организации Объединенных Наций. Представители 51 государства присутствовали на первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1946 г. в Лондоне, теперь в 1960 г. в зале на Ист-Ривер находилась 91 делегация.

Затем Хрущев перешел к разоруженческим делам: «Советское правительство предлагает, чтобы все государства осуществили тремя последовательными этапами в течение четырех лет или иного согласованного срока полную и окончательную ликвидацию всех своих вооруженных сил и вооружений».

В заключительной трети своего выступления Хрущев говорил о реформе ООН. Предлагалось упразднить пост Генерального секретаря. Вместо него нужно создать триумвират из представителей государств, входящих в военные блоки западных, социалистических, а также нейтральных государств. Особенно досталось Генеральному секретарю ООН Д. Хаммаршельду, который, по словам оратора, в событиях, разыгравшихся тогда в Конго, «занял позицию колонизаторов».

Оратор пошел дальше. Не следует ли подумать о том, чтобы выбрать другое место для штаб-квартиры ООН? Таким местом, к примеру, могли бы быть Швейцария или Австрия. Если будет признано целесообразным разместить штаб-квартиру в Советском Союзе, то мы гарантируем наилучшие условия.

В своих воспоминаниях «Время. Люди. Власть» Хрущев особо отметил роль министра иностранных дел в работе на 15-й сессии. После моего доклада, пишет он, за дело взялся Андрей Андреевич. В этих делах он большой мастер.

Мастерство и гибкость Андрею Андреевичу пришлось демонстрировать не только в делах политических. За столом делегации СССР он сидел по правую руку от главы делегации и был ближайшим к нему человеком, которому приходилось первому реагировать на экстравагантности шефа.

После речи советского лидера вне очереди выступил Генеральный секретарь ООН Д. Хаммаршельд с ответом на критику в свой адрес. Было видно, что Никита Сергеевич очень недоволен выступлением Генсека, начал ерзать за столом, апеллировать к Громыко. Тот, однако, сидел монументально, не очень-то внимая вождю. Наконец Н.С. Хрущев взорвался. Что-то прокричав, принялся стучать кулаками по столу. Зал на мгновение замер, оратор на трибуне запнулся, делегаты во все глаза глядели на ба-

рабанщика. Громыко был в шоке, что делать, опытный дипломат не знал. Зато знал Хрущев:

«Громыко, дипломаты, поддерживайте!»

Андрей Андреевич легонько стал постукивать ладошкой, Хрущев был неудовлетворен.

«Да ну вас», – махнул он рукой. И повернувшись влево, крикнул:

«Украина, давай!»

Н.В. Подгорного, сидевшего через проход за столом делегации УССР, не надо было агитировать. Два молота забили по наковальне. Застучали кулаками другие.

Хрущев потом говорил, что пробовал также топать ногами. Не получилось, мягкий ковер глушил звук.

Через несколько дней Андрею Андреевичу снова пришлось маневрировать, когда под горячую руку попал премьер-министр Великобритании Г. Макмиллан. Хрущеву его выступление явно было не по душе, и когда Макмиллан заговорил о своей солидарности с Генсеком ООН, Никита Сергеевич снова застучал кулаками по столу. К нему вынужден был присоединиться министр иностранных дел, но опять не кулаком, а легонько – ладонью. Застучали за украинским и белорусским столами. Никита Сергеевич сложил ладони в рупор и закричал оратору:

«Примите наше предложение по разоружению, а мы примем любой ваш контроль!»

Эти слова Андрей Андреевич поддержал, закивав головой в знак согласия. Главные события на сессии развернулись 12 октября. Обсуждался колониальный вопрос. Все было бы ничего, но бес попутал филиппинского представителя вступить в полемику с Хрущевым. Никита Сергеевич потребовал «права на ответ», взошел на трибуну и стал изливать свое возмущение. Воздав должное филиппинцу, Хрущев удовлетворенно направился на свое место. Филиппинец вконец растерялся и пустился в новые рассуждения насчет того, что он вовсе не «холуй», как его назвали.

Хрущев встал из-за стола с ботинком в руке и стал грозить им филиппинцу. Для верности пару раз ударил по крышке стола. Дополнил это ударами кулаков. К нему присоединились некоторые из делегации. Громыко опять деликатно двигал ладошкой по столу, ударов не производя. Ботинок на время барабанного боя оставался лежать на столе. Затем Никита Сергеевич вполне удовлетворенно взял ботинок, нырнул под стол, пробыл там положенное время, завязывая шнурки. Торжествующе снова предстал перед публикой. После перерыва страсти не улеглись. Хрущев второй раз снимал ботинок и приводил его в действие.

Андрею Андреевичу пришлось продемонстрировать колоссальную выдержку и гибкость, с тем чтобы не вызвать недовольство у шефа в своей более чем скромной солидарности с его чудачествами и, с другой стороны, постараться, чтобы вся эта «эстрада» не очень-то сильно отразилась на реноме главы делегации.

Поздним вечером 14 октября на лайнере «Ту-114» Хрущев, а с ним и Громыко улетели в Москву. Нью-Йоркская эпопея закончилась. Это была самая красочная, шумная и политически насыщенная глава истории Организации Объединенных Наций. На следующий день «Нью-Йорк таймс» опубликовала знаменитую фотографию: в зале Генассамблеи практически безлюдные столы, и только за некоторыми сидят скучающие одинокие члены делегаций. Без Хрущева сессия интереса не представляла.

В последующие годы Громыко еще пару десятков раз бывал в Нью-Йорке, возглавляя делегацию СССР. К каждой сессии А.А. Громыко готовился тщательно и загодя. Собирались предложения от посольств и отделов министерства. Выступление главы делегации сочиняли лучшие умы МИДа. Министр скрупулезно и придирчиво работал над текстом. Документы с изложением основных вопросов и тактикой действий по каждому из них вносились на рассмотрение ЦК КПСС. Внимание концентрировалось на действительно актуальных проблемах. Другое дело, что понимание сути и путей решения этих проблем в Москве и, скажем, в Вашингтоне было разным, иногда прямо противоположным.

Речь А. Громыко на сессии Генассамблеи обязательно полностью публиковалась в «Правде», занимая ровно одну страницу газеты. С таким расчетом в МИДе делали выступление на 16 страниц машинописного текста. Однажды только что пришедший в газету главным редактором В.Г. Афанасьев сгоряча пытался было сократить публикацию, но из ЦК КПСС сурово «указали» в том духе, что это – святое и трогать не следует.

При Андрее Андреевиче до мелочей была отработана режиссура участия советской делегации в очередной сессии Генеральной Ассамблеи. В стародавние времена в Нью-Йорк добирались на пароходе. Затем стали летать. В московском аэропорту Внуково-2 собирались отлетавшие и ждали приезда министра и его супруги Лидии Дмитриевны. Самолет был винтовой, «Ил-18», летели с двумя посадками. Первая происходила в шотландском Прествике, на севере Великобритании. Перелетев Атлантический океан, «Ил-18» делал вторую посадку в канадском аэропорту Гандер, а затем уже в аэропорту Кеннеди в Нью-Йорке.

Андрей Андреевич с Лидией Дмитриевной располагались в отдельном салоне. К делегации министр выходил два-три раза, не более. Держался очень дружелюбно, подшучивал. Заметив у кого-то на столике бутылку виски «Vat 18», поинтересовался: «Электротоком не дернет? Все-таки 18 ватт».

Возглавив делегацию СССР на 39-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1984 г., Громыко скорее всего не предвидел, что это будет его заключительный визит в Нью-Йорк. Следующую сессию Андрей Андреевич наблюдал уже издалека, из Москвы. Во главе делегации СССР в 1985 г. был новый министр иностранных дел Э.А. Шеварднадзе.

За четыре десятилетия на ооновском направлении А.А. Громыко сделал массу полезного для государства. Он создал эффективный стиль работы в международных организациях, сочетающий твердость в отстаивании

интересов страны с гибкостью, умением взглянуть поверх каждодневных политических схваток, увидеть перспективу движения. Громыко утвердил восприятие своего государства в мире как авторитетной силы, без которой невозможно решение международных проблем.

Пришли новые времена, новые люди. В первом своем выступлении с трибуны Генеральной Ассамблеи Шеварднадзе поведал о «новом мышлении» советского руководства в политике. Декларировались обновленный подход к международным делам, иной стиль, другая лексика. Производили впечатление мягкие формулировки, заверения в готовности немедленно приступить к демонтажу конфронтационной структуры международных отношений. В словах был кавказский флер, упоминалась виноградная лоза, о которой нужно заботиться, чтобы получилось хорошее вино, и т.д. Новый министр в первом явлении перед ооновской публикой волновался, говорил по-русски сбивчиво, с явным грузинским акцентом.

Вечером устроили встречу министров иностранных дел стран соцсодружества. Это были талантливые люди и сильные политики – Б. Хнёупек из Чехословакии, П. Младенов из Болгарии, министры Польши, Венгрии, других стран. Они добрыми словами вспомнили Андрея Андреевича, с надеждой говорили о новом шефе советской дипломатии. Закончилось шуткой Петра Младенова, выпускника МГИМО, который в свойственной ему манере мягкого юмора сказал, имея в виду дебютную речь Шеварднадзе:

«Выходит, среди министров иностранных дел соцсодружества лучше всех по-русски говорит болгарский министр».

Кризисы следовали один за другим

Перед этим человеком, который пробыл на активной дипломатической службе около полувека, прошли все основные события новейшего времени. Придя в Народный комиссариат иностранных дел на Кузнецком Мосту, он взял быстрый старт. В амплуа свидетеля он практически никогда не был, с самого начала стал решающим участником дипломатической жизни. Это не про него пел Владимир Высоцкий, рассказывая о нерасчетливом бегуне, который «на десять тыщ рванул как на пятьсот – и спекся!». А.А. Громыко выдержал дистанцию до конца, до самого 1985 г., когда ему пришлось покинуть МИД, перейти со Смоленской площади в Кремль.

После победоносного завершения союзниками Второй мировой войны советско-американские отношения складывались сложно, временами очень сложно, кризисно. Историческая судьба развела США и СССР по разные стороны мировой линии. Америка была в выигрышном положении, она вышла из Второй мировой войны еще более окрепшей. Советский Союз, опустошенный гитлеровской агрессией, встал во главе противостоящего лагеря, взяв на себя крест огромной тяжести. Отступиться от новой исторической роли СССР не мог, если бы даже захотел.

Громыко был прямо вовлечен в выработку внешнеполитического курса государства в условиях, когда в первые послевоенные годы с американской стороны последовала доктрина «сдерживания» президента Г. Трумэна, цель которой состояла в том, чтобы додавить СССР до полного банкротства. Затем – доктрина «массированного возмездия» республиканской администрации Д. Эйзенхауэра – Д. Даллеса. Еще ранее в целях устрашения основного оппонента на мировой арене атомными бомбами были без нужды уничтожены японские города Хиросима и Нагасаки. Берлинский кризис 1949 г., войны на Ближнем Востоке и долгая-долгая череда других кризисных событий.

В таких условиях философия этого если не угрюмого, то максимально сосредоточенного человека состояла в простой истине: главная задача дипломатии заключается в том, чтобы не допустить перерастания холодной войны в «горячую»; прервать в нужный момент эскалацию напряжения в кризисах, в большей части которых главными соперниками выступали США и СССР, отыскать в арсенале дипломатии те средства, которые соперники могли бы использовать для компромиссов, недопущения той последней стадии в кризисе, когда бы свое решающее слово получили военные. Эту миссию Громыко и возглавляемое им министерство выполняли достойно.

Кризисы, к сожалению, следовали один за другим. Жестким испытанием для советской дипломатии и для самого Громыко стали события Корейской войны, начавшейся 25 июня 1950 г. Некоторые моменты до сего времени остаются неясными и даже загадочными. Прежде всего вопрос о том, каким образом Соединенные Штаты получили возможность использовать флаг ООН для прикрытия своего и своих союзников участия в военных действиях.

В воспоминаниях «Памятное» Андрей Андреевич повествует, что Сталин, прочтя присланную из Нью-Йорка телеграмму советского представителя при ООН Я.А. Малика относительно предстоящего обсуждения в Совете Безопасности этого вопроса, позвонил вечером Громыко, который оставался «на хозяйстве» в МИДе:

«Товарищ Громыко, какую, по вашему мнению, в данном случае следует дать директиву?»

Громыко ответил, что МИД уже подготовил на утверждение И.В. Сталина директиву, которая предусматривала применение права вето и недопущение принятия предлагаемого американцами решения.

Сталин сказал в ответ:

«По моему мнению, советскому представителю не следует принимать участия в заседании Совета Безопасности».

Громыко стал говорить о том, что в отсутствие нашего представителя Совет Безопасности может принять любое решение вплоть до посылки в Южную Корею войск из других стран под личиной «войск ООН».

Но на Сталина этот довод особого впечатления не произвел. Громыко почувствовал, что менять свою точку зрения вождь не собирается. Тут же Сталин, по словам Громыко, фактически продиктовал директиву, текст которой был срочно направлен Малику в Нью-Йорк.

Есть, однако, свидетельства иного рода. Крупный дипломат, занимавший посты постоянного представителя СССР при ООН в Нью-Йорке и посла СССР в Вашингтоне, Ю.В. Дубинин рассказывает о следующем.

Весной 1974 г. ему довелось быть вместе с А.А. Громыко в Пицунде, на Черном море, где должна была состояться встреча президента Франции и Л.И. Брежнева. В один из свободных вечеров Громыко вспомнил о ситуации, в которой однажды оказался он сам и вся дипломатическая служба в связи с тем самым заседанием Совета Безопасности.

Рассказ на прогулке существенно отличается от той версии, которая годами позже была изложена в книге «Памятное». Андрей Андреевич подтвердил, что Министерство иностранных дел подготовило свои предложения, которые предполагали применение вето. Срок начала заседания Совета Безопасности приближался, но, не зная реакции Сталина, Громыко, оказавшийся за старшего в Министерстве иностранных дел, не мог дать указание в Нью-Йорк, как должен проголосовать представитель Советского Союза. В Москве наступает ночь, последние часы, пока еще можно успеть послать телеграмму в Нью-Йорк.

«В общем, – сказал Громыко, – требовался прямой, личный разговор со Сталиным. Других путей не было».

Позвонить Сталину напрямую Громыко не мог, не было такой связи, но существовало сложившееся правило, как поступать в подобных случаях. Об этом следовало поставить в известность секретаря Сталина. Что и как произойдет дальше, было неведомо. Если Сталин решит, что разговору быть, разговор состоится. А если нет? Значит, так и должно быть...

«Конечно, я задействовал этот механизм, – продолжил свой рассказ Громыко. Напоминал секретарю о своей просьбе несколько раз. До тех пор, пока еще было время сообщить решение Сталина советскому представителю в Нью-Йорке. Но это время истекло, а Сталин на связь так и не вышел».

В момент голосования в зале Совета Безопасности советского представителя не было. В его отсутствие Совет Безопасности принял резолюцию о направлении американских и союзных с Вашингтоном войск в Корею под флагом ООН.

И наконец, еще один штрих. Во второй половине 1960-х гг. мне в должности заместителя заведующего Отделом печати МИД СССР пришлось участвовать в довольно необычном обсуждении у первого заместителя министра В.В. Кузнецова. Василий Васильевич созвал заместителей министра Л.Ф. Ильичева, М.С. Капицу, еще одного-двух человек высокого ранга. С некоторым опозданием подошел заместитель министра Я.А. Малик, который и был в начале 1950-х гг. советским представителем при ООН и принимал участие в том самом заседании Совета Безопасности.

Василий Васильевич не объяснил, в чем причина такого экстраординарного обсуждения. Но чувствовалось, что ему, исполнявшему обязанности министра иностранных дел в отсутствие Громыко, поступило с самого верха указание дать информацию, что же произошло тогда в Совете Безопасности и почему так действовал советский представитель.

Самое существенное в этом обсуждении заключалось в том, что никто из его авторитетных участников не смог с большой долей уверенности сказать, почему ситуация вокруг голосования в тот день сложилась так, как она сложилась. Даже Малик, главное действующее лицо на том заседании СБ, высказывался весьма расплывчато и также не мог или не захотел прояснить ситуацию. Словом, обсуждение в кабинете Кузнецова оставило впечатление какой-то двусмысленности. Некая загадочность вокруг этого «корейского сюжета», немаловажного в истории внешней политики СССР, остается.

Еще, может быть, более крупные, чем в холодной войне с западными соперниками, неприятности поджидали в зоне социалистических стран. В конце 1940-х гг. И.В. Сталин крупно разошелся с югославским лидером И. Тито. Гигантским событием стала победа в 1949 г. народной революции в Китае, но после смерти Сталина выяснилось, что китайский лидер Мао Цзэдун не согласен с тем курсом, который начал проводить Н.С. Хрущев.

В августе 1958 г. по поручению Политбюро А. Громыко съездил инкогнито в Пекин, без объявления о визите в прессе, для разговора с Мао Цзэдуном. КНР и США были на грани схватки из-за ситуации вокруг расположенных у побережья Китая островов и Тайваня. Дело было более чем серьезным. Китайские лидеры отводили в своих военных расчетах существенную роль и для СССР. Мао Цзэдун заявил советскому министру, что в случае возникновения войны Советский Союз не должен давать на ее начальной стадии военный отпор американцам и таким образом не мешать им проникнуть глубже внутрь территории китайского гиганта. А затем, когда американская армия окажется в центральной части Китая, СССР должен ее накрыть всеми своими средствами.

Андрея Андреевича трудно было удивить, но здесь даже его взяла оторопь. Он заявил, что «изложенный сценарий войны не может встретить положительного отношения. Я, – заключил Громыко, – могу это сказать определенно».

Через год Громыко еще раз побывал в Пекине в составе советской партийно-правительственной делегации во главе с Н.С. Хрущевым. Советский лидер поспешил в Пекин, едва вернувшись в Москву после визита в США в 1959 г., с тем чтобы попытаться найти у Мао Цзэдуна понимание в отношении своих действий с американцами. Не тут-то было. Диалога не получилось. Андрей Андреевич свидетельствует, что на его глазах Мао просидел весь обед рядом со своим главным гостем, сказав не более десятка протокольных слов. Усилия Громыко и в какой-то степени усилия китайского министра Чень И положения не выправили. С тем гости и отбыли домой, в Москву.

В дни Карибского кризиса в октябре 1962 г. США и СССР стояли на грани ядерной войны. Свою роль в урегулировании этой острейшей конфронтации сыграл А.А. Громыко, который 18 октября 1962 г. от имени советского руководства беседовал в Белом доме с президентом Дж. Кеннеди. Разговор был долгий, трудный, и надо полагать, советский министр способствовал тому, что в итоге кризис перешел в русло взаимных дипломатических действий.

Напряжение внутри социалистической системы в Европе дошло до крайности. Вначале грянули венгерские события 1956 г., затем – события в Чехословакии 1968 г.

Считалось, что отношения с соцстранами – это дело не столько МИДа, сколько ЦК КПСС. Практически так оно и было. Цековцы старательно оттесняли МИД от больших дел, оставляя ему чисто дипломатические вопросы. Но когда ситуация достигала предкризисной стадии, обращались к услугам «министерства по чрезвычайным ситуациям» – МИДа и персонально к Громыко. Министр иностранных дел СССР довольно часто ездил по столицам соцстран, увещевая руководство и политическую элиту.

Помню, незадолго до пражских событий 1968 г. Андрей Андреевич был направлен в Прагу для переговоров с руководством ЧССР. Побывал и в Братиславе, где стал гостем первого секретаря ЦК Компартии Словакии Александра Дубчека. Министра принимали отменно, вечером хозяин устроил роскошный ужин в старинном замке под Братиславой. Играл оркестр, разговоры под музыку продолжались, но шли напряженно. Сторонами был использован «последний аргумент королей» – Дубчек пригласил Лидию Дмитриевну на танец, и супруга министра приглашение приняла. Пара танцевала танго чудесно. «Аргумент» оказался выигрышным для Дубчека, через несколько месяцев он стал президентом Чехословакии.

Полный распад социалистической системы, а затем и самого СССР произошел позже, уже при новом лидере в Кремле и другом хозяине министерского кабинета в высотном здании на Смоленской площади.

Может быть, лучше всего Громыко знал американские дела. Этому он научился и узнал что-то глубинное, когда был послом Москвы в Вашингтоне, в многочисленных визитах в США и контактах с американскими деятелями. При нем в министерстве американское направление было центральным. Отдел США (ОСША) являл собой средоточие талантливых людей и востребованных идей. Посольство СССР в Вашингтоне возглавлялось такими крупными личностями, как А. Добрынин (до него – М. Меньшиков, приехавший туда с поста министра внешней торговли), Ю. Дубинин, А. Бессмертных, В. Комплектов, В. Лукин, Ю. Воронцов. Долго работавший в ОСША Г.М. Корниенко стал первым заместителем министра.

Особых откровений насчет отношений с США, впрочем, в публичных выступлениях и написанных Громыко книгах не найти. Но он твердо знал и упорно претворял это на практике: США – главный оппонент Советского Союза, с Америкой надо вести дела, но не поддаваться вашингтонской глобальной политике.

По подсчетам Громыко, за многие годы ему доводилось встречаться со всеми президентами США, начиная с Ф. Рузвельта. Он вел беседы с 14 государственными секретарями США. Самая острая из всех этих бесед была с госсекретарем Дж. Шульцем 8 сентября 1983 г. в Мадриде на встрече представителей государств – участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. И надо же так случиться, что за несколько дней до этого на Дальнем

Востоке был сбит южнокорейский самолет, который, нарушив государственные границы СССР, оказался в советском воздушном пространстве. Шульц, не успев сесть за стол, резко заговорил об этом трагическом инциденте. Громыко пытался было напомнить ему об условленном содержании беседы: вопросы советско-американских отношений. Американец – ни в какую, разговор только о самолете. Началась перепалка. Один свое, другой свое. Громыко пошел ва-банк:

«Если государственный секретарь США будет уходить от обсуждения важных вопросов и пытаться все дело свести к зачтению заявления Вашингтона об инциденте, то в таком случае у нас с вами нет предмета для разговора и нашу беседу можно считать законченной».

Громыко встал, сверля оппонента взглядом.

Шульц закончил свою тираду о самолете и тоже встал. Андрей Андреевич снова свое:

«Утверждения, будто вопрос о самолете является проблемой номер один, надуманны».

Шульц ответил:

«Другие проблемы обсудим, но сначала самолет». – И стал собирать бумаги со стола, складывая их в папку.

Громыко последовал его примеру, сложив в стопку свои бумаги. Продолжали стоять, делая некие демонстрационные движения, показывая, что готовы уйти, но не уходили. Простояв какое-то время, снова опустились в кресла.

А. Громыко пустился в свои рассуждения. Шульц сидел молча. Громыко говорил, Шульц молчал.

Видя, что с американцем «каши не сваришь», министр выпустил заключительный залп из ствола крупного калибра:

«Вот почему мы обвинили администрацию США в организации против СССР преступной акции. В случае с самолетом – это не единичный враждебный выпад против Советского Союза».

На этом разговор руководителей дипломатии двух великих держав завершился. Оба поднялись и на этот раз направились к выходу.

Этот пример, возможно, достоин того, чтобы быть включенным в учебники по дипломатическому искусству: как в неблагоприятных условиях не оборвать диалог, суметь сделать так, чтобы собеседник в конце концов выслушал все, что ему предполагалось сказать, и сохранить на будущее открытым «окно возможности» для более спокойного и продуктивного разговора.

А.А. Громыко за свою многолетнюю дипломатическую карьеру встречался с руководителями и министрами большинства государств мира. Его хорошо знали в Лондоне, Париже, Бонне, Риме, Мадриде, в столицах других стран Европы и других континентов. Он оставил после себя авторитетную, отлаженную и уважаемую во всем мире дипломатическую службу.

«Лучше сто раз не сказать то, что нужно сказать, чем один раз сказать то, что не нужно сказать»

Андрей Андреевич любил повторять: «Лучше сто раз не сказать то, что нужно сказать, чем один раз сказать то, что не нужно сказать». Это было, собственно, его кредо в сфере *public relations,* в отношениях с общественным мнением, практически со всеми своими собеседниками. Поучал он этому сотрудников МИДа на больших собраниях. Напоминал старшему дипсоставу на заседаниях коллегии и на узких совещаниях.

Пример тому подавал он сам. В отношениях с прессой министр был весьма сдержан и осмотрителен. Высказывал суждения и оценки по преимуществу лишь нерискованные, несомненные с точки зрения утвержденной политической линии. Словом, в частых связях с прессой, как говорится, замечен не был. Если же случалось, то говорил простыми, скучноватыми, даже корявыми, но предельно точными фразами.

Он знал, кому надлежит, а кому – нет просвещать мир и свое общественное мнение о положении дел в стране, во внутренней и внешней политике, о решениях и предстоящих шагах в дипломатии. Долгая жизнь в политике научила Андрея Андреевича тому, что истина всегда находится на самом верху пирамиды, приоритет в ее доведении до сведения людей и мира принадлежит тому, кто этот верх занимает. Он никогда не рисковал нарушить это правило и не рекомендовал делать этого другим.

Велики были самоконтроль, нежелание проговориться, сказать ненароком в разговоре, особенно с иностранцами, о чем-то таком, о чем говорить нежелательно. Одним из самых болезненных примеров являлась история с болтливостью его заместителя Я.А. Малика, который на дипломатическом приеме поддался на увещевания иностранного посла, не сумел сдержать гордыню своего всезнания и рассказал о том, что пилот сбитого на днях (в мае 1960 г.) под Свердловском американского самолета-шпиона «У-2» жив, а не погиб. Посол, разумеется, немедленно передал эту информацию американцам. Между тем Хрущев именно на этом секрете хотел сыграть на предстоящей в июне в Париже встрече в верхах четырех держав, предъявив живого пилота президенту Д. Эйзенхауэру, который упорно отнекивался от своей ответственности в организации шпионского полета.

Сдержанность Громыко объяснялась не в последнюю очередь его характером. Человек он был не очень-то разговорчивый, углубленный мыслями в себя. В долгие громыкинские времена работа с прессой, разумеется, серьезно отличалась от нынешних условий. Это была обстановка закрытого общества. Пресс-служба – Отдел печати, один из главных в министерстве, – в основном занималась консультированием подготовленных к опубликованию статей в центральных газетах. Ежедневно в Отдел печати присылалось немалое количество материалов, по которым руководство отдела высказывало суждения: чему должно, а чему не должно появиться в свет. Постоянно давались советы и рекомендации – по телефону или в личных встречах – от-

носительно того, что в международных вопросах представляет наибольшую актуальность, как освещать те или иные проблемы и т.д. Пресс-конференций и брифингов в нынешнем понимании не проводилось.

Громыко первым ввел практику встреч с главными редакторами «Правды», «Известий», ТАСС, Гостелерадио и АПН. Это было нечто новое, к тому же вызывавшее бурчание Отдела пропаганды ЦК КПСС, который по определению являлся хозяином этих и всех других средств массовой информации.

Практика эта прижилась. Примерно раз в месяц редакторы собирались в кабинете министра, и Андрей Андреевич в течение часа-полутора излагал свои соображения, выслушивал мысли и вопросы. Беседы проходили интенсивно и являлись ценным источником информации и ориентации.

Вскоре был сделан следующий шаг. Андрей Андреевич согласился с предложением заведующего Отделом печати Л. Замятина проводить в отделе еженедельные брифинги для заместителей главных редакторов и заведующих международными отделами крупных газет и других средств массовой информации. Это было что-то уже совсем новое, совсем как в Америке. Журналисты это весьма ценили, участие в брифингах считалось делом престижным. Позже ограниченный круг приглашаемых расширился, брифинги положили начало нынешним пресс-брифингам в МИДе и других госучреждениях.

Подчеркну, однако: от предварительной цензуры нашей прессе удалось избавиться лишь с начала 1990-х гг. В России добились свободы печати от государства. Но пришла другая несвобода – зависимость СМИ от нового русского капитала, во владение которого попали большинство газет, журналов, телевидение.

Совсем уж редко в громыкинские времена проводились пресс-конференции. Формула здесь была та же: истина – на вершине пирамиды, и человек номер один в государстве знает, надо ли и по какому поводу собирать журналистов. Раздолье для них было при Никите Сергеевиче. Тот охотно и часто устраивал пресс-конференции, делал пространные заявления перед журналистами на приемах, выставках и прочих оказиях. Иногда в пылу оратор слишком увлекался – наподобие фразы: «Мы вас похороним!», адресованной капитализму. В любом случае выступления Никиты Сергеевича перед прессой всегда становились событием.

Андрей Андреевич проводил пресс-конференции в Москве редко и, как правило, по поручению ЦК в связи с каким-либо актуальным событием. За рубежом он чувствовал себя свободнее. Практически все его визиты заканчивались встречами с прессой. Интерес к А.А. Громыко был огромен. Он это знал, ценил. Особенно на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, который оставался для него памятным местом.

В конце января 1967 г. по указанию министра мне, тогда работавшему заместителем заведующего Отделом печати, пришлось провести большую пресс-конференцию в МИД СССР. Это был разгар «культурной революции» в Китае. Накануне около 70 китайских студентов, возвращавшихся в КНР через Москву, пришли во главе с сотрудниками посольства на Красную площадь к Мавзолею Ленина. Достали «красные книжечки» цитат Мао Цзэдуна,

начали громко их скандировать, чтение сменилось возбужденными криками (такое у хунвэйбинов случалось постоянно и повсюду), стали набрасываться на тех, кто стоял рядом и не поддерживал их энтузиазма. На пресс-конференции обо всем этом было соответствующим образом сказано. Отмечено, что этот инцидент использовался для организации новых бесчинств у здания советского посольства в Пекине.

На следующее утро министру доложили о пресс-конференции. Андрей Андреевич выслушал с поощрительным видом, сам оставшись с задачей потруднее – предстоял доклад генсеку, а у того «культурная революция» вызывала явную аллергию.

К иностранным журналистам Громыко относился доброжелательно, был расположен к разговорам с ними. Говорил по-английски свободно, без напряжения. Его рассуждения получались плотно выстроенными, аргументированными. Корреспонденты роились вокруг него.

Советский министр иностранных дел воспринимался в качестве одного из лидеров державы, противостоящей США и Западу в холодной войне, а потому и должного принять на себя – по делу или не по делу – увесистую долю критики, сарказма, недостойных выпадов. Переносил он это стоически, во всяком случае, на лице у него трудно было что-либо прочитать.

Нередко западные журналисты становились простой разменной монетой в большой игре. Лишение аккредитации и высылка из Москвы инкоров были в ходу как ответ на какие-нибудь действия другой стороны.

Если не ошибаюсь, в 1966 г. в газете «Вашингтон пост» были опубликованы «Записки Пеньковского», высокопоставленного разведчика, переметнувшегося на сторону американцев и передавшего им порядочное количество наших военных секретов. Громыко сказал, что надо выслать из Москвы корреспондента «Вашингтон пост». Говорил он, как всегда, с твердостью, но слышалось нечто размягченное.

Корреспонденту «Вашингтон пост» С. Розенфелду, который приехал всего-то полгода назад, было заявлено, что ему предлагается покинуть Москву. У Розенфелда катились слезы.

«Причем же я? Я даже не знал, что в Вашингтоне готовят эту публикацию. Я приехал в Москву с семьей с желанием стать другом России. И такое несправедливое наказание».

Через несколько дней А. Громыко спросил меня:

«Как с американским журналистом, уехал?»

«Уехал, со слезами».

В лице министра обычной железности не было.

Минули годы, С. Розенфелд стал одним из руководителей «Вашингтон пост», одной из самых влиятельных газет США. А.А. Громыко имел с ним встречи.

Но был и другой Громыко. Этот человек любил журналистику, литературу. Любил писать. Литературным псевдонимом «Г. Андреев» подписывались его статьи и книги.

Даже в его мемуарах «Памятное» не найти упоминания о том, что Громыко в течение почти трех десятилетий являлся главным редактором журнала «Международная жизнь», причем он сам попросил об этом ЦК КПСС и возглавлял журнал одновременно с деятельностью министра иностранных дел.

Вопрос о создании журнала «Международная жизнь» неоднократно обсуждался на Секретариате ЦК КПСС с участием в том числе Хрущева, Молотова, Маленкова и других руководителей. Издание такого журнала укладывалось в русло намерений постсталинских руководителей сделать СССР несколько более открытой страной, увеличить информационный поток в Советский Союз и из Советского Союза. Журнал был задуман как солидный проект, приравненный к главному журналу страны «Коммунист». Штат сотрудников составляли около 100 обозревателей, литературных сотрудников и т.д., в четыре-пять раз более нынешнего. Окончательное решение было принято в первые месяцы 1954 г., и после тщательной подготовки в августе вышел первый номер.

Громыко стал в 1958 г. третьим по счету главным редактором. До него журнал возглавляли академик В.М. Хвостов, руководитель архивной службы МИДа, затем Л.Ф. Ильичев, академик, в разные годы занимавший посты секретаря ЦК КПСС и заместителя министра иностранных дел.

Для Андрея Андреевича руководство «Международной жизнью» было отнюдь не формальностью, а своего рода интеллектуальной отдушиной, занятием для души и ума. Очевидцы свидетельствуют, что практически по каждому номеру (журнал выходил ежемесячно) министр проводил либо в министерстве, либо в кабинете главного редактора заседания редколлегии, на которых со скрупулезностью рассматривал подготовленные статьи в гранках, делая замечания, внося поправки, снимая из номера непонравившиеся статьи и давая указания срочно добавить новый материал. Однажды в 1963 г., по свидетельству заведующего Отделом печати Л. Замятина, министр крепко пожурил редколлегию за то, что не предусмотрели статью о 30-летии установления дипотношений между СССР и США, тут же дал поручение такую статью сделать к следующему дню, что и было отделом выполнено. Андрей Андреевич оставался главным редактором до 1987 г.

Громыкинские времена были «золотым веком» публикационной работы советской дипслужбы. К вниманию министра к этой сфере добавились солидные финансовые возможности: на издание документов внешней политики России и СССР деньги находились в достатке. Под эгидой А.А. Громыко была подготовлена более чем 20-томная публикация «Документы внешней политики СССР». Вышли в свет пять томов «Истории дипломатии», два тома «Истории внешней политики СССР» и в трех изданиях – трехтомник «Дипломатического словаря». Во все эти работы были вовлечены большие коллективы сотрудников МИДа, академических институтов, различных ведомств.

Отличным чтивом, не говоря уже об исторической ценности, были книги о переписке И.В. Сталина с президентами США и премьер-министрами Великобритании в годы Второй мировой войны, а также тома «Советский Союз

на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» – Москва, Тегеран, Думбартон-Окс, Ялта, Сан-Франциско, Потсдам.

Андрей Андреевич всячески поощрял издательскую деятельность. В некоторых случаях его имя значится в качестве автора или соавтора вступительных статей. Всегда только он определял концепцию, основную направленность каждого издания.

Еще в 1957 г. вышла его книга «Экспорт американского капитала: Из истории экспорта капитала США как орудия экономической и политической экспансии». Автору была присуждена ученая степень доктора экономических наук. Затем была опубликована книга «Экспансия доллара». Итогом многолетних научных изысканий дипломата стала монография 1982 г. «Внешняя экспансия капитала: история и современность». Научные труды А.А. Громыко дважды были отмечены Государственной премией СССР.

В течение многих лет Андрей Андреевич собирал материалы, продумывал содержание своей главной книги воспоминаний «Памятное». «Любой человек, желающий передать другим свои мысли и суждения о людях или событиях, – пишет автор, – должен находить ту золотую середину, которая позволяет ему не навлечь на себя упреки в том, что он необъективен».

Верные слова. Трудно найти «золотую середину», не каждый раз это удается.

Роковые просчеты

В своем «Памятном» Громыко с гордостью вспоминает, что проблемой разоружения занимался почти 40 лет. Как никто другой из мировых деятелей, он участвовал во всех этапах послевоенной разоруженческой эпопеи. Его держава выдвинула не менее 100 инициатив и предложений, и большинство из них прошло через него. Уже в 1946 г. он от имени Советского Союза выступает с предложением о всеобщем сокращении и регулировании вооружений. Тогда же в созданной в рамках ООН Комиссии по атомной энергии рассматривалось изложенное Громыко предложение СССР о запрещении навечно военного использования атомной энергии.

Первая крупная схватка с американцами по разоруженческим делам у Андрея Андреевича состоялась вокруг «плана Баруха». Мы этот план успешно завалили. Хотя, оглядываясь назад, чувствуешь, что на базе предложения американского миллионера Баруха можно было столковаться, если бы, конечно, США согласились не ущемлять право Советского Союза иметь собственное оружие, завершение работы над которым у нас уже близилось.

Андрей Андреевич ясно понимал, что разоруженческие проблемы имеют две стороны: политико-пропагандистскую и практическую, напрямую связанную с обеспечением безопасности.

Для него была также ясна роль военных в этих делах, не на виду, но цепко связывающая мидовских переговорщиков. На заседании коллегии МИДа

Громыко однажды отклонил предложение создать в системе министерства специальный отдел по разоружению (в МИДе, в деятельности которого разоруженческие проблемы и переговоры занимали львиную долю, никогда до середины 1980-х гг. не было такого отдела). Министр заметил при этом, что разоружение – это в основном вопросы Министерства обороны, там ими пусть и занимаются.

Жесткое давление МО испытывали и повыше. Хрущев сократил численность сухопутных сил и флота, сделав это, однако, в своем сумасбродном стиле, и вместо добра сокращение пошло во вред. Маршалы ему это не простили. Это хорошо помнили в Кремле в последующие годы. Л.И. Брежнев никогда с военными не спорил. М.С. Горбачев тоже. (Ю.В. Андропов и К.У. Черненко если бы и захотели поспорить, то не успели бы.) При Горбачеве генералы завалили Шеварднадзе, проигравшего им бой на разоруженческом поле. Генсек не очень-то защищал своего министра.

Мало кто знает, что А.А. Громыко, в середине 1950-х гг. будучи первым заместителем министра и небольшое время, став министром, являлся председателем Комитета информации (КИ) при МИД СССР. Это было сугубо закрытое учреждение, сотрудники имели офицерские звания, хотя формы не носили, да и не имели. Комитет создали как «перекресток» КГБ–МИД–Минобороны в качестве «мозгового треста». Здесь велись анализ и разработка долгосрочных рекомендаций, оперативных предложений по общим аспектам мировой ситуации, а также практическим вопросам двусторонних отношений.

Уровень интеллектуального потенциала КИ давал возможность делать внешнеполитические разработки высокого класса. Припоминается документ, подготовленный по идее председателя КИ: ракетно-ядерное оружие и внешняя политика с учетом новой ситуации, ожидаемой в начале 19б0-х гг. во взаимоотношениях СССР и США. Интрига документа состояла в том, что анализ не принимал во внимание идеологические различия, ставил на одну доску Советский Союз и Соединенные Штаты, исходил из того, что в обеих державах идут примерно одинаковые процессы в накоплении военной мощи и планах ее применения. Был использован принцип «зеркального отражения».

Из разработки КИ, сделанной в достаточно деполитизированных тонах, следовало, что обе сверхдержавы намерены и далее делать ставку на наращивание ракетно-ядерного оружия. Но возникала наряду с этим вероятность «окон возможностей» для некоторого взаимного регулирования гонки вооружений, достижения договоренностей по ограничению вооружений, согласия о менее самоубийственных способах применения военной силы (прилагались даже наметки «правил» участия в малых войнах, с тем чтобы конфликт не эскалировал и не потребовал применения атомного оружия). В качестве предположительной идеи упоминалось, что в новых условиях не только США, но и СССР получает определенную свободу решения своих проблем в региональных кампаниях.

В документе считалось допустимым некоторое изменение акцента, в частности больший, чем прежде, упор на дипломатические, экономические и про-

чие средства невоенного характера. В практическом плане это, по логике документа, открывало перспективу более результативных контактов между Москвой и Вашингтоном. Так оно и произошло. После Кубинского кризиса 1962 г. советская и американская дипломатии развернули довольно активное сотрудничество, результатом которого стали содержательные соглашения.

Упоминаю об этом документе лишь для того, чтобы сказать, что Громыко был расположен к реальной оценке мировой ситуации, к идеям за пределами борьбы двух систем. КИ для него был как лаборатория для оттачивания новшеств, которые в силу своей нестандартности не шли в дело, но и не пропадали втуне, откладываясь в головах людей, причастных к этим разработкам.

Дважды Москва выходила в мир с грандиозными программами разоружения. Первый выход – на 14-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, когда Н.С. Хрущев выдвинул предложение о всеобщем и полном разоружении в три этапа. Это был добротный документ, разработанный МИДом при плотном опекунстве Громыко. Весной следующего года в Женеве начал работу Комитет 10 государств по изучению этих предложений. Дело вроде бы пошло, но через две сессии работу пришлось свернуть: правительство Эйзенхауэра заслало в наше небо самолет-шпион «У-2», и отношения с США испортились. Второй раз Москва выступила с глобальным планом 15 января 1986 г. при Горбачеве, уже без Громыко. План был сделан по накату былой инерции в новых условиях. Большого успеха в мире он не имел, но свое пропагандистское назначение в основном выполнил.

Между тем с начала 1970-х гг. разоруженческая проблематика перешла в плоскость отдельных аспектов. К тому времени были достигнуты договоренности по крайней мере по двум крупным вопросам: о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, в космическом пространстве и под водой, а также о нераспространении ядерного оружия.

На первый план вышла проблема ограничения стратегических вооружений (ОСВ). В ходе визита Никсона в Москву в 1972 г. удалось подписать Временное соглашение ОСВ-1, которое охватывало только межконтинентальные баллистические ракеты наземного базирования и морские баллистические ракеты на подводных лодках. Полный запрет предполагался в соглашении ОСВ-2. Этот договор, как известно, подписали в Вене в 1979 г. Л.И. Брежнев и Дж. Картер. Участь его была незавидной.

В разоруженческих делах каждодневный труд был сосредоточен в руках А.А. Громыко и его заместителей – Г. Корниенко, В. Карпова и В. Комплектова (разумеется, с сонмом экспертов и помощников). Надо сказать, что тому, кто не был глубоко «ввинчен» в проблемы, подобно маститым экспертам, могло казаться, что по ряду вопросов чрезмерно увлечение детализацией, теоретизированием вроде многомесячных споров об «одинаковой» или «равной» безопасности. Не зря сам Громыко как-то сказал: «Эксперты по проблемам разоружения чем дальше уходят в глубину проблемы, тем меньше о ней знают».

Именно с проблемой разоружения – вооружений, точнее с философией отношений СССР–США в этой сфере, связаны кардинальные просчеты советского руководства, включая, разумеется, министра иностранных дел. Эти просчеты, усугубленные другими внешнеполитическими ошибками (здесь речь не идет о проблемах внутреннего порядка – степень тоталитаризма, неразвитость демократии и т.д.), привели к внутреннему кризису и развалу великой державы. Концентрация порочных подходов накапливала взрывную силу в течение длительного времени при нескольких кремлевских руководителях, и в конечном счете произошла детонация, взрыв.

До определенного временно́го рубежа наше активное участие в разоруженческих переговорах было важным и необходимым. СССР первые полтора десятка послевоенных лет серьезно уступал США в ядерном оружии и средствах его доставки. Разумно поэтому делались максимальные усилия, чтобы за столом переговоров добиться ограничения военной опасности, исходящей со стороны Соединенных Штатов. Результаты получались мизерные, хотя усилия – не бесплодные.

На переломном рубеже начала 1960-х гг. Советский Союз был вполне экипирован перворазрядной ракетно-ядерной амуницией, чтобы быть спокойным за свою безопасность. У нас к этому времени был выкован мощный меч возмездия, который мог выдержать первый неожиданный удар противника и нанести ему непоправимый ущерб. Во всяком случае, все крупные города Америки были бы уничтожены ответным вторым ударом.

Во что же превращались в этой новой ситуации бесконечные изнуряющие советско-американские переговоры по разоружению в тех параметрах, в которых они велись?

Признавали мы это или нет, но они превратились в удобное прикрытие несбавляемой гонки вооружений с обеих сторон. Переговоры помогали генералам постоянно повышать градус гонки вооружений. Как американская, так и советская разведка намеренно и масштабно вводили в заблуждение, а попросту дурили руководство в Белом доме и Кремле. Систематически составлялись алармистские доклады о «рывках противника» в гонке вооружений и собственном «отставании». В руководстве обеих держав эту дезинформацию принимали за чистую монету, зная, что это «липа». Однако это давало военно-политическим кругам надежные аргументы для увеличения расходов на военные приготовления.

В этих условиях советскому руководству нужно было набраться мудрости и мужества и ради спасения Отечества решиться на кардинальный поворот в основополагающих военных программах и в осмыслении назначения переговоров по разоружению, в основном с США. Сделать это было необходимо в 1970-х гг., не поздно было и в первой половине 1980-х.

Следовало отбросить политику, когда наши военные потребности строились, ориентируясь на то, сколько ракет и ядерных боеголовок в арсенале Пентагона, прибавляя сверх того для верности еще «гарантийный запас». Отбросить самоубийственную догму о том, что этого военного могущества

должно быть столько, чтобы ответить не только Америке, но и всему блоку НАТО, всем мыслимым противникам в других краях и землях.

Следовало бы самим точно и взвешенно определить, каков должен быть тот минимум вооружений, который бы гарантировал, что любая агрессия против Советского Союза обернется невосполнимым ущербом для ее инициаторов. Сделать это путем скрупулезного и честного подсчета, анализа. Это вовсе не значит, что не надлежало вести переговоры. Без переговоров не было бы договоров о запрещении ядерных испытаний, нераспространении ядерного оружия и т.д.

Не хватило мудрости и отваги переломить милитаристскую тенденцию. Гонка вооружений в СССР вычерпала до дна валютно-финансовые и материальные ресурсы.

Это был первый фатальный просчет. Державу придавили тяжесть неоправданных по своим масштабам военных приготовлений, холодная война, вовлеченность в события в зоне национально-освободительного движения.

Вторая фатальная ошибка, которая сделала крах державы необратимым, – многолетняя и бессмысленная война в Афганистане. Просчет этот, как ни странно может показаться, тоже связан с проблемой разоружения.

Достаточно много написано и сказано о том, как принималось решение о посылке в страну «А» советского ограниченного контингента, о том, что авторами этой авантюры были Андропов, Устинов и Громыко, что основную роль играли КГБ и МО, а на долю Громыко опять же пришлась миссия оправдывать и аргументировать.

Что касается причин вторжения, то публика уже как бы свыклась с тем, что оно было предпринято ввиду предательства Амина, будто бы переметнувшегося на сторону американцев, из-за неизбежной военной интервенции США в этот регион, угроз южным рубежам СССР.

Все эти доводы относительно причин довольно сомнительны. В действительности советское руководство на этот фатальный шаг спровоцировало нечто другое. Не думаю, что это «другое» зафиксировано в письменных документах или было кем-то громко сказано на публику.

Мое суждение складывается из некоторых наблюдений и слышанного от людей знающих. Думаю, что оно недалеко от истины.

Вернемся к обстоятельствам отказа Вашингтона ратифицировать Договор ОСВ-2, подписанный в Венском дворце 18 июня 1979 г. При трех администрациях США шла разработка этого важнейшего документа, переговоры велись и при республиканцах, и при демократах. Делегацию США возглавляли и гражданские, и военные, и «ястребы», и «полуястребы». Миллионы людей видели в телепередаче, как, поставив подпись под договором, президент Картер дал бурно выплеснуться наружу своим чувствам. Он обнял Брежнева и поцелуем как бы скрепил договор. Прямо с самолета из Вены президент отправился в Конгресс, где произнес речь о достоинствах Договора ОСВ-2, его жизненной важности для безопасности Америки. Вроде бы путь к ратификации становился открытым. Но не тут-то было. В сенате договор был дружно провален.

Это стало ударом огромной силы, прежде всего лично по Л.И. Брежневу. Его самолюбие было уязвлено бескрайне. Весной того же года, находясь на отдыхе в Болгарии, он говорил Т. Живкову, что удивит мир подписанием летом договора с президентом Картером, что это будет его личной победой, демонстрацией того, что, несмотря на разговоры о состоянии здоровья, именно он, Брежнев, твердо держит бразды правления государством и партией.

Неудивительно, что в советском руководстве началось нервозное обсуждение, как поставить на место зарвавшихся американцев. Ко времени подоспела афганская ситуация с ее внутренними междоусобицами. Тамошние деятели совсем запутались в распрях, раз двадцать обращались за военной помощью к Москве.

Важно подчеркнуть, что все эти просьбы поначалу отклонялись. Ждали исхода по ОСВ-2. В марте А.А. Громыко направляет записку в Политбюро с твердым «нет» вводу войск. На заседании Политбюро 19 марта 1979 г. Брежнев говорил: «Был поставлен вопрос о непосредственном участии наших войск в конфликте, возникшем в Афганистане. Мне думается, что правильно определили члены Политбюро, что нам сейчас не пристало втягиваться в эту войну».

Эта позиция держалась до последних месяцев года, когда стало ясно, что США Договор ОСВ-2 не ратифицируют и советское руководство, лично Л.И. Брежнев потерпят серьезный политический «дефолт». Тогда-то появилась и начала интенсивно прорабатываться идея морального «отмщения» США. Афганскую ситуацию стали разогревать, убеждая при этом генсека, что дело это выигрышное, особых военных усилий не потребуется. Взяли же за пару дней под контроль всю Чехословакию в 1968 г. Возьмем и здесь. Танки – великая сила.

Так из американского провала Договора ОСВ-2 пришло решение о вторжении в Афганистан.

Роковой шаг был сделан 25 декабря 1979 г. Нужно сказать, что А.А. Громыко полностью солидаризировался с другими лидерами, но все же время от времени склонялся к более осторожной линии. В конце 1982 г., в частности, А.А. Громыко поднимал вопрос о политическом урегулировании афганской проблемы. Но Ю.В. Андропов оборвал его, сказав, что Красной армии потребовалось 15 лет для того, чтобы подавить басмачей в Средней Азии, мол, и сейчас останемся на афганской земле столько времени, сколько на это потребуется.

Глубокую афганскую рану залечить уже не удалось. Она стала тем ударом, нанесенным самим же себе, от которого Советское государство, истощенное гонкой вооружений, оправиться не смогло.

А что же насчет «отмщения» вашингтонским обидчикам, отказавшимся ратифицировать Договор ОСВ-2? Афганская авантюра Москвы оказалась им только на руку. Они до сих пор прибыльно используют афганский козырь, сданный им рассерженной Москвой.

Роль А.А. Громыко в марте 1985 г.

За три года – с 1982 по 1985-й – почили три руководителя государства и КПСС – Л.И. Брежнев, Ю.В. Андропов, К.У. Черненко. Если после смерти Брежнева в новые лидеры выходили как бы накатом представители старой партгвардии, то после Черненко голос ее уже не был настолько уверенным, чтобы взять верх над набиравшей силу более молодой партийной плеядой.

Годы коснулись и железного Громыко. Тем не менее именно он сыграл главную роль в решении вопроса о власти в марте 1985 г. Ситуация в целом складывалась в пользу М.С. Горбачева, но исход отнюдь не был предопределен. Шло напряженное маневрирование. Удалось даже подзадержать в США не вовремя оказавшегося там с визитом В.В. Щербицкого, одного из претендентов на престол от «стариков». Что-то там случилось с самолетом, на пленум он так и не поспел.

Решающей оказалась позиция Громыко, который, как говорят, и сам был в числе претендентов. Он внес предложение избрать Генеральным секретарем партии М.С. Горбачева. Мартовский Пленум 1985 г. дружно проголосовал «за». Можно сказать, что речь А.А. Громыко на мартовском Пленуме, в которой содержалось это предложение, была не только точно рассчитана с точки зрения политики, но являла собой хорошую литературную миниатюру. Писал ее, уединившись, он сам, что бывало нечасто.

Итак, с подачи Громыко руководителем СССР стал человек новой генерации. Наверняка Андрей Андреевич с самого начала отдавал себе отчет в том, что перестройка неизбежно заденет его. Но вряд ли мог он предположить, что все будет так быстро и так, как это сложилось.

Вскоре его из МИДа перевели на пост, по существу, главы государства, избрали Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Министром иностранных дел стал первый секретарь ЦК Компартии Грузии Э.А. Шеварднадзе. На Смоленской площади прощания с шефом, проработавшим здесь около трех десятков лет, не было. В жаркий июньский день сотрудники сгрудились у окон высотного здания, наблюдая отъезд.

Из моего кабинета на тринадцатом этаже МИДа все было видно как на театральной сцене. Сначала несколько милиционеров и пара спец«Волг» перекрыли Садовое кольцо, остановив движение транспорта и пешеходов. Потом через арку министерского двора на малой скорости стали выезжать: две «Волги» с охраной; два огромных ЗИЛа, в одном из которых покидал обжитую цитадель бывший министр; еще пара «Волг» бог знает с чем и в том числе с охраной. Кортеж, взяв вправо, выехал на Садовое кольцо, водители, как говорится, «ударили по газам» и умчали пассажира в Кремль, на новое место. Вот и все прощание.

Первое время к А.А. Громыко как Председателю проявлялся должный респект. М.С. Горбачев на важных публичных встречах появлялся с ним рука об руку, но постепенно аура развеивалась. Председателя отгородили от внешней политики. Зато его постоянно можно было видеть в коротких телерепорта-

жах о посещении заводских корпусов, животноводческих ферм, на хлопчатобумажном комбинате, с детишками из организации «Дети как миротворцы»... При новом министре стали думать, что́ из наследия предшественника можно было изменить. Дело это оказалось трудным, собственно, вся дипломатическая система, кадры в предшествующие десятилетия складывались при Андрее Андреевиче. Изменения коснулись центрального аппарата, посольств, Дипакадемии, МГИМО, словом, всей системы МИДа. Часть нововведений оказались удачными, кое с чем можно было повременить или проводить поделикатнее.

Коснулось это и темы «Громыко и журнал "Международная жизнь"».

В начале сентября 1987 г. меня вызвали к новому министру. Э.А. Шеварднадзе сказал, что А.А. Громыко, занимая пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР, остается тем не менее главным редактором журнала «Международная жизнь». Ему трудно совмещать эти должности.

«Я говорил на эту тему с товарищем Горбачевым, – продолжал Шеварднадзе, – и Михаил Сергеевич одобрил, что надо просить А.А. Громыко сосредоточиться на работе Председателя, несколько разгрузиться. На освободившееся место главного редактора рекомендовать Пядышева, сделав его также членом коллегии МИДа. Михаил Сергеевич согласился и с этим». Министр добавил:

«Александр Николаевич Яковлев имел разговор с Андреем Андреевичем о его уходе из журнала, и тот в принципе согласился».

Прошло время, несколько месяцев. А.А. Громыко обстоятельно завершал свои дела в журнале. Состоялся еще один разговор А.Н. Яковлева с ним. После трех десятилетий редакторствования А.А. Громыко расстался с «Международной жизнью».

Минули годы, журнал стал другим. Но неизменна добрая память о человеке, который так много сделал.

Андрей Андреевич Громыко скончался 2 июля 1989 г., не дожив 16 дней до своего полного восьмидесятилетия. Похоронили его не на пепелище той державы, которую он создавал и крепил и которую развалили на исходе 1991 г. До этого, слава богу, он не дожил. Лежит он в твердой земле великого своего государства.

Блажен, кто ушел вовремя.

Не увидит то, чем окончился путь, которым шел всю жизнь. Не нужно будет душевных и физических усилий приспосабливаться к новым порядкам и идеям. Все равно переделать себя не смог бы.

Не будет чувства неловкости и смущения, перечитывая свои же строки, написанные в «Памятном» всего-то за три года до Беловежской Пущи: «Уверен, пройдут годы и наступит тот – двухтысячный, который в Основных направлениях стоит как рубеж для подведения итогов грандиозной программы, советские люди оглянутся на пятнадцать лет назад. Они будут иметь основание сказать, обращаясь к нашему времени:

"Как умело партия привела в действие огромные резервы нашего социалистического строя! Правильно поступило ее руководство, когда решительно и со знанием возможностей нашего строя осуществляло эту ленинскую линию!"».

Оставим в стороне эти ненатурально звучащие сегодня слова. Зачем-то их нужно было произнести в те смутные времена.

Не это главное. Деятельность А.А. Громыко, охватившая более 50 лет, будет вспоминаться как целеустремленная работа по укреплению рубежей и интересов своей Родины.

В истории, отечественной и мировой, Громыко останется тем, кем он был – из когорты великих дипломатов и политиков ушедшего века.

У него было много партнеров среди дипломатов высшего уровня, людей, дружественно настроенных, и оппонентов. Уверен, все они признавали его талант и масштаб.

Новейшая история знала выдающихся дипломатов, министров, руководивших внешней политикой государств.

С основанием можно сказать: фигуры, равной Андрею Андреевичу Громыко, среди министров иностранных дел XX в. не было.

Синдеев А.А.

«Дипломатические университеты» Анрея Андреевича Громыко*

Основные задачи дипломатии со временем не меняются. Она призвана обеспечивать условия для сохранения и развития государства, общества и свойственной им культуры. Простая констатация этого требует трех уточнений: дипломаты, как правило, первыми встречаются с проблемами и потенциальными конфликтами, а значит – первыми заступают на защиту интересов Родины; дипломаты как государственные люди действуют в определенных рамках, самостоятельность и импровизации – это, скорее, редкие и вынужденные исключения из правил; независимо от политического строя национальные интересы являют собой довольно постоянный феномен. Следовательно, успех генеральной линии обеспечивается каждодневным, изматывающим трудом дипломатов.

1943–1952 гг. чрезвычайно важны в истории отечественной дипломатической службы и в становлении профессионального мастерства А.А. Громыко. Об этих девяти годах, своего рода дипломатических университетах будущего министра иностранных дел СССР, и пойдет речь далее.

Об условиях советско-американского сотрудничества

«Возглавлять работу американского отдела НКИД мне пришлось недолго, всего около полугода», – написал в первой книге «Памятное» А.А. Громыко[1]. В 1939 г. его назначили советником посольства (полпредства) в Вашингтоне, а в 1943 г. – послом. «Литвинов был совершенно враждебным к нам... – утверждал В.М. Молотов, – ...когда я был в Америке в 1942 г. и вел переговоры с Рузвельтом и Хэллом… я Литвинова не брал с собой. А ведь он посол… у нас никакого доверия к нему не было... Мог наговорить нехорошего. Хотя умни-

Синдеев Алексей Александрович – доктор политических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник Отдела европейской безопасности Института Европы РАН.

* Материал представляет собой расширенную версию статьи, опубликованной в журнале «Современная Европа», 2019, № 1.

[1] Здесь и далее в подразделе цитаты из бесед приведены по: *Громыко А.А.* Памятное. М., 1988. Кн. 1 (https://e-libra.ru/read/334398-pamyatnoe-kniga-pervaya.html).

ца, прекрасный, а ему не доверяли. А когда я вернулся, мы его еще там подержали... Потом я Громыко поставил... Мы знали, что [он] не подведет. Так и пошло дело», – вспоминал позднее В.М. Молотов[1]. Если оставить в стороне явно преувеличенную формулу «я поставил» и заменить ее на «Политбюро назначило», то внешне ход событий в этом варианте цитаты и их последствия переданы предельно четко: А.А. Громыко действительно не подвел.

Работоспособность и открытость к диалогу позволяли ему собирать богатый материал об американской действительности военного времени. Большую пользу в этом, несомненно, оказывали многочисленные встречи с официальными лицами, в частности с президентом Ф.-Д. Рузвельтом, хорошее отношение к которому с годами у А.А. Громыко, по всей видимости, лишь укреплялось. «Твердо придерживаюсь и сейчас того мнения, – подчеркивал он, – что [Рузвельт] являлся одним из самых выдающихся государственных деятелей США». По его убеждению, Ф.-Д. Рузвельт был заинтересован в развитии советско-американских отношений, называя их «делом абсолютно необходимым и соответствующим интересам народов обеих стран». Кроме того, «[е]сли бы не было Рузвельта в канун войны, когда СССР нормализовал отношения с США, если бы его не было и в тяжелые годы войны, – утверждал А.А. Громыко, – то положение оказалось бы совсем иное. Это относится и к подведению итогов самой тяжелой и кровопролитной в истории войны, поскольку основы послевоенного устройства закладывались еще на конференциях в Тегеране и Ялте...».

Министр финансов Соединенных Штатов Г. Моргентау также старался демонстрировать дружеский настрой: «Война, которую ведет Советский Союз против фашизма, – говорил... Моргентау, – это и война США, хотя американская армия еще непосредственно не соприкасалась с германской. Все нужно сделать, чтобы крепить американо-советские отношения».

Вице-президент «Уоллес был, по мнению А.А. Громыко, одним из тех американцев, кто... [считал], что без СССР как во время войны, так и после нее нельзя решить ни одного сколько-нибудь крупного вопроса в мировой политике. У него хватало смелости открыто выступать с заявлениями о решающем вкладе Советского Союза в разгром фашистской Германии». Г.-Э. Уоллес не скрывал своей веры в «плодотворное сотрудничество» между Советским Союзом и Соединенными Штатами, потому что «[о]бе державы располагают колоссальными естественными ресурсами, огромными промышленными потенциалами», готовы приняться за реализацию «иде[и] широкого, плодотворного сотрудничества между странами и народами». Советский посол соглашался с вице-президентом: «Действительно, после окончания войны, – говорил А.А. Громыко, – нельзя допустить ослабления связей между СССР и США. Ведь мы стали союзниками потому, что этого требовали фундаментальные интересы обеих стран, а не какие-то их конъюнктурные соображения... Деловые круги, по наше-

[1] Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. Записи от 25 апреля, 7 мая 1975 г., 16 июля 1978 г., 1 января 1986 г.

му мнению, могут получить много пользы от торговли и развития связей с Советским Союзом»[1].

Влиятельным политиком-бизнесменом, с которым довелось общаться А.А. Громыко, был Н.-О. Рокфеллер: «США – страна частной инициативы, а вы – Советский Союз – страна общественной инициативы, – размышлял в беседе с послом СССР Н.-О. Рокфеллер. – Ну и что же? Оставайтесь тем, чем являетесь. Мы же будем самими собой. Наши порядки нас, американцев, вполне устраивают. Революция нам не угрожает... от сотрудничества двух сильных союзников США получат только выгоды... Но ведь рано или поздно я возобновлю деятельность в бизнесе. И тоже буду получать выгоду от торговли с вами. Конечно, известная настороженность к вашей стране у американцев будет, но она не станет решающим фактором. Поможет делу и то, что выгоды от хороших деловых связей обе страны, по прогнозам американских специалистов, могут извлекать в течение длительного времени. Разрушения, которые причинила война, колоссальны. Следовательно, и восстановительный период у вас будет длительный». Н.-О. Рокфеллер не скрывал и сомнений: «Многое будет зависеть от того, какими выйдут из войны и союзники, и Германия. Если по итогам войны между СССР и его западными союзниками не будет серьезных разногласий, то дело должно пойти так, как предполагаю я. Правда, еще не ясно, чем закончится война».

Джон Ланкастер, американский экономист, мнение которого А.А. Громыко ценил, поскольку тот довольно откровенно аргументировал и объяснял настрой бизнесменов и финансистов, полагал: «Любой американский крупный банк в установлении связей с банками других государств не особенно заинтересован. Его не интересует также, какому богу молится народ той или иной страны, да и молится ли он вообще. Его интересует только одно – если с ним хотят иметь связи, то он прежде всего посмотрит, будут ли они выгодны ему с деловой точки зрения или нет. Бывало и так, что государственным деятелям в Вашингтоне не нравился выбор банком партнера за рубежом. Однако банк идет своей дорогой и одерживает верх. Разумеется, без поддержки администрации ему труднее работать».

Впрочем, во время войны американцы давали повод для сомнений в успехе последующих двусторонних контактов: «В подходе официального Вашингтона к Советскому Союзу, – констатировал А.А. Громыко, – нередко проявлялось отношение, не отвечавшее духу союзничества. Подтверждением тому мог служить такой пример. В Вашингтон прибыли три советских летчика-героя – М.М. Громов, Г.Ф. Байдуков, А.Б. Юмашев, перед которыми была поставлена скромная задача: попытаться получить хотя бы один американский самолет с бомбоприцелом компании “Спэрри”, не представлявший к тому времени особого секрета, так как он уже имелся у гитлеровцев». Миссия завершилась провалом: американцы отказались предоставлять самолет.

---

[1] Ср. донесение А.А. Громыко начала 1940 г. о контактах в Госдепе США: «Подчеркнутый холод. Иного, конечно, нельзя было и ожидать». (Цит. по: *Печатнов В.О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. М., 2006. С. 11.)

Перспективы экономического послевоенного сотрудничества с Соединенными Штатами в 1944 г. на первый взгляд казались более реальными, нежели длительное политическое взаимодействие, над институциональным и субстанциональным оформлением которого еще предстояло интенсивно поработать, а для этого требовалось расширять контакты, бороться за позитивный настрой американского общества к СССР, отдавая себе отчет, что сбалансированные условия и согласованные форматы, необходимые для закрепления успехов, еще не появились.

А.А. Громыко и двусторонние контакты: краткая хронология 1944 г.

В период Великой Отечественной войны, по словам А.А. Громыко, в стенах НКИД СССР часто звучало: «Дипломаты как солдаты». В связи с этим для советского посла в Вашингтоне не было формальных, проходных мероприятий. Ему одинаково приходилось выкладываться на политических и культурных вечерах, трудности организации и проведения которых в духе, необходимом Советскому Союзу, были по вполне понятным причинам скрыты от широкой публики.

Выступая 14 января 1944 г. перед концертом Филадельфийского симфонического оркестра, А.А. Громыко обращал внимание, что он «состоит целиком из произведений русских композиторов и включает в себя впервые исполнение в США нового Гимна Советского Союза... Я не сомневаюсь, – подчеркивал посол, – что данный концерт, записанный на звукопленку, будет принят советскими людьми, перед храбростью и отвагой которых в борьбе с врагом преклоняются народы Соединенных Штатов Америки... как проявление дружбы и симпатии к народам Советского Союза со стороны нашего союзника – народа Соединенных Штатов Америки»[1].

Не секрет, что жизненно важные процессы и судьбоносные события, а борьба с нацизмом к таковым относилась, требуют задействования на дипломатическом фронте и супруг дипломатов. 6 марта 1944 г Лидия Дмитриевна Громыко на митинге в Карнеги-холл представляла советских женщин, «которые вот уже на протяжении более двух с половиной лет ведут вместе с героической Красной Армией и всем советским народом борьбу не на жизнь, а на смерть со злейшим врагом свободолюбивых народов – гитлеровской Германией и ее лакеями в Европе... Мы, женщины, – отмечала Л.Д. Громыко, – не должны забывать, что наше активное участие в этой борьбе против общего врага ускоряет победу...»[2].

21 июня 1944 г. на встрече с послом США в Москве У.-А. Гарриманом А.А. Громыко услышал о «восторге [Уоллеса] от посещения сибирских и сред-

[1] Выступление А.А. Громыко на концерте Орманди, 14 января 1944 г. // Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ). Ф. 192. Оп. 11. П. 75. Д. 8. Л. 1–2.

[2] Текст выступления Л.Д. Громыко 6 марта 1944 г. в Карнеги-холл, Нью-Йорк // Там же. Л. 18–19.

неазиатских советских городов и колхозов...», о том, что «[У.-А. Гарриману] бросилось особенно в глаза, – зафиксировано в дневнике советского посла, – различие между положением в советских среднеазиатских республиках и положением, которое существует в странах Ближнего Востока... ему бросился в глаза большой прогресс, достигнутый этими районами за годы советской власти»[1].

На той же встрече У.-А. Гарриман осторожно поинтересовался «относительно нынешнего этапа советско-американских отношений» и получил следующий ответ: «отношения... – заметил А.А. Громыко, – становятся все более прочными и дружественными... существуют возможности дальнейшего укрепления связей и дружбы между обеими странами, как в военный период, так и в послевоенный... я имею в виду как экономическое, так и политическое сотрудничество между обеими странами». У.-А. Гарриман не стал скрывать востребованность работы с общественным мнением США. «Гарриман говорил, – передает содержание беседы советский документ, – об усилиях Хэлла в части разъяснения американской публике значения поддержания и укрепления дружественных связей с Советским Союзом»[2].

Заверения американских дипломатов не предполагали исключительной веры в сказанное ими. А.А. Громыко внимательным образом отслеживал изменения во внутриполитической ситуации США. Его оценки практически всегда были кратки и точны. В докладной записке от 24 июля 1944 г. на имя В.М. Молотова А.А. Громыко комментировал выдвижение в вице-президенты от демократов вместо Г.-Э. Уоллеса сенатора Г. Трумэна: это «означает, – писал посол СССР, – определенную победу консервативного крыла... и поражение наиболее прогрессивной группы в рядах демократов». Против Г.-Э. Уоллеса возражали южане, для которых тот был «вольнодумцем», выступавшим с «проповедь[ю] лозунга о “веке простого человека”». Г.-Э. Уоллес не мог гарантировать для Ф.-Д. Рузвельта голоса фермеров. «Возглавляя сенатский Комитет по обследованию выполнения государственной военной программы, Трумэн, – полагал А.А. Громыко, – зарекомендовал себя как, хотя и очень консервативный, но относительно серьезный политический деятель». Что касается внешней политики, то «Трумэн, с точки зрения советского посла, всегда поддерживал Рузвельта. Он является сторонником сотрудничества Соединенных Штатов с союзниками. Выступал за сотрудничество с Советским Союзом. Положительно высказывался о Тегеранской и Московской конференциях»[3].

---

[1] Здесь и далее беседа 21 июня 1944 г. с У.-А. Гарриманом цит. по: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 45. Д. 604. Л. 3–9.

[2] В 1944 г. заметно выросла популярность СССР и Сталина в США (см. подробнее: *Печатнов В.О.* Указ. соч. С. 132–134). Правда, «уже к осени 1944 г. у Гарримана складывается та общая позиция, – пишет В.О. Печатнов, – которой он будет следовать вплоть до окончания войны – quid pro quo, стремление ограничить расширение советского влияния в сочетании с еще сохраняющейся надеждой на “приобщение” СССР к западным стандартам поведения методами кнута и пряника» (Там же. С. 162).

[3] Народному комиссару иностранных дел В.М. Молотову от А.А. Громыко. 24 июля 1944 г. // АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 28. П. 156. Д. 13. Л. 4–8.

Посол занимался и более сложной проблемой – укреплением мировоззренческих основ будущих отношений. 16 ноября 1944 г. на митинге в Мэдисон-сквер-гарден в присутствии Э. Стеттиниуса[1] и Галифакса[2] А.А. Громыко предостерегал от последствий политической недальновидности: «Разве трудно было понять, – спрашивал он, – что развязывание фашистской Германией этой войны, особенно ее авантюра на востоке, будут означать горы трупов и реки крови не только для жертв фашистской агрессии, но и для самой фашистской Германии? Это не трудно было понять даже лунатику, живущему не рассудком, а интуицией». Гитлеровцы, уверял советский посол, ответят за свои преступления. «Измученные и ограбленные гитлеровцами народы не могут простить фашистским каннибалам их кровавых преступлений, – подчеркивал А.А. Громыко. – Они потребуют, и имеют полное право на это, сурового наказания военных преступников, наказания за бесчисленные жертвы, за миллионы убитых и замученных невинных людей из гражданского населения, мужчин и женщин, стариков и детей. Преступникам придется рассчитаться за такие злодеяния, как истребление 1½ миллиона человек в "фабрике смерти" в Майданеке, вблизи Люблина, в многочисленных подобных "фабриках смерти" в других местах, за сотни тысяч и миллионы известных и безызвестных героев, погибших от рук фашистских палачей»[3].

Однако только привлечение к ответственности нацистских преступников не гарантировало бы мир. «Необходима, – убеждал А.А. Громыко слушателей, – настороженность против пропаганды, подрывающей... единство в рядах союзников...», потому что «[ч]асто, при внимательном рассмотрении, такая пропаганда оказывается в своем зародыше фашистского происхождения, культивируемая сознательно, с целью внести разобщение в ряды союзников, ослабить их волю и решимость в этой борьбе... Необходимость согласованных действий союзников диктуется их коренными государственными интересами... Это единство и согласованность действий союзников будут предопределять не только успешность военной борьбы против общего врага, но также предопределять, насколько успешными будут послевоенные усилия миролюбивых народов, направленные на обеспечение мира», – конкретизировал советский посол.

Единство союзников обусловливало последующее заключение мирных договоров. «Часто, – размышлял А.А. Громыко, – говорят о "жестком" и "мягком" мире для Германии. Не лучше ли вместо этих абстрактных дефиниций говорить о таком мире для Германии, который бы не позволил ей развязать третью мировую войну, которая, безусловно, была бы еще более жестокой и кровавой, чем настоящая? Народы, несущие страдания и лишения этой войны, не могут безразлично относиться к своему будущему. Этим и объясняется тот интерес, который они проявляют к планам создания международной организации безопасности».

---

[1] *Эдвард Р. Стеттиниус* на тот момент был заместителем госсекретаря США.

[2] *Галифакс Эдуард, граф* – посол Великобритании в США.

[3] Здесь и далее цит.: Речь А.А. Громыко на Мэдисон-сквер-гарден. 16 ноября 1944 г. // АВП РФ. Ф. 192. Оп. 11. П. 75. Д. 8. Л. 53–61.

Без сохранения доверия успешное сотрудничество было бы затруднительно. «Взаимное доверие в среде великих держав является абсолютно необходимым условием, – отмечал А.А. Громыко, – как создания действенной международной организации, так и ее эффективного функционирования, как инструмента, способного обеспечить мир и безопасность народов. Нет необходимости говорить пространно о том, что единство и взаимное доверие в среде великих держав соответствует интересам всех свободолюбивых стран мира, в том числе и малых стран. Опыт, накопленный за период, истекший со времени окончания Первой мировой войны, опыт подготовки фашистской Германией нынешней войны и ход этой войны показывают, что малые страны не могут чувствовать себя в безопасности при отсутствии единства и взаимопонимания между великими державами, что они становятся неизбежно жертвами агрессии».

Таким образом, американская сторона прекрасно осознавала потенциальные (экономические и политические) возможности СССР и высоко оценивала, как видно из слов У.-А. Гарримана, достигнутый прогресс, к примеру, в тех же среднеазиатских республиках. Однако собственные успехи могли вызвать желание, используя временные преимущества, попытаться сдержать или затруднить развитие нежелательного конкурента[1]. Такой подход позволял избегать трудных переговоров, освобождал от гнета компромисса. Эффективным средством, по мнению А.А. Громыко, не допустить этого в среднесрочной перспективе становилась работа с США над разрешением германского вопроса, а затем – сотрудничество в деле сохранения мира, что предполагало наличие общих оценок, выделение объединяющих тенденций и фиксацию первоочередных мер.

Литвинов и Громыко: заочный диалог

Известно, что М.М. Литвинов не ладил с А.А. Громыко. Однако личные отношения в данном контексте не имеют особого значения. Более интересно то, что оба дипломата (один – 2 июня 1943 г., второй – спустя год, 14 июля 1944 г.) подготовили на имя наркома В.М. Молотова доклады, посвященные советско-американским отношениям[2]. Поэтому вполне оправдано провести реконструкцию возможного заочного диалога между ними.

---

[1] Об атомном проекте американцев того времени см.: *Мальков В.Л.* Вхождение в ядерную эру: Атомная дипломатия от начала к паритету. М., 2018. С. 14–50, 95–153 (глава 1. «Прощай, оружие», глава 3 «Хранить секрет от... союзника. Зерна конфликта», глава 4 «Aide-mémoire (19 сентября 1944 г.)»). «...Рузвельт еще ранней весной 1944 г., – пишет В.Л. Мальков, – явно отдавал предпочтение тому общему подходу, который был сформулирован Черчиллем: монополия на атомное оружие – главный козырь в поддержании мирового равновесия в условиях складывающегося нового соотношения сил...» (с. 127).

[2] Оба документа далее цит. по: *Литвинов М.М.* Политика США. 2 июня 1943 г. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 28. Д. 327. Л. 5–28; *Громыко А.А.* К вопросу о советско-американских отношениях. 14 июля 1944 г. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 45. Д. 603. Л. 4–34.

«...[В]оенные расчеты обоих государств (США и Великобритании. – *Авт.*), – писал М.М. Литвинов, – строятся на стремлении к максимальному истощению и изнашиванию сил Советского Союза для уменьшения его роли при разрешении послевоенных проблем... Не могу, однако, отделаться от мысли, что при желании мы могли бы оказать немалое влияние на стратегические планы союзников». Последний тезис, как свидетельствуют пометы на документе, удивил В.М. Молотова.

«Правительство Рузвельта, – в свою очередь констатировал А.А. Громыко, – прекрасно отдает себе отчет в том, что, оказывая помощь Советскому Союзу, оно действует в своих же интересах, так как эта помощь способствует ускорению разгрома Германии и сокращению жертв США в этой войне. Истекший период войны показал, что политику Рузвельта в отношении СССР поддерживает подавляющее большинство американского народа». С этим был явно не согласен М.М. Литвинов, убеждавший наркома в том, что «общественное мнение Америки, отдавая дань восхищения героизму и успехам Красной Армии, продолжает в основном в большинстве штатов оставаться крайне враждебным к СССР».

«Переходя к политическим целям США, – продолжал М.М. Литвинов, – я должен напомнить, что эти цели не отличались ясностью и четкостью в течение всего периода между Первой и Второй мировыми войнами, особенно в отношении европейских дел». Что же касается целей США в последней войне, то «[н]а этот вопрос ответить трудно при том разброде, который существует как в правящих кругах, так и в разрезе обеих политических партий». Американские националисты, по мнению М.М. Литвинова, «требуют, чтобы США уже теперь обеспечили за собой выигрышные позиции, соответствующие той помощи, которую США оказывают другим Объединенным нациям не только своими военно-морскими силами, но и своей военной промышленностью на основе ленд-лиза. Речь идет в первую очередь об обеспечении за США господства на мировых путях с получением соответствующих баз... Маскируя свои истинные устремления, они часто облачаются в тогу защитников Атлантической хартии, всех и всяких громких международных этических принципов...».

А.А. Громыко, сделав ставку на принципиальную важность для американцев сотрудничества в деле обеспечения мира и безопасности, рассчитывал на то, что «...Рузвельт и... правительство заняли и занимают определенную твердую линию на поддержание дружественных отношений и на сотрудничество с Советским Союзом. Содержание советско-американских отношений определяется в настоящее время в основном общей задачей, стоящей перед обеими странами – задачей разгрома гитлеровской Германии». У Рузвельта и его сторонников, по мнению А.А. Громыко, может получиться «преодолевать изоляционистские настроения в конгрессе».

М.М. Литвинов, с одной стороны, соглашался с дружеским настроем президента Рузвельта («Он все же дружелюбнее относится к нам, чем кто бы то ни было из видных американцев и явно желает сотрудничать с нами»), с другой

– настаивал: «...Рузвельт опирается на прогрессивную часть промышленной и финансовой буржуазии, ищущей рынков не только за пределами США, но и вне западного полушария. Он вряд ли думает вести и закончить войну совершенно бескорыстно и рассчитывает извлечь для своей страны максимальные выгоды... он мыслит себе эти выгоды главным образом за счет ослабления Британской империи... В дальнейшем он, несомненно, будет доступен влиянию как с нашей стороны, так и со стороны Великобритании и особенно латиноамериканских стран...».

Усиление положения США должно заставить их, аргументировал А.А. Громыко, заботиться о сохранении мира, поскольку они будут располагать значительным преимуществом среди капиталистических стран, иметь достаточное пространство для реализации амбиций. Да и «деловые круги США считают... другие страны не в состоянии будут после войны выдержать конкуренцию с промышленностью США...». Кроме того, американцам потребуются дополнительные рынки сбыта для промышленных товаров. Ссылаясь на контакты с «лидерами различных политических группировок в конгрессе», Андрей Андреевич отмечал: «Почти все они без исключения подчеркивают необходимость поддержания с Советским Союзом дружественных отношений не только в период войны, но и в послевоенный период». Следовательно, установки американского национализма и изоляционизма в представлении А.А. Громыко едва ли должны стать заметным препятствием на пути развития отношений между двумя великими державами. «Нам представляется, что Советский Союз и США смогут находить общие линии поведения в разрешении ряда проблем, которые будут возникать в будущем и будут представлять интерес для обеих стран», – писал А.А. Громыко, что, впрочем, не означало для него отказа американцев от помощи дружественным им правительствам в Западной Европе.

Продолжительность сотрудничества в различных сферах, по Громыко, будет отличаться. К примеру, в течение двух-трех лет «по окончании войны [СССР вполне мог бы] получать от США техническую помощь, в которой советская промышленность будет испытывать нужду».

В вопросе работы с общественным мнением Америки М.М. Литвинов и А.А. Громыко придерживались общей позиции. «Значение общественного мнения в США, находящего свое выражение преимущественно в прессе и радио, колоссально и не может быть переоценено», – обращал внимание М.М. Литвинов. «Серьезный ущерб советско-американским отношениям, – замечал А.А. Громыко, – наносит реакционная антисоветская американская пресса, представленная в основном газетами Херста, Патерсона и Маккормика. Эта пресса, к сожалению, является довольно влиятельной... Серьезное отрицательное влияние на советско-американские отношения оказывает также католическая церковь США».

Любопытно, что марксистско-ленинская классовая концепция в аргументации А.А. Громыко имеет вторичное значение. Более того, относительно перспектив советско-американского сотрудничества он во многом пришел

к принципиально иным выводам, чем М.М. Литвинов. Объяснить их появление исключительно новой геополитической ситуацией и последствиями открытия второго фронта не получится. Разделение Европы на сферы влияния, если вспомнить тезис А.А. Громыко об американской помощи западноевропейским правительствам, и невозможность контролировать мир должны были бы заставить Соединенные Штаты признать возникшее объективное положение: ослабленная рыночная система во главе с одной сверхдержавой будет нуждаться в мирной передышке. Следовательно, капиталистическая система и социалистические преобразования в европейских странах, поддерживаемые СССР, некоторое время будут вынуждены уживаться друг с другом, а значит, оказывая помощь Советскому Союзу, США, как и в период войны, будут, в первую очередь, помогать себе. В 1944 г. было не ясно, чем могло бы завершиться это противоречивое сосуществование и непростое взаимодействие. Возможно, рождением иного мира, иной системы безопасности. Именно наличие нескольких опций и предполагал, по всей видимости, Андрей Андреевич Громыко.

А.А. Громыко был настроен на сложную, но плодотворную работу с Соединенными Штатами Америки, на признание универсальных ценностей равноправия обеих систем. Благодаря его усилиям, многочисленным контактам подобная историческая альтернатива могла бы стать реальностью. Это не была наивная вера в прогресс и мирное сосуществование. Совсем наоборот, данная альтернатива строилась на прагматизме и убеждении в том, что больше не будет наблюдаться «слишком легкомысленно[го отношения] к вопросу о роли и удельном весе Советского Союза в делах Европы» и мира, будет уважаться советская позиция. Перспектива такого развития событий была обнадеживающей. Однако нужно было продолжать настойчиво и уверенно отстаивать национальные интересы на дипломатическом фронте.

Международная организация безопасности: подготовка переговоров

Еще на декабрьской встрече 1941 г. с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом Сталин предложил «создать военный союз демократических государств, во главе которого стоял бы какой-либо совет или другой центральный орган» и в руках которого находилась бы «международная военная сила»[1]. 25 мая 1942 г. А. Иден по собственной инициативе затронул тему будущей международной организации, а в Вашингтоне в мае того же года В.М. Молотова ждал своеобразный сюрприз.

Президент Ф.-Д. Рузвельт много времени посвятил обсуждению структур безопасности. «Мы должны путем создания полицейской силы сделать разоружение постоянно действующим фактором...», – утверждал Ф.-Д. Рузвельт,

[1] Первая беседа с А. Иденом 16 декабря в 19 часов 00 минут (цит. по: *Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии, комментарии, 1941–1945. М., 2004. С. 40, 42).

указывая на то, что «в течение 10–20 лет поддержание мира должно быть обеспеченно силой». Тем самым американский президент фактически признал следующее: без согласия союзников, среди прочего построенного на их сферах влияния, безопасность в мире невозможна. «Страны-агрессоры и соучастники агрессоров..., – продолжал президент, – должны быть, во-первых, разоружены, а, во-вторых, в дальнейшем необходимо, чтобы нейтральные инспекторы наблюдали за разоруженными странами и не давали бы им возможности секретно вооружаться»[1]. Крайне интересно дополнение, сделанное Ф.-Д. Рузвельтом: У. Черчилль, по его мнению, при согласии СССР и США будет вынужден поддержать данную инициативу.

Москва выражала готовность обсуждать американский план, дополнив его идеей «объединенных вооруженных сил». Это следует из шифротелеграммы Сталина Молотову, посланной в 1942 г. в Вашингтон, в которой говорилось: «Соображения Рузвельта на счет охраны мира после войны совершенно правильны... без создания объединенной вооруженной силы Англии, США, СССР, способной предупредить агрессию, невозможно сохранить мир в будущем. Хорошо было бы сюда включить Китай...»[2].

В Лондоне, где остановился В.М. Молотов на пути в Москву, ему пришлось услышать, что У. Черчилль был против вооружения мировых полицейских. Однако в августе 1942 г. британский премьер-министр в присутствии Сталина вспомнил о том, что до Мюнхена у него якобы был план создать «Лигу Наций трех великих демократий» (СССР, США и Великобритании). На что Сталин то ли в шутку, то ли всерьез ответил: «Всегда рассчитывал на нечто подобное».

Более четкие очертания план международной организации приобрел в 1943 г. 29 ноября американский президент в рамках Тегеранской конференции представил его вариант в личной беседе со Сталиным. «...после окончания войны, – сказал Ф.-Д. Рузвельт, – должна быть создана мировая организация, которая будет основана на принципах Объединенных Наций, причем она будет заниматься не военными вопросами. Она не должна быть похожа на Лигу Наций. Она будет состоять из 35, а может быть, из 50 Объединенных Наций и будет давать рекомендации. Никакой другой власти, кроме дачи рекомендаций, эта организация не должна будет иметь. Такая организация должна заседать не в одном определенном месте, а в разных местах. Это было бы весьма эффективно...». По мнению Сталина, «целесообразно создать европейскую организацию... Кроме того, вторую организацию, например, организацию по Дальнему Востоку»[3]. СССР не устраивал ни рекомендательный характер в принятии решений, предложенный США, ни расширение списка возможных задач, стоящих перед данной организацией.

---

[1] Запись беседы с Рузвельтом 29 мая 1942 г. (цит. по: Там же. С. 211–213).

[2] Телеграмма из Москвы, отправлена 1 июня 1942 г. (цит. по: Там же. С. 244).

[3] Запись беседы И.В. Сталина с Рузвельтом. 29 ноября 1943 г. (Тегеран – Ялта – Потсдам: Сборник документов / Сост. Ш.П. Санакоев, Б.Л. Цыбулевский. М., 1970 (ссылка дана на электронную версию книги: http://grachev62.narod.ru/stalin/confer/content.htm).

Переговоры в Думбартон-Оксе

Логичным продолжением усилий на пути к международной организации безопасности стали контакты между США и СССР на конференции в Думбартон-Оксе, об открытии которой В.М. Бережков вспоминал: «Во второй половине дня Громыко, [глава делегации], пригласил членов советской делегации на обед. Было там по-домашнему непринужденно... Андрей Андреевич знакомил нас с особенностями вашингтонской жизни, давал меткие характеристики тамошним политическим деятелям, наставлял практическими советами. Мы допоздна засиделись у посла. Многодневный перелет давал себя знать, и я уже подумывал о том, как приятно будет отдохнуть в удобной статлеровской постели. Но не тут-то было. Громыко, который как бы вовсе и не чувствовал усталости, предупредил, что через сорок минут ждет нас в своем рабочем кабинете в посольстве...»[1].

Сложности начатого дела были понятны А.А. Громыко. Об этом свидетельствует его первое выступление на конференции в Думбартон-Оксе: «Единство союзников, проявленное в борьбе против общего врага, и их стремление сохранить мир в будущем представляют собой гарантию того, что настоящие исследовательские переговоры дадут положительные результаты. Они являются первым шагом на пути, ведущем к постройке здания, в возведении которого заинтересованы все свободолюбивые народы мира ради создания эффективной международной организации по вопросам сохранения мира и безопасности...»[2].

В директиве советской делегации на конференцию 1944 г. в Думбартон-Оксе значилось, что цели Организации должны состоять в поддержании всеобщего мира и безопасности, принятии коллективных мер для предотвращения агрессии и организации подавления агрессии; в разрешении и устранении мирными способами международных конфликтов, могущих привести к нарушению мира, а также в иных мерах, имеющих отношение к укреплению мира и развитию дружеских отношений. Советская сторона предлагала обсуждать не детали, а основные вопросы. Что касается средств предотвращения агрессии, то к ним, среди прочего, могли относиться и обращение Руководящего комитета, ставшего в ходе переговоров Советом Безопасности, и меры экономического воздействия, и морская и сухопутная блокада, и военные действия, в том числе с участием Международного военно-воздушного корпуса.

Во время переговоров 1944 г. СССР настаивал на особой роли союзников и принципе единогласия при принятии решений. Кроме того, советское руководство хотело, чтобы новая организация занималась исключительно проблемами безопасности. Для рассмотрения других вопросов (к примеру, со-

---

[1] См. по Думбартон-Оксу воспоминания В.М. Бережкова «Страницы дипломатической истории». М., 1987 (электронная версия главы книги о конференции в Думбартон-Оксе: http://militera.lib.ru/memo/russian/berezhkov_vm2/04.html).

[2] Там же.

циально-экономических) можно было создать отдельную структуру. Быстро были достигнуты договоренности об основных органах организации – Генеральной Ассамблеи и Совете Безопасности. По процедуре голосования сразу же наметились разногласия: британцы рассчитывали на принятие решений двумя третями, в этом их поддерживали американцы. Кроме того, британцы хотели расширения полномочий Ассамблеи.

Советский Союз согласился с предоставлением Ассамблее возможности обсуждать темы, связанные с разоружением, но при условии, что решения будет принимать Совет. Желание американцев расширить состав постоянных членов до шести государств СССР тогда не поддержал. Для постоянных членов должна быть, по мнению советской делегации, особая процедура голосования, выработать которую было предложено американской стороне.

Как отмечалось выше, западные союзники настаивали на включении социально-экономических вопросов в компетенцию Совета. Причина была достаточно проста: они хотели добиться от СССР, единственной в то время социалистической страны, открытости в экономике и впоследствии принятия единых правил торговли. Американцы и британцы выступали за более широкое понимание безопасности и за широкую интерпретацию агрессии, к которой могли относиться любые действия, препятствующие экономическому процветанию.

На конференции в Думбартон-Оксе получилось решить основные вопросы касательно будущей международной организации. 9 сентября 1944 г. после беседы с А.А. Громыко, руководителем советской делегации, Ф.-Д. Рузвельт направил письмо Сталину: «Я имел интересную и приятную беседу с Вашим Послом по поводу хода переговоров в Думбартон-Оксе. По-видимому, остается один важный вопрос, по которому мы еще не договорились. Это вопрос о голосовании в Совете»[1].

Акценты были расставлены и оставались без изменения в последующем. Единство стран-лидеров и их готовность учитывать интересы друг друга и партнеров должны были гарантировать успех в деле создания новой организации и структурного оформления послевоенного мира.

1945 г. и планы Советского Союза

Работа над Уставом международной организации безопасности продолжилась в Сан-Франциско в 1945 г. в довольно сложных условиях: приход к власти президента Г. Трумэна усиливал консервативные силы в США; предстояли Потсдамская конференция и решение важного для СССР вопроса о репарациях с Германии; не завершилась Вторая мировая война; особое значение приобрел польский вопрос. Кроме того, «[а]мериканцы и англичане развернули большую работу по подготовке конференции в Сан-Франциско... делегаты в Сан-Франциско разделятся на две группы – проамериканскую

[1] См. по Думбартон-Оксу воспоминания В.М. Бережкова «Страницы дипломатической истории».

и проанглийскую. Мы не можем рассчитывать на просоветскую группу делегатов», – отмечал А. Лозовский в записке от 25 марта 1945 г.[1]

Было очевидно, что согласованные в Думбартон-Оксе подходы не получится полностью реализовать, хотя в окончательном проекте директив советской делегации значилось: «при выработке Устава международной организации делегация должна добиваться принятия конференцией предложений Думбартон-Окса с дополнениями, согласованными на Крымской конференции»[2].

В этом контексте борьбе за единство стран-лидеров придавалось особое значение. Согласно советским документам странами-лидерами, или ведущими державами, являлись государства, спасшие «от гитлеровского ига и гибели многие малые и средние государства», сплоченные «боевым содружеством», готовые брать на себя ответственность, так как они имеют «необходимы[е] средства[...] и возможност[и] для обеспечения мира и безопасности».

Победа в войне предоставила уникальную возможность создать международную организацию с учетом иерархии стран, основанной на вкладе в борьбу с нацизмом. Дееспособной считалась бы, как писал в августе 1945 г. А.А. Громыко, такая «организаци[я] безопасности, во главе которой стоял бы узкий по своему составу орган, обладающий широкими функциями и полномочиями»[3]. Неслучайно Советский Союз категорически возражал против всеобщности членства, настаивая на принятии только «миролюбивых государств». Через иерархический подход к обеспечению безопасности следует понимать и такое поручение советским делегатам: «не следует возражать против предложения дополнить Устав организации указанием на обязанность организации гарантировать территориальную целостность и политическую независимость стран, но не следует и поддерживать это предложение».

Представители других делегаций не скрывали критического отношения к иерархичности. Министр иностранных дел Колумбии А.-Л. Камарго, сравнивая преимущества существовавшей системы безопасности в Латинской Америке с будущей ООН, утверждал: «Она хороша и тем, что демократична, не в пример той, по существу иерархической системе безопасности, которая будет опираться на мощь великих держав»[4].

В утвержденном тексте директив советская делегация должна была **«[о]тклонить** (выделено в документе. – *Авт.*) поправки, направленные к усилению в организации роли мелких держав за счет ослабления значения великих и имеющие своей целью установить принцип необязательности решений

---

[1] В.М. Молотову от А. Лозовского. 25 марта 1945 г. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7б. П. 61. Д. 7. Л. 92.

[2] Здесь и далее: Директивы советской делегации на конференции в Сан-Франциско по вопросу о выработке Устава международной организации // Там же. Л. 1–5.

[3] *Громыко А.А.* О состоявшейся в Сан-Франциско конференции Объединенных Наций. 7 августа 1945 г. // Там же. Д. 19. Л. 33.

[4] Донесение главы советской делегации А.А. Громыко в НКИД СССР. 12 мая 1945 г. // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Т. V: Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля – 26 июня 1945 г.). Сб. документов. М., 1980. С. 454.

Совета Безопасности, что может повести лишь к ослаблению эффективности организации». Не получали согласия и предложения, направленные «на расширение круга вопросов, по которым не требуется единогласия постоянных членов Совета Безопасности»; или связанные с легитимированием «прав[а] членов организации действовать по их усмотрению в тех случаях, когда Совету не удастся принять решения».

Требовалось «настаивать на обязательности решений Совета Безопасности для всех членов организации, как это было принято на конференции в Думбартон-Оксе... [и] возражать против предложений, которые обязательность решений Совета Безопасности поставили бы в зависимость от утверждения Ассамблеи». Принятие принципа единогласия постоянных членов Совета Безопасности было решающим. 21 мая, во время работы конференции, делегат от Новой Зеландии П. Фрэзер «заявил, что предлагаемое правило об обязательном единогласии пяти постоянных членов Совета представляется ему, как и многим другим, нецелесообразным, но, видимо, участники настоящей конференции стоят перед альтернативой: или международная организация с правилом о единогласии... или никакой международной организации»[1].

Поскольку перспективы международной организации были не очень понятны, советская делегация не должна была выступать против процедуры выхода, «[е]сли будет внесено [соответствующее] предложение… и [оно] встретит поддержку». В тех условиях требовалось сохранять необходимую свободу.

А.А. Громыко и подготовка конференции в Сан-Франциско

Создание «действительно дееспособной международной организации безопасности» требовало очередной серьезной подготовительной работы, реальной оценки возможностей, определения стратегии и тактики поведения советской делегации на конференции.

Как следует из письма, направленного 2 февраля 1945 г. А.А. Громыко на имя В.М. Молотова, СССР предстояло действовать в меньшинстве. «За исключением Аргентины, – писал посол, – которая не будет значиться в числе стран-инициаторов международной организации безопасности, почти все другие страны Латинской Америки будут поддерживать США по всем важным вопросам в организации... Чили, Боливия и Сальвадор могут, ввиду влияния, оказываемого на них Аргентиною, по тем или иным вопросам проявлять колебания и пытаться проводить “независимую” линию. Однако они слишком слабы, чтобы противопоставить себя США и другим странам Латинской Америки. Таким образом, США обеспечена безусловная поддержка со стороны 16 латиноамериканских стран... США будут обеспечены голоса Филиппин, Исландии и Либерии. США будут также находить часто поддержку со сторо-

[1] Донесение главы советской делегации А.А. Громыко в НКИД СССР. 21 мая 1945 г. // Там же. С. 477.

ны Китая и Канады»[1]. Общее число стран, на которые могли рассчитывать американцы, по оценкам А.А. Громыко, составляло двадцать пять.

Посол предлагал «в разговоре с Рузвельтом и Черчиллем по вопросу о советских республиках, в связи с членством в международной организации безопасности» аргументировать необходимость их включения в состав членов, в том числе и указанием на несбалансированное соотношение участников конференции в Сан-Франциско.

7 февраля 1945 г. на Крымской конференции Сталин по-иному обосновывал содержание советского подхода в вопросе усиления просоветского лагеря: «Советская делегация поставила этот вопрос не в той форме, в какой это было сделано в Думбартон-Оксе, но предложила, чтобы три или, по крайней мере, две из советских республик находились в числе инициаторов международной организации (речь шла об Украине, Белоруссии и Литве). Советская делегация считала, что эти три советские республики или, во всяком случае, две должны быть признаны в качестве членов-учредителей)»[2]. В итоге была принята устроившая в то время СССР формула, согласно которой «делегаты Соединенного Королевства и Соединенных Штатов Америки поддержат предложение о допуске к первоначальному членству двух Советских Социалистических Республик, а именно Украины и Белоруссии»[3].

Данное решение ни для американской, ни для английской стороны не означало автоматического участия Украины и Белоруссии в конференции по созданию международной организации безопасности. А.А. Громыко, будучи в Крыму, прекрасно понимал границы согласованной там компромиссной формулы и сложности работы. Предстояло, с одной стороны, добиться от США и Великобритании согласия на приглашение двух советских республик, с другой – отстоять необходимость приглашения перед делегациями малых стран.

17 марта 1945 г. по поручению Наркоминдела состоялась беседа А.А. Громыко с помощником госсекретаря Д. Данном, поскольку Э. Стеттиниус находился в отпуске. «Я напомнил ему (Данну. – *Авт.*), – зафиксировано в краткой записи беседы по вопросу участия Украины и Белорусии, – содержание решения Крымской конференции... Данн ответил, что это решение, как он полагает, не предусматривает участия в конференции представителей Украины и Белоруссии. Что же касается, продолжал он, поддержки... то это допущение, по его мнению, может быть осуществлено не в форме приглашения Украины и Белоруссии участвовать в конференции в Сан-Франциско, а в форме последующего их присоединения к Уставу организации после конференции... Я выразил удивление по поводу интерпретации Данном этого вопроса и заявил, что единственный путь вступления Украины и Белоруссии в организацию, как и для других стран-участниц, это участие в конференции, на которой будет приниматься Устав организации»[4].

---

[1] В.М. Молотову от А.А. Громыко. 2 февраля 1945 г. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7б. П. 63. Д. 48. Л. 3–4.

[2] Четвертое заседание в Ливадийском дворце. 7 февраля 1945 г. // Тегеран – Ялта – Потсдам...

[3] Протокол работы Крымской конференции: Всемирная организация, п. 2b.

[4] Запись беседы посла СССР в США А.А. Громыко с помощником госсекретаря США Д. Данном. 17 марта 1945 г. // Советский Союз на международных конференциях... С. 76–77.

Вопрос был настолько серьезный, что госсекретарь прервал отпуск и 20 марта встретился с советским послом. Ссылаясь на предварительную беседу с Г. Трумэном, Э. Стеттиниус подтвердил трактовку крымской формулы, данную ранее Д. Данном, на что А.А. Громыко в свою очередь заявил, что подобная «интерпретация решения Крымской конференции и... разъяснение... являются... неожиданными» и вступают в противоречие с утвержденной в Крыму формулой[1].

Приглашение Украины и Белоруссии на конференцию означало бы, что эти союзные республики подписали бы Устав организации и вошли бы после завершения ратификации в ее состав. Та процедура, за которую выступали американцы, по сути, могла закончиться либо отказом принять Украину и Белоруссию в состав новой организации, либо затягиванием их официального вступления, поскольку поддержка США и Великобритании могла быть поставлена в зависимость от допуска кандидатов, против которых выступал Советский Союз. Получается, что благодаря в том числе и усилиям А.А. Громыко суверенные Украина и Белоруссия занимают почетные места среди государств-учредителей ООН.

23 апреля 1945 г. В.М. Молотов в отношении расширения состава возможных участников конференции за счет международных организаций предпочел говорить не о советских предложениях, а о предложении А.А. Громыко. После того, как американцы на встрече министров иностранных дел сообщили: «Громыко сказал... что советское правительство настаивает на том, чтобы в качестве представителей от этих организаций были допущены на конференцию только граждане Объединенных Наций», В.М. Молотов заметил, «что принять предложение Громыко было бы логичным»[2].

Во главе советской делегации

После возвращения В.М. Молотова в Москву советскую делегацию в Сан-Франциско возглавил А.А. Громыко. Отношения между союзниками на конференции складывались не просто. А.А. Громыко был вынужден отметить, что «позиция американцев и англичан не совпадает с позицией Советского Союза»[3]. Советской делегации пришлось столкнуться и с многочисленными попытками латиноамериканских стран демонстрировать единство и «весом своих голосов... добиваться чуть ли не любых желательных для них решений на конференции». Одним из таких решений стало приглашение Аргентины на конференцию.

Предположение о численном меньшинстве СССР оказалось верным: американцы могли опираться на латиноамериканские страны; британцы –

[1] Запись беседы посла СССР в США А.А. Громыко с госсекретарем США Э. Стеттиниусом. 20 марта 1945 г. // Там же. С. 78.

[2] Совещание трех министров иностранных дел. Вашингтон. 23 апреля 1945 г. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7б. П. 60. Д. 4. Л. 21–22.

[3] Здесь и далее в разделе: *Громыко А.А.* О состоявшейся в Сан-Франциско конференции Объединенных Наций... Л. 4–33.

на доминионы. «Анализ поведения делегаций британских доминионов, – констатировал А.А. Громыко в последующем кратком докладе по итогам конференции, – показывает, что между ними и англичанами, а также внутри группы британских доминионов имелось распределение ролей... Нам известно, что английская делегация проводила неоднократно совещания с делегациями британских доминионов относительно линии поведения на конференции... есть основания считать, что они поощряли такие выступления. Для видимости иногда на заседаниях соответствующих комитетов устраивались стычки между представителями доминионов и представителями английской делегации. Однако похоже на то, что подобные сцены заранее подготавливались с целью создать видимость расхождений...».

Против решений Думбартон-Окса энергично выступали бельгийцы и голландцы. Поведение французской делегации А.А. Громыко оценивал как «двойственное», поскольку Франция выдвигала ряд принципиальных предложений, но «[н]икакой самостоятельной роли... на конференции не играла. Никто за французами не шел».

Самым малочисленным на конференции был просоветский лагерь, который образовали СССР, Украина, Белоруссия, Югославия и Чехословакия. Получалось, что возрождение сфер влияния после войны в мире и в Европе следовало признать в качестве свершившегося факта. Советская сфера еще формировалась, а вопросы, которые предстояло решать в отношении международной организации безопасности, уже влияли на будущее взаимодействие различных акторов и национальные интересы Советского Союза. От дипломатов и выбранной ими стратегии зависело, насколько получится сохранить на дипломатическом фронте победы, достигнутые на полях сражений, и обеспечить условия для восстановления страны.

«Основным рычагом воздействия на конференцию с целью проведения нужных для нас решений были заседания глав делегаций пяти великих держав», – писал А.А. Громыко. Существенную роль сыграла договоренность, предусматривавшая консультации в формате стран-лидеров в случае отхода конференции в Сан-Франциско от ранее согласованной позиции.

Кроме того, к советской стратегии, принесшей результаты, можно отнести затягивание решения ряда вопросов. Американцы проявляли нетерпение, им нужно было показать общественности успешный результат, полученный в кратчайшие сроки. «Тот факт, что наш окончательный ответ несколько затянулся, – размышлял А.А. Громыко в отношении дискуссии об исключениях из правила единства постоянных членов Совета Безопасности, – принес известную пользу для нас. Затяжка с ответом была выгодна тактически. После получения нашего окончательного ответа, для каждой делегации на конференции стало ясно, что если потребовалось такое напряжение и потребовались такие усилия для того, чтобы добиться от Советского Союза согласия на неприменение принципа единогласия при решении вопроса о принятии к обсуждению в Совете того или иного конфликтного дела, то Советский Союз уже наверняка не пойдет ни на какие дальнейшие уступки».

Нервозность США и Великобритании проявлялась и в том, что они «инспирировали появление в печати сообщений... [будто бы] советская делегация своим поведением создала кризис на конференции». А.А. Громыко и другим членам делегации приходилось проявлять стойкость и выдержку. «Иногда требовался значительный нажим с нашей стороны, в результате чего обстановка на заседаниях пятерки создавалась очень напряженной. Тем не менее, при значительном нажиме с нашей стороны, на заседаниях пятерки решения выносились, как правило, в нашу пользу...», – отмечал А.А. Громыко.

Особенно сложным стал пересмотр решений, принятых ранее с участием делегаций малых стран. Ведь «такие решения являлись выражением подавляющего большинства делегаций», а «постановка вопроса об их отмене затрагивала престиж... делегаций». Несмотря на это советская делегация боролась за пересмотр и добивалась его. «После вынесения решения конференции по аргентинскому вопросу, – писал А.А. Громыко, – Руководящий комитет не принимал каких-либо неприемлемых для нас решений, и нам в последующем почти всегда удавалось проводить наши предложения».

Наибольший спор вызвали четыре вопроса. Первый – «о процедуре голосования в Совете Безопасности». Американцами и британцами была предпринята попытка «навязать... такую интерпретацию крымской формулы, которая исключала бы применение принципа единогласия при вынесении всех решений, относящихся к начальной стадии урегулирования споров, вплоть до принятия Советом Безопасности решений и рекомендаций». По мнению А.А. Громыко, «[п]оведение американцев и англичан в этом вопросе дает полное основание считать, что они пытались... сделать возможным при определенных обстоятельствах использовать систему голосования и метод принятия решений в Совете против Советского Союза».

Второй вопрос заключался во «включении в Устав организации предоставление Генеральной Ассамблее права пересматривать договоры, заключенные государствами –членами организации». Наиболее активно данное положение лоббировал сенатор А.-Х. Ванденберг. «Нам точно известно, – констатировал советский посол в США, – что Ванденберг преследовал внесением такого предложения цель – добиться в дальнейшем обсуждения Генеральной Ассамблеей вопроса о западной границе СССР, особенно о советско-польской границе». В итоге был «принят пункт, не содержащий указаний на договоры, а предусматривающий лишь за Генеральной Ассамблеей право обсуждать любые вопросы, безотносительно к их происхождению, связанные с поддержанием мира и безопасности».

Третий вопрос касался «региональных мероприяти[й]». Соглашения, заключенные между союзниками и «направленные против вражеских стран во Второй мировой войне», не подпадали под эти мероприятия. Однако принятие предложения о том, что при нападении на отдельные страны или группы стран региональные «организации имеют неотъемлемое право индивидуальной и коллективной самообороны», привело бы к ослаблению Совета Безопасности и принципа иерархии. Советская делегация настояла на том,

чтобы автономность действий по самообороне существовала бы «до тех пор, пока Совет Безопасности не предпримет мер, необходимых для поддержания мира и безопасности».

Четвертый вопрос – это вопрос о праве Генеральной Ассамблеи обсуждать проблемы международных отношений. Он тесно связан со вторым сложным вопросом, с расширением компетенций Генеральной Ассамблеи. Советская делегация исходила из того, что обсуждение на Ассамблее может иметь целью принятие документов, не признающих договоры, заключенные СССР с восточноевропейскими странами, и западную границу страны, поскольку за расширение полномочий Генассамблеи и за отказ в преамбуле Устава от указания на уважение договоров активно выступал сенатор А.-Х. Ванденберг.

Конференция в Сан-Франциско стала первой значимой пробой сил между СССР и США в послевоенном мире. В Тегеране и в Крыму СССР работал в более удобных для себя малых форматах. В Сан-Франциско пришлось столкнуться с «резкой борьбой малых стран против предоставления широких функций и полномочий Совету Безопасности». Советскому Союзу и главе советской делегации А.А. Громыко удалось в сложных условиях отстоять свою позицию. Однако единство союзников, выстраивавшееся во Второй мировой войне, дало трещину.

А.А. Громыко и Подготовительная комиссия

В Сан-Франциско было принято решение образовать Исполнительный комитет и Подготовительную комиссию, которым поручалось подготовить «в предварительном порядке» первую сессию Генассамблеи. Как отмечалось в записке НКИД СССР, по сути, «эта задача заключается в выработке рекомендаций по проекту повестки дня». При этом Исполнительный комитет, по мнению советских дипломатов, существенно вышел «за эти пределы»[1], занявшись процедурой работы органов ООН и рекомендовав к принятию 21 пункт повестки дня.

Попытка скорректировать нежелательные последствия деятельности Исполнительного комитета была предпринята на Подготовительной комиссии. Любопытно, что А.А. Громыко не только отвечал за выработку советских директив, но и был назначен представителем СССР в Комиссии. 12 ноября 1945 г. он направил на утверждение руководству проект директив советской делегации[2].

Лейтмотив директив состоял в том, чтобы не допустить прецеденты, ущемляющие право равенства СССР среди великих держав, и создать максимально выгодные для страны условия. «Советской делегации, – читаем в проекте, подписанном А.А. Громыко, – следует выяснить возможность избрания

[1] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 15. Д. 143. Л. 37.

[2] Здесь и далее: Директивы советской делегации на Подготовительной Комиссии Объединенных Наций. 12 ноября 1945 г., проект // Там же. Л. 33–36. Документ содержит правку В.М. Молотова.

председателем делегата Чехословакии и выдвинуть его кандидатуру... Ведя переговоры с основными делегациями, можно заявить, что мы согласны с тем, чтобы председателем первой Генеральной Ассамблеи был избран представитель Норвегии, кандидатура которого уже была названа американцами»[1].

Относительно заместителей председателя Подготовительной комиссии предусматривались два этапа обсуждения. На первом необходимо было выступить с предложением избрать пять заместителей от пяти великих держав. На втором этапе, если советское предложение не прошло бы, можно было бы согласиться на меньшее число заместителей при условии, что они будут представлять малые страны, а среди них получит место либо представитель Украины, либо представитель Польши[2]. В принципе, схожий подход был принят и для кандидатур председателей восьми комитетов Подготовительной комиссии.

Что касается будущей работы секретариата ООН, то в случае окончательного утверждения «принципа функционального построения» было важно согласовать «выделение особого штата ответственных сотрудников секретариата для обслуживания Совета Безопасности». В частных разговорах следовало проинформировать о том, что «Советский Союз будет претендовать на то, чтобы во главе Департамента по делам политическим и безопасности в секретариате стоял представитель СССР».

В отношении непостоянных членов Совета Безопасности предстояло «добиваться, чтобы... в первую очередь принималась во внимание степень участия той или иной державы в войне против Германии и Японии». Тем самым был бы легитимирован один из наиболее важных неформальных критериев признания исключительных прав стран-лидеров в Совете Безопасности. Впрочем, советские представители не исключали и использования географического принципа. Тогда предстояло «обеспечить, чтобы в число непостоянных членов вошла по крайней мере одна из дружественных нам стран Восточной Европы – Польша, Чехословакия или Югославия».

ООН в сталинской дипломатии

Устав ООН и начало работы организации зафиксировали статус-кво и способствовали переходу к усиленной позиционной борьбе, поэтому ни ООН, ни Совет Безопасности не могли функционировать с полной эффективностью. Условием эффективной работы организации могло бы стать единство великих держав, но ожидать его появления на фоне последовавшего институционального оформления региональных структур безопасности в той же Европе не приходилось.

Примеров позиционной борьбы, вызванной попытками западных союзников ослабить СССР, было предостаточно. Взаимное недоверие оставалось.

---

[1] А.А. Громыко предлагал Я.-Г. Масарика, В.М. Молотов высказался за представителя Югославии.

[2] В.М. Молотов вместо Польши поставил Белоруссию.

13 мая 1950 г., до начала войны в Корее, тогда уже первый заместитель министра иностранных дел А.А. Громыко принял генерального секретаря ООН Т.-Х. Ли, запись беседы с которым передает сдержанность и скепсис СССР в отношении тогдашнего состояния организации: «Ли сказал, – читаем в документе, – что он хотел бы поставить передо мною некоторые вопросы, в том числе вопрос об участии СССР в работе специализированных учреждений ООН... Я указал, что не только Международная Организация Здравоохранения, но и многие другие специализированные организации пока не дали положительных результатов и не проводят какой-либо полезной деятельности... Затем Ли перешел к вопросу о приеме новых членов в ООН, указав, что у него создалось впечатление, что по этому вопросу – о приеме новых членов – можно было бы добиться компромисса... путем принятия в ООН не только всех государств, подавших заявление о приеме, но также и Испании... Я заметил, что подобное предложение является недопустимым. Организация Объединенных Наций не может на одной сессии принимать решения, направленные против Франко, а на другой сессии принимать решения о допущении франкистской Испании в Организацию Объединенных Наций. Я заявил при этом, что предложение о приеме Испании в ООН может исходить только от друзей и защитников фашистской клики Франко... Я заметил также, что, само собой разумеется, не может быть и речи о приеме в Организацию Объединенных Наций при всех условиях марионеточной Южной Кореи... Ли спросил меня, могу ли я помочь ему чем-либо и посоветовать, каким образом можно прекратить холодную войну. Я заметил, что вопрос поставлен слишком обще. Я тут же добавил, что Ли хорошо известно об усилиях советского правительства, направленных на укрепление мира... Известно также и то, кто прилагает усилия к тому, чтобы не допустить принятия этих предложений и кто всячески разжигает эту холодную войну. Ли заявил, что он согласен с моим заявлением относительно значения советских предложений для дела укрепления международного мира...»[1]

МИД СССР в рамках сталинской дипломатии

В условиях набирающей темпы холодной войны в СССР меняется система управления внешней политикой. Вместо Наркомата создается Министерство иностранных дел, в котором в начале марта 1949 г. А.А. Громыко[2] стал первым заместителем министра А.Я. Вышинского. Отношения с ним складывались у А.А. Громыко очень непросто.

[1] Прием генерального секретаря ООН Трюгве Ли. 13 мая 1950 г. // АВП РФ. Ф. 022. Оп. 3. П. 17. Д. 5. Л. 90–94.

[2] С 1946 по 1949 г. А.А. Громыко был заместителем министра иностранных дел СССР, до 1948 г. являлся постоянным представителем СССР в ООН. В 1952 г. получил назначение на пост посла СССР в Великобритании, на котором оставался меньше года. С 1953 по 1957 г. – вновь работа первым заместителем министра иностранных дел СССР.

Работа МИД СССР проходила в жестких рамках сталинской дипломатии. На встречах А.А. Громыко с представителями различных стран часто звучали следующие сдерживающие партнера фразы: «Я ответил, что переданные мне послом документы будут тщательно изучены»; «Я сказал, что недостаточно знаком с этим вопросом и что в настоящее время со своей стороны не могу сказать чего-либо по существу»; «Я заметил на это, что... мы... располагаем проверенными данными».

Рамки сталинской дипломатии требовали внутреннего контроля, способности не только к риторике, но и к словесной эквилибристике. Показательным примером служит беседа А.А. Громыко, прошедшая 11 марта 1949 г. с послом Великобритании в СССР М.-Д. Петерсоном, который «[по]просил передать привет и поздравления тов. Вышинскому по поводу назначения его министром. В полушутливом тоне он заявил, что дружеские отношения Вышинского к Великобритании хорошо известны, и тут же рассмеялся. "Этим я хотел сказать, – заявил Петерсон, – что выступления Вышинского на Генеральной Ассамблее были, как известно, не весьма дружественными в отношении Великобритании". В ответ на эти замечания Петерсона я сказал, – зафиксировано в записи беседы А.А. Громыко, – что выступления Вышинского на Ассамблее были в защиту мира, и если он говорил неприятные вещи кое для кого в Англии, то только потому, что позиция английской делегации по вопросам, которые обсуждались на Ассамблее, заслуживала этого. Что же касается выступлений английских представителей на Ассамблее, как и вообще английских представителей в органах ООН, то о них недостаточно было бы сказать, что они просто "недружественные"»[1].

Профессионализм дипломатов состоит также в филигранном ситуативном менеджменте во время сложных инцидентов. 18 апреля 1950 г. из-за того, что советская авиация 8 апреля «в районе Либавы» (Лиепаи) сбила самолет ВМФ США, у А.А. Громыко состоялся крайне неприятная встреча с А.-Г. Кэрком, ход которой лапидарно изложен следующим образом: «Принял Кэрка по его просьбе. Кэрк заявил, что по поручению своего правительства он вручает ноту в ответ на ноту советского правительства от 11 апреля с.г. …Просмотрев (сознательно быстро) текст, я заявил, что нота будет изучена. Кэрк затем сказал, что правительство США рассматривает это дело как серьезное. В ответ на это замечание я заявил, что точка зрения советского правительства выражена в его ноте от 11 апреля и что ее содержание соответствует степени серьезности этого дела. Кэрк сказал, что он еще раз хочет сделать ясным, что правительство США рассматривает это дело как серьезное. При этом он сознательно растягивал и подчеркивал слова "как серьезное". Я сказал, что Кэрк ясно выразился на этот счет в первый раз. На этом беседа закончилась. Кэрк во время этой беседы выглядел хмурым и надутым. Беседа между мной и Кэрком велась на английском языке»[2].

---

[1] Прием посла Великобритании Петерсона. 11 марта 1949 г. // АВП РФ. Ф. 022. Оп. 2а. П. 12. Д. 3. Л. 11–12.

[2] Прием посла США Кэрка. 18 апреля 1950 г. // Там же. Оп. 3. П. 17. Д. 5. Л. 66.

СССР, ГДР и германский вопрос

Стабильные отношения с ГДР предоставляли СССР возможность укрепить влияние в Восточной Европе и создать основу для реализации советских интересов и интересов социалистического лагеря в процессе будущего объединения страны. Успех восточногерманской государственной модели был призван сдержать интеграцию ФРГ в западные экономические и военные структуры. Германский вопрос требовал постоянных контактов с западными союзными державами, поэтому германское направление находилось под контролем И.В. Сталина, В.М. Молотова и А.Я. Вышинского.

Противостояние двух равноправных лагерей и двух равноправных ценностных систем при отсутствии доверия между ними означало, с одной стороны, наличие сложностей в поиске возможного компромисса; с другой – требовало ведения взвешенной дипломатической игры, направленной на ослабление потенциальных соперников. Приведу в этой связи цитату из записки от 25 ноября 1950 г., подготовленной для А.А. Громыко руководителем 3-го Европейского отдела МИД СССР М.Г. Грибановым, которая начинается со следующих слов: «На X съезде партии товарищ Сталин, говоря о необходимости использования противоречий между империалистическими державами, указал, что "смысл существования Наркоминдела в том и состоит, чтобы **все эти противоречия учесть, на них_базироваться, лавировать в рамках этих противоречий"** (выделено в документе А.А. Громыко. – *Авт.*)»[1].

В отношении создания ГДР МИД СССР не только реализовывал план руководства страны, но и проявлял в рамках существовавших компетенций инициативу. 30 сентября 1949 г. за подписью А.А. Громыко на имя И.В. Сталина было подготовлено письмо о необходимости проинформировать социалистические страны перед направлением нот «правительства СССР правительствам США, Великобритании и Франции по поводу создания сепаратного правительства для западных зон Германии, а также в связи с предстоящим образованием в Берлине временного правительства Германской Демократической Республики»[2].

1 октября И.В. Сталину была отослана записка о согласии МИДа на назначение восточногерманского правительства со следующим обоснованием: «СЕПГ фактически будет иметь в правительстве устойчивое большинство – 10 голосов из 18»[3].

6 октября 1949 г. на имя И.В. Сталина ушел исправленный МИДом проект заявления В.И. Чуйкова, тогдашнего Главнокомандующего советскими оккупационными войсками и будущего Председателя Советской Контрольной Комиссии в Германии (СКК), об образовании временного правительства ГДР, в котором, в частности, была представлена основная цель советской внеш-

[1] Записка М. Грибанова А.А. Громыко. 25 ноября 1950 г. // Там же. Ф. 082. Оп. 37. П. 211. Д. 75. Л. 6.

[2] СССР и германский вопрос: 1941–1949. Документы из российских архивов. Т. IV: 18 июня 1948 г. – 5 ноября 1949 г. М.: Международные отношения, 2012. С. 563.

[3] Записка А.А. Громыко И.В. Сталину 1 октября 1949 г. // АВП РФ. Ф. 07. Оп. 22а. П. 10. Д. 138. Л. 1.

ней политики в отношении Германии: «Политика советского правительства в германском вопросе, как известно, направлена на восстановление политического и экономического единства Германии, на скорейшее образование общегерманского демократического правительства и на достижение мирного урегулирования для Германии, предусмотренного Потсдамским соглашением... Советское правительство считает, что восстановление единства Германии на демократических началах и заключение мирного договора с Германией являются необходимым условием установления прочного и длительного мира в Европе»[1].

8 октября А.А. Громыко информировал И.В. Сталина об утверждении Народной палатой состава первого правительства ГДР. 10 октября И.В. Сталину был отправлен «проект регламента работы правительства Германской Демократической Республики»[2]. А 13 октября 1949 г. в очередном письме на имя И.В. Сталина было написано: «В связи с образованием временного правительства Германской Демократической Республики МИД считает целесообразным... [у]становить дипломатические отношения между Советским Союзом и Германской Демократической Республикой»[3].

19 октября 1949 г. на Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение, касающееся «реорганизации Советской военной администрации в Германии». Согласно ему требовалось «[о]бязать тт. Громыко, Василевского и Меньшикова (по торговым вопросам) дать свои заключения...»[4].

24 октября 1949 г. именно А.А. Громыко от имени МИДа предложил руководству страны проект процедуры обмена дипломатическими миссиями, включающий протокольный вопрос о приеме 7 ноября в Берлине.

26 октября 1949 г. В.М. Молотову от А.А. Громыко были высланы «проект Положения о СКК в Германии и проект структуры СКК»[5], переработанные комиссией, куда входил первый заместитель министра иностранных дел.

28 октября 1949 г. И.В. Сталину был направлен «исправленный проект письма от Председателя Президиума Верховного Совета СССР тов. Шверника Н.М. Президенту Германской Республики Вильгельму Пику в связи с назначением т. Пушкина Главой Дипломатической Миссии Союза ССР при Временном правительстве Германской Демократической Республики»[6].

Осуществлялась и протокольная работа, которая применительно к только что образовавшейся ГДР приобретала принципиальное значение. 9 ноября глава Дипмиссии ГДР в СССР Р. Аппельт сообщал в Берлин: «Участие нашей миссии в праздничных мероприятиях, посвященных годовщине Октябрьской революции, вызвало в Москве всеобщий интерес... На праздничном заседании 6 ноября в Большом театре у меня была возможность познако-

---

[1] СССР и германский вопрос: 1941–1949... С. 571.

[2] Там же. С. 581–583.

[3] Там же. С. 584.

[4] Там же. С. 590–591.

[5] Записка А.А. Громыко В.М. Молотову. 26 октября 1949 г. // АВП РФ. Ф. 07. Оп. 22а. П. 10. Д. 139. Л. 1–12.

[6] Записка А.А. Громыко И.В. Сталину. 28 октября 1949 г. // Там же. Д. 138. Л. 31–32.

миться с дипломатическими представителями стран народной демократии, а также с дипломатами из Китая, Кореи и Монголии. Приветствия со стороны заместителя министра иностранных дел Громыко и целого ряда руководящих работников Министерства иностранных дел... На параде 7 ноября были представлены обе немецкие делегации в полном составе, а миссия – мною и Вольфом. Сердечные приветствия Громыко, Лаврентьева, Семенова и дипломатов из стран народной демократии... Почетным завершением стал для немецкой миссии прием дипломатического корпуса, проводимый Громыко... Появление руководителя миссии находилось под пристальным вниманием представителей западных властей»[1].

В 1950 г. МИДу требовалось решать и другие задачи: оказывать помощь в проведении избирательной кампании в Народную палату таким образом, чтобы добиться результата, отвечающего интересам СССР; поддержать расширение внешнеполитических контактов ГДР и придать им регулярный характер; содействовать созданию правовых условий интеграции ГДР в формирующееся экономическое пространство социалистического лагеря; выдвинуть мирные инициативы в отношении объединения страны. Лейтмотив был очевиден: обеспечить сохранение социалистических преобразований в рамках будущего единого государства. Демократические начала, упомянутые выше, во многом означали учет сложившихся в Восточной Германии реалий в единой Германии.

Налаживанию неформальных контактов между представителями Западной Германии и ГДР придавалось поэтому особое значение. 4 июня 1950 г. по поручению А.А. Громыко от имени МИДа была подготовлена записка И.В. Сталину с просьбой разрешить встречу членов правительства ГДР с вице-канцлером ФРГ Ф. Блюхером (СвДП). «Из предварительных переговоров, которые вели представители СЕПГ с представителями западногерманских деловых кругов, выяснилось, что вице-канцлер... пытается установить негласный контакт...», – читаем в документе[2]. Речь шла об «экономических связ[ях] между Западной Германией и Восточной Германией... [о] возможной баз[е] для будущего объединения»[3]. По всей видимости, вопрос был решен оперативно, так как на мидовской копии А.А. Громыко записал: «Обсуждено 5 июня». Скорректированный проект постановления ЦК ВКП(б) был отправлен 6 июня[4], о чем свидетельствует помета «Послано т. Поскребышеву на оформление».

Постановление утверждало текст шифротелеграммы в Берлин: «Сообщите Ульбрихту, что со стороны Советской Контрольной Комиссии не имеется возражений против того, чтобы представители правительства Германской Демократической Республики выехали в Западную Германию для встречи

[1] Telegramm von Appelt an Kegel, Moskau, 9. November 1949 // Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (PA AA). MfAA A CL. Bd. 7850. Bl. 7.

[2] Записка А.А. Громыко И.В. Сталину. 4 июня 1950 г. // АВП РФ. Ф. 07. Оп. 23а. П. 12. Д. 155. Л. 4.

[3] Там же.

[4] Проект Постановления ЦК ВКП (б). 6 июня 1950 г. // Там же. Л. 5.

с Блюхером»[1]. Необходимо отметить, что вопрос, на первый взгляд, столь быстро разрешенный, готовился более месяца.

В немецком документе от 24 апреля 1950 г., которым располагало советское руководство, отмечалось, что «Блюхер в частном разговоре со своими однопартийцами самым подробным образом развил свои мысли в отношении политики, которую, по его мнению, следовало бы проводить в Западной Германии. Так, Блюхер полагает, что Западная Германия отдельно от Восточной Германии самое позднее через два-три года не будет иметь возможностей для обеспечения себя продуктами питания. Диспропорции, которые наблюдаются в Западной Германии между ремесленным и промышленным производством, едва ли предоставляют возможность для длительного экономического развития... Американцы в связи с собственным высоким уровнем заработной платы и тяжелым кризисом в Западной Германии не в состоянии оказать помощь»[2]. Ф. Блюхер выражал мнение той части западногерманских промышленников, которую не устраивали американские запреты на торговлю с социалистическим лагерем. Однако Корейская война привела к большему нажиму со стороны американцев на союзников.

В тех условиях МИД СССР настойчиво поддерживал вступление ГДР в СЭВ. 18 июля 1950 г. А.А. Громыко писал И.В. Сталину: «МИД СССР считает своевременным постановку вопроса о приеме Германской Демократической Республики в члены Совета Экономической Взаимопомощи. Что же касается процедуры приема, то следовало бы порекомендовать германскому правительству направить свое обращение о приеме... всем правительствам стран этого Совета»[3]. Возможно, надежда на результативность контактов с Ф. Блюхером заставила советское руководство приостановить рассмотрение данного вопроса, хотя И.В. Сталин еще 4 мая 1950 г. не возражал против присоединения ГДР к СЭВ. Лишь 29 сентября 1950 г., когда согласие ФРГ на участие в американских санкциях стало бесспорным, ГДР была принята в СЭВ. 4 сентября 1950 г. МИД повторил высказанную ранее позицию[4].

И все же выборы в ГДР и связанные с ними инициативы по объединению оставались наиболее важными вопросами. 9 октября 1950 г. верховные комиссары западных держав, стремясь оказать дополнительное давление на СССР в преддверии выборов в Народную палату, направили письма, в которых сообщали, что не признают того, «что выборы в Германской Демократической Республике 15 октября "придают режиму Восточной Германии характер законности или дают ему право представлять германский народ, проживающий в восточной зоне". Боннское правительство верховные комиссары объявляют уполномоченным говорить от имени Германии. Одновременно верховные комиссары в своих письмах указывают, что выборы... "сделают невозможным образование в Восточной Германии парламентского

[1] Проект шифротелеграммы В.И. Чуйкову и В.С. Семенову. 6 июня 1950 г. // Там же. Л. 6.

[2] Aufzeichnung über ein Gespräch mit Blücher, 24. April 1950 // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 137. Д. 345. Л. 2.

[3] Записка А.А. Громыко И.В. Сталину. 18 июля 1950 г. // АВП РФ. Ф. 07. Оп. 23а. П. 12. Д. 157. Л. 1.

[4] Записка А.Я. Вышинского И.В. Сталину. 4 сентября 1950 г. // Там же. Л. 8.

правительства и демократических учреждений, необходимых для объединения Германии"... если такие выборы будут иметь место, то Советский Союз понесет ответственность за нарушение Потсдамского соглашения о единстве Германии»[1]. Руководство ГДР попросило подготовить заявление советского правительства. Политсоветник СКК В.С. Семенов в свою очередь предлагал ограничиться сообщением «немецкого телеграфного агентства АДН о беседе его корреспондента с лицом, близко стоящим к руководству СКК, в котором будет разоблачен этот пропагандистский маневр...». МИД не возражал против публикации подобного сообщения, о чем 11 октября 1950 г. и написал А.А. Громыко И.В. Сталину, но официальный ответ на полученные письма предложил дать после выборов. 12 октября В.С. Семенов получил указания из Москвы.

Не стоит забывать, что готовилось Пражское совещание министров иностранных дел, решение о проведении которого было официально принято 16 октября 1950 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), а само оно прошло 20–21 октября. Без МИДа организация и проведение подобного мероприятия были невозможны. 16 октября А.А. Громыко распорядился отправить в Дипмиссию СССР в Берлин шифротелеграмму: «Срочно посетите [министра иностранных дел] Дертингера и сообщите ему, что советское правительство считает целесообразным созыв совещания... Таким образом, советское правительство пришло к тому же выводу о необходимости указанного совещания, о котором в свое время говорил и Дертингер». По результатам работы совещания появилась инициатива о созыве Общегерманского Учредительного совета.

В отношении тезиса о легитимности ГДР советская дипломатия предлагала «настаивать в Общегерманском Учредительном совете на демократизации Западной Германии как условии, необходимом для проведения действительно свободных выборов», о чем и просил МИД в письме А.А. Громыко на имя И.В. Сталина. Советское руководство согласилось с дипломатами и решило отказаться от оформления вопроса на заседании Политбюро ЦК ВКП(б).

В тех условиях требовались максимальная осторожность и стремление избегать нежелательных инцидентов, поэтому за подписью А.А. Громыко в Берлин ушла другая шифротелеграмма: «Чуйкову. Семенову. Согласны с Вашим предложением сделать представление англичанам, указав на незаконность полетов канадских самолетов по воздушным коридорам над территорией Германской Демократической Республики, что нарушает решение Контрольного совета от 30 ноября 1945 г. Применять предлагаемые Вами меры по принудительной посадке канадских самолетов на советские аэродромы не следует»[2].

---

[1] Записка А.А. Громыко И.В. Сталину. 11 октября 1950 г. // Там же. П. 11. Д. 144.

[2] Шифротелеграмма В.И. Чуйкову и В.С. Семёнову. 18 октября 1950 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 24. П. 3. Д. 17. Л. 53.

Парижское совещание

Важно подчеркнуть, что решение германского вопроса для СССР предусматривало полномасштабное европейское урегулирование, затрагивающее и сокращение вооружений и вооруженных сил. Очередная попытка продвинуться в этом направлении была предпринята на Парижском совещании заместителей министров иностранных дел, на котором возглавлявший советскую делегацию А.А. Громыко столкнулся с единой позицией западных держав, их нежеланием дать согласие на встречу четырех министров иностранных дел. Несмотря на объективные сложности, доминирование делегации СССР ощущалось практически постоянно в ходе совещания, которое прошло с 5 марта по 21 июня 1951 г. Его целью было договориться о повестке дня Совета министров иностранных дел (СМИД)[1]. Советский Союз предложил следующую повестку: «1. О выполнении четырьмя державами Потсдамского соглашения о демилитаризации Германии и недопущении ремилитаризации Германии. 2. Об ускорении заключения мирного договора с Германией и в соответствии с этим о выводе оккупационных войск из Германии. 3. Об улучшении обстановки в Европе и о немедленном приступе к сокращению вооруженных сил четырех держав – СССР, США, Великобритании и Франции». Американцы категорически возражали против третьего вопроса, который должен был, по их мнению, рассматриваться в ООН. Они утверждали, «будто [бы] тревога среди народов еще больше возрастет, если приостановить рост вооружений»[2]. А.А. Громыко обратил внимание посла по особым поручениям Филиппа С. Джессепа на то, что «СССР предлагает обсудить вопрос о сокращении вооруженных сил всех четырех держав», поэтому его утверждения о якобы отказе советской стороны обсуждать и собственные вооруженные силы не соответствует действительности. Британцы не хотели иметь в повестке дня пункт о демилитаризации Германии. Западные союзники настаивали на включении особого пункта, касающегося договора с Австрией. СССР согласился изменить второй пункт на новый: «О восстановлении единства Германии, об ускорении заключения мирного договора с Германией и в соответствии с этим, о выводе оккупационных войск из Германии». 14 марта было сделано новое советское предложение по третьему пункту: «Рассмотрение причин существующего международного напряжения в Европе и мер, необходимых для обеспечения действительного и длительного улучшения в отношениях между Советским Союзом, США, Соединенным Королевством и Францией, включая вопрос о сокращении вооруженных сил четырех держав»[3]. При этом советская сторона отказалась от «немедленного приступа».

Американцы продолжали возражать против сокращения вооружений четырьмя странами, «мотивируя тем, что сокращение вооружений касается

---

[1] Парижское совещание заместителей министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции: справка. 28 ноября 1951 г. // АВП РФ. Ф. 7. Оп. 15а. П. 15. Д. 58. Л. 53.

[2] Там же. Л. 55.

[3] Там же. Л. 56.

всех». 16 марта западные союзные державы вместо второго и третьего пунктов внесли на обсуждение следующую редакцию единого пункта возможной повестки дня: «Рассмотрение причин существующего международного напряжения в Европе и мер, необходимых для обеспечения действительного и длительного улучшения в отношениях между Союзом ССР, США, Соединенным Королевством и Францией, таких как: а) существующий уровень вооружений в отношении его влияния на вопрос о демилитаризации Германии; средства для контроля и сокращения вооружения; б) выполнение существующих договорных обязательств». А.А. Громыко сразу обратил внимание коллег на их отказ от рассмотрения вопросов, связанных с выполнением Потсдамских соглашений. Кроме того, внесенная формулировка, по его мнению, может обсуждаться и с точки зрения увеличения вооружений. Заместители министров иностранных дел западных стран не стали скрывать, что не могут принять советские предложения, потому что им придется приостановить вооружение ФРГ.

19 марта из Москвы главе советской делегации поступила шифротелеграмма, в которой содержалось указание «подвести некоторый итог состоявшемуся обсуждению повестки дня СМИДа: что достигнуто на совещании и о чем еще не достигнуто соглашения. Цель этого – на конкретных примерах подчеркнуть перед мировым общественным мнением усилия СССР в отстаивании интересов укрепления мира, готовность СССР пойти навстречу другим делегациям ради этой основной цели... Вам следует указать на достигнутое соглашение по одному пункту повестки дня, по вопросу: “Проблемы, относящиеся к восстановлению германского единства и подготовке мирного договора”»[1]. Представители западных держав, подчеркивалось в шифротелеграмме, не согласились с советским вариантом, «где прямо говорилось, во-первых, об ускорении заключения мирного договора с Германией и, во-вторых, о выводе оккупационных войск из Германии после заключения мирного договора, хотя и то и другое необходимо с точки зрения укрепления мира в Европе и отвечает законным интересам германского народа. Советская делегация вынуждена была согласиться на гораздо менее ясное предложение трех западных делегаций... При этом советская делегация рассчитывала, что в отношении других пунктов повестки дня три западные делегации проявят большее внимание к пожеланиям СССР, направленным к одной цели – укреплению мира в Европе... Надо затем разъяснить значение советского предложения включить в повестку дня как тот пункт (о причинах напряжения в Европе и т.д.), который три западные державы считают главным в повестке дня, так и тот пункт (о выполнении Потсдамского соглашения о демилитаризации Германии), который советская делегация считает важнейшим».

Во второй половине марта А.А. Громыко на очередном заседании совещания была озвучена новая формулировка: «Рассмотрение причин существующего международного напряжения в Европе и мер, необходимых для обеспечения действительного и длительного улучшения в отношениях...

[1] Шифротелеграмма А.А. Громыко. 19 марта 1951 г. // АВП РФ. Ф. 07. Оп. 24. П. 16. Д. 189. Л. 13.

включая следующие вопросы: о демилитаризации Германии; о сокращении вооруженных сил США, СССР, Великобритании и Франции и в связи с этим обсуждение существующего уровня вооружений и вопроса об установлении международного контроля за осуществлением сокращения вооруженных сил; о других мерах для устранения угрозы войны и боязни агрессии; и вопрос о выполнении существующих договорных обязательств и соглашений четырех держав»[1]. После попытки заместителей министров иностранных дел США, Великобритании и Франции включить в повестку дня пункт об обсуждении мирных договоров с Болгарией, Венгрией и Румынией А.А. Громыко стал настаивать на рассмотрении «Атлантическ[ого] пакт[а] и создани[я] американских военных баз в Англии, Норвегии, Исландии и в других странах Европы и Ближнего Востока».

В то же время А.А. Громыко предложил МИДу СССР «заранее расписать четыре последовательные ступени действий советской делегации в ответ на возможные, но нам еще неизвестные контрпредложения западных делегаций»[2]. Москва ответила отказом, указав на то, что «сказалось у советской делегации некоторое нетерпенье, на что западные делегации имеют расчет».

В начале апреля западные союзники вынесли на обсуждение новые формулировки повестки дня: «I. Рассмотрение причин и следствий существующего международного напряжения в Европе и мер, необходимых для обеспечения действительного и длительного улучшения в отношениях... включая следующие вопросы, относящиеся к существующему уровню вооружений и вооруженных сил и мерам для установления международного контроля и сокращения вооружений и вооруженных сил, включая вооруженные силы СССР, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов и Франции; и демилитаризации Германии; и выполнение существующих договорных обязательств и соглашений; и устранение угрозы войны и боязни агрессии. II. Завершение договора для восстановления независимой и демократической Австрии. III. Проблемы, относящиеся к восстановлению германского единства и подготовке мирного договора». А.А. Громыко обратил внимание на то, что в первом пункте должен быть обсужден уровень вооружений, «а затем уже говорится о международном контроле, причем не указывается, над чем должен быть установлен контроль и для какой цели он должен быть введен»[3].

4 апреля советский представитель, обосновывая очередное компромиссное предложение по повестке дня, настаивал на обсуждении вопроса об американских военных базах и НАТО. Американцы в свою очередь не собирались отказываться от занятой ими ранее позиции: сначала в центре внимания должен находиться уровень вооружений, затем – процесс международного контроля и только на последнем месте стоять сокращение вооружений и вооруженных сил; при это сокращение должно осуществляться не только четырьмя государствами, а пониматься как «сокращение вообще».

---

[1] Парижское совещание... Л. 57–58.

[2] Шифротелеграмма А.А. Громыко № 599 // АВП РФ. Ф. 07. Оп. 24. П. 16. Д. 189. Л. 18.

[3] Парижское совещание... Л. 59.

2 мая американцы, желая взять инициативу в свои руки, выдвинули три возможных варианта повестки дня. «Ни в одном из вариантов вопрос об Атлантическом пакте и американских базах... не упоминался». Советская делегация давала согласие на первый вариант американской повестки дня, если вместо «к существующему уровню вооружений и вооруженных сил и мерам, которые будут совместно предложены СССР, США, Соединенным Королевством и Францией для установления международного контроля сокращения вооружений и вооруженных сил» будет записано «к мерам для сокращения вооружений и вооруженных сил СССР, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов и Франции, к существующему уровню вооружений и вооруженных сил и к установлению соответствующего международного контроля». Что касается Атлантического пакта и военных баз, то советская делегация не возражала против переноса данного вопроса на рассмотрение СМИД в качестве несогласованного.

После того как предложение СССР в очередной раз было отвергнуто, А.А. Громыко выступил за перенос всего комплекса вопросов, связанного с сокращением вооружений и американскими базами, а также с демилитаризацией Германии на СМИД в качестве несогласованных, требующих дополнительного обсуждения. Советская делегация рассчитывала, что обсуждение в кругу министров иностранных дел состоится по существу поднятых вопросов.

31 мая 1951 г. представитель США, стремясь завершить работу Парижского совещания, вручил ноту, в которой содержалось предложение «созвать в Вашингтоне 23 июня совещание министров на основе одного их трех вариантов повестки дня» западных держав. Американцы вместе с Великобританией и Францией, таким образом, поставили советской делегации ультиматум. 4 июня А.А. Громыко в свою очередь передал ответную ноту советского правительства: «Советское Правительство, – записано в ней, – считает, что было бы нецелесообразным прерывать работу совещания заместителей министров иностранных дел в Париже и следовало бы дать ему возможность продолжить свою работу по согласованию повестки дня... и включению в повестку дня вопроса об Атлантическом пакте и военных базах США в качестве несогласованного пункта... откровенное обсуждение вопроса об американских военных базах и Атлантическом пакте, послужившим главной причиной ухудшения отношений между СССР и тремя державами, значительно разрядило бы атмосферу напряженности в Европе...».

20 июня А.А. Громыко вручил заместителям министров очередную ноту СССР, подготовка которой стала необходимой после того, как западные державы в одинаковых нотах отказались обсуждать вопрос о военных базах. «Советское правительство удивлено, – значится в этой ноте, – что представители трех держав боятся дать согласие на обсуждение вопроса об Атлантическом пакте... Как известно, у Советского правительство имеются пакты взаимопомощи... Советское правительство не имеет никаких возражений, чтобы любой их этих пактов подвергся обсуждению на Совете министров иностранных дел, если того пожелают державы. Поэтому советскому правительству непо-

нятно, почему три западные державы отказываются встать на тот же путь и не желают поставить в повестку дня вопрос об Атлантическом пакте и военных базах. Ведь речь идет не о пустом любопытстве, а о том, чтобы разрядить напряженность обстановки и облегчить дело сохранения мира. Советское правительство вновь заявляет, что оно добивается откровенного обсуждения всех причин, порождающих напряженное положение в Европе». 21 июня США, Великобритания и Франция официально заявили, что не будут продолжать переговоры в Париже.

Германский вопрос: поиск альтернатив и последствия

МИД СССР не хотел допустить полного отказа от потсдамского формата – диалога союзных держав, который мог бы привести к росту доверия между партнерами, – как в решении германского вопроса, так и в послевоенном европейском урегулировании. Еще 24 февраля 1951 г. М.М. Грибанов обратился к А.А. Громыко с просьбой разрешить «подготовить основы проекта мирного договора с Германией», создать для этого комиссию и «[о]бязать Комиссию закончить подготовку проекта основ мирного договора с Германией к 1 апреля с.г.», на что и получил согласие первого заместителя министра иностранных дел.

СССР был готов согласиться на объединение Германии в случае обеспечения ее нейтрального статуса, признании послевоенных границ, учете осуществленных социалистических преобразований, а также создания системы или, по крайней мере, начала работы в направлении создания долгосрочной европейской безопасности с внеблоковым центром, сокращением вооружений и вооруженных сил основных игроков, международным контролем и связанным с ним работающим потсдамским форматом, что стало бы условием более успешного развития самого Советского Союза, создало бы предпосылки для перераспределения имеющихся у него ресурсов и позволило бы разгрузить военный бюджет. По непонятным причинам данная комплексность советской позиции, а также связанные с ее признанием очевидные трудности западных держав и их европейских союзников не учитываются в научных дискуссиях о той же знаменитой сталинской ноте 1952 г., опубликованной вместе с проектом мирного договора с Германией и врученной представителям западных союзных держав А.А. Громыко[1].

Соединенные Штаты уже тогда воспринимались в качестве участника и определенного гаранта процесса европейской безопасности. Отказ западных союзников от советских мирных инициатив способствовал сплочению социалистического лагеря, потому что он показал, что Запад не настроен на серьезный диалог. Сталинский постулат о том, «что существование миролюбивого Советского Союза исключает возможность новых войн в Европе, кладет конец кровопролитиям в Европе и делает невозможным закабаление

[1] *Громыко А.А.* Памятное. Кн. 2. Глава IX: Европа – старый и вечно новый дом...

европейских стран мировыми империалистами»[1], приобретал после отказа серьезно обсуждать советские инициативы дополнительное идеологическое обоснование.

Отношения с ГДР означали для Советского Союза борьбу за собственные национальные интересы. Тот факт, что они имели и идеологический оттенок, не должен сужать их ценность и ставить под сомнение легитимность. Следует признать, что большинство сторонников критических точек зрения априори исходит из нелегитимности социализма как такового.

Морализация ценностей западной демократии была фактором того времени и должна осмысляться именно в том историческом контексте. Становилось верным и то, о чем в августе 1945 г. предупреждал французский посол в Москве генерал Ж. Катру: «Германия попытается использовать противоречия между союзниками и... поэтому союзникам надо держаться вместе, понимать свои взаимные интересы и идти на взаимные уступки»[2].

1949–1952 гг. продемонстрировали, что решение германского вопроса потребует много времени и сил, а, следовательно, не может быть осуществлено без преемственности и поддерживающих ее профессионалов. Личность А.А. Громыко и полученный им опыт обеспечили сохранение комплексного подхода в решении германского вопроса и борьбе за создание европейской системы безопасности, послужили гарантом успешности последующих переговоров с ФРГ, заключения Московского и сопутствующих ему договоров. По всей видимости, именно тогда А.А. Громыко получил очередное подтверждение тому, что без определенной «цепкости» не получится отстоять национальные интересы, а инструментарий для «цепкости» у советской дипломатии имелся. Очевидно было и то, что преемственность стратегии ведет к успеху, отказ же от нее или необоснованные эксперименты способствуют появлению трудностей, а подчас и провалу.

Отношения с Германией для представителей военного поколения всегда были особенной темой и имели особую ответственность. Эта ответственность соединялась с убеждением, что «[о]пыт недавно закончившейся Второй мировой войны показывает... какую великую жизненную силу имеет идея мирного сосуществования государств». В этом контексте следует помнить и другие слова А.А. Громыко: «Дипломат без твердых убеждений похож на торговца, которому все равно, что продавать, лишь бы продать».

Австрийский вопрос

Советский Союз выступал за комплексное урегулирование германского и австрийского вопросов и был заинтересован, в случае несговорчивости союзных держав, затянуть переговоры, рассчитывая, по возможности, добиться

[1] Требования времени и ХДС: резолюция пятого съезда Христианско-демократического союза // АВП РФ. Ф. 082. Оп. 37. П. 210. Д. 66. Л. 119.

[2] Прием французского посла Ж. Катру. 24 августа 1945 г. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 2. Д. 32. Л. 47.

необходимых уступок, с помощью которых появились бы значимые прецеденты, к примеру, в отношении бывшей германской собственности.

11 марта 1949 г. А.А. Громыко встретился с британским послом, а 14 марта – с политическим представителем Австрии в СССР. «На первой встрече М.-Д. Петерсон заявил, что Австрия... после Первой мировой войны вышла из войны в таком виде, что имела только голову без туловища. "Задача, – заявил он, – состоит теперь в том, чтобы не проделывать такую же операцию с Австрией и после Второй мировой войны". Я ответил, что, по нашему мнению, советские предложения предусматривают оставления за Австрией не только головы, но и туловища, разумеется, соответствующего по своим размерам голове»[1]. На второй встрече Н. Бишоф попытался подготовить почву для последующего возложения ответственности на Советский Союз за возможные последствия. «В заключении Бишоф указал на то, – читаем в записи беседы с А.А. Громыко, – что без договора Австрии нелегко будет преодолеть экономические трудности...»[2].

2 июня 1949 г. во время очередной встречи в МИДе Н. «Бишоф, как бы мимоходом, коснулся вопроса об австрийском договоре, указав на то, что, к сожалению, этот вопрос все еще не решен», на что А.А. Громыко сразу же парировал: «Я спросил, есть ли что-то новое в позиции австрийского правительства или в позиции США, Англии и Франции по этому вопросу»[3].

14 декабря 1949 г. ответ первого заместителя министра относительно австрийских предложений прозвучал весьма неопределенно: «Новые предложения австрийского правительства, содержащиеся в письме канцлера от 5 декабря с.г., являются шагом вперед по сравнению с прежними предложениями и в настоящее время внимательно изучаются советскими экспертами»[4].

18 января 1950 г. А.А. Громыко принял послов США, Англии и Франции. «Целью их посещения, – значится в тексте беседы, – было желание узнать о сроке окончания переговоров между советским и австрийским представителями в Вене относительно австрийского договора и о результатах этих переговоров... Кэрк, Келли и Шатеньо несколько раз пытались затронуть обсуждение вопроса по существу: на эти попытки мною было отвечено, что поставленный послами вопрос и переданные ими памятные записки будут соответствующим образом рассмотрены... Мною было указано также, что независимо от результатов переговоров в Вене заместители министров в Лондоне могли бы обсудить некоторые статьи австрийского договора и в настоящее время... На неоднократные и повторные вопросы Кэрка, Келли и Шатеньо о сроке окончания переговоров в Вене и их результатах мною было отмечено, что поскольку переговоры не закончены, говорить о результатах рано»[5].

---

[1] Прием посла Великобритании Петерсона. 11 марта 1949 г. // АВП РФ. Ф. 022. Оп. 2а. П. 12. Д. 3. Л. 11.

[2] Прием политического представителя Австрии в СССР Бишофа. 14 марта 1949 г. // Там же. Л. 14.

[3] Прием политического представителя Австрии в СССР Бишофа. 2 июня 1949 г. // Там же. Л. 32.

[4] Прием политического представителя Австрии в СССР Бишофа. 14 декабря 1949 г. // Там же. Д. 5. Л. 129.

[5] Прием американского посла Кэрка, английского посла Келли, французского посла Шатеньо. 18 января 1950 г. // АВП РФ. Ф. 022. Оп. 3. П. 17. Д. 4. Л. 6–7.

На следующий день А.А. Громыко беседовал с Н. Бишофом, который, получив очередной отрицательный ответ, «заявил, что он лично находится в весьма трудном положении и по существу потерял свое лицо перед австрийским правительством. «Раньше я информировал и заверял австрийское правительство, – продолжил Бишоф, – о том, что Советский Союз заинтересован в заключении австрийского договора, сейчас же я не могу объяснить позицию советского правительства»». Конечно, подобное замечание не могло остаться без ответа: «Я заметил, – записал референт слова А.А. Громыко, – что сомнения Бишофа не имеют под собой почвы...». Н. Бишоф настаивал на получении информации, выбрав иную тактику: он «спросил, как он должен объяснить своему правительству позицию советского правительства, которое в течение шести недель не отвечает на конкретные предложения австрийского правительства, и как австрийское правительство должно объяснить эту задержку ответа со стороны советского правительства австрийскому народу...». А.А. Громыко следующим образом вышел из этой ситуации: «Я ответил, что вопрос о том, какие объяснения Бишоф будет давать своему правительству, – это дело самого Бишофа»[1].

Еще один крайне интересный образец переговорного стиля А.А. Громыко в тот период можно увидеть в беседе с Н. Бишофом 18 марта 1950 г.: «Бишоф спросил, каково положение с... переговорами... в Вене, и что может сделать австрийское правительство для их ускорения. Я ответил, что мы уже давали ответ на подобные вопросы неоднократно и чего-либо нового по этому вопросу нет... Бишоф развел руками и заявил, что информация, которую он получил из Вены, не согласуется с тем, что я ему только что заявил... Я сказал, что мы не можем нести никакой ответственности за то, что Бишофу поступает неправильная информация по этому вопросу... Бишоф спросил, какова будет позиция СССР [по конкретным статьям]?.. Я ответил, что этот вопрос имеет гипотетический характер и что обсуждать его в настоящее время преждевременно... Бишоф заявил, что полученные им в ходе настоящей беседы ответы являются ясными, хотя, может быть, было бы неплохо иметь эти ответы и в письменном виде, имея в виду, что свои вопросы он тоже сформулировал в письменном виде. Бишоф держал перед собой бумагу, на которой были сформулированы поднятые им в беседе вопросы. Он тут же передал текст этих заранее подготовленных вопросов, которые в ходе беседы им были воспроизведены в устной форме. Я сказал, что я тоже считаю, что ответы были ясными и что ввиду этого в ответах в письменной форме нет нужды»[2].

Мастерство аргументации, обоснованное следование утвержденной линии, открытость к обсуждению сложных и нелицеприятных вопросов заслуживают самой высокой оценки. За рутинностью важно увидеть готовность к выработке взаимовыгодных решений. Не случайны вопросы А.А. Громыко

---

[1] Прием политического представителя Австрии в СССР Бишофа 19 января 1950 г. // Там же. Л. 19–21.

[2] Прием политического представителя Австрии в СССР Бишофа. 18 марта 1950 г. // Там же. Д. 5. Л. 23–26.

о новизне, указания на переговорные площадки и на ответственность сторон. Любая встреча – это всегда, пусть подчас и мизерный, шанс начать конструктивный диалог, подумать о будущем подходе. Сталинское время не стало исключением в обычной дипломатической практике. Знаменитое и утрированное в различных историях «нет» А.А. Громыко в действительности означает «нет» односторонности, «да» – новому и конструктивному. Партнерам приходилось слышать это «нет» и привыкать к нему до назначения А.А. Громыко на пост министра иностранных дел СССР.

О «третьей корзине»

После окончания Второй мировой войны страны Запада понимали, что проблематику защиты прав человека можно использовать против Советского Союза. Поэтому их представители активно и регулярно поднимали репатриационный вопрос, хотя к 1949 г. речь могла идти о проверке отдельных случаев. А.А. Громыко акцентировал внимание партнеров на политическом характере проблемы для СССР: репатриация касалась и сбежавших с нацистами на Запад военных преступников, являвшихся гражданами Советского Союза.

15 июля 1949 г. французский посол И. «Шатеньо... сославшись на обращение Шумана к т. Вышинскому во время сессии ООН в Париже и последней сессии Совета министров иностранных дел по вопросу о репатриации из СССР французских граждан, сказал, что ему снова поручено обратиться по этому вопросу... речь идет о 74 французских гражданах выходцах из Эльзаса и Мозеля, относительно которых французские власти располагают точными сведениями. Шатеньо заметил, что он говорит о цифре 74 человека, так как она упоминалась в письме Шумана, и не ставит сейчас вопроса о цифре в 89 человек, которую он упоминал в беседе с т. Виноградовым 9 июля». Контраргументом советской стороны служили трудности, чинимые французскими властями. «Я заметил на это, – записано в тексте беседы А.А. Громыко, – что мы всегда считали необходимым свободный допуск для советских представителей к советским гражданам, подлежащим репатриации, для того чтобы эти граждане могли свободно выразить свою волю... Я сказал, что действительно в лагерях для советских граждан на территориях, управляемых французскими властями, проводится враждебная Советскому Союзу пропаганда и проводятся мероприятия, препятствующие репатриации советских граждан»[1].

13 октября 1949 г. посол Ф.-К. Виссер заявил А.А. Громыко о выполнении Нидерландами обязательств перед СССР: «Он сказал, что советские граждане могут свободно выехать из Голландии без виз, в то время как для выезда голландских граждан из СССР требуется специальное разрешение советских властей. Он добавил, что задержка репатриации голландских граждан

[1] Прием французского посла в Москве Шатеньо.15 июля 1949 г. // АВП РФ. Ф. 022. Оп. 2а. П. 12. Д. 4. Л. 19–21.

из СССР вызывает беспокойство в Голландии и может породить чувство недоброжелательства к Советскому Союзу, что сказалось бы очень отрицательно на торговых отношениях между СССР и Голландией... Я сказал, что Советский Союз, – передает слова А.А. Громыко официальная запись беседы, – выполнил соглашение о репатриации голландских граждан. Репатриация голландских граждан из СССР практически закончена. Речь может идти только о единичных голландских гражданах. Этого нельзя сказать относительно репатриации советских граждан из Голландии, где находится большое количество советских граждан и не принимаются меры к их репатриации... Для того, чтобы вопрос о репатриации был разрешен, голландские власти должны принять практические меры к репатриации советских граждан...»[1].

12 декабря 1949 г. американский посол «передал объемистую памятную записку по вопросу дел американских граждан, находящихся в Советском Союзе...»[2]. 28 февраля 1950 г. А.А. Громыко вручил американской стороне «ответ МИД СССР на письмо Кэрка от 4 октября 1949 г. и на памятную записку американского посольства от 12 декабря 1949 г.»[3].

3 ноября 1950 г. А.А. Громыко вновь «[о]твечая на поставленный Шатеньо вопрос о репатриации французских граждан из СССР, … заявил, что... этот вопрос может быть быстро решен при условии, что французские власти также примут соответствующие меры для ускорения репатриации находящихся во Франции и во французской зоне оккупации Германии перемещенных лиц из советских граждан...»[4].

Тексты бесед, посвященные репатриации, убеждают в согласованности действий стран Запада. Права человека превращались в средство давления на СССР, формирования у населения западных стран посредством информационных кампаний в СМИ негативного образа Советского Союза. Отказ от взаимности и комплексности, нежелание детально обсуждать проблематику военных преступников, граждан СССР, скрывающихся на Западе, учитывать интересы Советского Союза и идти на уступки, угрозы нанести вред торговым отношениям подрывали доверие. Призывы А.А. Громыко решать вопрос политически тогда не были услышаны.

Формирование социалистического лагеря

В 1949–1952 гг. продолжилось формирование социалистического лагеря. От МИД СССР требовалось оказывать помощь в развитии дипломатических служб, не допускать возможные конфликтные ситуации, вносить предложения по спорным и текущим вопросам, т.е. проводить работу над укреплением союзнических отношений.

---

[1] Прием голландского посла Виссера. 13 октября 1949 г. // Там же. Д. 5. Л. 4–6.

[2] Прием американского посла Кэрка. 12 декабря 1949 г. // Там же. Л. 70.

[3] Прием временного поверенного в делах посольства США Барбура. 28 февраля 1950 г. // Там же. Оп. 3. П. 17. Д. 4. Л. 96.

[4] Прием послов Франции, Великобритании и США. 3 ноября 1950 г. // Там же. Д. 6. Л. 92.

Проблемы могли возникнуть даже на протокольных встречах. 6 октября 1949 г. венгерский посол А. Собек забыл вручить во время первого визита копии верительных грамот. При этом А. Собек проинформировал А.А. Громыко о том, «он выдвинут на пост посла Венгрии в Москве по инициативе Ракоши, который был доволен его прежней работой и теперь поставил перед ним задачу всесторонне изучить опыт социалистического строительства в СССР и постараться ускорить передачу Венгрии опыта и достижений СССР... [и] просил принять во внимание, что он ... является... неопытным рабочим выдвиженцем»[1].

С участием МИД СССР согласовывались готовящиеся к выдвижению инициативы в международных организациях. 16 июля 1949 г. чехословацкий посол Б. Лаштовичка, «[с]сылаясь на беседу с [А.А. Громыко] от 11 июля... просил ускорить ответ, не имеется ли возражений со стороны советского правительства против внесения чехословацкой делегацией на обсуждение очередной сессии Ассамблеи вопроса о безработице»[2].

МИД СССР приходилось объяснять причины задержки с выполнением просьб союзников. 25 мая 1949 г. румынский посол «Георге Владеску-Ракоаса просил ускорить решение вопроса о допущении для обучения в СССР 569 румынских студентов и 264 аспирантов»[3]. 18 июня 1949 г. А.А. Громыко аргументировал задержку «тем, что с аналогичными просьбами, кроме Румынии, обратились и другие дружественные нам страны. Решать этот вопрос приходиться как целое»[4].

МИД СССР играл роль посредника в налаживании военного сотрудничества. 20 июня 1949 г. послу Венгрии Э. Мольнару именно А.А. Громыко сообщил, «что советское правительство приняло решение взять на себя 50% фактических расходов по содержанию и обучению военнослужащих венгерской армии в военных учебных заведениях СССР»[5]. 16 июля 1949 г. Б. Лаштовичка попросил через А.А. Громыко об организации повторной встречи чехословацкой военной делегации с советскими военными «для выяснения вопросов, связанных с постановкой научно-исследовательских работ в Советском Союзе»[6].

МИД СССР участвовал в подготовке переговоров по нерешенным вопросам. 21 июня 1949 г. на беседе А.А. Громыко с послом Чехословакии Б. Лаштовичка передал чехословацкие «предложения по вопросу об участии СССР в государственном долге Чехословакии в связи с воссоединением Закарпатской Украины с Советским Союзом»[7].

---

[1] Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг.: В 2 т. Документы / Т. 2. 1949–1953 гг. / Отв. ред. Т.В. Волокитина. М.: РОССПЭН, 2002. С. 181.

[2] Прием чехословацкого посла в Москве Лаштовички. 16 июля 1949 г. // АВП РФ. Ф. 022. Оп. 2а. П. 12. Д. 4. Л. 32.

[3] Прием румынского посла Владеску-Ракоаса. 25 мая 1949 г. // Там же. Д. 3. Л. 26–27.

[4] Прием румынского посла Владеску-Ракоаса. 18 июня 1949 г. // Там же. Л. 34.

[5] Запись беседы с послом Венгерской Республики в Москве Э. Мольнаром. 20 июня 1949 г. // Там же. Д. 4. Л. 1.

[6] Прием чехословацкого посла в Москве Лаштовички. 16 июля 1949 г.

[7] Запись беседы с послом Чехословацкой Республики в Москве Лаштовичкой. 21 июня 1949 г. // АВП РФ. Ф. 022. Оп. 2а. П. 12. Д. 3. Л. 38.

Через МИД СССР и А.А. Громыко направлялись многочисленные просьбы социалистических стран о налаживании торгово-экономических отношений с новым правительством Китая.

С учетом вышеизложенного необходимо помнить, что союзники были не только поясом безопасности СССР. Более важным являлось то, что строилась новая общественно-политическая модель, которая, как доказывает в настоящее время КНР, способна развиваться и демонстрировать прогресс. Дискуссию о демократическом выборе в странах социализма не следует вести конъюнктурно, вне исторического контекста. Вспомним, как в 1951 г. о возможности соединения капитализма и социализма размышлял руководитель Отдела по внешним вопросам Евангелической церкви Германии пастор М. Нимёллер, посетивший в начале 1952 г. Советский Союз: «Существование капитализма и социализма я рассматриваю, как факт, с которым необходимо примириться тем или иным способом. Я не за капитализм и не за социализм. Тем не менее я считаю, что здесь, в Западной Германии, и вообще в Западной Европе мы могли бы выдержать известную долю социализма. В известной мере мы все находимся в одной комнате, и нужно устроить так, чтобы не лишать друг друга воздуха...»[1]. И социалистическая, и капиталистическая доктрины имели одинаковые шансы на успех.

Азиатские вопросы

Отношения с Китаем[2], разрешение ситуации на Корейском полуострове составляли в то время группу первоочередных азиатских вопросов. О событиях Корейской войны известно много. Официальная позиция СССР была представлена в ноте, врученной 29 июня 1950 г. А.А. Громыко американскому послу А. Кэрку. В тот же день прошла беседа заведующего Вторым Европейским отделом В.Н. Павлова с британским постом Д.-В. Келли, после которой тот повторно был приглашен 6 июля А.А. Громыко в МИД с целью выяснить перспективы мирного решения: «Я хотел бы знать, – спросил А.А. Громыко, – остается ли в силе сделанное послом предложение относительно мирного урегулирования корейского вопроса после всего того, что произошло и было предпринято со стороны Америки. Келли ответил, что его предложение полностью остается в силе... В ответ на это Келли сказал, что ему было поручено сделать лишь общее заявление и что у него нет конкретных предложений. При этом Келли высказал предположение о том, что можно было бы восстановить в Корее статус-кво, имея целью прекращение гражданской войны...»[3].

---

[1] Запись беседы с президентом Евангелической церкви Гессена и Нассау, руководителем Отдела по внешним вопросам Евангелической церкви в Германии, пастором д-ром М. Нимёллером (19 сентября 1951 г.) // РГАСПИ. Ф.17. Оп. 137. Д. 643. Л. 158.

[2] А.А. Громыко отвечал от МИД СССР за переговоры по авиационному соглашению между СССР и КНР.

[3] Прием посла Великобритании Келли. 6 июля 1950 г. // АВП РФ. Ф. 022. Оп. 3. П. 17. Д. 6. Л. 24.

11 июля 1950 г. контакты с британской стороной были продолжены. Во время беседы с А.А. Громыко Д.-В. Келли «заявил... что, по мнению английского правительства, было бы преждевременным выдвигать в настоящее время **определенные** (здесь и далее выделено в документе. – *А.С.*) предложения ввиду тех решений, которые были приняты при его участии Советом Безопасности... Однако ему, Келли, поручено сообщить, что английское правительство могло бы в качестве **предварительных** предложений выдвинуть следующее: 1) прекращение военных действий в Корее, 2) отвод северокорейских войск на 38 параллель... В связи с предложением Келли о прекращении военных действий и об отводе северокорейских войск на 38 параллель я спросил его, – записано в документе, – как понять его заявление о том, что, с одной стороны, английское правительство считает преждевременным делать **определенные** предложения, с другой стороны, оно выдвигает упомянутые выше предложения. В ответ на мой вопрос Келли заявил, что в настоящее время английское правительство считает выдвижение определенных предложений «забеганием вперед» и что предложение о прекращении военных действий и об отводе северокорейских войск на 38 параллель следует считать лишь в качестве **предварительных**, имея в виду, что обсуждение и этих предложений могло бы расчистить путь для мирного урегулирования корейского вопроса «без ущерба для решения других возможных вопросов, связанных с Кореей»»[1].

17 июля А.А. Громыко и Д.-В. Келли встретились еще раз. А.А. Громыко сделал заявление, которое впоследствии было обнародовано ТАСС: «Я уполномочен заявить Вам, – сказал А.А. Громыко, – что советское правительство считает наилучшим способом мирного урегулирования корейского вопроса созыв Совета Безопасности с непременным участием представителей народного правительства Китая с тем, чтобы при решении корейского вопроса были заслушаны представители корейского народа. Что касается предварительного предложения английского правительства, советское правительство считает, что, во избежание забегания вперед, следовало бы его, так же, как и другие предложения, передать на рассмотрение Совета Безопасности»[2]. После распространения ТАСС текста советского заявления К. Эттли пришлось специально выступать в Палате общин, объясняя смысл контактов А.А. Громыко и Д. Келли.

10 октября 1950 г., когда перспективы мирного урегулирования были довольно туманны, А.А. Громыко провел встречу с послом КНДР Дю Ен Ха, содержание которой передано таким образом: «Посол сообщил, что по поручению своего правительства он просит правительство СССР всех обучающихся в Советском Союзе корейских студентов и аспирантов, а также корейских специалистов, проходящих производственно-техническую практику на предприятиях СССР, передать в советскую военную летнюю школу. Причем, студентов, обучающихся в институте связи, а также всех корейских студенток правительство КНДР просит передать в специальную корейскую радиошколу...»[3].

---

[1] Прием посла Великобритании Келли. 11 июля 1950 г. // Там же. Л. 26–27.
[2] Прием посла Великобритании Келли. 17 июля 1950 г. // Там же. Л. 45.
[3] Прием посла КНДР Дю Ен Ха. 10 октября 1950 г. // Там же. Л. 76.

Одна из последних бесед на посту первого заместителя министра иностранных дел СССР до отъезда А.А. Громыко в Великобританию состоялась 14 апреля 1952 г. с депутатом Палаты советников японского парламента Кора Томи, прибывшей на Экономическое совещание в Москву «как частное лицо». Необычность беседы состояла в том, что сначала очень долго говорила К. Томи, потом А.А. Громыко ответил на ее вопросы, а только затем перешел к тем вопросам, которые волновали МИД СССР.

«Я поставил далее перед Кора, – читаем в документе, – следующие вопросы: 1) Как японские руководящие круги конкретно представляют себе пути разрешения тех конкретных вопросов, о которых говорила Кора, и, в частности, вопроса об урегулировании японо-советских отношений? 2) Как мыслится урегулирование отношений с Китайской Народной Республикой, поскольку правительство Иосида ведет переговоры с Чан Кай-ши о заключении какого-то соглашения? 3) Каковы настроения в Японии, в том числе широких демократических кругов, в связи с заключением сепаратного мирного договора и продолжения американской оккупации, учитывая, что оккупация не имеет ничего общего с национальными интересами японского народа и Японии, как государства?

На эти вопросы Кора ответила следующим образом: 1. По вопросу об урегулировании отношений между Японией и Советским Союзом, а также с Китайской Народной Республикой в Японии считают, что, поскольку Япония потерпела полное поражение и "склонила голову перед победителями", она не имеет права брать на себя инициативу в этом вопросе... Практически вопрос об урегулировании отношений между СССР и Японией мог бы быть решен... путем выступления с декларацией о прекращении состояния войны с Японией... Объявление о прекращении состояния войны... помогло бы Японии освободиться от американской зависимости.

2. Что касается Китая, то Иосида не хотел договариваться с Чан Кайши. Он заявил Даллесу, чтобы тот, если правительство США настаивает на договоренности с Чан Кайши, сам составил текст письма, что и было сделано. Иосида подписал это письмо... Практически, заявила Кора, японцы не придают значения вопросу о Тайване...

На мой третий вопрос Кора ответила, что больше половины японцев понимает, что независимость, предоставленная Японии по сепаратному договору, является нереальной. Что при помощи этого договора и административного соглашения американцы фактически подчиняют себе японскую экономику. Они, например, исходят из того, что на свои вложения в Японии они должны получать не менее 30 процентов прибыли. Внешняя торговля Японии проводится всего лишь на 40 процентов ее фактической возможности и с большими трудностями. Например, японцы вывезли в Пакистан и Индию товаров на 100 млн фунтов стерлингов. Однако англичане не разрешают обмен фунтов на другие валюты и вынуждают японцев производить закупки в странах стерлингового блока, втягивая фактически Японию в свою сферу...»[1].

[1] Беседа с Кора Томи, членом Палаты советников японского парламента. 14 апреля 1952 г. // Там же. Оп. 5. П. 73. Д. 1. Л. 70–72.

* * *

1943–1952 гг., «дипломатические университеты», предоставили возможность А.А. Громыко получить опыт одновременного решения масштабных задач, сформировать навыки управления одним из самых сложных и ответственных госучреждений, продемонстрировать готовность постоянно находиться на переднем фронте борьбы за интересы страны, за возможность осуществления социалистического эксперимента и его будущие успехи. Не стоит отделять идеологию, являвшуюся в то время составной частью национальных интересов, от дипломатической деятельности. Такова была действительность. Для западных коллег их идеологическая школа играла неменьшую роль. Впрочем, вера в коммунизм и его идеалы, как было видно выше, не означала отказа от рациональных действий и продуманных шагов.

Решение конфликтов дипломатическими методами предусматривает терпение, преемственность и силу. Впоследствии опыт А.А. Громыко заметно укреплял позицию СССР, поскольку никто из его партнеров не обладал схожими по глубине знаниями предмета и таким переговорным искусством. Благодаря «дипломатическим университетам» были заложены основы будущей дипломатической школы А.А. Громыко, которая существует и развивается до сих пор.

Что касается инструментария, то следует обратить внимание на особую важность предсказуемости для партнеров выбранной линии, на готовность бороться за успех по всем направлениям и в каждой ситуации. Внешняя политика СССР в 1943–1952 гг. была предсказуема, благодаря чему имелась возможность найти компромисс по многим сложным вопросам.

Андрей Андреевич Громыко – счастливый человек не только потому, что он был участником и свидетелем многих судьбоносных событий и прочно занял свое место в исторических книгах. Он – счастливый человек, потому что имел убеждения, был патриотом страны, умел добиваться с помощью кропотливой работы намеченного. За судьбоносными событиями всегда стоит изматывающий рутинный труд.

А.А. Громыко удалось за рутинностью, «как бы вовсе и не чувств[уя] усталости», не потерять главного – стремления вырабатывать и утверждать фундаментальные принципы мирного сосуществования государств и их взаимовыгодного взаимодействия. Оказалось, что эти принципы, построенные на рационализме, не теряют актуальности и сегодня. Они важны для серьезных политических деятелей.

Сегодня как никогда не обойтись без единства стран-лидеров, «их стремлени[я] сохранить мир в будущем», профессионализма политического класса – всего того, за что выступал, за что боролся и что доказывал своим трудом Андрей Андреевич Громыко, роль которого во внешней политике СССР предстоит еще много и серьезно изучать.

Снапковский В.Е.

А.А. Громыко и внешнеполитическая деятельность союзных республик*

Проблема внешнеполитической деятельности союзных республик или, если назвать ее более скромно, проблема их участия в реализации внешней политики СССР не была ни приоритетной, ни даже сколько-нибудь значимой в дипломатической работе А.А. Громыко. Эта тема почти не упоминается в его двухтомных мемуарах, за исключением одного предложения о том, что в Думбартон-Оксе был положительно решен вопрос о включении Украинской ССР и Белорусской ССР в число первоначальных членов создаваемой тогда ООН. Еще раз А.А. Громыко затрагивает этот вопрос в связи с сюжетом о координации дипломатической деятельности трех советских делегаций (СССР, УССР, БССР), начало которой было положено на конференции Объединенных Наций в Сан-Франциско. Больше упоминаний о внешнеполитической активности союзных республик в воспоминаниях политика и дипломата, охватывающих более чем сорокалетний период его государственной и дипломатической службы, найти не удалось.

Не отражена эта проблема и в сборниках речей и статей Громыко. Хотя в его богатой событиями политической жизни нередко бывали эпизоды, когда этот, пусть очень скромный на первый взгляд, аспект советской, общесоюзной внешней политики требовал того, чтобы ему уделили внимание. А.А. Громыко родился в Белоруссии в деревне Старые Громыки Ветковского района Гомельской области. Несмотря на то, что большую часть своей жизни он провел вне Белоруссии, на всю жизнь Андрей Андреевич сохранил любовь к этой земле и связь с земляками, свидетельством чему являлось его ярко выраженное белорусское произношение.

В речах перед белорусскими избирателями в Минске, которые неоднократно выдвигали его кандидатуру в депутаты Верховного Совета СССР, А.А. Громыко, конечно, говорил об успехах коммунистического строительства в Белорусской ССР. Однако вопрос о том, как белорусский МИД

Снапковский Владимир Евдокимович – доктор исторических наук, профессор Белорусского государственного университета..

* Впервые опубликовано в: А.А. Громыко – дипломат, политик, ученый. Материалы Научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А.А. Громыко. С. 143–156.

и в целом республика трудятся над реализацией целей и задач советской внешней политики, весьма уместный для БССР, являвшейся членом – основателем ООН, оставался за рамками его выступлений, по крайней мере официальных и опубликованных.

Проблема роли и места союзных республик в советской дипломатии также была скупо отражена в фундаментальных изданиях советских ученых «История внешней политики СССР», «История дипломатии» и др., вышедших под редакцией Громыко. В этих работах советская внешняя политика и дипломатия представлены как международно-политическая активность унитарного и моноэтничного государства, которое будто бы не состояло из более чем ста этносов, объединенных в союзные и автономные республики, края и области. Игнорирование «республиканского фактора» в советской внешней политике обедняло эти труды. Хочется надеяться, что современные российские исследователи при подготовке качественно новых обобщающих работ по истории внешней политики и дипломатии СССР исправят этот недостаток.

Что касается ученых бывших советских республик, а ныне новых независимых государств, то они, в том числе и автор этих строк, в советские времена изучали эту непростую проблему с исторической и международно-правовой точек зрения, пытаясь ответить на вопросы о суверенитете республик, их реальных возможностях проведения активной внешней политики, установления дипломатических отношений с иностранными государствами.

Данная публикация – это один из результатов наших исследований внешнеполитической деятельности БССР, в целом советских союзных республик, которыми автор занимается с начала 80-х годов[1].

Так чем же можно объяснить такое «невнимание» (сознательное или неосознанное) Громыко к внешнеполитической деятельности республик? Ведь он на протяжении почти 30 лет руководил внешнеполитическим ведомством федеративного государства, созданного республиками. В Конституцию СССР и конституции союзных республик в 1944 году были внесены поправки, наделявшие республики внешнеполитическими полномочиями. Как нам представляется, ответ на этот вопрос кроется в истоках и сущности Советского Союза, который формально являлся добровольной федерацией суверенных республик, а фактически – унитарным, жестко централизованным государством имперского типа.

Наверняка А.А. Громыко понимал всю важность и значимость этого вопроса, его политическую неразрешимость в условиях застывших форм национально-государственного устройства СССР. Распад СССР – следствие нерешенных проблем суверенитета республик, ненормальных отношений между центром и республиками, в том числе в сфере международных отношений.

Несмотря на кажущееся «невнимание» Громыко к республиканской дипломатии на посту заместителя, а затем министра иностранных дел СССР,

[1] Настоящая статья подготовлена на основе двух авторских монографий: *Снапковский В.Е.* Путь Беларуси в ООН: 1944–1945 гг. Минск, 1994; *Снапкоўскі У.Е.* Знешнепалітычная дзейнасць Беларусі: 1944–1953 гг. Минск, 1997.

именно с его именем связано выдвижение в 1944 году на международной арене советского требования о включении всех 16-ти советских республик в число государств – учредителей новой международной организации, будущей ООН.

В феврале 1944 года в СССР были приняты конституционные изменения, в соответствии с которыми союзные республики получили право вступать в непосредственные отношения с иностранными государствами, заключать с ними соглашения и обмениваться дипломатическими и консульскими представительствами. Цель этой конституционной реформы – создание юридической базы для включения союзных республик в проектируемую международную организацию на правах первоначальных членов. С помощью «множественного членства» советское руководство надеялось укрепить международные позиции СССР. Несмотря на то, что тогдашний посол США в СССР Гарриман разгадал истинный смысл намерений И.В. Сталина и его окружения[1], для союзников неожиданным оказалось советское предложение в Думбартон-Оксе о включении союзных республик в первоначальные члены международной организации.

На состоявшемся 28 августа 1944 г. заседании глав делегации трех государств руководитель советской делегации, посол СССР в США А.А. Громыко заявил, что в «числе первоначальных участников Организации должны быть все союзные советские социалистические республики. Стеттиниус и Кадоган заявили, что они не готовы выразить свое мнение по данному вопросу на этом заседании. Кадоган лишь заметил, что в связи с затронутым мною вопросом может возникнуть проблема "международной легализации этих республик"»[2].

Секретарь-переводчик советской делегации В.М. Бережков в своих воспоминаниях о заседании 28 августа писал, что Громыко при обсуждении вопроса о членах – инициаторах Организации заметил, что, «само собой разумеется, все 16 советских республик должны быть включены в состав членов – инициаторов Организации»[3]. Западные делегации оказались не готовыми к обсуждению этого вопроса и Э. Стеттиниус (руководитель делегации США), предложив провести в скором времени пленарное заседание конференции, закрыл заседание Руководящего комитета[4].

Предложение Громыко о включении советских союзных республик в число первоначальных членов ООН получило в документах государственного департамента США, а затем и в западной литературе название «вопрос Х»

---

[1] См.: *Harriman A.* E. Abel. Special Envoy to Churchill and Stalin 1941–1946. N.Y., 1975. P. 303; Foreign Relations of the United States (далее: FRUS): Diplomatic Papers. 1944. Vol. 4. Europe, Wash., 1956. P. 821–822.

[2] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сб. документов. Т. 3.; Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 авг. – 28 сенг. 1944 г.) (далее: Конференция в Думбартон-Оксе). М., 1978. С. 136.

[3] *Бережков В.М.* Страницы дипломатической истории. М., 1987. С. 401.

[4] Там же.

(«дело икс», «проблема икс»), или проблема «множественного членства» СССР в ООН[1]. Сведения и комментарии о постановке этого вопроса советской делегацией 28 августа 1944 г. содержатся в воспоминаниях и дневниках Стеттиниуса и Кадогана, но об этом не упоминается в мемуарах Громыко[2]. Так, Стеттиниус в дополнение к своим протокольным записям заседания от 28 августа отметил в связи с поставленным Громыко вопросом, что «своим поведением сэр Александр Кадоган и я выразили свое удивление и предположение ожидания больших трудностей от этого предложения». Он также записал в дневнике, что заявлением Громыко «наши советские друзья взорвали бомбу в форме выдвижения знаменитого вопроса X»[3].

После закрытия заседания от 28 августа Стеттиниус немедленно проинформировал президента Ф. Рузвельта и госсекретаря К. Хэлла о советском предложении. Оба энергично выступили против его принятия. Рузвельт приказал Стеттиниусу передать Громыко, что США никогда не примут это предложение. Президент попросил его объяснить советскому послу, что это чрезвычайно сложные вопросы, которые могут привести к самым неожиданным трудностям и тем самым «разрушить шансы на создание международной организации, одобренной сенатом США и общественностью его страны». Ф. Рузвельт также сказал, что в случае принятия в ООН 16 союзных республик для США было бы вполне логично попросить о приеме в нее 48 американских штатов[4].

Реакция Хэлла была такой же недружественной, как и реакция президента. Стеттиниус в книге «Рузвельт и русские» писал, что, когда он сказал Хэллу о «невозможной просьбе русских», тот ответил: «Не собираются ли эти русские разрушить нашу надежду на мировую организацию»[5]. Сам Хэлл в своих мемуарах так комментировал этот эпизод: «Когда Стеттиниус сообщил мне это, я сказал, что поражен тем, что такое предложение сделано. Я добавил, что подобный вопрос никогда не появлялся ни у одного из нас в американской группе, – тех, кто работал над послевоенным планированием. Я заключил при этом, что буду против всеми силами»[6].

29 августа в ходе отдельной беседы между Громыко и Стеттиниусом последний сам затронул проблему членства союзных советских республик и сообщил, что беседовал по этому вопросу с президентом. По мнению Рузвельта, этот вопрос можно было поставить после того, как Организация будет создана и конгресс США утвердит предложение правительства об участии в Организации. Громыко сказал, что советская делегация считает само собой разумеющимся, что в числе инициаторов создания Организации должны быть

---

[1] См.: *Боратынский С.* Дипломатия периода Второй мировой войны. Международные конференции 1941–1945 гг. М., 1959. С. 271–273.

[2] The Diaries of Edvard R. Stettinius Jr. 1943–1946. N.Y., 1975. P. 111–114; The Diaries of Alexander Cadogan. 1938–1945. L., 1971. P. 658–659.

[3] FRUS. 1944. Vol. I. Wash., 1966. P. 975, 743.

[4] Ibid. P. 744, 752.

[5] *Stettinius E.R.* Roosevelt and the Russians: The Yalta Conference. N.Y., 1949. P. 17.

[6] *Hull C.* The Memoirs of Cordell Hull. Vol. 2. N.Y., 1948. P. 1679; FRUS. 1944. Vol. 1. P. 752.

все советские республики, но что на настоящей стадии он ограничивается лишь данным заявлением[1].

Очередное заседание глав делегаций 29 августа началось с выступления Стеттиниуса, который предложил снять вопрос о членстве советских республик с повестки дня. Логика его рассуждений была такова: это очень трудный вопрос, способный вызвать далеко идущие разногласия, которые, если станут известны мировому общественному мнению, могут привести к нежелательным политико-пропагандистским потерям, в частности, к подрыву сложившегося мнения о единстве великих держав и получению фашистскими государствами основания для продолжения дальнейшей борьбы[2].

После этого Стеттиниус спросил Громыко, не согласится ли он не включать в протокол свое вчерашнее заявление о советских республиках ввиду того, что этот вопрос не будет рассматриваться на настоящем совещании в деталях. Громыко дал отрицательный ответ, сказав, что копии протоколов широко не распространяются. Американские представители тогда дали понять, что они беспокоятся по поводу возможного проникновения в прессу информации об этом заявлении. Громыко ответил, что все материалы конференции носят конфиденциальный характер, поэтому он не видит оснований для исключения его заявления из протокола[3]. Поясняя смысл своего заявления, Громыко сказал, что хотел лишь привлечь внимание других делегаций к этому вопросу, но не настаивает на том, чтобы эта проблема подверглась дальнейшему обсуждению на переговорах в Думбартон-Оксе[4].

Обеспокоенный советским заявлением, госсекретарь США Хэлл пригласил 31 августа Громыко для беседы, значительное место в которой занял вопрос о советских союзных республиках. Как сообщал Громыко в донесении в НКИД СССР, Хэлл заявил, что в случае возникновения этого вопроса прежде всего подняли бы шум республиканцы. Громыко заявил Хэллу, что советская делегация считает само собой разумеющимся включение союзных республик в число инициаторов создания Организации, но на данной стадии переговоров не настаивает на принятии какого-либо решения. Как председатель советской делегации он ограничивает свою задачу лишь доведением до сведения американской и английской делегаций точки зрения СССР[5].

Руководитель советской делегации в своем донесении в НКИД СССР следующим образом определил позицию делегации США по этому вопросу: «Данная беседа с Хэллом, а также состоявшаяся ранее беседа со Стеттиниусом по этому вопросу ясно показывают, что американцы отрицательно относятся к перспективе включения в состав участников международной организации союзных советских республик»[6].

---

[1] См.: Конференция в Думбартон-Оксе. С. 141.
[2] См.: FRUS. 1944. Vol. 1. P. 402.
[3] См.: Конференция в Думбартон-Оксе. С. 141; *Бережков В.М.* Указ. соч. С. 402.
[4] См.: *Бережков В.М.* Указ. соч. С. 402.
[5] См.: Конференция в Думбартон-Оксе. С. 149–150.
[6] Там же.

Серьезную обеспокоенность постановкой вопроса о членстве 16 республик выразил Рузвельт в послании Сталину от 1 сентября 1944 г. В нем отмечалось, что советское требование может поставить под угрозу весь проект создания новой организации, и выражалась готовность обсудить его после ее учреждения[1]. В ответном послании Сталина Рузвельту от 7 сентября 1944 г. подчеркивалось исключительно важное значение, которое придавало советское руководство этому вопросу. Указывалось, что такие советские республики, как Украина и Белоруссия «по количеству населения и по их политическому значению превосходят некоторые государства», которые отнесены к числу инициаторов новой организации[2]. Таким образом, Сталин назвал эти две республики в числе первых республик-кацдидатов на первоначальное членство.

Руководитель советской делегации еще раз поднял вопрос о членстве советских республик 27 сентября 1944 г., за день до завершения первого этапа конференции. При обсуждении вопроса о будущей учредительной конференции Объединенных Наций он настаивал на том, что одним из условий согласия Советского правительства на проведение этой конференции должно было быть одобрение США и Великобританией советского предложения о первоначальном членстве советских республик в новой организации. Но представители США и Англии не комментировали это высказывание Громыко[3].

В Думбартон-Оксе остались нерешенными два серьезных вопроса: о первоначальных членах будущей организации и о порядке голосования в Совете Безопасности. Правда, Громыко в своих воспоминаниях дает иную оценку решения этого вопроса на конференции, когда утверждает: «Договорились и о том, что в новой организации наряду с Советским Союзом ее членами будут УССР и БССР»[4], хотя общеизвестно, что договоренность о включении этих двух республик была достигнута не в Думбартон-Оксе, а в Ялте. Со своей стороны, СССР выступал против включения в число инициаторов Организации «присоединившихся наций», на чем настаивали США.

В рамках подготовки встречи в Крыму и с целью выяснения позиций СССР и США по «белым пятнам», оставшимся от Думбартон-Окса, в январе 1945 года в Вашингтоне состоялись две встречи советского посла Громыко со специальным помощником госсекретаря США по вопросам послевоенного планирования Л. Пасвольским. В своих воспоминаниях Громыко высоко оценивал этого американского дипломата, считая его «мозговым центром государственного департамента США по проблемам, связанным с ООН»[5].

Первая беседа, состоявшаяся 11 января, велась на русском языке, в обстановке чрезвычайного дружелюбия и касалась проблем будущей международной организации. Громыко вновь поднял вопрос о членстве в ней совет-

---

[1] См.: Переписка председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. М., 1976. С. 166.

[2] Там же. С. 167.

[3] См.: Postwar Foreign Policy Preparation, 1939–1945. Wash., 1949. P. 327–328.

[4] *Громыко А.А.* Памятное. Кн. 1. М., 1988. С. 235.

[5] Там же. С. 246.

ских республик. Пасвольский в секретном меморандуме в госдепартамент сообщал, что Громыко сказал ему, что многие советские республики являются более значительными, чем, например, Либерия или Гватемала (входившие уже тогда в число Объединенных Наций. – *В.С.*). К тому же они имеют собственные конституции и самостоятельно занимаются своими иностранными делами. На вопрос Пасвольского, считает ли он их независимыми странами в общепринятом значении этого выражения, Громыко ответил, что «конечно, это так, хотя они также являются очень тесно связанными как члены федерации». Пасвольский сказал, что этот вопрос должен быть обсужден на предстоящей конференции «большой тройки». Громыко разделил это мнение, подчеркнув большое значение, которое он придавал данному вопросу[1].

На состоявшейся 13 января второй встрече Громыко вновь упомянул вопрос о представительстве советских республик. Американский представитель сказал, что Советское правительство, желая включения советских республик в первоначальные члены Организации, выступает в то же время за исключение из этого состава «ассоциированных наций» и нейтральных стран. Он констатировал, что правительство США «не имеет новых мыслей ни о советских республиках, ни об ассоциированных нациях»[2]. Таким образом, обмен мнениями между Громыко и Пасвольским не привел к каким-либо сдвигам в позициях двух стран по вопросу о первоначальном членстве.

Отправляясь в Крым, Рузвельт был настроен решительно противодействовать советской просьбе о членстве союзных республик в новой организации[3]. В беседе с группой влиятельных американских сенаторов он говорил, что достаточно только развернуть флаги всех 48 штатов, чтобы Сталин быстро и неорганизованно отступил[4]. Официальная позиция администрации США продолжала базироваться на не заслуживающей доверия посылке о том, что советское предложение является «капризным жестом или неудачной шуткой». Однако на этот раз американцы были настроены вести резкую полемику с советскими представителями по данному вопросу.

В Ялте нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов предложил компромиссную формулу. Советское правительство отказалось от своего максималистского требования членства для всех 16 республик и выдвинуло просьбу о включении в число учредителей Организации трех или по крайней мере двух республик: Украины, Белоруссии и Литвы. В итоге сложных переговоров была принята договоренность, зафиксированная в секретном протоколе Крымской конференции, подписанном министрами иностранных дед В разделе I «Всемирная организация» под пунктом «2в» говорилось следующее: «Когда будет происходить конференция о всемирной организации, делегаты Соединенного Королевства и Соединенных Штатов Америки поддержат предложение о допуске к первоначальному членству двух Советских

[1] См.: FRUS. The Conferences at Malta and Yalta. 1945. Wash., 1955. P. 72–73.

[2] Ibid. P. 75.

[3] См.: *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. М., 1958. С. 574.

[4] См.: *Dallin A.* The Soviet Union at the United Nations: An Inquiry into Soviet Motives and Objectives. N.Y., 1962. P. 107.

Социалистических Республик, именно Украины и Белоруссии»[1]. Протокол был впервые опубликован на Западе (в США) 24 марта 1947 г., а в СССР – в 1955 году.

Однако дипломатическая борьба за признание БССР и УССР полноправными членами Организации Объединенных Наций и включение их в состав ее первоначальных членов еще не была завершена. Оставался открытым вопрос об участии обеих республик в учредительной конференции в Сан-Франциско, поскольку в Крыму США и Великобритания дали обязательство лишь поддержать предложение СССР об их допуске к первоначальному членству. Мир не знал о секретной договоренности в Ялте, поэтому Рузвельту и Черчиллю еще предстояло испытать реакцию парламентариев, общественного мнения, своих союзников на обнародование соглашения об Украине и Белоруссии. Эти проблемы предстояло решить в период подготовки и проведения конференции в Сан-Франциско.

В марте 1945 года, еще до того, как Рузвельт раскрыл перед американской делегацией секретную ялтинскую договоренность, советская дипломатия предприняла неожиданный для США и Великобритании ход, еще более накаливший обстановку вокруг подготовки конференции в Сан-Франциско. Правительства БССР и УССР, не получив приглашения на конференцию, по указанию из Москвы решили направить на конференцию свои делегации[2].

17 марта А.А. Громыко в беседе с помощником госсекретаря США Д. Данном заявил, что представители Украины и Белоруссии должны принять участие в конференции. Данн ответил, что он ничего не слышал о возможном приглашении представителей этих республик в Сан-Франциско и что решение Крымской конференции не предусматривает участия в конференции в Сан-Франциско представителей от Украины и Белоруссии. Он сказал, что, по его мнению, допущение этих республик в первоначальные члены международной организации может быть осуществлено не в форме их приглашения участвовать в конференции в Сан-Франциско, а в форме последующего их присоединения к Уставу Организации после конференции. Громыко выразил удивление по поводу интерпретации Данном этого вопроса и заявил, что «единственный путь вступления Украины и Белоруссии в организацию, как и для других стран-участниц, – это участие в конференции, на которой будет приниматься Устав Организации»[3].

Намерение Советского правительства послать делегации БССР и УССР на конференцию вызвало озабоченность в Вашингтоне. Встревоженный госдепартамент предпринял энергичные усилия, чтобы не допустить его ре-

---

[1] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сб. документов. Т. 4; Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11февраля 1945 г.). М., 1984. С. 255–256.

[2] См.: *Забигайло К.С.* К истории участия Украинской ССР в выработке Устава ООН // Советский ежегодник международного права. 1964–1965. М., 1966. С. 127.

[3] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. документов. Т. 5; Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля – 26 июня 1945 г.). М., 1980. С. 76–77.

ализации. 19 марта госдепартамент подготовил проект послания Рузвельта Сталину, в котором президент просил Сталина «предпринять тяги к прояснению недоразумения, к которому привело сообщение посла Громыко в субботу»[1]. Но это послание не было отправлено то ли по рекомендации самого госдепартамента, то ли по решению Рузвельта, посчитавшего более важным избежать обострения разногласий с Москвой. Вместо этого Белый дом решил, чтобы Стеттиниус обсудил этот вопрос с Громыко с целью «устранения любого недопонимания»[2]. Беседа между ними состоялась 20 марта. Стеттиниус начал с того, что госдепартамент обратился к нему с просьбой прервать отдых, прибыть в Вашингтон и лично поговорить по этому вопросу с советским послом. Он сказал, что утром беседовал по этому вопросу с президентом и что «ни президент, ни он не имели в виду, что на конференцию в Сан-Франциско будут приглашены делегации Украинской и Белорусской республик». Администрация США считает, что решение Крымской конференции не предусматривает участия делегаций Украины и Белоруссии в конференции в Сан-Франциско, и что эти республики могут быть допущены в качестве членов Ассамблеи после конференции. Стеттиниус подчеркнул, что «участие в конференции делегаций Украины и Белоруссии могло бы создать опасное положение, способное принести вообще непоправимый ущерб всему делу создания международной организации»[3].

Громыко, отметив, что данная Стеттиниусом интерпретация ялтинской договоренности и его разъяснение о форме приглашения в Организацию Украины и Белоруссии являются для него неожиданными, высказал мысль, что это противоречило бы достигнутому в Крыму соглашению о допуске советских республик к первоначальному членству. Он также сказал, что точка зрения правительства США по данному вопросу будет передана советскому правительству[4].

25 марта Громыко направил ноту Степиниусу, в которой по поручению советского правительства просил довести до сведения правительства США, что в соответствии с решением Крымской конференции «вопрос о допущении Украины и Белоруссии к первоначальному членству должен быть поставлен на одном из первых заседаний конференции в Сан-Франциско и затем, после положительного вотума конференции, представителям этих двух республик должно быть обеспечено полноправное участие в работах названной конференции в качестве первоначальных членов Всеобщей международной организации безопасности»[5].

29 марта Стеттиниус отправил ответную ноту Громыко, в которой констатировал, что в Ялте никакого обязательства не было принято в отношении присутствия представителей этих республик в Сан-Франциско, и что этот специфический вопрос не был поднят советской делегацией на Крым-

[1] FRUS. The Conferences at Malta and Yalta. 1945. P. 990–991.
[2] Ibid.
[3] Конференция в Сан-Франциско. С. 77–78.
[4] См.: Там же. С. 78.
[5] См.: Там же. С. 83.

ской конференции. В ноте говорилось, что за исключением личного замечания Черчилля этот вопрос не обсуждался ни во время общих дискуссий, ни в связи с определением списка стран, которые предполагалось пригласить на конференцию. Стеттиниус подчеркивал, что вопрос о принятии советского предложения о допуске двух республик в первоначальные члены остается на усмотрение конференции, и поэтому до принятия конференцией решения по этому вопросу нет оснований на данной стадии поднимать вопрос о представительстве двух республик на самой конференции[1].

13 апреля в Вашингтоне на заседании информационно-организационной группы по подготовке конференции, на котором присутствовали представители четырех приглашающих держав, советский представитель Громыко отказался одобрить список распределения состава комиссий и комитетов, поскольку Украина и Белоруссия не попали в распределение кандидатур председателей этих органов. На заседании Стеттиниус и Громыко вновь изложили различный подход своих правительств к толкованию ялтинской договоренности о допуске советских республик[2].

25 апреля, в день открытия конференции, на 17-м заседании делегации США среди других был рассмотрен вопрос «Представительство двух советских республик». Данн, доложив о результатах беседы с Громыко, отметил, что СССР отказался одобрить список председателей и членов комиссий и комитетов, поскольку в нем не присутствовали представители двух советских республик. В связи с просьбой Громыко выделить места председателя и докладчика комитета для представителей Украины и Белоруссии Данн объяснил советскому послу, что этого нельзя сделать до тех поп, пока конференция не решит вопрос о приглашении этих республик[3].

В начале работы Сан-Францисской конференции 27 апреля 1945 г. было единогласно принято решение о включении Украинской и Белорусской Советских Социалистических Республик в число первоначальных членов Организации. 30 апреля 1945 г. также единогласно все 47 государств-участников проголосовали за приглашение делегаций УССР и БССР на учредительную конференцию Объединенных Наций. Так, в результате напряженных усилий советской дипломатии, путем компромиссов и уступок, угроз и ультиматумов, взаимоувязок и других искусных ходов удалось добиться включения двух союзных республик в ООН. В этом большая заслуга и А.А. Громыко, который выдвинул программу-максимум в Думбартон-Оксе и который затем активно прорабатывал вопрос о приглашении Украины и Белоруссии в Сан-Франциско.

Сан-Францисская конференция положила начало формированию единой внешнеполитической линии, которую делегации Советского Союза, Белоруссии и Украины проводили в международных организациях. Глава делегации СССР А.А. Громыко вспоминал, что на конференции сложилось

[1] Конференция в Сан-Франциско. С. 87–88.
[2] См.: FRUS. 1945. Vol. 1: General; The United Nations. Wash., 1967. P. 286.
[3] Ibid. P. 410–411.

«руководящее ядро трех наших делегаций. Эта небольшая группа анализировала положение дел на конференции, намечала тактические и иные планы по осуществлению директив центра»[1].

После включения Украины и Белоруссии в состав первоначальных членов ООН советское руководство больше не поднимало на международной арене вопрос о союзных республиках. Исключением является лишь случай с тремя прибалтийскими республиками, которые СССР безуспешно пытался привлечь к участию в работе Парижской мирной конференции 1946 года в качестве самостоятельных делегаций. Основной проблемой общесоюзной дипломатии стало обеспечение участия УССР и БССР в главных органах ООН. В решение этих задач внес свою лепту А.А. Громыко, работавший с 1946 года постоянным представителем СССР в Совете Безопасности. Несмотря на естественные симпатии к Белоруссии как к своей родине, он, действуя в строгом соответствии с указаниями высшего советского руководства, выдвигал на более важные позиции представителей Украины как более важной и значимой союзной республики.

Накануне и в первые дни работы Первой сессии Генеральной Ассамблеи представители СССР, США, Великобритании, Франции и Китая вели в Лондоне неофициальные переговоры, на которых обсуждались кандидатуры в состав Совета Безопасности, Экономического и Социального Совета, а также руководителей комитетов Генеральной Ассамблеи. На встрече 9 января 1946 г. глава делегации Великобритании А. Кадоган предложил на пост председателя Первого комитета (по политическим вопросам и вопросам безопасности) кандидатуру Белоруссии. Но это предложение не получило поддержки ни у советского представителя А.А. Громыко, ни у представителя США Э. Стивенсона. Когда Громыко предложил на это место Украину, Стивенсон высказал свои оговорки в отношении Украины как одной из советских союзных республик, отметив, что председатель этого комитета не должен быть связан ни с одной из великих держав. Руководитель китайской делегации В. Ку заявил, что, по его мнению, неважно, будет ли представитель британского доминиона или союзной республики председателем комитета. Единое мнение по кандидатуре председателя Первого комитета было выработано на следующем заседании 10 января, когда была одобрена кандидатура Украины, а глава ее делегации Д.З. Мануильский был избран на первом заседании сессии Генеральной Ассамблеи председателем Первого комитета. БССР вошла в состав мандатного комитета[2].

На заседании 11 января Громыко попросил найти достойное место для Белоруссии. Когда в ответ ему был предложен список совместных предложений США и Англии, в котором БССР не нашлось места, зато Югославии отводился пост вице-председателя Пятого, а Чехословакии – докладчика Второго комитета, Громыко не согласился с этими предложениями, поскольку была обойдена Белоруссия. На этом же заседании при обсуждении кандидатур в состав

[1] *Громыко А.А.* Памятное. Кн. 1. С. 240.

[2] FRUS. 1946. Vol. 1: General; The United Nations. Wash., 1972. P. 144–145.

ЭКОСОС представитель США предложил от Восточноевропейского региона УССР или СССР, а Громыко – УССР или БССР. В итоге было решено рекомендовать СССР и УССР, которые и были затем избраны членами ЭКОСОС[1].

На второй части Первой сессии Генеральной Ассамблеи БССР была избрана на три года в состав Экономического и социального совета, чему предшествовала острая дипломатическая борьба. На встрече А. Громыко с членом американской делегации Э. Стивенсоном 2 ноября 1946 г. Андрей Андреевич предложил БССР на место УССР, срок которой истекал, в состав ЭКОСОС, и попросил делегацию США поддержать на выборах Польшу и Белоруссию, обещая со своей стороны поддержать кандидатуры США в Совет Безопасности[2]. Он получил обещание госдепартамента США поддерживать кандидатуру БССР. И следует сказать, что американская делегация в ООН сохранила верность своему обязательству, поддерживая кандидатуру Белоруссии в ущерб Турции и Нидерландам[3].

Еще одной малоизвестной страницей в истории союзной и республиканской дипломатии первых послевоенных лет является участие Украины и Белоруссии в деятельности ЮНРРА (Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций) в 1945–1947 гг. Историки внешней политики и дипломатии СССР не афишировали факт оказания помощи двум союзным республикам со стороны США и других западных государств. Этот эпизод не нашел отражения на страницах официальных советских изданий. Между тем именно А.А. Громыко выразил на второй части Первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН от имени советской делегации признательность за помощь, которую получили от ЮНРРА Украина и Белоруссия[4].

На всех дипломатических и государственных постах, которые занимал А.А. Громыко, ему приходилось сталкиваться с феноменом «республиканской дипломатии». Как уже отмечалось, на посту посла СССР в США и одновременно председателя советской делегации на конференции в Думбартон-Оксе он выдвинул сенсационное предложение о первоначальном членстве всех советских союзных республик в проектируемой ООН. Будучи членом советской делегации на Ялтинской конференции, А.А. Громыко также занимался решением вопросов, связанных с определением состава государств – учредителей ООН, в том, числе включения в этот круг Украины и Белоруссии. Накануне Сан-Францисской конференции советский посол в США энергично продвигал вопрос о приглашении делегаций двух советских республик на учредительную конференцию Объединенных Наций, преодолевая сопротивление дипломатии США и Великобритании. Став руководителем советской делегации в Сан-Франциско (после отъезда наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова в Москву), А.А. Громыко координировал и направлял деятельность трех советских делегаций.

---

[1] FRUS. 1946. Vol. 1: General; The United Nations. P. 154.

[2] Ibid. P. 220–221.

[3] См. подробнее: *Снапкоўскі У.Е.* Знешнепалітычная дзейнасць Беларусі 1944–1953 гг. С. 40–43.

[4] См.: Правда. 1 декабря 1946 г.

На посту постоянного представителя СССР в Совете Безопасности ООН А.А. Громыко также фактически осуществлял на месте общее руководство делегациями СССР, УССР и БССР, решая и такие тактические задачи, как обеспечение равноправного представительства Украины и Белоруссии в главных органах, комитетах и комиссиях ООН.

Как заместитель, а затем министр иностранных дел СССР А.А. Громыко курировал многие вопросы, связанные как с участием УССР и БССР в деятельности ООН и ее специализированных учреждений, так и с участием представителей остальных союзных республик в общесоюзных делегациях на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН и других ее органов и учреждений. Эта практика стала осуществляться с 1951 года. На посту Председателя Президиума Верховного Совета СССР А.А. Громыко также в силу этой высокой должности занимался вопросами, связанными с внешнеполитической деятельностью союзных республик, которые уже с начала перестройки стали приобретать все большее значение.

Как отмечалось выше, эта сторона дипломатической и государственной деятельности А.А. Громыко не нашла должного отражения ни в его воспоминаниях, ни в обобщающих трудах по истории внешней политики СССР и дипломатии. Задача историков, дипломатов и политиков, которые работали вместе с А.А. Громыко и которые сталкивались с феноменом «республиканской дипломатии» во внешнеполитической деятельности СССР, ликвидировать это «белое пятно» в истории внешней политики и дипломатии СССР.

Средин В.Д.

Громыко не допускал политиканства и дилетантства в дипломатии*

В истории отечественной дипломатии фигура АА. Громыко столь же заметна, сколь и самобытна и во многих отношениях неординарна. Уроженец белорусской деревни Старые Громыки (где большинство жителей были Громыками), он поднялся до самых высоких вершин государственного и политического Олимпа нашей страны, выполняя в течение 28 лет миссию руководителя внешней политики великой державы.

Карьера А.А. Громыко развивалась стремительно, во многом неожиданно даже для него самого. Вряд ли, впервые переступив в мае 1939 года порог МИДа (в то время НКИД) он, 29-летний выходец из белорусской «глубинки» с дипломом кандидата экономических наук в кармане, представлял себе дальнейшие крутые взлеты своей судьбы. Скорее всего Андрей Андреевич и не готовил себя для работы на дипломатическом поприще. Но то был переломный момент в мировой, европейской и отечественной истории. Мир стоял на пороге чудовищной войны. Велась интенсивная дипломатическая деятельность в попытках предотвратить ее.

Огромное напряжение чувствовалось и в НКИДе, который в мае 1939 г. возглавил В.М. Молотов. После невиданных по масштабам чисток конца тридцатых годов здесь, как, впрочем, и в других госучреждениях той поры, по свидетельствам очевидцев, ветер гулял не только по коридорам, но и кабинетам, в том числе руководящих работников. Иными словами, ощущался кадровый голод.

Эти обстоятельства, несомненно, способствовали тому, что почти сразу же по приходе в НКИД Громыко получил ответственный пост заведующего Отделом американских стран. Вскоре последовала и первая загранкомандировка: с октября 1939 г. он – советник посольства СССР в США.

В августе 1943 г. 34-летний Громыко становится послом СССР в Вашингтоне, возглавив первое по значимости посольство нашей страны за рубежом, да еще в непростые военные годы.

Средин Василий Дмитриевич (1948–2002) – Чрезвычайный и Полномочный Посол.

* Впервые опубликовано в: А.А. Громыко – дипломат, политик, ученый. Материалы Научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А.А. Громыко. С. 53–62.

Молодой Громыко оказался в самой гуще международных событий. Участие в подготовке и проведении конференций в Ялте, Потсдаме, Думбартон-Оксе и Сан-Франциско сделало его сопричастным к формированию послевоенного мироустройства. Это был во многих отношениях уникальный опыт и для самого Громыко как государственного деятеля и дипломата.

В годы работы в Вашингтоне складывается его дипломатический стиль. Громыко были присущи крупное видение проблем, широкий кругозор и непременная увязка направляемой в Центр информации с продуманными предложениями о дальнейших практических шагах.

Существенно, что уже на заре своей дипломатической карьеры Громыко держался довольно независимо, позволял себе высказывать мнения, не всегда совпадающие с точкой зрения руководства МИД. 24 июня 1947 г. на письмо В.М. Молотова, в котором говорилось, что посол ошибается, относя Эйзенхауэра к «менее агрессивным элементам» в американском истеблишменте, Громыко кратко, но весомо ответил, что имеет «иную информацию по этому вопросу». 26 марта 1946 г. он пишет первому заместителю министра А.Я. Вышинскому, что сделанный им упрек относительно перебоев в поступлении информации из посольства «совершенно необоснован» (он объяснялся отсутствием оперативной связи в тот момент). Любопытна концовка письма, в которой Громыко выговаривает Вышинскому: «Вместо того, чтобы запросить и выяснить, в чем дело, Вы рекомендуете мне “быстрей поворачиваться”. Могу Вас заверить, что я поворачиваюсь достаточно быстро».

Имя и деятельность А.А. Громыко неразрывно связаны с ООН. Он был у истоков рождения этой организации. Под Уставом ООН стоит его подпись. В 1946 г. он становится первым советским представителем в ООН и одновременно заместителем, а затем первым заместителем министра иностранных дел. Нетрудно представить, сколь сложна, многогранна и напряженна была эта работа.

Громыко был участником, а впоследствии главой делегации нашей страны на 22 сессиях Генассамблеи ООН. В начале своей деятельности, в разгар холодной войны, ООН являлась ареной политико-идеологического противоборства и риторических перепалок между Востоком и Западом. Не раз в те годы Громыко приходилось использовать право вето в Совете Безопасности, отстаивая внешнеполитические интересы СССР. И все же объективное прочтение непростых, порой приобретавших драматический оборот событий послевоенного периода требует признать важную, решающую роль ООН в предотвращении глобального конфликта, снижении порога ядерного противостояния, урегулировании региональных конфликтов, развитии международного сотрудничества.

Сегодня становится все более очевидным, что только в рамках ООН может быть выработан кодекс правил, по которым будет жить мировое сообщество в XXI в. Эти правила были бы реальной альтернативой силовым тенденциям в меняющихся международных отношениях, вели бы к повсеместному утверждению примата права, свободы выбора и справедливости, процветанию и благополучию людей.

Новые ответственные задачи легли на плечи Громыко, ставшего в феврале 1957 г. министром иностранных дел СССР. Это было непростое время. Международные отношения стали заложником идеологических столкновений и противостояния НАТО и Организации Варшавского договора. Мировое сообщество не раз оказывалось в тот период перед угрозой глобального конфликта. От министра иностранных дел великой державы – Советского Союза – требовалось немало умения, сил и энергии, чтобы не допустить развития событий по наихудшему сценарию.

При этом нельзя не учитывать и то обстоятельство, что личное участие Громыко в формировании внешнеполитического курса во многом определялось тем, что в хрущевские, брежневские времена, да и позже МИД СССР являлся исполнителем решений партии по вопросам внешней политики. Несмотря на то, что с 1956 г. А.А. Громыко являлся членом ЦК КПСС, разрабатываемые в МИД внешнеполитические инициативы подлежали обязательному утверждению на Старой площади. К чести Громыко надо сказать, что он настойчиво отстаивал самостоятельность МИД в рамках его компетенции, не останавливаясь перед спорами и даже конфликтами с секретарем ЦК КПСС Б.Н. Пономаревым. Это подспудное, отнимавшее много сил и нервов соперничество завершилось, вернее, приняло менее острые формы только к 1973 г., когда Громыко стал членом Политбюро ЦК КПСС.

По существу, подоплекой такого отношения Громыко к Старой площади являлось более реалистическое, прагматичное видение им задач и целей внешней политики. Будучи вполне ортодоксальным членом партийной государственной верхушки, Громыко, тем не менее, как правило, ставил государственные интересы выше идеологии. Лозунг мирного сосуществования трактовался им в контексте необходимости стабилизации международных отношений, предотвращения скатывания к войне, однако без каких-либо уступок политико-идеологического плана.

Исходя из этого, Громыко считал необходимым при всех поворотах международной ситуации проводить твердую линию на нормализацию отношений с США, другими странами Запада, осуществлять шаги по сдерживанию гонки вооружений и разоружению на основе принципа равенства и одинаковой безопасности, закреплению послевоенных границ в Европе, разрядке международной напряженности, урегулированию региональных конфликтов.

Эти направления были во многом взаимосвязаны, работа по ним шла параллельно. Так, нельзя было рассчитывать на серьезные сдвиги в отношениях с США без значимых подвижек в области разоружения, и наоборот. Утрата монополии США на ядерное оружие в конце 40-х годов, создание водородной бомбы и межконтинентальных баллистических ракет в 50-х годах существенным образом изменили международную обстановку. Сложилась более благоприятная атмосфера для продвижения советских инициатив в области разоружения, которых, как писал в своих воспоминаниях Громыко, было более ста[1].

[1] *Громыко А.А.* Памятное. Кн. 2. М., 1988. С. 281.

Предметом особой гордости Громыко считал подписанный 5 августа 1963 г. Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой, переговоры по которому тянулись с 1958 г.

К числу крупных свершений, достигнутых при его непосредственном участии, Громыко относил Договор о нераспространении ядерного оружия, подписанный 1 июля 1968 г.

Третьим крупнейшим по значимости своим достижением Андрей Андреевич считал соглашения, подписанные с США в 1972–1973 гг., особенно договоры по ПРО и ОСВ-1, а вслед за ними соглашение о предотвращении ядерной войны (1973).

Громыко говорил, что, если собрать документы переговорного характера, в том числе сотни шифротелеграмм, информацию из посольств, анализ обстановки вокруг этих проблем, наберется гора документов высотой с Монблан. «Они покажут, с каким трудом преодолевались заторы на пути к соглашению, сколько для этого требовалось настоящего дипломатического искусства»[1].

Существенно продвинуло оздоровление мировой обстановки подписание 18 июня 1979 г. Договора между СССР и США об ограничении стратегических наступательных вооружений, или Договора ОСВ-2, важную роль в подготовке которого сыграли переговоры А.А. Громыко с госсекретарем США С. Вэнсом, затем с президентом Дж. Картером в 1977–1979 гг.

Серьезным испытанием не только для советско-американских отношений, но и для судеб мира стал Карибский кризис 1962 года. Потребовалось немалое напряжение сил, мужество и дипломатическое искусство, чтобы в сжатые сроки прийти к известным компромиссным договоренностям, основанным на взаимоприемлемом балансе интересов. Это позволило отойти от чрезвычайно опасной черты, у которой человечество оказалось в тот момент.

Важное значение придавал Громыко проблемам Центральной Европы, сердцевиной которых он не без оснований считал германский вопрос. Практически с самого начала его дипломатической карьеры германская проблематика так или иначе находилась в поле его постоянного внимания. Огромных сил, настойчивости и гибкости потребовали от Москвы исторические соглашения СССР, а затем Польши и Чехословакии с ФРГ в 1970–1971 гг., а также четырехстороннее соглашение по Западному Берлину. Именно эти документы и предшествовавшие им усилия окончательно расчистили путь к разрядке и созыву Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Существование на протяжении 40 лет двух Германий явилось следствием раскола мира, который не был преодолен и после войны. Основой строительства государственного единства Германии стал Договор «2+4» – один из краеугольных камней мирного устройства в Европе. Попытки его обхода в какой бы то ни было форме рискуют осложнить взаимопонимание и доверие, на фундаменте которого стало возможным германское единство.

[1] Там же. С. 49.

Значение подписанного в августе 1975 г. в Хельсинки Заключительного акта имело не только европейский, но и мировой масштаб. Это был по существу кодекс поведения европейских государств, США и Канады в ключевых сферах взаимоотношений, включая военно-политическую. Была закреплена нерушимость послевоенных границ в Европе, чему Громыко придавал особое значение, созданы предпосылки для укрепления стабильности и безопасности в Европе.

Не менее важно было укоренить хельсинкские принципы, внедрить их в практику, сделать их нормой международной жизни. Это потребовало значительных усилий от советской дипломатии во главе с Громыко. И то, что сегодня ОБСЕ, преемница СБСЕ, прошла испытание временем и стала работоспособным, постоянно действующим (а ведь в свое время далеко не все, включая США, разделяли такой принцип) механизмом многостороннего равноправного сотрудничества, – немалая заслуга и Андрея Андреевича.

Какие бы споры ни вызывали сегодня в свете событий в бывшей Югославии деятельность и роль ОБСЕ, достижения, реализованные под ее эгидой, очевидны: это и Договор об обычных вооруженных силах в Европе – краеугольный камень европейской безопасности (в 2007 г. Россия приостановила действие ДОВСЕ в связи с тем, что ни одна страна НАТО не ратифицировала с 1999 г. Соглашение об адаптации ДОВСЕ. – *Ред.*), и комплекс существенных мер доверия, и Договор об открытом небе, и целый ряд других новаторских договоренностей, закреплявших и развивавших принципы, заложенные в Хельсинки в 1975 г. при непосредственном участии Громыко. ОБСЕ, несомненно, принадлежит ключевое место в формирующейся конструкции архитектуры европейской безопасности XXI в.

Заметный вклад внесла дипломатия Громыко в прекращение вьетнамской войны. Итогом длившегося с 1954 г. кровопролитного конфликта, в который с 1961 г. были непосредственно вовлечены США, стало Парижское соглашение 1973 г. о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме. Состоявшаяся в Париже 26 февраля – 2 марта 1973 г. Международная конференция по Вьетнаму, среди активных участников которой был и Громыко, закрепила политическую и юридическую значимость соглашения, придала ему еще больший вес и авторитет.

В контексте региональных конфликтов нельзя не сказать и о его деятельности на ближневосточном направлении нашей внешней политики. Почти на всем протяжении своей долгой дипломатической службы ему приходилось вплотную, самым непосредственным образом заниматься делами Ближнего Востока.

Известна выдающаяся роль Андрея Андреевича в переломный для Ближнего Востока 1947 год, когда Организация Объединенных Наций была поставлена перед необходимостью принятия решения о судьбе Палестины. И тогда, и в дальнейшем при всех драматических поворотах в бурной современной истории Ближнего Востока Андрей Андреевич строго следовал

принципу безусловности права всех государств региона на независимое существование и свободное развитие.

Среди несомненных личных заслуг Громыко – реализация первой попытки арабо-израильских переговоров о мире – созыв многосторонней конференции в Женеве под сопредседательством СССР и США. Выработанное А.А. Громыко и Г. Киссинджером взаимопонимание о советско-американской эгиде давало серьезную возможность придать переговорному процессу устойчивость и поступательный ход. Можно лишь сожалеть, что эта возможность была упущена, и Ближний Восток продолжало еще не раз лихорадить. Лишь в конце 1991 г. на конференции в Мадриде, вновь под со председательством СССР и США, переговорный процесс по ближневосточному урегулированию получил новый весомый импульс.

К числу успехов отечественной дипломатии во главе с Громыко можно с полным правом отнести предотвращение широкомасштабной войны между Индией и Пакистаном в 1966 году из-за территориального спора о Кашмире. Руководство Советского Союза приложило тогда энергичные усилия, чтобы содействовать восстановлению мира в Южной Азии, не допустить иностранного вмешательства в конфликт. Семь дней подряд – с 4 по 10 января 1966 г. – глава правительства А.Н. Косыгин вместе с А.А. Громыко напряженно работали в Ташкенте с руководителями Индии и Пакистана, чтобы достичь взаимоприемлемого компромисса. Как отмечает Громыко в книге «Памятное», «несмотря на существенные расхождения в позициях двух сторон, броня настороженности, недоверия, национальной неприязни все же оказалась пробитой»[1]. Результатом Ташкентской встречи явилось подписание декларации, которая закрепила договоренность между Индией и Пакистаном прилагать все усилия для создания добрососедских отношений. И хотя по сей день отношения между этими странами остаются сложными, Ташкентская встреча воочию продемонстрировала способность нашей дипломатии эффективно выполнять в необходимых случаях роль арбитра, доказала на деле преимущества отказа от применения силы при решении спорных международных вопросов.

В последний раз порог своего кабинета в здании МИД на Смоленской площади Громыко переступил 2 июля 1985 г. С этого времени и до октября 1988 года он работал в качестве председателя Президиума Верховного совета СССР.

Перестройку Андрей Андреевич воспринял неоднозначно. Внешнюю политику страны в тот период считал чрезмерно и неоправданно уступчивой. Разноречивые чувства вызывала в нем и фигура М.С. Горбачева, на чей приход к власти в апреле 1985 г. Андрей Андреевич решающим образом повлиял. Судя по беседам с сыном, у Громыко вызывали неприятие дилетантизм, поверхностность, стремление произвести благоприятное впечатление на партнеров, которые он считал характерными проявлениями во внешней политике периода перестройки. Результатом всего этого, по мнению Андрея

[1] *Громыко А.А.* Памятное. Т. 2. С. 120.

Андреевича, стало резкое ослабление позиций нашей страны, ее роли и места в мире.

Объективности ради следует признать, что в деятельности МИД под руководством Андрея Андреевича были не только одни достижения и успехи. У Громыко, как и у каждого из нас, были свои слабости и недостатки. Его дипломатия не была свободна от промахов, ошибок, упущений.

И все же главное в политическом наследии Громыко – это его государственный, компетентный и в высшей степени ответственный подход к делу, преданность интересам своей страны, которую он горячо любил и хотел видеть процветающей, сильной, влиятельной и великой державой. При нем МИД стал эффективным, высоко профессиональным и сравнительно дешевым инструментом внешней политики. Во многом благодаря этому и сегодня, несмотря на известные наши проблемы, МИД обладает уникальным интеллектуальным и кадровым потенциалом, собранностью, четкостью и дисциплинированностью. Это те качества, без которых было бы невозможно или крайне затруднено проведение нового, созвучного времени внешнеполитического курса.

Характерной для Громыко смолоду была тяга к научной работе. Став в 27 лет кандидатом экономических наук, он и в последующие годы, в том числе будучи министром, несмотря на огромную загруженность, сохранял интерес к ней, находил время, хоть и урывками, для занятий наукой. Находясь в Вашингтоне, он начал, а затем, будучи послом в Лондоне, закончил и в 1957 г. опубликовал книгу «Экспорт американского капитала». За эту работу Ученый совет МГУ присвоил ему степень доктора экономических наук. Над данной темой он продолжал работать и в последующие годы.

Большое внимание Громыко уделял научным аспектам внешней политики. Именно при нем было создано в 1958 г. Историко-архивное управление, в задачи которого входили разработка архивных материалов, подготовка документальных исторических справок, публикация архивных документов. Примечательно, что это направление, наряду с германским отделом, как тогда говорили «третьей Европой», Громыко курировал напрямую и в дальнейшем.

По его инициативе на Смоленской площади была развернута мощная документально-публицистическая деятельность, являвшаяся по условиям тех лет своеобразным предвестником гласности. В 1957 г. была создана Комиссия по изданию дипломатических документов, которую Громыко возглавлял многие годы. В рамках этой комиссии и под ее редакцией была начата публикация двух серий дипломатических документов: вышел 21 том «Документов внешней политики СССР» и 14 томов «Документов внешней политики России». В настоящее время Историко-документальный департамент продолжает публикацию очередных томов этих двух серий архивных документов.

Под редакцией А.А. Громыко вышли шеститомная публикация документов «Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны – 1941–1945 гг.», включающая конференции в Москве,

Тегеране, Ялте, Потсдаме, Думбартон-Оксе и Сан-Франциско, а также шесть томов документов об отношениях СССР с США, Великобританией и Францией в период войны.

Выдержали четыре издания труд по «Истории внешней политики СССР», подготовленный коллективом авторов под редакцией А.А. Громыко, «Дипломатический словарь», а также были изданы четвертый и пятый тома «Истории дипломатии».

Это только фундаментальные издания, которые подготовлены и опубликованы при непосредственном участии и поддержке Андрея Андреевича, не говоря о многих других вышедших в свет в 70–80-х годах томах документов по двусторонним отношениям с разными странами.

За научную работу Андрей Андреевич дважды был удостоен Государственной премии.

В целом ряде трудов, и особенно в воспоминаниях «Памятное», Андрей Андреевич сформулировал свои суждения о предназначении дипломатии, об облике современного дипломата, каким он ему виделся. Они, конечно, несут на себе отпечаток идеологических штампов той эпохи. Но основное остается полезным и сегодня. В сжатом виде суть этих мыслей Громыко состоит в следующем.

Дипломат должен быть патриотом и верным сыном своего Отечества. Его задача – «бороться до конца за интересы своей страны, без ущерба для других».

«Работать по всему диапазону международных отношений, находить полезные связи между отдельными, казалось бы, процессами», – эта мысль была своеобразной константой его дипломатической деятельности.

«Главное в дипломатии – компромисс, лад между государствами и их руководителями».

Громыко считал, что дипломатия не терпит «белоручек». Дипломатическая деятельность – труд тяжелый, требующий от тех, кто им занимается, мобилизации всех своих знаний и способностей. Дипломат обязан быть образованным, эрудированным человеком, основательно знать страну пребывания, ее историю, внешнюю политику, экономическое положение и культуру, законы, обычаи и традиции.

Сам умелый переговорщик, Громыко понимал искусство дипломата как умение завязывать и поддерживать полезные контакты с иностранными дипломатами и представителями властных структур для получения необходимой информации, а затем квалифицированного ее анализа.

Андрей Андреевич не допускал политиканства в дипломатии. Не терпел он и дилетантства, считая дипломатию трудным искусством возможного, и всей своей деятельностью подтверждал это.

Очевидцы выделяли огромную энергию Громыко, его выносливость, колоссальную трудоспособность, умение работать быстро и эффективно. Общепризнанно, что Громыко как министр отличался высокой компетентностью, хорошим знанием многообразных дел, которыми ему приходилось заниматься. Его феноменальная память вызывала искреннее удивление даже

у видавших виды политиков, к каким, без сомнения, принадлежал канцлер ФРГ В. Брандт. Он писал в своих воспоминаниях, что, встретив Громыко вскоре после его отставки с поста председателя Президиума Верховного совета СССР, был поражен тому, что даже 18 лет спустя он «мог точно вспомнить каждый из тех 55 часов, которые у него в феврале, марте и мае 1970 года заняли беседы с Э. Баром»[1], когда готовился Московский договор между СССР и ФРГ 1970 года.

Многие считали и продолжают считать Громыко скованным, угрюмым, скупым на эмоции и юмор человеком, что порой подчеркивалось и его нарочито строгой одеждой и общим внешне суровым обликом. Возможно, они в чем-то правы. Однако в деловом общении – а это немаловажно для министра иностранных дел – эти черты с лихвой компенсировались, как отмечал, например, А.М. Александров-Агентов, «остротой ума и глубоким знанием дела, внушавшим уважение»[2]. Убедительно звучат и слова о Громыко бывшего заместителя Генсекретаря ООН Б. Уркварта в письме, специально направленном в МИД России в связи с нынешней юбилейной датой (100-летие А.А. Громыко в 2009 г. – *Ред.*): «Я могу только догадываться, какой трудной должна была быть задача А.А. Громыко в качестве посла и министра иностранных дел. Он выполнял свои обязанности с большим изяществом и стал фигурой международного масштаба. Те, кто имел дело непосредственно с ним, стали не только уважать его, но и почувствовали привязанность к нему»[3].

А.А. Громыко ушел из жизни 2 июля 1989 г. За 10 лет, прошедшие с его смерти, мир неузнаваемо изменился. Вместе с холодной войной завершилось историческое противостояние двух мировых систем – главный фактор в международных отношениях XX в. Его закат ознаменован началом новой эры – постконфронтационной.

Начинается эта эра, надо признать, весьма непросто. Переход к новой системе координат в международной политике происходит более сложно и противоречиво по сравнению с недавними прогнозами. В его ходе груз старых нерешенных проблем наслаивается на новые вызовы времени, обусловленные объективными особенностями мирового развития.

В этой связи актуально звучит еще один из «уроков А.А. Громыко». «Государство, Отечество – это мы, – любил говорить он. – Если не сделаем мы, не сделает никто».

Сегодня, оглядываясь назад, воспроизводя все «за» и «против» масштабной личности и многогранной деятельности Андрея Андреевича, можно, думается, с уверенностью говорить о том, что А.А. Громыко занял достойное место в пантеоне великих деятелей уходящей эпохи, в отечественной истории.

---

[1] *Брандт В.* Воспоминания. М., 1991. С. 202.

[2] *Александров-Агентов А.М.* От Коллонтай до Горбачева. М., 1994. С. 84.

[3] Из письма Б. Уркварта в МИД России, апрель 1999 г.

Суходрев В.М.

Аплодисменты от друзей и от недругов*

Если говорить об Андрее Андреевиче, то, конечно, он был исключительно дисциплинированный и самодисциплинированный человек, который требовал этого от себя и от других в равной мере.

Но если с профессиональной точки зрения всмотреться в весь период пребывания Андрея Андреевича на посту министра, особенно тем, кто присутствовал на многочисленных переговорах, которые он вел лично и с главами государств, и с главами правительств, и уж, конечно, с бесчисленными своими коллегами-министрами, то можно увидеть, что вся внешняя политика проходила, по существу, под знаком его личности. Он исключительно твердо придерживался утвержденной позиции. Он менее всего любил «переходить на запасную позицию». Громыко предпочитал истолковывать обстоятельства как не позволяющие перейти на запасную позицию, вернуться в Москву, доложить о том, что противоположная сторона не пошла на ту или иную договоренность, и оставить запасную позицию для очередного раунда переговоров. Он очень упорно, как бульдог, цеплялся за наши позиции, отстаивал их.

Все знают, что были подробные директивы, но они у него были в папке, которая во время переговоров никогда не открывалась. В лучшем случае он своим корявым почерком синим карандашом выписывал себе пункты, буквально даже не предложения, а какие-то отдельные слова, чтобы сохранить определенный порядок изложения позиции. Вот, скажем, госсекретарям в ходе переговоров по всему кругу вопросов – разоружение, политика, общие виды на взаимоотношения, экономика, двусторонние связи и так далее – сотрудники американской делегации приносили скоросшиватель, открывали его перед своим государственным секретарем, и тот шел по всем этим страницам, листая их одну за другой. Потом тот же помощник вставал, забирал этот скоросшиватель. Новый помощник, отвечающий за другую тематику, скажем, Ближний Восток, приносил новый *groβ Buch*, и опять повторялось все то же самое.

Суходрев Виктор Михайлович (1932–2014) – Чрезвычайный и Полномочный Посланник I класса.

* Впервые опубликовано в: А.А. Громыко – дипломат, политик, ученый. Материалы Научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А.А. Громыко. С. 97–104.

У Громыко перед собой ничего не было. В редких случаях, если речь шла о самых сложных материях и вопросах, скажем, стратегических вооружениях, когда были «горы» цифр, параметров и характеристик тех или иных конкретных видов ракет, моноблочных и с разделяющимися головными частями, ему выписывали буквально только цифровую выкладку. Все рассуждения, вся философия велись им в свободном, вольном виде. Я заранее, конечно, знакомился с директивами. Он умел подчас суконный язык директив облачать в какую-то свою форму – более доступную, более понятную. Но иногда, когда я приносил ему запись сделанных бесед или переговоров, перед тем как выпустить ее в виде телеграммы, которая шла в Москву, он больше правил себя, нежели собеседника. Себя, потому что он иногда возвращал то, что на самом деле говорил, более образно и по-человечески лучше, чем это было записано в бюрократическом документе, хотя и составленном в стенах моего родного ведомства. Он «причесывал» текст так, чтобы было понятнее тем, кто наверху читал.

У него была удивительная манера вести переговоры. Он мог часами, буквально вцепившись в свою позицию, повторять, повторно излагать, меняя те или иные слова, добиваясь при этом нужного эффекта. Он всегда делал так, чтобы за ним было последнее слово. Из-за этого беседы затягивались, подчас потому что такие дипломаты, например, как Киссинджер, тоже хотели, чтобы в записи беседы им всегда принадлежало последнее слово. Так они и крутились. Практически сказав уже все, они шли по второму, по третьему, по пятому разу, только чтобы расстаться на последнем слове, но каждый на своем. Должен сказать, что большей частью победа оставалась за нами. В конце беседы по тому или иному вопросу, выслушав собеседника, он, как правило, заканчивал одними и теми же словами: «Ну вот, скажите, вернувшись в Москву, могу ли я доложить советскому руководству и лично – либо Никите Сергеевичу, либо Леониду Ильичу, – что американская сторона считает», – и далее он давал собственное толкование позиции противоположной стороны. Он не искажал ее, он ее слегка спрямлял, она как бы ближе становилась к нашей позиции, и вроде ни к чему не придерешься, а слова нам более удобны. Малоопытные министры иностранных дел приходили от этого в полное замешательство – вроде они это говорили, а вроде бы и нет, но и возразить напрямую против чего-либо не могут. Короче говоря, там, где была с их стороны какая-то нюансировка или гораздо меньшая определенность, он чуть-чуть добавлял определенности. Это была его постоянная манера.

Отдельно должен сказать о знании языка. Он знал английский язык. Я должен сказать без всякого преувеличения, что он знал его прекрасно. Да, у него был довольно сильный русский акцент, но при всем этом акценте на английском языке он мог высказать любую мысль, с любыми нюансами, которые только требовались. Здесь ему тоже приходила на помощь его феноменальная память. Он слушал перевод или где-то что-то читал и вдруг находил какое-то слово, которое ему нравилось, может быть, даже он его сразу и не понимал, либо спрашивал его у меня, либо заглядывал в словарь, и это понравившееся ему слово он уже никогда не забывал. То же относится и к крылатым

выражениям. Кстати, это было бедствием для нас, английских переводчиков. Мы его между собой называли пожирателем переводчиков. В свое время, когда я попал в МИД, моим крестным отцом был Олег Александрович Трояновский. Он в то время уже тяготился ролью переводчика и искал себе замену, и вот так через цепь случайностей он вышел на меня. В свое время я тоже хотел как-то уйти на самостоятельную работу и пытался Громыко подсунуть того или иного английского переводчика на рядовую беседу.

Несколько раз старший помощник говорил мне: «Этого больше не присылать». И естественно, это было только с моими коллегами-англичанами, потому что французского, немецкого он не знал. Тут уж он был беспомощен. А с англичанами и со мной он вытворял нечто невообразимое. Во время переговоров он находил возможность, используя, конечно же, директивы, подчас даже нарочито, витиевато, образно и красочно, с какими-то своими приемами выражать мысли, а потом, слегка откидываясь в кресле, с интересом слушать, а как же это все выйдет на английском. Иногда он даже удивлялся, что это действительно так, подчас перебивая: «Как? Разве это Вы правильно перевели? Это вот так по-английски будет». А затем комментировал перевод, чем, конечно, не облегчал нам жизнь. Иногда, наговорив 10 минут, пока я разбирался со своим блокнотом, он говорил: «Ведь я еще вот это сказал. А где же это?» Я ему отвечал: «Через две страницы». – «Ну, это будет?» – «Обязательно будет». К удивлению собеседников, не знающих русский язык, начинался диалог между министром и его переводчиком.

Он внимательно и с интересом следил за переводом и где-то даже учился на нем. Как-то в переговорах с американским госсекретарем он употребил выражение «шило в мешке не утаишь». Я честно признаюсь, что не так часто имею дело с шилом, тем более на английском языке, но у меня же только доля секунды на обдумывание, и я перевел это как «иглу в мешке не утаишь». Он меня перебивает и говорит: «Суходрев, а я сказал: шило!» Причем так спокойно, более того, я бы сказал, как будто сунул нож и им еще крутит. И в данном конкретном случае, наверное, сработала подкорка мозга, и я таки вспомнил, как по-английски будет «шило», а он этого слова не знал. Сидевший напротив американец сказал: «Да, это именно так. Наверное, это то, что Вы хотели сказать». И после этой беседы Громыко меня снова спросил, как же будет «шило» по-английски. И добавил: «Сразу-то не взяли "шило"». Я говорю: «Но потом-то взял». – «Ну, потом взяли».

Еще у него была совершенно замечательная формула. Например, он действительно встречался с несколькими министрами иностранных дел Израиля, даже когда у нас не было дипломатических отношений. И каждый из них говорил: «Ну, господин Громыко, Вы же голосовали за создание нашего государства. А сейчас Вы даже не хотите возобновить с нами дипломатические отношения. Ну, как же Вы можете играть роль на Ближнем Востоке, если, скажем, Киссинджер колесит туда-сюда ко всем арабам и к нам, а Вы только к арабам, а к нам нет». Громыко говорил что-то о неправильной политике Израиля на Ближнем Востоке, о враждебности по отношению к арабам,

об агрессии и т.д. Когда аргументов не оставалось, он говорил: «Нет, господин министр (и его лицо становилось еще мрачнее, даже грустнее, чем обычно). Наш народ этого не поймет». Ну что после этого мог возразить несчастный министр иностранных дел Израиля? Если целый народ не поймет. Наверное, Громыко хотел, да народ не поймет. Вот это был его четкий способ закрыть тему. И это получалось.

Самая резкая беседа, которая была у Громыко (и он признает это в мемуарах) с госсекретарем из всех 14-ти, с которыми он встречался, была в Мадриде. 1 сентября 1983 г. был сбит южнокорейский самолет). 8 сентября собралось совещание государств – участников СБСЕ, и все газеты в один голос трубили, что никакой беседы не будет, Шульц резко поставит вопрос о южнокорейском самолете. Громыко явно откажется, и все. И отношения будут испорчены вконец и надолго. Беседы не будет. С этим я, поддавшись настрою американской прессы, поехал на эту встречу. И действительно, это была самая резкая встреча. Дело в том, что она началась не с обсуждения вопроса. Шульц начал говорить, что у него есть поручение президента сделать заявление по сбитому корейскому самолету. Громыко говорит: «А у меня есть свои предложения по повестке дня. Мало ли, что Вам приказал сделать Ваш президент. А я хочу обсуждать вопросы, от которых действительно зависят судьбы мира, общие ситуации в мире, отношения между Советским Союзом и США: куда мы идем, разоружение (в общем, перечислил всю обычную гамму, весь обычный набор наших тем для переговоров). В какое-то время я отвечу на любые ваши вопросы. И дам еще и свою характеристику тому, что произошло. Но с этого начинать я не буду».

Короче говоря, отсюда «закрутилось». Шульц отвечает, что у него поручение с этого начать. Чем дальше, тем больше. Громыко покраснел и изо всех сил стукнул кулаком по столу (таким я его действительно никогда не видел) и сказал: «Ну, если так, тогда вообще разговора не будет. Так я и доложу, когда приеду в Москву, что американцы наотрез отказываются вести с нами дела, не хотят говорить о действительно животрепещущих, важнейших проблемах мироположения». Причем все это было произнесено на подъеме. Я еще мягко говорю.

И кончилось тем, что он еще раз стукнул кулаком по столу и встал. «В таком случае надо прекращать беседу». Шульц – обычно мягкий, спокойный и уравновешенный, впрочем, как и Громыко, встал, тоже стукнул кулаком по столу. Вот так они друг напротив друга стоят, еще мгновение, и, кажется, что они набросятся друг на друга с кулаками. Мы все сидели в оцепенении – Виктор Комплектов, я и другие, не понимая, вставать нам или нет. У меня – блокнот, мне необходимо еще и каждое слово записать. А они, как два петуха, друг напротив друга стоят и опять свое.

И вы знаете, Шульц сдался. Беседа длилась не пять минут, а три часа, и был обсужден весь круг вопросов, которые в самом начале назвал Андрей Андреевич. И конечно, состоялся отдельный, ближе к концу, острый разговор по корейскому самолету, где в соответствии с нашей тогдашней полити-

кой Андрей Андреевич давал резкую отповедь американцам за провокацию, шпионский полет и т.п. Вот какой была эта беседа.

О личности Андрея Андреевича. Его часто называли «мрачный Гром». Но на самом-то деле это было не так. Например, в нашем гостеприимном посольстве в Вашингтоне, за столом, он был прекрасным рассказчиком. Не по вопросам текущей политики, вспоминал что-то из прочитанного о своих предшественниках дореволюционной эпохи (о Горчакове и других), рассказывал что-то из литературы. И еще он был заядлый охотник. Наверное, его приучил к этому Хрущев. Но он действительно пронес эту страсть через период правления и Хрущева, и Брежнева.

В один из приездов в Нью-Йорк он вдруг попросил меня узнать, где находится магазин, в котором можно было бы поинтересоваться об охотничьем оружии. Такой магазин был расположен на Мэдисон-авеню, там еще в свое время Хемингуэй подбирал себе оружие для африканских сафари и других видов охоты, в которых он участвовал. Я отправился в этот магазин, познакомился с менеджером и объяснил, что я в этом ничего не понимаю, что это для моего начальника. Вооружился кипой проспектов и вернулся к Андрею Андреевичу. Он, как ребенок (и действительно, говорят, что мужчина – это взрослый ребенок), начал разглядывать эти проспекты. И кончилось все это тем, что я его уговорил-таки поехать в магазин (единственный раз, на моей памяти!). Тут уже пришел генеральный управляющий, который занимался исключительно Андреем Андреевичем. Закончилось все это тем, что он остановил свой выбор на винчестере или еще на каком-то ружье. И где-то через неделю я поехал за ружьем в этот магазин с моим другом Лешей Глуховым, французским переводчиком. Обратно ехали на машине. У нас была такая коробка с этим ружьем, что, наверное, для любого человека было ясно, что в этой коробке было. А тут еще всякие политические убийства в Америке. Мы подумали, хорошо, если бы сейчас кто-нибудь посмотрел – два советских дипломата ходят по Нью-Йорку с мощным ружьем. Вот это у Андрея Андреевича была страсть чисто человеческая, понятная.

Говорили: пил Громыко, не пил Громыко. Да нет, не пил, конечно. Более того, у него даже не было опыта распознания человека, который выпил и который действует под влиянием выпитого. Однажды в ходе беседы в Государственном департаменте (это было в пятницу или в субботу) Раск пришел в уикендовском виде, в твидовом пиджаке, и попросил Громыко о беседе один на один. Беседа, пока мы на веранде стояли и пили коктейли, продлилась чуть ли не час. И Раску явно казалось, что на этом, собственно, переговоры закончены, вроде бы они все обсудили. Потом был обед, разумеется, со спиртными напитками.

После обеда Громыко говорит; «А можно мы еще продолжим после обеда?» Вот на это Раск никак не рассчитывал. Он уже разгулялся. Мы пошли в отдельную гостиную. А Раск попросил себе виски, и я заметил, что его повело. Он начал говорить не по теме, вспоминать вещи, которые к делу не относились. Громыко, естественно, отвечал, хотя все это было «не пришей кобыле

хвост». Кончилось тем, что Раск начал вспоминать пакт Молотова–Риббентропа. Громыко взорвался. Но я же не могу наклониться и сказать, что Раск, извините, перепил. А Громыко этого просто не видел, не ощущал и не чувствовал. Когда беседа закончилась и Раск встал, его слегка качнуло. Но Громыко и на это не прореагировал.

Мне было неудобно рассказать об этом лично Громыко, поэтому я рассказал его сотрудникам, а те – ему. Когда они ему рассказали, он как-то успокоился. Потом он сам ко мне подошел и сказал: «А Раск-то вчера был пьян». И сказал это так, как будто он с самого начала это знал. Чего, конечно, не было. И я с ним договорился, что я при записи эту часть беседы спрямлю.

Громыко был любителем и ценителем хорошего вина. Мы были в Париже в ходе подписания договора по Вьетнаму. Это был период добрых отношений с Америкой, стало быть, что-то конструктивное было достигнуто. И тогда госсекретарь Роджерс, а оба министра были там с женами, пригласил Громыко с супругой пообедать вместе, вчетвером, в знаменитом парижском ресторане «Тур д'аржан» («Серебряная башня»). Ресторан существует с XVIII века, там подают знаменитую утку, каждая – под номером. К утке подали красное вино. Два министра, за отдельным столом охрана – наша и американская. Обслуживает мэтр, в общем все крутятся вокруг нашего столика. Вдруг Громыко поворачивается ко мне и тихо говорит; «Да, а вы не могли бы поглядеть, что это за вино? Наверное, какое-то очень выдающееся. Хорошее какое-то вино». Я говорю; «Хорошо, Андрей Андреевич». Вино подходило к концу. Виночерпий подливал. И я сказал, что мой министр очень заинтересовался этим вином, нельзя ли записать его название. «Что Вы, я отклею вам этикетку». Они принесли мне наклейку. Я говорю: «Андрей Андреевич, наклейка у меня. Я ее Вам завтра передам». «Только не забудьте», – ответил он. И я на следующее утро действительно передал эту наклейку, которую он аккуратно положил в карман. Вот, был и такой случай.

Он не любил встреч один на один без переводчиков. В дипломатии старой школы был запрет даже послам встречаться один на один, обязательно должен был присутствовать кто-то из дипломатов. Он старался, если возможно, взять только переводчика. Как, например, на этот обед, о котором я только что говорил. Они сидели там с женами, ни о каком деле разговора быть не могло, но ему было спокойнее, что я был рядом. Хотя он и Лидия Дмитриевна говорили по-английски. Это был один их лучших обедов, на которых я присутствовал.

Однако не такой приятный, с гастрономической точки зрения, случай имел место в Вашингтоне с Картером. Когда мы уже вышли в розовый сад и прощались, Картер вдруг посмотрел на часы и сказал: «А время-то – ланч. Господин Громыко, давайте-ка мы вдвоем поднимемся ко мне на второй этаж и поланчуем». Громыко ко мне: «Вот он хочет один на один. А я бы предпочел, чтобы Вы были». Я сказал: «Андрей Андреевич, я же не могу об этом говорить. Вот посол стоит». Он идет к Добрынину: «Анатолий Федорович, Вы не могли бы сказать Картеру, что я бы спокойнее себя чувствовал, если бы

на ланче присутствовал Суходрев». Анатолий Федорович сказал все Картеру. Картер ответил: «Да ради Бога. Я только рад буду. Конечно».

Я тем временем подошел к моему американскому коллеге, потому что мне лучше, если нас будет двое. Половина работы – он, половина работы – я, удобнее записывать. Откуда мне знать, вдруг Картер припас самое сокровенное на эту встречу один на один. Американский переводчик спросил, нужен ли он Картеру. Картер ответил, что нет. Вот мы втроем поднимаемся на второй этаж. Раньше писали, что Картер изъял из Белого дома (почти как у нас при Горбачеве) все спиртное. А тут он предлагает: «Давайте выпьем». Андрей Андреевич прекрасно знает, что пьют на Западе. Но он вновь вопросительно смотрит на меня. Я говорю, что, конечно, виски, если оно есть. Я спросил у Картера, есть ли виски. Он ответил, что, конечно, есть. А я говорю: «А что же в газетах пишут, что у Вас ничего нет?». Он сказал, что для друзей всегда найдется. И, наконец, ланч в Белом доме с Картером, втроем. Меню: салат, гамбургер (может быть, чуть получше, чем в «Макдоналдсе») и картошка фри. Эго все. Ни вина, да вообще ничего, только кока-кола. И весь обед – разговор ни о чем. Просто так А я в это время сидел и думал о тех яствах, которые подают в нашем гостеприимном посольстве в Вашингтоне, где повар Валя Житорев выкладывался на все 100 процентов. Я представлял, какое удовольствие все мои друзья, старшие дипломаты нашего посольства, сейчас получают вместе с сопровождающими Андрея Андреевича лицами. Вот такая история была.

Я очень много мог бы рассказать о Громыко, и в основном хорошее. Я был на острие его замечаний, и ему иногда казалось, что я затягиваю запись срочной беседы. Но в следующий раз, когда к нему приходишь, он уже другой, все забыл, и все нормально. И он еще скажет что-нибудь нарочито доброе. Чтобы, так сказать, загладить свою вину за прошлую обиду.

Мне еще захотелось вспомнить тот обморок, который с ним случился на Генеральной Ассамблее. Потому что тот обморок был от перегрева. Дело в том, что я обомлел совершенно, когда ехал с ним в машине в Индонезии, он тогда сопровождал Хрущева. Я ехал на откидном сиденье, и, когда обернулся назад, увидел, что у него задралась брючина и сквозь тонкий черный носок просвечивала белая штанина от кальсон. Это в сорок-то градусов жары с влажностью. Значит, то же самое было у него и в Нью-Йорке, а в Нью-Йорке, как известно, жарко. Тогда еще не было таких мощных кондиционеров. Он просто перегрелся и потерял сознание. Но воцарилась абсолютная тишина, после некоторого замешательства было решено предоставить слово следующему оратору, тот выступал не очень долго. К этому времени пришел в себя Андрей Андреевич, и действительно когда он вышел, его встретил гром аплодисментов. Аплодисментов от друзей и от недругов. И это действительно была дань уважения этому мужественному, великому человеку от всех. И сегодня мы воздаем должное замечательному человеку, выдающемуся государственному деятелю Андрею Андреевичу Громыко.

Тимербаев Р.М.

Громыко и борьба за разоружение*

С того времени, когда Андрей Андреевич Громыко в 1940-х гг. работал послом в Вашингтоне, а затем в Нью-Йорке представителем в Совете Безопасности ООН и Комиссии ООН по атомной энергии, он стал прекрасно разбираться в проблематике разоружения и, насколько мне известно из регулярных личных наблюдений и контактов с ним в течение многих десятилетий, сохранял и приумножал свое глубокое понимание всех тонкостей этой проблематики до конца своих дней. Он не только разбирался, но и активно продвигал идеи и предложения по ограничению вооружений и разоружению, постоянно подталкивал нас, молодых, к поиску таких конкретных решений, которые в полной мере отвечали бы национальным интересам нашей страны.

Известно, что когда Комиссия ООН по атомной энергии приступила к работе в июне 1946 г., США внесли на ее рассмотрение пресловутый «план Баруха», целью которого было установление международного контроля над атомной энергией не столько ради уничтожения атомного оружия, сколько для сохранения американской атомной монополии. Советский Союз по предложению Молотова, утвержденному Сталиным, противопоставил американскому плану довольно незамысловатый проект международной конвенции о запрещении атомного оружия и об уничтожении в трехмесячный срок всех запасов готовой и незаконченной продукции этого оружия. Причем без всякого международного контроля. И на переговорах сразу же возник непреодолимый тупик.

Громыко с самого начала понимал, что без соответствующего контроля атомную бомбу не запретить и, тем более, не уничтожить. Внося в ООН предложение о запрете атомного оружия, Советский Союз предложил также план организации работы Комиссии ООН, а именно, создание двух вспомогательных комитетов – по обмену атомной информацией (в чем мы, естественно, были тогда весьма заинтересованы) и по предотвращению использования

Тимербаев Роланд Михайлович (1927–2019) – доктор исторических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол.

* Впервые опубликовано в: «Лучше десять лет переговоров, чем один день войны». Воспоминания об Андрее Андреевиче Громыко. С. 269–278.

атомной энергии во вред человечеству. Как следует из архивных материалов, в первоначальном проекте плана фигурировал и комитет по контролю над атомной энергией, но московское начальство эту идею отвергло.

Только в конце октября 1946 г. Сталин, видя бесперспективность нашего негативного отношения к контролю, согласился в интервью корреспонденту газеты *Sunday Times* Александру Верту, что международный контроль нужен. И важную роль в этом решении сыграла, как показывают архивные материалы, советская делегация в Комиссии ООН по атомной энергии, возглавляемая А.А. Громыко. В июне 1947 г. делегация СССР внесла в Комиссию уже развернутые предложении по международному контролю за уничтожением атомного оружия. Многие идеи, представленные в этих предложениях, и последующие пояснения к ним, изложенные советским представителем в Комиссии ООН, сохраняют свою актуальность и сегодня.

Как свидетельствует сын Громыко Анатолий, по мнению его отца, в 1946 г. Сталин и Молотов «все еще могли пойти на соглашение с США по атомной проблеме». Андрей Андреевич отлично знал настроения в пользу международного контроля над атомной энергией в американском общественном мнении, особенно среди ученых-атомщиков, и даже в некоторых правительственных кругах в связи с созданием ядерного оружия и бомбардировкой Хиросимы и Нагасаки. Эту ситуацию хорошо характеризует, например, письмо военного министра Генри Стимсона президенту Трумэну от 11 сентября 1945 г., в котором министр писал, что «если мы не обратимся к русским сейчас и будем лишь продолжать вести с ними какие-нибудь переговоры, держа это оружие за пазухой, то они предпримут решительные усилия, чтобы решить проблему (создания атомного оружия)»[1].

Тогда, в 1946 г., США располагали относительно ограниченной атомной производственной инфраструктурой и всего лишь несколькими единицами атомного оружия, поэтому, естественно, что ликвидация их под соответствующим международным контролем была бы куда более простой задачей, чем сейчас, когда и у них, и у других ядерных держав накопились горы ядерного оружия, и ядерный фактор стал играть неотъемлемую и во многом даже определяющую роль в современном мире.

Но шанс, и шанс – увы, возможно, единственный – был тогда упущен. Позднее, в 1980-е гг., как вспоминает Анатолий Громыко, Андрей Андреевич считал, что «сейчас, когда от переговоров с Барухом нас отделяет столько лет, я уверен, что Сталин не отказался бы от создания собственной атомной бомбы. Он хорошо понимал, что Трумэн от атомного оружия не откажется»[2].

Однако и после «пристрелочных выстрелов» в Комиссии ООН по атомной энергии Андрей Андреевич в течение своего многолетнего служения стране

---

[1] *Lanouette W.* Genius in the Shadows. A Biography of Leo Szilard, the Man Behind the Bomb. Chicago: Chicago University Press, 1994. P. 282.

[2] *Громыко Анатолий.* Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. Воспоминания и размышления сына. М.: Автор, 1997. С. 65, 67.

в качестве руководителя дипломатического ведомства и крупного государственного деятеля неизменно уделял вопросам ограничения вооружений и разоружения самое пристальное внимание, глубоко сознавая их первостепенное значение для обеспечения безопасности и национальных интересов страны. Мне довелось работать под его руководством как раз в сфере данной проблематики в разном качестве – от референта до посла – в течение более 35 лет, с 1952 по 1988 г. Последний содержательный разговор между нами состоялся уже в Кремле, когда Андрей Андреевич незадолго от ухода из жизни занимал пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Остановлюсь на некоторых конкретных разоруженческих проблемах того времени, привлекавших к себе пристальное внимание Громыко, многие из которых сохраняют свое непреходящее значение и поныне.

Андрей Андреевич одним из первых в тогдашнем руководстве страны всерьез заинтересовался проблемой ограничения систем противоракетной обороны (ПРО), полностью сознавая, что в тот период (а, возможно, и вообще) было практически нереально разработать и создать эффективную территориальную и даже более ограниченную систему противоракетной обороны и что попытки развернуть ее могли только подтолкнуть к новому витку наступательных стратегических вооружений в целях преодоления такой системы. Советский Союз первым осуществил перехват баллистической ракеты еще в 1961 г., и вокруг Москвы началось строительство первого района противоракетной обороны А-35, которую американцы потом окрестили «Галошей». Позиция советского руководства была до наивности простой: оборона – благо, нападение – вред. А в США уже создавались межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН), которые могли бы легко преодолеть нашу ПРО. Нечего и говорить, что создание ПРО повлекло бы за собой многомиллиардные и притом бесперспективные затраты. Сами США осуществили первый перехват ракеты гораздо позднее и стали создавать систему защиты МБР в районе Гранд Форкс (шт. Северная Дакота), но потом, поняв бесполезность этого проекта, отказались от него. Не стали они создавать и территориальную систему противоракетной обороны «Сэйфгард».

Примерно с начала 1964 г. влиятельные представители администрации США начали делать «заходы» к ответственным советским представителям с предложением договориться об обоюдном отказе от создания ПРО. Очевидно, первым таким обращением стала беседа Уильяма (Билла) Фостера, директора Агентства по контролю над ограничением вооружений и разоружению (АКВР) и близкого друга министра обороны Роберта (Боба) Макнамары, с послом СССР в Вашингтоне А.Ф. Добрыниным 16 января 1964 г.[1] В Москву поступали сообщения и об обращениях к заместителю министра иностранных дел В.А. Зорину, и к видным советским ученым, участникам Пагуошского движения, и к другим официальным и неофициальным лицам.

[1] См.: *Dobrynin A.* In Confidence. Moscow's Ambassador to America's Six Cold War Presidents. N.Y.: Times Books. Random House, 1995. P. 149.

По указанию министра мой шеф – заведующий Отделом международных организаций Кирилл Васильевич Новиков дал мне, своему заместителю, поручение тщательно собирать все эти сообщения с обращениями к нам, и со временем у меня образовалась «критическая масса» таких обращений. Как мне помнится, очевидно, в конце 1965 г. или начале 1966 г. Кирилл Васильевич, уходя в отпуск, дал указание при удобном случае доложить министру и просить его внести в Политбюро предложение поручить соответствующим ведомствам основательно разобраться во всей этой проблеме и выработать позицию по ПРО для использования в наших внешнеполитических действиях. Громыко, выслушав предложение отдела, дал указание подготовить порученческую записку в ЦК, которая была подготовлена и доложена ему буквально на следующий день. Он тут же подписал ее, но из приложенного к ней проекта постановления Политбюро ЦК КПСС вычеркнул своим привычным тупым синим карандашом слова «в трехмесячный срок» (т.е. постановление ЦК не должно было устанавливать срока выполнения поручения) и сказал:

«Быстро перепечатайте проект постановления и направляйте по адресу».

А потом началась «катавасия». Спустя некоторое время мне позвонил по правительственному телефону (по так называемой «вертушке») председатель Научно-технического совета Военно-промышленной комиссии Совмина СССР и один из главных идеологов советской ПРО академик Александр Николаевич Щукин и пригласил к себе в Кремль. Я был у него несколько раз, и каждый раз он не без язвительности поучал меня, пользуясь при этом большой разницей в возрасте, – как же можно запрещать оборону?

Однако инициатива МИДа все же нашла положительный отклик в Кремле, и А.Ф. Добрынину 18 марта 1966 г. пошло указание провести первый зондаж о возможности договоренности об ограничении ПРО, но непременно *в одном пакете* с ограничением наступательных стратегических вооружений. Посол встретился с Биллом Фостером, но тот реагировал тогда на пакетное решение этой проблемы без энтузиазма[1].

Советское руководство продолжало публично выступать против введения ограничений на ПРО, в том числе и в ходе известной встречи А.Н. Косыгина с президентом Линдоном Джонсоном и министром обороны Робертом Макнамарой в Глассборо (шт. Нью-Джерси) в июне 1967 г.

И только перед открытием Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) для подписания 1 июля 1968 г. между Джонсоном и Косыгиным по инициативе американской стороны состоялся обмен посланиями, в ходе которого было согласовано следующее: в день подписания договора будет объявлено о том, что между двумя сторонами достигнута договоренность «вступить в ближайшее время в переговоры относительно *комплексного* (выделено мной. – *Р.Т.*) ограничения и сокращения как систем доставки наступательного стратегического ядерного оружия, так и систем обороны против баллистических ракет». Однако из-за политических разногласий (в частно-

[1] См.: *Dobrynin A.* In Confidence. Moscow's Ambassador to America's Six Cold War Presidents. P. 150–151.

сти, ввода войск Варшавского договора в Чехословакию) переговоры начались только в конце 1969 г. и привели к заключению Договора по ПРО и Временного соглашения по стратегическим наступательным вооружениям в мае 1972 г. В 2002 г. при республиканской администрации Джорджа Буша-мл. Соединенные Штаты, к сожалению, вышли из этого договора.

Огромную роль Громыко сыграл в становлении международного режима ядерного нераспространения и, прежде всего, в выработке самого ДНЯО.

После создания ядерного оружия и появления первых ядерных государств международная общественность не сразу осознала важность предотвращения дальнейшего расползания ядерного оружия по миру. Ряд других государств приступил к созданию своих ядерных программ, а те державы, которые уже обзавелись этим оружием, не раз не гнушались оказанием помощи и содействия в этой области странам, еще не ставшим на путь ядерного развития. Только в начале 1960-х гг. пришло осознание значения нераспространения, и ООН приняла резолюцию о необходимости заключения соответствующего договора.

Однако переговорам по выработке договора препятствовали американские планы создания так называемых многосторонних ядерных сил НАТО (МЯС), благодаря которым позволялся бы допуск неядерных стран Североатлантического альянса, в том числе и Западной Германии, к «ядерному курку». Жесткая борьба вокруг планов МЯС продолжалась несколько лет, и только к 1966 г. США были вынуждены уступить. Осенью того года в Вашингтоне и Нью-Йорке состоялись консультации и переговоры между А.А. Громыко и американским президентом Линдоном Джонсоном и госсекретарем Дином Раском, которые позволили разблокировать основной вопрос, мешавший доселе заключению ДНЯО, – вопрос о непередаче ядерного оружия и контроля над ним. Прежде американцы хотели, чтобы договор допускал возможность передачи оружия военным группировкам, а мы требовали, чтобы был установлен запрет на передачу его не только отдельным государствам, но и группировкам государств, т.е. в том числе и НАТО. И вот в результате двусторонних переговоров была выработана совершенно приемлемая для нас формулировка о непередаче ядерного оружия *кому бы то ни было, ни прямо, ни косвенно,* и она была включена в текст договора.

Столь же настойчиво Андрей Андреевич вел дело к тому, чтобы был установлен международный контроль за обязательствами неядерных государств не производить и не получать от кого бы то ни было ядерного оружия. Соединенные Штаты не без подсказки стран – членов Евратома, в первую очередь ФРГ, добивались, чтобы в этих странах осуществлялся не международный контроль со стороны Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), а наблюдение со стороны только замкнутой региональной организации – Евратома. Переговоры продолжались целый год, но все же в конце концов удалось добиться, чтобы верховный международный контроль независимо осуществлялся МАГАТЭ.

На основе принципиальных договоренностей, достигнутых между руководителями внешнеполитических ведомств обеих стран, работа над кон-

кретными формулировками ДНЯО велась делегациями соответствующих государств в Нью-Йорке и Женеве. Андрей Андреевич лично внимательно знакомился с шифротелеграммами и вмешивался в процесс переговоров только в крайних случаях, чаще всего соглашаясь с теми текстовыми предложениями, которые поступали в Москву от нашей делегации. Его отличала замечательная черта: убедившись в профессионализме своих сотрудников, их умении достойно проводить дипломатическую линию на переговорах в интересах нашей страны, он давал им возможность действовать инициативно и оперативно.

В итоге Договор о нераспространении был заключен и подписан. ДНЯО заложил фундамент международного режима ядерного нераспространения и продолжает сохранять свое историческое значение и по сей день. Громыко с полным основанием имел право сказать: «На фоне гонки вооружений с обеих сторон договор 1968 г. (о нераспространении) был особенно важен. Он показал, что с США и Англией, двумя столпами НАТО, мы можем решить важную проблему. После подписания в Сан-Франциско Устава ООН это была моя вторая по значению подпись под историческим документом»[1].

Андрей Андреевич внимательно следил за соблюдением режима нераспространения и после заключения ДНЯО. Вот несколько наглядных примеров.

В свое время при активном содействии Советского Союза в Ливии недалеко от столицы страны Триполи был создан научно-исследовательский атомный центр Тажура. Среди его объектов имелся исследовательский атомный реактор, работавший на высокообогащенном уране (ВОУ). Хотя реактор был поставлен под гарантии (контроль) МАГАТЭ, но с учетом того, что в нем использовался ВОУ, советская сторона настоятельно предлагала и добилась того, чтобы в Тажуре постоянно присутствовали советские специалисты, дабы иметь уверенность в мирном использовании ядерного реактора и других установок атомного центра, а главное – для присмотра за использованием ВОУ. Ливийская сторона не высказывала возражений против присутствия наших специалистов с учетом, конечно, и того, что просто нуждалась в их помощи.

Во второй половине 70-х годов лидер Ливии полковник Каддафи направил в Москву делегацию во главе со вторым лицом в руководстве страны Джеллудом с секретной миссией добиться от СССР за крупную сумму денег содействия в развитии ядерной программы, которая включала бы создание реактора на природном уране с замедлителем из тяжелой воды, предприятия по производству тяжелой воды, установки по переработке отработанного топлива и выделению плутония, а также других соответствующих объектов. Короче говоря, речь шла о военной атомной программе, за создание которой Ливия предложила 10 млрд долл. Тогда у Каддафи деньги водились в связи с тем, что в результате всеобщего нефтяного кризиса цены на нефть подскочили до рекордных отметок.

---

[1] *Громыко Анатолий.* Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. Воспоминания и размышления сына. С. 49.

С советской стороны в переговорах с Джеллудом участвовали первый зампредседателя правительства Н.А. Тихонов (который в отсутствие председателя Совета Министров А.Н. Косыгина замещал последнего) и первый замминистра среднего машиностроения (т.е. министерства атомной отрасли) А.М. Петросьянц. Они дали принципиальное согласие на предложения Ливии, руководствуясь, очевидно, как стремлением поддержать арабов в их конфликте с Израилем, так и привлекательностью предложенной цены. Припоминаю телефонный разговор с завсекретариатом Председателя правительства Борисом Бацановым, который, выслушав мои глубокие сомнения в правильности принятого решения, сказал: неужели в МИДе не понимают, что речь идет о получении Советским Союзом 10 млрд долл.? В итоге переговоров все же был согласован документ о намерениях, причем, как мне потом стало известно, без согласия руководства МИДа.

А спустя несколько дней в МИДе на подпись министра А.А. Громыко поступила записка в Политбюро ЦК, уже подписанная министром обороны Д.Ф. Устиновым, председателем КГБ Ю.В. Андроповым, председателем Военно-промышленной комиссии Совмина СССР Л.В. Смирновым и председателем Госплана Н.К. Байбаковым. В записке предлагались мероприятия по реализации нашего обещания создать в Ливии, говоря техническим языком, полный ядерный топливный цикл. При этом выполнение постановления правительства возлагалось на Госплан и ряд промышленных министерств и ведомств.

У Андрея Андреевича были серьезные возражения против всей этой затеи – в первую очередь по соображениям недопустимости дальнейшего распространения ядерного оружия, но также и с учетом сомнений в том, что Ливия сможет возместить затраты на строительство. К этому времени нефтяной кризис подходил к концу, и цены на нефть начали выравниваться. Как я припоминаю, определенные возражения имелись и у Министерства обороны. Следует заметить, что в вопросах ядерного нераспространения МИД и военные часто выступали солидарно и нередко совместно противостояли Минсредмашу, который и тогда, и впоследствии (вспомним согласие главы Минатома В.Н. Михайлова в 1995 г. на строительство в Иране газоцентрифужного завода для обогащения урана) иногда довольно безответственно относился к необходимости всемерного поддержания режима нераспространения.

Решение вопроса о том, как поступить с предлагаемой запиской в ЦК Андрей Андреевич поручил замминистра Г.М. Корниенко, который вызвал меня к себе, и мы стали обсуждать, что следует предпринять. В итоге министру был предложен такой вариант: записку в ЦК все же подписать, но сделать оговорку, в которой высказать сомнения в отношении целесообразности всего предприятия с точки зрения возможных негативных последствий для нераспространения. Андрей Андреевич согласился и поручил сформулировать в одной короткой фразе буквально из нескольких слов позицию МИДа, которую следовало впечатать под его подписью на первом экземпляре запи-

ски в Политбюро. Учитывая необходимость максимально короткой формулировки, мы потратили немало времени на это.

В дальнейшем начались долгие совещания в Госплане о конкретных мерах по выполнению решения ЦК, и персонально эту работу возглавил первый зампредседателя Госплана Н.И. Рыжков (впоследствии Председатель правительства), который провел несколько совещаний с участием представителей различных ведомств. От МИДа должен был участвовать замминистра Корниенко, который на эти совещания в Госплане обычно направлял меня, при этом, как я понимал, на меня возлагалась задача по возможности исподволь тормозить все дело. Припоминаю, что немалые трудности могли возникнуть со строительством предприятия по производству тяжелой воды, которое должно было быть возложено на Министерство удобрений (тогда существовало и такое). В конце концов, так или иначе, но сделка с Ливией не состоялась, а вскоре и ливийская казна опустела.

Сейчас, после того как Ливия под давлением ряда стран публично отказалась от своей тайной ядерной программы и это было засвидетельствовано и подтверждено инспекторами МАГАТЭ, – стало широко известно, что и в 80-е, и в 90-е годы Каддафи что-то пытался сделать в направлении создания такой программы, но убедился, что это ему не под силу, да и нажим со стороны мирового сообщества стал для него непреодолимым.

А.А. Громыко, безусловно, являлся в высшей степени профессионалом своего дела. Хотя по образованию он был экономистом и до направления в Наркоминдел работал в Институте экономики АН СССР, но, получив назначение на должность советника нашего посольства в Вашингтоне, а потом, уже во время войны, после отзыва М.М. Литвинова, – на пост посла в США, а затем постоянного представителя при ООН, он быстро овладел всеми тонкостями дипломатического искусства. Однако, будучи человеком сталинской и постсталинской эпохи, он все же до конца оставался в немалой степени зашоренным советским чиновником. Но ведь без этого он не выжил бы. И все-таки, – за что я его, как и многие другие, уважал, – даже в рамках этой вынужденной заскорузлости он стремился, хоть и осторожно, но расчетливо и с дальним прицелом, делать все возможное для цивилизованного ведения дипломатии в интересах нашего государства. Он пользовался уважением и среди своих идеологических противников.

Мне хорошо помнится, как Громыко, уже став министром, стремился детально разобраться в вопросе о том, каково должно быть отношение Советского Союза к Договору Тлателолко о создании безъядерной зоны в Латинской Америке. Вопрос был очень непростой.

Договор Тлателолко являлся детищем министра иностранных дел Мексики Альфонсо Гарсия Роблеса. Идея создания в этом регионе зоны, свободной от ядерного оружия, возникла после Карибского кризиса 1962 г., и Договор об образовании зоны был подготовлен и открыт для подписания в феврале 1967 г., еще до заключения ДНЯО. К Договору прилагался Дополнительный протокол II, согласно которому ядерные державы должны были взять на себя

обязательства соблюдать безъядерный статус зоны и не применять ядерного оружия против участников договора. Для Советского Союза присоединение к протоколу оказалось «крепким орешком», и этот процесс оказался мучительно долгим.

Громыко подробно заинтересовался текстом Договора Тлателолко, и два или три раза я ходил к нему с тем, чтобы убедить министра в необходимости подписания Дополнительного протокола, тем более что другие ядерные державы к этому процессу уже приступили. Но мои доводы успеха сразу не возымели. Да, Договор содержал ряд существенных недостатков (об этом много написано, и я не буду повторяться), но при подписании его можно было сделать необходимые оговорки, как, например, поступили США и другие ядерные державы, чтобы зафиксировать свои резервации в отношении тех или иных положений Договора. Громыко придирчиво выслушивал меня и по своей привычке кривил губы, что, как мне представлялось, означало неодобрение. Я упорно продолжал добиваться согласия министра на подписание протокола, не обращая внимания на то (или просто не учитывая по недостаточной опытности), что «наверху» непременным принципом была практически безоговорочная поддержка Кастро. Потом я узнал, что Андрей Андреевич в разговоре с кем-то нелестно назвал меня не очень глубоким человеком.

А главное состояло в том, что Фидель Кастро не только отказывался присоединиться к Договору (сделал он это лишь спустя несколько десятилетий), но и не был заинтересован в нашей поддержке Договора, что вытекало бы из подписи Советского Союза под Дополнительным протоколом к нему (по этой причине позиция высшего советского руководства по отношению к Договору Тлателолко была тогда негативной, и Андрей Андреевич, конечно, не мог не подчиняться этому). Мне было видно, я это чувствовал, что Андрей Андреевич в душе был за подписание протокола, но в то же время сознавал, что это может осложнить отношения с кубинским лидером. Меня командировали в Гавану для беседы с министром иностранных дел Кубы, но мой вояж оказался безуспешным. Знал я и о том, что сам Громыко при встрече с Кастро или его министром иностранных дел зондировал отношение Кубы к подписанию Дополнительного протокола советской стороной.

В конце концов министр все же добился своего, к протоколу мы присоединились, сделав соответствующие оговорки, но намного позже, чем США и даже Китай: Соединенные Штаты – в 1971 г., КНР – в 1974 г., а мы – только в 1979 г. Куба подписала договор Тлателолко лишь в 1995 г., а ратифицировала его и того позднее.

Андрей Андреевич до конца своих дней живо и с глубоким знанием дела интересовался проблемами нераспространения ядерного оружия, считая их важнейшими. Как-то в начале 1980-х гг., в период очередного обострения отношений между СССР и США, вызванного планами президента Рональда Рейгана по созданию Стратегической оборонной инициативы (СОИ), совет-

ским вторжением в Афганистан и планами размещения наших ракет СС-20, Громыко горячо поддержал идею проведения двусторонних консультаций между СССР и США по всему спектру вопросов нераспространения. И такие консультации стали проводиться по два раза в год. В узком кругу своих сотрудников он сказал тогда, что нераспространение ядерного оружия – это «единственная шелковая нить», которая связывает сейчас обе державы.

Тихвинский С.Л.

Дипломат и ученый*

Многолетний глава советской дипломатии А.А. Громыко по складу своего ума был прирожденным ученым-аналитиком, обладавшим способностью из множества самых разнообразных явлений и факторов современных международных отношений вычленить наиболее существенные, определяющие сам ход развития обстановки. Эти способности молодой ученый-экономист проявил еще будучи в 1936–1939 гг. старшим научным сотрудником Института экономики Академии наук СССР, и они стали наиболее весомым основанием для направления А.А. Громыко на дипломатическую работу.

Впоследствии, выполняя ответственные поручения в центральном аппарате Наркомата иностранных дел и его зарубежных представительствах в Вашингтоне, Нью-Йорке и Лондоне, А.А. Громыко сохранил тягу к научной работе, продолжая, насколько ему позволяло время, следить за литературой по теме, интересовавшей его еще со времен пребывания в стенах академического института, – истории и практической деятельности международных монополий.

В годы Великой Отечественной войны, на посту советника посольства в Вашингтоне, а затем чрезвычайного и полномочного посла в США, А.А. Громыко лично встречался с большим числом видных представителей американской монополистической элиты, дипломатами, учеными-экономистами, собирал и изучал материалы о деятельности американских монополий.

Знания, полученные за годы работы в Институте экономики АН СССР и Наркоминделе, А.А. Громыко успешно применял в практической дипломатической деятельности и, в частности, в ходе весьма сложных переговоров с представителями США – государственным секретарем Э. Стеттиниусом и заместителем министра иностранных дел Великобритании А. Кадоганом на конференции в Думбартон-Оксе в августе-октябре 1944 г. На этой конференции обсуждались конкретные вопросы создания международной ор-

---

Тихвинский Сергей Леонидович (1918–2018) – академик РАН, Чрезвычайный и Полномочный Посол.

* Впервые опубликовано в: А.А. Громыко – дипломат, политик, ученый. Материалы Научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А.А. Громыко. С. 63–70.

ганизации по поддержанию послевоенного мира и безопасности – будущей Организации Объединенных Наций (ООН)[1].

А.А. Громыко являлся участником исторической Крымской (Ялтинской) конференции в 1945 г., на которой главы СССР, США и Великобритании окончательно разрешили все вопросы, связанные с Уставом ООН и порядком проведения учредительной конференции ООН в Сан-Франциско. На этой конференции в июле 1945 г. от имени Советского Союза Устав ООН подписал А.А. Громыко.

Научная обоснованность и строго логическая цепь доказательств были присущи выступлениям А.А. Громыко как в Совете Безопасности ООН и на Генеральных Ассамблеях этой организации, так и в ходе двусторонних дипломатических переговоров.

Еще работая в Институте экономики АН СССР, А.А. Громыко начал изучение истории, структуры и практической деятельности монополистического капитала США, внимательно следя за трудами американских экономистов, статистическими отчетами монополий и банков, материалами международных экономических организаций. Находясь на дипломатической работе в США, он продолжал сбор материалов о деятельности американских монополий и по возвращении в Москву, в центральный аппарат МИДа, публиковал результаты своих исследований в различных научных журналах под псевдонимом Г. Андреев. Под этим же псевдонимом вышли в свет две его обстоятельные работы, посвященные изучению деятельности американских финансовых и сырьевых монополий: в 1957 г. книга «Экспорт американского капитала. Из истории экспорта капитала США как орудия экономической и политической экспансии» и в 1981 г. – книга «Экспансия доллара»[2].

В 1956 г. А.А. Громыко была присуждена ученая степень доктора экономических наук. Его труды оказали заметное влияние на разработку советскими учеными ряда важных вопросов современных международных экономических отношений. Объективный научный анализ экономических и политических факторов, определяющих поведение правящих кругов империалистических стран и, в первую очередь, Соединенных Штатов Америки, наряду с чисто научным имел и практическое значение для внешней политики и торгово-экономических отношений нашей страны с иностранными государствами. В 1983 г. вышла в свет новая монография А.А. Громыко «Внешняя экспансия капитала. История и современность»[3], которая подытоживала многолетнюю плодотворную исследовательскую деятельность ученого и дипломата по изучению одной из наиболее актуальных проблем политической экономии современного капитализма[4].

---

[1] См.: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. III. Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 августа – 25 сентября 1944 г.): Сборник документов. М., 1978.

[2] См.: *Андреев Г.* Экспорт американского капитала. Из истории экспорта капитала США как орудия экономической и политической экспансии. М., 1957; *Он же.* Экспансия доллара. М., 1981.

[3] *Громыко А.А.* Внешняя экспансия капитала. История и современность. М., 1983.

[4] Нашу рецензию на эту книгу, озаглавленную «Экспорт капитала – орудие экспансии монополий» см.: «Коммунист». 1983. № 10. С. 116–122.

При подготовке этой книги А.А. Громыко собрал и изучил огромное количество документов и материалов, значительная часть которых впервые введена им в научный обиход. Им было использовано свыше 300 одних только иностранных источников, монографий, статистических и справочных изданий. В научный аппарат книги включены тщательно проанализированные автором данные из отчетов различных международных организаций, банков, корпораций, официальных публикаций экономических и финансовых учреждений ведущих капиталистических стран. Собраны и обобщены сведения из большого числа зарубежных монографических и периодических изданий, изложенные в 84 таблицах, которыми автор иллюстрирует отдельные положения своей работы. Выводы автора, таким образом, основываются на достоверной и солидной документальной базе. В проблемно-историческом плане в книге обстоятельно анализируются важнейшие направления, масштабы, формы и тенденции экспорта американского капитала, начиная с конца XIX в. и вплоть до 80-х годов XX в. Вывоз капитала рассматривается в ней как орудие экспансии монополий, как основа глобальных претензий Соединенных Штатов. В книге прослеживается прямая связь между империалистическими устремлениями американской буржуазии и ее внешнеполитическим курсом, «экономической дипломатией». Показ взаимосвязи и диалектической взаимообусловленности экономики, политики и дипломатии – наиболее сильная сторона этого многопланового, комплексного научного исследования.

Глубокий и всесторонний анализ закономерностей развития современного империализма позволил автору отметить некоторые новые черты в вывозе капитала, характерные для высокоразвитого государственно-монополистического капитализма: 1) увеличение масштабов вывоза капитала и соответственно возрастание значимости этого процесса; 2) существенное возрастание агрессивного характера политики вывоза капитала; 3) усиление взаимосвязи между вывозом капитала и внешнеполитическим курсом империалистических держав; 4) усиление эксплуататорской сущности вывоза капиталов, проявляющейся в первую очередь в тех огромных платежах, которые страны-импортеры капитала должны выплачивать странам-донорам.

Каждую из выделенных автором четырех отличительных особенностей современной политики экспорта капитала автор монографии иллюстрирует большим фактическим материалом, главным образом показывающим проводимую правительством США политику экспорта капитала (которую автор прослеживает последовательно на всем протяжении XX столетия, выделяя в ней наиболее характерные периоды). В книге убедительно, на огромном статистическом материале показано, что монополии США использовали Вторую мировую войну, как и Первую, для гигантского обогащения за счет трудящихся как своей страны, так и ее союзников. При сохранении главенствующих позиций частных вложений в годы Второй мировой войны произошло усиление роли государственного экспорта капитала из США, что наглядно продемонстрировано в книге на примере деятельности Экспортно-импорт-

ного банка Вашингтона. Одним из значительных примеров использования кредитования через Экспортно-импортный банк во внешнеполитических целях являлись займы гоминьдановским властям Китая для борьбы с демократическими силами в этой стране.

Детально раскрывается в книге вопрос об американской «помощи» развивающимся странам, преследующей целью привязать государство-получателя «помощи» к США. Особенно это касается стран, представляющих политический и военно-стратегический интерес для американских монополий. Приведенный в книге фактический материал наглядно показывает, как американские монополии прибирали к рукам наиболее богатые источники нефти и какое место при этом ими отводилось экспорту капитала, в частности займам и кредитам как средству проникновения в соответствующие страны. Все это помогает понять истинные мотивы американской политики на Ближнем Востоке, а также экспансии американского капитала, направленной на захват нефтяных и других мировых источников различных видов стратегического сырья: натурального каучука, олова, свинца, меди, никеля, хрома, марганца и т.п.

Материалы, приводимые в монографии, свидетельствуют о все большем подчинении внешней политики и дипломатии буржуазных государств интересам монополистического капитала. Политические претензии империалистических монополий заходят так далеко, что привычные институты буржуазной дипломатии их уже не устраивают, о чем говорит, в частности, небывалое расширение деятельности так называемой «частной дипломатии», использование в дипломатическом арсенале таких методов, как шантаж, обман, введение разного рода эмбарго и санкций в ответ на «неугодные» монополиям действия правительств других стран. Защите интересов американского капитала любой ценой, в том числе ценой попрания национального суверенитета других стран, подчинена и пресловутая концепция «жизненных интересов» США.

События, происходившие на международной арене уже после выхода в свет монографии А.А. Громыко, агрессия США против Ирака, Ирана, Сомали, Югославии и т.д. подтверждают правоту выводов автора об экспансионистском характере доктрины защиты «жизненных интересов» США.

Автор монографии на большом фактическом материале показывает экспансионистскую сущность таких новых каналов, используемых монополистами в своих корыстных целях, как Международный банк реконструкции и развития (МБРР) и Международный валютный фонд (МВФ), и развенчивает усилия официальных кругов Вашингтона, а также ряда буржуазных экономистов представить деятельность этих каналов как чисто альтруистское стремление оказать помощь ряду стран в восстановлении их экономики.

В заключительной части монографии автор на широком историческом фоне показывает усилия Советского государства с первых лет его существования, направленные на перестройку международных экономических отношений на новых, демократических основах, приводя примеры деятельности советской дипломатии в этом направлении на различных международных конференциях, начиная с конференций 1922 г. в Генуе и Гааге, и на ряде по-

следующих международных форумов вплоть до проявления Советским Союзом инициативы по созыву в 1964 г. Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), где СССР выдвинул основные принципы равноправного международного экономического сотрудничества, и заявления Советского правительства от 4 октября 1976 г. «О перестройке международных экономических отношений».

Книги и статьи А.А. Громыко, посвященные исследованию истории и современной деятельности иностранного монополистического капитала, не утратили своей актуальности и в наши дни. Более того, практическая деятельность монополистического капитала США на рубеже XX и XXI вв. лишь подтверждает основные выводы, сделанные А.А. Громыко на основе изучения огромного количества документов и материалов, а также его многолетней практической дипломатической деятельности.

Большое внимание А.А. Громыко уделял работе над своими выступлениями на различных международных форумах, тщательно отрабатывал текст, не признавал многословия и газетных фраз.

Эта же требовательность отличала работу А.А. Громыко на посту редактора многочисленных документальных публикаций по истории внешней политики Советского Союза и международных отношений, а также на посту главного редактора журнала «Международная жизнь».

Автору довелось с 1963 г. на протяжении более чем 20 лет непосредственно наблюдать деятельность А.А. Громыко на посту председателя Комиссии по изданию дипломатических документов при МИД СССР. Эта Комиссия была создана в 1956 г. решением Политбюро ЦК КПСС по представлению А.А. Громыко и включала наряду с известными советскими дипломатами и представителей архивных учреждений, и ряд ведущих ученых-историков. Ученым секретарем Комиссии являлся профессор И.Н. Земсков, а в последние годы ее существования – кандидат исторических наук Г.К. Деев. На протяжении более чем 25 лет работы этой Комиссии под ее редакцией вышел 21 том «Документов внешней политики СССР» (1917–1938), две серии «Документов внешней политики России», шеститомник документов и материалов «Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», большое количество документальных сборников об отношениях нашей страны с США, Францией, Германией, Чехословакией, Польшей, Болгарией, Венгрией, Румынией и другими странами, а также тематические сборники документов о Мюнхенском сговоре, Варшавском договоре и т.д. Под редакцией Комиссии с представления А.А. Громыко вышло также второе издание «Переписки Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.».

Общаясь с А.А. Громыко на заседаниях Комиссии по изданию дипломатических документов (а также с 1975 по 1980 г. как начальник Историко-дипломатического управления МИД СССР, ведавшего архивами МИДа и имевшего в своем составе научно-издательский отдел, который отбирал и готовил

к публикациям архивные документы), я неоднократно был свидетелем того, какое исключительное внимание министр уделял публикациям документов по внешней политике страны. А.А. Громыко с огромной ответственностью относился к своей работе на посту председателя Комиссии по изданию дипломатических документов и в качестве ответственного редактора других сборников дипломатических документов, рассматривая эту деятельность как ответственное партийное поручение, и занимался ею, как мне доводилось видеть, с большим личным интересом и удовлетворением. У меня даже подчас складывалось впечатление, что, проводя на заседаниях Комиссии отбор и обсуждение тех или иных исторических документов, министр как бы отдыхал от своей напряженной повседневной, оперативной дипломатической деятельности.

Работа над составлением и редактированием очередного тома «Документов внешней политики СССР» протекала следующим образом. Документы и материалы входящей и исходящей переписки НКИД СССР, подлежавшие включению в очередной том «Документов» за каждый календарный год, не должны были, по издательским требованиям, превышать объем в 50–55 печатных листов. Таким образом, из огромного массива внешнеполитических документов, отложившихся в архивах, лишь не более 5% наиболее важных отбирались для публикации членами редколлегии очередного тома и выносились, вместе с комментариями и примечаниями, на рассмотрение и окончательное утверждение Комиссии.

Обсуждение макета очередного тома «Документов» носило весьма демократичный характер. Каждый член Комиссии высказывал свое мнение о тех или иных документах, выносимых на рассмотрение, и часто отдельные члены Комиссии высказывали мнения, расходившиеся с рекомендациями редколлегии тома. Председательствовавший на заседаниях Комиссии министр, как правило, становился на позиции тех членов Комиссии, которые усматривали в публикации того или иного документа определенную угрозу возможного использования этого документа в неблаговидных целях нашими идейными противниками.

Поскольку самому А.А. Громыко был присущ строго логичный, подчас весьма лаконичный и даже, я бы сказал, несколько суховатый стиль изложения существа дела, он и при решении вопроса о рассекречивании и включении того или иного документа в состав очередного тома «Документов» (равно как и при рассмотрении вопросов отбора и рассекречивания документов в другие предназначавшиеся для публикации сборники внешнеполитических документов), особенно когда речь шла о публикации донесений послов в НКИД, отдавал явное предпочтение тем из них, которые были выдержаны в деловом, лаконичном стиле. Многословные, не всегда прямо относившиеся к сути дела донесения советских дипломатов, хотя подчас и не лишенные определенных литературных достоинств, изящества изложения, как правило, отбраковывались председателем Комиссии (как, впрочем, и большинством членов Комиссии, при этом обычно ссылавшихся на ограниченность объема издания).

Министр строго следил за тем, чтобы неукоснительно соблюдалась аутентичность документов, запрещал делать купюры или сокращения, предлагая, в случае несозвучия отдельных мест того или иного из предлагаемых для публикации документов современной внешнеполитической линии страны, вообще не публиковать документ[1].

В то же время министр твердо придерживался существовавшей в Политбюро ЦК КПСС еще со времен Сталина практики строжайшего соблюдения секретности и недопущения несанкционированного разглашения государственной тайны. (По тем временам под понятие «государственная тайна» можно было подвести любую информацию.) Министр неизменно отказывал в допуске к архивным документам и материалам, хранившимся в МИДе, даже послам, желавшим подкрепить свою память ссылкой на собственные донесения в НКИД в их бытность за границей на том или ином ответственном посту. Помню случай, когда бывший посол в Китае и США А.С. Панюшкин, уйдя на пенсию с поста заведующего Отделом загранкадров ЦК КПСС, обратился к министру с просьбой об ознакомлении с его собственными донесениями из Китая. А.А. Громыко уважил его просьбу лишь после соответствующего телефонного звонка от Секретаря ЦК КПСС М.А. Суслова. Автору также довелось работать под руководством А.А. Громыко в составе редакционных коллегий двух изданий «Дипломатического словаря», трех изданий «Истории внешней политики СССР», шеститомника «Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.», а также в составе редакционной коллегии журнала «Международная жизнь», главным редактором которого без объявления об этом в печати был министр.

Каждый раз, встречаясь с главным редактором «Международной жизни» на обсуждении тех или иных редакционных материалов, я не переставал удивляться эрудиции А.А. Громыко, его феноменальной памяти на события, лица и даты, его поистине энциклопедическим знаниям в области истории и современного состояния международных отношений и внешней политики России. Он неизменно требовал от сотрудников полной достоверности публикуемых материалов и непредвзятости подхода к ним.

В то же время у меня осталось впечатление, что А.А. Громыко относился к обязанностям главного редактора «Международной жизни» также с полной самоотдачей, сознанием большой ответственности, интересом и удовлетворением. Я навсегда сохраню в памяти свои встречи с этим видным государственным деятелем, ученым и дипломатом. Я глубоко признателен ему за поучительный опыт общения с ним.

[1] См.: *Тихвинский С.Л.* Наркоминдел и его зарубежные представители в годы Великой Отечественной войны. По воспоминаниям современников // Новая и Новейшая история. 1997. № 4. С. 156–186.

Хирдман Свен

Андрей Громыко и Швеция

Бывший советский министр иностранных дел Андрей Громыко, чей 110-летний юбилей отмечается в этом году, в период с 1948 г. по 1984 г. имел несколько контактов со Швецией. Для шведских дипломатов он был хорошо известной фигурой и, я бы сказал, уважаемым государственным деятелем. Я встречался с ним несколько раз, о чем пишу ниже.

Первый контакт Андрея Громыко со Швецией состоялся в 1948 г. В тот период он был представителем СССР в Организации Объединенных Наций. Неожиданно по семейным обстоятельствам он был вынужден срочно вернуться в Москву и для этого выбрал шведский трансатлантический лайнер «Грипсхольм», на котором можно было добраться скорее всего. Если бы он, как поначалу планировалось, воспользовался советским судном «Победа», то попал бы в беду, потому что в Черном море на «Победе» возник пожар, и было много жертв. Этот случай Громыко описывает в своих мемуарах; он также тепло вспоминает «шведский стол» на корабле. По пути в Москву он миновал Гётеборг и Стокгольм[1].

Отношения между Швецией и Советским Союзом обрели новую основу, когда в апреле 1956 г. премьер-министр Таге Эрландер в сопровождении своего партнера по коалиции и министра внутренних дел Гуннара Хедлунда прибыл с официальным визитом в Советский Союз, ставший первым визитом в страну шведского премьера. Андрей Громыко участвовал в этом событии в качестве первого заместителя министра иностранных дел. С делегацией советского правительства, возглавляемой Никитой Хрущевым и Николаем Булганиным, ими были проведены важные переговоры по международным вопросам и шведско-российским отношениям, включая хорошо известное дело Рауля Валленберга. Годом спустя в феврале 1957 г. именно Громыко вручил шведскому послу в Москве г-ну Рольфу Сольману *ноту*, уведомлявшую о смерти Валленберга в тюрьме на Лубянке в июле 1947 г. Шведское правительство сначала не было убеждено в правдивости этой информации, однако

Хирдман Свен – посол Швеции в России в 1994–2004 гг., член Шведской королевской академии наук.

[1] *Andrei Gromyko.* Memories. London, 1989.

спустя 40–50 лет пришло к самостоятельному выводу, что Рауль Валленберг действительно был убит МВД, как и указывал Громыко.

Премьер-министр Эрландер пригласил премьер-министра Хрущева посетить Швецию. Визит был предварительно намечен на 1959 г. Однако по мере приближения его даты в августе 1959 г. в Швеции стали нарастать протесты, особенно со стороны политической оппозиции, против визита советского коммунистического лидера. Это побудило Хрущева на последнем этапе отменить поездку; кроме того, он в то время был занят планами посещения Соединенных Штатов. Через месяц, в сентябре 1959 г., шведский министр иностранных дел профессор Остен Унден (министр иностранных дел 1945–1962 гг.) и советский министр иностранных дел Андрей Громыко встретились в Нью-Йорке на частном обеде, устроенном Генеральным секретарем ООН шведом Дагом Хаммаршельдом. Унден тогда спросил Громыко, почему Хрущев не совершил своего визита в Швецию, на что тот ответил: «На то у нас были свои причины». И на этом разговор закончился. Фактически оба наши министра были весьма сдержанными людьми[1].

Несколько лет спустя, после того как в 1962 г. Кубинский кризис был урегулирован, международный климат опять улучшился. В 1963 г. был введен частичный запрет на ядерные испытания. В мае того же года новый шведский министр иностранных дел Торстен Нильссон приехал в Москву для переговоров с министром иностранных дел Громыко. Он также был принят премьер-министром Никитой Хрущевым, которому передал возобновленное приглашение посетить Швецию с официальным визитом. Поездка была намечена на июнь 1964 г. и должна была дополнительно включать посещение Дании, Норвегии и Финляндии.

Весна 1964 г. была посвящена подготовке визита Хрущева. Ранней весной Швецию посетили два советских космонавта – Гагарин и Быковский, пользовавшихся большим вниманием публики. Следующим шагом стал официальный визит Андрея Громыко для переговоров с его шведским коллегой Торстеном Нильссоном 17–21 марта. Будучи тогда молодым дипломатом, отвечавшим за советский отдел в шведском МИДе, я участвовал в этих встречах в качестве ведущего записи секретаря. Как и на встрече в Москве, два министра уделили основную часть времени международным проблемам, особенно германскому вопросу и договору о запрете ядерных испытаний. Из записи переговоров следует, что Громыко наше л своего шведского собеседника излишне оптимистичным в отношении последствий этого договора для политики разрядки.

В официальном коммюнике о визите министра Нильссона в Москву указывалось, что «министр иностранных дел Нильссон упомянул, что Швеция намерена следовать своей традиционной политике нейтралитета. Обе стороны согласились, что эта политика способствует спокойствию и безопасности Северной Европы». В коммюнике о визите министра Громыко в Стокгольм этот пункт был сформулирован немного иначе: «В ходе переговоров было

[1] The memoirs of Ambassador Wilhelm Wachtmeister, Stockholm, 1996.

еще раз подтверждено, что традиционная шведская политика нейтралитета является важным вкладом в спокойствие и безопасность Северной Европы». Слава богу, что ныне мы оставили эту теологию в прошлом. По существу, я помог в 1978 г. убедить шведское правительство отказаться от практики двусторонних коммюнике по итогам официальных визитов.

В своих мемуарах Андрей Громыко рассказывает о визите в Стокгольм в марте 1964 г. Представляется, что его самым сильным впечатлением была встреча с королем Швеции, о которой он пишет:

«Визит к королю Густаву VI Адольфу – деду нынешнего короля Карла XVI Густава – и беседа с ним оставили заметный отпечаток в моей памяти. В кабинете королевского дворца меня встретил высокий пожилой мужчина – один из тех редких монархов, кто прочно занимал свое место… В ходе беседы с королем Густавом VI Адольфом я понял, что он довольно образованный человек. Его любимым занятием стала археология. Он говорил, что старается быть в курсе всех новинок и открытий в этой области.

– Я особо интересуюсь литературой по археологии, – сказал король, – в том числе на русском языке. Не могли бы вы прислать мне что-нибудь новое из изданий, где рассказывается об археологических раскопках?

Учитывая пожелание короля, позже я направил ему из Москвы некоторые книги на эту тему».

В качестве министра иностранных дел СССР Андрей Громыко участвовал в официальном визите в Швецию Никиты Хрущева 22–27 июня 1964 г.; я тоже был задействован в этом визите, но на более низком уровне. Во время частного обеда, который премьер-министр Таге Эрландер 25 июня дал в своей официальной летней резиденции в Харпсунде в честь советского лидера и других высокопоставленных членов советской делегации, произошел забавный инцидент. Выпив шведской водки аквавит и русской водки, Эрландер попросил Торстена Нильссона запеть, что является в Швеции обычным делом, когда потребляют аквавит. Нильссон пел хорошо, но тут Хрущев запел ему в ответ, и скоро два политика-социалиста состязались в пении революционных песен. В конце Хрущев воскликнул, обращаясь к Эрландеру: «Давайте обменяемся министрами иностранных дел! Вы можете взять Громыко, я возьму Торстена Нильссона! Он лучше, потому что он еще и поет». Эрландер в шутку согласился…[1]

Шутливое обращение Хрущева с Громыко в Харпсунде напоминает одну из историй, когда Хрущев сказал о нем: «Если я велю ему снять штаны и сесть на лед, он будет сидеть на нем, пока тот не растает».

В июне 1965 г. премьер-министр Эрландер нанес ответный визит в Москву в сопровождении своего молодого будущего преемника Улофа Пальме. В тот период я работал в нашем посольстве в Москве и встречался с обеими делегациями, в том числе с Андреем Громыко, на приемах, но в переговорах не участвовал. Из своих первых лет в Москве я помню, среди прочего,

[1] The memoirs of Ambassador Gunnar Jarring, Stockholm, 1989.

«Дипломатическую энциклопедию» под редакцией министра Громыко. Для своего времени это было полезное издание.

Еще одной работой, где Андрей Громыко выступал соредактором, была «История советской внешней политики», изданная в 1973 г. В ней содержатся как положительные, так и отрицательные отзывы о Швеции:

«Советский Союз поддерживает дружественные и добрососедские отношения также со Швецией, третьей нейтральной страной в Европе. В основе этих отношений лежит обоюдное стремление к укреплению мира и международной безопасности, в частности, в Северной Европе… Некоторые круги в Швеции выступают против проверенной временем политики нейтралитета, которая получила уважение повсюду в мире и вызывает полное понимание в Советском Союзе. Под давлением этих кругов в Стокгольме предпринимаются попытки найти пути и средства вступления в Общий рынок… У Швеции имеются все основания опасаться, что членство страны в ЕЭС серьезно ограничит ее суверенитет и, следовательно, сделает невозможным проведение нейтральной внешней и внутренней политики независимо от Общего рынка и НАТО».

Задним числом я пришел к выводу, что не Андрей Громыко писал этот текст, явившийся довольно грубым вмешательством во внешнюю политику Швеции.

В качестве Директора Северного департамента шведского МИДа я готовил первый шведский государственный визит в Советский Союз короля Карла XVI Густава и королевы Сильвии. Громыко пишет в своих мемуарах, что «его визит в Советский Союз явился определенной вехой в развитии отношений между Швецией и СССР. Визит показал, что Швеция заинтересована в том, чтобы развивать деловые связи с восточным соседом».

Последний личный контакт Громыко со Швецией состоялся в январе 1984 г., когда он посетил важную Стокгольмскую конференцию о создании мер доверия, безопасности и разоружении в Европе. В своей книге он рассказывает о позитивных переговорах, которые вновь провел с королем. Достойно внимания, что опытный советский профессионал, каким был Андрей Громыко, сохранил столь теплые воспоминания о шведской королевской особе.

В Стокгольме у Громыко также состоялись содержательные переговоры с премьер-министром Улофом Пальме. Позднее, комментируя убийство Пальме, он добавил:

«Об Улофе Пальме, к сожалению, теперь приходится говорить уже в прошедшем времени. Его убил террорист – наемник тех самых сил, которым поперек горла стояли либеральные взгляды премьера, его настрой на улучшение отношений и добрососедство с Советским Союзом, его роль инициатора создания группы лидеров шести стран – Аргентины, Греции, Индии, Мексики, Танзании и Швеции, выступившей за укрепление мира, разоружение, международное сотрудничество. Возможно также, что он просто стал жертвой безумца»[1].

[1] Последнее предложение в цитате отсутствует в текстах на русском языке. – *Примеч. ред.*

Мой бывший посол в Москве г-н Гуннар Ярринг имел много встреч с Андреем Громыко и в качестве посла, и в качестве специального представителя Генерального секретаря ООН по Ближнему Востоку. Ярринг пишет в своих мемуарах, что всегда находил Андрея Громыко корректным, любезным и довольно часто остроумным – его спокойный сухой юмор хорошо подходил его личности, как ее понимал Ярринг.

Сам я вспоминаю Андрея Громыко как выдающегося советского профессионального дипломата, который с огромной преданностью и колоссальной работоспособностью служил своей стране как в хорошие, так и в плохие времена. Будучи в период 1994–2004 гг. шведским послом в Москве, я часто посещал Новодевичье кладбище и всегда восхищался надгробным памятником Андрею Громыко. Его лицо высечено с двух сторон черного камня, включенного в белый каменный пилон. С одной сторон камня его лицо выступает, а с другой – оно в него впечатано. Это дает много пищи для размышлений.

Стокгольм, 24 мая 2009 г.

Перевел на рус. Н.В. Заборин

Хлестов О.Н.

А.А. Громыко и международное право*

Деятельность А.А. Громыко многогранна. Хотел бы остановиться на одном аспекте, связанном с деятельностью Андрея Андреевича, о котором еще никто не говорил и о котором многие не знают.

Что было в МИДе в период, когда А.А. Громыко был министром, в области международного права? Хочу рассказать об этом не только на базе документов – Устава ООН, международных договоров, но и на основании личного опыта, потому что 20 лет был в подчинении у министра. С 1960 г. являлся заместителем заведующего Договорно-правовым отделом МИДа, с 1965 по 1979 г. – заведующим.

Задача Договорно-правового отдела – это разработка международно-правовых аспектов внешней политики государства, в данном случае Советского Союза. А международное право тесно переплетается с политикой, влияет на него, так же как и политика влияет на право. Это составной элемент внешней политики, и мне приходилось постоянно соприкасаться с министром, потому что международное право затрагивало всё. Участвовать в разработке договоров, сопровождать его с делегациями на Генеральную Ассамблею ООН, где треть вопросов была правовых. На других конференциях, например, на Ташкентской встрече 1965 г., где СССР выполнял роль посредника в деле урегулирования индо-пакистанского вооруженного конфликта. Кроме того, скажу несколько слов о стиле работы А.А. Громыко.

Начну с международного права. Отношение к нему человека, занимающего пост министра иностранных дел, имеет огромное значение. Если министр не поддерживает, то и направление чахнет, не очень активно развивается. Отношение А.А. Громыко к международному праву выражалось не только в его оценке, но и в его делах. Что такое Устав ООН, который разрабатывал, будучи главой нашей делегации, А.А. Громыко? Это основа современного международного права. Если, например, раньше война была законным средством раз-

---

Хлестов Олег Николаевич – профессор Дипломатической академии МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол.

* Впервые опубликовано в: А.А. Громыко: человек, дипломат, политик / Сост. Ю.Е. Фокин, Ал.А. Громыко. М.: Восток–Запад, 2010. С. 67–72.

решения споров, то Устав ООН это запретил, а ведь это величайшее достижение. Кто, по сути дела, создавал Устав ООН? США, СССР и Великобритания. Говорят, что забыли о правах человека, а вот в преамбуле Устава ООН сказано, что одной из задач, стоящих перед ООН, является восстановление уважения и защиты прав человека. Кто предложил ввести это определение? СССР. Мог ли какой-нибудь член делегации, например, Сергей Борисович Крылов, который был в составе делегации, известный профессор, внести такую поправку в Устав ООН? Нет. Это линия, которую проводил А.А. Громыко.

Я бы разделил его отношение к международному праву на два аспекта. Во-первых, договоры. Уже перечислялись многие крупные многосторонние договоры. А.А. Громыко придавал огромное значение и двусторонним договорам, потому что они, как он совершенно правильно рассуждал, закрепляют позиции СССР в отношениях с этой страной, создают правовую базу для развития этих отношений.

Возьмем 1960-1970-е гг., это полоса заключения всех важнейших договоров Советского Союза о дружбе, сотрудничестве, взаимной помощи с ГДР, Польшей, Чехословакией, Румынией, Болгарией и т. д. При подготовке договоров министр тщательно взвешивал, какими они должны быть. Здесь упомянули договор с ФРГ 1970 г., я участвовал в его разработке. Перед этим А.А. Громыко устраивал своего рода репетиции, собирал нас, и мы проводили обсуждение. То же самое было при разработке других договоров.

Приведу два примера. Договор о дружбе и сотрудничестве с Монголией. В договорах с европейскими странами – Польшей и др. – было предусмотрено автоматическое оказание помощи со стороны СССР, как и второй стороны в адрес СССР, в случае вооруженного нападения на участника договора. Но когда мы стали обсуждать проект договора с Монголией, над которой нависал Китай, мы пошли по линии осторожного формулирования соответствующих положений. Требовалось, чтобы положения этого договора не втянули автоматически СССР в вооруженный конфликт, если вдруг он произошел бы. То есть использовались более обтекаемые формулировки.

Другой пример – договор с Египтом. Было решение заключить договор с Анваром Садатом. А.А. Громыко пригласил меня на заседание политбюро. Мы стали с ним готовить проект текста, и возник вопрос: а какой договор мы должны заключить? Приняли формулировку о дружбе и сотрудничестве. В ходе обсуждения министр выразил мнение, что нам не нужно военных обязательств. Тогда я принес А.А. Громыко англо-египетский договор 1936 года о дружбе, где формулировки были досконально выверенные: не вступать в коалиции, направленные друг против друга, не вести политику, направленную друг против друга, обтекаемые положения об экономической помощи.

Важный аспект – воздействие внешней политики, международного права на внутреннее развитие страны. Участие в международных договорах налагает определенные обязательства на страну, подталкивает ее к развитию своей внутренней жизни в демократическом направлении или, напротив, мешает этому. В течение 20 лет, когда я занимался этими делами, Советский Союз раз-

работал целый ряд законодательных актов: о континентальном шельфе, о космосе, о границах, положения об иностранных дипломатических и консульских представительствах на территории СССР 1966 г. (действуют до сих пор).

Еще один штрих – Пакт о правах человека. Мы отлично знаем, что вопрос о правах человека активно использовался против Советского Союза. В 1966 г. были разработаны и подписаны пакты о правах человека, о гражданских, политических, экономических и др., причем при их разработке было две линии. Западные страны, США выступали только за разработку пактов, защищающих политические и гражданские права, а Советский Союз выступал за то, чтобы защищались и экономические, и социальные права. Только в 1988 г. США согласились с интегральным подходом признания равенства тех и других прав.

Так вот, в 1973 г., когда была довольно сложная ситуация, у нас возникла идея ратифицировать Пакт о правах человека. На первых порах, когда мы заговорили об этом, улыбка недоверия промелькнула на лице А.А. Громыко, а когда объяснили, он согласился. В 1973 г. Советский Союз первым из постоянных членов Совета Безопасности ратифицировал пакт, а А.А. Громыко его подписал, что позволило нам политически выиграть на международной арене и, кроме того, улучшить собственное законодательство. Ведь были дикие законы, изданные еще во времена Сталина, например, какой-то указ, что все цыгане – преступники и их надо сажать. Все члены политбюро согласились, только Ю.В. Андропов выразил сомнение, но после разъяснений и он согласился.

О стиле. А.А. Громыко был трудоголиком, трудился постоянно. Когда приходишь к министру в кабинет, перед ним с правой стороны лежит длинная стопка проектов записок, и он все это смотрел, читал, подписывал. Исключительное трудолюбие, но еще и отношение к людям. Его стиль работы – добросовестность, исключительно глубокое освоение проблем. Все это подталкивало окружающих его людей самим быть на высоте. А.А. Громыко поощрял тех, кто работал активно, знал свои проблемы, проявлял инициативу. Также хорошо известно, что он охотно давал излагать точку зрения подчиненным, позволял до некоторой степени даже спорить.

1973 год, январь. Хельсинкский процесс начинается. Мы его поддерживаем, американцы возражают. Наконец Г. Киссинджер договаривается с А.А. Громыко, что обе стороны приемлют Хельсинкский процесс, если СССР пойдет на сокращение вооруженных сил в Центральной Европе, а ведь там – по миллиону солдат у НАТО и у Варшавского договора. Переговоры назначены на 31 января, а 25 января меня вызывает А.А. Громыко и говорит, что я буду главой нашей делегации, после чего начинает со мной беседовать, спрашивать, как я оцениваю ситуацию. Я не знал, конечно, в деталях этих аспектов, но что может произойти, мы все понимали. Две группировки обладали ядерным оружием, что в случае вооруженного конфликта имело бы непредсказуемые последствия. Я стал говорить о том, что целесообразно пойти на сокращения, потому что главное – это факт присутствия. А.А. Громыко спросил у меня, как это может отразиться на нашем положении в соцстра-

нах. Я доказывал, что негативных последствий это иметь не будет. Например, в Южной Корее в то время находилось 40 000 американских войск, а в Западном Берлине – 11 000, но сам факт присутствия определял ситуацию. И министр в конце концов поддержал такую позицию. В октябре 1973 г. Советский Союз вместе с другими социалистическими странами внес соответствующее предложение на переговорах о сокращении войск.

Заключительный штрих.

Говорили, что А.А. Громыко суров, мрачен. В действительности он умел проявлять такой подход, который вызывал к нему симпатию как к человеку. Первый раз я соприкоснулся с ним в 1958 г., когда возглавлял референтуру. Шла конференция по линии атомного агентства, делами которого я занимался. Меня прочили главой делегации из группы экспертов. Записка пошла на подпись А.А. Громыко, и он вызвал меня к себе. Тема разговора была довольно специальная, но он быстро все понял и завел общий разговор, стал задавать вопросы. А в конце спросил: «Как вы смотрите на право?» Я задумался. И тут вспомнил, как Льва Толстого спросили, как он смотрит на право, а он ответил: «Так же, как и налево». Говорю Андрею Андреевичу, что не так, как Лев Толстой, смотрю на этот вопрос. По его лицу промелькнула улыбка, и на этом наша с ним первая встреча закончилась. В последующие годы за ней состоялись многие-многие другие.

Шадурский В.Г.

Беларусь в жизни и деятельности Андрея Андреевича Громыко*

Среди знаменитых уроженцев Беларуси важное место принадлежит Андрею Андреевичу Громыко, на протяжении почти тридцатилетнего периода находившегося во главе Министерства иностранных дел СССР – ведущей мировой державы XX века.

Жителями БССР Андрей Андреевич Громыко воспринимался как «наш человек в руководстве Советского Союза», «самый влиятельный белорус СССР». Происхождением руководителя советского внешнеполитического ведомства гордились белорусские школьники и студенты, избиравшие его в качестве примера для себя. Могу судить по собственным впечатлениям: Андрей Андреевич пользовался большей популярностью в республике, нежели другие политические деятели, входившие в состав высшего руководства страны. К сожалению, сегодня об этом человеке, талантливом дипломате молодые люди постсоветского пространства знают все меньше.

О жизни и деятельности Андрея Андреевича написано достаточно много. Он оставил свои двухтомные воспоминания «Памятное». Об известном дипломате писали ученые, коллеги, зарубежные политические деятели. В научной литературе и публицистике достаточно подробно освещена дипломатическая деятельность А.А. Громыко на разных уровнях и направлениях, дана оценка его научным достижениям как ученого-экономиста.

Вместе с тем остаются многие аспекты биографии нашего известного земляка, которые, несмотря на большой интерес, мало изучены. Среди них можно назвать такие, как «Беларусь в жизни и деятельности А.А. Громыко», «Становление и учеба молодого дипломата».

Знакомство с биографией А.А. Громыко, воспоминаниями о нем его соратников и членов семьи, научными публикациями позволяют выделить в развитии сформулированной темы четыре этапа.

Шадурский Виктор Геннадьевич – доктор исторических наук, профессор, декан факультета международных отношений Белорусского государственного университета..

* Впервые опубликовано в: А.А. Громыко: человек, дипломат, политик. С. 91–102.

Первый этап – это становление и взросление А.А. Громыко. С Беларусью связаны детство, молодые годы, получение образования, создание семьи и рождение сына, первые профессиональные шаги нашего соотечественника.

Андрей Андреевич родился в деревне Старые Громыки (недалеко от Гомеля). К сожалению, родная деревня нашего выдающегося земляка исчезла после катастрофы на Чернобыльской АЭС (1986). В 1926 г. после окончания семи классов будущий министр поступил на учебу в Гомельскую профессионально-техническую школу. Как известно, именно в год окончания семилетки в декабре 1926 г. Гомельский регион был передан из состава РСФСР в Беларусь в результате так называемого укрупнения. Очевидно, что во время школьной учебы молодого человека мало коснулась широко развернувшаяся в БССР политика белоруссизации.

В 1929–1931 гг. Андрей Андреевич учился в Старо-Борисовском сельхозтехникуме, после окончания которого он продолжил учебу на годичных Высших педагогических курсах, организованных на базе этого же техникума. В 1932 г. молодой специалист стал аспирантом научно-исследовательского института экономики Белорусской академии наук (основан в марте 1931 г.), где учился до отъезда в Москву в марте 1934 г.

Именно на своей «малой родине», в белорусской деревне Старые Громыки, советский дипломат получил первые навыки полемики, позволившие ему впоследствии на равных вести переговоры со своими оппонентами, в том числе с опытными представителями США и Великобритании, в семьях которых дипломатическое искусство передавалось из поколения в поколение.

Свой первый опыт по изучению международной обстановки, как признается в своей книге Громыко, он получил от разговоров местных крестьян с отцом. «Конференциями на завалинке» называет он эти беседы в своих воспоминаниях. Его мать, Ольга Евгеньевна, была неутомимой труженицей и одновременно любила читать, за что в деревне ее называли «профессор».

Об этом этапе своей жизни, о родителях Андрей Андреевич очень тепло рассказал в мемуарах «Памятное», увидевших свет на закате его жизни [1]. Так, А.А. Громыко пишет: «Чувство патриотизма зарождается буквально с начала жизни. Тут и влечение к дому, где родился и произнес первое слово, тут и привязанность к родным и близким, тут и преданность своему городу, поселку, деревне, которые навсегда останутся в твоей памяти, холмам и рекам, с которыми ты рядом рос. Все это вместе и есть любовь к родине» [2].

Судя по воспоминаниям, Андрей Андреевич искал своих предков среди казацких полковников, что было вполне логично и не опасно в советский период. Вместе с тем, по некоторым утверждениям, в том числе в материале, опубликованном в белорусскоязычном журнале «Наша гісторыя» (№ 7 за 2019 г.), семья Громыко, как и другие их деревенские соседи, происходили из шляхетского сословия. Как пишет автор статьи Андрей Скурко, «мужицкие» и «шляхетские» деревни на востоке Гомельщины местные жители различают до сих пор. А. Скурко подверг также сомнению утверждение, что семья родителей будущего государственного деятеля принадлежала к беднякам.

Выпускника семилетки, по воспоминаниям односельчан, даже не хотели брать на учебу в Гомельское училище. И только «справка бедняка», выданная местным начальством, помогла сбыться планам [3].

Как уже отмечалось выше, в мемуарах Андрей Андреевич вспоминает свою учебу в Староборисовском сельскохозяйственном техникуме. Судя по перечисленным фактам, это время было счастливым и удачным для молодого Громыко. Техникум дал ему путевку в жизнь, здесь он вступил в ряды ВКП(б), был избран секретарем комсомольской организации учебного заведения. Судьбоносные изменения произошли и в его личной жизни. Во время учебы он создал семью с Лидией Гриневич – уроженкой Дзержинского района (с 1932 по 1937 г. – Дзержинский национальный польский район). В Борисове в апреле 1932 г. у молодой пары родился сын Анатолий.

Вместе с тем хотелось бы узнать больше подробностей об этом периоде нашего земляка. Кто были его любимые преподаватели, любимые предметы? В каких условиях жили тогдашние учащиеся техникума? К сожалению, уже нет свидетелей того периода, не обнаружены конкретные исторические документы.

В годы учебы в техникуме в Борисове вокруг будущего дипломата разворачивались драматические события. Так, по информации из разных источников, в 1932 г. в Борисове произошли серьезные волнения среди местного населения. Согласно правительственному решению от 4 апреля 1932 г. помимо урезания пайков значительная часть населения, в том числе преподаватели и учащиеся техникумов снимались с централизованного снабжения. Данные правила вступили в силу 6 апреля, а уже на следующий день в Борисове начались волнения. Возле каждой хлебной лавки стояли патрули, улицы контролировали отряды чекистов и милиции. Волнения охватили даже местных военных, которые были крайне недовольны поведением властей. Выступления были вскоре подавлены, десятки людей арестованы [4].

Очевидно, что молодой член партии не мог оставаться вне происходивших вокруг него событий. Быстрая карьера, наступившая после окончания борисовского периода, может свидетельствовать о том, что Андрей Андреевич действовал в соответствие с «генеральной линией».

Вторым этапом, во время которого деятельность А.А. Громыко была тесно связана с Беларусью, стало его активное участие в создании ООН, в том числе в решении вопроса о включении БССР и УССР в состав государств – учредителей этой авторитетной международной организации. Высокое международное признание имело большое значение для формирования государственной идентичности Беларуси, ее лучшей узнаваемости в мире.

Третий этап – это контакты с Беларусью в период работы Громыко на посту министра иностранных дел СССР и Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Выделял ли советский министр иностранных дел Беларусь среди других союзных республик, находясь на посту министра и главы парламента? Чем была Беларусь для А.А. Громыко? Хотя к перечисленным вопросам в Респу-

блике Беларусь сохраняется высокий интерес, опубликованной информации по этой теме явно недостаточно. Мало говорится об этом в воспоминаниях А.А. Громыко, публикациях его сына Анатолия Андреевича, других работах. Не затрагивает эту тему в своих записках и Кузьма Венедиктович Киселев, который долгие годы работал министром иностранных дел БССР.

Не вызывает сомнения то, что Андрей Андреевич был политическим деятелем, принадлежавшим своей эпохе – эпохе соперничества двух мировых политико-экономических систем. Отечеством, Родиной для А.А. Громыко была огромная страна – Советский Союз, интересы которого он твердо отстаивал. Деревня Старые Громыки, Гомельщина, Беларусь оставались для него малой родиной.

Наиболее видимые связи А.А. Громыко с Беларусью проявлялись в его депутатской деятельности. От БССР в 1958–1989 гг. (пятый – одиннадцатый созывы) Андрей Андреевич был депутатом Верховного Совета СССР (Совет Союза).

В Советском Союзе выборы депутатов советов всех уровней проходили по единой, хорошо отлаженной схеме. Эта схема не предполагала конкуренции и активных дискуссий. Главной задачей депутатской деятельности было участие в сессиях Верховного Совета, которые носили во многом формальный характер. Существенной частью депутатского мандата являлась работа с обращениями избирателей. Просьбы людей касались различных наболевших вопросов. При подготовке данной публикации не было обнаружено материалов, касающихся контактов министра с конкретными избирателями либо реакции на их обращения по конкретным проблемам. Хотя такая работа А.А. Громыко с большой вероятностью могла осуществляться.

В первых после назначения на пост министра иностранных дел выборах Верховного Совета СССР (16 марта 1958 г.) А.А. Громыко был выдвинут кандидатом в Совет Союза по Молодечненскому избирательному округу (в тот период округ находился на территории Молодечненской области). В этот округ, находящийся в западной части Беларуси, входили города Молодечно, Вилейка, а также Молодечненский, Вилейский, Радошковичский, Воложинский, Ивенецкий и Юратишковский районы.

4 марта 1958 г. в республиканской печати была опубликована краткая биография кандидата в депутаты. Отмечалось, что с 1929 по 1932 г. он учился в сельскохозяйственном техникуме и на высших сельскохозяйственных курсах в Борисове [5]. Можно отметить, что название курсов на базе техникума в Борисове различается в зависимости от источника.

Уже 7 марта 1958 г. состоялась встреча представителей избирателей округа с Андреем Андреевичем. Встреча проходила в городе Вилейка в районном Доме культуры. На встречу вместе с министром приехал первый секретарь Молодечненского обкома КПБ С.О. Притыцкий, баллотировавшийся по тому же округу в депутаты Совета Национальностей. Биографии и деятельности А.А. Громыко было посвящено выступление доверенного лица кандидата в депутаты парторга совхоза «Вязынь» Вилейского района Маликова.

С большой ответной речью выступил и министр иностранных дел СССР. После упомянутой встречи прошло более пятидесяти лет. Однако ее участники и сегодня помнят это событие в деталях.

По свидетельству белорусского профессора А.В. Шарапо, Андрей Андреевич еще раз приезжал в Вилейку в период своего депутатского мандата. Встреча также проходила в Доме культуры, который мог вместить не более 200 человек. После полуторачасового выступления в помещении министр вышел на балкон. Его приветствовали тысячи жителей города и окрестностей, собравшиеся на площади вокруг Дома культуры. В течение почти 20 минут Андрей Андреевич повторил основные тезисы своего предыдущего выступления. Говорил без бумажки, отчетливо, характерным для него приятным баритоном. Его слушали, затаив дыхание, отмечая при этом белорусский акцент своего известного земляка.

В феврале 1962 г. Андрей Андреевич был выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР (Совет Союза) шестого созыва по Гомельскому городскому избирательному округу № 610 (в округ входили часть города Гомеля, Чечерский, Добрушский и Ветковский районы). Выдвижение состоялось на заседании колхоза «Октябрь» Ветковского района, т.е. на малой родине министра. На собрании в поддержку знаменитого земляка выступили агроном колхоза А. Кончиц, председатель колхоза В. Соболевский, другие жители села. Несколько дней спустя кандидатуру министра иностранных дел поддержал трудовой коллектив завода «Гомсельмаш», коллективы других предприятий. Так, на предвыборном собрании работники Добрушской бумажной фабрики в честь выборов взяли обязательство завершить годовой план выпуска продукции к 27 декабря 1962 г., добившись при этом значительной экономии сырья. Такого рода мероприятия и трудовые почины были характерны для того периода, ушедшего в историю.

Накануне выборов, состоявшихся 18 марта 1962 г., в белорусских газетах была опубликована биография Андрея Андреевича Громыко. В частности, в ней отмечалось, что министр иностранных дел СССР – 1909 года рождения, *белорус*, член КПСС с 1931 г. [6].

В том году А.А. Громыко не смог приехать на встречу с избирателями. В период и накануне выборов он участвовал в заседании Комитета 18-ти по разоружению в Женеве. Об этом писали местные газеты.

Активность избирателей в те годы, как и на всех выборах в советский период, была очень высокой. Так, во время избирательной кампании 1962 г. 88% избирателей Ветковского района пришли на избирательные участки уже до 12.00 [7].

В следующих выборах в Верховный Совет СССР седьмого созыва, которые проходили 12 июня 1966 г., А.А. Громыко баллотировался по Минскому сельскому избирательному округу. В округ входили Минский, Березинский, Пуховичский и Червенский районы.

Понятно, что решение поменять округ в Гомельской области, т.е. на малой родине министра, на округ в Минской области принималось в ЦК КПСС. Вопрос о мотивах такого решения требует дальнейшего исследования.

1 июня 1966 г. для встречи с избирателями в Беларусь приехал А.А. Громыко. Встреча проходила во Дворце культуры камвольного комбината Минска. Встреча, учитывая высокий статус кандидата, проходила в торжественной и заинтересованной обстановке.

По похожему сценарию проходили выборы в Верховный Совет СССР восьмого созыва (14 июня 1970 г.). 29 мая 1970 г. Андрей Андреевич встречался с избирателями Минского сельского избирательного округа. Встреча, как и в предыдущий раз, была организована во Дворце культуры камвольного комбината.

Последующие выборы в депутаты отличались от прежних тем обстоятельством, что повысился статус Андрея Андреевича. Как известно, в апреле 1973 г. на очередном Пленуме ЦК КПСС он был избран членом Политбюро ЦК КПСС.

Выдвижение членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС в депутаты проходило по иной схеме, оно гораздо шире освещалось в СМИ. Так, членов партийного руководства высшего уровня в паре с «реальными» кандидатами выдвигали многие округа огромной страны. Накануне регистрации кандидатов в депутаты публиковалось Открытое письмо высших партийных руководителей, где они сообщали округ, по которому давали согласие баллотироваться. В таком обращении в период избирательной кампании 1974 г. Андрей Андреевич давал согласие баллотироваться по Минскому городскому избирательному округу № 2.

10 июня 1974 г. А.А. Громыко прибыл в Минск, где в Окружном доме офицеров прошла его встреча с избирателями. Выступление Андрея Андреевича на этот раз было полностью опубликовано в центральной, республиканской и местной печати.

Доклад кандидата в депутаты можно условно разделить на три части. В первой части Андрей Андреевич говорил о достижениях СССР в те годы. Во второй освещались социально-экономические успехи Беларуси. Третья, наиболее объемная часть была посвящена оценке международного положения и задачам внешней политики СССР. В частности, А.А. Громыко не без гордости отметил: «По существу, ни один более или менее крупный международный вопрос не может сейчас решиться без участия Советского Союза и тем более в ущерб его интересам» [8].

Особое внимание глава внешнеполитического ведомства СССР уделил советско-американским отношениям. По мнению экспертов, именно отношения двух великих держав всегда оставались стержнем его дипломатической деятельности.

Министр находился в Минске два дня. Кроме встречи с избирателями, совещания с партийно-государственным руководством республики он посетил ПО «Интеграл» и мемориальный комплекс «Хатынь».

В феврале 1979 г. А.А. Громыко в очередной раз приехал на встречу с избирателями в Минск. Встреча проходила в Академическом Большом театре оперы и балета БССР. По традиции, существовавшей в те десятилетия, в начале

встречи был избран почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с Л.И. Брежневым. Получается, что А.А. Громыко был избран членом как почетного, так и рабочего президиумов.

В 1983 г. произошли два важных события в жизни Андрея Андреевича. 24 марта 1983 г. он был назначен первым заместителем Председателя Совета Министров СССР. 17 июля 1983 г. в Гомеле состоялось торжественное открытие бюста А.А. Громыко, дважды удостоенного звания Героя Социалистического Труда (1969, 1979).

По схожему сценарию проходила и последняя для А.А. Громыко избирательная кампания (выборы проходили 4 марта 1984 г.). Это была не только последняя избирательная кампания А.А. Громыко, но также и последняя избирательная кампания, проходившая по устоявшейся советской традиции.

Министр прилетел в белорусскую столицу 27 февраля и в тот же день встретился с избирателями Минского – Московского избирательного округа. Встречу открыл доверенное лицо кандидата в депутаты ректор БГУ Леонид Иванович Киселевский, который дал краткую характеристику А.А. Громыко. В частности, Л.И. Киселевский отметил следующее: «Сын белорусского крестьянина, выходец из народных глубин, он стал видным партийным и государственным деятелем, крупнейшим дипломатом ленинской школы» [9].

Наиболее объемной частью выступления Андрея Андреевича стал анализ международной обстановки и новых советских инициатив. В своем выступлении он традиционно уделил главное внимание отношениям СССР и США. Андрей Андреевич сделал вывод, который затем неоднократно цитировался. Так, первый заместитель главы правительства СССР, министр иностранных дел СССР сказал: «История советско-американских отношений убедительно показывает, что, когда наши государства – СССР и США – шли курсом на взаимопонимание и сотрудничество, выигрывали не только их народы, прочнее становился в целом мир». Это высказывание актуально и для современных российско-американских отношений, когда соперничество двух стран оказывает серьезное влияние на ситуацию в постсоветских государствах.

Во время упомянутой поездки Громыко посетил Минский завод холодильников – одно из наиболее успешно работавших предприятий СССР.

2 июля 1985 г. Андрей Андреевич по предложению М.С. Горбачева был избран на пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР. На этом посту он пробыл до 1 октября 1988 г. Несмотря на высокую формальную значимость этой должности, новое назначение означало скорее почетную отставку с поста руководителя внешнеполитического ведомства.

Следует отметить, что тогдашние политические комбинации внутри советского руководства были мало понятны большинству жителей Беларуси. В те годы они были горды тем, что именно представитель их нации стал руководителем Верховного Совета СССР (формально – главой Советского Союза).

Некоторой неожиданностью для белорусов стали отдельные детали официальной биографии нового главы Президиума Верховного Совета СССР, опубликованной 3 июля 1985 г. В частности, в ней отмечалось, что новый гла-

ва Верховного Совета СССР является русским по национальности. Хотя ранее в документах, носивших официальный характер, о чем говорилось выше, в качестве национальности Громыко указывалось «белорус».

Находясь на посту главы союзного «парламента», Андрей Андреевич в феврале 1988 г. посетил Минск и Минскую область. Насколько мне известно, это был последний приезд нашего земляка в Беларусь.

И, наконец, **четвертый этап** наступил после провозглашения независимости Республики Беларусь. Имя Андрея Андреевича продолжают чтить в независимой Беларуси.

Именем известного дипломата названы улицы и школы в Гомельской области. Специальная экспозиция, посвященная жизни и деятельности известного земляка, создана в Гомельском дворцово-парковом ансамбле.

Материалы и экспонаты, посвященные уроженцу Беларуси, представлены и в других музеях страны. Так, в июне 2007 г. после реконструкции открылся краеведческий музей города Добруша. В фонды музея по случаю его открытия из коллекции Национального художественного музея было передано произведение известного российского художника Ильи Глазунова «Портрет Андрея Громыко с женой». Еще одна работа мастера «Портрет Андрея Громыко» подарена Гомельскому дворцово-парковому ансамблю.

Как руководитель факультета международных отношений БГУ хочу отметить, что многие личностные и профессиональные качества Андрея Андреевича служат хорошим примером и для современной молодежи.

Многие свои сильные качества, как уже отмечалось, наш соотечественник получил по наследству, затем закрепил и развил их в результате учебы и упорного труда. Очень точно эти качества описал его внук, директор Института Европы РАН Алексей Анатольевич Громыко: «Притчей во языцех была легендарная память Андрея Андреевича. Он многократно поражал ею и своих домашних, и коллег по работе, и иностранных партнеров по переговорам. Это не была фотографическая память, с помощью которой человек запоминает все, что попадается ему на глаза. Напротив, дед считал необходимым выработать в себе способность отбирать для запоминания только нужную информацию. Память на числа, лица, факты, историческую канву событий, фамилии была у него непревзойденной. Наделен он этим талантом был от рождения, но упорно развивал и совершенствовал его в течение всей жизни» [10].

Многие отмечали огромную энергию Андрея Андреевича, его колоссальную трудоспособность и умение быстро находить решения. Сюда следует также добавить высокую ответственность, глубокие разносторонние знания.

Высокую оценку деятельности Андрея Андреевича давали не только соратники, но и оппоненты министра иностранных дел. Так, уже в 1947 г. журнал «Тайм» писал о том, что Громыко делает свою работу на уровне умопомрачительной компетентности.

Госсекретарь Генри Киссинджер говорил, что вести переговоры с советским министром иностранных дел, не владея деталями проблемы, было равносильно самоубийству.

На мой взгляд, важной чертой характера А.А. Громыко было и то, что он избегал интриг и, по его признанию, старался со всеми поддерживать ровные отношения.

Представляется, что именно эти качества в совокупности с «госпожой удачей» (оказаться в нужном месте в нужное время) и позволили А.А. Громыко совершить такую успешную карьеру и войти в историю дипломатии.

Молодые люди могут учиться у Громыко преданности своей стране, огромному трудолюбию, взвешенности решений, упорству в отстаивании интересов своего государства.

Мы много знаем об Андрее Андреевиче. Однако исследование его жизни и деятельности должно активно продолжаться. Это поможет нам открыть новые интересные страницы из жизни нашего известного земляка.

Использованные источники

1. *Громыко А.А.* Памятное. Кн. 1. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1990. 512 с.
2. Там же. С. 36.
3. Андрэй Скурко. Андрэй Грамыка: самы ўплывовы беларус СССР // Наша гісторыя. 2019. № 7 (12). С. 4–17.
4. Борисовский голодный бунт [Электронный ресурс] // https://ru.wikipedia.org/wiki/Борисовский_голодный_бунт. Дата обращения: 21.08.2019.
5. Громыко А.А. // Советская Белоруссия. 1958. 4 марта.
6. Грамыка А.А. // Гомельская праўда. 1962. 4 сакавіка.
7. Давер народа // Гомельская праўда. 1962. 19 сакавіка.
8. Нерушимое единство партии и народа. Выступление А.А. Громыко перед избирателями в Минске // Советская Белоруссия. 1974. 11 июня.
9. Встреча А.А. Громыко с избирателями в Минске // Советская Белоруссия. 1984. 28 февраля.
10. Пример в жизни и в работе [Электронный ресурс] // http://www.gromyko.ru/Russian/100/primer.htm. Дата обращения: 15.05.2019.

Шустов В.В.

Дипломатическая школа Громыко*

По чистой случайности в моей жизни произошло одно совпадение, которое абсолютно никакой роли не сыграло, но все-таки, как принято сейчас говорить, имело место. Может быть, упоминание о нем вызовет у читателя этих строк ироническую усмешку. В 1957 г., когда А.А. Громыко назначили министром иностранных дел, меня после окончания аспирантуры в МГИМО определили на работу в МИД, дав самый низший на дипломатической службе, но для непосвященных солидно звучащий, ранг атташе. С этого старта мне посчастливилось проработать в министерстве все 28 лет, когда его руководителем являлся Андрей Андреевич. Это были лучшие годы в моей службе. Как и десятки моих товарищей, я с охотой брался за любое задание. Все для меня было интересным в высотке на Смоленской площади.

Ни по каким статьям я не мог входить в круг мидовцев, близких к Громыко. Но получилось так, что по тем проблемам, к проработке которых меня привлекали, довелось неоднократно встречаться с министром и хотя бы на расстоянии наблюдать за ним, слушать, что он говорил, стараться понять поправки, которые он делал в проектах документов. Дело в том, что мне опять-таки посчастливилось работать в таком прекрасном подразделении МИДа, как Отдел международных организаций, который возглавляли видные советские послы С.К. Царапкин и К.В. Новиков. Отдел занимался проблемами ООН и вопросами разоружения, которые находились непосредственно под контролем Громыко. Специализируясь на разоружении, я неоднократно летал на сессии Генеральной Ассамблеи ООН рейсом, на котором находилось сравнительно небольшое число сотрудников нашей делегации. Мне довелось присутствовать на совещаниях, когда министр давал задания, на некоторых его беседах с иностранными представителями. И конечно, на совещаниях в самом министерстве.

Шустов Владимир Викторович (1930–2009) – Чрезвычайный и Полномочный Посол.

* Впервые опубликовано в: «Лучше десять лет переговоров, чем один день войны». Воспоминания об Андрее Андреевиче Громыко / Сост. Ал.А. Громыко. М.: Издательство «Весь Мир», 2009. С. 294–308.

Мне всегда хотелось больше узнать и лучше понять его личные, чисто человеческие черты, полнее ознакомиться с методом и стилем его работы как дипломата. Как он заслужил уважение у всех сотрудников министерства – без преувеличения, от младших до заместителей министра? Как этот сдержанный и немногословный человек, как будто застегнутый на все пуговицы, завоевал авторитет «дипломата номер один» нашей страны? Почему при этом некоторые деятели и средства информации на Западе пытались приклеить ему ярлык «Мистера Нет»?

Кажется, мне удалось найти ответы на эти вопросы, хотя наверняка и неполные. Однако, прежде чем изложить их, хотелось бы описать одну встречу с Андреем Андреевичем, которая состоялась совершенно неожиданно для меня в Бухаресте в августе 1969 г.

В это время в столице Румынии было созвано совещание министров иностранных дел стран – участниц Варшавского договора. В повестку дня было включено небольшое число вопросов и среди них – нераспространение ядерного оружия. Румыния какое-то время отказывалась подписать договор о нераспространении. Меня как эксперта по этой проблеме включили в группу, состоявшую всего из трех человек, которая сопровождала министра. Мне повезло, и получилось так, что на совещании дело до нераспространения не дошло, и я смог свободно побродить по Бухаресту. В хорошую погоду это было на редкость приятное занятие.

После прогулки я вернулся в гостиницу к обеду. Спокойно заказал себе подходящие блюда и на вопрос официанта, не желаю ли я какой-нибудь напиток, сказал: «В Румынии, конечно, бокал доброго местного вина». Пока я ждал, за моей спиной послышались чьи-то шаги. Вдруг это министр? Так и оказалось. Он сел за мой столик. И тут я вспомнил о бокале вина. Зная, что Громыко не любит, когда наши дипломаты увлекаются спиртными напитками (мне тотчас вспомнились его слова: «дипломаты роют себе могилу рюмкой и вилкой»), сделал, как мне казалось, незаметный знак рукой, чтобы официант ретировался с бокалом. Но Громыко все видел и добродушно сказал: «Да пейте. Я уж закажу себе пива». После этого завязалась довольно продолжительная беседа, не имевшая особого отношения к дипломатии. Помню, как он расспрашивал меня об учебе в институте, впечатлениях от работы в МИДе и т.п. Сам рассказал кое-что о своих студенческих годах, о том времени, когда приходилось ездить на ступеньках переполненных трамваев из общежития до института и т.д. По ходу этого разговора «строгий» министр раскрылся как простой и доброжелательный человек. Этот эпизод мне запомнился.

Теперь перейду к ответам на вопросы, поставленные в начале этих заметок. В их поисках я опирался не только на личные наблюдения, но и на рассказы старших товарищей по работе, а также на печатные источники.

Прежде всего, бросалось в глаза, что **А.А. Громыко являлся человеком незаурядных способностей и сильного характера**. Во время бесед с ним было заметно, что по этим качествам он превосходит многих своих партне-

ров. Громыко умел быстро находить гибкие и подчас неожиданные решения, до которых не могли додуматься другие. В этом проявлялся его дар великолепного аналитика. Во многом ему помогала уникальная память. Будучи послом в Вашингтоне, он упорно изучал английский язык и, как рассказывали свидетели, мог запоминать целые страницы из словаря. «У Громыко, – писал его первый заместитель Г.М. Корниенко, – мозг работал со скоростью компьютера (когда их вообще не существовало), вызывало раздражение, если собеседник не соображал столь же быстро, не понимал его с полуслова или даже без слов»[1].

Один из примеров его находчивости – случай, который произошел в Вене во время встречи с вновь избранным президентом США Джоном Кеннеди. Неожиданно из Москвы пришла телеграмма о том, что Нидерланды отказали в агремане В.М. Молотову, пояснив, что они не могут принять в своей столице послом человека, который не пользуется авторитетом у политического руководства Советского Союза. В дипломатии это довольно редкий случай. До этого Молотов был послом в Монголии и просил, чтобы ему разрешили вернуться в Москву или направили послом в страну с более подходящим для него климатом. Суть дела состояла в том, что Хрущев не хотел, чтобы опальный деятель находился в Москве. Тогда и появился вариант с Нидерландами. Хрущев озадаченно спросил Громыко: «Что будем делать?». Тот, не тратя время на размышления, ответил, что если для двустороннего посла необходим агреман принимающей стороны, то при назначении представителя при международной организации такое согласие не требуется. Тут же было решено командировать Молотова в Вену представителем при недавно образованном Международном агентстве по атомной энергии (МАГАТЭ). Довольны остались все. По-моему, особенно австрийцы. Имя Молотова было связано у них с заключением Государственного договора 1955 г., по которому из этой страны выводились все оккупационные войска, и она получала статус постоянного нейтралитета.

В духе лучших традиций русской и советской дипломатии, яркими представителями которой являлись А.М. Горчаков и Г.В. Чичерин, **Громыко твердо отстаивал государственные интересы своей страны**. Он был, как сейчас принято говорить, государственником в полном смысле этого слова.

В годы Великой Отечественной войны на посту советника, а потом посла в Вашингтоне, сменив на этом посту М.М. Литвинова, он сосредоточил свои усилия на том, чтобы укреплять антигитлеровскую коалицию. Громыко добивался на американском направлении скорейшего открытия второго фронта, внимательно отслеживая настроения в общественном мнении и правящих кругах страны. «Вопрос о втором фронте, – писал он, – безусловно, волнует миллионы людей в США. Обсуждение этого вопроса не сходит со страниц американской печати». Громыко давал трезвую и четкую оценку ситуации в стране. Он отмечал, что подавляющее большинство американского генера-

[1] *Корниенко Г.* Холодная война. Свидетельство ее участника. М., 2001. С. 350.

литета и руководящих промышленных кругов «не хотят победы Гитлера. Но еще больше они не хотят победы Советского Союза»[1].

Президенту США Рузвельту приходилось учитывать эти противоречивые настроения, и как мудрый политик он в конечном итоге занял правильную позицию. Одиннацдатого апреля 1942 г. Рузвельт вручил Громыко послание на имя Сталина, в котором он предлагал Молотову приехать в Вашингтон для обсуждения предложения, «связанного с использованием наших вооруженных сил таким образом, чтобы облегчить критическое положение на Вашем западном фронте». В состоявшейся беседе президент однозначно заявил, что «хочет предпринять конкретные шаги для того, чтобы оттянуть часть сил Гитлера с советского фронта». По мнению Громыко, Рузвельт «явно имел в виду открытие второго фронта»[2].

В годы войны советская дипломатия, сосредоточивая основные усилия на проблеме второго фронта, в то же время активно занималась вопросами послевоенного устройства мирового порядка, прежде всего создания Организации Объединенных Наций. Здесь Громыко находился на передовой линии напряженных дипломатических переговоров.

Отдельной главой в этой его деятельности стало участие в конференции представителей СССР, США и Великобритании, которая проходила на окраине американской столицы в одной из старинных усадеб – Думбартон-Оксе. Исполняя свои обязанности посла в США, он одновременно возглавил группу советских представителей на этих переговорах, где надо было проявить твердость в продвижении своей позиции и в то же время умело находить взаимоприемлемые решения.

В своем выступлении при открытии конференции Громыко подчеркивал, что необходимо учредить действенную организацию, которая могла бы пресечь любые попытки агрессора нарушить международный мир и стабильность. «Само собой, разумеется, – заявил он, – что для сохранения мира и безопасности недостаточно обладать только желанием обуздать агрессора и применить к нему силу, если этого потребуют обстоятельства. Чтобы обеспечить мир и безопасность, совершенно необходимо обладать ресурсами, с помощью которых можно предотвратить или подавить агрессию и сохранить международный порядок». И далее он продолжал: «Единство союзников, проявленное в борьбе против общего врага, и их стремление сохранить мир в будущем представляют собой гарантию того, что настоящие исследовательские переговоры дадут положительные результаты. Они являются первым шагом на пути, ведущем к постройке здания, в возведении которого заинтересованы все свободолюбивые народы мира ради создания эффективной международной организации по вопросам мира и сохранения безопасности…»[3].

---

[1] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: В 2 т. М., 1984. Т. 1. 1941–1943. С. 224–225.

[2] Там же. С. 158, 160.

[3] *Бережков В.* Годы дипломатической службы. М., 1972. С. 256.

В Думбартон-Оксе удалось заложить фундамент и создать конструкцию такого здания. В этом была большая заслуга советских участников конференции во главе с Громыко. Однако не был согласован один, но архиважный вопрос о единогласии постоянных членов Совета Безопасности при решении проблем поддержания международного мира и безопасности.

Западные представители настаивали на том, чтобы страна, участвующая в конфликте, в том числе и постоянный член Совета, не голосовала при рассмотрении этого вопроса. Вашингтон и Лондон рассчитывали на то, что абсолютное большинство государств будут на их стороне в случае тех или иных разногласий, а Советский Союз, не принимая участия в голосовании по вопросу, затрагивающему его интересы, окажется в одиночестве. В течение нескольких дней они оказывали откровенный нажим на советскую делегацию. Однако Громыко не поддавался. Он подчеркивал, что если согласиться с западным подходом, то будет нарушен основной принцип послевоенного устройства, основанного на единодушии великих держав, несущих главную ответственность за поддержание мира. По существу, любой спор, а тем более конфликт, в который была бы вовлечена великая держава, мог перерасти в ситуацию, чреватую серьезными последствиями.

В конце концов западные партнеры стали понимать, что переломить бескомпромиссную позицию советской делегации не удастся. Это и стало главным итогом споров по процедуре голосования в Совете Безопасности.

Окончательное решение этой проблемы было достигнуто на встрече лидеров трех государств в Ливадийском дворце в Ялте в феврале 1945 г.

Перед завершением конференции в Думбартон-Оксе между делегациями возникло расхождение по поводу содержания заключительного коммюнике об итогах переговоров. Однако был принят компромиссный проект, предложенный Громыко.

Полностью работа над Уставом ООН завершилась на конференции в Сан-Франциско, где 26 июня 1945 г. в торжественной обстановке этот документ был подписан. От имени СССР первым его подписал А.А. Громыко, и его с полным основанием можно считать одним из отцов-учредителей всемирной организации.

До последнего дня работы в МИДе Громыко неустанно следил за деятельностью Организации Объединенных Наций. Он направлял работу наших делегаций в Совете Безопасности, на Генеральной Ассамблее и в других органах ООН.

С 1957 по 1984 г. он ежегодно возглавлял делегацию нашей страны на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, т.е. на 27 сессиях Ассамблеи! Ни один из министров иностранных дел других государств – участников Организации близко не подошел к такому рубежу и не приобрел такой богатый опыт в работе всемирной организации. Громыко добивался, чтобы наша страна была инициатором обсуждения и решения в ООН наиболее насущных и значимых международных проблем. По его указанию в директивах делегации, как тогда было принято, на первое место всегда ставился «главный вопрос».

Под ним подразумевалось предложение нашей делегации, которое по ее просьбе в соответствии с Уставом ООН включалось в повестку дня Генеральной Ассамблеи как важный и срочный вопрос. Среди таких главных вопросов достаточно назвать хотя бы некоторые: прекращение испытаний ядерного оружия; предоставление независимости бывшим колониальным странам и народам; запрещение химического и бактериологического оружия; запрещение военного и иного враждебного воздействия на окружающую среду; неразмещение ядерного оружия в космосе и др.

Значительное число этих инициатив дало в конечном итоге практические результаты. После обсуждения их на соответствующих переговорах были заключены международные соглашения.

Большинство из этих предложений в их первоначальном виде формулировалось самим Громыко. В десятках встреч (иногда их было свыше 40), которые он проводил в Нью-Йорке с министрами или другими высокими представителями государств – членов ООН, с его стороны давались подробные и аргументированные разъяснения наших предложений. В ходе бесед Громыко стремился создать благоприятную атмосферу для восприятия наших идей. Как-то мне довелось присутствовать на его встрече с министром иностранных дел Перу, где в то время к власти только что пришло новое правительство. Им стал генерал, по-видимому, не искушенный в дипломатических делах. Поздоровавшись с Громыко и обращаясь к нему, он назвал его «господин посол». Потом, засмущавшись, исправился и сказал: «Извините, господин министр». Громыко снял эту неловкость, ответив: «Вы обратились ко мне абсолютно правильно. Ранг посла присвоен мне на всю жизнь. Министром же я могу быть сегодня, а завтра нет». Собеседник заулыбался, его смущение улетучилось.

Громыко строго требовал, чтобы все члены делегации, советники и эксперты на сессиях Ассамблеи проводили подробные беседы по нашим инициативным вопросам со всеми делегациями независимо от того, какую страну – большую или малую – они представляют. Это давало свои результаты. Многие наши предложения, особенно когда они учитывали настроения большинства среди членов ООН, получали поддержку. За них голосовали, хотя со стороны западных стран они встречали откровенно отрицательную реакцию. Тактика нашей делегации, стиль и методы ее работы в ООН, конечно, обращали на себя внимание. Посол Ганы однажды сказал мне, что дипломаты малых стран очень ценят, когда даже на уровне постоянных представителей и членов делегаций мы на равных беседуем с ними. «Это показывает, что вы воспринимаете их как своих партнеров, делегатов от суверенных государств», – подчеркнул он.

Можно считать, что наибольшим успехом нашей страны была принятая на 15-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1960 г. резолюция «О предоставлении независимости колониальным странам и народам», так называемая резолюция о «деколонизации».

После ее одобрения десятки бывших колоний получили политическую независимость и заняли свои места в ООН как суверенные государства.

В инициировании этого процесса огромная заслуга А.А. Громыко. Но далась эта победа на дипломатическом фронте нелегко. В течение ряда лет, когда мы шаг за шагом продвигались к этой цели, западные государства всеми силами оказывали сопротивление. В те времена представители колониальных стран называли таких борцов за освобождение от колониального гнета, как Нельсон Мандела или Патрис Лумумба, не иначе как «террористами».

Наши инициативные предложения в ООН были частью общей политики государства, которая ставила своей целью обеспечить себе возможно более широкую международную поддержку и собрать вокруг себя государства-союзники. И вряд ли кто-нибудь сможет отрицать, что наша страна сыграла большую роль в формировании Движения неприсоединения, которое стало мощной политической силой, оказавшей влияние на развитие и состояние международных отношений. От биполярной системы, где с одной стороны, США и другие западные страны, а с другой – СССР и социалистические страны, – мир по существу перешел к триполярной системе.

Ко всем сессиям Генеральной Ассамблеи Громыко готовился очень тщательно и требовал, чтобы подразделения МИДа, имеющие отношение к вопросам, включенным в повестку дня Ассамблеи, поступали так же. Отдел международных организаций сводил воедино проекты, поступавшие от разных отделов. В таком документе, содержавшем «директивы» по ключевым проблемам и «указания» по второстепенным или тактическим вопросам, иногда насчитывалось более 150–200 страниц. Этот объемистый труд, в составлении которого принимали участие десятки дипломатов, поступал на стол министра, а после его утверждения направлялся в правительство.

Громыко лично отбирал кандидатов в состав делегаций на каждую сессию Генеральной Ассамблеи. Он внимательно следил за тем, чтобы в делегации включались с соблюдением определенной очередности представители союзных республик.

Перед каждой сессией Генеральной Ассамблеи в столицы различных государств направлялись эмиссары – представители МИДа для разъяснения нашей позиции по повестке дня Ассамблеи. Это было особенно полезно, судя по откликам, для развивающихся стран.

Итоги сессий Ассамблеи детально обсуждались на заседаниях коллегии МИДа, а иногда, наряду с другими крупными международными проблемами, на более широком форуме – собраниях так называемых активов министерства. Громыко, как было заметно, хотел, чтобы возможно больший круг наших дипломатов знакомился с политической линией нашей страны на международной арене.

Специально останавливаюсь столь подробно на «дипломатической кухне» нашей работы по линии ООН, чтобы показать, во-первых, какое большое значение придавал Андрей Андреевич всемирной организации, и, во-вторых, сколько труда он вложил в то, чтобы сделать наше участие в ней действенным и эффективным.

Особое внимание Громыко уделял проблеме ограничения гонки вооружений и разоружения. В своих выступлениях он иногда подчеркивал, что еще в 1922 г. советская делегация на конференции в Генуе выдвинула предложение о всеобщем и полном разоружении, и с тех пор в течение десятков лет этот вопрос не сходил с повестки дня крупных международных переговоров.

«Громыко, – писал Г.М. Корниенко, – был не только убежденным сторонником разоруженческой линии в нашей политике, но и главным генератором идей в этой области. Был напорист в проведении этой линии в общеполитическом плане»[1].

Громыко включился в обсуждение вопросов разоружения с самого начала своего участия в работе ООН. Он был назначен нашим представителем в Комиссии ООН по атомной энергии, а затем и в Комиссии по вооружениям обычного типа. В обоих органах он от имени правительства вносил предложения, нацеленные на радикальное ограничение гонки вооружений. Особое внимание в ООН и за ее пределами привлек представленный в Комиссию по атомной энергии «Проект международной конвенции о запрещении производства и применения атомной энергии в целях массового уничтожения»[2]. В своем выступлении Громыко предупреждал: «Открытие использования атомной энергии не может оставаться в течение более или менее продолжительного времени достоянием только одной страны… Оно неизбежно станет достоянием ряда стран…»[3]. Этот взгляд в будущее был полностью оправдан. Со временем возникла проблема нераспространения ядерного оружия.

Громыко был прагматиком и прекрасно понимал, что далеко идущие советские предложения в сфере всеобщего разоружения не могут быть реализованы из-за позиции Запада, в частности проект всеобщего и полного разоружения, представленный в начале 60-х годов в ООН и Комитете 18 государств по разоружению. Киссинджер назвал этот проект «пропагандистским маневром»[4]. В значительной мере это так и было. Но спрашивается, почему нельзя заниматься пропагандой ради благих целей? Кроме того, не следует сбрасывать со счетов и того существенного факта, что Советский Союз вовлекал США и другие страны Запада, равно как и неприсоединившиеся государства в обсуждение проблемы гонки вооружений и ее ограничения на различных международных форумах – политических и общественных.

Нетрудно было предположить, что от общих дискуссий по всеобщему разоружению в результате детализации этой схемы могут «отпочковаться» частичные меры по ограничению гонки вооружений. Как раз это и произошло в июле 1963 г., когда завершилась разработка Договора между СССР, США и Великобританией о прекращении ядерных испытаний в атмосфере, космосе и под водой. Эти эксперименты были источником очень опасного ради-

---

[1] *Корниенко Г.* Указ. соч. С. 255.

[2] Внешняя политика Советского Союза. 1946 г. Документы и материалы. М., 1952. С. 631.

[3] *Громыко А.* Памятное. М., 1988. Кн. 1. С. 287.

[4] *Kissinger H.* The necessity for Choice. NY, 1961. P. 330.

оактивного заражения окружающей среды для населения всех стран мира – ядерных и неядерных.

Нет худа без добра. Данный Договор, явившийся одним из первых на пути к разрядке в отношениях между США и СССР, оказался, как это ни странно, одним из положительных последствий Карибского кризиса 1962 г., который поставил мир на грань ядерной катастрофы. После его урегулирования обе сверхдержавы стали искать возможность достижения какой-нибудь полезной и значимой для всего мира договоренности. Советский Союз по предложению Громыко выступил с идеей заключения соглашения о частичном прекращении ядерных испытаний. США, хотя и не сразу, согласились с этим. В это время в Женеве ни шатко, ни валко с 1959 г. велись переговоры между представителями СССР, США и Великобритании о прекращении всех ядерных испытаний. Делегации получили указание ускорить дело, ограничившись договоренностью о запрещении взрывов только в трех средах – в атмосфере, космосе и под водой. Подземные взрывы, представлявшие наибольшую трудность с точки зрения контроля над соблюдением соглашения, оставлялись «за бортом» как предмет для будущих переговоров. Приказ из столиц был довольно быстро выполнен. Кстати, это стало хорошим примером того, что дипломатам не так сложно договориться, если государства проявят к тому добрую волю. И напротив, дискуссии за столом переговоров могут длиться годами и даже десятилетиями, если принципиального согласия между государствами нет.

Поскольку Москва первой проявила инициативу заключить такой Договор, стороны согласились провести заключительную стадию переговоров и парафировать его в нашей столице. Встреча состоялась в замечательном историческом особняке МИДа на улице Спиридоновка. Советский Союз представлял А.А. Громыко, США – крупный американский политический деятель и посол Аверелл Гарриман, Великобританию – министр по делам науки лорд Хейлшем.

Меня включили в группу советских участников, так как я был в составе нашей делегации с первого дня переговоров по прекращению ядерных испытаний. Поэтому я непосредственно наблюдал за переговорами высоких представителей.

В московских переговорах неожиданно возникла одна трудность. Советская сторона предложила, чтобы каждый участник в порядке осуществления своего государственного суверенитета имел право выхода из Договора, если связанные с его содержанием обстоятельства поставят под угрозу высшие интересы данной страны. Это предложение имело целью исключить возможность выхода из Договора со ссылкой на причины, не относящиеся к предмету Договора. Вполне понятно, что отдельная статья соглашения на этот счет только укрепляла бы его действенность.

Английский представитель быстро получил «добро» из Лондона. А Гарриман сказал, что он не возражает, но ему необходимо получить согласие лично от президента Дж. Кеннеди. (Впоследствии один из американских

коллег рассказал мне, что в те дни все телеграммы из Москвы докладывались только самому президенту, чтобы никакое вмешательство со стороны не испортило дела.) Был объявлен перерыв, и на наших глазах Андрей Андреевич сказал Гарриману, что он может связаться с президентом по телефону из соседней комнаты. В Вашингтоне в это время были ранние предутренние часы. Президента подняли с постели, и он дал согласие.

Заседание возобновилось. Через короткое время Договор был парафирован тремя представителями, а подписан уже в Кремле в августе 1963 г. Он получил общепризнанное название Московского договора. Кстати, с той поры во все соглашения, касающиеся контроля над вооружениями, включалась аналогичная статья о выходе из Договора.

В наши дни стоит напомнить, что Московский договор имел немаловажное значение для внутренних решений, принимавшихся в нашей стране. В 60-е годы в связи с необходимостью орошения целинных земель в Казахстане у некоторых наших государственных деятелей возникла идея переброски вод северных рек России на юг. Для осуществления этих циклопических планов предполагалось провести около сотни так называемых «вскрышных» ядерных взрывов, которые были необходимы для строительства каналов. Договор 1963 г. подземные взрывы не запрещал. Запрещались только такие подземные ядерные взрывы, которые могли привести к выпадению радиоактивных осадков за пределами страны, производящей такие взрывы. Представители соответствующих ведомств и институтов пришли в МИД выяснить, не будут ли предполагаемые взрывы противоречить Договору. Консультации велись в Отделе международных организаций. С нашей стороны гостям был задан вопрос: «А как насчет радиоактивных осадков?». Специалисты развернули большую карту, на которой было показано, как осадки будут перенесены с облаками через всю территорию нашей страны, а затем значительное их количество выпадет в районе японских островов. Мы сказали, что это запрещено Московским договором. Гости ничего возразить не могли. Договор и, видимо, другие причины заставили отказаться от безумных планов. Помимо радиоактивного заражения огромной части территории нашей страны, Север России оказался бы серьезно обезвоженным. Погибли бы тысячи гектаров леса.

Разумеется, информация о консультациях была доложена министру, и он одобрил наши разъяснения.

Нетрудно представить себе, к каким губительным последствиям для России привела бы реализация предлагавшихся планов в наше время, после развала Советского Союза. Конечно, тогда это не могло бы присниться даже в самом страшном сне.

Вслед за Договором о частичном запрещении ядерных испытаний появилось около десятка других международных договоров и соглашений, направленных на ограничение гонки вооружений. Шаг за шагом складывалась целая система торможения этого опасного и разорительного процесса.

За всеми переговорами по разоружению Громыко следил внимательно и каждодневно. Некоторые соглашения он подписывал сам. В частности, ему

было поручено подписать от имени Советского Союза Конвенцию о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (1972).

Однако особое значение он придавал Договору о нераспространении ядерного оружия. И если вернуться к первому выступлению Громыко в Комиссии ООН по атомной энергии в 1946 г., то нельзя не отметить, что уже тогда он смотрел далеко вперед, предвидя опасность расползания ядерного оружия.

Когда в Нью-Йорке, а затем в Женеве шли переговоры по проблеме нераспространения, он лично предлагал некоторые развязки трудных формулировок. Однажды случился такой эпизод. В Женеве мы с большим трудом вместе с американскими экспертами подбирались к решению чрезвычайно сложного вопроса о контроле над выполнением будущего Договора. Мы знали, что Андрей Андреевич был доволен нашей работой, и это нас ободряло. И вдруг совершенно неожиданно из Вашингтона буквально на один день прилетел помощник заместителя государственного секретаря Сэм Де Пальма и попросил меня срочно встретиться с ним. Мы хорошо знали друг друга с того времени, когда он был членом американской делегации в Женеве. Он сообщил, что наши коллеги в представительстве при ООН в Нью-Йорке предложили свой вариант статьи Договора о контроле, который в корне отличался от компромиссных хитросплетений, обсуждавшихся нами с американцами в Женеве. Он спросил:

«Скажите официально, где вы ведете переговоры по нераспространению – здесь или в Нью-Йорке? На что нам ориентироваться?». Я успокоил собеседника, сказав, что никаких иных указаний, помимо тех, которыми мы руководствуемся в Женеве, наша делегация не получала. Разумеется, о запросе американской стороны мы срочно сообщили в Москву. И так же быстро получили ответ от министра, который сводился к тому, что переговоры о нераспространении ведет делегация в Женеве и никто другой.

Еще в 1961 г. с инициативой о необходимости заключения Договора по нераспространению выступил представитель неядерной страны министр иностранных дел Ирландии Эйкен. Громыко придавал большое значение поддержке этого Договора со стороны неядерных государств и давал нашим представителям за рубежом указания проводить с ними активную работу. Когда стороны условились открыть Договор к подписанию в Москве, Вашингтоне и Лондоне, ирландский министр выбрал советскую столицу и первым подписал Договор в Москве.

Эта церемония состоялась в 1968 г. Судя по рассказам тех, кто это знал, Громыко говорил, что среди десятков подписанных им договоров, соглашений и других дипломатических документов наибольшее удовлетворение у него вызывало то, что он поставил свою подпись под Уставом ООН и Договором о нераспространении ядерного оружия.

Громыко добивался от сотрудников МИДа досконального знания документов по разоружению. По его инициативе в МИДе типографским спосо-

бом было издано 14 томов документов по разоружению. Этот сборник содержал много документов для служебного пользования и был значительно богаче аналогичных сборников, изданных в других странах.

Андрей Андреевич являлся дипломатом высшей категории и человеком, бесконечно преданным своей профессии. Он мастерски владел всеми приемами и методами дипломатической работы и требовал, чтобы все сотрудники МИДа прочно и всесторонне овладевали ими. В своих мемуарах он писал: «Иногда принято считать, что дипломату достаточно лишь какого-то минимума культуры, обходительности и знания иностранного языка, а еще лучше нескольких. Это – заблуждение. С таким багажом он не сможет долго удержаться на современной дипломатической работе. Дипломатическая деятельность – это труд тяжелый, сложный, требующий от тех, кто им занимается, мобилизации всех своих знаний и способностей»[1].

Основные требования Громыко к нашим дипломатам:

- Глубоко понимать политику своего государства.
- Хорошо знать предмет, который ему надлежит обсуждать с представителями другой страны.
- Быть образованным и эрудированным.
- Как следует знать страну пребывания или практику работы международной организации, ибо наше время – это время многосторонней дипломатии.
- Уметь отделить то, что следует сказать сегодня, от того, чего не следует говорить.
- Воспитывать в себе «политическую интуицию», которая является лучшим советчиком дипломата, но которую нельзя облечь в какие-то строгие формулы: она дается только профессиональной подготовкой и опытом.
- Быть контактным и уметь устанавливать контакты.
- Ежедневно работать над изучением иностранного языка, но всегда оттачивать знания русского языка – главного нашего инструмента в дипломатической работе.
- Назубок знать все требования дипломатического протокола.
- Но главная задача дипломата – уметь отстаивать порученную ему позицию. В связи с этим Громыко отмечал в своих мемуарах: «Дискуссии и обсуждения, которые ведут дипломаты, в известном смысле похожи на соревнования спортивной олимпиады, с той, однако, разницей, что тут происходит состязание интеллектуального порядка. Пусть меня правильно поймут спортсмены. В спорте, разумеется, интеллект тоже необходим. Но все же там главное – физические способности. А дипломат не прыгает, не поднимает штангу, не забрасывает шайбу. Его уменье должно сводиться к другому – отстоять порученную позицию»[2].

---

[1] *Громыко А.* Памятное. Кн. 2. С. 330.

[2] Там же. С. 332.

Этот основной долг дипломата Громыко исполнял весьма умело. В обоснование своей позиции он выдвигал нужные аргументы и в нужное время. Он не был столь красноречивым оратором, как некоторые дипломаты в ООН. Однако все его выступления были выстроены логично и звучали убедительно, заставляя зал внимательно слушать то, что он говорит.

Некоторые западные аналитики и обозреватели, особенно в первые послевоенные годы, называли Громыко «Мистером Нет». Да, когда мы были в полном меньшинстве на международных форумах, ему приходилось нередко, пользуясь правилом единогласия, выступать в одиночку и накладывать вето в Совете Безопасности ООН на то или иное предложение или проект, которые противоречили интересам нашей страны. Он говорил свое твердое «нет». Конечно, его политические соперники хотели бы в его лице иметь «Мистера Да», но расчеты на это были напрасными. Сам Андрей Андреевич в кругу своих коллег говорил, что дипломату подчас нелегко сказать «нет». Но это, не колеблясь, необходимо делать, чтобы отстоять свою позицию. Когда дипломат слишком уступчив, то этим качеством он не может завоевать уважение своих партнеров. Другое дело – гибкость, умение найти компромиссное решение для взаимовыгодного соглашения.

Как и многим другим коллегам, мне довелось наблюдать, как Громыко работал над документами. Во-первых, он приучил заведующих отделами подавать на рассмотрение министра документы в максимально отработанном виде, с должной аргументацией. Во-вторых, исправляя или дополняя проекты, он никогда не мелочился. Его правка всегда придавала документу особую значимость, особый оттенок, который полнее отражал и закреплял заложенную в него идею.

Довольно часто при обсуждении сложного документа Громыко приглашал к себе не только заместителей министра или заведующих отделами (теперь в МИДе они получили название департаментов), но и сотрудников более низкого уровня, которые непосредственно составляли проекты документов. Это, несомненно, повышало ответственность этой категории дипломатических работников. С другой стороны, такая практика помогала министру шире знакомиться с сотрудниками, лучше оценивать человеческий потенциал, которым располагало министерство. Толковых работников он поощрял; хотя и весьма немногословно, но давал понять, что ценит сделанное.

Во взаимоотношениях между руководителями подразделений министерства Громыко высоко ставил такую черту, как порядочность. Вспоминаю такой случай. По одному из вопросов начальника нашего отдела и меня вызвали к министру. Речь шла об исправлении одной ошибки. Приглашен был также заместитель начальника другого отдела. Стремясь оправдаться, он стал обвинять наш отдел в промахе, хотя и министр, и мы знали, что это не так: обсуждавшейся проблемой наш отдел не занимался. Министр не стал тратить время на разборку дела. Главное, был найден выход, как исправить ошибку. И когда мы вышли из кабинета, мой многоопытный начальник, знавший Громыко еще с довоенных времен, сказал мне: «Запомните. Этот друг, который

валил все на нас, выше заместителя начальника отдела не поднимется. Громыко таких выкрутасов не любит». Это предсказание впоследствии оправдалось. Пусть это небольшой эпизод, штрих, но он оттеняет характер Громыко.

Многие документы, которые подготавливаются в МИДе, требуют согласования с другими ведомствами. Нам как специалистам, работавшим в сфере разоружения, приходилось часто иметь дело с Министерством обороны и ведомствами, занимающимися вопросами мирного использования атомной энергии. Мы защищали интересы своего министерства. Но Громыко требовал от нас очень внимательно относиться к позиции и аргументации ведомств. Помню, как однажды он сказал, что за оборону отвечает не МИД, а Министерство обороны. В то же время, если со стороны ведомств допускались неверные шаги, то министр соглашался с мнением своих сотрудников. Так, однажды на переговорах о взаимном сокращении вооруженных сил в Центральной Европе делегация получила указание внести данные, касающиеся численности советских войск в этом регионе. Зная о том, что примерно известно по этому вопросу нашим западным партнерам, члены делегации пришли к выводу, что обнародование полученных данных ни к чему хорошему, кроме конфуза, не приведет. Делегация сообщила в Москву о нецелесообразности выполнения полученных указаний. Министр и те, с кем он консультировался, с этим согласились.

Андрей Андреевич решительно защищал интересы нашего государства. Разумеется, он был человеком своего времени. Как коммунист, твердо отстаивал свою точку зрения, но, если большинство в высшем партийном руководстве высказывалось в пользу иного решения, то подчинялся этому. Так, выступив вначале против ввода советских войск в Афганистан, в конечном итоге не смог воспротивиться решению, против которого возражал. По-видимому, такое случалось не раз. Помнится, как в 1961 г. он выступал на партийном активе МИДа с оправданием поведения Хрущева при встрече с Дж. Кеннеди, когда тот приехал с добрыми намерениями нормализовать отношения с Советским Союзом, а Хрущев не использовал этого шанса и не пожал протянутую ему руку молодого американского президента. И это было политическим просчетом.

Заслуживает уважения тот факт, что Андрей Андреевич при тех катаклизмах, которые обрушились на нашу страну в конце XX в., своих политических взглядов не менял и до конца своих дней оставался верным своим убеждениям. И это в то время, когда многие деятели быстро «перекрашивались», перебегая из одного лагеря в другой, и с легкостью принялись очернять прошлое своей страны, которой они десятилетиями служили.

А.А. Громыко был не только выдающимся профессионалом, но и человеком широко образованным, интересы которого охватывали литературу, живопись, музыку и кинематографию. Об этом он пишет в поучительных и полезных для наших нынешних дипломатов мемуарах, опубликованных в 1988 г., после того как тремя годами ранее он оставил пост министра иностранных дел. Некоторые наши дипломаты несколько скептически оценили

этот двухтомный труд, сетуя на то, что в нем мало политических обобщений и фактов, связанных с «закулисьем» советской дипломатии и внешней политики. Никак не могу согласиться с такими оценками. Мемуары писались и издавались в то время, когда публикация подобных воспоминаний еще не очень поощрялась и не вошла в моду. Это сейчас мемуарная литература поставлена на поток. Пишут все кому не лень: и министры, и генералы, и дипломаты и т.д. Мемуары Громыко дают широкую картину не только его деятельности, но и того, что происходило в СССР, США и других странах, где приходилось ему побывать.

Историки могут почерпнуть малоизвестные им данные о встречах глав антигитлеровской коалиции, об истории создания ООН, о происхождении холодной войны, встречах Громыко с Мао Цзэдуном, заседании Совета Безопасности ООН, на котором принималось решение о вводе американских войск в Корею, и многое другое. Разумеется, и о тех видных политических деятелях, с которыми в силу обстоятельств и своего служебного положения приходилось встречаться Громыко.

В его мемуарах можно проследить, как сын крестьянина-бедняка из белорусской деревни Старые Громыки, что недалеко от Гомеля, благодаря тем благоприятным условиям, которые были созданы в нашей стране, сумел подняться до одного из высших постов в государстве, стать ученым – доктором наук и овладеть достижениями мировой культуры.

В Вашингтоне Громыко встречался и поддерживал знакомство с видными деятелями русской эмиграции – литераторами и другими представителями культуры, такими как Сергей Рахманинов, Серж Кусевицкий, Давид Бурлюк и др. Широкий круг знакомств у нашего посла был и среди деятелей американской культуры – дирижеры Л. Стаковскиий, Ю. Орланди, певцы Поль Робсон и Фрэнк Синатра, классик кино Ч. Чаплин, известная писательница Л. Хеллман и др. Интересны описания встреч с Пабло Пикассо. Среди знакомых Громыко были крупнейшие ученые – такие как А. Эйнштейн, Р. Оппенгеймер, Э. Лоуренс, Ф. Жолио-Кюри.

Андрей Андреевич поддерживал добрые отношения со многими учеными и деятелями искусства и в нашей стране. Достаточно назвать такие имена, как ученый-физик Д. Скобельцын, профессор С. Александров, писатели М. Шолохов, К. Федин, Б. Пастернак, К. Чуковский, художник П. Корин, кинорежиссеры Г. Александров, А. Довженко, актер Б. Ливанов.

В книге воспоминаний Громыко можно найти немало интересных страниц, посвященных всем этим людям.

Практические дела А.А. Громыко по обеспечению интересов нашей страны на международной арене говорят сами за себя. Они позволяют с полным правом считать его одни из самых выдающихся русских дипломатов XX в.

Громыко Андрей Андреевич
Библиографический указатель*

Монографии

1957

Громыко А.А. Экспорт американского капитала. Из истории экспорта капитала США как орудия экономической и политической экспансии / Г. Андреев [Громыко Андрей Андреевич]. М.: Госполитиздат, 1957. 451 с.

1961

Громыко А.А. Экспансия доллара / Г. Андреев [Громыко Андрей Андреевич]. М.: Соцэкгиз, 1961. 480 с.: табл.

1982

Громыко А.А. Внешняя экспансия капитала: история и современность / А.А. Громыко. М.: Мысль, 1982. 494 с.

Речи и выступления в отдельных изданиях

1974

Громыко А.А. По пути Октября – к новым победам дела коммунизма и мира: Докл. на Торжеств. заседании, посвящ. 57-й годовщине Великой Октябрьской соц. революции в Кремлевском Дворце съездов 6 ноября 1974 г. М.: Политиздат, 1974. 32 с.

1978

Громыко А.А. Важнейшие проблемы современности: речь на XXXIII сессии Генер. Ассамблеи ООН, 26 сент. 1978 г. / А.А. Громыко. М.: Политиздат, 1978. 16 с.

Громыко А.А. Во имя торжества ленинской внешней политики: избр. речи и статьи / А.А. Громыко. М.: Политиздат, 1978. 598 с.

Громыко А.А. О практических путях к прекращению гонки вооружений: Речь на спец. сессии Генер. Ассамблеи ООН по разоружению 26 мая 1978 г. М.: Политиздат, 1978. 32 с.

1979

Громыко А.А. Выступление на пресс-конференции для советских и иностранных журналистов 25 июня 1979 г. в Москве / А.А. Громыко. М.: Политиздат, 1979. 30 с.

Громыко А.А. За безопасность народов, за мир на земле: речь на XXXIV сессии Генер. Ассамблеи ООН 25 сент. 1979 г. / А.А. Громыко. М.: Политиздат, 1979. 23 с.

---

* Указатель составлен в Управлении информационного и документационного обеспечения Президента Российской Федерации, Департаменте по обеспечению деятельности Библиотеки Администрации Президента Российской Федерации. Составитель: *Т.П. Люлина.* Редакторы: *Н.А. Суворова, Н.В. Рождественская.*

1980

Громыко А.А. Обеспечить мир народам – задача всех государств: выступление на XXXV сессии Генер. Ассамблеи ООН, 23 сент. 1980 г. / А.А. Громыко. М.: Политиздат, 1980. 47 с.

1981

Громыко А.А. Во имя обеспечения мира – общего достояния человечества: выступление на XXXVI сессии Генер. Ассамблеи ООН, 22 сент. 1981 г. / А.А. Громыко. М.: Политиздат, 1981. 31 с.

1982

Громыко А.А. Отстоять мир на земле: выступление на XXXVII сессии Генер. Ассамблеи ООН, 1 окт. 1982 г. / А.А. Громыко. М.: Политиздат, 1982. 32 с.

1983

Громыко А.А. О международном положении и внешней политике Советского Союза: докл. на 8-й сессии Верх. Совета СССР 10-го созыва 16 июня 1983 г. / А.А. Громыко. М.: Политиздат, 1983. 32 с.

1984

Громыко А.А. Защитить устои всеобщего мира: выступление на XXXIX сессии Генер. Ассамблеи ООН, 27 сент. 1984 г. / А.А. Громыко. М.: Политиздат, 1984. 31 с.

Громыко А.А. Ленинским курсом мира: избр. речи и статьи / А.А. Громыко. М.: Политиздат, 1984. 734 с.

Громыко А.А. По пути Октября – курсом созидания и мира: Докл. на Торжеств. заседании, посвящ. 67-й годовщине Великой Октябрьской соц. революции в Кремлевском Дворце съездов 6 ноября 1984 г. М., Политиздат, 1984. 32 с.

1985

Громыко А.А. Работу Советов – на уровень новых задач: Речь на 3 сессии Горьк. обл. Совета нар. депутатов 19 созыва совместно с парт. активом 13 нояб. 1985 г. М.: Политиздат, 1985. 32 с.

1986

Алексеев А.А. Стокгольмская конференция / Ан. Алексеев; Науч. совет по исслед. пробл. мира и разоружения. М.: Наука, 1986. 87 с. (Международный мир и разоружение; Вып. 35). Содерж.: Документ по мерам укрепления доверия и некоторым аспектам безопасности и разоружения. Выступление А.А. Громыко на Стокгольмской конференции 19.01.84 г.

2019

Громыко А.А. Последнее интервью Андрея Андреевича Громыко[1] / Ассоциация внешнеполитических исследований им. А.А. Громыко, Институт Европы Российской академии наук. М.: ИЕ РАН, 2019. 40 с.

[1] 30 июля 1989 г. в № 30 журнала «Огонек» было опубликовано последнее интервью Андрея Андреевича Громыко, которое он дал главному редактору журнала В.А. Коротичу. Интервью также снимали Гостелерадио СССР и британская компания «Сентрал ТВ» для использования в англо-американо-японском фильме «Ядерный век». Недавняя расшифровка интервью на основе ее оригинальной записи из архива показала, что большая часть текста ответов не вошла в материал указанного журнала. Впервые опубликован полный текст последнего интервью Андрея Андреевича Громыко.

Научное редактирование

1957

Документы внешней политики СССР. [Комис. по изданию дипломатич. документов: д-р экон. наук А.А. Громыко (пред.) и др.]. М., Госполитиздат, 1957–1977. Т. 1–21.

1959

История дипломатии / под ред. В.А. Зорина, В.С. Семенова, С.Д. Сказкина, В.М. Хвостова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Госполитиздат, 1959–1975.

Т. 2. Дипломатия в новое время, 1871–1914 / Авт. тома В.М. Хвостов; ред.: А.А. Громыко и др. 1963. 820 с.

Т. 3. Дипломатия на первом этапе общего кризиса капиталистической системы / авт. тома С.Ю. Выгодский, С.А. Гонионский, И.М. Горохов [и др.]; ред.: А.А. Громыко и др. 1965. 831 с.

Т. 4. Дипломатия в годы второй мировой войны / Ред.: А.А. Громыко. М.: Политиздат, 1975. 752 с.

Т. 5; кн. 1. 1974. 750 с.

Т. 5; кн. 2. 1979. 766 с.

1960

Дипломатический словарь: в 3 т. / Гл. ред. А.А. Громыко, С.А. Голунский, В.М. Хвостов; редкол.: Арзумян А.А. [и др.]. М.: Госполитиздат, 1960–1964.

Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Рос. М-ва иностр. дел СССР; [Комис.по изд. дипломат. документов при МИД СССР: А.А. Громыко (пред.) и др.]. М., 1960–1979. Т. 1–11.

1962

Мирное сосуществование – ленинский курс внешней политики Советского Союза / Предисл. и общ. ред. А.А. Громыко. М., Изд-во ИМО, 1962. 304 с.

1966

История внешней политики СССР, 1917–1966 гг.: в 2 ч. / Под ред. Б.Н. Пономарева, А.А. Громыко и др. М.: Наука, 1966–1971.

История внешней политики СССР, 1917–1970 гг.: в 2 ч. / А.М. Александров, А.В. Березкин, А.И. Блатов и др.; под ред. Б.Н. Пономарева, А.А. Громыко, В.М. Хвостова; АН СССР, Ин-т истории. М.: Наука, 1966–1971.

1971

Дипломатический словарь: в 3 т. / Гл. ред. А.А. Громыко, И.Н. Земсков, В.М. Хвостов; редкол.: Миллер А.Ф. [и др.]. [Перераб. и доп. изд.]. М.: Политиздат, 1971–1973.

СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны / Под ред. А.А. Громыко. М.: Политиздат, 1971. 735 с

1973

Горохов И.М. Г.В. Чичерин – дипломат ленинской школы / И.М. Горохов, Л.М. Замятин, И.Н. Земсков; под общ. ред. и со вступ. ст. А.А. Громыко. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1973. 222 с.

1976

История внешней политики СССР, 1917–1975: в 2 т. / Ред.: А.А. Громыко, Б.Н. Пономарева; АН СССР, Ин-т истории СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1976.

История внешней политики СССР, 1917–1976: в 2 т. / Ред.: А.А. Громыко, Б.Н. Пономарева; АН СССР, Ин-т истории СССР; 3-е изд., доп. М.: Наука, 1976–1977.

Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 2 т. / Ред.: Громыко А.А. (пред. комис.); М-во иностр. дел СССР. 2-е изд. М.: Политиздат, 1976.

1978

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. документов: в 6 т. / Отв. ред. А.А. Громыко; М-во иностр. дел СССР. М.: Политиздат, 1978–1980.

1980

Дипломатия стран социализма / [В.Н. Белецкий, О.Б. Борисов, В.Л. Исраэлян и др.]; Под общ. ред. А.А. Громыко. М.: Междунар. Отношения, 1980. 431 с. (Б-ка «Внеш. политика. Дипломатия»).

История внешней политики СССР, 1917–1980: в 2 т. / Ред.: А.А. Громыко, Б.Н. Пономарев; АН СССР, Ин-т истории СССР. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1980–1981.

1983

Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: док. и материалы: в 2 т. / Ред.: Громыко А.А. (пред. комис.); М-во иностр. дел СССР; редкол.: Кынин Г.П., Севостьянов П.П., Суслов В.П. и др. М.: Политиздат, 1983.

1984

Дипломатический словарь: в 3 т. / Ред.: Громыко А.А. (гл. ред.). 4-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1984–1986.

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. документов: в 6 т. / Гл. ред. А.А. Громыко; М-во иностр. дел СССР. М.: Политиздат, 1984.

Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: док. и материалы: в 2 т. / Ред.: Громыко А.А. (пред. комис.); М-во иностр. дел СССР; редкол.: Арбатов Г.А., Комплектов В.Г., Корниенко Г.М. и др. М.: Политиздат, 1984.

1985

За мир и безопасность народов: Документы внеш. политики СССР 1968 г.: в 2 кн. / М-во иностр. дел СССР; [Комис. по изд. дипломат. документов при МИД СССР: А.А. Громыко (пред.) и др.]. М.: Политиздат, 1985.

СССР – Италия: Страницы истории, 1917–1984. Документы и материалы / М-во иностр. дел. СССР, М-во иностр. дел Италии [Редкол.: А.А. Громыко, Дж. Андреотти и др.]. М.: Политиздат, 1985. 293 с.

СССР – Люксембург: Страницы истории, 1867–1984. Документы и материалы / М-во иностр. дел. СССР и др; [Редкол.: А.А. Громыко, Ж. Поос]. М.: Политиздат, 1985. 271 с.

1986

Борьба СССР в ООН за мир, безопасность и сотрудничество, 1945–1985 / Гл. ред. А.А. Громыко, зам. гл. ред. Корниенко Г.М. М.: Политиздат, 1986. 383 с.

История внешней политики СССР, 1917–1985: в 2 т. / Ред.: А.А. Громыко, Б.Н. Пономарев; АН СССР, Ин-т истории СССР. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1986–1987.

1987

Борьба СССР против ядерной опасности, гонки вооружений, за разоружение: Документы и материалы / М-во иностр. дел СССР, Редкол.: А.А. Громыко (гл.ред.) и др. М.: Политиздат, 1987. 558 с.

1989

Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945: в 2 т. / Ред.: Громыко А.А.. 2-е изд. М.: Политиздат, 1989.

Вступительные статьи и предисловия

1980

СССР – Австрия, 1938–1979 гг.: Документы и материалы / М-во иностр. дел СССР; предисл. А.А. Громыко. М.: Политиздат, 1980. 159 с.

1984

За мир, разоружение и безопасность народов: Летопись внешней политики СССР / [Вступ. ст. А.А Громыко, с. 3–38]. 2-е изд. доп. М.: Политиздат, 1984. 480 с.

Воспоминания

1988

Громыко А.А. Памятное: в 2 кн. М.: Политиздат, 1988.
Кн. 1. 1988. 478 с.
Кн. 2. 1988. 413 с.

1990

Громыко А.А. Памятное: в 2 кн. / Андрей Андреевич Громыко. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1990.
Кн. 1. 1990. 512 с.
Кн. 2. 1990. 556 с.

2015

Громыко А.А. Памятное: [воспоминания: в 2 кн.] / Андрей Андреевич Громыко. М.: Центрполиграф, 2015. (Наш XX век).
[Кн.] 1. Новые горизонты / А.А. Громыко. 2015. 559 с.: ил.
[Кн.] 2. Испытание временем / А.А. Громыко. 2015. 559 с., 8 л. ил.

Книги и статьи из периодических изданий об А.А. Громыко

Книги

«Лучше десять лет переговоров, чем один день войны». Воспоминания об Андрее Андреевиче Громыко: к 100-летию со дня рождения / [Сост. Ал.А. Громыко]. М.: Весь Мир, 2009. 317 с.

А.А. Громыко. Дипломат, политик, ученый: Материалы Науч.-практ. конф., посвящен. 90-летию со дня рождения А.А. Громыко, 29 июня 1999 г., МГИМО[1] / Ред.: Э.В. Нестеренко; М-во иностр. дел Рос. Федерации, Моск. гос. ин-т междунар. отношений; редкол.: Иванов И.С. и др. М.: РОССПЭН, 2000. 231 с.

А.А. Громыко: человек, дипломат, политик: Материалы Науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А.А. Громыко, 9 сент. 2009 г., ДА МИД РФ[2] / МИД Рос. Федерации, Диплом. акад; редкол.: Панов А.Н. и др. М.: Восток-Запад, 2010. 183 с.

Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева: Воспоминания дипломата, советника А.А. Громыко, помощника Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, К.У. Черненко и М.С. Горбачева / А.М. Александров-Агентов; ред.: И.Ф. Огородникова. М.: Междунар. отношения, 1994. 299 с.

Антонов В.И. Имена в мировой политике: мозаика портретов и образов. Вторая половина XX и начало XXI столетия / В.И. Антонов. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. науч. центра СО РАН, 2008–2010. Ч. 2. 2010. 249 с.

Гореславская Н.Б. Андрей Громыко. Ошибка Мистера Нет / Нелли Гореславская. М.: Эксмо: Алгоритм, 2009. 270 с. (Лучшие биографии).

Громыко А.А. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля: Воспоминания и размышления сына / Анатолий Громыко. М.: ИПО «Автор», 1997. 254 с.

Громыко А.А. Андрей Громыко. Полет его стрелы: воспоминания и размышления сына / Анатолий Громыко. М.: Науч. кн., 2009. 456 с.: ил.

Замостьянов А.А. Сталинская гвардия. Наследники Вождя / Арсений Замостьянов. М.: Яуза, 2010. 284 с. (СССР).

Заседание экспертной сессии фракции политической партии Справедливая Россия с международным участием на тему: «Социально-политические риски в условиях формирования нового мирового порядка» от 11 апреля 2019 г. в Государственной Думе РФ, посвященной 110-летию со дня рождения А.А. Громыко: Стенограмма Государственной Думы Федерального Собрания РФ. М., 2019. 93 с.

Млечин Л.М. Министры иностранных дел. 1945–1991 / Леонид Млечин. СПб.: Амфора, 2016. 447 с. (Великие россияне).

Млечин Л.М. Секреты российской дипломатии. От Громыко до Лаврова / Леонид Млечин. М.: Издат. дом «Аргументы недели», 2019. 605 с. (Вспомнить все).

Рыбас С.Ю. Громыко. Война, мир и дипломатия / Святослав Рыбас. М.: Мол. гвардия, 2011. 529 с. (Жизнь замечательных людей. Серия биографий; вып. 1532 (1332)).

Суходрев В.М. Язык мой – друг мой: От Хрущева до Горбачева: {Воспоминания переводчика} / В.М. Суходрев. М.: АСТ: Олимп, 1999. 478 с.

Суходрев В.М. Язык мой – друг мой: От Хрущева до Горбачева... [Воспоминания переводчика] / В.М. Суходрев. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд. Дом ТОНЧУ, 2008. 536 с.

Тихвинский С.Л. Дипломатия: исследования и воспоминания / С.Л. Тихвинский; Ин-т рос. истории РАН. М., 2001. 317 с.

[1] В работе конференции приняли участие: министр иностранных дел России И.С. Иванов, ректор МГИМО А.В. Торкунов, видные дипломаты, известные ученые. В сборнике публикуются тексты посланий министра иностранных дел Белоруссии У.Р. Латыпова, воспоминания видных иностранных политических деятелей: Г.-Д. Геншера и Дж. Андреотти.

[2] В конференции приняли участие: министр иностранных дел России С.В. Лавров, бывшие министры иностранных дел СССР и России А.А. Бессмертных и И.С. Иванов, ректор Дипломатической академии МИД РФ А.Н. Панов, видные дипломаты, российские и белорусские ученые.

Статьи из периодических изданий

Агапов М. Андрей Андреевич Громыко – человек, «имя которого знает каждый школьник в Израиле» // Уральское востоковедение: международный альманах. 2015. № 6. С. 154–160.

Адамишин А. Заключительный акт: занавес опускается? // Россия в глобальной политике. 2005. Т. 3. № 4. С. 94–95.

Андреотти Д. Джулио Андреотти: Сейчас, когда Европа уже не разделена надвое, логично было бы распустить НАТО: [Беседа с Д. Андреотти] // Международная жизнь. 2000. № 5. С. 12–15.

Ауров О. Не отдавай Андрей // Свободная мысль. 2009. № 7 (1602). С. 201–204.

Базылев В. О своей стране, своей судьбе, настоящем и пережитом: Андрей Андреевич Громыко (к вопросу о реальности «политического нарратива» // Политическая лингвистика. 2018. № 5 (71). С. 16–26.

Бессмертных А. Дипломат // Итоги. 2011. № 22. С. 42–49; № 23. С. 30–35.

Глазунов И. Мистерия XX века // Итоги. 2010. № 34. С. 24–31; № 35. С. 24–31.

Горбачев М. Неоконченная история: Беседы Михаила Горбачева и политолога Бориса Славина о новейшей истории 1985–1995 // Российский обозреватель. 1996. № 2. С. 82–96.

Гриневский О. Как начиналось ядерное разоружение // Россия XXI. 2011. № 3. С. 88–119.

Громыко Ал. Громыко // Большая Российская энциклопедия: в 30 т. / Редкол.: Осипов Ю.С. (пред.) и др.; Ред.: Кравец С.Л. М., 2004. Т. 8. С. 35–36.

Громыко Ан. Его называли «Мистер Нет»: Анатолий Громыко рассказывает о своем отце – министре иностранных дел Советского Союза // Рабочая трибуна. 1998. № 6. С. 6.

Громыко Ан. Как продавали державу, или политический стриптиз Горбачева // Правда. 1996. 11 июня. С. 6; 15 июня. С. 3.

Громыко Ан. О «доктрине Брежнева». И вообще о внешней политике СССР в 60–70-е годы // Независимая газета. 1996. 20 декабря. С. 2.

Громыко Ан. Штрихи к портрету отца // Международная жизнь. 2009. № 7. С. 84–95.

Громыко-Пирадова Э.А. Хочу рассказать...: [воспоминания дочери гос. деятеля А.А. Громыко (1909–1989)] // Международная жизнь. 2007. № 1–2. С. 116–161.

Добрынин А. За полшага до ядерной войны: Неизвестные подробности Карибского кризиса // Российская Федерация. 1996. № 3. С. 53–59; № 4. С. 56–60.

Долгов К.М. Встречи в разные времена и в разных странах: [из воспоминаний дипломата] // Международная жизнь. 2006. № 11. С. 131–159.

Дубинин Ю. А.А. Громыко и отечественная школа дипломатии // Международная жизнь. 2009. № 7. С. 109–125.

Дубинин Ю. О дипломатическом искусстве // Международная жизнь. 2010. № 8. С. 113–124.

Зайцев А. Четыре года на громыкинских коврах // Международная жизнь. 2009. № 1. С. 92–101.

Зарубежные политики о А.А. Громыко // Международная жизнь. 2009. № 7. С. 148–156.

Зорин В. Аристократ Джордж Буш, «железная леди» Тэтчер и другие... // Красная звезда. 2001. 17 февраля. С. 3.

Иванов И. Министр, не играющий в политику // Фигуры и лица (прил. к «Независимой газете»). 1999. 8 октября. С. 9, 13.

Иванов И. Участник создания послевоенного миропорядка: [А.А. Громыко] // Международная жизнь. 1999. № 8. С. 55–60.

Ивкин В. Высшие органы представительной власти СССР: Историко-биографическая справка // Источник. 1997. № 2. С. 128–160.

Кобяков А. 20 лет белорусско-российских отношений: история и современность // Проблемы управления (Минск). 2012. № 2 (43). С. 50.

Ковалев А. Мидовцы и генсеки: Дипломатические новеллы // Новое время. 1993. № 37. С. 42–46; № 38. С. 42–44.

Кондрашов С. Сын отвечает за отца // Эхо планеты. 1998. № 7. С. 22–24.

Кондрашов К. Мистер Нет. Андрей Андреевич Громыко 28 лет возглавлял МИД сверхдержавы // Аргументы и факты. 2019. № 27. С. 36.

Кошкин А. Громыко говорит «нет»: к истории заключения послевоенного мирного договора с Японией // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 4. С. 129–135.

Лавров С. Выступление на торжественном собрании по случаю Дня дипломатического работника // Международная жизнь. 2019. № 2. С. 5–10.

Ланц Э. В Вене: К 100-летию А.А. Громыко // Международная жизнь. 2010. № 3. С. 140–142.

Майоров М. Историческое прошлое и внешняя политика России // Новая и новейшая история. 2012. № 2. С. 104–125.

Меликян О.Н. Андрей Громыко глазами сына // Россия и современный мир. 1998. № 1(18). С. 170–181.

Мелихов И. Верность отечеству как профессиональная компетенция // Международная жизнь. 2010. № 5. С. 7–13.

Моисеенко Я. А.А.Громыко – дипломат и гражданин // Актуальные вопросы инновационной экономики. 2015. № 9. С. 119–123.

Николаев Н. У руля советской дипломатии: 18 июля 1994 года А.А. Громыко исполнилось бы 85 лет // Правда. 1994. 16 июля. С. 3.

Полушина Л. «Государство, отечество – это мы» (материалы к 100-летию со дня рождения А.А. Громыко) // Запад–Восток. 2010. № 3. С. 103–110.

Пядышев Б. А. Громыко – 28 лет во главе дипломатии // Международная жизнь. 2002. № 9–10. С. 82–102.

Пядышев Б. А.А. Громыко – прочное место в дипломатии XX века // Международная жизнь. 2009. № 7. С. 96–108.

Пядышев Б. Политик, дипломат, личность // Независимая газета. 1999. 17 июля. С. 6.

Пядышев Б. Равных ему среди дипломатов XX века не было: [К 90-летию А.А. Громыко] // Международная жизнь. 1999. № 7. С. 3–20.

Сафрончук В. Патриарх советской внешней политики: К 90-летию А.А. Громыко // Советская Россия. 1999. 15 июля. С. 2.

Сизоненко А. Россия – Латинская Америка: некоторые особенности отношений // Латинская Америка. 2009. № 9. С. 73–83.

Синдеев А. 1945 год: борьба СССР за новую систему международных отношений в Европе // Современная Европа. 2015. № 3. С. 17–21.

Синдеев А. А.А. Громыко и создание международной организации безопасности (К 110-летию со дня рождения А.А. Громыко) // Современная Европа. 2019. № 1(87). С. 148–160.

Синдеев А. Искусство дипломатии. А.А. Громыко на посту первого заместителя министра иностранных дел СССР, 1949–1952 гг. (К 110-летию со дня рождения А.А. Громыко) // Международная жизнь. 2019. № 6. С. 16–31.

Соареш М. Свидетельство: К 100-летию А.А. Громыко // Международная жизнь. 2010. № 3. С. 138–139.

Соколов В. Америка в судьбе семьи Андрея Громыко. К 100-летию со дня рождения А.А. Громыко // США и Канада: экономика, политика, культура. 2009. № 12 (480). С. 85–94.
Средин В. Громыко не допускал политиканства и дилетантства в дипломатии // Международная жизнь. 1999. № 8. С. 61–68.
Стегний П. Интересы личности и государства – на одном уровне // VIP /Весьма важное лицо/. 2010. № 5–6. С. 88–93.
Тимербаев Р. А.А. Громыко и проблема ядерного нераспространения // Ядерный контроль. 1999. Т. 48. № 6. С. 81–83.
Фалин В. Посол Советского Союза // Итоги. 2013. № 43. С. 34–41.
Фокин Ю. А.А. Громыко: Эпизоды // Международная жизнь. 2009. № 7. С. 144–147.
Черняев А.С. Я пережил несколько эпох // Россия и современный мир. 1997. № 4. С. 5–15.
Чубарьян А. Истоки. Связь времен // Международная жизнь. 2002. № 9–10. С. 4–35.
Шустов В. Эпоха Громыко во внешней политике XX века // Международная жизнь. 2009. № 7. С. 126–143.

Выступления, доклады, статьи, речи, интервью из: Громыко А.А. Во имя торжества ленинской внешней политики. Избранные речи и статьи. М., 1978.

Выступление на XIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 7 декабря 1964 года. С. 6–20.
Выступление на XX сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 24 сентября 1965 года. С. 21–35.
Выступление на VII сессии Верховного Совета СССР шестого созыва. 9 декабря 1965 года. С. 36–48.
Речь на XXIII съезде Коммунистической партии Советского Союза. 2 апреля 1966 года. С. 49–59.
Выступление на XXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 23 сентября 1966 года. С. 60–75.
Выступление на XXII сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 22 сентября 1967 года. С. 76–90.
Доклад на торжественном собрании трудящихся Москвы и работников МИД СССР, посвященном 50-летию советской дипломатической службы. 29 декабря 1967 года. С. 91–104.
О международном положении и внешней политики Советского Союза. Доклад на IV сессии Верховного Совета СССР седьмого созыва. 27 июня 1968 года. С. 105–126.
Выступление на XXIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 3 октября 1968 года. С. 127–143.
Вопросы международного положения и внешней политики Советского Союза. Доклад на VI сессии Верховного Совета СССР седьмого созыва. 10 июля 1969 года. С. 144–171.
Выступление на XXIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 19 сентября 1969 года. С. 172–188.
В.И. Ленин и миролюбивая внешняя политика Советского Союза. Доклад на торжественном собрании сотрудников МИД СССР, посвященном 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. 17 апреля 1970 года. С. 189–208.
Выступление на XXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 21 октября 1970 года. С. 209–222.

Речь на XXIV съезде Коммунистической партии Советского Союза. 3 апреля 1971 года. С. 223–231.
Выступление на XXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 28 сентября 1971 года. С. 232–247.
Выступление на XXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 26 сентября 1972 года. С. 248–263.
Заявление на Международной конференции по Вьетнаму. Париж, 27 февраля 1973 года. С. 264–268.
Речь на совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе. Хельсинки, 3 июля 1973 года. С. 269–281.
Выступление на XXVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 25 сентября 1973 года. С. 282–297.
Заявление на мирной конференции по Ближнему Востоку. Женева, 21 декабря 1973 года. С. 298–303.
Внешняя политика и дипломатия социализма в современном мире. Предисловие к книге «Дипломатия социализма». С. 304–314.
Речь в Ереване при вручении Армянской ССР ордена Дружбы народов. 19 января 1974 года. С. 315–329.
Выступление на VI специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 11 апреля 1974 года. С. 330–340.
Речь перед избирателями Минского городского второго избирательного округа. 10 июня 1974 года. С. 341–354.
Выступление на XX сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 25 сентября 1974 года. С. 355–368.
По пути Октября – к новым победам дела коммунизма и мира. Доклад на торжественном заседании, посвященном 57-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции 6 ноября 1974 года. С. 369–387.
Доклад на торжественном собрании представителей трудящихся Москвы и Вооруженных Сил СССР по случаю 20-летия Варшавского Договора. 14 мая 1975 года. С. 388–402.
Программа мира в действии. Статья, опубликованная в журнале «Коммунист». 1976. № 14. С. 403–425.
Выступление на встрече с избирателями Калининградского избирательного округа Московской области. 2 июня 1975 года. С. 426–437.
Выступление на XXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 23 сентября 1975 года. С. 438–451.
Ленинская стратегия мира: единство теории и практики. Статья, опубликованная в журнале «Коммунист». 1976. № 14. С. 452–478.
Выступление на XXXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 28 сентября 1976 года. С. 479–495.
Выступление на пресс-конференции в Москве. 31 марта 1977 года. С. 496–508.
Выступление на XXXII сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 27 сентября 1977 года. С. 509–525.
В интересах поддержания мира и углубления разрядки. Интервью советскому телевидению, Нью-Йорк, 1 октября 1977 года. С. 526–529.
Речь на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению. 26 мая 1978 года. С. 530–543.
Интервью советскому телевидению. Нью-Йорк, 31 мая 1978 года. С. 544–550.

О проекте Закона о порядке заключения, исполнения и денонсации международных договоров СССР. Доклад на IX сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 6 июля 1978 года. С. 551–564.

Важнейшие проблемы современности. Речь на XXXIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН 26 сентября 1978 года. С. 565–578.

Внешняя политика Советского государства – могучее оружие Коммунистической партии в борьбе за мир и социальный прогресс. Предисловие к книге «Внешняя политика Советского Союза», 1978 год. С. 579–595.

Выступления, доклады, статьи, речи, интервью из: Громыко А.А. Ленинским курсом мира. Избранные речи и статьи. М., 1984

Ленинские принципы внешней политики советского государства. Выступление на теоретической конференции, проведенной МГК КПСС. апрель 1970 года. С. 5–27.

На позициях мира и разрядки. Интервью советскому телевидению. 6 октября 1978 года. С. 28–29.

Обогащать традиции сотрудничества на поприще разрядки. Речь на обеде, данном министром иностранных дел Франции Л. де Гиренго. Париж, 26 октября 1978 года. С. 30–32.

Во имя укрепления европейской и международной безопасности. Речь на завтраке, данном президентом Французской Республики В. Жискар д'Эстеном. Париж, 27 октября 1978 года. С. 33–34.

Выступление на заседании Президиума Верховного Совета СССР. 13 декабря 1978 года. С. 35–37.

Активизировать усилия в интересах прочного мира. Речь на обеде в честь министра иностранных дел Австрии В. Пара. 19 декабря 1978 года. С. 38–40.

Благородна цель – разрядка. Речь на завтраке в честь министраиностранных дел Испании М. Ореха Агирре. 19 января 1979 года. С. 41–43.

Сделать неприменение силы законом международной жизни. Речь на завтраке, данном министром иностранных дел Италии А. Форлани. Рим, 23 января 1979 года. С. 44–46.

Курсом дружбы и сотрудничества. Речь на завтраке в честь министра иностранных дел Социалистической Республики Румынии Шт. Андрея. 30 января 1979 года. С. 47–49.

Единство целей в борьбе за мир. Речь на завтраке в честь министра иностранных дел Польской Народной Республики Э. Войташека. 5 февраля 1979 года. С. 50–51.

Добиться сдвига в решении проблемы разоружения. Речь на завтраке в честь министра иностранных дел Франции Ж. Франсуа-Понсе. 12 февраля 1979 года. С. 52–54.

Братское сотрудничество в международных делах. Речь на завтраке в честь министра иностранных дел Чехословацкой Социалистической Республики Б. Хнёупека. 19 февраля 1979 года. С. 55–57.

Благо родины, за мир на земле. Выступление на встрече с избирателями Минского городского второго избирательного округа. 26 февраля 1979 года. С. 58–64.

Тесное взаимодействие на благо мира. Речь на завтраке в честь министра иностранных дел Германской Демократической Республики О. Фишера. 28 февраля 1979 года. С. 65–64.

В интересах борьбы против происков империализма. Речь на завтраке в честь министра иностранных дел Алжирской Народной Демократической Республики М.С. Беняхья. 6 апреля 1979 года. С. 70–71.

Выступление на заседании Президиума Верховного Совета СССР. 20 апреля 1979 года. С. 72–74.

За международную безопасность в Азии. Речь на завтраке в честь министра иностранных дел Бирмы У Мьинт Маунга. 22 июня 1979 года. С. 75–76.

Выступление на пресс-конференции в Москве. 25 июня 1979 года. С. 77–94.

Выступление при вручении награды – Ордена Ленина и второй Золотой медали «Серп и Молот». 23 августа 1979 года. С. 95–96.

За разрядку и упрочение мира. Письмо Генеральному секретарю ООН. 24 сентября 1979 года. С. 97–99.

За безопасность народов, за мир на земле. Выступление на XXXIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 25 сентября 1979 года. С. 100–112.

В интересах развития дружественных связей. Речь на обеде, данном министром иностранных дел Испании М. Ореха Агирре. Мадрид, 19 ноября 1979 года. С. 113–115.

За упрочение европейской безопасности и международного мира. Речь на обеде, данном министром иностранных дел Федеративной Республики Германии Г.-Д. Геншером, Бонн, 22 ноября 1979 года. С. 116–117.

Выступление на пресс-конференции в Бонне. 24 ноября 1979 года. С. 118–126.

Ответ на вопрос корреспондента АДН. Берлин, 5 декабря 1979 года. С. 127.

Во имя национального и социального прогресса народов. Речь на завтраке в честь партийно-государственной делегации Народной Республики Ангола во главе с Председателем МПЛА – Партии труда, президентом НРА Жозе Эдуарду душ Сантушем. 21 декабря 1979 года. С. 128–130.

Выступление на заседании Президиума Верховного Совета СССР. 25 декабря 1979 года. С. 131–133.

Нерушимая прочность братского союза. Речь на завтраке в честь министра иностранных дел Польской Народной Республики Э. Войташека. 15 января 1980 года. С. 134–136.

За оздоровление международной обстановки. Речь на завтраке в честь министра иностранных дел Народной Республики Болгарии П. Младенова. 24 января 1980 года. С. 137–138.

Широкое совпадение взглядов в подходе к решению ближневосточной проблемы. Речь на обеде, данном руководством Сирийской Арабской Республики. Дамаск, 27 января 1980 года. С. 139–141.

В интересах дальнейшего развития плодотворного сотрудничества. Речь на обеде, данном министром иностранных дел Индии П.В. Нарасимха Рао. Дели, 12 февраля 1980 года. С. 142–144.

Курсом мира и разрядки. Речь на обеде в честь министра иностранных дел Индии П.В. Нарасимха Рао. Дели, 13 февраля 1980 года. С. 145–146.

К читателю. Предисловие к книге «Дипломатия стран социализма». 1980 год. С. 147–148.

За мир и социальный прогресс. Выступление на встрече с избирателями подмосковного Калининского округа. 18 февраля 1980 года. С. 149–155.

В интересах противодействия происками империализма. Речь на завтраке в честь министра иностранных дел Демократической Республики Афганистан Ш.М. Доста. 14 марта 1980 года. С. 156–157.

Во имя укрепления международных позиций социализма. Речь на завтраке в честь министра иностранных дел Венгерской Народной Республики Ф. Пуйи. 17 марта 1980 года. С. 158–160.

Письмо генеральному секретарю ООН относительно задач второго десятилетия разоружения. 11 апреля 1980 года. С. 161–163.

Выступление на пресс-конференции в Париже. 25 апреля 1980 год. С. 164–171.

Выступление в связи с 25-й годовщиной подписания Государственного договора о восстановлении независимой и демократической Австрии. Вена, 16 мая 1980 года. С. 172–173.

Международному сотрудничеству в Европе – устойчивый характер. Речь на завтраке в честь министра иностранных дел Швеции У. Ульстена. 30 мая 1980 года. С. 174–175.

Важный фактор поддержания мира и безопасности. Речь на завтраке в честь министра иностранных дел Индии П.В. Нарасимха Рао. 3 июня 1980 года. С. 176–178.

Разоружение – насущная проблема современности. Статья, опубликованная в журнале «Коммунист». 1980. № 11. С. 179–200.

За превращение юго-восточной Азии в зону мира. Речь на завтраке в честь министра иностранных дел Социалистической Республики Вьетнам Нгуен Ко Тхатя. 8 сентября 1980 года. С. 201–202.

Обеспечить мир народам – задача всех государств. Выступление на XXXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 23 сентября 1980 года. С. 203–216.

Добиться поворота к лучшему в международных отношениях. Речь на завтраке в честь министра иностранных дел Италии Э. Коломбо, 10 ноября 1980 года. С. 217–219.

Выступление на заседании Президиума Верховного Совета СССР. 14 ноября 1980 года. С. 220–222.

Дружба, выдержавшая испытание временем. Речь на завтраке в честь министра иностранных дел Монгольской Народной Республики М. Дугэрсурэна. 26 ноября 1980 года. С. 223–225.

Ленинская внешняя политика в современном мире. Статья, опубликованная в журнале «Коммунист». 1981. № 1. С. 226–243.

Плечом к плечу в деле строительства социализма и коммунизма. Речь на завтраке в честь министра иностранных дел Германской Демократической Республики О. Фишера. 27 января 1981 года. С. 244–246.

Могучий призыв к миру. Речь на завтраке в честь министра иностранных дел Чехословацкой Социалистической Республики Б. Хнёупека, 17 марта 1981 года. С. 247–250.

За активное продвижение диалога. Речь на завтраке в честь министра иностранных дел Федеративной Республики Германии Г.-Д. Геншера. 3 апреля 1981 года. С. 251–254.

Письмо Генеральному секретарю ООН по вопросу о второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, посвященной разоружению. 27 апреля 1981 года. С. 255–256.

В интересах дружбы и взаимопонимания, за политику разрядки. Речь на завтраке в честь министра иностранных дел Мексики Х. Кастаньеды. 21 мая 1981 года. С. 257–259.

Дипломатия в современном мире. Предисловие к книге «Современная дипломатия буржуазных государств». 1981 год. С. 260–276.

Упрочить безопасность народов Европы. Речь на завтраке в честь министра иностранных дел Бельгии Ш.-Ф. Нотомба. 15 июня 1981 года. С. 277–279.

Действенный фактор сотрудничества и мира. Статья, опубликованная в газете «Правда» 8 августа 1981 года. С. 280–287.

Не допустить милитаризации космоса. Письмо Генеральному секретарю ООН. 12 августа 1981 года. С. 288–289.

Во имя обеспечения мира – общего достояния человечества. Выступление на XXXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 22 сентября 1981 года. // Ленинским курсом мира. Избранные речи и статьи. С. 290–305.

Против угрозы войны. Письмо Генеральному секретарю ООН по вопросу «Предотвратить ядерную катастрофу: Декларация Генеральной Ассамблеи ООН». 24 сентября 1981 года. С. 306–307.

За всеобъемлющее и справедливое ближневосточное урегулирование. Речь на завтраке в честь министра иностранных дел Сирийской Арабской Республики А.Х. Хаддама, 15 января 1982 года. С. 308–310.

Укрепить мир на земле. Речь на обеде, данном Генеральным секретарем ЦК СЕПГ, Председателем Государственного совета ГДР Э. Хонеккером. Берлин, 27 января 1982 года. С. 311–313.

Экспансия капитала и современный этап общего кризиса капитализма. Статья, опубликованная в журнале «Мировая экономика и международные отношения», 1982. № 12. С. 314–335.

В едином строю в борьбе за мир и разрядку. Речь на завтраке в честь министра иностранных дел ЧССР Б. Хнёупека. 19 марта 1982 года. С. 336–338.

Вывоз капитала в современной международной стратегии американского империализма. Из книги «Внешняя экспансия капитала. История и современность», 1982 год. С. 339–384.

Уверенная перспектива сотрудничества. Речь на обеде, данном министром иностранных дел СФРЮ И. Вртовцем. Белград, 4 апреля 1982 года. С. 385–388.

За поступательное развитие подлинно равноправных отношений. Речь на завтраке в честь министра иностранных дел Шри Ланки А. К. Ш. Хамида. 27 апреля 1982 год. С. 389–390.

Сберечь мир, предотвратить ядерную войну. Выступление на второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению. 15 июня 1982 года. С. 391–404.

Выступление на пресс-конференции в Нью-Йорке. 22 июня 1982 года. С. 405–417.

Отстоять мир на земле. Выступление на XXXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 1 октября 1982 года. С. 418–433.

Письмо Генеральному секретарю ООН Х. Пересу де Куэльяру. 4 октября 1982 года. С. 434–435.

Ради мира на земле. Статья, опубликованная в журнале «Коммунист». 1982. № 18. С. 436–455.

Предотвратить опасность гонки ядерных вооружений в Европе. Речь на обеде, данном министром иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншером. Бонн, 17 января 1983 года. С. 456–459.

Выступление на пресс-конференции в Бонне. 19 января 1983 года. С. 460–468.

Солидарность в борьбе за международную безопасность. Речь на обеде, устроенном Генеральным секретарем ЦК СЕПГ, Председателем Государственного совета ГДР Э. Хонеккером. Берлин, 20 января 1983 года. С. 469–472.

Ответственность и долг каждого. Вступительная статья в журнале «Дружба народов». 1983. № 1. С. 473–474.

Не допустить ядерной войны. Речь на завтраке в честь министра внешних сношений Франции К. Шейсона. 17 февраля 1983 года. С. 475–478.

Ответы на вопросы корреспондента «правды». 24 февраля 1983 года. С. 479–485.

Выступление на пресс-конференции в Москве. 2 апреля 1983 года. С. 486–504.
В.И. Ленин и внешняя политика советского государства. Статья, опубликованная в журнале «Коммунист». 1983. № 6. С. 505–534.
За возрождение и углубление разрядки. Речь на завтраке в честь министра иностранных дел Испании Ф. Морана. 30 мая 1983 года. С. 534.
О международном положении и внешней политике Советского Союза. Доклад на восьмой сессии Верховного Совета СССР десятого созыва. 16 июня 1983 года. С. 535–555.
Ответы на вопросы корреспондента ТАСС. 22 июня 1983 года. С. 556–557.
Предотвратить милитаризацию космоса. Письмо Генеральному секретарю ООН. 22 августа 1983 года. С. 558 –559.
Выступление на заключительном этапе мадридской встречи государств – участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. 7 сентября 1983 года. С. 560–566.
Узы дружбы и тесного сотрудничества. Речь на завтраке в честь министра иностранных дел Народной Республики Кампучии Хун Сена. 20 сентября 1983 года. С. 567–569.
Мощный фактор позитивного воздействия на ход мировых событий. Речь на завтраке в честь министра иностранных дел ЧССР Б. Хнёупека. 27 сентября 1983 года. С. 570–572.
Письмо Генеральному секретарю ООН Х. Пересу де Куэльяру. 7 октября 1983 года. С. 573–574.
Решимость оздоровить международные отношения. Речь на обеде, данном Генеральным секретарем ЦК СЕПГ, Председателем Государственного совета ГДР Э. Хонеккером. Берлин, 17 октября 1983 года. С. 575–579.
Упрочить устои всеобщего мира. Речь на обеде в честь министра иностранных дел Сирийской Арабской Республики А. Х. Хаддама, 11 ноября 1983 года. С. 580–582.
Экспорт капитала как орудие современного неоколониализма. Из книги «Внешняя экспансия капитала. История и современность». 1982 год. С. 583–627.
Курсом добрососедства. Речь на завтраке в честь министра иностранных дел Финляндии П. Вяюрюнена. 13 декабря 1983 года. С. 628–631.
Устранить угрозу ядерного конфликта. Речь на завтраке в честь министра иностранных дел ГДР О. Фишера. 4 января 1984 года. С. 632–635.
Выступление на Стокгольмской конференции по мерам укрепления доверия, безопасности и разоружению в Европе. 18 января 1984 года. С. 636–645.
Выступление на встрече с коллективом бухарестского завода имени 23 августа. 31 января 1984 года. С. 646–650.
Речь на траурном митинге на Красной площади в Москве. 14 февраля 1984 года. С. 651–652.
За мир и безопасность народов. Выступление на встрече с избирателями в г. Минске. 27 февраля 1984 года. С. 653–663.
О книге В.И. Ленина «развитие капитализма в России». Статья, опубликованная в журнале «Вопросы экономики». 1939. № 1. С. 664–686.
Бессмертные идеи коммунизма. Статья, опубликованная в журнале «Вопросы экономики». 1938. № 1. С. 687–700.
Полезный диалог. Речь на завтраке в честь министра иностранных дел Индонезии М. Кусумаатмаджи. 2 апреля 1984 года. С. 701–703.
Обеспечить мирное будущее для всех народов. Речь на обеде, данном Председателем Совета Министров ВНР Д. Лазаром. Будапешт, 17 апреля 1984 года. С. 704–707.
Восстановить климат международного доверия. Речь на завтраке в честь министра иностранных дел Италии Дж. Андреотти, 23 апреля 1984 года. С. 708–711.

Документы

ПРИКАЗ №3.

ПО НАРОДНОМУ КОМИССАРИАТУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ 4

14-го мая 1939 года.

Тов. ГРОМЫКО, Андрей Андреевич назначается Заместителем Заведующего 3-м Западным Отделом НКИД с 14-го мая 1939 года.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ В. МОЛОТОВ /

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 1565

258

Совета Народных Комиссаров Союза ССР

„27" сентября 1938 г. Москва, Кремль

Об утверждении тов.ГРОМЫКО А.А.
Советником Полпредства СССР в
США.

Совет Народных Комиссаров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Утвердить тов.Громыко Андрея Андреевича Советником Полпредства СССР в США.

Председатель СНК
Союза ССР В. Молотов (В.Молотов).

Управляющий Делами СНК
Союза ССР М. Хломов (М.Хломов).

Уд.
Д.№

2мр.25/IX-39г.

Копия. 18 16

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР

Москва-Кремль

№ 1565

27 сентября 1939 года.

Об утверждении тов.ГРОМЫКО А.А. Советником Полпредства СССР в США.

Совет Народных Комиссаров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Утвердать тов.ГРОМЫКО Андрея Андреевича Советником Полпредства СССР в США.

Председатель СНК Союза ССР В.Молотов.

Управляющий Делами СНК Союза ССР М.Хломов.

верно:

№ 116/XIIIа 123

У К А З

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О присвоении Громыко А.А. дипломатического ранга Чрезвычайного и Полномочного посла

Присвоить Громыко Андрею Андреевичу ранг Чрезвычайного и Полномочного посла.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР (М.Калинин)

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР (А.Горкин)

Москва, Кремль
15 августа 1943 г.

---

9. № 160/27.

Председатель Совета
Народных Комиссаров Союза ССР (И.Сталин)

Управляющий Делами Совета
Народных Комиссаров СССР (Я.Чадаев)

227

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т. Деканозову	Экз. № 11-т.
№ 2-т. Сталину	№ 7-т. IO-й Отдел	№ 12-т.
№ 3-т. Сталину	№ 8-т.	№ 13-т.
№ 4-т. Молотову	№ 9-т.	№ 14-т.
№ 5-т. Вышинскому	№ 10-т.	№ 15-т. (И)

Из. ВАШИНГТОНА №II783 пол. 20 час. 20 мин. I8 / УШ 1943 г. экз. № I

Спец.№ 2004.

МОЛОТОВУ. Ваш I440.

Решение для меня, конечно, является неожиданным. Я поэтому не успел еще как следует собраться с мыслями. Хочу обратить Ваше внимание лишь на два обстоятельства:

I. По американским нравам человек в возрасте 34 лет это еще "юноша". В свое время имя Уманского в американских газетах, как правило, сопровождалось прилагательным "тридцатипятилетний" или "тридцатишестилетний". Будет это иметь место и в отношении меня.

2. Американцам как официальным лицам, так и широкой публике импонируют в качестве иностранных послов люди с большим именем и яркой политической карьерой в прошлом, вроде Литвинова и Галифакса.

Разумеется этого у меня нет.

Поскольку решение, однако, принято, то моя обязанность заключается в том, чтобы оказанное мне Вами, Правительством и лично товарищем Сталиным высокое доверие оправдать. Постараюсь это сделать.

За пожелание успехов в работе большое спасибо.

I7/УШ 43 г. Громыко

Справка: В № I440 от I6/УШ т.Молотов сообщил, что он вызвал Стэндли и запросил агреман для Громыко.

7-экз.лм
отп.I9/УШ.I9-00
вып.Рекунов

верно:

Народному Комиссару иностранных дел
т.МОЛОТОВУ В.М.

3139 НКИД 27.VIII 24
С-т тов. Деканозова

22

...З ПРЕЗИДІЇ ВЕРХОВНОЇ РАДИ СРСР
...З ПРЭЗІДЫУМА ВЯРХОЎНАГА СОВЕТА СССР
...І BAŞ SOVETI PREZIDIUMUNUN FƏRMANЬ
...ՍՍՀՄ ԳԵՐԱԳՈՒՅՆ ԽՈՐՀՐԴԻ ՆԱԽԱԳԱՀՈՒԹՅԱՆ ՀՐԱՄԱՆԱԳԻՐԸ

SSSR JOKARЬ SOVETI PREZIDIUMЬNЬŊ UKAZЬ
SSSR ALIJ SOVETI PREZIDIUMINIŊ UKAZI
UKAZI PREZIDIUMI SOVETI OLIJI SSSR
SSSR ÜLЬ SOVETJ PREZIDIUMЬNЬŊ UKAZЬ
SSSR ÇOƢORQU SOVETI PREZIDIUMUNUN UKAZЬ

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Вх. 01 N 2064 Отдела Кадров
Н. К. И. Д.
2 IX 1943 г.

31/8.43

О назначении т.ГРОМЫКО А.А. Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Соединенных Штатах Америки.

Назначить т.ГРОМЫКО Андрея Андреевича Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Соединенных Штатах Америки.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР - М.КАЛИНИН.

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР - А.Горкин
(А.Горкин)

Москва, Кремль.
21 августа 1943 г.

т. Громыко - НКИД

993

Экз. № 14

Вх. 1650
20. II 1944 г.

РАСЕКРЕТНО

СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 1046-322с

от 5 августа 1944 г. Москва, Кремль.

О составе советской делегации для участия в предстоящих в Вашингтоне переговорах о Международной организации безопасности.

Совет Народных Комиссаров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Утвердить следующий состав советской делегации для участия в предстоящих в Вашингтоне переговорах о Международной организации безопасности:

1. Громыко А.А., председатель делегации,
2. Соболев А.А., заместитель председателя,
3. Голунский С.А., профессор,
4. Крылов С.Б., профессор,
5. Контр-адмирал Родионов К.К.,
6. Генерал-майор Славин Н.В.,
7. Юнин М.М., секретарь делегации,
8. Бережков В.М., переводчик.

Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР И.Сталин

Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров СССР Я.Чадаев

УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ СНК СОЮЗА ССР ПРОТОКОЛЬНАЯ ЧАСТЬ

УД
1+20/

министерству иностранных дел СССР
-т. Деканозову 33

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

МИД СССР
СЕКРЕТАРИАТ
тов. Деканозова
Вх. № 7662-мг
29 - XII 1946 г.

МИД СССР
УПРАВЛЕНИЕ КАДРОВ
5700
28 XII 46 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 2767

от 29 декабря 1946 г. Москва, Кремль.

Об утверждении т.Громыко А.А. Заместителем Министра иностранных дел СССР.

Совет Министров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Утвердить т.Громыко Андрея Андреевича Заместителем Министра иностранных дел СССР.

Председатель
Совета Министров Союза ССР И.Сталин

Управляющий Делами
Совета Министров СССР Я.Чадаев

ПРОТОКОЛЬНАЯ ЧАСТЬ

1+55-зе
УД

Министерству
иностранных дел СССР

34

С-т т. Вышинского
Вх. № 394-в/пс
„ 7 " III 1949 г.

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 927

от 5 марта 1949 г. Москва, Кремль.

МИД-СССР
3-й ЕВРОПЕЙСКИЙ
ОТДЕЛ
Вх. № 192
„ 7 " III 1949 г.

О первом заместителе Министра
иностранных дел СССР.

Совет Министров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Назначить т.Громыко А.А. первым заместителем Министра иностранных дел СССР.

МИД-СССР
УПРАВЛЕНИЕ
КАДРОВ
482
8 III 1949

Председатель
Совета Министров Союза ССР И.Сталин

Управляющий Делами
Совета Министров СССР Я.Чадаев

УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР
ПРОТОКОЛЬНАЯ ЧАСТЬ

МИД-СССР
ПРАВОВОЙ
ОТДЕЛ
Вх. № 173
7 " III 1949

МИД-СССР
АРХИВНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ
Вх. № 230
„ 8 " III 1949 г.

35

нистру иностранных дел СССР
тов.Вышинскому А.Я.

С-т т. Вышинского
Вх. № 1944-вс
13 - VI 1952.

№ 119/48.

УКАЗ ПРЕЗИДІЇ ВЕРХОВНОЇ РАДИ СРСР
УКАЗ ПРЗЗІДЫУМА ВЯРХОЎНАГА СОВЕТА СССР
СССР ОЛИЙ СОВЕТИ ПРЕЗИДИУМИНИНГ ФАРМОНИ
ССРО ЖОҒАРҒЫ СОВЕТІ ПРЕЗИДИУМЫНЫҢ УКАЗЫ
ՅԽՍՀՄԳԱՀԱՅՏՈՑ ԱՆՁ ԱՅՈՒՐՈՆՈՒ ՍԱՅՄՆ ՆՀԱՅՈՑՆՈՒՅՆ
ССРИ АЛИ СОВЕТИ РӘЙСӘТ ЬЕЙ'ӘТИНИН ФӘРМАНЫ
TSRS AUKŠČIAUSIOSIOS TARYBOS PREZIDIUMO ĮSAKAS
УКАЗУЛ ПРЕЗИДИУМУЛУЙ СОВЕТУЛУЙ СУПРЕМ АЛ УНИУНИЙ РСС

PSRS AUGSTĀKĀS PADOMES PREZIDIJA DEKRETS
СССР ЖОГОРКУ СОВЕТИНИН ПРЕЗИДИУМУНУН УКАЗЫ
УКАЗИ ПРЕЗИДИУМИ СОВЕТИ ОЛИИ СССР
ՍՍՀՄ ԳԵՐԱԳՈՒՅՆ ՕՐԿՆՅՔ ՆԱԽԱԳԱՀՈՒԹՅԱՆ ՀՐԱՄԱՆԱԳԻՐ
СССР ЁКАРЫ СОВЕТИНИҢ ПРЕЗИДИУМЫНЫҢ УКАЗЫ
NSV LIIDU ÜLEMNÕUKOGU PRESIIDIUMI SEADLUS
SNTL:n KORKEIMMAN NEUVOSTON PUHEMIEHISTÖN ASETUS

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О назначении Громыко А.А. Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Великобритании

МИД СССР УПРАВЛЕНИЕ КАДРОВ 18/II 52

Назначить ГРОМЫКО Андрея Андреевича Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Великобритании.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР - Н.ШВЕРНИК.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР - А. Горкин
(А.Горкин)

Москва, Кремль.
18 июня 1952 г.
д.№ 70/18.

МИД СССР ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРИАТ Вх. № 13801 14. VI 1952 г.

Перевод с английского

Копия

ЕЛИЗАВЕТА ВТОРАЯ,
МИЛОСТЬЮ БОЖЬЮ КОРОЛЕВА СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА ВЕЛИКОБРИТАНИИ И СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ И ДРУГИХ ЕЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ, ГЛАВА СОДРУЖЕСТВА, ЗАЩИТНИЦА ВЕРЫ и пр. и пр. и пр.

Президиуму Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик

Шлет свое приветствие!

Наши Добрые Друзья!

Мы получили из рук господина Якова Александровича Малика письмо, которое Вы адресовали Нам в тринадцатый день апреля текущего года и в котором Вы уведомили Нас о том, что, нуждаясь в ином месте в услугах господина Андрея Андреевича Громыко, Вы сочли возможным отозвать его с поста Чрезвычайного и Полномочного Посла при Нашем Дворе.

Мы полагаем, что отдадим должное господину Громыко, заверив Вас, что его речи и поведение в период его пребывания при Нашем Дворе были таковы, что заслужили Наше полное одобрение и уважение и были всецело и ревностно направлены на поддержание и улучшение отношений дружбы, которые счастливо существуют между Нашим Королевством и Союзом Советских Социалистических Республик, и чему мы придаем самое большое значение.

Дана при Нашем Дворе Сэнт-Джеймса в Шестой день Июля в Год Нашего Господа Тысяча девятьсот Пятьдесят Третий, во Второй Год Нашего Царствования.

Ваш Добрый Друг
(подпись) Королева Елизавета.

Перевел: Малов

Сов.секретно. Экз.№_

Товарищу В.М.МОЛОТОВУ

Представляю проект "Основних принципов Договора между европейскими государствами о коллективной безопасности в Европе".

/А.Громыко/

"17" января 1954 г.
№ 014/АГ

691-м

Приложение 8

~~ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ~~ ДОГОВОРА МЕЖДУ ЕВРОПЕЙСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЕВРОПЕ

1. В целях обеспечения мира и безопасности и предотвращения агрессии в Европе европейские государства заключают договор об обеспечении коллективной безопасности в Европе в соответствии с положениями Устава ООН о региональных соглашениях.

2. Участниками Договора могут быть все европейские государства, высказавшие желание присоединиться к изложенным ниже принципам и ~~признающие~~ цели и обязательства, ~~накладываемые Договором на каждое государство – участника Договора.~~

3. Впредь до создания единого, миролюбивого, демократического германского государства равноправными участниками Договора могут быть Германская Демократическая Республика и Германская Федеральная Республика. При этом имеется в виду, что после об"единения участником Договора на обших основаниях может стать единая Германия.

4. Заключение Договора о коллективной безопасности в Европе не ~~должно~~ затрагивать компетенцию четырех держав – СССР, США, Англии и Франции в германском вопросе, который подлежит урегулированию в установленном ранее четырьмя державами порядке.

5. Государства – участники Договора обязуются, в соответствии с Уставом ООН, разрешать все международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не ставить под угрозу мир и безопасность народов Европы и воздерживаться в своих международных отношениях от угрозы силой или ее применения.

6. Государства – участники Договора будут консультироваться между собой всякий раз, когда возникнет угроза нападения на одно или несколько государств – участников Договора, в целях принятия эффективных мер для устранения подобной угрозы и для поддержания безопасности в Европе.

7. В случае вооруженного нападения в Европе на одно или несколько государств – участников Договора остальные государства – участники Договора обязуются после соответствующей консультации

между собой оказать помощь государству или государствам , подвергшимся такому нападению, в порядке осуществления обязательств, взятых по Договору. Такая помощь может предусматривать меры политического характера, экономические санкции и в случае необходимости меры военного характера, имеющие целью восстановление и поддержание мира и безопасности в Европе. О всяком вооруженном нападении и о принятых в связи с этим мерах будет, в соответствии с Уставом ООН, немедленно сообщено Совету Безопасности.

7. Государства - участники Договора обязуются в кратчайший срок обсудить и установить размеры и формы помощи, в том числе военной, оказываемой каждым из них в случае возникновения в Европе ситуации, которая потребовала бы коллективных усилий для восстановления и поддержания мира в Европе.

8. Государства - участники Договора обязуются не принимать участия в каких-либо коалициях или союзах и не заключать никаких соглашений, цели которых противоречат целям Договора о коллективной безопасности в Европе.

9. В целях осуществления предусматриваемых Договором консультаций между государствами - участниками Договора и для рассмотрения вопросов, возникающих в связи с задачей обеспечения безопасности в Европе, предусмотреть:

а/ периодические и в необходимых случаях специальные совещания ответственных представителей в ранге Министров /или специальных уполномоченных/ государств - участников Договора;

б/ создание постоянно действующего консультативного политического комитета, обязанностью которого должна являться подготовка соответствующих рекомендаций правительствам государств - участников Договора;

в/ создание военного консультативного органа, полномочия которого должны быть уточнены дополнительно.

10. Признавая особую ответственность за поддержание международного мира и безопасности, лежащую на государствах - постоянных членах Совета Безопасности ООН, государства - участники Договора пригласят Правительства США и КНР направить в создаваемые в соответствии с Договором органы своих представителей в качестве наблюдателей.

45

ВЫСШАЯ АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ

ПРИ МИНИСТЕРСТВЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР

Москва, ул. Жданова, д. 11

ВЫПИСКА

из протокола № 6/С от 10 ноября 1956

(Подлинник протокола находится в делах Высшей аттестационной комиссии)

Слушали:

§ 12. Об утверждении ГРОМЫКО Андрея Андреевича в ученой степени доктора экономических наук на основании защиты диссертации 22 февраля 1956 г. в совете Московского ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. М.В. Ломоносова.
/Министерство иностранных дел СССР/.

Постановили:

Утвердить ГРОМЫКО Андрея Андреевича в ученой степени доктора экономических наук.

Председатель Высшей аттестационной комиссии - В. Елютин

Ученый секретарь - И. Горшков

Зам. ученого секретаря Высшей аттестационной комиссии Г. Аверьянов

6/XII 1956

В Л.Д.

19/XII

...ру иностранных дел СССР
тов.Громыко А.А.

№ 150/9.

46

...ЗА ПРЕЗИДІЇ ВЕРХОВНОЇ РАДИ СРСР
...ЗА ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНАГА СОВЕТА СССР
...ЗИ ОЛИЙ СОВЕТИ ПРЕЗИДИУМИНИНГ ФАРМОНИ
...ЖОГАРГЫ СОВЕТІ ПРЕЗИДИУМЫНЫҢ УКАЗЫ
...ИЛИ СОВЕТИ РЭНСЭТ ЊЕЙ'ЭТИНИН ФЭРМАНЫ
...S AUKŠČIAUSIOSIOS TARYBOS PREZIDIUMO ĮSAKAS

УКАЗІВ ПРЕЗИДИУМУЛІЙ СОВЕТУЛІЙ СИТРЕМ АЛ ЛЫЖНИЙ РСС
PSRS AUGSTĀKĀS PADOMES PREZIDIJA DEKRETS
СССР ЖОГОРЫ СОВЕТИНИН ПРЕЗИДИУМУНУН УКАЗЫ
УКАЗИ ПРЕЗИДИУМИ СОВЕТИ ОЛИИ СССР
СССР ЕЖАРЫ СОВЕТИНИҢ ПРЕЗИДИУМЫНЫҢ УКАЗЫ
NSV LIIDU ÜLEMNÕUKOGU PRESIDIUMI SEADLUS

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О назначении тов.Громыко А.А.
Министром иностранных дел СССР

Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

Назначить тов.ГРОМЫКО Андрея Андреевича Министром иностранных дел СССР.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР - К.ВОРОШИЛОВ.

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР - Георгадзе
(М.Георгадзе)

Москва, Кремль
15 февраля 1957 г.

В.Л.Д.

T R E A T Y

banning nuclear weapon tests
in the atmosphere, in outer space and under water

The Governments of the Union of Soviet Socialist Republics, the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, and the United States of America, hereinafter referred to as the "Original Parties",

Proclaiming as their principal aim the speediest possible achievement of an agreement on general and complete disarmament under strict international control in accordance with the objectives of the United Nations which would put an end to the armaments race and eliminate the incentive to the production and testing of all kinds of weapons, including nuclear weapons,

Seeking to achieve the discontinuance of all test explosions of nuclear weapons for all time, determined to continue negotiations to this end, and desiring to put an end to the contamination of man's environment by radioactive substances,

Have agreed as follows:

Article I

1. Each of the Parties to this Treaty undertakes to prohibit, to prevent, and not to carry out any nuclear weapon test explosion, or any other nuclear explosion, at any place under its jurisdiction or control:

(a) in the atmosphere; beyond its limits, including outer space; or underwater , including territorial waters or high seas; or

A. F. H

Article IV

This Treaty shall be of unlimited duration.

Each Party shall in exercising its national sovereignty have the right to withdraw from the Treaty if it decides that extraordinary events, related to the subject matter of this Treaty, have jeopardized the supreme interests of its country. It shall give notice of such withdrawal to all other Parties to the Treaty three months in advance.

Article V

This Treaty, of which the Russian and English texts are equally authentic, shall be deposited in the archives of the Depositary Governments. Duly certified copies of this Treaty shall be transmitted by the Depositary Governments to the Governments of the signatory and acceding States.

IN WITNESS WHEREOF the undersigned, duly authorized, have signed this Treaty.

DONE in triplicate at the city of Moscow the fifth day of August, one thousand nine hundred and sixty-three.

For the Government of the Union of Soviet Socialist Republics	For the Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland	For the Government of the United States of America
A. Gromyko	Home	Dean Rusk

Министерство иностранных дел СССР

62

Подлежит опубликованию

ҚАУЛЫСЫ ЖӘНЕ ҚАУЛЫСЫ ЖӘНЕ ҚАУЛЫСЫ ЖӘНЕ

425 Lexington Avenue
New York, N.Y. 10017-3954

April 20, 1999

Dear Mr. Minister:

As you commemorate the 90th birthday of Andrey Gromyko in July, I would like to pass on to your conference participants a few brief remembrances of my association with him. Together we tackled tough issues during a time of heightened tensions between our two nations. Nevertheless, our personal relations were friendly and I had great respect and admiration for Andrey.

The world learned of the extraordinary feats of Andrey Gromyko not only from his long-term experience as Foreign Minister, but also for his prodigious memory. He had complete command of his subject and spoke with ease and without notes. But what many did not know was that he also had a delightful sense of humor. His remarks could include wry comments which would come as a surprise at tense moments in negotiations.

Andrey Gromyko will long be remembered by the international community as a serious, tough negotiator, a man of tremendous integrity. I treasure my memories of him.

Sincerely,

Cyrus R. Vance

His Excellency Igor Ivanov
Minister of Foreign Affairs
of the Russian Federation
Moscow

HENRY A. KISSINGER

April 28, 1999

Dear Mr. Foreign Minister:

I am pleased to have been invited to express my thoughts about Andrei Gromyko for the commemoration by the Moscow Institute of International Relations on the 90th anniversary of his birth. He was someone I respected as a master negotiator who protected his country and advanced its purposes in times of turbulence and confusion.

We met for the first time in 1969 at a reception at the United Nations given by President Nixon for heads of delegations. He had been Foreign Minister of the Soviet Union since 1957 and had met in the Oval Office with every American President from Franklin Roosevelt onward. He had become the indispensable drive-wheel of Soviet foreign policy, the consummate Soviet diplomat, and had an aura of history that was unmatched by any other.

Throughout my government service we met dozens of times in Washington, Moscow and around the world as we represented the positions of our two countries on some of the most difficult and important issues of our day. Gromyko did not believe in the brilliant stroke or the dramatic maneuver. Rather, he conducted himself with great skill, patience and discipline and never entered a negotiation without having mastered every detail of the subject. He achieved important objectives and rarely made avoidable errors. There are few Foreign Ministers to whom one can pay such a tribute.

Above all, Andrei Gromyko was an honorable man, a man of his word who stuck to his bargains. Without doubt he was one of the most able diplomats with whom I dealt.

Sincerely yours,

Henry A. Kissinger

His Excellency Igor Ivanov
Minister of Foreign Affairs
Moscow

TWENTY-SIXTH FLOOR · 350 PARK AVENUE · NEW YORK, NEW YORK 10022 · (212) 759-7919

Научное издание

«Война между государствами – великое зло»
К 110-летию А.А. Громыко

Общая редакция:
Алексей Анатольевич Громыко

Редакторы:
О.А. Зимарин, В.А. Демьянович
Мл. редакторы:
М.Р. Завьялова, Е.А. Поташевская
Корректор: *Н.Н. Иванова*
Художник: *Е.А. Ильин*
Верстка *С.А. Голодко*

Подписано в печать 21.11.2019 г.
Формат 70x100 $^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 39,5.
Тираж 1000 экз.

ООО Издательство «Весь Мир»
109544, Москва, ул. Б. Андроньевская, 5. строение 1
Тел.: +8(495) 632-47-04, 632-47-06, 678-43-18
E-mail: orders@vesmirbooks.ru.
http://www.vesmirbooks.ru.

Посол СССР в США. 1943 г.

Конференция в Думбартон-Оксе. А.А. Громыко – глава советской делегации.
Август-октябрь 1944 г.

Слева направо: Э. Стеттиниус, А.А. Громыко и В.М. Молотов на Крымской конференции.
Февраль 1945 г.

Среди участников Потсдамской конференции. Июль–август 1945 г.

На Потсдамской конференции. *Слева направо в первом ряду:* И.В. Сталин, Г. Трумэн, А.А. Громыко, Д. Бирнс, В.М. Молотов. Июль-август 1945 г.

Прибытие руководства советской делегации на конференцию в Сан-Франциско.
Апрель 1945 г.

Советская делегация на конференции в Сан-Франциско. Апрель-июнь 1945 г.
А.А. Громыко – руководитель делегации после отъезда В.М. Молотова

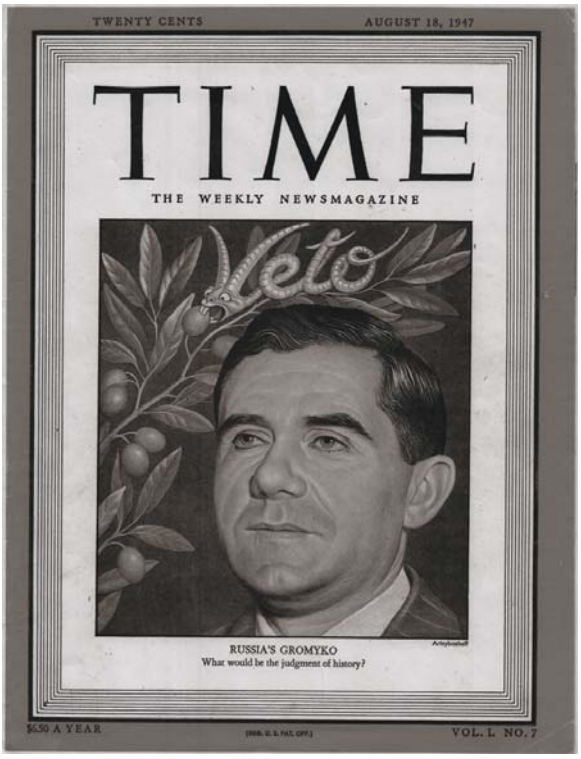
В.М. Молотов и А.А. Громыко с представителями американской интеллигенции.
Сан-Франциско. Апрель 1945 г.

«День подписания Устава ООН – один из самых незабываемых в моей жизни».
Сан-Франциско. 26 июня 1945 г.

А.А. Громыко провожает президента США Г. Трумэна после конференции в Потсдаме. *Справа* — посол Великобритании в США лорд Галифакс. Август 1945 г.

С Лидией Дмитриевной на приеме в советском представительстве при ООН, Нью-Йорк. (*В середине* — А.Я. Вышинский, *справа* – генеральный консул Я.М. Ломакин)

А.А. Громыко — советский представитель в Совете Безопасности ООН в 1946–1948 гг. Нью-Йорк, США



Журнал «Тайм» от 18 августа 1947 г.
Подпись на обложке: «Громыко из России. Каким будет вердикт истории?»

Перед посещением Букингемского дворца для вручения верительных грамот королеве Великобритании. 29 ноября 1952 г.

Посол А.А. Громыко наносит прощальный визит премьер-министру У. Черчиллю. Апрель 1953 г.

Министр иностранных дел
В.М. Молотов с заместителем
А.А. Громыко направляются
на Совещание министров иностранных
дел Четырех держав в Берлине.
25–30 января 1954 г.

На аэродроме в Лондоне.
Прибытие А.А. Громыко на заседание
подкомитета комиссии ООН
по разоружению. 18 марта 1956 г.

На Чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по ситуации на Ближнем Востоке. Лондон. 13 августа 1958 г.

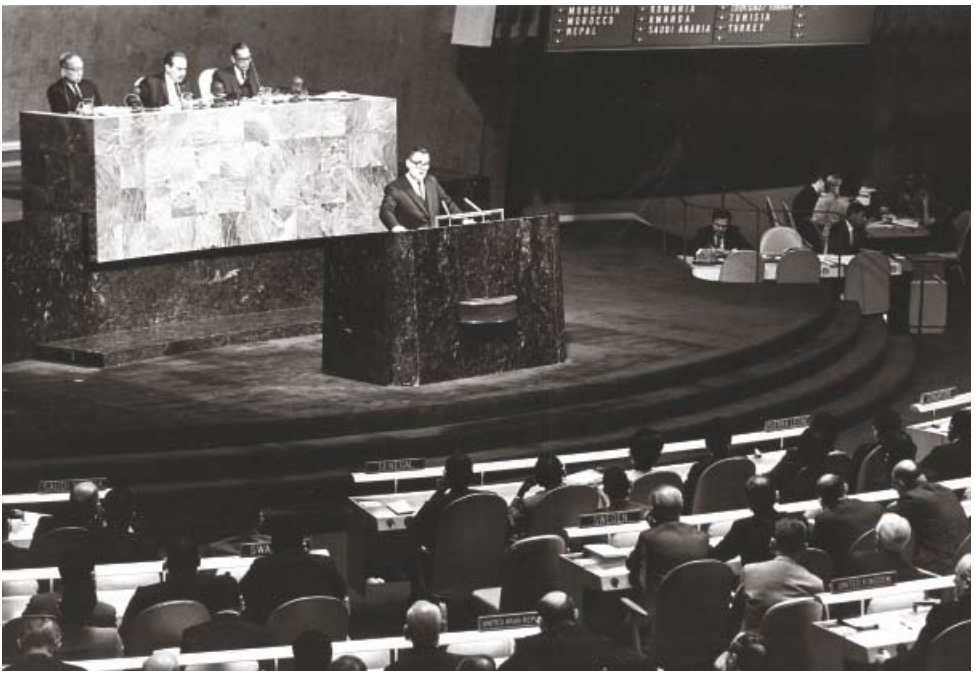
С президентом Сукарно во время визита советской делегации во главе с Н.С. Хрущевым в Индонезию. 18 февраля – 1 марта 1960 г.

В составе советской делегации во главе с Н.С. Хрущевым в Болгарии. 14–20 мая 1962 г.
На переднем плане слева — Первый секретарь БКП Тодор Живков

С президентом США Джоном Кеннеди.
Овальный кабинет, Белый дом, Вашингтон. 1963 г.

А.А. Громыко вручает подарок Папе Римскому Павлу V.
Справа – посол СССР в Италии и Ватикане Н.С. Рыжов. 27 апреля 1966 г.

На открытии 21-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН с постоянным представителем СССР при ООН Н.Т. Федоренко. 20 сентября 1966 г.



Выступление на Генеральной сессии ООН

А.А. Громыко подписывает Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела. *В центре на заднем плане* — председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин и др. *За столом* — посол США Е. Томпсон (*слева*) и посол Великобритании Джефри Харрисон (*справа*).
27 января 1967 г.

В Доме приемов МИДа после переговоров с министром иностранных дел ФРГ В. Шеелем. Москва, ул. Алексея Толстого (ныне ул. Спиридоновка). 1970 г.

С Леонидом Ильичом Брежневым. 1972 г.

Слева направо: А.Ф. Добрынин, Л.И. Брежнев, А.А. Громыко. Крым, 1973 г.

Оживленная беседа с Генри Киссинджером, советником президента США по национальной безопасности. *Справа* от А.А. Громыко – Уильям Роджерс, госсекретарь в 1969–1973 гг.

С Генри Киссинджером
на пресс-конференции

Л.И. Брежнев, А.А. Громыко и А.Ф. Добрынин на встрече с президентом США Джеральдом Фордом и госсекретарем Генри Киссинджером. Поезд Уссурийск – Владивосток. 24 ноября 1974 г.

С Генеральным секретарем ЦК КПСС Л.И. Брежневым и премьер-министром Франции Ж. Шираком. Москва, 1975 г.

С президентом Кипра архиепископом Макариосом, министром финансов А. Пацалидесом (*в центре*), послом СССР С.Т. Аставиным. Кипр, 1974 г.

Л.И. Брежнев, А.А. Громыко, К.У. Черненко на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе. Хельсинки, 1975 г.

На переднем плане (*слева направо*): министр иностранных дел ФРГ Д. Геншер, А.А. Громыко, Л.И. Брежнев и канцлер ФРГ Г. Шмидт. Хельсинки, 1975 г.

С президентом США Дж.Э. Картером.
Белый дом, 30 сентября 1978 г.

Беседа с Генеральным секретарем ООН Куртом Вальдхаймом. 31 мая 1978 г.

В салоне правительственного самолета с Л.И. Брежневым и др.

С премьер-министром Индии Индирой Ганди. Дели, февраль 1980 г.

Встреча с министром иностранных дел Эфиопии Ф. Гедле-Гиоргисом.
Второй слева — переводчик П.Р. Палажченко. Москва, 1981 г.

На 37-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 1982 г.

На переговорах с президентом США Рональдом Рейганом.
Вашингтон, Белый дом. 1984 г.

Обложка журнала «Тайм» с надписью «Жесткая линия Москвы». 25 июня 1984 г.

Человек-эпоха. Британская карикатура

С президентом Академии наук СССР А.П. Александровым. 4 декабря 1984 г.

Выступление на сессии
Верховного Совета СССР.
Июль 1985 г.

Встреча с Генеральным секретарем ООН Х. Пересом де Куэльяром. Москва, 1987 г.

В своем рабочем кабинете, МИД СССР

«Люди живут во времени»

Беседа с представителями журнала «Шпигель» Йоргом Р. Метке и Фритьофом Мейером.
Заречье, 10 апреля 1989 г.

На даче в Заречье

Мать Ольга Евгеньевна
и отец Андрей Матвеевич

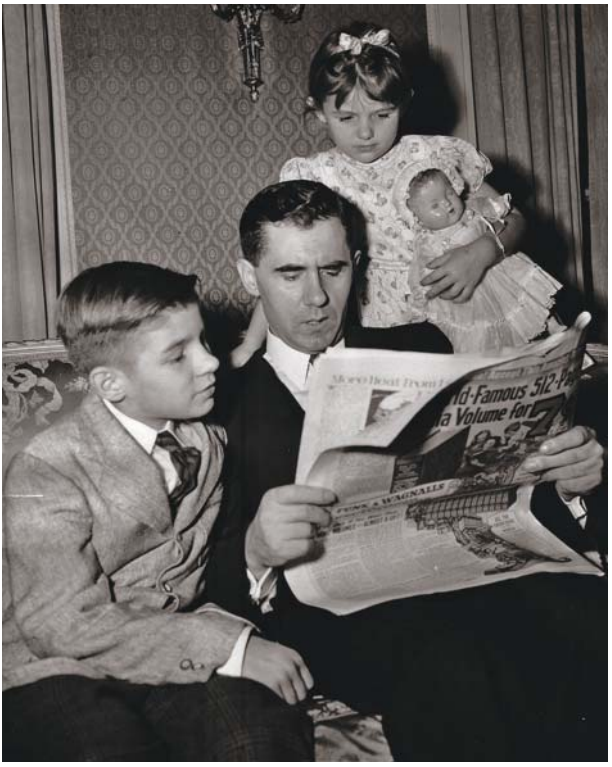
Дом семьи в деревне Старые Громыки.
Гомельская область, Беларусь

Могила отца, Андрея Матвеевича,
у деревни Старые Громыки

Молодая семья. Андрей Андреевич и Лидия Дмитриевна

А.А. Громыко с супругой.
США, Вашингтон, 1941 г.

С семьей на даче в Вашингтоне, 1942 г.

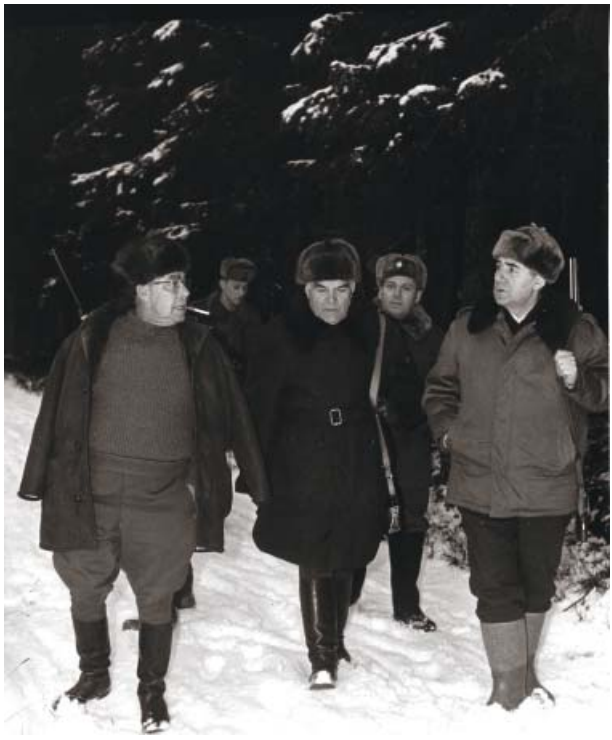


С сыном Анатолием
и дочерью Эмилией.
Нью-Йорк, США, 1943 г.

Возвращение из Сан-Франциско. Лидия Дмитриевна встречает мужа у самолета.
Слева – госсекретарь США Э. Стеттиниус. 1945 г.

После охоты и рыбалки с сыном Анатолием. 1957 г.

На даче во Внуково за рабочим столом. Середина 1960-х гг.



На охоте с Л.И. Брежневым

«Теперь я вас фотографирую». А.А. Громыко берет в объектив фотографов

С внуком Алексеем. Вашингтон, 1973 г.

С сыном Анатолием на фоне горы Аю-Даг. Крым, конец 1970-х гг.

70-летие А.А. Громыко. С женой и сыном Анатолием. 1979 г.

С семьей на даче в Заречье. 1986 г.

С сыном Анатолием.
Заречье, 1985 г.

С внуком Алексеем.
Мухалатка, Крым. 1984 г.

Лидия Дмитриевна перед стендом А.А. Громыко. Музей Победы на Поклонной горе. Москва, 2000 г.

Средняя школа № 1 им. А.А. Громыко. г. Ветка, Гомельская область, Беларусь

Стела А.А. Громыко
на Аллее Героев. Город Ветка,
Гомельская область, Беларусь

Бюст дважды Героя Социалистического Труда А.А. Громыко в Гомеле. Беларусь

«А.А. Громыко – без преувеличения, легендарная личность. Он по праву занимает достойное место в пантеоне великих деятелей прошлого столетия».

Сергей Лавров, министр иностранных дел России

«Бесспорно, что наш мир стал более безопасным местом благодаря деятельности Андрея Громыко».

Антониу Гутерриш, Генеральный секретарь ООН

«Международное сообщество будет долго помнить Андрея Громыко как серьезного, жесткого переговорщика, человека исключительной добропорядочности».

Сайрус Вэнс, бывший госсекретарь США

«[Громыко] стал незаменимым движущим колесом советской внешней политики, виртуозным советским дипломатом, исторический ореол которого не имел себе равных... Андрей Громыко был достойным человеком, человеком своего слова, верным достигнутым договоренностям. Несомненно, он был одним из наиболее способных дипломатов, с которыми мне приходилось иметь дело».

Генри Киссинджер, бывший госсекретарь США

В православной традиции есть понятие «катехон» – от греческого «удерживать». Некий субъект, историческая миссия которого – спасать мир. Если взглянуть на деятельность Громыко с этой точки зрения, то результат будет ошеломляющим. Его вполне можно назвать «советский катехон». Потому что именно усилиями Громыко был создан и долгое время поддерживался сравнительно безопасный и прочный мир, разрушение которого справедливо называют «величайшей геополитической катастрофой XX в.».

Газета «Аргументы и факты»

www.vesmirbooks.ru